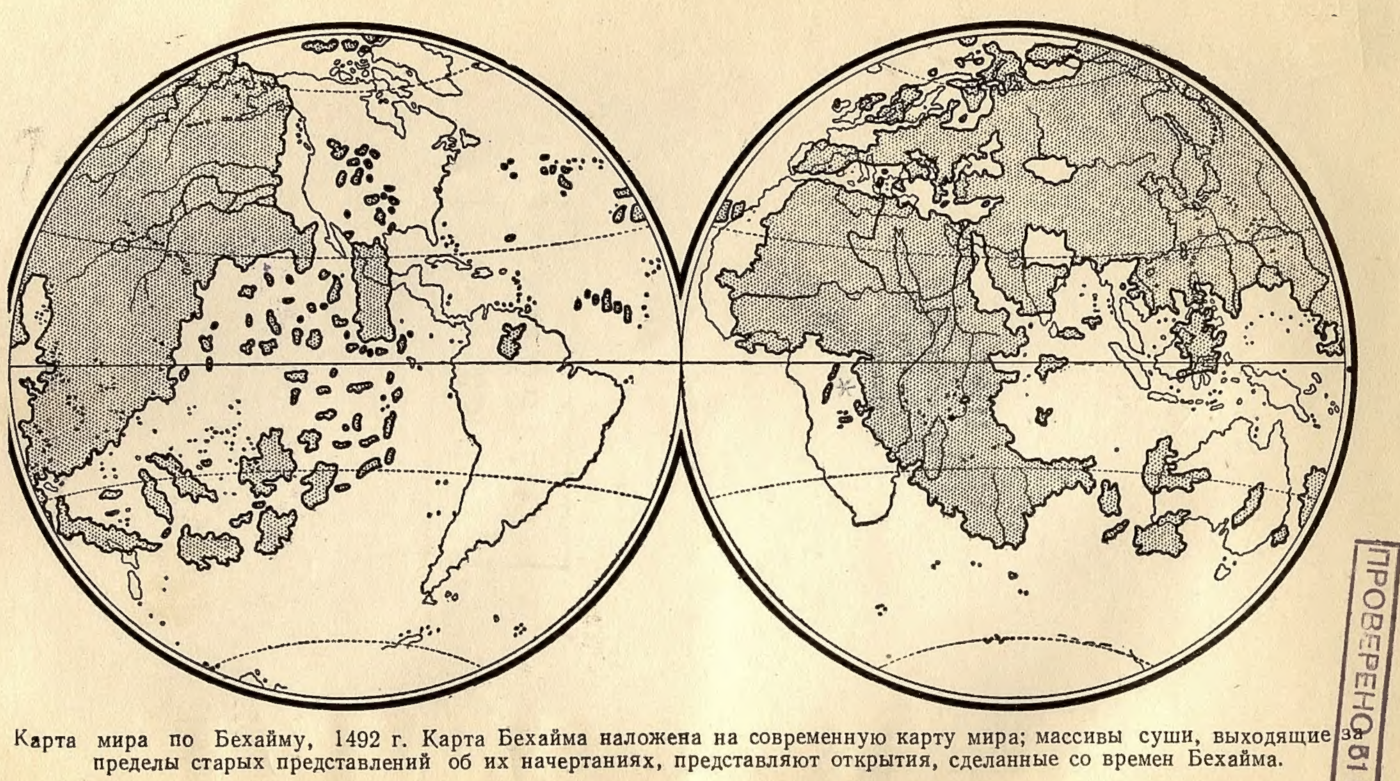
Дж. Бейкер

ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

И∗Л

Издательство
иностранной
литературы

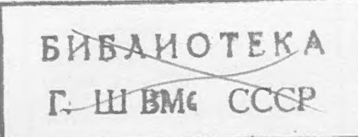


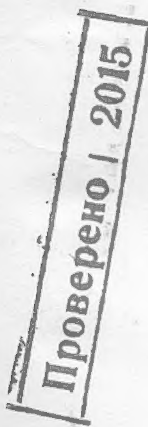
Карта мира по Бехайму, 1492 г. Карта Бехайма наложена на современную карту мира; массивы суши, выходящие за пределы старых представлений об их начертаниях, представляют открытия, сделанные со времен Бехайма.

Дж. БЕЙКЕР

ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

Перевод с английского
под редакцией и с предисловием
И. П. МАГИДОВИЧА





1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

A HISTORY OF GEOGRAPHICAL DISCOVERY AND EXPLORATION

by

J. N. L. BAKER

London

1945

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Предлагаемая в русском переводе книга преподавателя исторической географии Оксфордского университета Дж. Бейкера названа им «Историей географических открытий и исследований». Перевод сделан с последнего, исправленного издания, перепечатанного без изменений в 1945 г.

Из авторского введен...

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
10	1 сверху	Шиткова	Житкова
108	20 »	как казалось, сверху	как казалось сверху,
112	22 »	Пуэрто-Белы	Пуэрто-Бельо
165	19 »	какого-то пункта на ее побережье	какой-то точки
287	6—7 снизу	Шиткова	Житкова
289	4 »	К. В. Струве	О. В. Струве
314	2—3 »	капитанами Морехедом	капитаном Муршедом
342	10 сверху	Кириэ	Кэрии
343	10 снизу	Алтай	Алай
373	11 »	Бари	Шари
404	17 сверху	Таннепбек	Таппенбек
406	3, 6 и 7 снизу	Шниц	Шинц
434	10 сверху	Эдмонта	Эдмонтона
434	11 »	Белл	Белли
480	9 »	Бейкер-Чаннело	Бейкер-Чаннелом
508	Сноска, 3 снизу	Гиббон	Вильям

Заказ 34

...дальнейшие исследования бассейнов этих рек привели к так называемым вторичным открытиям).

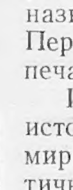
A HISTORY OF GEOGRAPHICAL DISCOVERY AND EXPLORATION

by

J. N. L. BAKER

London

1945



ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Предлагаемая в русском переводе книга преподавателя исторической географии Оксфордского университета Дж. Бейкера названа им «Историей географических открытий и исследований». Перевод сделан с последнего, исправленного издания, перепечатанного без изменений в 1945 г.

Из авторского введения к первой главе видно, что Бейкер под историей географических открытий понимает «эволюцию карты мира от ее самых простых, наиболее элементарных зачатков в античной древности до высокоспециализированной современной формы». Иными словами, автор ставит своей задачей не только рассказать о том, как *в общих чертах* сложилась карта мира (речь у него идет, конечно, о *физической*, а не политической или экономической карте мира), но и о том, как сложилась *современная* «высокоспециализированная» *топографическая* карта. Его интересуют не только открытия приблизительных контуров континентов, основных черт их рельефа и гидрографии и открытия важнейших архипелагов и отдельных островов, но и топографические съемки. А так как точные топографические съемки, основанные на триангуляции, начались в XVIII в., но особенного размаха достигли в XIX и XX вв., то Бейкер и разделил свой труд на две почти равные части: I — До девятнадцатого века, II — Девятнадцатый и двадцатый века (1800—1937 гг.) — почти до начала второй мировой войны. При этом несколько более обширной получилась вторая часть, что не мешает автору сожалеть о ее слишком сжатом изложении.

Между тем общеизвестно, что *открытия* берегов обитаемых континентов (за исключением северной береговой линии Америки) были уже в общем завершены к началу XIX в., что к этому же сроку были открыты и пройдены исследователями целиком или в большей части своего течения все сколько-нибудь значительные реки Европы, все великие реки Азии, Южной Америки (за исключением некоторых больших притоков Амазонки), Северной Америки (за исключением Юкона, Саскачевана и Колумбии), а из африканских великих рек — по крайней мере две из четырех — Нил и Нигер (позднейшие исследования бассейнов этих рек привели к так называемым вторичным открытиям).

Открыты были также и нанесены на карты (конечно, неточные) все великие озера Евразии и Северной Америки. Известны были также, хотя и в самых общих чертах (кроме Европы, изученной более детально), основные черты рельефа обитаемых континентов, за исключением Австралии. Иными словами, до XIX в. совершены уже были основные открытия обитаемых частей суши, а в удел XIX и нашему векам достались в основном открытия необитаемых приполярных пространств (арктических островов и Антарктиды), сухопутные (а в XX в. и воздушные) исследования малоизученных внутренних пространств континентов и океанографические исследования. Из обитаемых континентов к началу XIX в. только по Австралии совершенно не были известны ни основные черты ее рельефа, ни гидрография.

Таким образом, деля свою книгу, посвященную географическим открытиям и исследованиям, на две части указанного выше объема, Бейкер неизбежно сделал упор на географические исследования и допустил явный ущерб изучению хода географических открытий и особенно великих открытий. Колумбу, например, отведено всего пять страниц, открытию русскими Северной Азии в XVI—XVII вв.—четыре страницы и т. д. Повидимому, автор сознательно пошел на такое сокращение, так как начинает свое предисловие к первому изданию прямым указанием на наличие «многих превосходных трудов» по истории географических открытий, посвященных отдельным периодам или районам, но отмечает отсутствие всеобщей истории открытий и исследований.

Свой труд Бейкер рассматривает в первую очередь как учебное пособие для английских студентов. Такой учебной постановкой определяется характер изложения—в большинстве случаев очень сжатого, иногда напоминающего конспект. Сам автор отмечает эту черту своего труда в предисловии к 1-му изданию: «Некоторые части последних глав превратились в нечто вроде каталога отдельных достижений. Но и каталог—вещь полезная и, надеюсь, может помочь студентам изучать работу исследователей более подробно».

Замечание это, как легко убедится читатель, следует отнести не только к «части последних глав», но и ко всей книге Бейкера. Собственно говоря, это не столько учебник (textbook), сколько справочник (handbook) по истории географических открытий и исследований. С такой только точки зрения его и следует рассматривать; и как справочник он несомненно полезен и для советских специалистов-географов, и для широких советских читательских масс, интересующихся географическими открытиями и исследовательскими путешествиями. Для того чтобы быть историей открытий, работе Бейкера нехватает самого существенного: перечисляя различные экспедиции, организованные с целью от-

крытий или исследований тех или иных частей суши или мирового океана, он очень редко выясняет исторические причины такой исследовательской активности. Он знает за собой этот основной недостаток: в заключительной, самой короткой главе (стр. 489—493, англ. изд.), в переводе опущенной, он пытается, так сказать, задним числом выяснить «мотивы, которыми двигались путешественники». Но именно здесь он обнаруживает полную теоретическую беспомощность, что и заставило редакцию отказаться от перевода этой последней главы.

Для оправдания такого отказа достаточно привести два основных положения Бейкера: 1) «Совокупность мотивов, которыми двигались путешественники, мало меняется на протяжении столетий, хотя, вполне естественно, в отдельные эпохи на передний план выступают то те, то другие мотивы» (стр. 491, англ. изд.); 2) «Вообще, за редкими исключениями, невозможно выявить мотивы того или иного исследования, а искусственно выделять один мотив—это значит искажать человеческую природу и неверно понимать историю открытий» (стр. 492, англ. изд.). Иными словами, автор выставляет два антинаучных тезиса: 1) неизменность мотивов исследователей-путешественников во все времена, и 2) невозможность выявления этих мотивов.

При такой антиисторической установке нельзя написать историю географических открытий. Автор, повидимому, сам понимал это; по крайней мере, он заключает последнюю главу своего труда следующими фразами:

«...История географических открытий иллюстрирует огромную сложность взаимоотношений между человеком и географической средой. История—это нечто большее, чем простая летопись роста познания человеком поверхности земли; нечто большее, чем серия рассказов о приключениях; нечто большее, чем история распространения христианства среди язычников или экономического проникновения [в отсталые страны]...» Бейкер, таким образом, указывает на сложность задачи историка географических открытий, той задачи, с которой он, очевидно, не справился, и подчеркивает это завершающей его книгу цитатой, которая является самой резкой критикой его «Истории». Это цитата из «Истории географии и географических открытий» Вивьен Сен-Мартена, одного из крупнейших французских географов XIX в.: «Во все времена и у всех народов география следовала по пятам цивилизации и в некоторой степени служила мерилом ее прогресса... Исследование земного шара—не только одна из отраслей истории науки, но и отражение истории человечества» (стр. 493, англ. изд.).

Но если не обращать внимания на название, которое автор дал своей работе, и рассматривать ее не как историю географических открытий, а как справочник, то она

более, чем любая другая иностранная работа, отвечает тем требованиям, которые можно предъявить к изданиям такого типа.

Книга Бейкера, как выше указывалось, охватывает географические открытия и исследования с древнейших времен до нашей эпохи—до года выхода в свет второго переработанного издания (1937 г.). Несомненно, это лучшая из всех иностранных, посвященных данной теме работ, вышедших в XX в. Так оценил ее, между прочим, немедленно после выхода в свет 1-го издания (1931 г.) один из самых крупных французских географов, профессор Парижского университета Деманжон (недавно скончавшийся). В библиографической заметке в одном из периодических изданий он писал: «Этот в высшей степени ценный, широко документированный и насыщенный фактами труд отличается в то же время большой ясностью изложения и интересен многими оригинальными оценками автора. В настоящее время по обилию проработанного материала и по широте исторического охвата он занял совершенно исключительное место в географической литературе».

Действительно, при сравнительно небольшом объеме своего труда—благодаря крайней сжатости изложения—автор отмечает достижения примерно трех тысяч исследовательских экспедиций или отдельных путешественников. И при этом он приводит множество подлинных цитат из географических трудов, описаний путешествий, отчетов и других документов—от древнейших времен до XX в. включительно. Особенно часто он прибегает к цитатам в первой половине своего труда, излагающей ход открытий во всех частях света до конца XVIII в. Читатель найдет здесь цитаты из «Географии» Страбона, из книг Плано-Карпини, Рубрука, Марко Поло, Ибн-Баттуты и других знаменитых средневековых путешественников; выписки из корабельных журналов, отчетов или дневников участников морских экспедиций эпохи великих открытий—Васко да Гамы, Джона Кабота, Магеллана, Картье и др., из отчетов замечательных путешественников XVI—XVII вв., исследовавших внутренние области Северной и Южной Америки (Коронадо, Тейшейра и др.), и великих тихоокеанских мореплавателей XVII—XVIII вв. Кироса и Торреса, Беринга, Кука и др.

Во второй части этой работы, последние главы которой, по признанию самого автора, «превратились в нечто вроде каталога отдельных достижений», Бейкер все же нередко дает высказаться и самим путешественникам, в частности русским—Пржевальскому, Мушкетову, Радлову, В. А. Обручеву (правда, он пользуется главным образом переводами их работ). Но и пересказывая вкратце, своими словами, отдельные путешествия, характеризуя те или иные достижения, автор каждый раз документирует свои высказывания ссылками на ту или иную работу. Факты и даты, которые он приводит, в подавляющем большинстве случаев

очень точны, ошибок мало (замеченные оговорены в редакционных примечаниях), мало и голословных утверждений.

Необходимо подчеркнуть еще одно важное достоинство труда Бейкера, свидетельствующее о том, что он серьезный и добросовестный ученый: нет в его работе ни тени стремления умалить или обесценить великие достижения русских путешественников и советских экспедиций в деле изучения поверхности земного шара, а тем более умолчать о них. Напротив, автор полным голосом говорит о великом вкладе русских исследователей в дело открытия и исследования Северной и Центральной Азии, северных тихоокеанских стран, Антарктики. Есть в данной работе ряд существенных, даже досадных пробелов (см. ниже), но нет оснований думать, что они объясняются злой волей; здесь дело в том, что Бейкер вынужден был часто получать сведения о русских открытиях из иностранных географических журналов или из работ других иностранных авторов, которые, как правило, либо недооценивали, либо сознательно замалчивали великие достижения русских. Достаточно указать на такие распространенные книги (перечисленные и в библиографическом введении к книге Бейкера), как «История открытий и успехов научной географии в девятнадцатом веке» немца Гюнтера (1902 г.), «Как разворачивалась карта мира» (в русском переводе—«Как открывали земной шар») американца Аусвейта (1935 г.) и т. п.; в них можно найти относительно русских открытий только такой «обязательный минимум», без которого издание явно не будет отвечать своему назначению.

В отличие от таких авторов, Бейкер, сообщая о ходе исследований Сибири и всей вообще Северной Азии с 1500 по 1800 г., пишет (часть I, глава X, раздел 2):

«Продвижение русских через Сибирь в течение XVII в. шло с ошеломляющей быстротой. Успех русских отчасти объясняется наличием таких удобных путей сообщения, какими являются речные системы Северной Азии, хотя преувеличивать значение этого фактора не следует, и если даже принять в расчет все природные преимущества, то все же на долю этого безвестного воинства достается такой подвиг, который навсегда останется памятником его мужеству и предприимчивости и равного которому не свершил никакой другой европейский народ» (стр. 231).

Во второй части своей работы, продолжая сообщения о ходе исследований Северной Азии (глава XIII, раздел 1), Бейкер перечисляет ряд достижений выдающихся русских исследователей, о которых почти или совсем не упоминают другие буржуазные авторы, и указывает, кроме того, на большую роль в этих достижениях Русского Географического общества. Он называет и малоизвестные и очень известные имена: Бугодарского и Кропоткина, Старицкого, Лопатина и Чекановского, Хандачевского, Поля-

кова, Бунге и Толя, Богдановича и Черского, Шиткова и С. В. Обручева и т. д.

Говоря в разделе 2-м о «Русской Юго-Западной Азии» (т. е. о Средней Азии), он называет Карелина и П. П. Семенова-Тян-Шанского, Муравьева, Бутакова, Коншина и др. Переходя в разделе 3-м к «Юго-Западной Азии», в которую он включает и Кавказ, Бейкер подчеркивает крупную работу, проведенную русскими офицерами-топографами (Абих, Ходзько и др.). Он отмечает замечательную работу по исследованию Малой Азии выдающегося русского путешественника Чихачева, а по исследованию иранских стран—Ханыкова. Чрезвычайно высоко оценивает он русский вклад в исследование Центральной Азии и в первую очередь, конечно, роль Пржевальского (раздел 8 главы XIII).

«Характерной чертой для XIX в. является скорее большое число исследовательских экспедиций, чем из ряда вон выходящее значение какой-либо одной из них. Это верно—за одним крупным исключением. Имя одного из исследователей, а именно Пржевальского, выделяется из ряда всех других. Его путешествия, начавшиеся в 1871 г. и оборвавшиеся с его смертью в 1888 г., в корне изменили карту Центральной Азии. Его деятельность требует особого рассмотрения и может считаться поворотным пунктом во всей истории исследования этой территории. Поэтому мы и делим историю исследования Центральной Азии на три этапа: до, во время и после Пржевальского» (стр. 333).

Но гигантская фигура Пржевальского не заслоняет перед ним других фигур. Как его предшественников, он называет Семенова-Тян-Шанского, Валиханова и Северцова; из исследователей, действовавших одновременно с ним, выделяет Федченко, Падерина, Сосновского, Романовского, Мушкетова, Кропоткина, Певцова, Потанина, Позднеева; из последователей Пржевальского—Козлова, Роборовского, Грум-Гржимайло и Стрельбицкого, В. А. Обручева и др.

Океанографическую работу XIX в. (глава XVII, раздел 1) Бейкер вполне правильно открывает первой русской кругосветной экспедицией Крузенштерна—Лисянского и следующими за нею русскими же кругосветными экспедициями. В разделе 4-м этой же главы он подчеркивает огромную работу, проделанную Советским Союзом в деле изучения и освоения Арктики. Наконец, раздел 8-й, посвященный изучению Антарктики, он начинает, как и следует, изложением хода русской экспедиции Беллинсгаузена и ее достижений.

Наконец, к достоинствам работы Бейкера нужно отнести обилие текстовых маршрутных карт (42 из 50), правда, сильно упрощенных, но очень помогающих усвоению материала (они воспроизведены в русской транскрипции, но без каких-либо других изменений).

Итак, по совокупности своих достоинств труд Бейкера, несомненно, может считаться лучшим современным иностранным справочником по истории географических открытий и исследований. Но это не означает, что он лишен серьезных недостатков, и эти недостатки должен иметь в виду советский читатель при пользовании данной книгой.

Прежде всего, нужно отметить, что автор, употребляя слова открытие (discovery) и исследование (exploration), как будто различает эти понятия, но он не определяет и часто смешивает их. Кроме того, он не указывает, какими принципами он руководствовался при отборе из многих десятков тысяч известных путешествий тех, о которых он счел нужным упомянуть в своем труде. Правда, один из принципов отбора виден из содержания книги: автор ограничивает свою задачу рассмотрением «открытий и исследований», совершенных, в основном, только европейцами (или потомками европейских переселенцев в Северной и Южной Америке и Австралии), делая исключения для представителей неевропейских цивилизованных средиземноморских народов—египтян, финикиян и карфагенян и для арабов. Выпадают в связи с такой установкой все подлинные крупные открытия и исследования, совершенные в древности или в средние века другими цивилизованными народами, в частности китайцами, индийцами, малайцами. Несомненно, автор сам считал такое ограничение неправильным—по крайней мере в отношении китайцев; во втором издании своего труда, в дополнениях, он отводит немногим более полустраницы китайским исследователям (см. стр. 569 настоящего издания). Фактически эта короткая заметка представляет собой, так сказать, «вежливый жест», не более[1].

Отсутствие точных принципов отбора привело к тому, что наряду с действительно великими открытиями и важнейшими исследованиями земной поверхности в книге Бейкера упоминаются и маловажные, а иногда и просто ничем не интересные экспедиции или путешествия отдельных лиц (см., например, о японской экспедиции Сирасе в Антарктику на стр. 563). С другой стороны, из-за невыясненности того, что считать подлинным открытием и что считать только исследованием, автор несомненные откры-

[1] Здесь следует отметить огромную работу, которую проделали русские китаеведы XIX в., в частности Иакинф (Бичурин), в деле освещения китайских географических открытий в древности и средние века. Трехтомная работа монаха Иакинфа (Бичурина) «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (СПБ, 1851), основанная на китайских первоисточниках, представляет исключительной ценности материал не только для специалистов—историков и этнографов, которые к нему постоянно обращаются, но и для географов, специально изучающих первые этапы открытия и исследования Восточной и Центральной Азии, Туркестана и Южной Сибири.

тия древними цивилизованными народами—финикиянами и греками—Южной и Западной Европы (до Британских островов включительно) называет только исследованиями (см. разделы 1-й и 2-й главы I), а посещения английскими моряками в XVI в. (в поисках Северо-восточного прохода) Баренцова моря называет открытиями (см. раздел 2-й главы VIII), несмотря на то, что это море и области, прилегающие к нему, были уже в то время хорошо известны цивилизованному европейскому народу—русским. Эти же методологические недостатки приводят к весьма существенным пропускам—очень важных экспедиций или имен замечательных путешественников. Достаточно указать на следующие факты: автор из русских средневековых путешественников называет игумена Даниила—паломника в Палестину, но пропускает Афанасия Никитина (см. примечание на стр. 67). Он пропускает имена буквально всех испанских мореплавателей (кроме Урданьеты), совершивших в период от экспедиции Магеллана до первой экспедиции Менданьи (т. е. с 1521 по 1567 г.) ряд очень важных открытий в тропической Океании. Отдавая должное исключительно быстрым темпам продвижения и огромному размаху деятельности русских в открытии и исследовании Северной Азии, он рисует это грандиозное движение как, в основном, «безличное», называя имена только тех, кого он считает завершителями: Дежнева, Пояркова, Хабарова. Во всех таких случаях текстовые авторские указания на даты или на достижения той или иной экспедиции редакция дополняет примечаниями, в которых сообщаются имена путешественников. В важнейших случаях в примечаниях отмечаются пропущенные путешествия или исправляются неточности.

В авторский текст редакция не внесла никаких изменений или дополнений; не было и сокращений—за двумя-тремя ничтожными исключениями, но целиком опущена последняя, заключительная, глава, о которой говорилось выше.

Из библиографических примечаний автора сохранены только указания на важнейшие английские монографии или серийные публикации документов; исключены все ссылки на второстепенные работы, мало интересные для советского читателя, и на журнальные статьи, разбросанные по разным зарубежным периодическим изданиям. Зато в редакционных примечаниях широко привлечена литература на русском языке—как оригинальная, так и переводная. Редакция стремилась к тому, чтобы советский читатель, желающий расширить свои знания по истории географических открытий и исследований, мог найти в примечаниях указания на важнейшую русскую и советскую литературу, посвященную отдельным путешествиям, в частности на труды, составленные самими путешественниками. Несомненно, в этой редакционной библиографической работе очень много существен-

ных пробелов. По техническим соображениям, в частности чтобы чрезмерно не увеличить объема этой книги, редакция вынуждена была ограничиться только ссылками на отдельные издания путешествий или сборники документов и не давать ссылок на журнальные статьи и на главы трудов по другим, негеографическим дисциплинам, где излагается история специальных исследований (геологических, ботанических и т. д.). Но и монографическая русская литература о путешествиях лишь частично использована в редакционных примечаниях. В течение ряда столетий отдельные русские ученые, правительственные и научные учреждения и общества, писатели и переводчики отмечали все важнейшие этапы в деле исследования поверхности земного шара и, конечно, в деле исследования своей родины и прилегающих к ней стран. Как Геродота можно назвать отцом не только эллинской истории, но и эллинской географии, так и первых русских летописцев можно назвать родоначальниками русской исторической географии, дающими важнейший материал для изучения хода исследования Восточной и Северной Европы в средние века. С того времени интерес к делу географических исследований все возрастал, и он проявился в создании обширнейшей специальной литературы. К сожалению, общего систематического указателя такой литературы на русском языке пока еще нет. Редакция в состоянии была мобилизовать лишь небольшую часть этого огромного русского культурного наследства. Бóльших успехов, конечно, должны добиться специальные советские научно-исследовательские географические и библиографические институты и крупнейшие библиотеки Союза.

И. Магидович.

Часть первая

ДО ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА

Глава I

МИР, ИЗВЕСТНЫЙ ДРЕВНИМ СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ НАРОДАМ[1]

1. Введение

История географических открытий вводит нас в курс эволюции карты мира, начиная от ее самых простых, наиболее элементарных зачатков в античной древности до высокоспециализированной современной формы. Для того чтобы в нашем повествовании сохранить должную преемственность, нам незачем заглядывать в прошлое глубже истории древних греков, накопивших значительную сумму сведений о мире и сделавших для развития географической науки больше, чем какой-либо другой народ древности. Кое-что дали и другие народы, либо жившие по соседству с греками, либо непосредственно связанные со Средиземноморьем, но вклад их был относительно невелик или же сделан так давно, что затерялся всякий его след[2].

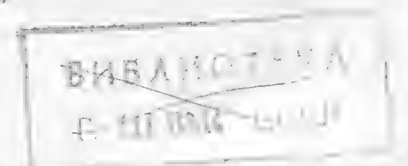
Первым народом, которым мы должны заняться, являются минойцы острова Крита, цивилизация которых распространилась по странам восточного Средиземноморья и, быть может, достигла даже берегов Атлантического океана. Географическое положение Крита благоприятствовало распространению его культуры. Минойцы вошли в соприкосновение с Египтом и начали товарообмен с ним уже за 2000 лет до н. э. Позже они познакомились с Кипром и Левантом[3] на востоке, Сицилией и Италией на западе. Быть может, они узнали кое-что и о всей западной

---

[1] При составлении главы I автор пользовался в основном указанными ниже английскими работами Банбери, Тозера и Кари, которые он называет для этого периода «образцовыми» (standard authority).—*Прим. ред.*

[2] Автор недооценивает вклад в развитие географической науки египтян и древних цивилизованных народов Передней Азии. Совершенно игнорирует он открытия древних цивилизованных народов Южной Азии, а китайцам отводит менее одной страницы в дополнениях (см. стр. 569). В этом проявляется ограниченность, характерная для европейских и американских буржуазных историков географических открытий: они считают географическим открытием лишь первое знакомство цивилизованных народов европейской культуры с любой внеевропейской страной и, как правило, игнорируют открытия других цивилизованных народов.—*Прим. ред.*

[3] Под неопределенным термином «Левант» подразумеваются страны, лежащие по крайнему восточному побережью Средиземного моря: Малая Азия, Палестина, Сирия, иногда также Египет и Киренаика.—*Прим. ред.*



части средиземноморского бассейна, но утвердительно сказать этого мы не можем. Во всяком случае, то расстройство, в какое пришел средиземноморский мир к 1000 г. до н. э., привело к прекращению деятельности минойцев[1].

Ведущая роль в области географических исследований перешла от минойцев к финикиянам. Этому способствовало то, что Финикия обладала рядом географических преимуществ. Береговая линия восточной части Средиземного моря севернее мыса Кармел сравнительно более изрезана: подступающие к морю горы создают мысы и острова, образующие достаточно удобные гавани для глубоко сидящих судов, в то же время к югу от мыса Кармел удобных естественных гаваней нет, а приносимый реками с североафриканского побережья ил создает совершенно непреодолимые препятствия для судоходства. Финикийские города выросли на этой северной части побережья в самом виду острова Кипра, в свою очередь имевшего удобное сообщение с Малой Азией и Эгейским морем. Основу торговли составляли местное сырье, как-то: ливанский кедр, песок для изготовления стекла или же моллюск-багрянка, из которого добывался пурпур, а через горы и вдоль прибрежной равнины шли дороги, ведшие к более богатым странам—Месопотамии и Египту. Есть предположение, что населявший Финикию народ пришел туда с Персидского залива, где уже давно приобрел мореходные навыки, и что успехи финикиян отчасти объяснялись заимствованиями у населения Кипра, которое в свою очередь само научилось многому у критян (минойцев)[2].

Финикийские путешественники заходили не так далеко, как иногда принято думать[3]. В бассейне Средиземного моря финикияне стали господствующей силой в странах Леванта к 1200 г. до н. э., а вскоре после этого вытеснили минойцев и из западной части Средиземного моря.

---

[1] О минойской (критской) культуре см. *В. С. Сергеев*, «История древней Греции», 1948, гл. III—Культура Крита. *Там же*, Библиография (стр. 500—501).—*Прим. ред.*

[2] О финикийской культуре см. *В. И. Авдиев*, «История древнего Востока», 1948, гл. XII—Сирия и Финикия. *Там же*, Библиография (стр. 553—554). Об египетских походах в южном направлении см. *В. Тураев*, «История древнего Востока», т. I, 1936.—*Прим. ред.*

[3] Мнение автора о том, что «финикийские путешественники заходили не так далеко, как иногда принято думать», изложено в очень неопределенной форме и может дать повод к недоразумениям. Большинство историков считает, что финикияне первыми из средиземноморских народов выходили в западном направлении далеко за Столбы Мелькарта (Гибралтарский пролив) и достигали берегов Бискайского залива, а может быть, и Британских островов; что они в юго-восточном направлении выходили далеко за пролив Баб-эль-Мандеб — в страны, омываемые Индийским океаном; что, наконец, они первые (на египетской службе) совершили круговое плавание вокруг Африки.—*Прим. ред.*

На смену финикиянам пришли греки. Их работа отличалась большей систематичностью, их знания—большей достоверностью. Первоначальные географические представления греков, как они рисуются нам из гомеровского эпоса, еще чрезвычайно ограниченны, и хотя на общем фоне поразительно четко выделяются отдельные факты, как, например, рассказ о съедобных лотосах в африканском Триполи, о Харибде (Мессинском проливе), о ветрах и погоде на Средиземном море,—географический горизонт греков не уходил далеко от самой Греции.

Начавшаяся около 800 г. до н. э. замечательная экспансия Греции способствовала большому росту географических знаний. В результате не объединенных какой-либо системой странствий рыбачьих судов, купцов, пиратов и колонистов греки постепенно распространились по всему Средиземному морю и к 500 г. до н. э. создали себе некое общее представление о всех его берегах. Египет и берега Киренаики стали известны к 650 г. до н. э., Сицилии греки достигли к 800 г. до н. э., Гибралтарский пролив был открыт Колеем около 650 г. до н. э.[1], а Массилия (теперь Марсель) была основана около 600 г. до н. э. Греческие купцы торговали в Адриатическом море, в особенности по его восточному берегу, и писавший около 500 г. до н. э. Гекатей опирался на собранные ими сведения. В Черное море греческих купцов влекла рыба, так же как и полезные ископаемые северной полосы Малой Азии, и уже начиная с 800 г. до н. э. они начали накоплять все больше сведений о его побережье[2].

2. Морские путешествия

Единственным связующим звеном между отдельными греческими колониями было море, и географическое знание сделало свои первые успехи именно на этом поприще. По этой причине мы в первую очередь займемся морской экспансией греков и для этой цели прежде всего бросим взгляд на Эритрейское море (как в древности назывался Индийский океан). Пионерами в деле исследования этого района были мореходы Египта и месопотамских царств. Финикияне ходили на своих «тартесских[3] судах»

[1] Неправильно приписывать греку Колею открытие Гибралтарского пролива около 650 г. до н. э., т. к. старейшие финикийские колонии за проливом были основаны во всяком случае гораздо раньше.—*Прим. ред.*

[2] Восточные и южные берега Черного моря известны были за много столетий до греков древним цивилизованным народам Передней Азии—ассирийцам и хеттам. Реконструкцию карты Гекатея (V в. до н. э.) см. *Салищев*, «Основы картоведения», часть историческая, стр. 19.—*Прим. ред.*

[3] От финикийской колонии Тартес (Таршиш) в Испании; термин «тартесские суда» употреблялся, повидимому, как нарицательное название для судов дальнего плавания, подобно тому как в Англии употреблялся термин «ост-индские суда».—*Прим. автора.*

по водам Красного моря задолго до греков. Но уже около 510 г. до н. э. персидский царь Дарий послал грека Скилакса исследовать реку Инд. По сохранившимся сведениям, Скилакс отправился вдоль реки на восток до ее впадения в море (впрочем, это может относиться к отправной точке Скилакса, т. е. к реке Кабул)[1], а потом достиг Красного моря. Результаты его путешествия несколько неясны, и некоторые авторитеты отрицают, что оно вообще имело место; с другой стороны, если стать на ту точку зрения, что путешествие Скилакса вымышлено, трудно объяснить, откуда у Геродота могли взяться его сведения о Южной Аравии[2].

Более крупное значение имело путешествие Неарха, предпринятое с целью перевозки части армии Александра Великого из Индии в Персидский залив. Неарху было поручено подробно изучить свой маршрут. Он выполнил поручение настолько добросовестно, что, несмотря на изменения в береговой линии, мы до сих пор можем опознать множество описанных им точек. Путешествие от Инда до Тигра отняло пять месяцев, правда, включая две большие задержки, одну в «порту Александрии» (быть может, где-то вблизи современного Карачи, но не обязательно на том же месте) и вторую в самом конце пути, в устье реки Ситак. Неарху помогал местный лоцман, одно присутствие которого указывает на то, что путешествие не было настоящим открытием[3].

Александр задумал исследование берегов Аравии, но до его кончины в 323 г. до н. э. удалось осмотреть лишь западный берег Персидского залива, восточный берег Красного моря и побережье Хадрамаута.

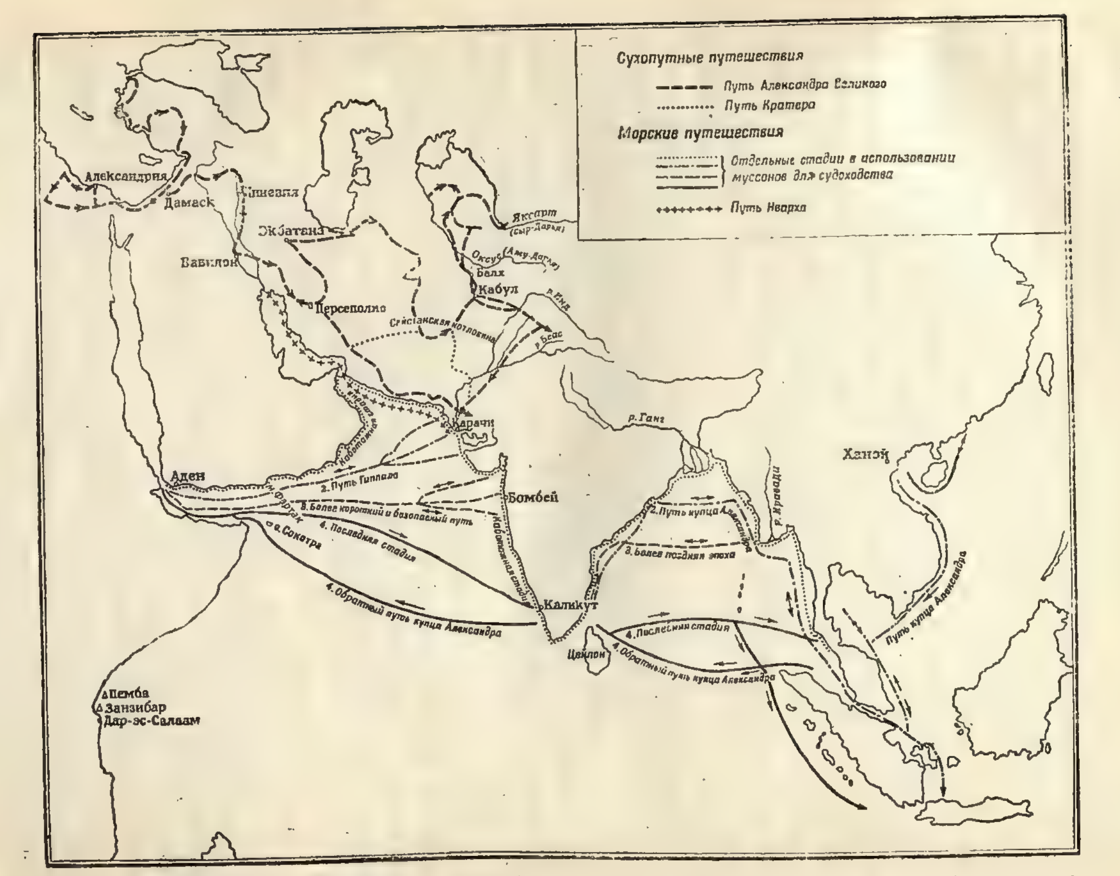
Вскоре после этого за исследование Красного моря принялась династия Птолемеев в Египте (323 г. до н. э.). В течение следующего столетия в этой области были сделаны большие успехи. Частым делом стали посещения Сомали, а также прилегающей к Красному морю полосы Египта. Исследование носило отчасти военный характер и получило большой толчок от торговли слонами. Но когда со стороны западного Средиземноморья вырос спрос на предметы роскоши, торговля слонами

---

[1] Скилакс начал свой путь от одной из Александрий (городов, основанных Александром Македонским) на притоке Инда—Кабуле, который течет в восточном направлении. Русский перевод (с греческим текстом) «Перипла» Скилакса сделан *М. Палеологом* («Записки Одесского Общества Истории и Древностей», IV, 1853).—*Прим. ред.*

[2] Геродот мог получить сведения о Южной Аравии не из греческого источника, а от египтян, которые пользовались услугами финикийских моряков.—*Прим. ред.*

[3] Плавание Неарха совершено было в 326 г. до н. э. Под рекой Ситак нужно понимать не Тигр, как можно ошибочно заключить из текста, а Евфрат (г. Вавилон, куда Неарх должен был перевезти часть армии Александра Македонского, лежал на Евфрате).—*Прим. ред.*



1. Исследование Азии во времена древней Греции и Рима (по М. Кари и Э. Х. Уормингтону).

уступила место торговле менее громоздкими товарами, и греки стали совершать более длинные путешествия, приведшие их в конце концов в Индию.

Первым посетившим Индию греком из Египта был Евдокс. Во время первого путешествия Евдокса в Индию (около 120 г. до н. э.) его сопровождал индиец, судно которого занесло ветрами от берегов Индии к берегам Африки. Во время второго путешествия Евдокса (около 115 г. до н. э.) ветры отнесли его самого в сторону от пути, по которому он направлялся, и прибили к берегам Эфиопии. Здесь он нашел обломки судна, которое, как говорили, пришло из Гадиры (Гадес или Кадис), в связи с чем он решил предпринять свое третье путешествие в Индию из Испании. Евдокс отправился в плавание вдоль берега Марокко. Собранные им сведения убедили его в том, что задача была осуществимой. Он вернулся для подготовки более крупной экспедиции, но погиб, и после этого его предприятие стали считать сказкой.

Установление римского владычества в Египте после 30 г. до н. э. и рост торговли предметами роскоши повели к оживлению торгового оборота на Индийском океане и к открытию морского пути в Индию. Вначале торговцы шли, все время прижимаясь к побережью, от выхода из Красного моря до какого-либо порта на восточном побережье Индии. Такого рода путешествие было долгим, медленным и дорогостоящим предприятием. Лишь в начале правления Тиберия (14—37 г. н. э.) купец Гиппал использовал муссоны для плавания прямо от мыса Фартак[1] к дельте Инда. Это было открытием первостепенного значения, и по поводу него один из историков сказал, что «Гиппал заслуживает не менее почетного места в римских анналах, чем то, какое Колумб занимает в новой истории» (Шофф)[2]. В дальнейшем его превзошли купцы, которые, начав с рейсов от какого-либо пункта вблизи Адена до места, где теперь находится Бомбей, кончили (около 50 г. н. э.) рейсами от Адена до портов южного побережья Индии. Результатом этих открытий был значительный рост торговли на Индийском океане и заметный рост географических знаний.

[1] У берегов Аравийского полуострова есть два мыса Фартак: один в северной части Красного моря, против южного выступа Синайского полуострова, другой—у выхода из Аденского залива, против восточного выступа Сомалийского «рога». В тексте, очевидно, идет речь о втором (южноаравийском) мысе Фартак.—*Прим. ред.*

[2] Шофф—немецкий комментатор «Плавания вокруг Эритрейского моря». Его оценку «открытия» Гиппала следует признать чрезмерно преувеличенной: 1) древние аравитяне задолго до Гиппала пользовались муссонами для плаваний в Индию; 2) для римлян торговля с Индией никогда не играла такой роли, как для европейцев торговля с Америкой, даже в XVI в., непосредственно после открытий Колумба.—*Прим. ред.*

Изменившаяся обстановка нашла себе отражение в важном труде «Плавание вокруг Эритрейского моря»[1], написанном около 60 г. н. э., повидимому, в качестве пособия для купцов. В этом сочинении описывается берег Африки на значительном расстоянии южнее мыса Гвардафуй и примерно до острова Занзибар. Точно и в мельчайших деталях описаны также южное побережье Аравии и большая часть западного побережья Индии. Сведения о территориях за этими пределами менее точны, хотя автор слышал о Цейлоне, Малайском полуострове и Китае[2]. Он упоминает о китайской торговле шелком и говорит, что она ведется по двум путям, один из которых идет через Центральную Азию в Бактрию, другой же пересекает хребты, отгораживающие Индию, и следует долиной Ганга. Из этого вытекает, что в то время, когда составлялось «Плавание вокруг Эритрейского моря», римские купцы не знали, что до Китая можно было добраться морем.

В течение столетия, последовавшего за составлением «Плавания», греки и римляне дошли до крайних доступных им пределов Индийского океана. Вдоль африканского побережья купцы дошли до Занзибара и даже, быть может, до места, где теперь стоит Дар-эс-Салам[3]. Посещение некоторых наиболее важных городов Индии способствовало росту знаний о стране в целом. Во время правления Адриана (117—138 гг. н. э.) купцы проложили морской путь через Бенгальский залив, в 166 г. установили прямую связь с Китаем и достигли порта Каттигары (Ханой?) в Индокитае.

Однакоже собранные купцами сведения были приведены в состояние полной путаницы географами. Птолемей наделал немало ошибок в географии Дальнего Востока и вообразил, что против китайского побережья лежит еще один материк, смыкающийся на юге с Африкой, превращая таким образом Индийский океан в обширное озеро.

В противоположность этой экспансии на Индийском океане, в Атлантическом океане греки и римляне продвинулись сравнительно мало. Есть предположение, что один-единственный греческий купец Мидакрит в поисках олова достиг Бретани или Корнуолла еще до 500 г. до н. э., но предприятие его носило изолированный характер и повторению попыток этого рода помешало возвышение Карфагена.

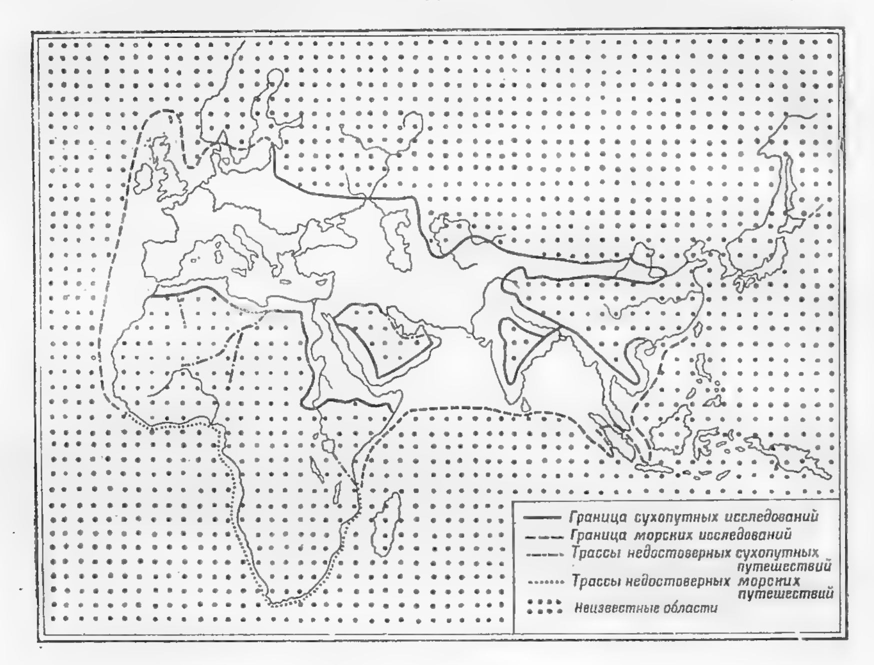
---

[1] Русский перевод: *Псевдо-Арриан*, «Плавание вокруг Эритрейского моря», «Вестник древней истории», 1940, № 2.—*Прим. ред.*

[2] Т. е. автор «Плавания» слышал о большом острове к югу от Индии, о земле, замыкающей на востоке «Эритрейское море», и стране где-то на востоке Азии, откуда идет шелк. Конечно, в «Плавании» нет названий, приведенных в тексте.—*Прим. ред.*

[3] Т. е. до выступа африканского берега между островами Занзибар и Мафия.—*Прим. ред.*

Карфагеняне совершили по меньшей мере два крупных атлантических путешествия. Около 500 г. до н. э. Гимилькон посетил западные берега Европы и достиг Ирландии. Из туманных и неудовлетворительных сведений об этом путешествии, сохраненных для потомства Авиеном в его произведении «Ora maritima» (Морские берега, IV в. до н. э.), можно предположить, что карфагенянин Гимилькон нето исследовал Атлантический океан, нето



2. Мир, известный древним.

был отнесен ветром к Саргассову морю. С другой стороны, Кари[1] считает, что оба предположения неосновательны, что карфагеняне так далеко никогда не заплывали, и доказывает, что все упомянутые у Авиена явления можно найти близ Гадиры (Кадиса). При всех условиях ясно, что, каков бы ни был конечный пункт путешествия, само по себе оно остается малозначительным.

Более успешной была экспедиция Ганнона, посланного около 470 г. до н. э. для основания карфагенских поселений по западному побережью Африки. По дошедшим до нас и, без сомнения, преувеличенным сведениям, он взял с собой 30 тыс. человек.

---

[1] *Кари* и *Уормингтон* (Cary and Warmington)—историки древних географических открытий, авторы книги «The Ancient Explorers» (1929). — *Прим. ред.*

Ему удалось организовать карфагенскую колонию на западном побережье Африки и продвинуться с целью исследования на юг вплоть до Сьерра-Леоне. Географическая характеристика побережья, описание степных пожаров внутри страны и горилл (точнее—шимпанзе) не оставляет сомнений в подлинности путешествия, но впоследствии оно обросло различного рода баснями, и у Плиния уже выходит, что Ганнон обогнул Африку и дошел до Аравии[1].

Примерно в то же время, когда Неарх плавал в Индийском океане, Пифей открыл грекам Британию. Пифей был купцом из Массилии (нынешнего Марселя) и искусным астрономом. Он замечательно точно определил широту Массилии и сделал ряд чрезвычайно ценных наблюдений над приливами в Атлантическом океане. Наиболее важной его заслугой является открытие им пути в Британию. Он отплыл из Массилии, прошел вдоль берегов Испании и Франции и, повидимому, обогнул Британию. Вдобавок к этому он произвел ряд коротких путешествий в глубь Британии и собрал сведения о более отдаленной стране под названием «Туле», лежащей в шести днях плавания от Британии. Возможно, что они относились к Исландии[2]. После этого он отправился дальше вдоль побережья Северной Германии, но как далеко он зашел, остается неясным. Некоторые считают, что он достиг Балтийского моря, другие же (и, вероятно, более правильно) считают, что пределом его путешествия была река Эльба.

Нет никаких оснований ставить под сомнение подлинность путешествия Пифея, хотя некоторые географы, как, например, Страбон[3], считают его вымышленным. С другой стороны, поразительный рост знаний о Западе между временем «Перипла» Скилакса (примерно 336 г. до н. э.) и работой Эратосфена[4] (около 240 г. до н. э.) должен был на чем-то основываться; и даже если оставить в стороне вопрос о достоверности сохранившихся записей путешествия Пифея, все же вполне логично связать этот рост знаний с его путешествиями.

Никакого движения вперед в области исследования Атлантического океана после этого долгое время не замечалось. Лишь

---

[1] Точную дату колониальной экспедиции Ганнона I нельзя установить: академик В. Струве относит ее к VI или V в. до н. э. Запись об этой экспедиции дошла до нас в форме «приключенческого романа», в котором истина переплетается с вымыслом. Русский перевод «Перипла» («Плавания») Ганнона см. в сборнике «Древний мир», ч. 1, Восток, 1915.—*Прим. ред.*

[2] Кари отрицает это и считает, что речь идет не об Исландии, а о Норвегии.—*Прим. автора.*

[3] Русский перевод: *Страбон*, «География в 17 книгах», пер. Мищенко. Обвиняя Пифея в преувеличениях и лжи, Страбон все же признает его заслуги.—*Прим. ред.*

[4] См. статью «География Эратосфена», журнал «Землеведение», 1929, IV. —*Прим. ред.*

в I в. до н. э. заморские купцы, на этот раз уже не финикийского и не карфагенского происхождения, достигли «Оловянных островов» (Силли)[1], но самое путешествие это не имело большого значения. Новая эра открылась со вторжением Юлия Цезаря в Британию[2]. С тех пор Британия стала регулярно посещаться, и исчезла окутывавшая ее тайна. После 43 г. н. э. римские военачальники предприняли систематическое покорение Британии, тем самым практически изучив в географическом отношении почти весь остров.

Тем временем римский флот добрался до северного побережья Германии, в 12 г. до н. э. достиг Эмса, а в 5 г. н. э.—проливов, ведущих в Балтийское море. Здесь лег крайний восточный рубеж исследований Атлантического океана в древности.

Что касается африканских островов, то Канарские острова, которые почти наверное были известны карфагенянам, были основательно исследованы Юбой после 25 г. до н. э.[3], остров же Мадейра, до которого суда доходили, быть может, еще в V в. до н. э., был вновь открыт в 80 г. до н. э. За последнее время была сделана попытка доказать, что карфагеняне доходили и до Азорских островов; но имеющиеся свидетельства, а именно форма монет, еще не являются достаточным доказательством, и проникновение средиземноморских моряков так далеко на запад остается под сомнением.

Нам остается еще рассмотреть несколько путешествий, целью которых было обогнуть африканский континент. О том, как далеко заплывали финикияне в Индийском океане, точных данных у нас нет; но мы все же можем предположить, что они доходили до входа в Красное море. Некоторые комментаторы считают, что финикияне заходили гораздо дальше, а если верить Геродоту, то они на своих судах первыми обогнули Африку.

[1] Острова Силли—маленький архипелаг близ юго-западного выступа полуострова Корнуолла, у 50° с. ш. С «Оловянными островами» (Касситеридами) другие историки отождествляют и иные местности Западной Европы: полуостров Корнуолл, северо-западные прибрежные районы Пиренейского полуострова и т. д.—*Прим. ред.*

[2] Описание вторжения римлян в Британию (в 55—54 гг. до н. э.) дано Юлием Цезарем в его «Записках о галльской войне», в книгах 4-й, гл. 20—36 и 5-й, гл. 8—23. Цезарь указывает, что после его первого вторжения в Британию «на основании его донесения по поводу этих событий сенат определил двадцатидневное молебствие» (Записки, IV, 38). Переводчик «Записок» Цезаря на русский язык академик М. М. Покровский в своем комментарии указывает: «Эта чрезвычайная почесть со стороны сената объясняется тем, что в данном (55) году Цезарь открыл для римлян две до сих пор не известные им страны—Британию и Германию». (См. «Записки Юлия Цезаря», изд-во АН СССР, 1948.)—*Прим. ред.*

[3] Юба II, царь нумидийский, после присоединения Нумидии к римской провинции—Африке (25 г. до н. э.) был назначен римлянами правителем Мавритании и организовал там экспедицию на Канарские острова.—*Прим. ред.*

Геродот рассказывает, что фараон Нехо[1] послал финикиян в экспедицию к восточному берегу Африки и что начальник их вернулся через Гибралтарский пролив (около 600 г. до н. э.). Путешествие продолжалось два года; географические условия не исключают возможности такого рода путешествия; проблема же продовольствия, представлявшая столько трудностей для мореплавателей во все времена вплоть до совсем недавнего времени, разрешалась тем, что экипаж высаживался, сеял зерно и ждал его созревания.

Вокруг этого путешествия возникла большая полемика, и вывод таков, что его нельзя ни доказать, ни опровергнуть. С пользой можно сказать по этому поводу только то, что оно не оказало большого влияния на последующую географическую мысль и совсем никакого—на человеческую деятельность[2].

Около 485 г. до н. э. персидский царь Ксеркс отправил морскую экспедицию с целью обогнуть Африку. Руководителем этой экспедиции был Сатасп, который отплыл в обратном финикиянам направлении, т. е. через Гибралтарский пролив, и достиг страны пигмеев. Далее плавание стало настолько затруднительным, что Сатасп был вынужден вернуться. В реальности этих трудностей не может быть никаких сомнений, и можно предположить, что Сатасп рассказал правду о своем путешествии. Во всяком случае, приводимых им для этого данных достаточно. По возвращении Сатасп поплатился жизнью за то, что не осу-

---

[1] Египетский фараон Нехо (Нехао) II, 610—594 гг. до н. э.—*Прим. ред.*

[2] Геродот в своей «Истории» (VI, 42) так говорит об этом замечательном плавании: «Ливия [Африка], оказывается, кругом омывается водою, за исключением той части, где она граничит с Азией; первым доказал это, насколько мы знаем, египетский царь Нехо. Приостановивши прорытие канала из Нила в Аравийский залив, он отправил финикиян на судах в море с приказанием плыть обратно через Геракловы Столбы (Гибралтарский пролив), пока не войдут в Северное (Средиземное) море и не прибудут в Египет. Финикияне отплыли из Эритрейского моря и вошли в Южное море. При наступлении осени они приставали к берегу и, в каком бы месте Ливии (Африки) ни высаживались, засевали землю и дожидались жатвы; после уборки хлеба плыли дальше. Так прошло в плавании два года и только на третий год они обогнули Геракловы Столбы и возвратились в Египет. Рассказывали также, чему я не верю, а другой кто-нибудь, может быть, и поверит, что во время плавания кругом Ливии финикияне имели солнце с правой стороны. Так Ливия стала известна впервые». Итак, огибая с юга «Ливию» и двигаясь при этом с востока на запад, финикийские моряки «имели солнце с правой стороны», т. е. на севере. Именно этот факт, казавшийся неправдоподобным Геродоту, жителю северного полушария, подтверждает, что финикияне действительно пересекли экватор, шли через воды южного полушария и обогнули с юга Африку, двигаясь в западном направлении

Нельзя согласиться с той низкой оценкой значения этого путешествия, которую дает в тексте автор. Из трех крупнейших античных географов, чьи труды дошли до нас, только Птолемей игнорировал сообщение Геродота, а двое других—Помпоний Мела и Страбон—считали, что «Ливия» со всех сторон окружена морем.—*Прим. ред.*

ществил полностью возложенную на него задачу. О третьем путешествии, а именно Евдокса, мы уже говорили в связи с его индийскими плаваниями, и на этом, собственно, прекратились попытки обогнуть Африку. Мир классической древности пришел к заключению: что не сделано, то и не могло быть сделано Птолемей же совершенно произвольно срезал западное побережье Африки у нижнего края своей карты и запер все входы в Индийский океан огромным массивом неизвестной суши.

3. Сухопутные путешествия

Азия является тем континентом, который лучше всего был изучен в эпоху классической древности, и по этой причине с него мы и начинаем историю сухопутных исследований. И здесь, как на Индийском океане, пионерами были не греки. Ассирийские армии проникли в самые сокровенные уголки Армении и Малой Азии и дошли до границ Египта, в то время как египтяне, в свою очередь, познакомились с окружавшей их территорией вплоть до долин Евфрата и Тигра.

Возникновение и рост греческих колоний на берегах Малой Азии, а также их торговая деятельность, естественно, повели к изучению греками этих областей, но Месопотамии они достигли, видимо, не ранее 600 г. до н. э. Возвышение Персидского царства расширило возможности греков в этом направлении, а большая царская дорога через всю Малую Азию до Суз открыла им удобный доступ. Отражением этих новых связей, быть может, и являются писания Гекатея (около 500 г. до н. э.), собравшего коекакие сведения о западной Индии, Персидском заливе, Каспийском море и упомянувшего первым название реки Инд.

Греки продолжали часто посещать Азию, и когда Геродот писал свою «Историю»[1] (около 443 г. до н. э.), он уже был в состоянии прибавить много нового к географии этого континента. Некоторые части его, как, например, Месопотамию, он знал из личного опыта; для описания частей Персидского царства он пользовался, повидимому, некоторыми официальными и статистическими материалами. Он приводит также много сведений о странах к северу от Черного моря. Он мог это сделать потому, что к тому времени греки уже проникли на восток в Задонские степи (Дон считался тогда границей Азии) и узнали кое-что об огромных равнинах, тянущихся на север до Уральских гор[2]

---

[1] Русский перевод: *Геродот*, «История» в девяти книгах, 2-е изд., 1888. О Геродоте см. монографию *С. Лурье*, «Геродот», 1947.—*Прим. ред.*

[2] Греки ошибочно предполагали, что к северу от Задонских степей, с запада на восток, протягиваются Гиперборейские горы. Неправильно поэтому отождествлять эти горы с Уральским хребтом, который протягивается с севера на юг.—*Прим. ред.*

и переходящих на востоке в настоящую пустыню. Греки создали себе также в общем правильную и подробную картину очертаний Кавказских гор и Каспийского моря.

Греки расширяли свои знания об Азии и в других направлениях. Ктесий (около 398 г. до н. э.) дал сведения о дорогах из Малой Азии в Индию, а пребывая при персидском дворе, собрал об Индии чрезвычайно приукрашенные сообщения[1]. Походы греческих армий в Малой Азии и Армении, так живо описанные Ксенофонтом, повели к более глубокому и подробному ознакомлению с малодоступными горными областями, через которые они прошли[2].

Решающим событием в ходе накопления географических знаний был, конечно, великий поход Александра Македонского из Греции в Индию[3]. Нам нет необходимости прослеживать шаг за шагом этот поход по странам в общих чертах знакомым — Малой Азии, Сирии и Месопотамии. В 331 г. до н. э. он разбил Дария в битве при Арбеле к югу от Ниневии, пересек горы западной Персии и достиг Персеполя, где и перезимовал. Следующей весной Александр двинулся на Экбатаны (теперешний Хамадан)[4], где и создал склады для обеспечения задуманного им покорения остальной части Персидского царства. После нескольких небольших кампаний в трудной горной области к югу от Каспийского моря Александр двинулся со своими войсками на восток в Бактрию, но на пути туда вынужден был уклониться на запад, что привело его к Сеистанской котловине в Персии. Возвратившись к долине Гильменда, он достиг подножия Гиндукуша, где вновь перезимовал. В начале 329 г. до н. э. Александр перешел через Гиндукуш на Балх и достиг долин Оксуса (Аму-Дарьи) и Яксарта (Сыр-Дарьи). Последняя является крайним рубежом его проникновения в глубь Центральной Азии, и в то время ее не только считали границей Азии, но и отождествляли с южно-русским Доном. Отсюда Александр предпринял ряд

---

[1] Ктесий Книдский — греческий историк конца V — начала IV вв. до н. э. Сочинение его до нас не дошло и известно только по выдержкам, которые приводятся другими античными авторами.— *Прим. ред.*

[2] Ксенофонт — греческий историк конца V — первой половины IV вв. до н. э. Из его работ наибольший географический интерес представляет знаменитый «Анабасис» (буквально — «Восхождение») — описание похода «десяти тысяч» греческих наемных воинов, среди которых был и автор, через Малую Азию в центр Персидского царства и их отступление из Месопотамии к Черному морю. См. *С. Я. Лурье*, Вступительная статья к русскому переводу «Греческой истории» Ксенофонта, 1935.— *Прим. ред.*

[3] Один из важнейших первоисточников: *Арриан*, «Анабасис Александра», пер. Коренькова, 1912. См. также *Арриан*, «Индия», журнал «Вестник древней истории», 1940, № 2.— *Прим. ред.*

[4] Хамадан — область в западном Иране, к юго-востоку от Курдистана; центром этой области является одноименный город.— *Прим. ред.*

небольших походов против племен гористой части Туркестана, после чего вновь перешел Гиндукуш и в конце 327 г. до н. э. вторгся в Индию. Часть его армии прошла Хайберским проходом и пересекла Инд у Аттока, другая под его личным командованием пошла кружным путем через Читрал, где недавно А. Стейн нашел интересные реликвии этого похода[1]. Греческие армии вторглись в Пенджаб и дошли до реки Биас, но вспыхнувший солдатский бунт вынудил их отступить. Следуя по течению Инда на юг до современного Хайдарабада[2], Александр отправил часть войск обратно морем под командованием Неарха, сам же во главе другого отряда двинулся через труднодоступные области Мекран и южный Иран. Лето было в разгаре, и множество солдат и скота погибло в пути от жары. Александр старался держаться как можно ближе к берегу Аравийского моря и, выйдя к Гулашкирду[3], соединился с находившейся под командованием Кратера третьей частью своей армии, которая следовала через Иран более северным путем. Здесь Александр попал уже в ту часть Азии, которая была хорошо известна до его походов, и его последующие посещения Суз и Экбатан мало что прибавили к сумме географических знаний; проектировавшийся же им поход в Аравию так и не состоялся ввиду его смерти в 323 г. до н. э.

Уже одна грандиозность работы Александра мешает нам представить себе масштаб переворота в географических знаниях, произведенного его походами. Греки вошли в соприкосновение с новым миром. Старинные смутные вести о местности к востоку от Месопотамии уступили место реальному знакомству с Ираном, с небольшой, но очень важной частью Центральной Азии, и с Западной Индией. Не только стала известна общая география этих новых для греков стран, но походы обогатили греков знанием ряда отдельных географических фактов, о которых до того времени они не имели никакого представления. Так, если взять наудачу только два примера—великие горные хребты Азии или реки Западной Индии, то окажется, что знакомство с ними обогатило греков не только в отношении познания Азии, но расширило и общегеографический горизонт, поскольку ничего подобного у себя на родине греки не видели. Таким образом, походы

[1] А. Стейн—английский путешественник начала XX в. по Центральной Азии и Северо-Западной Индии; см. ниже, ч. 2-я, гл. XIII. Археологические находки, о которых говорится в тексте, сделаны Стейном в 1911—1912 гг.—*Прим. ред.*

[2] Хайдарабад—город на нижнем Инде в Западном Пакистане; не смешивать с одноименным городом, столицей крупнейшего индийского княжества, в центре полуострова Индостана.—*Прим. ред.*

[3] Гулашкирд—оазис в южном Иране к северу от Ормузского пролива у 28° с. ш. Там была основана одна из многочисленных Александрий.—*Прим. ред.*

Александра имели величайшее значение как с точки зрения районной, так и общей географии[1].

Несколько позже греческая наука обогатилась сведениями, привезенными посольством Мегасфена (около 290 г. до н. э.), прожившего некоторое время в долине Ганга—в области, в которой до тех пор не был ни один грек. Мегасфен знал и описал лишь знакомые ему лично природу и людей великой Индо-Гангской равнины; и хотя он понаслышке и знал о существовании большого острова Цейлона, лежавшего на значительном расстоянии от берега, он ничего не знал ни о полуостровной части Индии, ни о дельте Ганга. Мегасфен отметил действие летнего муссона как важнейшего фактора индийского земледелия и дал общую картину социального и экономического положения народа. Книга его оставалась основным источником знаний по Индии в течение всего периода классической древности.

Примерно в то же время возродился один из проектов Александра, и греки отправили Патрокла для исследования Каспийского моря с целью открытия нового пути в Индию. Ему удалось лично обследовать только южную часть моря, о соседних же областях он собрал материалы из вторых рук и, к сожалению, вывел неправильное заключение о существовании морского пути из Каспия в Индию. Его сообщения, вызвавшие большую путаницу, в конце концов привели к неправильному представлению, будто Каспийское море соединяется с Северным океаном[2].

Появление в Азии римлян и в особенности образование в 126 г. до н. э. провинции Азии (западная часть Малой Азии) повели к дальнейшему изучению этой области и отдельных частей Армении. Более правильное описание этих областей, оставленное нам Страбоном (около 19 г. н. э.), как раз основывалось на росте познаний в связи с войнами с Митридатом.

Римляне сделали крупные успехи и в изучении Аравии. До 25 г. до н. э. все познание Аравии ограничивалось отрывочными сведениями о торговых путях; в указанном же году Галл

---

[1] Далеко не все историки расценивают непосредственные географические результаты походов Александра Македонского так высоко, как Бейкер. Вот, например, мнение такого крупного русского востоковеда, как академик В. В. Бартольд: «...Несмотря на штат ученых (географов), мы не находим в греческой литературе описания пройденных Александром областей, которые могли бы сравниться хотя бы с описаниями Геродота...». (*В. В. Бартольд*, «История изучения Востока в Европе и России», 1925, стр. 42.) Противоположного мнения держался *В. С. Сергеев* в своей «Истории древней Греции», 1948 (см. гл. XVIII, раздел 2, «Походы Александра»).—*Прим. ред.*

[2] Неправильное представление, по отчетам Патрокла, о мнимом соединении Каспия с Ледовитым океаном было опровергнуто во II в. н. э. в «Географии» Птолемея и все же было распространено среди западноевропейских средневековых географов до второй половины XIII в. (путешествие Рубрука).—*Прим. ред.*

выступил в поход из Хауры на побережье Красного моря в северном Геджасе к границам Хадрамаута. Целью этого похода, по словам Страбона, было «либо умиротворить, либо подчинить себе арабов». Как писал Страбон:

«Он (Август) находился под сильным впечатлением предания о том, что народ этот был очень богат, что он обменивал свои ароматические вещества и драгоценные камни на золото и серебро и что он никогда не платил иностранцам теми сокровищами, которые получал от них за свои товары. По этой причине Август надеялся либо приобрести в лице этого народа богатых друзей, либо победить богатых врагов».

Провал этой попытки открыть своего рода Эльдорадо приписывается измене со стороны союзников, которые «не провели их ни безопасным путем вдоль побережья моря, ни удобной для сухопутной армии дорогой, а, наоборот, поставили и армию и флот в опасное положение тем, что направили их туда, где не было дороги или она была негодной,—где им приходилось делать большой крюк или же итти совершенно бесплодной местностью».

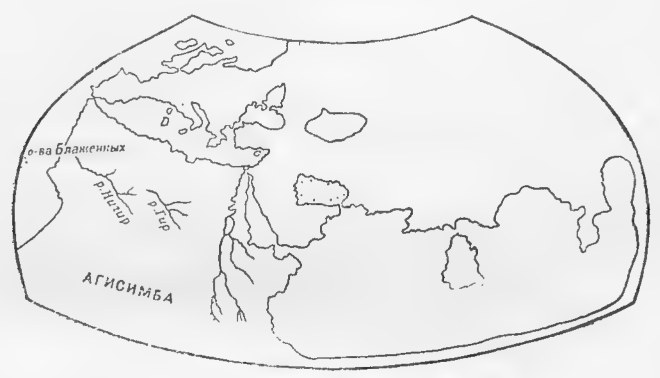
Из этого отчета мы можем заключить, что римляне столкнулись с Аравией, какою она была на самом деле, и что им нужен был предлог для объяснения провала похода. Все же, если Галл сделал все, что ему приписывают, путешествие его следует считать замечательным. Оно остается единственным исследованием Аравии, произведенным в древнюю эпоху.

Римляне продвинулись вперед и в других направлениях. После 20 г. до н. э. они проникли на восток от Евфрата; находившиеся же у них на службе греки дошли до Мерва и Кандагара. Еще через 140 лет один из купцов вышел по «шелковой дороге» за Мерв и Кашгар, а приказчики его собрали некоторые общие сведения и о Китае. Еще позже эти купцы достигли озера Лоб-Нор. Таким образом, римляне установили непосредственную связь с китайцами как на суше, так и на море.

К эпохе Птолемея (около 150 г. н. э.) рамки знания римлян об Азии еще более раздвинулись. Взгляд на составленную им карту мира обнаруживает некоторые крупные ошибки. Он совершенно неправильно представлял себе южную береговую линию Азии; считал, что за Китаем лежала земля, и до неузнаваемости преувеличивал размеры Цейлона. Вместе с тем он учел новые факты, относившиеся к торговому пути в Китай, и исправил прежние неправильные представления, относившиеся к Каспийскому морю. Птолемей смог сделать это последнее исправление на основе изучения римлянами Кавказа и черноморских стран, хотя есть основания думать, что он недостаточно использовал накопленные к тому времени новые материалы. Все же сравнение осведомленности Птолемея с осведомленностью любого из его предше-

ственников выявляет широту кругозора его времени. Если он во многом и ошибался, все же его «География» может служить свидетельством общего роста географических знаний о странах от Эгейского моря до границ Китая.

Географические условия, мешавшие успешному исследованию Африки в новейшее время, мешали народам Средиземноморья и в эпоху древности. С севера в глубь Африки ведут только одни ворота—долина Нила; проникновению в Африку с севера из любой другой точки мешала пустыня, являвшаяся неопреодолимым препятствием почти до последнего времени. Даже в долине самого



3. Мир по Птолемею (прибл. 150 г. н. э.).

Нила большие пространства «судда» (массы пловучих растений) сильно затрудняли исследование, и в эпоху классической древности никому не удалось преодолеть этот район и проникнуть за его пределы. По нему прошел крайний рубеж продвижения первых исследователей Африки—египтян,—и перед этим барьером остановилась последняя из древних экспедиций, пытавшихся подняться вверх по Нилу,—экспедиция Нерона.

В начале VI в. до н. э. греки обосновались в Египте и постепенно изучили особенности района дельты. Некоторые отправились дальше, в оазисы Ливийской пустыни, или на юг, в Нубию. Посетивший Египет Геродот лично знал страну до первого порога, собрал сведения об отдаленном Мероэ на юге и об оазисах пустыни. При этом он, повидимому, совершенно не представлял себе размеров Сахары; как и другие древние писатели, он столь же неправильно объяснял причину разливов Нила и думал, что в верхнем течении Нил направляется с запада на восток.

При царях Птолемеях изучение пошло быстрее, но до верховьев Нила исследователям удалось добраться лишь со стороны Красного моря. Однакоже им удалось установить правильность слуха

о том, что Голубой Нил берет свое начало в известном египтянам озере Тана, а также узнать кое-что об Эфиопии. Вдобавок, со стороны Египта велось настойчивое продвижение, и прежние скудные сведения о стране за большой излучиной Нила постепенно сменились более правильными представлениями. Таким образом, ко времени Страбона оазисы Ливийской пустыни и течение Нила до Мероэ были уже хорошо известны, и было некоторое, правда, менее ясное, представление об Эфиопии и Сомали.

Римляне уточнили сведения о границах Эфиопии, поскольку в 25 г. до н. э. им удалось найти туда другой путь при походе против этой страны. В эпоху Нерона римляне предприняли экспедицию для установления истоков Нила. Эта экспедиция достигла района пловучих «зарослей», так хорошо описанных Сенекой. Зайдя в непроходимые болота, римляне увидели перед собой две скалы, с которых с огромной силой низвергалась река. Верить этому последнему сообщению несколько трудно, но вовсе нет необходимости предполагать, что экспедиция Нерона дошла до Рипонского водопада, который туземцы, по словам Спека, называли «Камнями»[1]. Хотя эта экспедиция и не выполнила основной поставленной ей задачи, она проникла далее всех предшествовавших ей греческих или римских экспедиций вверх по долине Нила, и зайти дальше удалось только в XIX столетии. Некоторые ценные сведения относительно долины Нила привез купец Диоген, который добрался до внутренних районов, повидимому, со стороны восточного побережья, и видел покрытые снегом горные вершины Кении и Килиманджаро. Он слышал также об озерах внутренней Африки и даже, быть может, сам посетил озеро Виктория-Ньянца, а также слышал рассказы о горах Рувензори. Как это всегда почти неизбежно случается, его сообщения в ходе повторных пересказов были искажены, но как Марин Тирский, так и Птолемей указывали, что Нил берет свое начало в озерах, и если они и высказали неправильное предположение о том, что озера эти питаются снегами Кении и Килиманджаро, то, во всяком случае, их счастливая догадка об истоках Нила подтвердилась.

Что касается сведений об остальной Африке, исследование которой производилось совершенно независимо от изучения бассейна Нила, то в этом отношении классическая древность находится в долгу главным образом у римлян, около 146 г. до н. э. занявших в Африке место карфагенян. Благодаря римлянам оказалось возможным нанести на карту общие очертания Атласа от Туниса до Марокко. Мало кто проникал за пределы этого района.

---

[1] Водопад Рипон—при выходе Нила из озера Виктория-Ньянца. Спек—английский путешественник и исследователь области великих африканских озер и Верхнего Нила (см. ниже, часть 2-я, гл. XIV).—*Прим. ред.*

Геродот передает рассказ о нескольких молодых людях, пересекших Ливийскую пустыню и достигших реки, текшей с запада на восток. Если этот рассказ верен, то вряд ли можно сомневаться в том, что, быть может, где-то вблизи Тимбукту они видели реку Нигер. К сожалению, Геродот сделал из этого открытия неправильный вывод, что Нигер и есть верхнее течение Нила. В течение всего периода классической древности никто более этого района не посещал.

В 19 г. до н. э. Бальб совершил переход от побережья Триполи до района Феццана. Возможно, что в 70 г. н. э. Флакк продолжил его путешествие в глубь Сахары, а еще позже Матерн—до озера Чад. Быть может, здесь и находилась страна Агисимба, которую Марин Тирский помещел к югу от экватора, но которая на самом деле, вероятно, была частью Судана.

Еще западнее, в 42 г. н. э. Паулин пересек Атласские горы и южнее их открыл реку Гир. Некоторые комментаторы пытались отождествить эту реку с Нигером, но такого рода догадки ничем не оправданы. Нет ни малейшего основания предполагать, что Паулин пересек Сахару и что на южных склонах Атласа можно обнаружить несколько рек. Далее, надо отметить, что немало путаницы было внесено в вопросы географии Западной Африки из-за слишком буквального толкования некоторых встречающихся у Птолемея мест. Сам Птолемей был искусным астрономом, но в очень многих случаях он основывался и на чужих маршрутах и на примерных расчетах расстояний, в результате чего положение перечисляемых им пунктов неизбежно указывалось очень неточно. По этой причине всякие попытки установить местонахождение упоминаемых Птолемеем рек Нигера и Гира,—быть может, приятная, но пустая забава.

Исследование европейского континента в эпоху классической древности в основном выпало на долю римских легионов. Распространение греческих колоний по многим местам побережий и деятельность греческих купцов из таких центров, как Массилия (Марсель), вели к ознакомлению лишь с небольшими районами, и, за немногими исключениями, греки узнали сравнительно мало о внутренней Европе.

В эпоху Гомера до греков дошли кое-какие скудные известия о северо-востоке, т. е. Скифии, и Геродоту удалось значительно пополнить существовавшие до него описания стран к северу от Черного моря[1]. Но и в этом случае сведения имелись лишь по нескольким совершенно четко определенным маршрутам, не отходившим далеко от берегов Черного моря, так что даже

[1] О земледельческих племенах Геродотовой Скифии см. *П. Третьяков*, «Восточно-славянские племена», изд. АН СССР, 1948 (стр. 22—37).—*Прим. ред.*

во времена Страбона Днепр считался судоходным примерно лишь на 70 миль. «Ни в древнее время, ни в средние века средиземноморские путешественники не заходили далеко на север России» (Кари).

Вторая линия продвижения греков в глубь Европы шла по нижнему Дунаю, который ко времени Геродота был уже сравнительно хорошо известен, хотя Геродот ничего не знал о его верхнем течении. Первые определенные сведения о нем получила римская экспедиция под начальством Тиберия в 16 г. до н. э.

На территории современной Франции греческие торговцы из Массилии продвинулись вверх по течению Роны уже в самом начале V в. до н. э. и как будто даже знали понаслышке о существовании Женевского озера. Но все эти сведения носили очень отрывочный характер, и настоящим своим исследованием страна обязана Юлию Цезарю. Поэтому, чтобы получить представление о действительном развитии географических познаний, необходимо изучить историю римских походов. Ряд римских войн на Балканах, начавшихся в 199 г. до н. э. и длившихся до 28 г. до н. э., помог ознакомиться со множеством до того неизвестных грекам народностей. Вторжение карфагенян повело к более непосредственному знакомству с Альпами, так что Полибий[1] был уже в состоянии дать правильную картину дорог через перевалы. Точно так же обстояло дело с Испанией. Римские завоеватели были первыми, получившими точное представление об области, лежавшей за восточной прибрежной низменностью. Аналогичные результаты дали кампании Цезаря и его полководцев в Галлии. Предпринятые между 16 и 12 гг. н. э. походы Тиберия повели к лучшему ознакомлению с Южной Германией; Друз же (9 г. до н. э.) собрал сведения о Северной Германии до самой Эльбы. Многие из этих новых открытий получили отражение в писаниях Страбона, «География» которого, по отзыву Банбери[2], является «не только важнейшим географическим трудом, завещанным нам древностью, но, без сомнения, также... одной из крупнейших по значению книг, когда-либо написанных греческим или римским писателем». Страбон собрал и привел в порядок все современные ему географические сведения, сохранив тем самым огромный материал, который иначе был бы потерян, и оставил потомству стройную географическую систему. Хотя его работа, строго говоря, и не является историей географических открытий, она

---

[1] Полибий (около 200—120 гг. до н. э.)—знаменитый историк эллинистической эпохи, родом грек из Аркадии, автор «Всеобщей истории в сорока книгах» (из них до нас целиком дошло только пять книг). Есть русский перевод Мищенко (тт. I-III, 1890—1899); переводчик в предисловии к I т. «Всеобщей истории» дал характеристику Полибия.—*Прим. ред.*

[2] Банбери (Bunbury, E.) — английский историк-географ, автор двухтомной «Истории древней географии» (A History of Ancient Geography), 2-е изд. 1883. См. примечание 1-е на стр. 18.—*Прим. ред.*

требует и заслуживает детального рассмотрения, в особенности потому, что в ней содержится очень много полезных сведений о Европе.

«Из использованных Страбоном авторитетов важнейшим является Эратосфен. Он цитирует его без конца, и у него он заимствовал как общий план работы, так и бо́льшую часть своих научных воззрений. За ним следуют Гиппарх, Полибий, Эфор, Артемидор и Посидоний; у каждого из них Страбон заимствовал много материалов для тех или иных разделов своего труда. В особенности многим он обязан Полибию: у него Страбон заимствовал интерес к исторической географии и научился рассматривать историю человечества как единое целое, поверхность же земли—как арену, на которой развертывается эта история и которая меняет ее ход. У Посидония Страбон заимствовал большой запас наблюдений в области физико-географических явлений, а также разнообразные сведения о многочисленных предметах, накопленные им в путешествиях по обширным пространствам. Заимствования у Артемидора носят примерно такой же характер. Было еще очень много и других географов, из чьих рассказов или сводных работ Страбон черпал материал по отдельным странам, добавляя подробности из местных источников» (Тозер)[1].

Страбон имел весьма слабое представление об очертаниях и рельефе других стран Европы, но накопил массу географических сведений о них. Так, в разделе об Испании он говорит о Пиренеях, как о «непрерывной цепи гор, тянущейся с севера на юг и образующей рубеж между страной кельтов и страной иберов», что представляет собой любопытную смесь достаточно полных и достоверных материалов с совершенно неверной ориентацией в пространстве. Вместе с тем он дает хорошее представление о полуострове в целом; особенно подробно он останавливается на той части полуострова, которую древние звали Тартесом, сам Страбон—Бетикой, а ныне известной как Андалусия, и описывает ее минеральные и сельскохозяйственные богатства. Он заканчивает свой труд описанием Балеарских островов и Гадеса (Кадиса).

Что касается Галлии, то и здесь представления Страбона о горных системах оказываются весьма путаными; недостаточно он знал и очертания западного побережья. При этом Страбон оставил все же хорошее описание как Галлии в целом, так в особенности ее южной и юго-восточной части. Многое в своих писаниях он заимствовал у Цезаря, который послужил для него также источником для описания Британии; вот почему так скуден его раздел о Британии. Страбон считал, что южное побережье Британии начинается против Пиренеев и заканчивается у устья

[1] Тозер (Tozer, H.)—английский комментатор Страбона, автор «Истории древней географии» (A History of Ancient Geography), 2-е изд. 1935. См. прим. 1-е на стр. 18.—*Прим. ред.*

Рейна—ошибка вполне естественная в свете его неправильных представлений о топографии Галлии и Испании. Далее, считая южное побережье острова самым длинным, он поместил северную его окраину слишком близко к югу. Севернее Британии он помещает Ирландию, но об этих областях и о дальнем севере он ничего не знает и даже отвергает факты, в свое время собранные Пифеем.

Страбон имел довольно правильное общее представление об Альпах и о северной Италии, что показывают следующие два отрывка:

«Что касается Альп, то подошва их изогнута и подобна заливу, обращенному вогнутостью к Италии; центральные части залива находятся близ Саласси, края же изгибаются - один до изрезанного побережья Адриатики, а другой к Лигурийскому побережью до Генуи, где Альпы смыкаются с Апеннинами. У самой подошвы Альп лежит значительная равнина».

О внутренних районах он говорит:

«Повсюду в Альпийской горной стране есть не только холмистые, годные для доброго земледелия места, но и узкие густо заселенные долины; большая же часть ее, в особенности у горных вершин, служивших, как мы знаем, излюбленными притонами разбойников, гола и бесплодна как из-за морозов, так и неровности почвы».

Он имел также хорошее общее представление о Южной Италии. Его рассказ о местности, прилегающей к Неаполитанскому заливу, «благословеннейшей из равнин», изобилующей зерном и вином, но расслабляющей жителей, может служить примером прекрасных описаний, каких у него много.

Северная Германия до Эльбы описана Страбоном менее полно, чем упомянутые страны, но и здесь он проявляет хорошее общее знание ее географии. За Эльбой, однако, «...те части страны..., что лежат близ океана, нам совершенно неизвестны. Я не знаю никого, кто проделал бы путешествие вдоль берега в восточные области, простирающиеся до самого Каспийского моря».

Южная Германия к востоку от меридиана Эльбы была известна лишь очень туманно, и о ней, как отмечает Страбон, ходили всякие небылицы, вроде рассказов о баснословных «Рипейских горах» и «гиперборейцах». Область севернее Черного моря Страбон знал очень мало. По его словам, «вся эта страна к северу от Германии и до Каспия—равнинная, но живут ли какие-либо народы за роксоланами, мы не знаем»[1].

---

[1] Роксоланы кочевали по равнинам между Танаисом (Доном) и Борисфеном (Днепром).—*Прим. автора.*

Мало нового знал Страбон и о Балканском полуострове, но основные черты его географической структуры он представлял себе. Одну из этих черт, играющую заметную роль в истории полуострова, он описал:

«Все иллирийское побережье изобилует прекрасными гаванями не только по самому берегу, но и по прилегающим островам. Полной противоположностью ему является лежащее против него и совершенно лишенное гаваней италийское побережье. Но и то и другое солнечны, климат их благоприятствует разведению фруктов, маслин и винограда, здесь процветающих, за исключением, пожалуй, отдельных уголков со слишком неровным рельефом... Однакоже вся расположенная выше местность гориста, холодна, подвержена снегопадам, в особенности на севере, так что виноград здесь редок не только на горах, но и на здешних равнинах—вернее на плоскогорьях».

Наименее удовлетворительна география Страбона в части, касающейся Греции; и там у него очень мало нового.

После Страбона античная география продвинулась сравнительно мало. Как мы уже упоминали, римские армии прошли почти через всю Британию, в результате чего география ее стала лучше известной. Около середины I в. неизвестный римский всадник совершил путешествие поперек всей Европы от Вены до берегов Балтийского моря. Благодаря ему значительно пополнились сведения о Северной Европе и Германии. Успешные походы Траяна в Трансильвании в самом начале II в. явились настоящими исследовательскими путешествиями и повели к открытию нового пути к Черному морю через Молдавию. Этот успех использован Птолемеем, рассказ которого о Британии и о странах к югу от Балтийского моря намного превосходит сообщения его предшественников. Птолемеем фактически закрывается древняя эпоха географических исследований; Европа была теперь уже хорошо известна к западу от Эльбы и к югу от Дуная, а с меньшей точностью—гораздо дальше на восток[1].

---

[1] Географы, специально интересующиеся Птолемеем, недавно впервые получили в свои руки авторитетный греческий текст его «Географии», изданной проф. *I. Fischer*: Claudii Ptolemaei Geographiae Codex Urbinus Graecus, vv. I—IV, 1932. См. также перевод «Географии» Птолемея на английский язык: *E. L. Stevenson*, «Geography of Claudius Ptolemy» с предисловием того же Фишера (1932).—*Прим. автора.*

Глава II

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

1. Марко Поло и его предшественники

Географический труд Птолемея стоит на рубеже двух эпох: великой эры географии классической древности и начала того, что мы можем назвать лишь периодом упадка. Прежние крупные африканские экспедиции, на отчетах, о которых Птолемей сновывал свои географические описания, уже более не повторялись; торговля с Азией перешла в руки купцов-посредников из среды народов Востока; в самой же Европе, с развалом Римской империи, для народов Средиземноморья закрывалась одна область за другой. В период между III и V столетиями был полный застой. Единственным видом путешествий были хождения христианских пилигримов на Восток, но вклад их в дело географического исследования был слишком мал. Одним из наиболее известных путешествий было паломничество Этерии (св. Сильвии) из Аквитании (римская провинция юго-западной Галлии), посетившей Нижний Египет, Синайскую Аравию, Сирию, Месопотамию и дошедшей до Эдессы на персидской границе. Этерия вернулась через Малую Азию и вышла к Босфору. Оставленное ею описание ее хождения представляет большой интерес для изучающих соответствующую отрасль церковной литературы, но почти ничего не дает географу. Писания последующих паломников, вроде автора «Краткого описания Иерусалима» Феодосия (около 530 г.) или Антонина из Плацентии (Пьяченцы), являются мешаниной географических фактов с живыми, может быть даже подлинными, описаниями священных реликвий. Так, у последнего мы встречаем рассказ о землетрясении, разрушившем в 551 г. Триполис (в Ливане), о шелковой торговле Тира, о том, как ежегодно на Крещение расступаются воды реки Иордана и о виденном им соляном столпе, в который была превращена Лотова жена. К этому он прибавляет живописные подробности о встреченных им в Иерусалиме эфиопах, о «сарацинских» нищих в синайской пустыне, о повстречавшихся ему в Красном море судах из «Индии», о «Нилометре» в Асуане и о «великолепном, но распутном» городе Александрии. Все это очень интересно, но вряд ли может быть названо продвижением в географии.

Большую известность приобрел современник Антонина — Косма, написавший около 547 г. книгу под названием «Христианская

топография». Проф. Бизли называет ее «кучей нелепостей», и вряд ли она является чем-то бо́льшим, чем курьез. Косма ссылается на авторитет библии, чтобы подтвердить положение о том, что земля плоская, что центром ее является Иерусалим и что она, как крышей, покрыта небесами, которые, в свою очередь, рассечены надвое небесным сводом, отделяющим старую землю от новой. Другими словами, мир—это не что иное, как копия скинии моисеевой[1].

Косма посетил истоки Нила, хорошо знал Абиссинию и, быть может, ездил даже торговать в Индию; однакоже стремление примирить географические факты с религиозными верованиями привело его к отрицанию шарообразности земли и существования антиподов. Влияние его на средневековое мышление было незначительно[2]. Для описываемого времени характерно, что наиболее распространенными книгами по географии были сочинения энциклопедического характера; из них наиболее знаменитое было составлено Исидором Севильским (умер в 636 г.). Исидор опирался на библию, на Collectanea rerum memorabilium (Сборник достопримечательностей) Солина (III в.) и на Historiarum adversum paganos (Из рассказов против язычников) Орозия (V в.). Солин, в свою очередь, списал многое у Плиния Старшего (умер в 79 г.). Поскольку многие более поздние писатели сплошь и рядом списывали у Исидора, в описаниях географов самым причудливым образом смешивались истина и вымысел, у самих же путешественников было заимствовано очень мало. Это относится, например, к Аркульфу, посетившему около 670 г. Левант. Он утверждает, что Александрия Египетская так велика, что ему понадобился целый день только для того, чтобы пройти через этот громадный торговый город. Аркульф узнал кое-что о судоходстве по Нилу и о той бездождной, но плодородной стране, по которой он течет. Великолепие Константинополя произвело на него огромное впечатление. Хотя он был человеком наблю-

---

[1] Бизли (Beazley, C.)—английский историк-географ, автор трехтомного труда «На заре современной географии» (The Dawn of Modern Geography, 1897—1906). При составлении данной главы Бейкер широко использовал этот труд, охватывающий период от 300 до 1420 г. н. э.—*Прим. ред.*

[2] Козма (правильно—Косма, от греческого «космос»—мир), по прозвищу Индикоплов (или Индикоплейст—«Плаватель в Индии»). О нем подробнее см. *М. С. Боднарский*, «Очерки по истории русского землеведения», I, 1947, стр. 26—27. Мнение Бейкера о том, что «влияние его (Космы) на средневековое мышление было незначительно», вряд ли верно, по крайней мере—для Восточной Европы. М. С. Боднарский указывает: «Христианская топография» Космы Индикоплова имела очень большое распространение у нас, о чем свидетельствует множество дошедших до нас списков ее перевода, а также многочисленные отрывки из нее в разных сборниках XIV—XV и, особенно, XVI и XVII вв. Отголоски учений Космы и более или менее искаженные заимствования из них вошли в наши народные сказания». Карту мира Космы Индикоплова см. у *Салищева*: «Основы картоведения», часть историческая, 1948, стр. 38.—*Прим. ред.*

дательным, но выводы делал ненаучные. Так, описывая виденный им «остров Вулкан», он заявляет, что видел вулкан, который, по его словам, извергал днем тучи, а ночью огонь и отличался особенной активностью по пятницам и субботам.

В VIII в. те места, куда ходили христиане-паломники, подверглись вторжениям мусульман, хождения стали более редкими и опасными. Некий Виллибард, по рождению, быть может, англ, вышел в паломничество в 721 г. и провел в странствиях десять лет. Из Южной Англии он отправился в Руан, пересек Францию и Альпы, посетил Неаполь, Самос и остров Кипр и провел четыре года в Палестине. На родину он вернулся через Малую Азию и морем. По возвращении на родину рассказ Виллибарда о его странствованиях был записан с его слов монахиней. Рассказ изобилует упоминаниями о чудесах, и географическое значение его ничтожно.

Необычайные повествования христианских паломников забавляют нас, но к их чести надо сказать, что они были лучом света в царстве тьмы средневековья. Они поддерживали связь между Западом и Востоком; и если учесть, что деды этих паломников, быть может, были еще варварами-кочевниками, то они заслуживают большого уважения. Возникшая под влиянием их путешествий литература, в особенности путеводители, представляет некоторую ценность тем, что дает кое-какие сведения о наиболее широко используемых в то время путях.

Успешное распространение христианства в Средней и Восточной Европе, возможно, сыграло некоторую роль в том движении народов из Скандинавии и с Балтики, которое оказало столь большое влияние на политическое развитие Европы начиная с VIII в. Норманны, родина которых была довольна скудна и которых всегда должна была соблазнять перспектива уйти в море в поисках лучшей жизни, подверглись политическому и религиозному давлению франков. Тогда они, в свою очередь, начали теснить народы по побережью Европы, начиная с Дании и кончая Сицилией. Наш труд не касается политической стороны этого процесса. Норманны проникали также в более отдаленные районы Северной и Восточной Европы и, переплыв Атлантический океан, достигли Америки.

На восток они двигались двумя главными путями, один из которых идет вдоль северной оконечности Скандинавского полуострова, другой—по Балтийскому морю. Идя первым путем, они достигли Белого моря, вторым—устья реки Дуны (Западной Двины), следуя которой, добрались до Днепра и в конечном счете—Черного моря и Константинополя[1]. В начале X в. они

[1] Норманны (варяги) двигались на восток по великим внутренним водным путям, уже открытым и освоенным славянами и известным в древнерусской истории под названием «пути из варяг в греки». См. «История

прошли в Азовское море, далее, вверх по Дону, потом волоком до Волги и к 914 г. вышли в Каспийское море[1].

Два человека привезли часть собранных таким образом сведений в Англию. Это были норманн Отер и дан (датчанин) Вольфстан. Они вошли в небольшую группу приближенных при дворе Альфреда Великого[2]. Обладавший немалой ученостью, Альфред использовал доставленные этими людьми сведения и на их основе переделал относившиеся к Германии, Балтийским странам и Северной Европе географические главы в переведенной им «Всеобщей истории» Орозия.

Отер был представителем норманского движения на восток по северной трассе, Вольфстан—по южной. Первый дошел вдоль побережья до северного мыса Европы (Нордкап), откуда берег поворачивает на восток, и пошел дальше до того места, где он загибается на юг к стране Биарма, т. е. к области нынешнего Архангельска[3]. Вольфстан же шел вдоль страны пруссов и эстов и достиг восточного конца Балтийского моря.

Распространение норманнов на запад через Атлантический океан шло через промежуточные пункты—Исландию и Гренландию. Исландия была открыта ирландскими монахами около 795 г., однако норманны достигли ее лишь к 867 г., когда один из колонистов с Фарерских островов был прибит бурями к большой гористой земле, которую он назвал «Снежной землей». Вскоре выяснилось, что земля эта была островом. В 870 г. на ней перезимовала группа норманнов, которая и дала острову его нынешнее название[4]. С 874 г. началось заселение Исландии иммигрантами из Норвегии.

Гренландия была открыта около 982 г. Эриком Рыжим, и сюда, так же как в Исландию, начали прибывать колонисты, включая христианских миссионеров. Колонисты сгрудились на юго-западном побережье, добывали себе пропитание рыболовством и скотоводством и в течение долгого времени жили довольно зажиточно.

СССР», т. I (с древнейших времен до конца XVIII в.), изд. 2-е, 1948, гл. VII, «Киевское государство IX—XI вв.» *Там же*, библиография и карта (Восточная Европа в IX—XI вв.).—*Прим. ред.*

[1] К 914 г. относится поход русов, т. е. русских дружинников, в Каспийское море, о котором сообщал арабский писатель первой половины X в. Масуди. Совершенно произвольно автор, вслед за порочной школкой историков-норманнистов, отождествляет русов с норманнами. Смотри ниже примечание 2 к стр. 45.—*Прим. ред.*

[2] Альфред Великий—король англо-саксов (871—901).—*Прим. ред.*

[3] Рассказ Отера—по записи короля Альфреда—имеется в русском переводе в книге известного шведского исследователя Арктики *А. Н. Норденшельда* «Плавание на Веге», т. I, гл. I, стр. 66—68. Отер, несомненно, проник в Белое море, но неизвестно, дошел ли он до устья Северной Двины (где теперь стоит Архангельск) или до какой-либо другой реки, впадающей в Белое море. «Биарма»—это «Великая Пермь» русских летописей.—*Прим. ред.*

[4] Исландия—«Ледяная земля» (Island).—*Прим. ред.*

Однакоже к середине XIV в. сношения Гренландии с метрополией постепенно прервались, и жестокие природные условия повели к гибели колонии.

Вслед за Гренландней норманны добрались и до Америки. По крайней мере известно, что около 1000 г. сын Эрика Рыжего Лейф добрался до какой-то части побережья между Лабрадором и мысом Код[1] и что несколькими годами позже, быть может, в 1004 г., эту вновь открытую землю посетил Карлсефни и провел там три зимы. Некоторые ученые толкуют дошедшие до нас сведения иначе, относя первоначальное открытие к 986 г., приписывая эту честь Бьярни, и считают, что путешествие Карлсефни имело место гораздо позже (в 1024 г.).

Нет единства мнений и по поводу того, какие именно местности посещались норманнами. Страны, открытые Лейфом, были названы Хеллуланд (Страна Плоского Камня), Маркланд (Лесистая) и Винланд (Виноградная). Автор труда по этому вопросу Гэйтори-Харди (1921 г.) полагает, что в первом случае речь идет либо о Лабрадоре, либо о Ньюфаундленде, которые считались одной землей, во втором—о Новой Шотландии и в третьем—о Новой Англии. Другие полагают, что норманны ходили гораздо южнее, вплоть до Флориды; есть предположение, что норманны побывали в заливе Св. Лаврентия, а может быть, и в бассейне самой реки. Пожалуй, вернее всего считать, что достигнутые норманнами местности теперь невозможно определить.

Вопрос о том, имели ли эти путешествия какое-либо влияние на последующие открытия, остается неясным. Кое-какие сведения о них были сохранены Адамом Бременским (около 1070 г.). Много позже, когда принц Генрих Мореплаватель сносился с Данией, на него могло произвести впечатление соответствующее упоминание в работе Клавдия Клавуса[2] (около 1400 г.). Это могло побудить его предложить датскому королю организовать такое же путешествие, или, быть может, последний сам проявил инициативу в этом направлении. Как бы то ни было, остается почти несомненным, что такого рода путешествие было проделано датчанами, повидимому, в 1462 г. Результатом его могло быть вторичное открытие Гренландии и устья реки Св. Лаврентия, но уверенности в этом нет и, быть может, оно не стояло ни в какой связи с более ранними путешествиями норманнов. Быть может, Колумб в бытность свою в Португалии узнал все это, или об этом

---

[1] Код—мыс одноименной бухты восточного побережья Северной Америки, у 42 °с. ш.—*Прим. ред.*

[2] Клавдий Клавус Нигер (латинизированное имя датчанина Клавдия Клауссена Сварта) составил дошедшую до нас карту Северо-западной Европы (1427). На этой карте «провинция Гренландия», которая лежит к западу от «Замерзшего моря», окружающего Исландию, показана как часть Европы (соединена на севере полосой суши с «Дикой Лапландией»).—*Прим. ред.*

прослышали бристольские купцы в ходе своих поездок в Исландию и даже в Португалию. Но все это одни догадки.

«Конечно, неправильно делать вывод ex silentio (из умолчания) и категорически отрицать, что географические открытия норманнов в X и XI вв. могли оказать какое-то влияние на великих исследователей XV в. Но с другой стороны, мы обязаны самим себе чистосердечно признаться, что никаких убедительных доказательств такого рода влияния не существует» (Херманcон)[1].

Серьезных оснований сомневаться в историческом факте открытия Америки норманнами нет. Попытки отнести описание мест и характерных черт Нового Света к «Островам Блаженных» (Канарским), как это сделал Нансен, мало обоснованы; напротив, норманские описания Америки, как бы туманны они ни были, встречают подтверждение со стороны всех других исследователей этого района. Пусть их открытие было случайным, но успешность попыток норманнов в дальнейших исследованиях в этом районе, в котором судоходство было нелегким делом, является прекрасным свидетельством их мужества и предприимчивости; и по этой причине, а также на основании их достижений в других местах, норманны заслуживают место в первом ряду пионеров-исследователей мира. В свой век они просто не знали себе равных[2].

---

[1] Херманcон (Hermannsson, H.) — автор историко-географического исследования «Проблема Винланда» (1936).—*Прим. ред.*

[2] Энгельс указывает, что норманны в свое время произвели полный переворот в мореплавании: «Их суда были сильными, прочными морскими ладьями, с острыми очертаниями, рассчитанные преимущественно на одни паруса и не боявшиеся встретить шторм среди сурового Северного моря. Именно на судах подобного рода... норманны предпринимали свои грабительские набеги до Константинополя в одном направлении и до Америки— в другом. Постройка кораблей, которые осмеливались пересекать Атлантический океан, произвела в навигации полную революцию, и прежде чем окончилась эпоха средних веков, новые остродонные (килевые) морские суда были введены на всем побережье Европы. Суда, на которых норманны делали свои переезды, были, вероятно, не очень большого размера, не превосходя ни в коем случае 100 тонн водоизмещения, и имели одну или самое большее две оснащенные мачты—переднюю и заднюю». (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Сочинения, т. XI, ч. II, стр. 518).

Однако утверждение Бейкера, что норманны «в свой век просто не знали себе равных», проистекает из некритического принятия им порочной исторической концепции, сторонники которой произвольно приписывают норманнам великие подвиги древних русских мореходов Киева и Новгорода, а также мореходов-славян Поморья Балтики. Именно русские и славянские мореходы соперничали в ту эпоху с варягами-норманнами, которые ходили на восток лишь по стопам русских.

Совершенно вне поля зрения Бейкера (как и прочих зарубежных историков географических открытий и путешествий) остались многочисленные русские средневековые экспедиции XI—XIII вв., в результате которых был открыт весь Европейский Север: все значительные реки, впадающие в Баренцово и Белое моря; все морские побережья от Варангер-Фьорда

Вскоре после открытия Америки норманнами Европа была вовлечена в крестовые походы, продлившиеся почти два столетия (XII—XIII вв.). С точки зрения географических открытий, это движение имело большое значение по ряду причин. Оно повело к соприкосновению Европы с арабским миром, а от арабов европейцы научились кое-чему новому в области географии. Крестовые походы дали значительный толчок сухопутным путешествиям и косвенно способствовали организации двух очень важных путешествий во второй половине средневековья[1]. Крестовые походы способствовали развитию торговли, а с ростом последней богатели могущественные итальянские торговые города, яркими примерами которых являются Венеция, Генуя и Пиза. Именно усиление торговых сношений на Средиземном море способствовало усовершенствованию средневековых мореходных карт, так называемых портоланов (portolani), являющихся «прародителями» современных морских карт. Именно этот рост торговли повел к новым достижениям в области мореходства и за пределами Средиземного моря, в результате чего в Атлантическом океане были вновь открыты острова, расположенные против берега Африки. Далее, надо отметить, что многочисленные путешествия в Палестину и обратно, так же как образование христианских государств в странах Леванта, способствовали значительному росту знаний об этих странах.

Путешествия средиземноморских мореходов за пределы своего морского бассейна носили случайный характер и в общем оказались малопродуктивными. С другой стороны, уже одно то, что они совершались у западного побережья Африки, было знаменательным. Руководящая роль в них выпала на долю венецианцев и генуэзцев, и в 1270 г. Ланчелото Малочелло вновь открыл Канарские острова. Вскоре после этого генуэзцы послали галеры с заданием обогнуть западное побережье Африки. Хотя эта экспедиция как будто бы достигла мыса Нон[2], плавание ее окон-

---

до Югорского шара; острова Соловецкие, Колгуев, Вайгач, Новая Земля. Грумант (Шпицберген) посещался русскими зверобоями задолго до голландской экспедиции Баренца. Не позже второй половины XII в. русские открыли Югорскую землю: по первой новгородской летописи, походы на Югру за данью имели место в 1167, 1187 и 1193 гг. Не позднее XIV в. новгородцы открыли бассейн Нижней Оби; последующие походы на Югру были, согласно летописям, в 1323, 1329 и 1357 гг.; и ростовская летопись гласит, что в 1364 г. часть новгородской рати «воеваша по Оби реке до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша».—*Прим. ред.*

[1] Речь идет о путешествиях Плано Карпини и Рубрука (см. ниже эту же главу).—*Прим. ред.*

[2] Мыс Нон (латинское non—нет)—один из мысов на западном берегу Африки, южнее дуги Канарских островов. Этот мыс считался в XIII—XIV вв. непреодолимым препятствием для берегового плавания в южном направлении. Отождествить его с каким-нибудь известным нам мысом в настоящее время невозможно.—*Прим. ред.*

чилось катастрофой, а впоследствии обросло разного рода легендами, вплоть до того, что ей приписывали даже установление торговых сношений с Эфиопией.

4. Набросок части Лаврентьева портолана. 1351 г.

В течение следующего, XIV в. из Португалии были посланы две экспедиции для исследования Канарских островов: одна около 1336 г., другая в 1341 г.; результаты их работы отражены, повидимому, в большом, так называемом Лоренцовом портолане[1] 1351 г. В 1346 г. балеарец Хайме Феррер отправился с острова Мальорки в поиски «Золотой реки», но пропал без вести. Проснулся интерес к смелым предприятиям по изучению Африки. В вышедшей в 1350 г. «Книге испанского монаха» содержится отчет сначала о морском путешествии к «Золотой реке», а вслед за тем—в глубь континента к «Лунным горам» и к обители

[1] Эта замечательная карта была найдена в библиотеке Лоренцо (Лаврентия) Медичи, правителя Флоренции; отсюда различные названия портолана 1351 г.: «Лоренцов», «Лаврентьев», «Флорентийский», «Медицейский».—*Прим. ред.*

пресвитера Иоанна[1]. Из этой книги и от арабов европейцы составили себе представление о какой-то ветви Нила, текущей из «страны черных» к Атлантическому океану.

Дальнейшие путешествия на Канарские острова были в 1382 г., около 1400 и в 1402 г. Последнее из них было совершено французами под начальством Гадифер-де-ла-Салля и Жана Бетанкура[2].

Несколькими годами раньше, между 1380 и 1395 гг., два венецианца, Николо и Антонио Зено, заявили, что они совершили морское путешествие в Северное море и побывали на Шетландских и Фарререских островах, а также в Исландии. В настоящее время ученые пришли к дружному заключению, что их путешествие вымышлено. На основе сообщения о нем была вычерчена неправильная карта, над которой картографы ломали себе голову больше века. Карта эта привела англичанина Фробишера к заключению, что он открыл «пролив», в то время как на самом деле он нашел всего лишь залив у Баффиновой земли[3].

Значение этих путешествий заключается не в каких-либо конкретных достижениях, а в том, что они служили указанием на появление у европейских мореплавателей интереса к землям за пределами Средиземного моря. Эту работу суждено было закончить португальским искателям приключений; португальцы же в очень большой степени действовали под влиянием событий, происходивших на суше. Фактически именно сочетание морских и сухопутных предприятий, в конечном счете, и повело к открытию морского пути в Индию.

Первые средневековые сухопутные путешествия, если не считать крестовых походов, были бедны результатами. Раввин Вениамин, в 1160—1173 гг. посетивший еврейские поселения на всем пути между Наваррой и Багдадом, собрал кое-какие ограниченные сведения и был, повидимому, правдивым писателем, но извест-

---

[1] Пресвитер Иоанн—легендарный средневековый христианский царь-священник («царь-поп Иван»), якобы правивший каким-то обширным государством, которое искали то на Дальнем Востоке, то в Центральной Азии, то в Африке. Легенда эта, сыгравшая известную роль в истории великих географических открытий, является искаженным отражением действительных фактов—наличия значительных групп христиан и христианских правителей в Азии (например, у кара-китаев) и в Африке (у эфиопов). О пресвитере Иоанне см. ниже, в этой же главе; подробнее—у академика *Бартольда* в его «Истории изучения Востока в Европе и России» (стр. 65—68).—*Прим. ред.*

[2] Жан Бетанкур отдал захваченные им Канарские острова под покровительство кастильского короля; таким образом, Канарские острова следует рассматривать как первую испанскую колонию на Атлантическом океане. Позднее они стали частью испанской метрополии.—*Прим. ред.*

[3] О Фробишере и его действительных и мнимых открытиях в северо-западном секторе Атлантического океана см. ниже, гл. VIII, 3 («Северо-западный проход»).—*Прим. ред.*

ный ему мир был слишком мал, чтобы его сообщение имело настоящую ценность [1]. Несколько раньше Аделард (1110—1114 гг.) посетил Египет и отдельные части Аравии. Ему принадлежит латинский перевод основных сарацинских трудов по астрономии. На противоположном конце Европы русский игумен Даниил проследовал из Украины через Византию на остров Кипр, а оттуда—в Палестину [2]. В то время усиление турок-сельджуков постепенно приводило к тому, что Восток становился все менее доступным для европейских путешественников, пока не произошло событие, в корне изменившее обстановку.

В начале XIII в. в Восточную Европу ворвались монголы. Вскоре некоторые европейские круги вообразили, что монголы, как немусульмане, с успехом могут быть использованы против турок и в то же время обращены в христианство. В результате этого к монголам было послано два посольства, и как раз они-то и привезли первые за все средневековье действительно важные географические сведения.

Первый из этих послов, францисканский монах Плано Карпини [3], выехал в путешествие 16 апреля 1245 г. Непосредственной задачей его миссии была передача личного послания римского папы монгольскому великому хану. Плано Карпини выехал в Чехию, а оттуда по обычной дороге—на Краков и Киев, из которого 4 февраля 1246 г. он проследовал далее на восток. Спустившись по Днепру, он пересек гирло Азовского моря и реку Дон близ устья и отправился далее на ВСВ. Переправившись через низовья Волги примерно в 150 *км* севернее Астрахани, он отправился через Арало-Каспийскую впадину к бассейну Сыр-Дарьи. Дальнейший путь его лежал вдоль западного продолжения Тяньшаня, мимо озера Ала-Куль и далее почти прямо на восток—к ставке монголов у Каракорума. Эту местность он описал следующим образом:

«...частью чрезмерно гористая, а частью плоская и ровная, повсюду она каменистая, местами глинистая, а большей частью

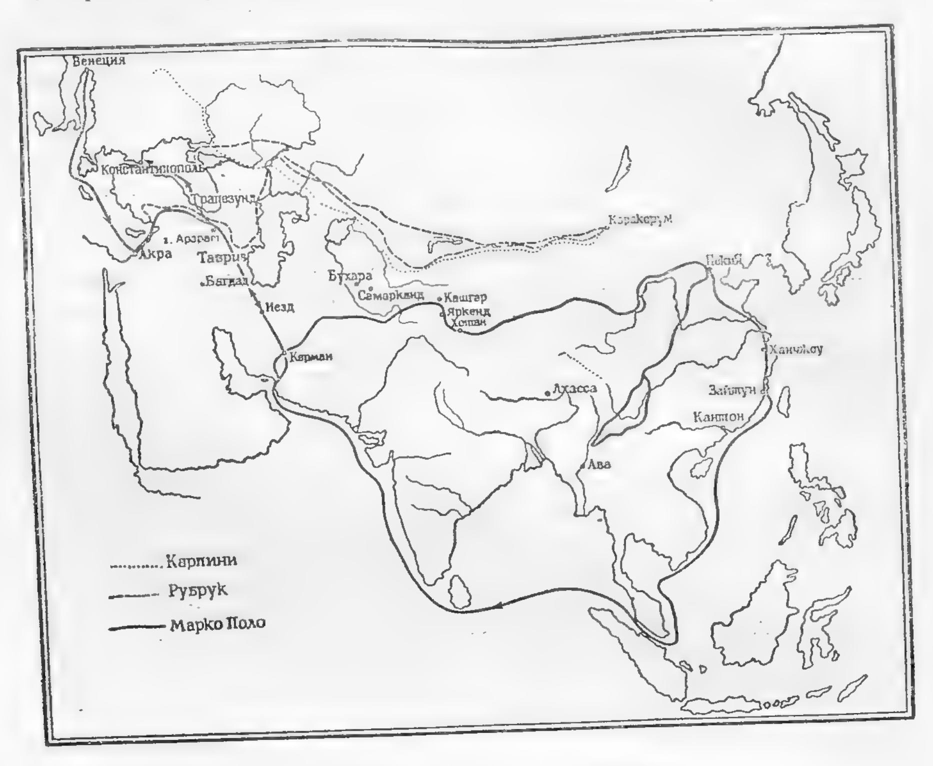
---

[1] Вениамин Тудельский—ученый испанский еврей из г. Туделы, в королевстве Наварра. Перевод его «Путешествия» сделал *П. Марголин*: «Три еврейских путешественника XI—XII столетия», 1885 (с примечаниями и картами).—*Прим. ред.*

[2] Путешествие Даниила игумена (неизвестно какого русского монастыря) относится к 1113—1115 гг. Его сочинение «Хождение игумена Даниила во святую землю» является первым на русском языке описанием путешествия и одним из самых замечательных произведений европейской паломнической литературы. Подробнее о «Хождении» см. у *Боднарского*, «Очерки по истории русского землеведения», I, стр. 10—12.—*Прим. ред.*

[3] Плано Карпини был итальянцем по происхождению; настоящее его имя—Джованни Пьяно-ди-Карпини, у французов искаженное в План-Карпен. Отчет Плано Карпини под названием «История монголов» переведен на русский язык (изд. 1911 г.) вместе с книгой Рубрука.—*Прим. ред.*

песчаная и бесплодная... даже сотая часть ее неплодородна. Она не может плодоносить, если не орошается речными водами, но вод и ручьев там немного, а реки очень редки. Поэтому там нет селений, а также и каких-нибудь городов, за исключением одного, который слывет довольно крупным и называется Каракорон,



5. Открытия в Азии в средние века.

но мы его не видели, а были почти в полудне пути от него, когда находились в Сыр-Орде, каковая является главной резиденцией их императора».

Плано Карпини прибыл ко двору этого монарха 22 июня 1246 г. и остался при нем до 13 ноября того же года. Вернулся он обратно почти в точности тем же путем, что и прибыл, достиг Киева 9 июня 1247 г. и в то же лето явился ко двору папы в Риме.

Таковы существенные черты путешествия Плано Карпини; важность его заключается в том, что Карпини привез очень точ-

ные сведения о виденных им странах и народах. Полностью цитировать его сочинение мы не можем и ограничимся лишь несколькими примерами, из которых вырисовывается характер привезенных им сведений. Так, он сообщает славянские названия великих рек Южной России:

«Ехали же мы через всю страну куманов, представляющую собою сплошную равнину и имеющую четыре большие реки: первую Непер (Днепр), вторую Дон... третью Волгу, эта река очень велика, четвертая называется Яик (Урал)».

О климате и растительности монгольских степей он пишет следующее:

«В одной части земли находится несколько небольших лесов, другая же часть совершенно безлесна, пищу же себе варят и сидят (для тепла), как император, так и вельможи и все другие люди, у огня, разведенного из бычачьего и конского навоза... Воздух в этой стране распределен удивительно. Именно среди лета, когда в других странах обычно стоит наибольшая жара, там бывают сильные громы и молнии, которые убивают очень многих людей. Иногда там выпадает много снега. Бывают там также столь сильные бури с весьма холодными ветрами, что иногда люди едва могут ездить верхом... В этой земле зимою никогда не бывает дождя, а летом дожди часты, но так незначительны, что едва могут иногда смочить пыль и корни трав. Падает там часто также очень крупный град... Там бывает также летом внезапно сильный зной и неожиданно страшнейший холод».

Карпини дает яркую картину жизни кочевников-скотоводов:

«Жилища у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же, в середине, имеется круглое окно, откуда падает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках... Куда бы они ни шли—на войну или в другое место, они всегда перевозят их с собой. Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами и козами и лошадьми. Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет и в целом мире».

Есть и еще много других интересных мест, которые можно было бы цитировать из сочинения Карпини, но, чтобы дать представление об основательности его описаний, достаточно и приведенных отрывков.

Второй посол, Гильом де Рубрук[1], был послан в ту же страну французским королем Людовиком IX, в то время предпринимавшим шестой крестовой поход. Рубрук выехал из Акры[2] весной 1252 г. и отправился морем в Константинополь, где и задержался до мая следующего года. После этого он отплыл в Судак, в Крыму, где добыл повозки для путешествия и поэтому двигался вдвое медленнее, чем едут верхом. Маршрут его примерно совпадал с маршрутом Карпини. 8 августа он пересек Этилию (Итиль, то есть Волгу)—третью из четырех великих рек, которые в своем описании он называет их классическими названиями. Продолжая свой путь примерно на восток в течение 34 дней после перехода реки Урал, он прибыл в бассейн Сыр-Дарьи, откуда повернул на юго-восток. В течение семи дней он ехал горной дорогой, быть может, по северо-западным отрогам хребта Киргизского Алатау. 8 ноября он достиг долины реки Талас и города Кенчат, а на следующий день—другого поселения, ближе к горам. Вот что пишет об этом Рубрук:

«Я спросил про горы и узнал, что это было продолжение Кавказских гор, которые простираются по обе стороны Каспийского моря, с запада на восток. Тут также я узнал, что мы уже проехали вышеупомянутое море, в которое впадает Этилия».

Из этого следует, что географический горизонт Рубрука не выходил за рамки знакомства с единственной известной писателям классической древности горной цепью Азии. Вслед за этим Рубрук и его спутники перешли горы и пошли «прекрасной равниной, имея по правую руку высокие горы, а по левую—море или озеро; чтобы объехать его кругом, нужно 15 дней». Это было озеро Балхаш. Отсюда Рубрук поехал, как до него Карпини, мимо озера Ала-Куль и через Монголию ко двору великого хана, куда и прибыл 26 декабря. Отсюда после некоторой задержки Рубрук переехал вместе со всем двором в Каракорум, где и прожил до 6 июня 1254 г. Обратно до Волги он ехал примерно тем же путем, быть может, чуть севернее, но вместо того чтобы вернуться к Черному морю, он получил разрешение ехать через Малую Азию; 5 мая 1255 г. он достиг города Корик (Курка) на Киликийском берегу.

Повествование Рубрука менее занимательно, чем Карпини. До XVI в. оно вызывало к себе, повидимому, мало интереса. Тем не менее во многих отношениях оно дополняет более раннее опи-

---

[1] Рубрук Гильом (Вильгельм)—родом фламандец. Его книга «Путешествие в восточные страны» переведена на русский язык в 1911 г. (как указывалось выше, вместе с отчетом Плано Карпини).—*Прим. ред.*

[2] Акра (Акка, Аккон)—порт в Северной Палестине (к северу от мыса Кармел), во время путешествия Рубрука принадлежавший христианам.—*Прим. ред.*

сание Карпини. Так, например, в нем имеется сообщение о крупной торговле солью с низовьев Дона:

«На севере этой области находится много больших озер, на берегах которых имеются соляные источники; как только вода их попадает в озеро, образуется соль, твердая, как лед; с этих солончаков Батый и Сартах получают большие доходы, так как со всей Руссии ездят туда за солью, и со всякой нагруженной повозки дают два куска хлопчатой бумаги... Морем также приходит за этой солью много судов, которые все платят пошлину по своему грузу».

Другое интересное место у Рубрука относится к Каспийскому морю:

«Это море с трех сторон окружено горами, а с северной стороны к нему прилегает равнина... Море это можно обогнуть в 4 месяца, и неправильно говорит Исидор, что это залив, выходящий из океана, ибо оно нигде не прикасается к океану, но отовсюду окружено землей».

Исидор Севильский был энциклопедическим писателем начала VII в., черпавшим свои идеи у классических авторов. Если в свое время Геродот правильно описывал Каспий как внутреннее озеро, последующие писатели отклонились от этого. К эпохе Страбона Каспийское море превратилось в представлениях древних в залив океана. Птолемей исправил эту ошибку, но писатели древней эпохи и средневековья вновь вернулись к прежнему заблуждению. Одним из них был Солин, написавший около III в. книгу под названием Collectanea Rerum Memorabilium (Сборник достопримечательностей), которую Исидор в свою очередь положил в основу своего труда. Произведенное на месте исследование Рубрука подтвердило правильность положения, высказанного Геродотом семнадцатью веками ранее.

Приведем еще один, последний отрывок, рисующий систему ирригации в Средней Азии. Близ Кенчата «с гор спускалась большая река (Талас), которая орошала всю страну, так как они проводили от нее воду, куда им было угодно; эта река не впадала в какое-нибудь море, а поглощалась землею, образуя также много болот. Я встречал там виноград и дважды пил вино».

Отчеты обоих этих путешественников представляют в настоящее время интерес в той мере, в какой они проливают свет на географию Центральной Азии[1]. В XIII в. значение их было иным.

---

[1] Один из крупнейших авторов XIX в., писавших об истории географических открытий,—Руге считает, что Рубрук первый установил основные черты рельефа Центральной Азии: «Если мы хотим оценить по достоинству

Конечно, верно, что они дали Западной Европе первое действительно достоверное описание Центральной Азии и монгольских народов и тем самым открыли целую новую область для исследований, так же как заполнили белое пятно на карте. Но, кроме этого, рассказы их содержали также и некоторые, пускай туманные, указания о существовании на свете еще и других народностей, помимо виденных ими. Так, описывая людей, живших за пределами юрисдикции ханского двора, Рубрук говорит, что «далее находится великая Катайя (Китай), жители которой, как я полагаю, в древности назывались серами (seres), ибо от них прибывают самые лучшие шелковые ткани, называемые по латыни serici». Рубрук был первым человеком, вслух высказавшим предположение, что Катайя (Китай) и Серес были двумя частями одного целого. Первым европейским писателем древности, имевшим какое-либо представление о том, что за Бенгальским заливом существует еще и другая земля, был Помпоний Мела (43 г. н. э.). К эпохе Птолемея древний мир уже определенно знал о существовании страны, где находился «город Серес» и откуда привозился шелк. С упадком географических знаний, наступившим после падения Римской империи, страна эта была забыта, пока Плано Карпини и Рубрук не обрели ее вновь для Европы и не сделали ее частью известного древним мира. Уже одно это придает их трудам большую ценность; и кроме того они были пионерами в том движении, которое приоткрыло Азию, хотя и на короткое время, для сношения с Европой.

Этому процессу вторичного открытия Азии в огромной степени помогло объединение большой ее части монголами, сыгравшее для средневековой торговли не меньшую роль, чем открытие Америки для людей эпохи Возрождения. Монголы вызвали к жизни два из трех великих торговых путей между Востоком и Западом.

«Один из них, египетский, оставался в руках мусульман, и европейцы не имели возможности им пользоваться, хотя венецианские галеры и привозили к себе грузы пряностей и шелка из великого конечного порта этого пути — Александрии. Зато монголы открыли для движения остальные два: 1) через Персию, Сирию и далее морем и 2) великую трансазиатскую сухопутную дорогу» (А. Ньютон)[1].

заслуги Рубрука,—писал Руге в своей «Истории эпохи великих открытий» (1881),—мы должны одновременно учесть собранные им сведения и его личные наблюдения... Из всего этого Рубрук правильно заключил, что Азия к востоку или, точнее, к юго-востоку (от северного Туркестана) переходит в громадное плоскогорье. Этот вывод для средних веков был первым намеком на существование Центрально-Азиатского плоскогорья».—*Прим. ред.*

[1] А. Ньютон—составитель нескольких английских историко-географических сборников, в том числе «Путешествия и путешественники в средние века» (1926).—*Прим. ред.*

В 1255 г. два венецианских купца, Николо и Маффео Поло, следуя черноморским путем, которым уже пользовались другие послы к великому хану, достигли Сарая. Из-за беспорядков в стране вернуться назад они не могли и потому проследовали в Бухару, а оттуда ко двору великого хана, где-то вблизи Пекина. После 14-летнего отсутствия, везя с собой послание к римскому папе, они вернулись в Акру. Им удалось проникнуть в Азию дальше, чем кому-либо другому из их предшественников.

В 1271 г. оба Поло вновь отправились на восток, везя на этот раз с собой сына Николо —Марко, которому мы и обязаны драгоценнейшим отчетом о том и другом путешествиях. Наши путешественники отправились из Акры на север через Армению, обогнули северную оконечность озера Ван и через Тебриз и Йезд достигли Ормуза. Вначале они намеревались отправиться отсюда на восток морем, но, поскольку суда в порту показались им ненадежными, они повернули обратно и поехали через Персию на Балх. Дальнейший путь их лежал через Памир на Кашгар, откуда они двинулись по цепи городов, лежащих у подножья Куэньлуня. За Яркендом и Хотаном они повернули на восток, прошли южнее озера Лоб-Нор, пересекли Ордос и достигли Пекина. Но и здесь их путешествие не кончилось, так как они прожили в Китае семнадцать лет. Это долгое пребывание в Китае дало Марко Поло возможность ознакомиться с частью Великой Китайской равнины, пройти через современные провинции Шаньси, Шэньси и Сычуань вплоть до отдаленной Юньнани и даже до Бирмы, а также посетить Кохинхину[1]. В течение трех лет он был правителем одного из городов Китая и тогда, как и во время всех своих странствий, проявил дар острого и точного наблюдения всего окружающего. По этой причине книга его дает прекрасную картину пути в Китай, самого Китая и китайцев.

Венецианцы поехали обратно в Европу морем, прошли Малакским проливом, обогнули южный берег Индии и, идя вдоль ее западных берегов, пришли обратно в Ормуз. Таким образом, их обратный путь послужил важным дополнением к их сухопутному путешествию, так как со времени классической древности ни один европеец, за исключением, возможно, Космы, не плавал по Индийскому морю и никто никогда не совершил путешествия из такого отдаленного места, как один из портов Китая. Таким образом, книга о путешествиях Марко Поло стала живым, составленным по личным наблюдениям описанием двух великих торговых путей, вновь открытых для движения благодаря монголам.

---

[1] Ошибка автора: Марко Поло во время пребывания в Китае, во всяком случае, не посещал Кохинхины, т. е. южной области Индокитая, в низовьях Меконга, но, возможно, побывал в северной области Индокитая, в бассейне Красной реки.—*Прим. ред.*

Недостаток места не позволяет нам полностью отдать должное человеку, которого совершенно правильно называют «безусловно величайшим путешественником и изумительнейшим наблюдателем, каких только дало средневековье». Для иллюстрации размаха и содержания его описания мы можем привести здесь лишь несколько примеров.

Прежде всего коснемся великого порта Ормуз, который Марко Поло называет Хормозом.

«Сюда приходят на своих судах купцы из Индии; привозят они пряности и драгоценные камни, жемчуг, ткани, шелковые и золотые, слоновую кость и другие товары; все это продают они другим купцам, а те, перепродавая, развозят по всему свету. В городе большая торговля... Превеликая тут жара; солнце печет сильно; страна нездоровая... Пшеницу, ячмень и всякий другой хлеб сеют они, скажу вам еще, в ноябре; а в марте уже уборка; тогда же и другие плоды сбирают, и они поспевают в марте; на земле не остается ни былинки, только одни финики держатся до мая. Сильная жара сушит все».

Марко Поло рисует очень точную картину караванного пути через Центральную Азию в Китай. В приводимом нами ниже отрывке дается ряд важнейших географических фактов, рисующих трудности и лишения этого пути:

«Лоп — большой город в начале пустыни. Там, где в нее входят, называется она пустынею Лоп и тянется на восток и северо-восток... Кому дорога через пустыню, тот останавливается здесь на неделю — самому отдохнуть, да и скоту дать набраться сил, а через неделю, набрав харчей, корма на целый месяц и себе и для скота, выходит из города в пустыню. А пустыня та, скажу вам, великая; в целый год, говорят, не пройти ее вдоль; да и там, где она у́же, еле-еле пройти в месяц. Всюду горы, пески да долины; и нигде никакой еды. Как пройдешь ночь и день, так найдешь довольно пресной воды; человек на пятьдесят или сто хватит ее; так по всей пустыне; пройдешь ночь и день и найдешь воду. В трех-четырех местах вода дурная, горькая, а в других хорошая, всего двадцать восемь источников. В обычае итти всем вместе кучкою; а перед тем как спать ложиться, выставляют знак в том месте, куда итти; на шею скоту вешают колокольчики, чтобы не мог с дороги сбиться».

Дорога через пустыню привела путешественников ко двору самого великого хана в Пекине, который Поло описывает самым подробным образом. Вслед за тем он переходит к описанию Китая, который он наблюдал своими глазами в течение своего многолетнего пребывания в нем. Поло рассказывает о великолепной системе связи, поддерживавшейся великим ханом.

«От Канбалу [Пекина], знайте доподлинно, много дорог в разные области, то есть одна — в одну область, другая — в другую; и на всякой дороге написано, куда она идет, и всем это ведомо... По какой бы дороге ни выехал из Канбалу гонец великого государя, через двадцать пять миль он приезжает на станцию, поихнему ям, а по-нашему конная почта; на каждой станции большой прекрасный дом, где гонцы великого государя находят пристанище... На каждой станции по четыреста лошадей—так великий государь учредил; лошади всегда тут наготове для гонцов, когда великий государь куда-либо посылает их. По всем главным областным дорогам через двадцать две мили, а где через тридцать, есть станции; на каждой станции от трехсот до четырехсот лошадей всегда наготове для гонцов; тут же палаты, где гонцы находят пристанище. Вот так-то ездят по всем областям и царствам великого государя. В местах пустынных, где нет ни жилья, ни постоялых дворов,—и там великий государь для гонцов приказал устроить станции, палаты и все нужное, как на других станциях, и коней и сбрую; перегон только подальше; есть станции в тридцать пять миль, а в ином месте более сорока. На этих станциях, знайте доподлинно, более трехсот тысяч лошадей готовы для гонцов... И такая тут изумительная роскошь, что еле под силу рассказывать или описывать это».

Марко Поло обнаружил, что одно из полезных ископаемых Китая, каменный уголь, было во всеобщем употреблении. Вот как он описывает это:

«По всей стране Катай есть черные камни; выкапывают их в горах, как руду, и горят они, как дрова. Огонь от них сильнее, нежели от дров. Если вечером, скажу вам, развести хорошенько огонь, он продержится всю ночь, до утра. Жгут эти камни, знайте, по всей стране Катай. Дров у них много, но жгут они камни, потому что и дешевле, да и деревья сберегаются».

Многочисленность и богатство городов и размеры торговли Китая произвели большое впечатление на Марко Поло. Так, о городе Синдзю (Ичан) он пишет:

«...Город не очень велик, но торговый, и судов тут много... Город, знайте, стоит на реке Цзян, величайшей на свете. Река широкая, в иных местах десять миль, а в других—восемь или шесть, а в длину более ста дней пути; и вот поэтому на ней такое множество судов; развозят они по ней всякого рода товары; великие пошлины и большой доход великому хану отсюда. Река эта, скажу вам, большая, протекает по многим странам; городов по ней много, а судов с дорогими товарами и самой высокой цены больше, нежели на всех реках и морях христиан.

В этом городе, скажу вам, видел я зараз более пяти тысяч судов. Можете себе представить, сколько всех судов в других местах, когда столько их в небольшом городе... Более шестнадцати областей обтекает эта река; на ней более двухсот больших городов, и в каждом из них судов больше, нежели в этом городе».

Невдалеке от этого небольшого порта был расположен Кинсай (Ханчжоу) —«...без спору, это самый лучший, самый величавый город на свете». «Город в окружности около ста миль», в нем двенадцать тысяч каменных мостов; двенадцать ремесленных гильдий; озеро в добрых тридцать миль в окружности; вымощенные камнем и кирпичом улицы; три тысячи бань, в некоторых из них «зараз могут мыться по 100 человек», а в 25 милях море-океан. «Повторяю,—говорит Поло,—богатства тут много, и доход великого хана большой; коль порассказать о нем, так и веры не дадут».

Описание Поло его путешествий по Китаю и по другим виденным им странам настолько интересно, что даже трудно сказать, какие места являются наиболее увлекательными. Поло выехал из Китая через Зайтун (Цюаньчжоу в Фуцзяни). О нем он говорит:

«... приходят туда суда из Индии с разными дорогими товарами, со всякими дорогими каменьями, с крупным и отличным жемчугом. Это пристань и для купцов из Манци [то есть долины Нижней Янцзы] и для всех по соседству. И приходит сюда и вывозится отсюда многое множество товаров и каменьев. Смотришь и удивляешься. Отсюда, из этого города и с этой пристани, они расходятся по всей области Манци. На каждое судно с перцем, что приходит в Александрию или в другое место для христианских земель, в эту пристань Зайтун, скажу вам, прибывает сто. Это, знайте, один из двух самых больших в мире портов; товаров приходит сюда всего больше».

Возвращаясь на родину в Венецию морем, Марко собрал кое-какие сведения об арабской сфере влияния в Индийском океане. Мадагаскар, по его словам, лежит «в тысяче миль на юг от Сокотры. А далее на юг, к югу от этого острова да от острова Зангибара, к другим островам суда не могут плыть: сильно тут морское течение на юг, и не вернуться назад судну, поэтому суда и не ходят туда».

Здесь географические познания Марко Поло явно кончаются. За Мадагаскаром уже живет птица гриф; все же для Поло характерно, что, по его словам, «вовсе гриф не таков, как у нас думают и как его изображают: наполовину птица, а наполовину лев». «Те, кто его видел, рассказывают, что он совсем как орел», но гораздо сильнее: он может ухватить когтями слона и унести его высоко в воздух.

Марко Поло уделяет внимание и таким странам, которые ему самому посетить не удалось. Так, он говорит о Японии, об островах Индонезии, о Северной Европе, но рассказы эти, будучи основаны на чужих сообщениях или собственных домыслах, имеют небольшую ценность.

Хотя Марко Поло признали не сразу, с течением времени работа его оказала большое влияние на географическую мысль и всю область географических исследований. Его представления нашли себе отражение в картах позднего средневековья и в особенности в Каталанской карте 1375 г. Такие люди, как принц Генрих Мореплаватель и Христофор Колумб, изучали его книгу. Марко Поло отправился в свои путешествия отчасти с торговой целью, отчасти, чтобы отвезти нечто вроде ответа от римского папы великому хану; он приоткрыл дверь, через которую сразу же устремились миссионеры и купцы. В течение некоторого периода эта дверь оставалась приоткрытой, и из Азии в Европу шли вести. Потом дверь закрылась и так и оставалась закрытой, пока другой народ—португальцы—не нашел иной путь, на этот раз морской, вокруг Африки и вновь не открыл купцам и миссионерам Восток. Однакоже, если путешествия Марко Поло не создали постоянной связи с Дальним Востоком, они увенчались успехом другого рода: результатом их была самая увлекательная на свете книга путешествий, когда-либо написанная, которая навсегда сохранит свою ценность[1].

2. Преемники Марко Поло

Вскоре после того как Марко Поло начал свое замечательное путешествие, в 1278 г. к монголам из Европы была отправлена и первая христианская миссия. Об этой миссии мы знаем очень мало, и нет уверенности, что она проникла во внутреннюю Азию. «Подлинным основателем латинской церкви в Китае» был Джованни Монте-Корвино, родившийся около 1247 г. и скончавшийся около 1328 г. Он вел миссионерскую работу вначале в Тебризе (Иран), затем в течение 13 месяцев—в Южной Индии и, наконец, примерно с 1293 г. до кончины—в Китае. Вполне естественно поэтому, что его письма посвящены главным образом его миссионерской работе, хотя вместе с тем они далеко не безинтересны и с географической точки зрения. Он описывает и объясняет климат Южной Индии и дает пространное описание ее народа. К числу наиболее важных тем, которым он уделяет внимание в своих письмах, можно отнести цейлонскую торговлю корицей, сведения об иноземцах, главным образом арабах и евреях, жив-

[1] Книга Марко Поло переведена на русский язык И. Минаевым в 1902 г. под заглавием «Путешествие по Татарии и другим странам»; 2-е изд. акцией и с примечаниями Кунина, 1940.—*Прим. ред.*

ших «в приморских областях» Индии, и объяснение значения муссонов для мореплавания. О мореплавании он говорит следующее:

«Отправляться в плавание можно только раз в году, так как с начала апреля до октября ветры дуют на восток, так что никто не может плыть на запад, а с октября по март—в противоположном направлении. С середины мая до конца октября дуют такие сильные ветры, что суда, не достигшие к тому времени портов, в которые они идут, подвергаются страшному риску, и если им удается уцелеть, то это большое счастье» (Юл[1]).

На пути из Тебриза в Пекин Монте-Корвино сопровождал «хозяин Пьетро из Луколонго, истинно верующий христианин и богатейший купец».

Другой миссионер, Андрей из Перуджии, исправлял службу в Пекине с 1308 по 1318 г., а после этого—в «величайшем порту мира» Зайтуне (Цюаньчжоу). Хотя письма на родину он и писал из этого последнего места, он ничего не сообщает в них о Китае, «так как всего не расскажешь, да и тот, кто прочтет, не поверит».

Следующим по порядку сообщением об Индии является донесение монаха Иордана, который выехал туда, повидимому, уже в 1302 г. и прислал оттуда два письма: одно от 1321 г. и другое от 1323 г., а также составил свои «Mirabilia» (Чудеса), относящиеся, повидимому, к 1328—1330 гг. Книга эта, как свидетельствует ее название, содержит в себе рассказ о различного рода чудесных вещах, но является также кратким географическим трактатом о значительной части мира. Полнее всего в ней описывается Индия, которую автор знал лично; но как только автор выходит за несколько узкие рамки этого предмета, в его повествование вкрадываются неверные сообщения и просто басни. Некоторые части Индии Иордан описывает чрезвычайно правильно, и многие из его суммарных характеристик являются образцами сжатости и точности.

После краткого и в общем верного описания Персии Иордан переходит к «Малой Индии», другими словами—к южному побережью Белуджистана и западному побережью Индии до Малабара. Иордан описывает все характерное, что наиболее бросалось ему в глаза: пустыни, темный цвет кожи местного населения, равную продолжительность дня и ночи, особенности плодов, вроде какка и манго, или деревьев, вроде тади и баньяна. Иордан был первым европейцем, описавшим парсов, погребальные обычаи которых так сильно разнились от обычаев индусов.

---

[1] *Юл* (Yule H.) — один из наиболее выдающихся английских историков-географов XIX в., специализировавшихся на средневековье, в частности крупнейший из иностранных комментаторов Марко Поло; автор несколько раз переиздававшихся книг «Катай и путь туда» (Cathay and the Way Thither) и «Книга господина Марко Поло».—*Прим. ред.*

В «Великой Индии» внимание его привлекли слоны, пряности и фрукты. За Индией и, следовательно, за границей лично ему известной территории, по словам Иордана, лежит «более десяти тысяч обитаемых островов».

В этой «Индии все полно чудес—это поистине какой-то новый мир». Не все, однако, у Иордана было фантазией, так, например, слоны в Камбодже описываются им совершенно правильно.

О «Третьей Индии», то есть о Восточной Африке, Иордан пишет: «Ее многих чудес я своими глазами не видел, так как сам там не был, но слышал о них от верных людей». Он слышал об «императоре Эфиопии, которого вы называете пресвитером Иоанном», и что в Аравии, где «находятся громадные непроходимые и сухие пустыни», растут «редчайшие ладан и мирра». В этой стране Иордан был, но пишет, что рассказать о ней может лишь немного.

Гораздо более важной является работа монаха Одорико Порденоне, родившегося около 1274 г. и умершего в январе 1331 г. Он начал свои путешествия в 1316 г. и закончил их в 1330 г., побывав в Западной Индии в 1321 г. и пробыв в Северном Китае с 1322 по 1328 г.

Одорико отправился на восток из Константинополя обычным трансперсидским путем через Трапезунд, Тебриз и Багдад до Ормуза, откуда он морем проехал в Тана на остров Сальсете (теперь часть Бомбея). Он посетил Малабар, Цейлон и Мадрас и, отправившись морем далее на восток, побывал на Суматре, на Яве, быть может, также и на Борнео, в Кохинхине и наконец прибыл в Кантон. В этом порту, в три раза превышавшем по величине Венецию и отстоявшем на расстоянии одного дня пути от моря, «столько судов, что число их многим показалось бы невероятным». Оттуда Одорико проследовал в Северный Китай. Ехал он через Ханчжоу, который он называет Каузай (Марко Поло называл его Кинсай). Одорико оставил нам хорошее описание этого города. Дальнейший путь Одорико лежал через Нанкин, потом по «пресноводным каналам» (то есть по Великому Каналу) к Хуанхэ и далее на Пекин. Хуанхэ «проходит через самую середину Китая и, когда разливается, производит громадные разрушения, подобно реке По у Феррары». Одорико прожил «три полных года» в Пекине. Он расказывает кое-что новое о китайцах, чего мы не встречаем у Марко Поло: «Признаком знатности у мужчин являются длинные ногти, а у красивых женщин... маленькие ножки; по этой причине матери, как только у них рождаются девочки, так сильно перевязывают им ступни, что те более не растут».

Обратно Одорико поехал через нынешние Ордос и Шэньси на Тибет. Он, повидимому, посетил Лхасу, и если не был первым европейцем, побывавшим в ней, то по крайней мере—первым

ее описавшим. Дальнейший его путь точно неизвестен, но, повидимому, лежал через Кабул на Хорасан по южному берегу Каспийского моря и через Тебриз. Сообщения Одорико о его путешествии и важны и интересны. Они несколько проигрывают в сравнении с описаниями Марко Поло, но все же имеют достаточно серьезных достоинств, чтобы заслужить ознакомления с ними. Одорико был первым европейцем, ясно и недвусмысленно упомянувшим Суматру и реку Реджанг этого острова; он отмечает, что туземцы Индонезии пользуются духовыми ружьями, и, как мы уже указывали, дополняет повествование Марко Поло рядом интересных подробностей. Одорико был неучен, мало заботился о соблюдении строгих правил монашеской жизни, любил путешествовать и видеть новые места, но сумел сохранить чувство меры, а если и пересказывал побасенки других путешественников, то отмечал также и важные факты; в силу этого работа его навсегда останется одним из важнейших документов данного периода сношений Европы с Востоком.

Последним миссионером, которого нам следует упомянуть, является Мариньолли. Он покинул Авиньон в 1338 г.[1] и после некоторой задержки в Италии прибыл 1 мая 1339 г. в Константинополь. Зиму того года он провел, повидимому, в Сарае (столице Золотой Орды на волжской Ахтубе) и с наступлением весны 1340 г. выехал далее на Восток. Достиг Китая Мариньолли лишь в июне 1342 г. Он провел три или четыре года в Пекине, после чего выехал в Зайтун и оттуда отплыл в Индию. Время его отъезда точно неизвестно, но по расчету приходится на 1346 или 1347 г. Из Индии он проследовал в Ормуз и далее сухим путем через ряд пунктов, в том числе через Багдад и Иерусалим. Каким путем он следовал из Палестины—неизвестно, но он побывал на острове Кипре, заехал в Италию и к 1353 г. вернулся в Авиньон.

Наряду с описанием особенностей Южного Китая, Цейлона и Южной Индии, Мариньолли в нескольких местах излагает свои общегеографические представления. Так, например, он обсуждает вопрос о четырех великих райских реках. По его словам, часть течения теряющейся в песках реки Физон приходится на Китай; Мариньолли сам пересек ее и нашел, что это «величайшая пресноводная река мира». Мариньолли спутал здесь ряд рек, включая Хуанхэ, Ганг и Аму-Дарью. Другим примером путаницы у Мариньолли является «белое море за Венгрией, где теперь живут валахи», составляющее часть западной границы владений старшего Ноева сына Сима. Речь, повидимому, идет, с чрезвычайным преувеличением, о русском Белоозере, лежащем к востоку

---

[1] Авиньон—город в Провансе (Южная Франция), который в 1309—1377 гг. был резиденцией римских пап (период так называемого «Вавилонского пленения пап»).—*Прим. ред.*

от Ленинграда и входящем в систему реки Волги. Как огромное озеро оно фигурирует и на карте Фра-Мауро[1].

По словам Мариньолли, он затратил много сил на исследование чудес мира. Он объездил «все главные страны на земле и в особенности те места, где сходятся купцы со всех концов мира, как, например, остров Ормес (Ормуз)», но нигде не видел тех чудовищ, о которых сообщают другие путешественники. По его словам, великаны, чудовищные змеи и некоторые животные с мордами, чрезвычайно похожими на человеческие лица, все же существуют. Мариньолли считал невозможным существование антиподов и полагал, что «богу было неугодно, чтобы люди могли плавать кругом света».

Миссионерская деятельность была лишь одной из форм европейского проникновения на Восток; так, Марко Поло был купцом, вслед за ним потянулись и другие купцы. Частично для их пользы Марино Санудо и написал в 1321 г. свой «Opus Terrae Sanctae» (Трактат о Святой Земле). Работа не была задумана им как географический трактат, а имела целью пропаганду в пользу нового крестового похода с целью захвата Египта и уничтожения мусульманской торговой монополии. Санудо приложил к своему труду карты, показывающие, что хотя он и много знал о торговых путях на Восток, но не имел представления о местоположении важнейших городов. Так, Аден попал у него в Африку, он не знал, что Ормуз находится на острове, плохо знал порты Индии и считал Красное море не судоходным. Это компенсировалось тем, что он хорошо знал великий торговый путь из Сирии в Багдад. Если купцы нашли сухопутный путь в Индию, спрашивал Санудо, почему бы венецианским купцам не превратить его в постоянную торговую дорогу?

Другим хорошим примером заинтересованности в торговле с Востоком является работа Пеголотти, написанная около 1340 г. и являющаяся частью более широкого труда некоего Паньини. Пеголотти назвал ее «Описанием различных стран», Паньини же гораздо более точно—«Practica della Mercatura» (Торговое руководство). Книга эта была выпущена, повидимому, как справочник для флорентийских купцов и не представляла собой описания какого-либо путешествия автора, который никогда не бывал в Восточной Азии. Книга открывается «сведениями относительно путешествия в Катай (Китай) для тех, кто поедет через Тану и вернется с товарами». Вторая глава содержит ряд советов купцам, например: «Прежде всего перестаньте бриться и отрастите

[1] Фра-Мауро—итальянский монах, составивший в 1459 г. замечательную круговую карту мира, где, между прочим, впервые без искажений дано название «Сибирь» (Sibir)—к востоку от реки, которую вполне можно отождествить с Камой. О Фра-Мауро см. *К. Салищев*, «Основы картоведения», часть историческая, 1948 г., стр. 56—59.—*Прим. ред.*

себе бороду». Далее идут указания насчет прислуги, способа передвижения и продовольствия, за которыми следуют данные о сборах с товаров и транспортных издержках. Сама дорога, «по словам пользовавшихся ею купцов, совершенно безопасна от Таны до самого Катая». Уже одно это замечание показательно для торговых отношений между Европой и Китаем в те времена. Вся работа, написанная купцом для купцов, имеет огромную ценность для изучения средневековой торговли.

Один из торговавших с Востоком купцов, венецианец Николо де Конти, оставил нам описание своих путешествий. Он был лишь одним из ряда венецианцев, открывших в XV в. торговые связи с Персией и другими лежащими за ней странами. Отправной точкой его путешествия был Дамаск, откуда он проследовал через Багдад и Басру до Ормуза, из которого отплыл в Камбай. После короткой экскурсии в глубь страны, плывя вдоль побережья, он обогнул полуостров Индостан и достиг Бенгалии. По Гангу он поплыл до Чернове (?) и далее, затем направился сушей в Бирму и следовал «в течение семнадцати дней через горы, в которых не было никакого человеческого жилья, а потом еще пятнадцать дней по открытой равнине, пока не достиг реки, большей чем Ганг, которую жители называли «Дава». Проплыв по этой реке в течение месяца, он достиг Авы.

После этого Николо Конти направился на Яву и, быть может, побывал в Кохинхине и Китае, чтобы затем вернуться в Каликут и Камбай. Обратный путь он совершил через Сокотру, Аден, Эфиопию, Джедду и Египет, далее на Триполи, и, наконец, вернулся в Италию. Этот бесстрашный купец прибыл обратно в Венецию в 1444 г. после 25-летнего отсутствия. Автор повествования о путешествиях Конти—Поджо Браччолини (1380—1459 гг.) — пишет, что «он проник дальше, чем какой бы то ни было путешественник до него, и что человек он был, повидимому, правдивый». В рассказе Браччолини фигурирует также описание истоков Нила и Эфиопии.

Упомянутые нами до сих пор авторы много путешествовали, иногда даже без какой-либо определенной цели. В противоположность им Клавихо, к которому мы теперь переходим, ездил лишь ко двору Тимура, недолго при нем пробыл, и поездка его носила чисто деловой характер. Все же Клавихо был наблюдательный человек, и его рассказ о его посольстве в Самарканд в 1403—1404 гг. дает ценную картину последних дней правления Тимура[1].

Клавихо выехал морем из Испании в Константинополь и оставил нам очень ценное описание последнего. Из Трапезунда он

[1] Русский перевод И. Срезневского: *Рюи Гонзалес де Клавихо*, «Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг.», 1881.— *Прим. ред.*

поехал сухим путем в Тебриз и далее через Каракумскую пустыню к Аму-Дарье и далее до Самарканда. Книга его содержит множество любопытных географических подробностей, относящихся к его маршруту.

«Надо отметить, что от Тебриза на всем пути до Самарканда Тимур устроил ямские станции. Тот, кого царь посылал куда-нибудь или кто ехал к нему, должен был ехать на этих лошадях как можно скорее, и день и ночь. По приказанию царя приготовлены лошади через каждый день пути; в одном месте—сто, в другом—двести; и так были устроены дороги до самого Самарканда».

Река Оксус (Аму-Дарья), берущая начало в горном районе к северу от Афганистана, стекает «... по степям Самаркандской земли, входит в землю Татарскую и впадает в море Баку» (т. е. Каспийское).

Это сообщение, которое Клавихо приводит как слышанное от других, совпадает с известием одного персидского писателя того же времени, который вполне определенно утверждает, что Аму-Дарья действительно впадала в Каспийское море. Хотя и известно, что менялись как русла рек, так и очертания Каспийского и Аральского морей, вопрос о том, куда впадала Аму-Дарья, все еще является спорным и вряд ли когда-либо будет разрешен[1].

Клавихо дает живое описание Самарканда, лежащего на равнине и окруженного земляным валом и глубоким рвом:

«Сам по себе город немногим больше Севильи, но вне города (за валом) построено очень много домов, присоединяющихся к нему как предместья с разных сторон. Весь город окружен садами и виноградниками... Среди них есть улицы и площади очень населенные, где живет много народу и продается хлеб, мясо и многое другое; так что население пригородов гораздо многочисленнее населения внутри вала».

Фруктовые сады так многочисленны, что за ними не видно жилья богатых и знатных людей. Через городские улицы и через сады «идет много водопроводов (арыков). Между этими садами разведено много дынь и хлопка». Верблюды ежедневно привозят дыни из внутренних районов.

«Эта земля богата всем: и хлебом, и вином, и птицей, и разным мясом; бараны там очень большие и с большими курдюками; есть бараны с курдюками весом в двадцать фунтов... Хлеб там дешев так, что нельзя больше и желать, а рису просто нет конца».

[1] Вопрос о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море подробно рассматривается *Л. С. Бергом* в монографии «Аральское море», 1908; см. также *Л. С. Берг*, «Очерки по истории русских географических открытий», 1946 (раздел «Первые русские карты Каспийского моря»).—*Прим. ред.*

Подступы к городу ведут через высокую горную цепь, в которой «есть проход, которым можно пройти сквозь гору по трещине; и кажется, точно он проделан человеческими руками, потому что с обеих сторон подымаются высокие горы, а проход ровный и очень глубокий. Посреди этого горного прохода стоит селенье, а над ним очень высоко поднимается гора. Этот проход в горах называется «Железные ворота», и во всей этой цепи гор нет другого прохода, кроме этого; он защищает Самаркандское царство, так как со стороны Малой Индии нет другого прохода, кроме этого, чтобы войти в царство Самаркандское; и точно так же жители царства Самаркандского не могут пройти в Индию иначе, как через этот проход. Этими Железными воротами владеет Тимур, и они приносят ему большой доход, потому что через них приходят купцы, идущие из Малой Индии в Самаркандское царство и в земли ниже его».

Клавихо отмечает также, что Тимур владеет и другими «Железными воротами», у восточной оконечности Кавказского хребта около Дербента, так что «для того, кто хочет пройти из Татарии в Персию, нет другого прохода, кроме этого». Между теми и другими воротами лежала огромная территория, подчиненная Тимуру.

От миссионеров, купцов и послов коренным образом отличался немецкий путешественник средневековой эпохи Ганс Шильтбергер. В 1396 г. 14 лет от роду он был взят в плен турками при Никополе и пробыл в рабском или полурабском состоянии до 1427 г. В 1402 г., после победы Тимура в битве при Анкаре, он попал в плен к нему и поэтому имел случай познакомиться с двором в Самарканде как раз в то время, когда при нем находился Клавихо. После смерти Тимура в 1405 г. он посетил юго-западную Сибирь и дал о ней некоторые сведения[1]. Во время своих последующих вынужденных скитаний он посетил другие районы Ближнего Востока, Крым и, возможно, Египет.

Шильтбергер изложил свои приключения в «Книге путешествий» (Reisebuch), в которой содержится много материала о посещенных им странах. Некоторые его описания относятся к странам, в которых он сам не был, как, например, к Индии; по его словам, он ездил в Египет, но рассказ его об этой стране нас в этом не убеждает. Притом он знал о торговле Александрии и получил, повидимому из какого-то надежного источника, сведения о Красном море. Рассказ его о жизни Магомета и об обычаях его последователей отличается большой правдоподобностью.

---

[1] Посещение Шильтбергером юго-западной Сибири сомнительно, а сведения, сообщаемые им об этой территории, повидимому, заимствованы у средневековых путешественников XIII в.—*Прим. ред.*

Не надо забывать, что Шильтбергер провел большую часть своей жизни в скитаниях по чужим землям. Все обстоятельства его жизни, его молодость и та среда, с которой он вынужден был общаться, объясняют ряд ошибок и неточностей, вкравшихся в его книгу. При всем том она остается «первым крупным вкладом Германии в литературу европейской экспансии» (Б и з л и). Подобно книге Марко Поло, она является плодом долголетнего пребывания в чужих странах, и, хотя она далеко уступает по ценности работе венецианца, несколько новых деталей, среди которых на первом месте стоят факты, относящиеся к Сибири, придают ей некоторое значение[1].

Проникновение западно-европейцев в Азию в течение столетия, последовавшего за путешествием Марко Поло, осталось все же лишь эпизодом: никаких долговременных следствий оно не имело. Оно прервалось отчасти по той причине, что победы турок способствовали установлению нетерпимого мусульманского владычества на огромной территории Азии, отчасти потому, что в 1370 г. монгольская династия была изгнана из Китая и с ней исчез крупный фактор, способствовавший безопасным связям Запада с Востоком. Все же столетие это замечательно расширило географический кругозор, и сохранившиеся от него письменные памятники относятся к числу самых интересных и ценных документов во всей истории географических открытий[2].

---

[1] Русский перевод Ф. Бруна: *Шильтбергер*, «Путешествие по Европе, Азии и Африке», 1865. Никаких «новых деталей» в отношении Сибири Шильтбергер не сообщает (см. примечание на предыдущей странице).—*Прим. ред.*

[2] Из русских средневековых путешественников Бейкер упоминает только об игумене Данииле. Он не упоминает о замечательном путешествии в Индию русского (тверского) купца Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. и о его книге «Хожение за три моря»—первой в средневековой Европе книге, где дано вполне правдивое, реалистическое и в то же время красочное описание Индии и путей туда из Восточной Европы. Этот пропуск у Бейкера непонятен, так как «Хожение за три моря» Афанасия Никитина переведено на английский язык еще в 1857 г. и включено в сборник, составленный Мэйджором, «Индия в XV веке» (издание Общества Хаклюйта, 1-я серия, т. XXII), причем сам Бейкер указывает на этот сборник среди основной литературы для главы II (стр. 34 второго издания, примечание). На русском языке лучшее научное издание: «Хожение за три моря Афанасия Никитина» под редакцией академика Б. Д. Грекова и члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, изд. АН СССР, 1948. В издание включены: полный текст по Троицкому списку XVI в., сокращенный текст по списку Ундольского XVII в., перевод полной редакции «Хожения» на современный русский язык; две статьи—«Родина Афанасия Никитина—Тверь XIII—XV вв.» (Б. Романова) и «Афанасий Никитин—путешественник-писатель» (В. Адриановой-Перетц); комментарии—археографический, географический и исторический—и библиография.—*Прим. ред.*

Глава III

АРАБЫ[1]

Хотя арабские географы[2] и не имели прямой связи с географами Европы, однакоже ввиду оказанного ими косвенного влияния на европейских географов они занимают определенное место в истории географических открытий. Их главная роль заключается в том, что они сумели сохранить кое-что из наследства классической древности в тот период, когда Западная Европа была не в силах оценить его значение; далее, арабская литература насчитывает несколько трудов замечательных путешественников, повидавших закрытые для европейцев страны. Вообще же надо сказать, что влияние арабских путешественников на европейскую географическую мысль было невелико.

Арабские географические труды в общем распадаются на две группы: труды описательные и труды математические. Узкоспециализированный характер последних многим обязан «Географии» Птолемея, переведенной на арабский язык в самом начале IX в.; нами здесь они не рассматриваются, так как относятся скорее к истории географии. Математико-географическая литература арабов является частью их общеастрономических трудов, в каковой области арабы добились больших успехов и, во всяком случае, намного превзошли греков. Выполнение религиозных обрядов у мусульман невозможно без уменья правильно определять широту и долготу места, в связи с необходимостью сооружения горизонтальных солнечных часов—для указания точного момента полуденной молитвы, для получения географических координат Мекки, лицом к которой должен быть обращен молящийся, а также для успешного составления гороскопов. Одним из крупнейших достижений, связанных с определением арабами долгот, было сокращение на целых 17° с лишним

---

[1] Основной материал для этой главы автор заимствовал из книги французского арабиста *Карра-де-Во* «Мыслители ислама» (B. Carra de Vaux, «Les penseurs d'Islam», t. II, 1921). Есть русский перевод (под редакцией академика Крачковского): *Карра-де-Во*, «Арабские географы», изд. АН СССР, 1941.—*Прим. ред.*

[2] К арабским географам обычно относят всех средневековых мусульманских географов, писавших на арабском языке—культовом языке ислама. На самом же деле среди них были представители ряда неарабских народностей, в том числе уроженцы Средней Азии (Хорезми, Альбируни, Якут и др.).—*Прим. ред.*

птолемеевского слишком вытянутого контура Средиземного моря[1].

Успехам арабов в области описательной географии значительно способствовало распространение их политического влияния. Оно создало огромную территорию для путешествий и привело их в соприкосновение с более высокими формами цивилизации[2]. Значительную роль в распространении знаний играла торговля, как сухопутная, так и морская. Этому способствовали также ежегодные паломничества в Мекку и сравнительная дешевизна и легкость путешествия среди единоверцев. Зона влияния арабов простиралась от Атлантического до Тихого океана и охватывала также на значительном протяжении восточное побережье Африки[3]. Арабские купцы пересекали Сахару, в Испании и Сицилии они соприкасались с европейцами, а в Индии и Китае имели дело с народами Дальнего Востока.

Одним из первых арабских географов был Ибн-Хордадбех, работа которого относится примерно к 850 г. Будучи чиновником, он имел доступ к большим и ценным статистическим материалам. Однакоже книга его «О дорогах и царствах» разочаровывает читателя. В труд Ибн-Хордадбеха включается краткая сводка его научных воззрений, заимствованных у «школы» Птолемея, и ценная сводка данных о великих торговых путях арабского мира; этот труд засорен разного рода баснями, вроде рассказов о китах длиной в 1200 футов. Эти недостатки низводят работу Ибн-Хордадбеха до уровня некритической компиляции.

Другим арабским географом этого первоначального периода является Якуби, работа которого написана около 900 г.; его называют отцом арабской географии, поскольку последующие писатели широко пользовались его трудами. С юности Якуби горел желанием узнать как можно больше об отдаленных странах. Сам он был опытным путешественником и, кроме того, собрал большой материал путем опроса людей, побывавших на Западе или на Востоке. Все, что он знал, он обобщил в сводном труде под названием «Книга стран», в котором приводит подробные географические наименования населенных пунктов, расстояния между ними, физическую структуру и ряд фактов из области экономиче-

---

[1] О географии и картографии у арабов см. академик *И. Ю. Крачковский*, «Арабские географы и путешественники», «Известия Государственного Географического Общества», т. 69, вып. 5, 1937. См. также *К. Салищев*, «Основы картоведения», часть историческая, глава II, § 8.—*Прим. ред.*

[2] Речь идет здесь о персидской, индийской и китайской цивилизациях.—*Прим. ред.*

[3] Западными, атлантическими окраинами «арабского» (т. е. мусульманского) мира были пиренейские государства и Марокко; восточными, тихоокеанскими окраинами—индонезийские государства; на восточном побережье Африки южным арабским «форпостом» стал Занзибар.—*Прим. ред.*

ской географии. Одно заглавие его труда уже показывает, что Якуби хорошо понимал широту и размах такого предмета, как география. Якуби был серьезным писателем и, в противоположность многим более поздним арабским географам, не мешал правду с вымыслом.

Странствия другого, типичного для этого раннего периода географа Ибн-Хаукаля могут служить хорошим примером прекрасных сообщений внутри мусульманского мира. В 953 г. он проделал путешествие на восток, где в долине Инда встретил географа Истахри, который написал впоследствии книгу «Климаты», снабдив ее картами. Книга эта легла в основу «Книги дорог и царств», законченной Ибн-Хаукалем в 988 г., которая представляет собой географическое, политическое и статистическое описание различных провинций империи халифов. Автор использовал всякого рода сведения, «делающие географию наукой, представляющей интерес как для государей, так и для людей всех сословий», и придал своей книге широкую общедоступность. Труд Ибн-Хаукаля важен и в силу того факта, что он заключает в себе описание мусульманской империи халифов в зените ее могущества.

Однако еще бóльшую ценность представляет большой труд Масуди, объехавшего весь мусульманский Восток от Испании до Китая и побывавшего также, повидимому, на Мадагаскаре. Хотя труд этот, названный Масуди «Золотые луга», и не является чисто географической работой, но он содержит много сведений географического характера. Целью его было дать нечто вроде энциклопедии знаний того времени. Он имел весьма ограниченное представление о Европе и многое заимствовал у более ранних писателей, но в некоторых вопросах он был хорошо осведомлен. Так, он знал, что Каспийское море было внутренним озером, и был первым арабским географом, указавшим на существование Аральского моря.

Следующий арабский географ, Идриси, хотя и не самый крупный, с точки зрения европейцев, является, пожалуй, самым интересным. Получив образование в Кордове, Идриси провел долгое время в странствованиях как по Европе, где он достиг берегов Англии и Франции, так и по Малой Азии. Он вошел в круг придворных короля Сицилии Рожера II и написал свою книгу около 1170 г. Пребывание в Сицилии дало ему возможность собрать от посещавших остров моряков и от купцов множество сведений, и у него можно встретить обилие таких сведений о христианской Европе, каких не найти у более ранних арабских писателей. Карты его, однако, обесценены рядом недостатков. В то же время Идриси оказал большое влияние на христианскую географию, но скорее косвенное, чем прямое, что объясняется и местоположением Сицилии и ее собственными арабскими связями. Лучшим, быть может,

доказательством этого являются навигационные карты, рано достигшие большого совершенства в Сицилии.

Последним типичным арабским географом является Якут. Он родился около 1196 г., провел много лет в знаменитых библиотеках Мерва (современный Мары в Туркменской ССР) и составил два «словаря»: один географический, а другой биографический, в которых содержится много подробных сведений, ценный материал о явлениях природы и мало вымысла. Хотя Якут и не является зачинателем этого типа трудов, он все же дал образцовые по достоверности работы и снискал славу величайшего арабского географа.

В арабский период путешествия с чисто исследовательскими целями были немногочисленны. Имеются сведения, что одна такая экспедиция была отправлена к истокам Нила; она достигла «Лунных гор» и озера, дающего начало Нилу. Несмотря на это, арабские карты Африки мало чем отличаются от карт Птолемея, и мы можем предположить, что экспедиция эта, если она вообще имела место, была лишь повторением более раннего торгового путешествия грека Диогена (см. гл. I, стр. 34).

Известна также экспедиция Саллама к Великой Китайской стене. Ему было поручено найти таинственный народ гога и магога. Саллам шел через Армению, до Волги, далее вокруг Каспия, до Уральских и Алтайских гор и вернулся через Бухару в Ирак.

Что касается морских экспедиций, то Идриси рассказывает об одной из них, посланной в Атлантический океан, но в этом рассказе очень трудно разобраться. Вначале путешественники будто бы направились в северные воды, или так называемое Темное море, а после—к экватору, и возможно, что весь рассказ относится к какой-то более ранней атлантической экспедиции. Упоминание об открытии далеко от Европы какого-то острова, на котором живут «красные» люди высокого роста и с гладкими волосами, объясняется, быть может, какой-то прежней попыткой исследовать остров Мадейру[1]. Если экспедиция эта действительно имела место, то она была первой попыткой исследования Атлантики со времен классической древности.

Что касается Индийского океана, то уже одно существование сказки о Синдбаде Мореходе[2] несомненно свидетельствует о том, что в этих водах имели место какие-то морские путешествия, а самая сказка, вероятно, основана на древнем отчете о каком-то действительно предпринятом путешествии с Мадагаскара на Цейлон.

---

[1] Из причисляемых к Африке островов Атлантического океана обитаемы были (до их открытия европейцами) только Канарские острова, но не Мадейра. Поэтому легенда о «красных» людях вряд ли может быть связана с этим последним островом.—*Прим. ред.*

[2] Синдбад Мореход—герой одной из сказок знаменитого сборника «Тысяча и одна ночь».—*Прим. ред.*

Кроме того, имеется также интересное «сказание» об арабских и китайских путешествиях по Индийскому океану, дошедшее до нас от IX в. Оно производит впечатление правдоподобности, и в него входят подробности одного путешествия, предпринятого в 879 г. Оно проливает много света на народы и торговлю Дальнего Востока, т. е. Китая, Явы, Цейлона и Индии. В нем упоминаются два арабских порта—Сираф и Басра. Большой интерес представляют также наставления мореходам; они датированы XV в., но содержат данные, уходящие по крайней мере еще на пять веков в глубь арабской истории. Одним из авторов этих наставлений был, повидимому, лоцман, проведший португальский флот во время первого путешествия Васко да-Гамы от Малинди до Каликута[1]. Эти дошедшие до нас в рукописном виде наставления напоминают современные лоции, с той разницей, что, помимо обычно принятых в лоциях сведений, содержат также описание торговых путей.

Нам остается упомянуть две наиболее известные фигуры в арабской географии, прославившиеся прежде всего своими путешествиями. Эти две фигуры относятся к третьему типу географов, дополняющих своей работой труды компиляторов и настоящих исследователей.

Первый из них, Альбируни, провел всю жизнь в занятиях науками и в путешествиях и умер в 1084 г. Он родился в Хиве, провел часть жизни в районе к югу от Каспийского моря и сопровождал султана Махмуда Газнийского во время его вторжения в Индию около 1027 г. Много подробностей из жизни и деятельности Альбируни мы находим в уже упоминавшемся нами выше биографическом словаре Якута. Альбируни написал ряд работ, в том числе описание Индии—«Хронологию», в которой рассматриваются различные методы счета времени, употребляющиеся у разных народов, а также географический труд, носивший название «Канона». В тот ценный вклад, что он сделал в географическую науку, входит описание путей, ведущих из Ферганы в Восточный Туркестан, описание ферганских городов и короткий рассказ о Непале и Тибете. Большое значение имеет также его описание Индии и ее учреждений в начале XI в.

Другим выдающимся арабским путешественником является Ибн-Баттута: заслуживает внимания огромный размах его странствований. Родился он в Танжере и 22-х лет от роду отправился

---

[1] Академик Крачковский в своей статье «Арабские географы и путешественники» дает следующие сведения об арабе-лоцмане Васко да-Гамы: «Звали его Ахмед Ибн-Маджид, он был уроженцем Аравии и являлся потомственным лоцманом... Им был составлен большой свод теории и практики морского дела, где были использованы и старые источники и собственные наблюдения» («Известия Государственного Географического общества», т. 69, вып. 5, стр. 758—760).—*Прим. ред.*

в Александрию. Обойдя бо́льшую часть Египта, он направился в Палестину, а затем в Мекку. Вернувшись из Аравии, он пошел в Ирак и Персию, а оттуда вторично в Мекку. Из Мекки он направился обратно в Палестину, пересек Малую Азию, посетил Россию, а, быть может, также и Сибирь[1].

Из русского путешествия Ибн-Баттута вернулся в Константинополь и предпринял новое длинное сухопутное путешествие через Туркестан и Афганистан в Индию, где поступил на службу к правителю Дели и в 1342 г. был послан им с миссией в Китай. В ходе своего путешествия Ибн-Баттута посетил Мальдивские острова. Вернувшись обратно в Марокко, он не мог успокоиться, пока на свете еще оставались не виденные им мусульманские страны. Поэтому он сначала побывал в Испании, а затем пересек Сахару до Тимбукту. Вернувшись в Фец, он продиктовал там описание своих путешествий, представляющее собой один из интереснейших и замечательнейших документов этого рода. Умер он в 1377 г.

Ибн-Баттута, «насколько нам известно, был единственным средневековым путешественником, посетившим земли каждого из современных ему мусульманских властителей, так же как и некоторые немусульманские страны вроде Византии, Цейлона и Китая... В своем труде он ставил себе задачей прежде всего дать описание мусульманского общества во второй части XIV в. Интерес Ибн-Баттуты к людям был еще сильнее, чем его интерес к местам. Он являет собой пример географа «поневоле» в высоком значении этого слова и собрал свой географический материал только личным опытом или опросом случайных знакомых. В описании подробностей он целиком полагался на свою память» (Гибб[2]).

При всех своих недостатках труд Ибн-Баттуты представляет большой интерес, а местами и высокую ценность. Его книга прозвучала громким заключительным аккордом в описываемой нами важной интермедии в истории исследований.

---

[1] См. *В. Тизенгаузен*, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, «Извлечения из сочинений арабских», 1889 (*Ибн-Баттута*, «О стране мрака»). Из новых переводов арабских путешественников, посещавших Русь, см. *Ибн-Фадлан, Ахмад*, «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», перевод и комментарии под ред. академика Крачковского, 1939.— *Прим. ред.*

[2] Гибб (Gibb, H.)—английский арабист, переводчик и комментатор Ибн-Баттуты, подготовивший полный перевод его «Путешествий» для 2-й серии изд. Общества Хаклюйта.—*Прим. ред.*

Глава IV

МОРСКОЙ ПУТЬ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

В начале XV в. Средняя, Южная и Юго-Восточная Европа была целиком поглощена своими внутренними делами. Распад крупных герцогств и раздоры с папой сильно ослабили Германию. Франция все еще находилась в состоянии долголетней войны с Англией. В Италии, не говоря уже о вызванной папством политической смуте, большие северные города продолжали ожесточенную борьбу между собой. На юго-востоке турки разгромили сербское государство, и их дальнейшее наступление в Европе задержалось только потому, что им самим пришлось в это время отражать наступление Тимура в Малой Азии.

В противоположность этому, политическая обстановка на Пиренейском полуострове отличалась относительной устойчивостью. Мавры были оттеснены в Гранадские горы. В 1262 г. Португалия достигла ее нынешних территориальных границ[1]. Изолирован-

---

[1] Португальская реконкиста (отвоевание всей территории королевства у мавров) завершилась в середине XIII в. завоеванием Алгарви, самой южной области Португалии. Однако колониальная экспансия Португалии, сыгравшая крупную роль в истории страны, хоть и предшествовала колониальным захватам других западноевропейских стран, но началась только в XV в. Во 2-й половине XIII в. и в течение всего XIV в. политическая обстановка на Пиренейском полуострове вовсе не «отличалась относительной устойчивостью». Только в последней четверти XIV в. Португалии удалось—после разгрома кастильских войск при Алжубарроте (1385 г.)—почти на двести лет обеспечить себе независимость от соседней Кастилии, а позднее—от объединенной Испании (до 1580 г., когда Португалия была захвачена Филиппом II). Победа Португалии над Кастилией в 1385 г. и ее колониальная экспансия в XV—XVI вв. объясняются ходом ее экономического развития, в результате которого там ранее, чем в других европейских средневековых государствах, сложилась сильная централизованная королевская власть, опиравшаяся на городскую буржуазию, разгромившая с ее помощью крупных феодалов и подчинившая своим интересам местную католическую церковь. В этот период успеху колониальной экспансии Португалии способствовало ее географическое положение как европейской страны, наиболее выдвинутой к юго-западу, в сторону тропической Африки и в сторону открытой в самом конце XV в. (1500 г.) Бразилии. Относительно общих предпосылок великих открытий см. *И. Витвер*, Историко-географическое введение в экономическую и политическую географию («Ученые записки МГУ», выпуск 85, 1945 г.), главы I и II.—*Прим. ред.*

ная от Испании, имевшая чисто океанические устремления, к 1415 г. Португалия была готова двинуться на юг.

Португалия в своей экспансии через Атлантику и в открытии ее моряками океанического пути в Индию много обязана трудам принца Генриха, вошедшего в историю с прозвищем «Мореплавателя», хотя лично он не принимал непосредственного участия в мореходных операциях. Генрих действовал под влиянием ряда побуждений. По словам летописца Азурары, «он стремился узнать земли, лежащие за Канарскими островами и за мысом, называемым Боядор, ибо до тех пор никто—ни по письменным источникам, ни по людской памяти—ничего наверно не знал о лежащей за этим мысом земле». Этот научный интерес сочетался у него с желанием расширить португальскую империю и торговлю, организовать крестовый поход против мавров, узнать размеры мусульманских владений в Африке и найти себе союзника в лице какого-либо африканского властителя христианской веры, вроде «пресвитера Иоанна». Хотя в 1415 г. он вряд ли стремился к открытию морского пути в Индию, возможно, что позднее он ставил себе и эту цель.

Генриху сильно помогли как политическая обстановка на родине, так и военная экспедиция 1415 г. против арабской Сеуты, давшая ему некоторое личное знакомство с торговлей области Нигера. Многим он был обязан постепенному улучшению судостроения в Португалии. Каравелла, судно чисто португальского происхождения, развилась из местного рыболовного или каботажного торгового судна и сохранила эти свои особенности до конца XV в. Ко второй половине жизни Генриха каравелла сделалась легким судном, водоизмещением не более 200 тонн с тремя или более мачтами и с косоугольным латинским парусным вооружением. Достоинством ее было то, что она могла ходить в крутой бейдевинд (против ветра).

Более безопасным сделалось судоходство также и благодаря усовершенствованию компаса. Нет сомнений в том, что в Европе компасом пользовались уже во второй половине XII в., но около 1302 г. он был улучшен тем, что ко вращавшейся на стержне игле была прикреплена легкая картушка с нанесенной на ней розой ветров.

Одновременно шло непрерывное накопление знаний, и весь новый материал поступал в распоряжение Генриха, тем более, что брат его, Педро, ездил по Европе и собирал для него книги и карты.

Тогда было принято считать, что географические условия западного побережья Африки делают его недоступным для исследователей. Несмотря на множество древних путешествий, считалось, что границей известного мира является мыс Боядор и что, по крайней мере в теории, он охраняется яростными морскими течениями. Постоянно дувший северо-восточный пассат не вну-

шал надежд на безопасное возвращение, негостеприимный же берег мало обещал в смысле продовольствия и воды. Нерешенной оставалась и проблема перехода через жаркую тропическую зону. Генрих не ставил себе задачей разрешить все эти трудности. Живя в своем уединении на мысе Сан-Висенте, он все же собирал сведения, обучал лоцманов, поощрял исследователей на дальнейшие подвиги и заботился о том, чтобы интерес к океаническим путешествиям не ослабевал. Временами политические интриги в Португалии прерывали его работу, но, в общем, пока он был жив, страна неуклонно продолжала свои усилия в этом направлении. Организовать исследование значительной части западного побережья Африки и отправить множество судов в направлении Индии было очень большим достижением. Всю деятельность Генриха надо рассматривать и оценивать как один из этапов в продвижении португальцев от Лиссабона до Каликута; он жил и работал в первоначальный и во многих отношениях самый трудный период португальской экспансии.

Для удобства мы можем разделить открытие морского пути в Индию на пять этапов. Первый из них начался экспедицией, взявшей Сеуту в 1415 г., и кончился в 1434 г., когда португальцам удалось обогнуть мыс Боядор. Этот период можно считать предварительным. В ходе его было предпринято множество путешествий к островам в Атлантическом океане и к западному побережью Африки. Двенадцать лет было потрачено на попытки обогнуть мыс Боядор, и, в конце концов, это совершил Жил Эаннеш. Тем самым было преодолено первое серьезное препятствие.

Второй этап, от 1434 до 1462 г., ознаменовался успешным продвижением вдоль побережья Африки. Между 1436 и 1441 гг. из-за экспедиции в Танжер и неурядиц в самой Португалии в деле исследования наблюдалось некоторое затишье, но улучшение естественных условий на западном побережье Африки по мере продвижения на юг, удачно подчеркнутое наименованием одного из достигнутых мысов «Зеленым», значительно подняло шансы на дальнейшие успехи. Первые открытия делались в местности, которую Азурара описывает, как «не менее песчаную, чем Ливийская пустыня, где нет ни воды, ни деревьев, ни одной зеленой былинки». Новая же «зеленая земля» показалась морякам «цветущим фруктовым садом, как будто бы устроенным для их услады... Когда экипажи каравелл впервые увидели пальмы и высокие деревья... они решили, что находятся близ реки Нила в том месте, где он впадает в Западное море под названием Сенегала». Зеленый мыс был открыт в 1445 г., а в 1462 г., через два года после смерти Генриха, суда португальцев достигли Гвинейского залива и того места, на котором позже ими был построен форт Эль-Мина.

После некоторого перерыва, исследовательские путешествия возобновились в 1470 г., когда наступил третий этап, охватываю-

щий всего лишь одно пятилетие. В этот период Португалия регулярно высылала экспедиции на основании определенных договоров с мореходами о производстве открытий. Таким путем португальцы ознакомились с остальной частью Гвинейского побережья и к 1475 г. достигли мыса Екатерины на 2° южнее экватора.

Четвертый период начался в 1482 г. и весь занят путешествиями двух исследователей: Диего Кана и Варфоломея Диаса.

Кан (Cão) проделал свое первое путешествие в 1482 г. Он продолжил береговое плавание своих предшественников и поднял португальский флаг у нынешнего мыса Св. Марии на 13°26′ ю. ш. Здесь и у открытого им устья Конго он водрузил по «падрану»[1]. В 1485 г. он предпринял второе путешествие, следуя вдоль уже знакомой части побережья и по временам высаживаясь, чтобы захватить в плен туземцев. Третий «падран» он воздвиг у мыса Монте-Негро на 15°41′ ю. ш., а четвертый—на мысе Креста, примерно еще шестью градусами южнее. Есть предположение, что перед смертью ему удалось продвинуться еще немного на юг. На его долю выпала честь открытия 1450 миль морского побережья, что являлось большим достижением, в особенности если учесть Бенгельское течение и юго-восточный пассат.

После того как из Западной Африки пришли вести о местном царе Оганэ́, владения которого лежали сравнительно недалеко от побережья, из Португалии были отправлены две экспедиции, чтобы найти «короля-священника» и добраться до Индии. В 1487 г. Ковильян отправился в Египет, а оттуда морем—в Индию. Он дал знать, что в Индию можно добраться и вокруг Африки.

Вторая экспедиция, начальником которой был Варфоломей Диас (Бартоломео Диаш), вышла в 1487 г. из Лиссабона в Конго, с которого, собственно, и началось исследование. Диас изучил побережье вплоть до Китовой бухты. Здесь он наткнулся на препятствие в виде океанического течения, идущего вокруг южной оконечности Африки. Пройдя сначала на юг далеко за широту мыса Доброй Надежды, в район «добрых западных ветров», он оттуда повернул на восток, а затем на север, пока не достиг бухты, позднее названной «Моссел». С трудом прошел он вдоль побережья до устья Большой Рыбной реки. На обратном пути он легко обогнул мыс Доброй Надежды и с попутным ветром оставил его за кормой. Весь район показался ему бурным, но легенда о том, что он назвал его «мысом Бурь» и что полный спокойной уверенности король повелел переименовать его в мыс Доброй

---

[1] Падран (padrão)—каменный столб с высеченным на нем португальским королевским гербом, который португальские мореплаватели воздвигали в некоторых пунктах новооткрытого побережья как символ «ввода во владение».—*Прим. ред.*

Надежды, покоится лишь на не заслуживающем большого доверия сообщении Барроша[1], тем более что современные Диасу писатели говорят, что нынешнее название дал мысу сам путешественник. В декабре 1488 г., увеличив протяженность изученного побережья Африки на 1260 миль, Диас вернулся в Лиссабон.

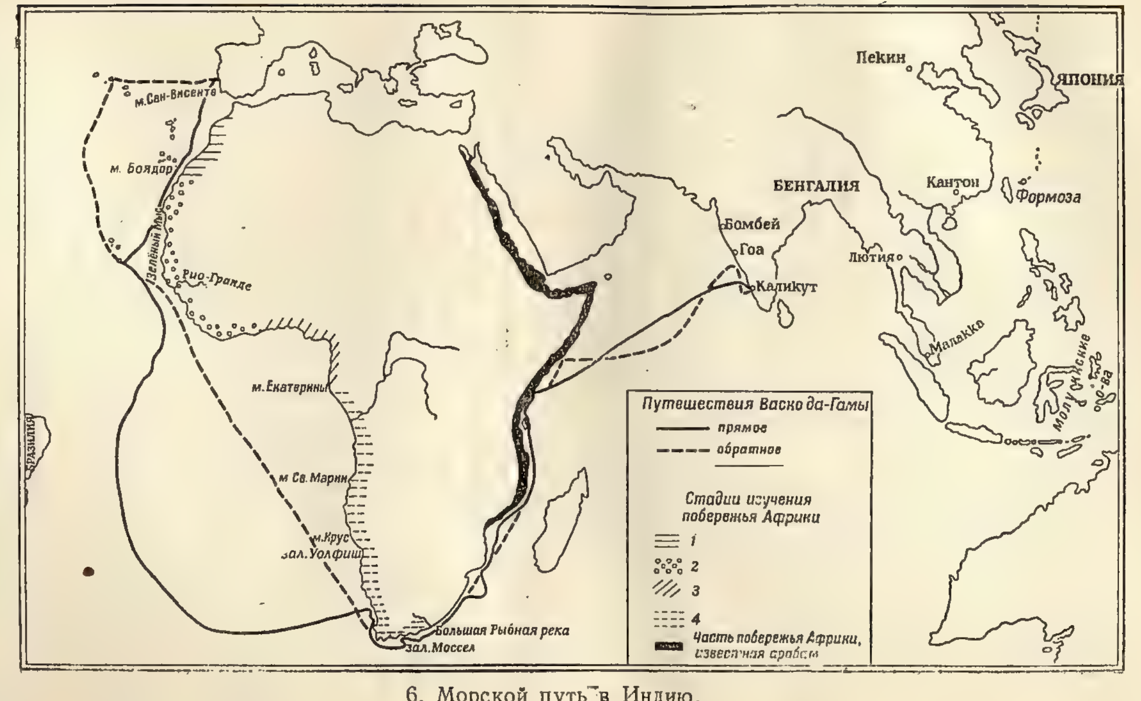
После некоторого перерыва, завершить прокладку морского пути в Индию было поручено Васкода-Гаме. Его основной задачей было покрыть те 800 миль неисследованного берега, которые отделяли достигнутый Диасом рубеж от района, хорошо известного арабским морякам. Уже одно это обеспечило бы Васко да-Гаме почетное место среди великих исследователей; но выполнение этой задачи составляет лишь небольшую часть его достижений и отняло у него лишь один месяц. Особенно замечательно то, что за вычетом времени, проведенного в Индии, все путешествие отняло у него в общей сложности двадцать один месяц, из которых на плавание в Индию в открытом море падает только три месяца.

О самом Васко да-Гаме, помимо его трех путешествий в Индию, мало что известно. Он родился около 1460 г. и до того как вступить в командование экспедицией 1497 г., видимо, накопил незаурядный мореходный опыт. Об этой экспедиции до нас дошло только одно современное известие—«Дневник», написанный неизвестным ее участником и проливающий мало света как на личность начальника экспедиции, так и на характер его руководства. Флотилия Васко да-Гамы состояла из четырех кораблей, из которых два были специально построены для этого путешествия. Экипаж всей флотилии состоял из 118 человек. Начальник экспедиции имел в своем распоряжении все те новейшие сведения, какие можно было извлечь из книг и карт того времени, и был снабжен лучшими навигационными приборами, какие только можно было изготовить в Португалии. Снаряженные таким образом корабли 8 июля 1497 г. вышли из устья реки Тежо (Тахо) и с попутным ветром 27 июля прибыли на остров Сантьяго из группы островов Зеленого Мыса. 3 августа они вновь вышли в море и с того дня до 4 ноября не видели земли, причем нет даже возможности с уверенностью установить, каким курсом они шли все это время. В «Дневнике» говорится, что вся флотилия дошла до Эль-Мины, но это мало убедительно, потому что там же говорится, что, пробыв пятнадцать дней в плавании, они отошли на 200 лиг от островов Зеленого Мыса, держа на юг[2]. Другие источники либо ничего не говорят по этому поводу, либо не ясно указывают, что флотилия шла на Эль-Мину. Поскольку земли не было видно так долго,

---

[1] Баррош (Barros)—известный португальский историк эпохи великих открытий (XVI в.).—*Прим. ред.*

[2] Самый близкий к Африке остров архипелага Зеленого Мыса находится, по крайней мере, в 2000 *км* от Эль-Мины, португальской фактории на Золотом Берегу.—*Прим. ред.*



6, Морской путь в Индию,

исключается то предположение, что Васко да-Гама следовал маршруту его предшественников вдоль побережья. В самом деле, именно после этого путешествия Васко да-Гамы суда, шедшие в Индию, как правило, брали курс поперек Южной Атлантики. Курс флотилии Васко да-Гамы, таким образом, восстанавливается на основании курсов мореходов последующего периода.

Хорошим материалом для суждения об этой первой части пути является написанное в 1579 г. письмо первого англичанина, прошедшего морем в Индию,—Томаса Стивенса. Он дает совершенно отчетливое представление о трудностях плавания в виду Гвинейского берега.

«И вот мы прибыли,—пишет он,—к берегам Гвинеи; так португальцы называют ту часть пылающей жаром зоны, что лежит от шестого градуса до экватора, где они так сильно мучились от жары и безветрия, что почитали себя счастливыми, когда миновали ее. Ибо здесь бывают такие штили, что судно либо замирает на много дней на месте, либо идет так медленно, что все равно что стоит. И погода вдоль большей части побережья здесь не ясная, а душная, облачная, полная грома, и молнии, и дождя, и такая нездоровая, что если вода немного застоится, то вся кишит червями».

О той части пути, что лежит за Гвинейским заливом, можно получить представление из описания путешествия голландца Линскотена, совершенного в 1583 г. Подтвердив сообщение о дурной погоде у Гвинейского берега, автор этого описания пишет:

«Чем ближе мы держимся к земле, тем больше бурь, дождя, грома и штилей; так что по большей части суда не могут пройти эту полосу меньше чем в два месяца. После этого они входят в полосу ветра, который они называют «главным ветром», а ветер этот юго-восточный; но ветер этот боковой, и надо все время держаться боком к нему почти до самого прибытия к мысу Доброй Надежды. И поскольку у бразильского берега около 18° ю. ш. находятся большие мели... чтобы не сесть на них, суда жмутся ближе к Гвинейскому берегу и таким образом минуют их. Поэтому мореплаватели должны остерегаться подходить слишком близко к берегу, чтобы избежать как штормов, так и штилей, но и не уходить слишком далеко, чтобы не попасть на мели; в этом состоит трудность путешествия в Индию».

Предшественники Стивенса и Линскотена, португальские мореплаватели хорошо изучили негостеприимный гвинейский берег. Отплывший в 1500 г. во главе своей флотилии Кабрал ударился в другую крайность и настолько далеко отошел от берегов Африки, что достиг Бразилии. Вероятно, да-Гама, пусть случайно, но, в конечном счете, успешно выбрал средний курс

и первым проложил правильный морской путь на Восток. Следуя этим кружным путем более чем пять тысяч миль, 4 ноября он увидел землю и, продолжая итти вдоль берега на юг, «бросил якорь в заливе, которому дал имя Св. Елены». Здесь португальцы впервые соприкоснулись с готтентотами Южной Африки, про которых в «Дневнике» говорится, что «они коричневого или черноватого цвета, питаются мясом тюленей, китов и газелей, а также корнями растений, ничего не знают о тех пряностях, что ищут португальцы, но жадны до тех бубенцов, оловянных колец и медных монет, что раздавали им матросы».

После восьмидневной стоянки суда продолжали путешествие в южном направлении и, как мы читаем в «Дневнике», после нескольких неудачных попыток «в среду [22 ноября], в полдень, с попутным ветром, успешно обогнули наконец мыс [Доброй Надежды] и пошли вдоль побережья». Через три дня флотилия прибыла в бухту Моссел, где экипаж вновь увидел туземцев. Эти последние в обмен за три браслета из слоновой кости отдали команде быка и, чтобы доставить ей удовольствие, дали концерт на своих музыкальных инструментах, «довольно гармоничный,— говорится в «Дневнике»,—для негров, от которых нельзя ожидать музыкальности», и показали танцы «в негритянском стиле»[1]. Одно из судов, служившее как грузовое, было перед отплытием разрушено и сожжено. Через восемь дней после отплытия из бухты Моссел суда прошли мимо последнего из установленных Диасом «падранов», войдя таким образом в воды неведомой части Африки. Здесь им пришлось бороться с Агульясским течением, отличавшимся такой силой, что 20 декабря оно отнесло их назад. Однако им посчастливилось: «...три или четыре дня дул сильный попутный ветер, который и дал нам возможность преодолеть силу течения, а то мы уж боялись, что оно разрушит все наши планы». Автор «Дневника», вспоминая, вероятно, бунт, заставивший Диаса от этого пункта повернуть обратно, прибавляет: «...и с этих пор господу богу в неизреченной его милости угодно было дать нам возможность двигаться дальше. Больше назад нас ничто не отгоняло...»

В течение последующих четырех дней суда жались поближе к берегу, прошли в день Рождества Натал[2], после чего повернули в открытое море, в котором и продолжали свое плавание, пока

[1] На южном берегу Африки, в районе бухты Моссель (у 22° в. д.) в конце XV в. жили не негры, а готтентоты. Несмотря на то, что автор «Дневника» в этом месте называет их «неграми», он сам отмечает дальше, что только севернее Натала португальцы впервые встретили людей иной расы, чем южноафриканские туземцы (за Наталом жили негры-банту).— *Прим. ред.*

[2] Natal по-португальски значит Рождество.—*Прим. ред.*

недостаток продовольствия и воды не заставил их искать убежища в гавани. Здесь опять повстречались туземцы, на этот раз совсем другой расы. Они были высокого роста, жили в соломенных хижинах и казались людьми зажиточными и щедрыми. Местность была, повидимому, густо населена, и португальцы назвали ее «Страной добрых людей», а протекающую по ней реку назвали «Медной», так как видели у туземцев много изделий из этого металла. Продолжая свой путь на север, флотилия прибыла 22 января в устье реки Килимани, где и задержалась на тридцать два дня для пополнения запасов и ремонта судов. Климат низменной и болотистой местности, повидимому, оказал вредное влияние на здоровье экипажа, так как вскоре после отплытия много людей на судах свалилось больными. Продолжая свой путь на север, флотилия, в конце концов, достигла зоны арабского влияния и в Мозамбике повстречала четыре арабских одномачтовых судна, «нагруженных золотом, серебром, гвоздикой, перцем, имбирем, жемчугом и рубинами», повидимому, предназначенными для меновой торговли с туземцами. Здесь португальцы опять собрали сведения относительно дальнейшего пути вдоль восточного побережья Африки. Между тем продвижение далее на север натолкнулось на новое затруднение, а именно—на быстрое Мозамбикское течение между Мадагаскаром и материком. Вначале оно не давало флотилии продвинуться, но после первой бесплодной попытки португальцам все же 27 марта это удалось.

Нет необходимости шаг за шагом следить за продвижением флотилии вдоль берега и за теми препятствиями, какие ей чинили враждебно настроенные арабские купцы. В Малинди удалось достать лоцмана[1], и путешествие вступило в новую фазу. Пользуясь попутным муссоном, суда без осложнений пересекли Индийский океан и по прошествии двадцати трех дней пути увидели на горизонте высокую стену Западных Гатов. Пройдя немного дальше на юг вдоль побережья, 23 мая португальцы встали на якорь вблизи Каликута.

Португальцы были встречены негостеприимно. Согласно «Дневнику», первые слова, что они услышали, были: «Чтобы чорт вас побрал! Кто звал вас сюда?» «Туземцы спросили [посланца], чего им нужно так далеко от родины, на что тот ответил, что они приехали в поисках христиан и пряностей». Усилия португальцев были вскоре вознаграждены. Что касается христиан, то португальцы почему-то вообразили, что боги у индусов те же, что и у христиан. Это странно, в особенности если сопоставить с тем, что они не сделали аналогичной ошибки в отношении мусуль-

---

[1] Это был араб Ахмед Ибн-Маджид (см. примечание на стр. 72).— *Прим. ред.*

ман[1]. Португальцы были склонны видеть козни мусульман в каждом злоключении, которое выпадало им на долю. «Дневник» дает подробные сведения о пряностях и вообще о торговле Каликута. Каликут оказался не только центром плодородной области, дававшей имбирь, перец и корицу, хоть и невысокого качества, но также заготовительным пунктом для всех товаров Востока. Туда стекались корица с Цейлона, гвоздика из Малакки и олово из Малайи. Большой интерес представляет также приложение к «Дневнику», где приводятся собранные португальцами сведения о странах, лежащих за Южной Индией. Здесь мы находим описание Коромандельского берега Индии; пряностей, сапфиров и рубинов Цейлона; острова Суматры; Сиама, у царя которого было четыреста боевых слонов; страны Пегу[2], через которую поступал мускус из Центральной Азии; Тенассерима—страны бразильского дерева[3] и, наконец, Бенгалии, где «много зерна и дорогих тканей». В конце концов, «в среду 29 августа командующий флотилией и подчиненные ему капитаны судов решили, что, поскольку мы открыли страну, которую искали, и нашли также пряности и драгоценные камни... пора возвращаться на родину... Поэтому, радуясь сделанным нами великим открытиям, мы отплыли обратно в Португалию».

Нет никакой нужды входить в подробности обратного путешествия; три месяца ушло на то, чтобы пересечь Индийский океан и добраться до берега Африки. За это время экипаж сильно уменьшился в численности и обессилел, так что одно из судов пришлось бросить в Момбасе. После этого, пользуясь попутными ветрами и течениями, оставшиеся два судна сделали хороший переход, и первое из них 10 июня 1499 г. достигло Лиссабона. Сам да-Гама со своим братом направился на Азорские острова и прибыл в Португалию несколькими неделями позже—в какой точно день, не установлено. Следует отметить, что на обратном пути через Атлантический океан они сильно отошли от того пути, которым флотилия шла в Индию. На этот раз как ветры, так и течения благоприятствовали плаванию по прямой от мыса Доброй

[1] Португальцы в первое время считали индусов христианами, так как видели у них храмы, украшенные изображениями и статуями божеств, и пышное богослужение, напоминающее католическое, чего не было у мусульман. К тому же с последними многие из них встречались ранее в Северной Африке и на Пиренейском полуострове и могли отчетливо представлять себе различие между христианской верой и исламом.—*Прим. ред.*

[2] Пегу—страна на полуострове Индокитай, в низовьях реки Иравади.—*Прим. ред.*

[3] Тенассерим—тропический горно-лесной район на юге полуострова Индокитай (к северу от перешейка Кра, соединяющего Индокитай с Малаккой); пересекается в меридиональном направлении рекой Тенассерим.—*Прим. ред.*

Надежды до островов Зеленого Мыса. Во время одного из более поздних путешествий по этому пути (1502 г.) был открыт остров Св. Елены.

Добавим еще несколько общих сведений о замечательном путешествии Васко да-Гамы. В 630 дней, из которых в открытом море была проведена только половина, суда покрыли 24 тыс. морских миль (44,4 тыс. *км*). Какое значение имели морские течения и ветры, видно из данных о среднесуточных переходах флотилии. На этапе от Малинди до Индии, а на обратном пути—от мыса Доброй Надежды до Рио-Гранде[1] он равнялся 93 милям; на участке от островов Зеленого Мыса до залива Св. Елены во время путешествия в Индию—54 милям; в дни борьбы с Агульясским течением—26 милям; и всего лишь 25 милям во время обратного путешествия из Индии в Африку. Из экипажа около половины умерло в пути.

Нет необходимости распространяться о результатах путешествия да-Гамы, но все же следует учесть, что если его открытие означало переворот в истории Европы, оно имело не менее разительные последствия и для Востока. В индийскую историю впервые вторгся совершенно новый элемент—море[2]. Дальнему Востоку суждено было очень скоро ощутить влияние Запада, так как европейские моряки не замедлили ринуться на Восток по открытому португальцами торговому пути. С чувством некоторого стыда мы вынуждены признаться, что после более близкого ознакомления с чужеземцами народы Азии потеряли доверие к белым, а последние утратили возможность беспрепятственно путешествовать по Востоку и пользоваться гостеприимством его жителей.

Несколько странно, что народы Европы, повидимому, медленно отдавали себе отчет в происшедшей перемене. Об этом явно говорят географические карты тех лет. На замечательной карте Ла-Косы[3] и на рукописных чертежах 1502 г., три образчика которых сохранились до нашего времени (один—анонимный, а два других—работы Кантино и Канерио), новые данные нанесены уже более или менее точно. Анонимная карта почти наверное являлась сводкой морских карт и чертежей, выполненных кем-либо из участников экспедиции Васко да-Гамы, но до нас, к сожалению,

---

[1] Rio Grande (Великая река)—название многих больших и малых рек, открытых выходцами из пиренейских стран. В данном случае речь идет о сравнительно небольшой реке Португальской Гвинеи, впадающей в Атлантический океан против архипелага Бисагош, где обычно останавливались португальские суда.—*Прим. ред.*

[2] Автор хочет сказать, что до появления португальцев Индия подвергалась набегам и завоеваниям только со стороны суши.—*Прим. ред.*

[3] Хуан Ла-Коса был кормчим во второй экспедиции Колумба. Карта его составлена, вероятно, в 1500 г. (см. также примечание 1 на стр. 101, в следующей главе).—*Прим. ред.*

не дошедших. Но каково бы ни было положение с рукописными картами, печатные карты менялись очень медленно, и старинные птолемеевские контуры континентов упорно сохранялись на них. В 1506 г. Рейск приложил к карте, составленной по Птолемею, заметку, перечислявшую некоторые важнейшие новые факты. Однако совершенно новая карта в «Географии» Птолемея появилась лишь в издании 1508 г., и только к 1513 г. сама «География» была исправлена в свете новых открытий.

В 1502 г. Васко да-Гама отправился в свое второе путешествие в Индию, на этот раз во главе целой эскадры из пятнадцати судов. В последующие годы он оставался в тени и вновь был послан на Восток лишь в 1524 г. в звании вице-короля Португальской Индии. Управление новыми владениями уже было омрачено многими злоупотреблениями, и да-Гаме пришлось провести последние месяцы своей жизни в бесплодных попытках борьбы с ними и восстановления престижа португальского правительства. Почти 65-летнему старику эта задача оказалась не под силу. Тяжело было ему также переносить условия жизни в тропиках. Не завершив взятой на себя задачи, Васко да-Гама умер 24 декабря 1524 г. в Кочине.

Пожалуй, мы уже достаточно говорили о Васко да-Гаме как об исследователе, чтобы можно было составить себе суждение о его громадных достижениях; что же касается его личности, то о ней мы знаем очень мало. До нас дошли сведения лишь о последних годах его жизни, когда под влиянием болезни в характере его появились черты озлобления. Все португальские писатели XVI в. сходятся на том, что он был смелый руководитель и бесстрашный администратор. На нашу современную мерку, он был жесток и упрям. Он не останавливался перед тем, чтобы обливать допрашиваемых заложников кипящим маслом; не постеснялся бросить в открытом море на произвол стихий триста мертвых и умирающих людей с их женами и детьми; по его приказу непослушных португальских женщин гнали розгами по улицам одного из индийских городов. В то же время он братски делил все трудности и лишения с экипажем и однажды во время землетрясения мужественным обращением к своим людям предотвратил панику. Если как вице-король он и проявил себя жестоким, то он поразил как индийцев, так и португальцев тем, что наотрез отказался принимать какие-либо подарки и ревниво следил за тем, чтобы его власть уважалась. Его характер довольно правильно очерчен в «Сборнике путешествий» Астли, где о нем говорится, что он вполне «подходил для выполнения всего того, что ему поручалось как адмиралу, исследователю новых стран и вице-королю»[1].

[1] Описание путешествий Васко да-Гамы и характеристика знаменитого мореплавателя даны в полубеллетристической форме в книге *К. Кунина*, «Васко да-Гама», 1947.—*Прим. ред.*

Каким бы важным фактом само по себе ни было прибытие португальцев в Каликут, оно было лишь фазой в их наступлении на Тихий океан. В самой Индии они продвигались не слишком быстро. Гоа они окончательно захватили в 1510 г. Торговля с Бенгалией началась в 1518 г. и то лишь в порядке отдельного предприятия. Регулярный характер эта торговля приобрела только в губернаторство Нуно да-Кунья (1529—1538 гг.); в 1543 г. европейцам был уступлен остров Сальсете[1].

Португальцы впервые достигли Цейлона в 1507 г. Двумя годами позже вице-королем Португальской Индии был назначен Албукерке, и с тех пор дела пошли быстро. Политика Албукерке заключалась в том, чтобы расширить территориальную базу Португальской империи и тем самым обеспечить более широкую и надежную сферу коммерческой деятельности; сделать торговлю монополией португальского правительства; дружить со всяким, кто изъявлял готовность помочь ему в подрыве мусульманского владычества на Востоке.

За морской победой португальцев у Диу последовал захват Гоа, а позже—экспедиция в Малакку, которая и была окончательно захвачена в 1511 г. Эти победы повели к дальнейшей экспансии на Восток, поскольку Малакка играла роль ключа к торговым путям, ведущим к архипелагу Индонезии и в китайские моря. Захват Малакки не только явился шагом вперед для португальцев, но и создал им своего рода базу для дальнейших открытий и торговли.

После падения Малакки португальцы отправили в архипелаг Индонезии флот под командованием Антонио д'Абрео, и, хотя письменных памятников по поводу этой экспедиции не сохранилось, есть основания думать, что португальцы достигли крупнейшего центра торговли гвоздикой—Амбойны, лежащей к югу от Серама, и что они заходили по пути на Борнео, Целебес и Молуккские острова. Возможно, что именно мирный характер этой экспедиции помог португальцам распространить свое влияние на архипелаг, и хотя португальцы приступили к аннексии Молуккских островов лишь после 1526 г., регулярная торговля не прерывалась с 1511 г.

Кантона португальцы достигли в 1516 г., и, по имеющимся сообщениям, через двадцать четыре года в китайском порту Лямпу было уже больше тысячи португальских домов. К 1520 г. португальцы проникли в глубь страны, в самый Пекин.

В 1518 г. португальцы достигли островов Лю-Цю (Рюкю), а в 1542 г. вовлекли в орбиту своей торговли Японию.

---

[1] Остров Сальсете находится у западного берега Индостана. На нем вырос город Бомбей. Остров был уступлен в 1661 г. Англии как часть приданого португальской принцессы Катерины Браганцской, выданной замуж за английского короля Карла II.—*Прим. ред.*

Тем временем португальцы продолжали работу по открытию для торговли также стран, расположенных между Индией и Китаем. Во время осады Малакки они направили к сиамскому двору посольство, которое и прибыло в столицу страны, в Аютию, расположенную на реке Менам выше Бангкока. Позже некоторое число португальцев поселилось в Сиаме. Когда северо-восточный муссон дул с такой силой, что затруднял и делал опасным судоходство в китайских морях, португальские суда часто, бывало, искали убежища в Сиаме.

Вторая экспедиция в Сиам под начальством Антонио де Миранды обогнула весь Малайский полуостров до самого Тренггану, откуда португальцы совершили длительный и тяжелый пеший переход в Аютию. Если отчет об этом достижении соответствует истине, то на долю Миранды выпадает честь именоваться первым европейским исследователем Нижнего Сиама.

После падения Малакки была послана экспедиция в Бирму. За ней начались регулярные торговые путешествия, а около половины XVI в. туда последовали доминиканцы-миссионеры[1].

Своим открытием для европейской торговли Индокитай обязан злоключениям Мендеша Пинто, за которым в истории исследований утвердилась дурная слава. Его корабль ограбили в море у берегов небольшого княжества Лигор[2]. В 1540 г. Пинто вместе с собственником груза Антонио де-Фариа пустился преследовать грабителей. Из Патани[3] он отправился на небольшой остров против дельты Меконга—Пуло Кондор, откуда проследовал на материк, где и прослышал про район озера Тонле-Сап и его большие минеральные богатства. Отсюда он направился каботажем вдоль побережья Индокитая до острова Хайнань, оттуда повернул обратно и сухим путем достиг Турана[4], центра сухопутной торговли с Китаем через реки Меконг и Сонкой. После дальнейших приключений португальцы прибыли, наконец, в самый Китай.

Португальцы не первыми из европейцев появились на Дальнем Востоке, и им не удалось надолго удержать торговую монополию в своих руках: их опередили те путешественники, о которых мы уже говорили в одной из предыдущих глав, в области же торговли их скоро вытеснили голландцы; но за короткие полвека они сумели проделать значительный труд. Туман, окружавший

---

[1] Монахи ордена, основанного «святым» Домиником в начале XIII в. Из их числа обычно назначались судьи и следователи инквизиции.—*Прим. ред.*

[2] Лигор расположен у юго-западного берега Сиамского залива, к югу от перешейка Кра.—*Прим. ред.*

[3] Патани—страна в северной части полуострова Малакки (теперь—крайняя южная часть Сиама).—*Прим. ред.*

[4] Туран—приморский город Аннама (у 16° с. ш.).—*Прим. ред.*

архипелаг Индонезии, теперь рассеялся—возможность выгодной торговли стала фактом.

Однако уния с Испанией в 1580 г., незначительная численность португальцев на Востоке, сильные и настойчивые попытки проникновения со стороны других европейских стран и та отвлекавшая их в другую сторону приманка, какой была Южная Америка,— все это сыграло свою роль в упадке Португальской колониальной империи.

Возможно, что открытие Бразилии было случайным делом и произошло в ходе поисков португальцами морского пути вокруг Африки.

В 1894 г. Юл Олдем выступил с теорией, будто португальцы открыли Бразилию еще до 1448 г., когда Андреа Бианко выпустил карту, на которой был нанесен массив суши с неудобочитаемой легендой. Олдем прочел эту легенду следующим образом: «Достоверно известный остров, лежащий в 1500 милях к западу». Если учесть длину градуса, принятого Бианко на его более ранних картах, то окажется, что речь действительно может итти о Бразилии, лежащей в 1520 милях к западу от Зеленого Мыса. Взгляды Олдема горячо поддержал португальский ученый Баталья-Рейш, но общего признания они не получили. Теперь выясняется, что путешествие португальца Кабрала в 1500 г., в результате которого знакомство с Бразилией сильно подвинулось вперед, не было случайным, а было старательно подготовлено и, как видно, достигло той цели, которую ставил себе неудачный проект 1498 г.[1]

[1] Из английских работ, посвященных вопросу о португальских открытиях, следует отметить книгу *Престэйджа* «Португальские пионеры» (*E. Prestage*, The Portuguese Pioneers, 1933). После первых двух экспедиций Христофора Колумба португальцы сознательно стремились к тому, чтобы закрепить за собой контроль над Южной Атлантикой и найти возможно дальше от африканских берегов острова, которые могли бы служить этапами на морском пути к «Индиям». Одним из таких островов Кабрал счел и Бразилию и потому назвал ее сначала островом Истинного Креста (Вера-Круш).—*Прим. ред.*

Глава V

ХРИСТОФОР КОЛУМБ И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ[1]

В то время как португальцы прокладывали путь на Восток вдоль западного побережья Африки, произошло событие, весьма существенно отразившееся на всей истории Европы. Это событие мы иногда называем открытием Америки; люди же XV в. думали, что были открыты либо какие-то совершенно новые острова в океане, о которых до того ходили только басни, либо группа островов, лежавших, как было известно, у юго-восточного побережья Азии. Последующее открытие огромного материка, расположенного между Европой и Азией, было в лучшем случае только вторичным открытием Америки[2].

---

[1] При составлении этой главы автор, в основном, пользовался сборником «Избранные документы, освещающие четыре путешествия Колумба» в изд. Общества Хаклюйта (2-я серия, тт. 65 и 70), а также работами Джейна, Харриса и Виньо.

Из важнейших иностранных монографий, посвященных Христофору Колумбу и открытию Америки, на русский язык переведены:

В. Ирвинг, «История жизни и путешествий Христофора Колумба», тт. I—IV, 1836—1837 гг. В настоящее время представляет только историко-литературный интерес.

Д. Фиске, «Открытие Америки», тт. I—II, 1892—1893 гг. Этот автор обнаруживает недостаточно критическое отношение к первоисточникам.

Д. Уинсор, «Христофор Колумб и открытие Америки; иллюстрированное историко-критическое исследование», 1893 г. Эта монография, написанная одним из крупнейших историков-географов XIX в. к 400-летнему юбилею открытия Америки, является капитальной критической сводкой мнений о Колумбе к концу XIX в. и не утратила своего значения до настоящего времени. Но, по справедливому указанию Д. Н. Анучина, «Уинсор нередко переходит меру в своем стремлении умалить значение Колумба и набросить тень на его память».

Из русских работ, посвященных Христофору Колумбу, отметим большую статью *Д. Н. Анучина* «О судьбе Колумба как исторической личности и о спорных и темных пунктах его биографии», журнал «Землеведение», I, 1894 г., стр. 185—256.

Биография Колумба, написанная *Г. Ревзиным*, вошла в серию «Жизнь замечательных людей», изд. «Молодая Гвардия», 1937.—*Прим. ред.*

[2] Осторожная фраза автора о том, что путешествия Колумба и его последователей были «в лучшем случае только вторичным открытием Америки», означает следующее: достоверно, что первыми Америки достигли норманны; вероятно, что до Колумба там побывали представители и других западноевропейских народов. См. 2-е авторское дополнение—«Доколумбово открытие Америки».—*Прим. ред.*

Инициатива в области этих новых открытий принадлежала Христофору Колумбу. Он родился в 1451 г. в Генуе, в семье бедного ткача. В первый раз Колумб отправился в море в 1474 или в 1475 г., когда он совершил путешествие в страны Леванта. В 1477 г. он побывал в Англии, но рассказ о якобы предпринятой им поездке оттуда в Исландию, повидимому, вымышлен. Позже, в 1479 г., он обосновался в Лиссабоне, познакомился с выдающимися деятелями из среды португальских исследователей и, как предполагают, в 1482 г. принял участие в португальском путешествии к гвинейскому берегу. Приобретенный в этой экспедиции опыт и собранные им различные сведения общего характера вдохнули в него страсть к дальнейшим открытиям. Выдвинутые им проекты не встретили поддержки в Португалии, и в 1484 г. Колумб переехал в Испанию. Здесь с помощью своего брата-картографа[1] и очень известной в торговых кругах семьи Пинсонов[2] он развил и обосновал свои предложения, заручился поддержкой влиятельных церковников и, в конце концов, завоевал доверие королевы[3].

Колумб занимает такое важное и видное положение в истории географических открытий, что следует приветствовать все попытки выяснить всю правду о нем. Критики поработали немало, чтобы рассеять всю романтику, окружающую путешествия Колумба, а один из них, Г. Виньо, стал даже на ту точку зрения, что бóльшая часть связанных с именем Колумба традиционных рассказов выдумана[4]. Яростные споры шли и идут вокруг вопроса о том, что думал и к чему стремился Колумб. Некоторые считают,

[1] Из двух младших братьев Христофора Колумба картографией занимался Варфоломей (Бартоломе) Колумб, сыгравший крупную роль в истории покорения и колонизации Эспаньолы. Другой (самый младший) брат Колумба, Джакомо (Диего), также принимал участие в колонизации Эспаньолы.—*Прим. ред.*

[2] Из семьи Пинсонов, андалузских судовладельцев (из города Палос), большую роль в организации и удачном завершении первой экспедиции Колумба сыграл старший брат—Мартин Пинсон. Младший его брат, Висенте Пинсон, также принимавший участие в первой экспедиции, позднее совершил замечательные открытия у восточного побережья Южной Америки (см. ниже эту же главу).—*Прим. ред.*

[3] Речь идет об Изабелле «Католичке», королеве Кастилии, жене Фердинанда «Католика», короля Арагона.—*Прим. ред.*

[4] Виньо (H. Vignaud)—американец французского происхождения, автор ряда работ о Колумбе на французском и английском языках, опубликованных в первой четверти XX в. Из его трудов наиболее интересны: «Критическое исследование о жизни Колумба перед его открытиями» (Etudes critiques sur la vie de Colomb avant ses découvertes, 1905) и «Колумбова традиция в открытии Америки» (The Columbian Tradition in the Discovery of America, 1920).

Виньо—один из самых решительных «антиколумбианцев», стремившихся умалить роль Христофора Колумба в подлинном открытии Америки.—*Прим. ред.*

что, идя на запад через Атлантику, он вовсе не искал лежащих у берегов Азии островов Пряностей (Молуккских), а просто искал какой-либо остров посреди океана. На картах того периода фигурирует множество легендарных островов. Существовала легенда, что в 578 г. св. Брандан посетил остров того же имени, и поиски этого острова продолжались до 1721 г. Одни утверждали, что архиепископ города Опорто достиг острова Антилии в 734 г.[1], другие—что он был открыт в 1414 г. «Остров Бразил» привлекал внимание бристольских купцов с конца XV в. Все эти острова фигурируют на отражавшем наиболее передовые географические представления своего времени большом глобусе 1492 г., изготовленном Мартином Бехаймом[2]. На этом глобусе нет никакого массива суши между Европой и азиатскими островами.

Традиционное предание о Колумбе и Тосканелли уже так долго является общим местом в истории, что мы коснемся его только очень кратко. Согласно этому преданию, итальянский ученый Тосканелли обратился к португальцу Мартинешу с письмом[3], в котором высказал ту точку зрения, что, плывя все время на запад, можно достичь Азии. Для наглядности Тосканелли приложил к своему письму карту. Согласно этому же преданию, когда Колумб обратился с изложением своего проекта к Тосканелли, тот в виде ответа послал ему копию своего письма Мартинешу и карты. Тем самым он поддержал Колумба в его стремлении плыть на запад и подчеркнул те торговые и политические выгоды, какие могло дать успешное осуществление этого замысла.

Виньо считает, что весь рассказ о Тосканелли и Колумбе вымышлен с начала до конца и что было бы ошибкой основывать западное путешествие Колумба на каких-либо выводах из карты Тосканелли. Виньо считает, что вся эта история является выдумкой брата Колумба, рассказавшего ее Лас-Касасу[4], который, в свою очередь, пересказал ее и тем ввел в заблуждение сына

[1] Испано-португальская легенда о семи епископах (среди них—архиепископ Опорто), бежавших в VIII в. н. э. за океан от мусульманских завоевателей Пиренейского полуострова и основавших «семь городов» на западных островах в Атлантическом океане. После того как атлантические острова были исследованы и там не было найдено «семи городов», их стали искать на материке Северной Америки (см. ниже, глава VI, раздел I).—*Прим. ред.*

[2] О глобусе Мартина Бехайма см. *К. Салищев*, «Основы картоведения», стр. 59—61, где дано и воспроизведение глобуса в виде двух полушарий.—*Прим. ред.*

[3] Мартинеш был лицом, близким к португальскому двору.—*Прим. ред.*

[4] Бартоломе Лас-Касас (1474—1566)—знаменитый испанский историк открытия и завоевания Америки, лично знавший Колумба и принимавший непосредственное участие в колонизации «Западной Индии».—*Прим. ред.*

и биографа Колумба — Фернандо[1]. Мы не можем входить в подробности этого спора, но даже если на минуту допустить, что Виньо прав[2], все же остается фактом, что не один Бехайм имел доступ к материалам, на основе которых он построил свой глобус, и что либо на основе этих материалов, либо другого глобуса того же типа можно было вывести заключение о возможности достичь Индии, идя на запад. Ведь нет доказательств того, что Колумбу не попалась карта такого типа. Более вескими являются аргументы, почерпнутые из «договора», заключенного между Фердинандом и Изабеллой, с одной стороны, и Кристовалем Колоном (Христофором Колумбом) — с другой. В этом датированном 30 апреля 1492 г. документе цели путешествия Колумба сформулированы следующим образом: «Поскольку вы, Кристоваль Колон, отправляетесь по нашему повелению для открытия и приобретения некоторых островов и материка в море-океане на наших кораблях и с нашими людьми ...мы считаем разумным и справедливым вознаградить вас за труды»[3]. Не говоря уже о том, что Азия нигде прямо не упоминается, не похоже на то, что неясное выражение «некоторые острова и материк в море-океане» могло бы относиться к такому району, как юго-восточная Азия, и уже совсем невероятно, чтобы правители Испании замыслили их присоединение с таким незначительным числом судов и людей.

Не опровергают этой точки зрения и записи в «Дневнике» Колумба. В нем он говорит, что испанские король и королева «решили отправить меня... в Индию... и повелели, чтобы я направился туда не сушей, следуя на восток, как обычно ходят в ту сторону, но западным путем...». В том же «Дневнике», уже после того как он сделал несколько открытий, Колумб записывает: «Я все еще полон решимости добраться до материка и города Кинсая». Подлинный «Дневник» Колумба потерян, но сохранился сделанный Лас-Касасом конспект, точность которого считается сомнительной[4].

Далее, следует учитывать, что космографические воззрения Колумба носили средневековый характер. Он пользовался книгой

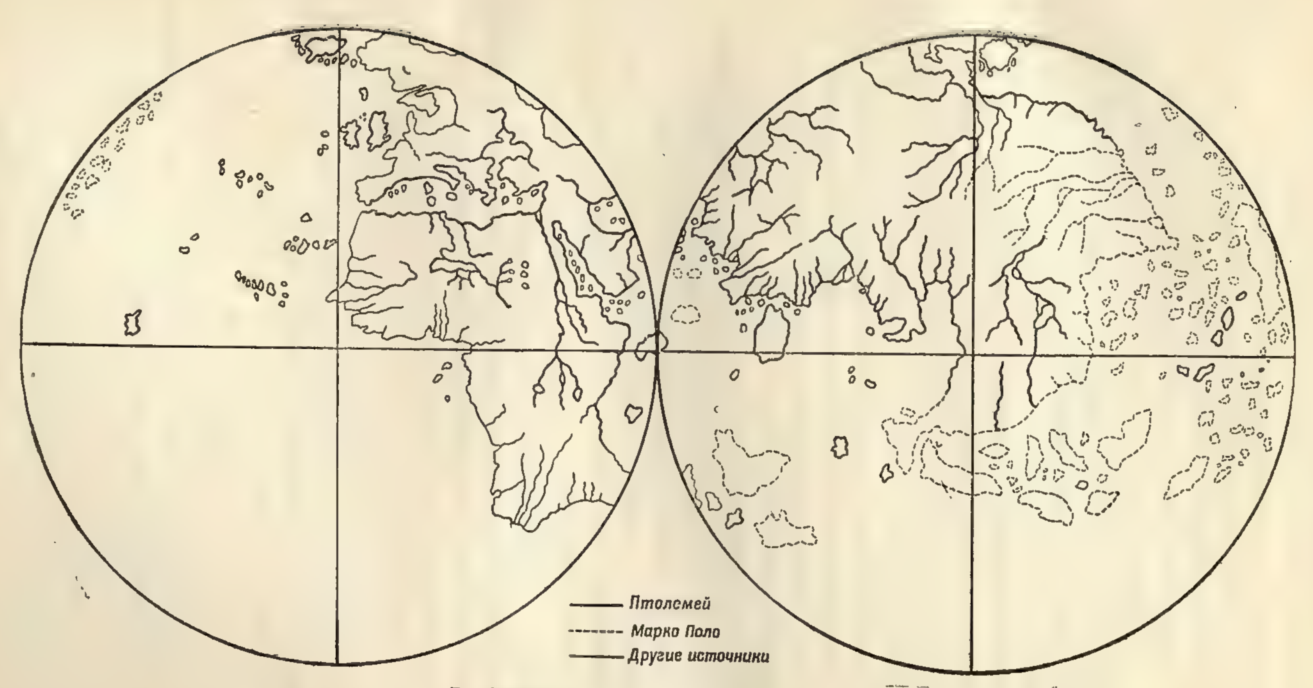
---

[1] Фернандо Колон (испанская транскрипция фамилии Колумба) — младший (внебрачный) сын Христофора Колумба, предполагаемый автор биографии великого мореплавателя; испанский оригинал этой биографии утерян, но сохранился итальянский перевод, опубликованный в Венеции в 1571 г. — *Прим. ред.*

[2] Аргументация Виньо очень слаба: он не доказал, что кто-либо из лиц, близких к Колумбу, был заинтересован в такой выдумке. — *Прим. ред.*

[3] Цитата, приведенная в тексте, взята автором не из «договора» между «католическими» королями и Колумбом, а из «свидетельства о пожаловании» Колумбу титула от 30 апреля 1492 г. (договор заключен был 17 апреля 1492 г.). — *Прим. ред.*

[4] Сборник дневников, писем и других важнейших документов, относящихся к четырем экспедициям Христофора Колумба, в русском переводе выходит в свет в 1950 г. (изд. Географгиза). — *Прим. ред.*



7. Бехаймов глобус и его источники.

«Tractatus de imagine mundi» (Трактат об образе мира) Пьера Айи[1], в которой можно было найти взгляды, высказанные Роджером Бэконом в его «Opus Majus» еще в конце тринадцатого века[2]. У Колумба не было никаких «новейших» для его времени идей. Когда ему нужно было доказать, что открытые им острова были «острова Пряностей», он ссылался на распространенный труд своего времени, причем совершенно не отдавал себе отчета в том, что он пользовался космографическими взглядами средневекового мыслителя.

Все же необходимо подыскать то или иное объяснение для такого бесспорно замечательного путешествия. Виньо видит это объяснение в том упоминаемом Лас-Касасом факте, что около 1484 г. Колумб встретился на острове Мадейре с каким-то неизвестным лоцманом. Этот лоцман был якобы когда-то отнесен атлантическими бурями далеко на запад и открыл Антильские острова. Во время свидания на Мадейре он будто бы поведал об этом Колумбу, а тот решил использовать полученные сведения и сделать новые открытия в океане. В те годы, когда Лас-Касас писал свою «Историю Индии», легенда о лоцмане была на устах у всех, но он не высказывает никакого суждения о ней. Гомара[3] в своей «Истории» принимает ее за истину, но все же большинство ученых, за исключением Виньо, подвергает ее сомнению. Один из новейших писателей по этому вопросу высказал предположение, что этим «неизвестным» лоцманом был сам Колумб, но его доказательства неубедительны.

Нет никакой необходимости далее разбираться в споре, имеющем преимущественно академический интерес, и мы отметим лишь, что критические воззрения Виньо не получили всеобщего признания. «Письма» Колумба, стоящие совершенно особняком от его «Дневника» и написанные сразу же после открытия, ясно говорят о том, что автор их считал, что достиг Индии. Коротко говоря, общепринятые взгляды опровергаются лишь некоторыми высказываниями самого Колумба и его биографов. Все же он хоть иногда говорил правду, и ее можно противопоставить обычной якобы лживости его биографов. Утверждение, будто Колумб отпра-

---

[1] Пьер Айи (Pierre d'Ailly)—французский епископ, называвший себя также латинизированным именем «Петр Аллиакус», космограф начала XV в. Его «Трактат» был закончен в 1410 г.—*Прим. ред.*

[2] Роджер Бэкон (1214—1294)—известный английский средневековый философ, монах-францисканец, преследовавшийся католической церковью за «еретические» высказывания в его трудах. Важнейший дошедший до нас его труд «Opus Majus» закончен в 1267 г. и включает ряд географических сведений, полученных в Европе благодаря монахам-путешественникам в ставку великого хана монголов (в частности—сведения Рубрука).—*Прим. ред.*

[3] Гомара—испанский историк XVI в. Факты, которые он приводит в своей «Истории» относительно Колумба, заимствованы им у его предшественников, историков «Завоевания Индий», без всякой критики.—*Прим. ред.*

вился в плавание определенно в поисках какого-то острова в Атлантическом океане, остается недосказанным.

Недавно Шарль де-ла-Ронсьер нашел карту, которая, как он считает, является свидетельством целей путешествия Колумба, а именно, достижения некоего атлантического острова и побережья Азии. Но и его доказательства неубедительны. Свидетельством истинных намерений Колумба может служить и другая карта, вычерченная в 1513 г. в Турции на основании материалов, захваченных у испанцев: из карты можно заключить, что Колумб разметил карту, похожую на глобус Бехайма, и нанес на нее Атлантические острова, Японию (Гаити) и материк Азии (Кубу). Автор ряда трудов по этому вопросу Джейн[1] в своих недавних работах очень резонно избегает какой-либо категоричности, как ее избегал сам Колумб. Как говорит Джейн, Колумб «имел в виду возможность достижения берегов Сипанго и Катайо [Японии и Китая], Антилии или других островов в океане», но наряду с этим и другую цель—открыть новую землю, положения которой он не мог определить и о которой он сам не мог составить себе никакого ясного представления.

Целесообразнее обратиться к тому, чего Колумб добился на деле. Отплыв из Испании 3 августа 1492 г., а с Канарских островов—9 сентября, он шел западным курсом примерно до 68° западной долготы, но 7 октября изменил курс на северо-западный. Эту перемену курса предложил накануне вечером Мартин Пинсон; поэтому некоторые критики считают несостоятельным утверждение, что Колумб собирался найти Индию, держа курс на запад. Через четыре дня после этого на горизонте показалась земля. Индейцы называли ее Гуанахани, и это был, повидимому, остров Уэтлинг Багамской группы[2]. Открыв еще несколько других островов этой же группы, 28 октября Колумб подошел к Кубе и объявил команде, что это Сипанго (Япония). После небольшого исследования внутренней части острова и открытия неизвестного европейцам табака, Колумб направился к Гаити. Тем временем стало ясно, что Куба никак не могла быть Японией, и поэтому Японией стал теперь остров Гаити, хотя Колумб и дал ему название «Эспаньолы»[3]. 16 января 1493 г. он отправился в обратный путь

[1] Джейн (Jane, Cecil)—автор «Путешествий Христофора Колумба» (The Voyages of Christopher Columbus, 1930).—*Прим. ред.*

[2] Колумб назвал первый открытый им остров Сан-Сальвадором. О местонахождении этого острова историки и географы спорили в течение двух последних веков. Первым отождествил остров Уэтлинг с Сан-Сальвадором испанский историк Муньос в конце XVIII в., но вполне правдоподобны и другие допущения, которые высказывались очень компетентными учеными (испанец Наваррете, немец Гумбольдт, американец Харрис и т. д.). Мнение Муньоса было принято большинством историков только в конце XIX в.—*Прим ред.*

[3] Isla Española—Испанский остров.—*Прим. ред.*

и, держа курс сначала на северо-восток, а потом прямо на восток, через 34 дня достиг Азорских островов, а в начале марта—Испании.

Не говоря уже об открытии новой земли (тогда еще точно не было установлено—какой земли), Колумб совершил смелое плавание по Атлантическому океану и там, где на картах были указаны легендарные острова, действительно нашел острова. Он проложил новый огромного значения путь и доказал, что из вновь открытых земель можно было вернуться на родину. Поэтому и принято говорить, что он проложил правильный и надежный морской путь для парусных судов через Атлантический океан. Однако это открытие могло быть делом случая, и поскольку в последующие плавания Колумб шел другими курсами, оно не было в то время даже понято. Возможно также, что прокладка этого морского пути была заслугой не его, а кого-либо из сопровождавших его кормчих. Его современники приписывали ему более крупные заслуги. Некоторые считали, что он нашел Индию; у других же вскоре зародилось предположение, что он открыл неизвестный до того континент.

Главной целью второго путешествия Колумба (1493) было дополнение исследований предыдущего года к востоку от Гаити[1], где им была основана колония Навидад. На этот раз Колумб взял курс несколько южнее и в воскресенье 3 ноября завидел землю, названную им «Доминикой» (по-испански—воскресенье), как она именуется и в настоящее время. За этим последовало открытие ряда мелких островов. От Доминики Колумб отправился дальше через острова Мария-Галанте и Подветренные, включая Монтесеррат, Невис, Сан-Кристофор и Санта-Крус, к Пуэрто-Рико[2], и, наконец, пришел к поселению на острове Гаити. Оно оказалось безлюдным, так как все колонисты были убиты туземцами. Вместо прежнего Колумб заложил новый город, Изабеллу,

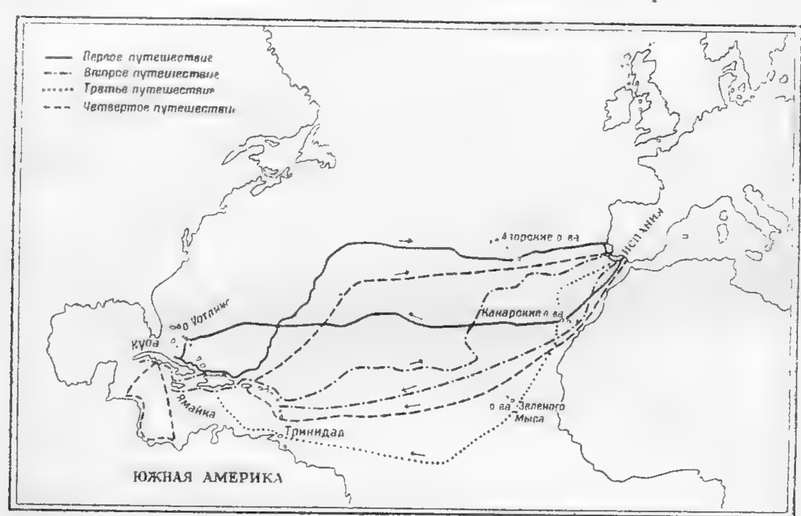
---

[1] Предположение автора, будто «главной целью второго путешествия Колумба было дополнение исследований предыдущего года к востоку от Гаити», основано на записи в так называемом «Дневнике первого путешествия» Колумба 16 января 1493 г. Там говорится, что к юго-востоку от Гаити, по словам индейцев, находятся остров Кареб (т. е. остров, населенный людоедами-караибами), «остров Матинино, населенный безмужними женщинами», и что адмирал (Колумб) собирался уже тогда направить к этим островам свои корабли, но, боясь потерять попутный ветер, повернул на северо-восток, прямо к берегам Испании. Нет никаких других, более определенных указаний на такую «главную цель». Но несомненно, что при вторичном переходе через Атлантический океан Колумб держался ближе к экватору, чем в первый раз, надеясь по пути открыть «остров Кареб», и что на этом южном пути он действительно открыл ряд островов (Малых Антильских) именно к юго-востоку, а затем к востоку от Гаити (это подтверждает и участник второй экспедиции Колумба, доктор Чанка).—*Прим. ред.*

[2] Колумб назвал остров «Сан-Хуан-Бенито». Название «Пуэрто-Рико» (Богатая гавань) дано было острову позднее. Спутник Колумба, доктор Чанка, указывает, что его туземное название было «Борикен».—*Прим. ред.*

откуда изыскательские партии отправились за золотом в горы Сибао.

После этого Колумб пошел далее, вдоль южного побережья Кубы, а затем повернул в сторону Ямайки. Открыв северное побережье этого острова, он повернул обратно, на Кубу, чтобы закончить исследование ее южного берега. Придя к заключению, что Куба вовсе не остров, а часть материка Азии, Колумб вернулся в город Изабеллу и оттуда, взяв с собой образчики птиц,



8. Четыре плавания Христофора Колумба.

плодов и растений, включая кукурузу и ямс, 10 марта 1495 г. отплыл обратно в Испанию. Вначале он взял курс на Гваделупу, а потом пошел в северо-восточном направлении почти прямо в лоб пассату. Плавание было настолько трудным и продолжительным, что суда прибыли в Кадис лишь 11 июня. Прямой путь отнял сорок один день, обратный—шестьдесят два. Эти цифры лучше всего показывают, с какими трудностями приходилось бороться мореплавателям того времени, ставя в то же время под сомнение приписываемое Колумбу искусство судовождения.

В третье путешествие Колумб отправился 30 мая 1498 г. Он направился к островам Зеленого Мыса, имея в виду плыть вдоль параллели 8°30′ ю. прямо на запад[1]. Но штили у африканского

[1] По рассказу биографов, Колумб при своем третьем переходе через Атлантический океан взял еще более южное направление, чем во время второй экспедиции, надеясь найти в «полуденной Индии» близ экватора «жителей черного или коричневого цвета, доставляющих драгоценные камни, золото, пряности и лекарства».—*Прим. ред.*

побережья опрокинули его планы, и лишь через шестьдесят два дня после отплытия из Испании, 1 августа, он достиг острова Тринидад. Здесь был найден жемчуг, а далеко в океане была обнаружена пресная вода реки Ориноко. Отплыв от Тринидада, Колумб завидел массив южноамериканского континента у Парии, но, не останавливаясь для его обследования, отправился дальше[1]. По прибытии на Гаити он был арестован и отправлен обратно в Испанию.

В этот момент на исторической арене открытия Нового Света появляется следующая крупная фигура—Америго Веспуччи, в оценке достижений которого среди ученых и историков нет единства. Некоторые считают его выдающимся исследователем, другие—солидным мясоторговцем по профессии и ничтожеством во всех других отношениях. По данным самого Веспуччи, он совершил четыре путешествия—в 1497, 1499, 1501 и 1503 гг. Новейший и в общем более обоснованный анализ этого вопроса приводит к заключению, что первое и четвертое путешествие вымышлены[2]. Результатом этого мнимого первого, принимаемого всерьез некоторыми учеными путешествия явилось будто бы открытие мексиканского побережья у залива Кампече, а также восточного побережья Северной Америки.

Второе путешествие Америго совершил совместно с Охедой, хотя они друг с другом не сотрудничали. Охеда достиг побережья Южной Америки у Суринама и проследовал вдоль него до залива Маракайбо. Веспуччи же, повидимому, коснулся берега континента примерно у 5° ю. ш. и кое-что дополнил в исследованиях Охеды. Если это путешествие действительно имело место, то Веспуччи открыл Бразилию[3].

Третье путешествие Америго совершил уже на службе португальского короля. Он прошел вдоль восточного побережья Южной Америки, которое он, повидимому, обследовал, начиная от 5° до 50° ю. ш. Это было уже первоклассным открытием и опять-таки, если оно не вымышлено, дает Веспуччи право занять одно из

---

[1] В 1498 г. Колумб, несомненно, останавливался для обследования к западу от Тринидада этой земли, приняв ее за остров, названный им «Прелесть» («Грасия»); на самом деле это был полуостров Пария южноамериканского континента. Он высылал своих людей на эту землю, говорил с индейцами и захватил четырех из них. По одному свидетельству, ввиду болезни Колумба формально вступил во владение островом «Прелесть» его уполномоченный. Так или иначе, первая доказанная высадка на берег южноамериканского континента сделана людьми Колумба.—*Прим. ред.*

[2] Имеется в виду исследование итальянца Маньяги (A. Magnaghi) «Америго Веспуччи» (1924).—*Прим. ред.*

[3] Бесспорное открытие восточного выступа Южной Америки, т. е. части Бразилии, было совершено в 1500 г. испанскими экспедициями Висенте Пинсона и Лепе, действовавшими независимо друг от друга, и португальской экспедицией Кабрала.—*Прим. ред.*

самых выдающихся мест среди путешественников эпохи великих открытий[1].

В эти же годы большую активность на побережье Южной Америки проявляли испанцы. В 1500 г. Алонсо Ниньо высадил группу испанцев в центре жемчужного промысла на острове Маргарита и исследовал материк на запад от Куманы. В том же 1500 г. Висенте Пинсон достиг 8° 20′ ю. ш. у бразильского побережья, а Родриго Бастидас завершил открытие северного побережья—от достигнутого Охедой залива Маракаибо до залива Дарьен.

Возможно, что к этому времени ряд испанцев уже понял, что открыт целый новый континент. Сам же Колумб все еще считал острова Западной Индии лишь помехой на пути в Азию и в своем четвертом путешествии пытался прорваться сквозь этот барьер. Настоящие открытия Колумб начал делать лишь в конце июня 1503 г. у побережья Гондураса[2]. Он проследовал вдоль побережья на юг до залива Дарьен, но нигде не нашел прохода на запад. Вблизи того места, где теперь расположен Грейтаун[3], до него дошли слухи о богатой золотом стране Верагуа, и Колумб решил, что находится где-то вблизи реки Ганг.

На этом Колумб закончил свои труды. В 1506 г. он умер, так, вероятно, до конца не представляя себе, что же он открыл. Имя его увековечено в ряде географических названий в Новом Свете, достижения его стали общим местом в учебниках истории. И если даже принять всерьез ту критику, какой были подвергнуты сам Колумб и его биографы, он все же навсегда останется центральной фигурой великой эпохи европейской заокеанской экспансии.

В то время как испанцы и португальцы направляли усилия на пересечение Атлантики к югу от Европы, англичане довольствовались более мелкими и скромными предприятиями. Уже многие годы моряки западной Англии, в особенности Бристоля, вели торговлю рыбой и солью с Ирландией и Исландией. В 1486 г. они обратились к Генриху VII с жалобой на упадок этой торговли. Однако одними жалобами они не ограничились. В 1480 г. некий Джон Джей организовал на свои средства экспедицию для нахождения острова Бразил, лежавшего, как предполагали,

---

[1] Роль Америго Веспуччи в открытии материка, названного его именем, не выяснена. По этому вопросу есть обширная литература; большинство историков считает, что из четырех трансатлантических плаваний, приписанных себе Веспуччи, только одно достоверно (совместное с Охедой), но и в нем он вряд ли занимал командную должность.—*Прим. ред.*

[2] Непонятно, почему автор все предшествующие открытия Колумба считает «ненастоящими».—*Прим. ред.*

[3] Грейтаун (испанское название Сан-Хуан)—приморский поселок на юго-восточной окраине Никарагуа у границы с Коста-Рикой.—*Прим. ред.*

на запад от Ирландии. Экспедиция пробыла в плавании шесть недель и вернулась ни с чем[1].

Начиная с 1490 г. бристольские купцы ежегодно посылали по два, три или четыре судна, чтобы найти остров Бразил. Можно сказать, что они были психологически полностью подготовлены к приему Джона Кабота[2]. В какой мере Кабот был в долгу у Колумба, останется навсегда невыясненным, но, по словам Кабота, он сам достиг большого искусства в мореходном деле, и, повидимому, на основании собственного опыта выдвинул и разработал план путешествия на запад, в Индию. Рассуждал он и умно и дельно.

«Кабот утверждал, что в своих прежних путешествиях он бывал в Мекке, куда караваны привозят пряности из дальних стран. Когда он спрашивал тех, кто привозил эти пряности, о том, где они произрастают, ему отвечали, что не знают, что пряности им на родину привозят другие караваны из еще более отдаленных стран, а те, в свою очередь, тоже получают их из еще более дальних местностей. Из этого Кабот вывел заключение, что если жители Востока рассказывают южанам о том, что они достают эти редкие товары в отдаленных местах, а те—в еще более отдаленных и так далее, и если исходить из того, что земля—шар, то конечная из этих стран должна лежать где-то на северо-западе» (Вильямсон)[3].

При всяком сравнении достижений Кабота и Колумба не надо упускать из виду еще одно обстоятельство. Если Кабот имел ту выгоду, что начал свои путешествия позже, то совершал он их в гораздо более высоких широтах, где географические условия много хуже, и хотя он плавал летом, переход под парусами по бурным водам северной части Атлантического океана был далеко не шуткой.

---

[1] Английский летописец Вильям Вустерский сообщает об организации бристольскими купцами в 1480 г. экспедиции для поисков острова Бразил под командой Лойда, «самого ученого моряка во всей Англии». Плавание Лойда продолжалось девять недель и также было безрезультатно. Возможно, что речь идет об одной и той же экспедиции.—*Прим. ред.*

[2] Из донесений испанских послов в Лондоне можно заключить, что и после 1480 г. из Бристоля в течение нескольких лет направлялись на запад экспедиции для розысков таинственных островов—Бразила и Антилии.

Джон Кабот (Джованни Кабото, 1450—1498)—генуэзец, переселившийся в Венецию, а затем в Англию, в Бристоль. Свои экспедиции он организовал с денежной помощью бристольских купцов.—*Прим. ред.*

[3] *Вильямсон* (Williamson, J. A.)—автор книги «Путешествия Каботов и английские открытия в Северной Америке при Генрихе VII и Генрихе VIII» (The Voyages of the Cabots and the English Discovery of North America under Henry VII and Henry VIII, 1929). Это—новейшая английская сводная работа на данную тему.—*Прим. ред.*

В 1496 г. Джон Кабот получил патент на «...плавание ко всем местам, областям и берегам восточного, западного и северного морей... чтобы искать, открывать и исследовать всяческие острова, страны, области и провинции язычников и неверных, остающиеся до сего времени неизвестными христианскому миру, в какой бы части света они ни находились».

Первое свое плавание Кабот совершил в 1497 г., но мы почти ничего не знаем о том, как он плыл и каких мест достиг. Можно быть более или менее уверенным лишь в том, что он видел берега Ньюфаундленда или Новой Шотландии; сообщение же о том, что он проследовал вдоль побережья на триста миль, не может не быть преувеличением, так как между его отплытием из Бристоля и возвращением туда же прошло всего три месяца.

Успех первого плавания полностью оправдывал организацию второго, в которое Кабот отправился, повидимому, в мае 1498 г. Ничего достоверного об этом плавании мы не знаем. Если карта Ла-Косы может считаться надежным свидетельством[1], то Кабот прошел большое расстояние вдоль побережья «до Делавара или Чезапика, а может быть, еще дальше» (Вильямсон). Показательно, что когда правители Испании выдали в 1501 г. Охеде патент, они включили в него наказ «... итти далее и изучать открытый вами берег (то есть северное побережье Южной Америки), который, повидимому, тянется с востока на запад, ибо он простирается до того района, где, по дошедшим до нас сведениям, делают открытия англичане».

Второе плавание Кабота было неудачным, так как найти богатства Восточной Азии опять не удалось. Единственной ощутительной выгодой от выполнения проектов Кабота было открытие богатых рыбой отмелей у берегов Ньюфаундленда. Рыбный промысел привлекал мореходов всех национальностей. Нет почти никаких сомнений в том, что кое-какие открытия вблизи Ньюфаундленда должны были произвести французы, но точного представления о результатах их работы нет.

Тем временем в дело исследования северной части Атлантического океана включились португальцы. В 1500 г. Гаспар Кортереал вновь открыл Гренландию[2], а во время своего второго пла-

---

[1] На испанской карте Ла-Косы (кормчего Колумба), которую большинство историков-картоведов относит к 1500 г., к северо-востоку от Эспаньолы (Гаити) и Борикена (Пуэрто-Рико) нанесены фантастические берега огромного континента; у этих берегов изображен ряд английских флажков, а между ними—надпись: «Море, открытое англичанами».—*Прим. ред.*

[2] Нельзя категорически утверждать, будто Гаспар Кортереал в 1500 г. «вновь открыл Гренландию», а не какую-либо другую землю на северо-востоке Америки. Харрис, автор монографии о Кортереалах, предполагает,

вания, в 1501 г., прошел от Гренландии к побережью Северной Америки, вдоль которого и проследовал до открытой Каботом земли. Кортереал так и не вернулся из этого путешествия; погиб также его брат Мигел, отправившийся в 1502 г. на Ньюфаундленд. Посланная в 1503 г. новая экспедиция не нашла никаких следов исчезнувших путешественников.

Некий португалец по имени Фернандеш, быть может, сопровождавший Гаспара Кортереала в его путешествии в Гренландию, переселился в Англию и вместе с группой бристольских купцов получил патент на производство открытий в странах, «которые доныне и в настоящее время остаются неизвестными христианскому миру». Возможно, что они ставили себе задачей исследование Девисова пролива между районами, открытыми Джоном Каботом, и районами, открытыми Кортереалом; в 1501 и 1502 гг. были предприняты экспедиции, но мы очень мало знаем о них. Что они нашли нечто заманчивое, явствует хотя бы из того, что бристольские купцы продолжали посылать суда в эти северные воды в течение ряда последующих лет. В 1509 г. Себастьян Кабот[1] отплыл из Бристоля на запад. Сведения об этой экспедиции чрезвычайно сбивчивы, но есть основания предполагать, что ей удалось найти нечто вроде «прохода»—либо между уже открытыми странами, либо в обход их. Вильямсон допускает, что Себастьян Кабот прошел Гудсоновым проливом в Гудсонов залив, но что льды и недовольство экипажа лишили его возможности проникнуть дальше; поэтому он повернул обратно и, следуя вдоль североамериканского побережья, достиг широты 38°. Когда Себастьян Кабот вернулся в Бристоль, на престоле сидел уже новый король, Генрих VIII, отказавший ему в поддержке. Спустя три года Кабот перешел на испанскую службу. По своем возвращении в Англию в 1548 г. Себастьян Кабот был встречен как авторитет по вопросам открытий в странах Севера и в скором времени сделался советником по вопросам намеченного исследования Северо-восточного прохода.

что он тогда посетил полуостров Лабрадор, и отсюда возникло это португальское название (по-португальски «Терра до-Лаврадор» значит «земля пахаря»).— Но и это оспаривается рядом историков, особенно французскими, приписывающими открытие Лабрадора бретонским или нормандским рыбакам.—*Прим. ред.*

[1] Себастьян Кабот—сын Джона Кабота; возможно, принимал участие во второй экспедиции своего отца (1498).—*Прим. ред.*

Глава VI

ИСПАНЦЫ В НОВОМ СВЕТЕ[1]

1. Мексиканский залив и Флорида

Четвертое путешествие Колумба не разрешило проблемы морского пути на Восток через вновь открытые земли, но сузило зону, где можно было его искать. Именно в поисках такого рода прохода или пролива испанцы взялись за исследование Мексиканского залива и в течение очень короткого времени установили всю его береговую линию[2]. Высказанная в 1500 г. Хуаном де-ла-Косой догадка о том, что Куба—остров, нашла себе полное подтверждение через восемь лет[3]. В 1513 г. Понсе де-Леон открыл Флориду, правда, не подозревая, что она была частью материка[4]. В различные точки побережья залива были посланы небольшие экспедиции, пока, наконец, в 1519 г. Пинеда не прошел вдоль всего побережья залива от Флориды до самой границы

---

[1] При составлении этой главы, кроме работы Ходжа и Льюиса (см. прим. 2 на стр. 107), английских переводов писем Кортеса и «Истории» Берналя Диаса, автор широко использовал монументальный 8-томный труд Уинсора «Повествовательная и критическая история Америки» (1888—1889), а из более поздних работ—книгу Киркпатрика «Испанские конкистадоры» (1934).

Из переводов на русский язык иностранных монографий, посвященных испанской конкисте (завоеванию) Америки, укажем следующие:

Антон Солис, «История о покорении Мексики», перевод В. Лебедева, изд. 2-е, части 1—2, 1789; *А. Прескотт*, «Завоевание Мексики», тт. I—II, 1885; *Д. Фиске*, «Открытие Америки», т. II, 1893.

Из русских работ отметим книгу *Г. Снегирева* «Конкистадоры», 1936.—*Прим. ред.*

[2] Из многочисленных испанских экспедиций, исследовавших и описавших все берега Мексиканского залива в первую четверть XVI в., лишь очень немногие действительно ставили своей основной задачей поиски прохода через вновь открытые земли к берегам Азии. Основная их цель была—захват и разграбление богатых стран, действительных и легендарных, расположенных сравнительно недалеко к западу и северу от Кубы, Гаити и Пуэрто-Рико (слухи о таких богатых странах дошли до испанских конкистадоров через пленных индейцев).—*Прим. ред.*

[3] На карте Ла-Косы (1500 г.) Куба изображена в виде острова; окончательно это доказано было испанской экспедицией в 1508 г.—*Прим. ред.*

[4] Экспедиция Понсе де-Леона, губернатора острова Пуэрто-Рико, была организована с целью открытия легендарного острова Бимини, где бьют источники вечной молодости. В поисках Бимини испанцы открыли северную группу Багамских островов и полуостров Флориду, который сначала приняли за остров. Поэтическая характеристика Понсе де-Леона дана Генрихом Гейне в его известной поэме «Бимини».—*Прим. ред.*

Мексики. Эта последняя экспедиция, с учетом предшествующих исследований, полностью установила тот факт, что из этой части Атлантического океана никакого прохода в Азию нет[1]. Тогда испанцы, продолжая поиски того же пролива, стали исследовать восточное побережье Флориды к северу, вплоть до Чезапикского залива, которого и достигли в 1526 г.[2]. Дальнейшая история исследования этого побережья освещена в других местах нашей работы.

Между тем предприимчивые искатели наживы с острова Кубы открыли в 1517 г. часть юкатанского побережья[3], обнаружили «густо населенные страны с домами каменной кладки и людьми, одетыми в хлопчатобумажные ткани, владевшими золотом и возделывающими кукурузные поля» (Берналь Диас)[4]. В следующем году была послана вторая экспедиция, подтвердившая сообщение первой[5], а в 1519 г. выступил уже хорошо организованный отряд под начальством Эрнандо Кортеса с заданием—основательно исследовать новую страну[6]. Первые же впечатления искателей наживы подтвердили их самые смелые надежды. Им показалось, что они попали в страну «столь же богатую, как та, из которой царь Соломон черпал золото для построения храма» (из письма Кортеса). После короткого пребывания на нездоровом побережье близ нынешнего города Вера-Крус Кортес выступил в поход к городу Мехико. Во время пути он воспользовался смелой идеей одного из подчиненных ему военачальников и послал группу людей на покрытый снегами Попокатепетль, с вершины которого можно было видеть большое озеро, на котором стоит

[1] Экспедиция Пинеды была организована губернатором Ямайки Гараем. На так называемой карте Гарая (1520 г.) впервые правильно (конечно, в общих чертах) нанесены все берега Мексиканского залива с полуостровами Флоридой и Юкатаном, открытым в 1517 г. экспедицией Кордовы. Повидимому, Пинеда открыл также устье Миссисипи, названной им рекой «Духа Святого» (Эспириту-Санто).—*Прим. ред.*

[2] Речь идет об испанской экспедиции Айльона. После нее область к северу от полуострова Флориды некоторое время называлась «Землей Айльона» (впервые такое название встречается на карте Рибейры в 1529 г.).—*Прим. ред.*

[3] Речь идет об экспедиции Кордовы.—*Прим. ред.*

[4] Берналь Диас дель-Кастильо—испанский конкистадор, рядовой участник экспедиций Кордовы и Грихальвы (1517—1518 гг.), открывших Мексику до мексиканских походов Кортеса; автор замечательной «Правдивой истории завоевания Новой Испании», переведенной на многие языки. Русский (сокращенный) перевод *Д. Н. Егорова* вышел под названием «Записки солдата Берналя Диаса», тт. I—II, 1924. Книга Берналя Диаса—один из самых ценных первоисточников по изучению истории открытия и завоевания Мексики.—*Прим. ред.*

[5] Речь идет об экспедиции Грихальвы.—*Прим. ред.*

[6] Целью экспедиции Эрнандо Кортеса было, конечно, не географическое исследование, а завоевание и разграбление Мексики. Об этом прямо и с большими подробностями говорит солдат Берналь Диас (см. русский перевод его «Записок», т. I, глава «Снаряжение Кортеса»).—*Прим. ред.*

город Мехико. Кортес выбрал дорогу, позволившую ему приблизиться к городу с юга, и в начале ноября 1519 г. вышел к цели похода—к городу Мехико.

В скором времени внимание испанцев было отвлечено нарушением их коммуникации с берегом. Им пришлось силой оружия пробивать себе дорогу от города Мехико и отступить по дороге, огибающей озеро с севера, к прибрежной области, заселенной племенами, дружественно настроенными к испанцам. Здесь они отдохнули, получили небольшое, но очень нужное пополнение людьми и произвели тщательную подготовку ко второму наступлению. На этот раз их ожидал полный успех, и в августе 1521 г. им удалось овладеть городом Мехико.

За захватом столицы, естественно, последовало покорение остальной территории страны, и, хотя движущей силой в этом случае вовсе не была жажда знания, а погоня за богатством, географический горизонт испанцев сильно расширился в результате этого завоевания. Историк Берналь Диас (1495—1580) писал, что «у Кортеса были высокие замыслы, и в своем стремлении повелевать и господствовать он подражал Александру Великому». Кортес послал экспедиции во всех направлениях, «основал большие города» Оахака, Сакатула (в нынешнем штате Герреро), Колима, Вера-Крус, Пануко и Коатцакоалькос (нынешний Пуэрто-Мехико) и двинул свои армии за нынешние границы мексиканского государства.

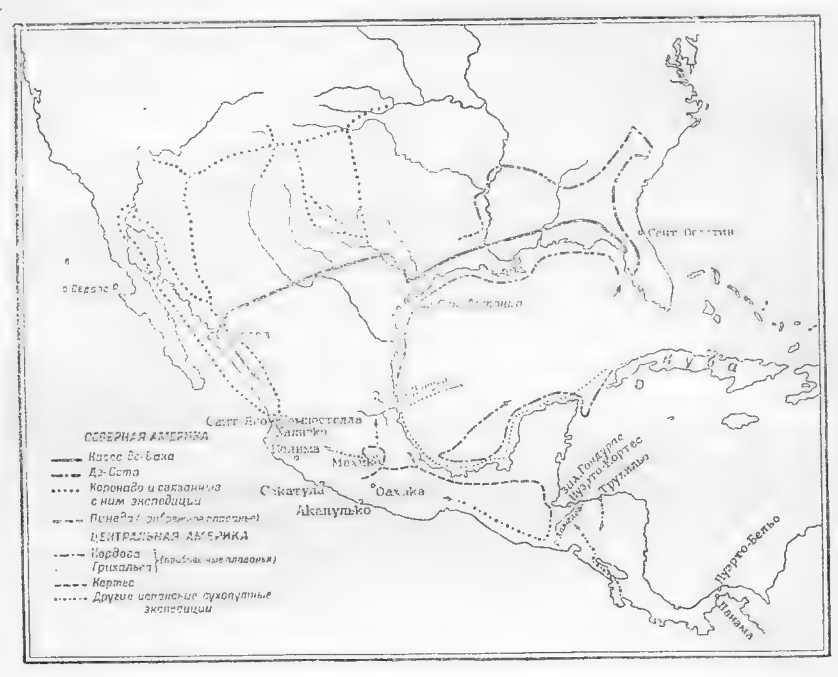
Кортес послал Альварадо в Гватемалу, которую тот частично покорил, а Кристоваля де-Олида—на Кубу[1] с приказанием: «...взять с Кубы курс на Игерас (Гондурас), чтобы попытаться в какой-либо подходящей гавани заложить город, замирить местных туземцев, разведать, есть ли там золото и серебро, и постараться отыскать пролив, а если удастся достигнуть южного берега, узнать, какие там есть гавани» (Б е р н а л ь Д и а с).

Олид достиг южного берега Гондурасского залива и послал людей для разведки внутренних районов, но его изменническое поведение по отношению к Кортесу побудило последнего послать против него карательную экспедицию. Некоторые участники этой экспедиции после неудачной попытки умертвить бунтовщика добились его казни по суду. К этому времени Кортес сам сильно забеспокоился о судьбе посланной им второй экспедиции и решил лично выйти на ее поиски. В октябре 1524 г. он покинул город Мехико и через провинцию Табаско направился к Гондурасскому заливу. Этот поход, о котором Кортес очень образно повествует в одном из своих писем, сопровождался тяжелыми лишениями и не дал почти никакого результата. Однако после

---

[1] На Кубе были заготовлены для отряда Олида съестные припасы и лошади.—*Прим. ред.*

того как экспедиция вышла к заливу, Кортес разослал в различных направлениях разведывательные партии, которым удалось проделать значительную работу. Сам Кортес занялся закладкой нового города, ныне называемого по имени его основателя Пуэрто-Кортес, откуда он и рассылал экспедиции. Через некоторое время он отплыл в город Трухильо, который в свою очередь превратил в центр рассылки дальнейших разведывательных партий.



9. Испанские исследования в Центральной и Северной Америке.

Пока Кортес занимался покорением туземцев на территории, прилегающей к порту Трухильо, его подчиненный Сандоваль делал то же в долине Чамелекона[1]. Здесь он встретился с группой испанцев, пробившихся сюда через Никарагуа. Таким образом, в течение каких-нибудь трех лет испанцы пронесли свое оружие через всю Центральную Америку—от Мексики до Панамы. Кортес вернулся в Мексику морем, другая же часть его сил возвратилась обратно долгим и трудным сухим путем через территорию современных Сальвадора и Гватемалы.

---

[1] Чамелекон—река, впадающая в Гондурасский залив (на северо-западе современной республики Гондурас). Близ устья ее находится гавань Пуэрто-Кортес.—*Прим. ред.*

Вернемся теперь к рассмотрению дальнейшего хода испанских открытий в северной Мексике. Так же, как и в отношении юга страны, базу для рассылки ряда разведывательных партий на север обеспечил захват столичного города Мехико. К 1522 г. завоеватели достигли тихоокеанского побережья, где и основали порт Сакатулу. В противоположном направлении подобные же партии обследовали всю местность до реки Пануко. Продвижение испанцев на север шло если и медленно, то упорно. Испанцы проникли на территорию нынешних Соединенных Штатов до Калифорнии на западном побережье и Техаса на Мексиканском заливе. Почин в этом направлении был сделан Нуньо де-Гусманом, который, двинувшись из Мехико, завоевал провинции Халиско и Синалоа. Сделав такой крупный шаг, испанцы, возможно, на этом и остановились бы, но с ним совпало по времени одно курьезное событие. В 1528 г. на полуострове Флорида высадился некий испанец Кавеса де-Вака, который, после ряда приключений, в 1536 г. попал в Мексику. Он привез с собой целые легенды о громадных богатствах еще неисследованного Севера. Рассказы его казались правдоподобными, и оставалось только проверить их на месте. Еще через три года францисканский монах Маркос де-Ниса, проделавший путешествие на север в пределы нынешних штатов Аризона и Нью-Мексико, вернулся оттуда и рассказал, что он издали видел один из «семи городов Сиболы»[1]. Его восторженные рассказы служили как бы подтверждением недавних сообщений Кавесы де-Ваки. В результате этого в 1540 г. испанцы послали на север экспедицию под начальством Франсиско Васкес де Коронадо.

«Экспедиция Коронадо имела чрезвычайно большое значение с географической точки зрения, поскольку в сочетании с экспедицией де-Сото она дала миру возможность заглянуть в огромную внутреннюю область северного континента и создала основу для его картографирования. Благодаря ей удалось узнать о существовании оседлых племен пуэбло на юго-западе нынешних Соединенных Штатов Америки, о промышляющих охотой племенах Великой равнины, о Большом Каньоне реки Колорадо, о ее нижнем течении, о громадных стадах бизонов и о том, как глубоко и всесторонне зависит от них все хозяйство охотников-индейцев» (Ходж и Льюис)[2].

Прежде чем итти на Сиболу, испанцы послали разведывательную партию, составленную из самых деятельных и способных

[1] «Семь городов Сиболы»—легендарная заокеанская группа городов, куда будто бы в средние века бежали из Опорто от завоевателей мусульман семь христианских епископов.—*Прим. ред.*

[2] *Ходж и Льюис* (Hodge, J. and Lewis, T.)—авторы книги «Испанские исследователи на Юге США» (Spanish Explorers in the Southern United States, 1925).—*Прим. ред.*

людей, на север и запад искать побережья. В ходе своего продвижения экспедиция набрела на реку и в 15 лигах[1] от ее устья увидела надпись на дереве, гласившую: «Здесь был Аларкон. Письма — под деревом». Письма эти были оставлены другой, посланной в дополнение к первой, экспедицией, совершившей плавание от Сан-Бласа до верхней части Калифорнийского залива и вернувшейся оттуда обратно, так как плыть дальше было некуда. Аларкон доносил, что Нижняя Калифорния — полуостров. Сухопутный отряд обошел верхнюю часть залива и прошел южнее, несколько углубившись в Нижнюю Калифорнию.

Из Сиболы экспедиция отрядила другую разведывательную партию, чтобы проверить слухи о том, что за пустыней находилась река.

«После двадцатидневного похода они пришли к каньону реки. Расстояние от края до края каньона по прямой линии было от 3 до 4 лиг, а внизу, в таких берегах, текла река. Местность здесь высокая, очень холодная и открытая с севера. Повсюду много низкорослых и кривых сосен. Даже летом жить в этом месте нельзя из-за холодов. Они провели у этого каньона трое суток, ища, где бы спуститься к реке, которая, как казалось, сверху была не шире шести футов, хотя индейцы говорили, что ширина ее была равна половине лиги» (Ходж и Льюис).

Так впервые увидели испанцы Большой Каньон реки Колорадо.

В погоне за богатством испанцы продвинулись далее на юго-восток через реки Рио-Гранде-дель-Норте и Пекос, где они увидели, наконец, стада знаменитых бизонов. Через 10 дней после того как они перешли реку Пекос, «они наткнулись на поселения людей, живших наподобие арабов»[2]. В последние два дня пути испанцы все время видели «коров», а теперь узнали, что обнаруженные ими племена жили в палатках, сделанных из дубленой кожи этих «коров», что они все передвигались вслед за стадами этих «коров», а когда нуждались в пище, забивали животных из этих стад.

Дойдя до восточной реки Колорадо (системы Миссисипи), главный отряд вернулся к отправной точке — на этот раз уже более прямым путем. Коронадо же с небольшой группой проследовал дальше в Кивиру, о богатстве которой до него дошли слухи. Кивирой называли страну, находившуюся, повидимому, там, где ближе всего сходятся течения рек Арканзас и Канзас. И здесь испанцев постигло разочарование, так как «у здешнего

[1] Испанская лига равна 5,57 *км.—Прим. ред.*

[2] То есть наподобие арабов-кочевников (бедуинов). Но местные индейцы были, конечно, не кочевниками-скотоводами, а бродячими охотниками.—*Прим. ред.*

племени не оказалось ни золота, ни серебра, ни даже следа их. Вождь их носил на шее медную бляху, которой очень гордился».

Летом 1542 г. Коронадо вернулся в Мексику, но привезенные им неблагоприятные известия вконец погубили его карьеру. Экспедиция его привлекла к себе гораздо меньше внимания, чем она заслуживала. Хотя золотой сон и оказался только сном, «географические результаты его похода были очень велики»[1].

Теперь нам необходимо вернуться к событиям, имевшим место в области к северу от Мексиканского залива. В 1528 г. Панфило де-Нарваэс отплыл во главе экспедиции во Флориду. Ему было дано право завоевывать и заселять всю местность между восточной Мексикой и Флоридой. Экспедиция высадилась на западном берегу Флориды у залива Тампа и прошла сушей на север параллельно побережью до залива Аппалачи. Здесь экспедиция обнаружила, что она потеряла всякую связь со своими судами и оказалась в состоянии полной изоляции в совершенно незнакомой стране. Тогда участники экспедиции построили пять лодок и на них поплыли дальше. Через некоторое время лодки разъединились и потеряли друг друга из виду. В конце концов, в ноябре 1528 г. 80 испанцев встретились на «Острове Несчастий» у берега Техаса. За зиму большинство их умерло. Один из пятнадцати оставшихся в живых, Кавеса де-Вака, перебрался на материк и поселился у туземцев. Через пять лет совместной жизни с ними он с одним спутником отправился на юг, переправился через реки Брасос и Колорадо и вышел к заливу Сан-Антонио. В конце концов ему удалось бежать в Мексику. В апреле 1536 г. он достиг Сан-Мигеля в 100 лигах от Компостелы, а в июле того же года — города Мехико. Из Мексики он отправился на родину и 10 августа 1537 г. высадился в Лиссабоне.

«За это время, — пишет он, — мы прошли землю от моря до моря; и если исходить из собранных нами с большой тщательностью сведений, расстояние от одного берега до другого в самом широком месте равно двум тысячам лиг; и узнали мы также, что на берегу Южного моря (Тихого океана) есть жемчуг и большие богатства и что вблизи него лежат лучшие и богатейшие государства».

Как мы уже объясняли, это замечательное путешествие оказалось чреватым важными последствиями для экспедиции Коронадо.

Когда Кавеса де-Вака достиг Испании, где он надеялся получить большую награду за привезенные им сведения, он узнал там,

---

[1] Испанцы продолжали посылать экспедиции в Северную Мексику в течение всего XVI столетия, а в конце его предприняли колонизацию того района, что ныне составляет штат Нью-Мексико. Крупное значение путешествия Коронадо было полностью признано современными писателями. — *Прим. автора.*

что губернатором Кубы был назначен профессиональный военный Эрнандо де-Сото, отличившийся при завоевании Центральной Америки и Перу. Кавеса де-Вака отказался сообщить все, что он знал о виденной им стране, но все же дал понять друзьям, что она «была самой богатой на свете», и поэтому де-Сото пытался привлечь его к себе на службу. Попытки эти оказались тщетными, и де-Сото выехал на Кубу без него. В мае 1539 г. он достиг наконец Флориды.

Экспедиция де-Сото, так же как и экспедиция Коронадо, имела первостепенное значение, и обе они вместе взятые представляют собой самое основательное усилие испанцев в исследовании внутренних областей североамериканского континента. Обе они охватили своими маршрутами почти весь континент от нынешней Джорджии до Калифорнийского залива. Поход де-Сото был первым обширным исследовательским путешествием по территории современного Юга Соединенных Штатов; благодаря ему мир впервые узнал о жизни и обычаях южных индейцев, результатом его было открытие реки Миссисипи, вниз по течению которой экспедиция проделала свой обратный путь[1].

Нет возможности детально проследить весь путь де-Сото, но из отдельных дошедших до нас сообщений можно восстановить его в общих чертах. Высадившись неподалеку от залива Тампа, участники экспедиции прежде всего начали расспрашивать, где «страна, богатая золотом и серебром». Индейцы направили их «на закат», где народ был будто бы так богат, что воины выступали в поход в золотых шлемах. Начавшаяся таким образом погоня за золотом привела испанцев к верхней части залива Аппалачи, откуда они прошли через территорию современного штата Джорджия. Здесь они получили другие сведения—на этот раз о том, что манившие их богатые земли находились «в направлении на восход». Испанцы пошли в другом направлении и остановились лишь в двух днях пути от Атлантического океана. Здесь они услышали, что золото было «на севере». Отряд вновь повернул в глубь страны и пошел по направлению к Аппалачским горам и к реке Алабаме, следуя течению которой до самого устья он дошел до страны «Манилья». Вынужденные «в поисках места, где можно было бы прокормиться зимой», повернуть на северо-запад, испанцы переправились через Миссисипи, повидимому, где-то в районе нынешнего Мемфиса, и некоторое время шли по ее западному берегу в надежде открыть «дорогу на север, по которой можно было бы выйти к Южному морю». Потерпев неудачу, экспедиция повернула «в южном направлении», пробила

[1] Это было, по всей вероятности, вторичное открытие Миссисипи, если даже не считать экспедиции Пинеды (см. выше примечание 1 на стр. 104). Есть много оснований предполагать, что на реке «Духа Святого» (Миссисипи) в 1528 г. побывали люди Нарваэса.—*Прим. ред.*

себе дорогу на запад к Озаркскому плато, «очень неровной холмистой стране», но, в конце концов, оказалась вынужденной вернуться к реке Миссисипи. Новая вылазка на запад в более южных широтах также потерпела неудачу, и де-Сото решил, наконец, повернуть на юг, к морю. Посланный им в разведку капитан вернулся и доложил, что он не смог найти ни дороги, ни тропинки через громадные болота, тянущиеся от Большой реки (то есть Миссисипи), после чего де-Сото «заболел и умер». Командование экспедицией перешло в руки Луиса де-Москосо, который, в надежде достигнуть Мексики, приказал экспедиции выступить в поход на запад. Переходя от одного племени индейцев к другому и «каждый раз попадая во все более скудные области», Москосо «решил, наконец, вернуться в ту местность, где умер де-Сото, так как там можно было построить суда и уйти на них из этой страны». Так, в конце концов, испанцы и сделали: вышли к устью реки и следовали далее, все время держась побережья, пока «не достигли реки Пануко, где их дружественно встретили христиане».

Так кончилось великолепное, хотя и неудачное путешествие де-Сото. Если посещенные им места, хотя бы в основном, правильно опознаны учеными, то он почти дошел до страны Кивира, откуда отряд Коронадо повернул обратно на родину. Подобно Коронадо, он не сумел достичь главной цели своего путешествия, но поход его намного расширил объем географических знаний того времени. Английский перевод одного из описаний этого путешествия был опубликован Ричардом Хаклюйтом в 1607 г.

Позже, в XVI в., несмотря на катастрофический конец более ранних предприятий этого рода, испанцы сделали не одну попытку колонизовать и исследовать Флориду. В 1558 г. была организована и послана экспедиция для изучения возможностей заселения побережья. Был создан поселок, но он быстро развалился. Флорида привлекла и французов, которые обосновались в ней в 1560 г. Заняв хорошую стратегическую позицию, чрезвычайно удобно расположенную для нападения на испанские колонии и на груженные сокровищами суда, французы быстро сделались бельмом на глазу у испанцев. Когда терпение испанцев истощилось, они выслали в 1565 г. сильную экспедицию, командующий которой, Мендес, расправился с французами и произвел исследование как части побережья Флориды, так и местности дальше к северу. Он основал также город Сан-Аугустино, где, несмотря на лишения и на дурное управление, испанцам удалось продержаться до конца века.

Пока испанские экспедиции под командованием де-Сото и Коронадо открывали новые, хотя и малообещающие северные земли, их соотечественники на юге обнаружили громадные богатства государства инков. Первые попытки проникновения в Центральную Америку были безуспешными, но в 1513 г. Васко

Нуньес де-Бальбоа пересек Панамский перешеек и из залива Сан-Мигель своими глазами узрел Тихий океан[1]. Влекомые легендами о золоте, одна экспедиция за другой шли обследовать и обыскивать ту узкую полоску земли, что соединяет Мексику с Южной Америкой. Им пришлось бороться с большими трудностями, которые сам Бальбоа следующим образом описывал в своем письме испанскому королю:

«А страна здесь такая, что если тот, кому доверено управление, заснет, то по своему желанию ему не проснуться, ибо правитель здесь должен всегда бодрствовать. Страна трудно проходима из-за многих рек, болот и гор, и многие наши люди мрут здесь из-за тяжелого труда и лишений, и каждый день мы тысячу раз глядим в глаза смерти».

Когда в 1514 г. присланный из Испании новый губернатор Педрариас Авила прибыл в Центральную Америку, он обнаружил, что испанцы обосновались в Дарьене, куда авантюристы из окрестных районов сносили все золото, что могли захватить, и в погоне за золотом разоряли и опустошали страну. Из Дарьена испанцы произвели исследование ближайших из лежащих западнее стран. Один из испанцев—Гаспар де-Моралес—достиг Жемчужных островов (островов Перлас), другой проследовал по северному побережью почти до современного Пуэрто-Белы. Бальбоа перенес через перешеек суда из Аклы и плавал на них по заливу Сан-Мигель. Позднее он был изобличен в заговоре против Педрариаса Авилы и казнен, губернатор же сам проделал путешествие до Панамы, где в 1519 г. и основал город Панаму.

Местность к юго-западу от Панамы была исследована испанцами, которых возглавлял Гонсало де-Бадахос-и-Эпиноса, еще за несколько лет до основания нового порта, превратившегося теперь в исходную базу для дальнейших операций. Уже в 1518 г. одна из такого рода экспедиций обследовала на судах побережье на 100 лиг от Панамы до Кабо-Бланко, откуда вернулась сушей. Однакоже одно из судов пошло дальше, «до залива, называемого ими Сан-Лукар... в начале земли Никарагуа». Еще три года спустя испанцы прошли по берегу за те пункты, «где теперь стоят Леон и Гранада», до залива Фонсека, а другой отдельный отряд вышел для «покорения и заселения Никарагуа». Из Никарагуа испанцы вошли в соприкосновение со своими соотечественниками, прибывшими сюда на юг из Мексики. Было послано множество и других экспедиций как из Панамы, так и из Гондураса, и постепенно в ходе завоевания Центральной Америки выяснились основные черты ее географии.

[1] Бальбоа назвал открытое им водное пространство «Южным морем», так как оно расположено к югу от Панамского перешейка.—*Прим. ред.*

Тем временем испанцы в Мексике продолжали работу по исследованию побережья за пределами, достигнутыми посланными из Панамы партиями. Первая экспедиция была послана в 1527 г., а в 1530 г. уже были заняты Теуантепек, Акапулько и Сакатула. В 1532 г. исследовательские партии продвинулись дальше на север, но что именно они сделали, осталось неизвестным; в следующем году они достигли Нижней Калифорнии. Вначале ее приняли за остров, но в 1539 г. это предположение было опровергнуто Франсиско де-Ульоа, проникшим до верхней части залива. Позже Ульоа проследовал вдоль побережья полуострова, обогнул мыс Сан-Лукас и открыл часть западного побережья на некотором расстоянии за островом Седрос. В следующем году и Аларкон достиг устья реки Колорадо и поднялся на несколько миль вверх по ней. Наконец в 1543 г. экспедиции под начальством Хуана Родригеса Кабрильо удалось продолжить исследование западного побережья, возможно, до мыса Мендосино или даже дальше, примерно до 44° с. ш.

2. Южная Америка

Год 1519, год основания города Панамы, является вместе с тем годом начала поисков сказочно богатого государства инков. Кое-какие смутные слухи о его существовании дошли до испанцев в результате путешествий Моралеса и Андагойи в лежащую к юго-западу от Дарьена страну Биру, но честь подлинного открытия Перу принадлежит прежде всего Бартоломе Руису, а затем— его начальнику Франсиско Писарро. Последний отплыл из Панамы в ноябре 1524 г., но после многочисленных, почти трехлетних попыток сумел достичь лишь реки Сан-Хуан. В течение всего этого периода им не удалось нигде найти хорошей земли— одни болота и затопленные безлюдные места (Ксерес)[1]. Руис отплыл из устья реки Сан-Хуан на небольшом судне, пересек экватор и дошел до «земель, очень богатых золотом и серебром и населенных более смышлеными туземцами, чем все встречавшиеся до тех пор». Он привез с собой образчики минералов и несколько пленников. Писарро был настолько воодушевлен этим успехом, что отправился до Тумако, откуда вернулся назад в Панаму. Оттуда он направился в Испанию, где добился права на открытие и завоевание этой вновь найденной страны, и в 1531 г. отправился в это предприятие. Первую остановку Писарро сделал на острове Пуна, откуда направился к Тумбесу, с которого, собственно, и начал завоевание и эксплоатацию этой области. Основав в долине реки Пиуры поселение, Писарро отправился

[1] Франсиско Ксерес—участник перуанской экспедиции Франсиско Писарро, составитель дошедшего до нас «Правдивого отчета о провинции Куско».—*Прим. ред.*

сушей в Кахамарку, «славившуюся своими богатствами по всему королевству». Путь его лежал по краю пустыни, и он обнаружил, что все деревни располагались по долинам рек, где было побольше воды для орошения. Прибыв в Кахамарку и обнаружив, что она была намного богаче, чем предполагалось, он узнал там, что на юге лежат области еще богаче. В соответствии с этим он послал отряды в Куско и прилегающую к нему местность. Эти отряды убедились в том, что Куско был «большим и величественным городом» и, судя по тому, что они видели, очень богатым. Та большая военная добыча, какую они принесли в Кахамарку и отдали Писарро, была лучшим свидетельством их успеха. В конце 1533 г. Писарро сам пошел походом на Куско и овладел им.

Перу превратилось в исходный пункт ряда новых предприятий, в ходе выполнения которых испанцы проникли далеко в глубь Южной Америки. В 1533 г. из первоначального поселения в долине Пиуры к северу на Кито вышел отряд во главе с Бенальќасаром. Этот отряд приступил к систематическому завоеванию территории нынешнего Экуадора. Мы откладываем рассмотрение дальнейших операций отряда до того момента, когда мы перейдем к деятельности других экспедиций, искавших Эльдорадо[1] с северного побережья, тесно связанной с последующими передвижениями этого отряда. Тем временем в 1535 г. был основан город Лима, который Сьеса де-Леон (Cieza de Leon) вскоре описывал как «первый по величине во всем перуанском королевстве и второй после Куско по значению».

В том же 1535 году Альмагро вышел с отрядом на Чили через территорию современной Боливии. Путь его лежал через исключительно труднодоступную местность, через горы, не только крутые и обрывистые, но притом еще покрытые снегом. По сохранившимся отчетам, этот переход стоил жизни 10 тысячам индейцев и 150 испанцам. Когда оставшиеся в живых участники похода спустились, наконец, на чилийские равнины, они вовсе не нашли страны, сравнимой по ископаемым богатствам с той, которую они

[1] Эльдорадо (el dorado) значит по-испански «позолоченный человек». Среди конкистадоров во второй половине XVI в. распространилась легенда о том, что среди индейских «королей» (вождей) Южной Америки есть один, правящий такой богатой золотом страной, что он каждое утро покрывает свое тело (смазав его предварительно жирной глиной) золотым песком и каждый вечер смывает золото в водах священного озера. Легенда эта основана на некоторых действительных периодических торжественных религиозных церемониях, устраиваемых некоторыми индейскими племенами в бассейне реки Магдалены—так называемыми «чибчами» (муисками), стоявшими на сравнительно высокой ступени культурного развития. Поиски «страны Эльдорадо» сыграли очень большую роль в истории открытия бассейнов рек Магдалены и Ориноко и Гвианского нагорья, т. е. всей северной части Южной Америки—территории современных республик Колумбии и Венесуэлы, гвианских колоний и прилегающих частей Северной Бразилии.—*Прим. ред.*

оставили. Альмагро проник далеко в глубь страны, примерно до 37° ю. ш., но, услышав о том, что в Перу вновь вспыхнули военные действия, поспешил обратно, отказавшись от прочного завоевания.

Во время своего пребывания в Куско в 1539 г. Писарро получил сообщение, что за городом Кито и за пределами ранее управлявшейся инками империи находится большая область, где растет корица. Тогда он решил послать своего брата Гонсало для завоевания новой области, наподобие того, как он сам покорил Перу. Гонсало Писарро вышел из Куско на Кито через Пиуру и Гваякиль и на Рождество 1539 г. приступил к разведке. По истечении примерно шести недель он и его люди начали «переход через снежные Кордильеры, где шел такой густой снег и где было так холодно, что многие индейцы замерзли насмерть...». По другую сторону гор они нашли необычайную страну, где «дожди шли, не переставая ни на один день в течение двух месяцев». Здесь, в долине Напо, Гонсало Писарро оставил бо́льшую часть своего отряда, сам же с несколькими наиболее крепкими участниками экспедиции отправился «на поиски какой-либо дороги на случай, если таковая найдется, чтобы двинуться дальше, ибо вся местность, которую они прошли до сих пор на протяжении около 100 лиг, была покрыта густым лесом, через который приходилось продираться силой и с помощью топоров». Продвижение было медленным и трудным, посылаемые вперед разведчики неизменно доносили, что страна покрыта густыми лесами, полна озер и болот, через которые пройти вброд невозможно. Гонсало Писарро прервал путешествие, чтобы построить судно. Когда оно было закончено, часть разведчиков отправилась в дальнейший путь на судне, часть—берегом. Через два месяца они услышали о «населенной стране, изобилующей продовольствием, золотом и всем другим потребным». Судно было послано вперед, и капитану его, Франсиско де-Орельяна, был дан приказ: по прибытии на место запастись продовольствием и привезти его обратно вверх по реке, «чтобы вывести остальных из тяжелого положения». Орельяна достиг указанного ему места в три дня, не обнаружил никакого продовольствия и продолжил свое плавание вниз по течению Амазонки до океана. Вернуться он, повидимому, был уже не в состоянии, да и кроме того у него не было уверенности, что если он вернется, он найдет Гонсало Писарро на прежнем месте[1].

[1] Автор принимает версию, исходящую от самого Орельяны и его спутника монаха Карвахаля. По другой версии, исходящей от спутников Гонсало Писарро, Орельяна имел возможность и должен был вернуться к главному отряду, чтобы сообщить о результатах своей разведки, но поступил как изменник. Ряд историков-географов считает более достоверной именно эту последнюю версию: «Орельяна хотел ценой измены присвоить себе славу и, может быть, выгоду открытия» (Э. Реклю). Несомненно, что гибель большой части главного отряда объясняется именно тем, что Гонсало Писарро потерял много времени, напрасно ожидая и затем разыскивая Орельяну.—*Прим. ред.*

Между тем Писарро сам выступил в дальнейший путь и выслал на поиски Орельяны два отряда, вернувшихся ни с чем. Дойдя до слияния Напо с главным течением реки, экспедиция нашла там лишь одного человека, высаженного Орельяной на берег. Испанцы с трудом прошли еще сто лиг, но, убедившись в том, «что плыть вверх по течению невозможно... повернули в лес, пробивая себе дорогу топорами и алебардами». Не считая тех, кто отплыл с Орельяной, 4 тысячи индейцев и 210 испанцев умерли, а остальные, «одетые в звериные шкуры, пешие, босые, измученные и исхудавшие до такой степени, что еле узнавали друг друга», в начале июня 1542 г. добрели до Кито.

Это путешествие, в сочетании с рядом отдельных походов в лесную область к востоку от Анд, не только обогатило представление испанцев о величайшей реке мира, но и привело их к заключению, что богатых металлами районов не так уж много[1].

К 1540 г. Перу было завоевано и испанцы смогли перейти к исследованию Чили. На этот раз, под предводительством сначала Вальдивии, а позже Мендосы, им удалось более основательно изучить и частично даже заселить эту страну.

Колонизационная практика Вальдивии, проникшего в долину Кокимбо в Чили, по необходимости коренным образом отличалась от методов заселения Перу. Вальдивия исходил из того, что в Чили не было легко поддававшихся разработке крупных минеральных ресурсов, и составил свой отряд почти целиком из испанцев-крестьян. Однакоже заселение задержалось, а временами и прерывалось из-за враждебности туземцев, которая все усиливалась по мере того, как испанцы осваивали страну вплоть до основанного ими в 1552 г. города Вальдивии, а вскоре после этого продвинулись дальше, примерно до 40° ю. ш. В это же время морские экспедиции достигли Магелланова пролива, и Вальдивия задумал исследование всего южного побережья, тем более, что его «генерал-лейтенант морской службы» Хуан Баутиста де-Пастене донес ему, что имеющиеся морские карты полны ошибок. Вальдивия хотел, чтобы планируемая им морская экспедиция координировала свою работу с другой, сухопутной, по поводу которой он писал: «В апреле [1552 г.] я основал Вильярика, откуда должно вестись исследование Северного моря [то есть Атлантического океана]; завоевывая и исследуя, я буду продвигаться все дальше, пока не дойду до выхода из пролива [Магелланова]». Вальдивия считал, что пролив лежит двумя градусами южнее города Вальдивии и что он дошел бы до него летом 1552 г., если бы ему не помешала «чрезвычайно полноводная река, шириною более мили».

---

[1] Таково мнение одного из историков того времени (Сьеса де-Леон). Из дальнейшего видно, что испанцы все же продолжали поиски золота повсеместно.—*Прим. ред.*

Вальдивия послал отряд и на восток для исследования местности по ту сторону Анд, где им была обнаружена большая река, по всей вероятности, Негро или Колорадо. Далее, он покорил также область Куйо, ныне часть Аргентины. Выполнить все свои планы Вальдивии однакоже не удалось, так как вскоре после того, как он объявил о большой экспедиции на юг, он был убит в бою с индейцами. Он стремился к тому, чтобы Чили не отставала экономически от других областей Америки, и проделал там большую работу. Если его достижения и носили менее сенсационный характер, то ему пришлось бороться с не меньшими трудностями и добиться не меньших успехов, чем Писарро или любому другому из крупных испанских конкистадоров.

При Мендосе испанцы проникли еще южнее и в 1577 г. открыли архипелаг Чилоэ. Все же вновь открытая страна Чили вначале сильно страдала как от того, что в ней имелись лишь слишком небольшие силы, так и от пренебрежительного отношения к ней, вытекавшего из сравнения с нынешней Боливией, где в 1545 г. были открыты знаменитые серебряные рудники Потоси. Борьба испанцев с туземцами в Чили длилась весь XVI в.[1]. В противоположность этому, область Потоси была быстро заселена; и испанцы и индейцы бросились туда в поисках наживы, и через короткое время Потоси занял место Куско в качестве самого богатого города Южной Америки.

Однакоже само Перу страдало от междоусобиц среди испанцев, и отчасти именно с целью избавиться от беспокойных элементов солдатни вице-король маркиз де-Каньете послал Педро Урсуа в экспедицию в долину реки Амазонки. Конечно, им руководили и другие соображения: в те времена как в городе Лима, так и по всем провинциям Перу ходили слухи (распространяемые индейцами Бразилии) о существовании каких-то богатых областей, будто бы виденных ими на пути от бразильского побережья. В этих областях жил «золотой человек» (эль-дорадо). Вот каким образом испанские искатели приключений в Перу втянулись в те же поиски Эльдорадо (мифической золотой страны), которыми испанцы в северо-западной части Южной Америки занимались вот уже тридцать лет.

Экспедиция Урсуа вышла из Лимы в 1560 г. и в июле дошла до одного из истоков Амазонки, реки Уальяга; в конце сентября «горы уже исчезли из виду, кругом была плоская местность, продолжавшая оставаться ровной, пока они не вышли к берегу Северного моря». Уже с самого начала их старания найти «страну

---

[1] Это неверно. Борьба испанцев с наиболее организованным индейским чилийским племенем—арауканцами—продолжалась и в течение следующих трех столетий после покорения Северного и Среднего Чили. Окончательно арауканцы были покорены лишь в последней четверти XIX в. — *Прим. ред.*

богатств» были неудачны, так как «туземцы никогда не слышали даже ее названия». К концу года некоторые участники похода стали выражать недовольство, так как «они прошли уже больше семидесяти лиг и не нашли ни тех богатых областей, что они искали, ни даже хоть малейшего указания на то, в каком направлении они лежат». Беспокойство перешло в открытый бунт, и 1 января 1561 г., в то время как часть отряда была занята в другом месте «открытием двух безлюдных деревень», Урсуа был умерщвлен. Руководство экспедицией перешло в руки Фернандо де-Гусмана, и все еще расколотая на две враждующие группы экспедиция продолжала свой путь вниз по реке. Дальнейшая ее история целиком заполнена раздорами, заговорами и стычками, победителем из которых вышел человек до тех пор незаметный, а именно «дикий зверь Агирре». Каким путем экспедиция шла дальше неясно. Но есть основания думать, что от Амазонки она проследовала вверх по течению Рио-Негро до реки Ориноко, следуя которой и достигла Атлантического океана. Судя по той путанице, которую внес с собой отчет об этой экспедиции, географическая ценность ее была ничтожна. Что касается Агирре, то о нем есть следующее сообщение: «Он сеял столько раздоров и беспорядков во всех областях, что его нельзя было уже больше терпеть ни в одной». Поэтому он, в конце концов, был пойман и расстрелян в Венесуэле.

Первоначальные попытки испанцев обосноваться на северном побережье Южной Америки, вроде, например, экспедиции Охеды и Никуэсы к Дарьенскому заливу в 1510 г., заканчивались лишь стычками с туземцами и исследованием разбросанных клочков побережья. Однако постепенно трудности были преодолены, и испанцам удалось раскинуть ряд небольших колоний вдоль всего побережья. В 1520 г. была основана Кумана, в 1525 г.— Санта-Марта, двумя годами позже—Коро и, наконец, в 1532 г.— Картахена.

Отправлявшиеся в глубь страны экспедиции можно разбить на три группы. На северо-западе исходным пунктом для путешествий в тот район, что позже получил название Новой Гранады, была Картахена. Пользуясь большими долинами рек Магдалены и Кауки, испанцы достигли плато Богота́. Первый шаг в этом направлении был предпринят в 1532 г., когда исследована была часть нижней долины р. Магдалены. На следующий год в Картахену прибыл Эредиа и выступил с отрядом вверх по течению реки Сину. Другой, вышедший в 1534 г. из этого же пункта, отряд достиг долины Кауки. Однакоже подлинное завоевание Новой Гранады было делом Кесады. Он организовал крупную военную экспедицию и в 1536 г. выступил во главе ее из Санта-Марты. Часть экспедиции двинулась сушей, часть—водой по реке Магдалене. Этот последний отряд после нескольких несчастий в начале

10. Испанские исследования Южной Америки до 1600 г.

пути соединился, в конце концов, с главными силами на реке Магдалене, близ ее слияния с Каукой. Дальше вдоль реки Магдалены Кесада двигался через совершенно безлюдную местность с очень трудными естественными условиями. В конце концов ему пришлось бросить главную долину и перейти в долину Опона. Здесь он нашел признаки какой-то цивилизации, а в скором времени—на плато Богота́—и народ, являвшийся ее носителем. Кесада назвал Боготу́ «долиной дворцов». Вслед за этим Кесада покорил местных жителей чибчей[1] и в августе 1538 г. заложил на плато город Санта-Фе-де-Богота́.

Другим пунктом, откуда отправлялись экспедиции, был город Коро, где обосновались агенты торгового дома Вельзеров из Аугсбурга[2]. В 1530 г. уполномоченный этого торгового дома Альфингер[3] вышел в южном направлении, где, по слухам, находился сказочный золотой город. Его отряд проследовал к долине реки Магдалены, а оттуда повернул в горы на восток, претерпев тяжелые лишения, так что предводитель его в дороге умер. Уцелевшая часть отряда вышла к долине реки Кукуты и после двухлетнего отсутствия вернулась в Коро.

Другая экспедиция, руководимая неким Георгом Спиро[4], вышла в 1536 г. и, стараясь держаться подальше от гор, зашла далеко в леса и болота долин верхних бассейнов Ориноко и Амазонки. Поиски сказочно богатого королевства привели этих искателей приключений к реке Какета, откуда в 1538 г. они вернулись в Коро. Один из младших офицеров этого отряда, Федерман, сбежал и пустился в собственное авантюрное путешествие, в ходе которого пересек долины рек Касанаре и Меты, а в 1538 г. достиг города Боготы.

Еще более обширное путешествие было предпринято в 1541 г. Филиппом фон-Гуттеном. Его отряд проследовал морем из Коро до порта Бурбурата на северном побережье, а оттуда—вглубь

[1] «Чибчами» испанцы называли одну из наиболее культурных народностей Южной Америки — муисков — якобы из-за обилия в их языке шипящих звуков.—*Прим. ред.*

[2] Банкиры германского императора Карла V (он же испанский король Карл I) Вельзеры (из Аугсбурга) и Эхингеры (из Констанцы), действуя совместно, добились от императора, бывшего их неоплатным должником, патента на завоевание и колонизацию «стран, лежащих у морского берега восточнее Санта-Марты» (т. е. приморской территории нынешней Венесуэлы). Карлу V было уплачено, по разным подсчетам, от 5 до 12 тыс. *кг* золота. Компания Вельзеров и Эхингеров получила право обращать в рабство и распоряжаться, как своей полной собственностью, всеми туземцами, которые откажутся подчиняться распоряжениям ее агентов.—*Прим. ред.*

[3] Альфингер—искаженная испанцами немецкая фамилия Эхингер. Здесь идет речь об Амвросии Эхингере, прозванном испанцами «жестоким из жестоких».—*Прим. ред.*

[4] Спиро—искаженная испанцами немецкая фамилия Шпейер или название южно-германского города, уроженцем которого был этот наемник.—*Прим. ред.*

страны, где он услышал о какой-то другой экспедиции, спустившейся в низины из Боготы. В конце концов фон-Гуттен достиг реки Гавьяре близ так называемого города Макатоа, самого по себе не отличавшегося богатством, но где ходили слухи о богатом племени индейцев омага, жившем южнее. Фон-Гуттен выступил в поход для покорения племени омага, но его отряд оказался слишком слаб против превосходящих сил индейцев; ему пришлось отступить и, в конце концов, вернуться в Коро. Все же его сообщение об омага, о которых слышал и Орельяна, возбудило живое любопытство; впрочем, в открытую им область и после этого нога европейца так и не ступила в течение более двухсот лет.

В 1538 г. в Боготе произошла встреча трех людей, странствия которых привели в совокупности к одному из самых выдающихся в истории открытию. Одним из них был Кесада, который, как мы уже указывали выше, достиг Боготы из Санта-Марты по долине реки Магдалены; другим—Федерман, явившийся из лежащей к востоку от Анд низменности; и, наконец, третьим—Беналька́сар, который прошел из Перу в Кито, проследовал далее на Попаян, откуда разослал отряды в долину реки Кауки, основал пост Кали и, наконец, в 1538 г. достиг Боготы. Все три искателя приключений спустились совместно вниз по течению реки Магдалены к Картахене[1].

В заключение истории исследования северо-западной части Южной Америки нам остается коснуться еще двух путешествий. В 1538 г. Вадильо из Сан-Себастьяна (от залива Ураба) перевалил через горы Абибе и спустился в долину Кауки, откуда с сильно поредевшим отрядом достиг Кали. Отсюда он через Попаян и Кито вышел к перуанскому берегу у Пайты в устье Пиуры. Тем самым два испанца—Беналька́сар и Вадильо—соединили самое старое испанское поселение в Перу с первоначально открытыми областями в заливе Дарьен и с несколько позже основанным городом Картахеной. В 1539 г. до Кали удалось добраться также с западного побережья, на котором Андагойа[2] открыл бухту Буэнавентура, откуда он прошел через лесистые горы, потеряв там всех своих коней, в долину реки Кауки.

Третьим театром исследовательской деятельности был северо-восточный угол Южной Америки, где неумолкавшие разговоры об Эльдорадо повели ко множеству отдельных исследований страны, а в конце концов принесли несчастье знаменитому английскому

[1] Плоскогорье (Кундинамарка), на котором стоит Богота́, было закреплено за Кесадой, который откупился от немецких наемников Федермана и договорился с испанцем Беналька́саром о разграничении своих новых владений.—*Прим. ред.*

[2] Это тот самый Андагойа, который первый сообщил испанцам о богатой стране Биру (Перу) к югу от Панамы.—*Прим. ред.*

авантюристу Уолтеру Рэли[1]. В 1531 г. Диего де-Ордас поднялся вверх по течению реки Ориноко до порогов Алюрес. Дальше продвинуться он не смог отчасти из-за порогов, отчасти из-за сопротивления индейцев. В 1533 г. за ними последовал Алонсо де-Эррера, который поднялся до Ориноко и вошел в устье реки Меты, где был убит индейцами. Вскоре последовало замечательное путешествие фон-Гуттена. Слухи о сказочном королевстве внутри континента как будто бы подтверждались. Был снаряжен ряд экспедиций, главной из которых была уже упомянутая нами экспедиция Педро де-Урсуа. Все попытки отыскать Эльдорадо оказывались пока безуспешными, но жажда найти его все еще пылала, хотя территория, на которой его следовало искать, суживалась.

В 1569 г. Педро Малавер де-Сильва, выйдя из Бурбураты[2], дошел до равнин внутренней части Венесуэлы, не достигнув при этом основной своей цели. Не больший успех в этот период имели и другие экспедиции. Еще через пять лет Сильва сделал вторую попытку, высадившись на побережье между дельтами Амазонки и Ориноко, где погибли все члены его экспедиции, кроме одного—Хуана Мартина де-Альбухара. Этот последний прожил у индейцев десять лет, по истечении которых ему удалось пробраться в Маргариту, где он поразил всех своими рассказами о чудесных богатствах королевства Эльдорадо.

Двумя годами раньше, в 1582 г., Антонио де-Беррео совершил замечательное путешествие из Новой Гранады по рекам Касанаре, Мете и Ориноко на остров Тринидад, губернатором которого он и сделался. Его известия, так же как рассказы Альбухара, повели к посылке новой экспедиции в 1595 г.—в том же самом, когда свою попытку сделал Рэли. Как та, так и другая попытки оказались безрезультатными, и на них кончились поиски Эльдорадо в XVI в. Хотя сами по себе они успеха не имели, они повели к открытию для европейцев обширнейших областей Южной Америки, на большей части которых до тех пор не ступала нога европейца.

В первые годы XVI в. большая часть восточного побережья Южной Америки была исследована очень поверхностно. Сравни-

---

[1] Рэли (Рэлей)—знаменитый авантюрист, фаворит английской королевы Елизаветы, организатор на материке Северной Америки первой английской колонии, Виргинии, просуществовавшей пять лет (1585—1590). После смерти королевы Елизаветы (1603 г.) просидел много лет в тюрьме по обвинению в заговоре против короля Якова I. Был выпущен в 1616 г. на свободу, так как обещал королю найти Эльдорадо. Но вместо поисков «золотой страны» Рэли организовал пиратский набег на одну из испанских колоний в тропической Америке и после возвращения в Англию был казнен по жалобе испанского правительства (1618).—*Прим. ред.*

[2] Бурбурата была расположена у залива Тристе Караибского моря, на территории современной Венесуэлы.—*Прим. ред.*

тельно подробно был известен только северо-восточный угол материка. Первой экспедицией, внесшей крупный вклад в изучение восточного побережья, была экспедиция Хуана Диаса де-Солиса, открывшего в 1515 г. такой первостепенный объект, как эстуарий реки Ла-Платы. Возможности дальнейшего проникновения в глубь континента, какие открывал этот широкий эстуарий, были очевидны, и мы можем предполагать, что ряд экспедиций, оставшихся для нас в подробностях неизвестными, должен был заняться исследованием побережья в этом районе и дальше к югу с целью найти какой-либо проход—наподобие найденного через несколько лет Магелланом. Самый эстуарий более или менее подробно изучил Себастияно Кабото в 1527 г. Он поднялся по реке Парагвай до устья Бермехо и по реке Парана́ до порогов Апипе, где кончается судоходство. Он нашел признаки кое-каких богатств у туземцев, но в общем путешествие его может считаться неудачным.

Согласно заключенному в 1494 г. в Тордесильясе договору, часть Южной Америки, лежащая к востоку от меридиана 47° з. д. (приблизительно), должна была отойти к Португалии[1]. Сообщение Кабото подстегнуло португальцев, которые проявили некоторую активность, и в 1531 г. основали военный пост близ современного Сантоса. Испания приняла вызов, выслала свою экспедицию под начальством Педро де-Мендосы, которая прибыла в эстуарий Ла-Платы в 1535 г. По прибытии на место Мендоса сразу же принялся за постройку города, названного им Бу́энос-Айрес; но индейцы оказали сопротивление; испанцев было мало, силы их были ослаблены откомандированием части людей в экспедицию вверх по реке, и поселок вскоре погиб. Главное достижение экспедиции, от которой до нас дошел довольно неточный отчет, заключалось совсем не в том, что намечал ее начальник. Отряженная в плавание вверх по реке часть экспедиции под начальством Хуана де-Айоласа поднялась по течению Параны и обосновалась в местности нынешнего города Санта-Фе. Отсюда «измученный недугами» Мендоса вернулся в Испанию. Мы не можем подробно разбирать маршруты отдельных отрядов, на которые впоследствии разбилась экспедиция. В 1536 г. Хуан Айолас достиг местности нынешнего Асунсьона, где в следующем году был

[1] По договору 1494 г. испано-португальская демаркационная линия была проведена от северного до южного полюса через Атлантический океан в 370 лигах к западу от островов Зеленого Мыса (в договоре не указано, от какого именно острова этого архипелага нужно отсчитать 370 лиг). Право открытий к западу от этой линии принадлежало испанцам, к востоку—португальцам. Так как Южная Америка в 1494 г. еще не была открыта, португальцы, конечно, не могли тогда предполагать, что проведенная таким образом линия обеспечивает им право на восточную часть южноамериканского континента. Фактически они воспользовались своим правом только начиная со второй четверти XVI в.—*Прим. ред.*

заложен испанский поселок. Отсюда Айолас поднялся по реке Парагвай и достиг, повидимому, границ Перу, но был вынужден вернуться к Парагваю, где был убит индейцами.

По возвращении Мендосы в Испанию, его преемником во главе экспедиции был послан прославившийся своими приключениями в Северной Америке Кавеса-де-Вака. Прибыв на остров Санта-Катарина, он узнал о судьбе Айоласа, смерть которого ставилась в связь с дезертирством его заместителя Доминго де-Иралы. Новый губернатор, Ирала, «думал, что, для того чтобы как можно скорее вызволить из беды испанцев как в Асунсьоне, так и в порту Буэнос-Айрес, следует найти туда путь посуху с острова, и таким образом отправился в указанные места, где пребывали христиане, а также послал корабли морем в Буэнос-Айрес».

Сухопутный переход был начат 2 ноября 1541 г. и следовал путем, ранее разведанным Педро Дорантесом.

«Идя девятнадцать дней, они перешли высокие горы, прорубили в лесу просеку, по которой провели коней и прошли сами, ибо вся та земля была безлюдна. И в конце девятнадцатого дня пути, съев до последней крошки все продовольствие, что они несли на себе, ...они повстречали первых жителей».

К началу декабря они дошли до Икуасу, крупного притока Параны, следуя в основном которому вышли к самой Паране. Судов, которым было приказано выйти туда из Асунсьона, на месте не оказалось, что явилось большим ударом. Губернатор присоединил реку к владениям испанского короля, переправился через нее и после успешного перехода 11 марта 1542 г. достиг, наконец, Асунсьона. Через месяц туда прибыли больные, отправленные вниз по Паране на плотах. Кавеса де-Вака сразу же взялся за работу по восстановлению престижа и могущества Испании. Он послал отряд, чтобы восстановить порт Буэнос-Айрес «в наиболее удобном для этого пункте, так как такого рода колония была необходима как для безопасности и процветания всех испанцев в этой области в настоящее время, так и для тех, кто поселится здесь в будущем»; с индейцами были установлены дружественные отношения; но если убеждение не помогало, посылались карательные экспедиции; в самом испанском поселке тоже были заведены кое-какие дисциплина и порядок. После этого губернатор отплыл вверх по Парагваю, являвшемуся, согласно сообщению Доминго де-Иралы, лучшей дорогой во внутреннюю часть страны, и через некоторое время достиг болотистой области Ксарайес, о жителях которой испанцы писали: «Люди эти—землепашцы, но сеют они мало, ибо годной для обработки земли немного, бóльшая же ее часть залита водой или покрыта сухими песками. Они бедны и снискивают себе пропитание главным образом рыбной ловлей в озерах неподалеку от их жилищ». Работа по исследованию

затруднялась, так как продовольствие было на исходе, индейцы же «давали очень неточные указания». Посоветовавшись, вожаки экспедиции решили, что время возвращаться. Кавеса де-Вака послушался их совета и, «очень недовольный тем, что не продвинулся дальше», вернулся обратно в гавань Лос-Рейес. Маленький отряд, посланный для разведки местности за достигнутым экспедицией рубежом, донес, что дальнейший путь шел «через местность, настолько заросшую лесом и кустарником, что тропинку через нее надо было прорубать топорами» и что «до того как итти туда, надо ждать пока не сойдет вода». Болезнь и москиты принудили, в конце концов, губернатора повернуть обратно в Асунсьон, где подчиненные ему отряды открыто взбунтовались, арестовали Кавесу де-Ваку и отправили его в Испанию (1545 г.).

Два года шла междоусобная война между самими испанцами, пока они не убедились в том, что жизнь всех их в Южной Америке стоит под угрозой. Наконец в 1548 г. «Доминго Мартинес Ирала собрал всех испанцев и задал им вопрос: согласны ли они, чтобы он с группой людей вышел во внутренние области на поиски золота и серебра». Его предложение встретило одобрение. Ирала отправился вверх по реке Парагвай и далее, через верховья реки Мадейра, пока не набрел на людей, знавших испанский язык и уведомивших его, что они были подчинены Перансуресу, уже исследовавшему эту местность из Перу. В скором времени Ирала получил известия от гонцов из Лимы и в свою очередь послал в Перу четырех человек, которые направились через Потоси и Куско в Лиму. Так впервые была установлена связь между восточной частью Южной Америки и Перу, и хотя этот путь не сразу был освоен, его открытие имело большое значение.

Связь между восточным и западным побережьем более укрепилась в результате двух других экспедиций, первая из которых, вышедшая из Перу, заложила в 1553 г. город Сантьяго-дель-Эстеро, а вторая, вышедшая из Чили в 1559 г.,—город Мендосу. В следующем году начал строиться город Санта-Крус-де-ла-Сьерра[1], и, собственно, с него и следует датировать установление настоящей связи между эстуарием Ла-Платы и Перу, так как именно через него продукты долины Параны—Парагвая попадали в Европу.

[1] Город на восточном склоне Боливийского нагорья, на одном из верховий Мадейры (бассейн Амазонки). Боясь нападений пиратов на испанские суда в Южной Атлантике, контроль над которой никогда не был под силу Испании, правительство метрополии всю торговлю с Ла-Платой разрешало вести только кружным путем—через Панаму, Лиму и Санта-Крус-де-ла-Сьерра. Только во второй половине XVIII в. была разрешена прямая торговля между Исеанией и Ла-Платой.—*Прим. ред.*

Глава VII

МАГЕЛЛАН[1] И ТИХИЙ ОКЕАН ДО 1600 ГОДА

Достижения трех человек занимают особое место в эпохе великих открытий—Христофора Колумба, Васко да-Гамы и Фернандо Магеллана. Мы уже рассмотрели результаты путешествий первых двух; Магеллан и его спутники, совершившие первое кругосветное плавание, разрешили проблему связи между районами открытий Колумба и да-Гамы. Задача эта была разрешена открытием пролива, соединяющего Атлантический и Тихий океаны и с самого начала получившего имя Магелланова.

Мореплаватели проявили значительный интерес к восточному побережью Южной Америки уже начиная с самых первых лет XVI в., и мы можем достаточно уверенно считать, что к 1519 г. это побережье было повсеместно, по крайней мере в общих чертах, исследовано до самого входа в Магелланов пролив[2]. Был ли самый пролив известен до плавания Магеллана, неясно; но есть коекакие документальные данные и в том числе изготовленный в 1515 или 1520 г. глобус Шенера, говорящие о том, что пролив был уже известен. Не надо при этом забывать покрова тайны, которым в то время окутывали свои открытия купцы и первые путешественники. Тщательно взвесив все материалы, имеющиеся по этому поводу, биограф Магеллана доктор Гиллемард приходит к следующему заключению: «...в итоге, свидетельства дают основание для вывода, что более или менее неточные сведения о наличии некоего антарктического пролома в огромном американском барьере, преграждавшем путь на запад, все же были»[3].

---

[1] На русском языке имеется биография Магеллана; издана отдельной книжкой в серии «Жизнь замечательных людей»: *К. Кунин*, «Магеллан», 1940. Из переведенных на русский язык иностранных работ о Магеллане, кроме книги Пигафетты (см. ниже сноску к стр. 128), отметим художественную биографию Магеллана: *Стефан Цвейг* «Подвиг Магеллана», изд. «Молодая Гвардия», 1947.—*Прим. ред.*

[2] Нет никаких документальных доказательств того, что до Магеллана какая-либо экспедиция продвигалась вдоль восточного берега Америки южнее 40° ю. ш.—*Прим. ред.*

[3] Гиллемард (Guillemard, J.)—автор монографии, посвященной Магеллану, «Жизнь Фердинанда Магеллана», 1890. Работа эта не утратила своего значения и до настоящего времени.—*Прим. ред.*

Фернандо Магеллан родился около 1480 г., служил у португальцев в Юго-Восточной Азии и, повидимому, участвовал в исследовании Молуккских островов, последовавшем за падением Малакки в 1511 г. Некоторое время он пробыл также в Марокко. Затем, уйдя с португальской службы, он предложил свои услуги по открытию новых стран Карлу V[1], предупредив при этом, что в португальскую «сферу» он заходить не станет. Данный ему наказ был составлен довольно туманно, но в этом вопросе отличался полной ясностью:

«Прежде всего вы должны отправиться и произвести обследование той части океана, что лежит в наших пределах и внутри нашей демаркационной линии... Вы можете производить открытия во всех тех частях, которые еще до сих пор не исследованы, но вам вменяется в обязанность не делать никаких открытий, ни как-либо вторгаться за демаркационную линию и в пределы светлейшего короля Португалии.., не затрагивать его интересы, а действовать только по нашу сторону демаркационной линии».

Дополнением к этому наказу служит письмо испанского короля, в котором он говорит:

«Поскольку мне доподлинно известно.., что на островах Малуко имеются пряности, я посылаю вас главным образом на их поиски, и моя воля такова, чтобы вы направились прямо на эти острова».

Магеллан отплыл из Сан-Лукара[2] 20 сентября 1519 г. на пяти судах, выглядевших, по свидетельству португальца да-Косты, «старыми и потрепанными». Этот же писатель указывает маршрут Магеллана: «Говорят, что им предписано итти прямо к мысу Фрио, так, чтобы Бразилия осталась у них по правую руку, пока не дойдут до демаркационной линии; от нее они должны взять курс на З и ЗСЗ, до самого Малуко».

Нет необходимости подробно разбирать первый этап путешествия Магеллана через Атлантический океан; разве только нужно отметить, что под тропиками Магеллана постигла примерно та же судьба, что и да-Гаму, то есть флот и того и другого «носило туда и сюда по морю, пока не подул попутный ветер». 29 ноября они достигли мыса Сан-Аугустин[3] и поплыли вдоль побережья, пока в конце марта 1520 г. не достигли бухты Сан-Хулиан (под 49°20′ ю. ш.), где и «пробыли целых два месяца, не увидев

[1] Карл V—германский император, он же испанский король Карл I.—*Прим. ред.*

[2] Сан-Лукар-де-Баррамеда—морской порт в Андалусии, в устье Гвадалквивира (аванпорт Севильи), в котором находилась тогда Индийская палата (Domus India), ведавшая всеми делами «Индии».—*Прим. ред.*

[3] Сан-Аугустин—мыс в Бразилии, на крайнем восточном выступе Южной Америки.—*Прим. ред.*

ни одной живой души». В конце их пребывания в порту им удалось повидать несколько патагонцев, гигантский рост которых произвел большое впечатление на Пигафетту, автора самого лучшего и пространного описания этого путешествия[1]. В общем, в Сан-Хулиане они простояли пять месяцев. Именно в это время «капитаны четырех других судов замыслили измену против командира эскадры» и погиб посланный на разведку южного побережья корабль «Сантьяго». Экипаж его спасся и с трудом добрался до зимовки в Сан-Хулиане.

Выйдя из бухты в конце августа, корабли Магеллана достигли мыса Дев (Вирхенес), где и было сделано знаменитое открытие. «И чудом мы нашли «пролив»... длиной в 110 лиг, то есть 440 миль, и выходит он в другое море, что зовется Тихим». Плавание через пролив оказалось далеко не простым делом и отняло тридцать восемь дней, хотя пролив был длиной всего лишь 320 миль. В ходе его исследования один из кораблей дезертировал[2], так что когда Магеллан достиг Тихого океана, его эскадра свелась к трем кораблям.

Вначале Магеллан направился вдоль южноамериканского побережья в северном направлении, потом повернул на северо-запад и, имея за кормой пассат, пересек Тихий океан. Плыть с попутными ветрами было, само собой разумеется, выгодно, но путь этот увел Магеллана в сторону от множества тихоокеанских островов и тем самым оказался очень тяжелым для экипажа. Пигафетта очень красочно описывает их мучения:

«В среду 28 ноября 1520 года мы вышли из пролива и вступили в обширное море, названное нами «Тихим», по которому мы шли в течение трех месяцев и двадцати дней, совершенно не имея свежей пищи. Сухари, которыми мы питались, представляли собой не хлеб, а пыль, смешанную с червями, загаженную мышами и издававшую поэтому невыносимое зловоние... Вода, которую мы принуждены были пить, была гнилая и вонючая. Чтобы не умереть с голоду мы ели бычьи кожи, которыми обшивают снасти, чтобы веревки не перетирались о дерево. Эта кожа под действием воды, ветра и солнца так затвердела, что ее нужно было размачивать в морской воде в течение четырех-пяти дней. Затем мы пекли ее на угольях и ели. Часто мы питались древесными опилками, и даже крысы, столь противные человеку, сделались таким изысканным блюдом, что за них платили по полдукату за штуку. Но это еще не все. Самое большое несчастье было

---

[1] Антонио Пигафетта—молодой итальянец из города Виченцы, рыцарь Родосского ордена, сверхштатный участник экспедиции Магеллана, описавший первое кругосветное плавание в своей знаменитой книге «Впервые вокруг света». С итальянского она переведена на многие языки, в том числе на русский (советские изд. 1928 и 1950 гг.).—*Прим. ред.*

[2] Дезертировал корабль «Сан-Антонио», на котором кормчим был очень опытный моряк, португалец Эстеван Гомес.—*Прим. ред.*

в том, что нас постигла болезнь, при которой десны распухали до такой степени, что закрывали зубы как в верхней, так и в нижней челюсти, и люди, пораженные этой болезнью [цынгой], не могли принимать никакой пищи. Девятнадцать человек из нас умерло... Кроме умерших, было от 25 до 30 матросов, страдавших от боли в руках, ногах и других частях тела... За эти три месяца и двадцать дней мы сделали почти четыре тысячи лиг по морю, названному нами потому «Тихим», что мы ни разу не испытали ни малейшей бури. Мы не открыли за это время никакой земли, за исключением двух необитаемых островов...»

Впервые землю эскадра завидела 24 января 1521 г. Это была, как мы теперь знаем, Пука-Пука из архипелага Паумоту (под 14°45′ ю. ш. и 138°48′ з. д.). В начале марта Магеллан и его спутники достигли Ладронских (Марианских) островов[1], но сделали настоящее крупное открытие лишь в середине месяца, когда прибыли на остров Самар из группы Филиппинских островов. После короткого роздыха, предоставленного экипажам, Магеллан вновь дал приказ выйти в море и 7 апреля достиг важнейшего острова этой группы—Себу. К несчастью, сам Магеллан ввязался в распри между туземцами и 27 апреля 1521 г. был убит в стычке на соседнем острове Мактан.

[1] Нунн (G. E. Nunn) недавно высказал мнение, будто Магеллан, выйдя из пролива, плыл параллельно берегу Южной Америки на север до 12° ю. ш. Нунн отождествляет первые земли, которые увидел Магеллан, с островами Клиппертон (10°17′ с. ш.) и Кларион (18° с. ш.). По его мнению, Магеллан стремился к острову Сипанго, который, как полагали, лежит где-то близ современной Центральной Америки. Нунн утверждает, что если бы Магеллан следовал традиционным путем, то птицы неизбежно дали бы ему указания на землю. Но западный берег Южной Америки не нанесен на карте Рибейры 1529 г., и это обстоятельство делает сомнительной аргументацию Нунна.— *Прим. автора.*

Это авторское примечание нуждается в пояснениях. Американский географ Нунн в журнальной статье (1934) «Путь Магеллана в Тихом океане», опираясь на свою книгу «Представления Колумба и Магеллана о географии Южной Америки» (G. E. Nunn, «The Columbus and Magellan Concepts of South American Geography» (1932), дал необычный вариант пути Магеллана через Тихий океан. Нунну казалось невероятным, чтобы Магеллан, если бы он действительно взял курс на западо-северо-запад у 30,5° ю. ш. (как обычно предполагают), встретил на пути только два острова, несмотря на то, что пересекал именно ту тропическую зону Тихого океана, которая усеяна десятками тысяч островов (Южную Полинезию). Между тем несомненно, что никто в экспедиции Магеллана не видел нигде в южном полушарии (за двумя исключениями—за 16° ю. ш. и близ 12° ю. ш.) даже признаков близости земли, в частности—птиц (по направлению их полета мореплаватели, в частности португальцы в XV в., открыли до Магеллана ряд островов).

По предположению Нунна, Магеллан повернул в сторону, на северо-запад, не у выхода из пролива, а у перуанского берега, у 12° ю. ш.; прямо же на запад, в сторону Азии он взял курс уже в тропической северной полосе (за 18° с. ш.). В этом случае Магеллан действительно мог пересечь Тихий океан, не встретив признаков ни одного острова до Марианского архипелага.—*Прим. ред.*

Пигафетта хорошо обрисовал его личность в следующих словах:

«Он был одарен всеми добродетелями. Он выказывал всегда непоколебимую настойчивость среди самых больших бедствий. На море он сам осудил себя на бóльшие лишения, чем остальной экипаж. Сведущий как никто в знании морских карт, он владел в совершенстве искусством кораблевождения, и это он доказал своим путешествием вокруг света, на что никто другой не отважился до него».

Магеллан сделал то же, что и да-Гама: нашел дорогу к Островам Пряностей. Ему удалось то, что не удалось Колумбу. Он доказал как шарообразность земли, так и возможность обойти земной шар кругом по воде[1]. Как моряк, географ и исследователь, Магеллан был великим человеком, быть может, более великим, чем Колумб или да-Гаман, возможно, даже «величайшим из мореплавателей как древности, так и нового времени».

Смерть Магеллана и предательское поведение правителя Себу заставили испанцев покинуть Филиппины[2]. Они отплыли к Борнео, к городу, известному теперь под именем Бруней и хорошо описанному Пигафеттой:

«Город построен на море, исключая домов раджи и некоторых главных начальников. Он заключает в себе 25 тысяч домов или семейств. Дома выстроены из дерева и поставлены на толстые сваи, чтобы предохранить их от воды. Во время прилива женщины, торгующие съестными припасами, ездят по городу на лодках».

От Борнео путь лежал на северо-восток и привел испанцев к острову Минданао, где им объяснили, как доплыть до Молуккских островов. Держа курс на юго-восток мимо ряда островов, они завидели наконец Молуккские острова.

«... За это,—пишет Пигафетта,—мы возблагодарили бога и в знак радости сделали залп из всей нашей артиллерии. И не следует удивляться той большой радости, которую мы испытали при виде высоких островов, если принять во внимание, что уже 27 месяцев без двух дней мы блуждали по морям и посетили беско-

---

[1] Магеллан своим плаванием доказал наличие единого мирового океана и намного сузил вероятные размеры суши: до него предполагали, что поверхность суши гораздо больше водной поверхности.—*Прим. ред.*

[2] Название «Филиппины» дано было архипелагу в сороковых годах XVI в. руководителем испанской экспедиции (1542—1545 гг.) Вильяловосом в честь сына Карла I, наследного принца Филиппа (позднее испанский король Филипп II). Вильяловос был послан через Тихий океан с эскадрой из шести кораблей вице-королем «Новой Испании» (Мексики) для завоевания островов, открытых Магелланом. Но попытка его основать колонию на острове Минданао (южные Филиппины) окончилась неудачей.—*Прим. ред.*

нечное число островов, все время отыскивая Молукки. Португальцы рассказывали, что Молуккские острова лежат среди моря, недоступного для кораблей из-за мелей, встречающихся повсюду, и туманов. Однако мы этого не нашли: мы имели не менее 100 сажен глубины до самых Молукк».

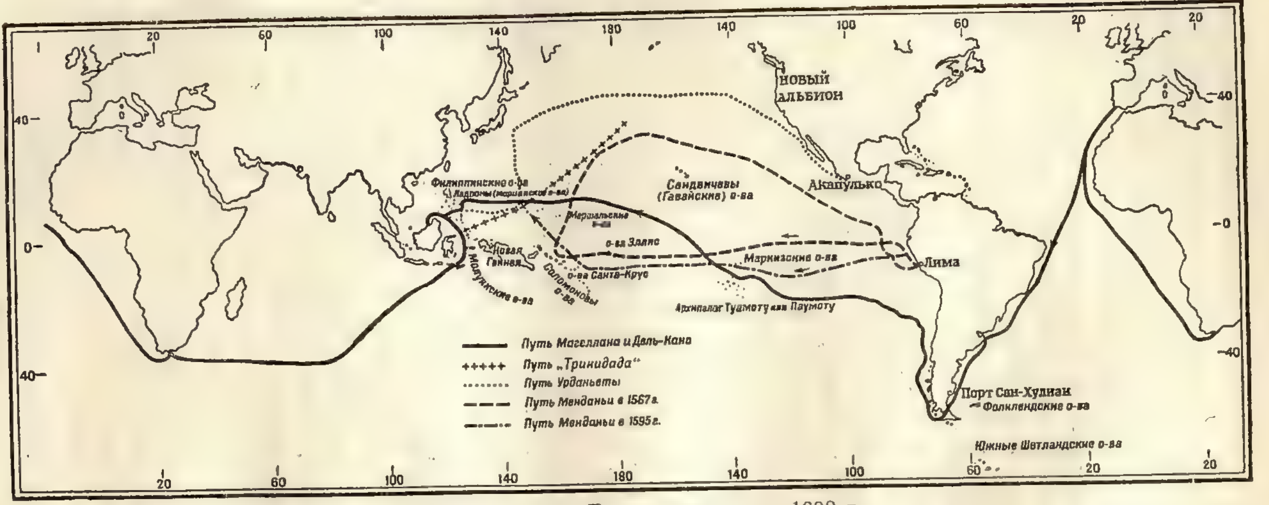
Из этого отрывка вытекает, что португальцы, так же как ранее финикияне, пытались облечь свои открытия покровом тайны.

Достигнув таким образом цели своего путешествия, испанцы задержались на некоторое время на островах, наслаждаясь плодами их изобилия.

«Все Молуккские острова производят гвоздику, имбирь, саго... рис, кокосовые орехи, фиги, бананы, миндаль—более крупный чем у нас,—гранаты, сладкие и кислые, сахарный тростник, дыни, огурцы, комиликай [ананас]—весьма освежающий плод величиной с арбуз, другой фрукт, весьма похожий на персик и называемый гуавой, и иные плоды. Из полезных животных у них имеются: козы, куры, особый вид пчел, не больше муравья, роящихся в дуплах деревьев, куда они и откладывают очень хороший мед. Много разновидностей попугаев, из которых белые называются катара, а красные—нори, наиболее ценные не только из-за красоты оперения, но и потому, что более внятно, чем другие, произносят заученные слова».

Испанские корабли сильно нуждались в ремонте, и когда 21 декабря один из них—«Виктория»—ушел в Испанию, корабль «Тринидад» не последовал за ним, а остался на месте со своим экипажем, а также с группой других матросов, не отважившихся плыть на родину на «Виктории». «Тринидад», тяжело нагруженный корицей, проследовал к острову Тимор, а оттуда «из боязни португальцев..., взяв курс на ЗСЗ», направился через Индийский океан—без всякой надежды на то, чтобы пополнить в пути запасы продовольствия и воды или произвести ремонт, если в нем возникнет нужда. Испанцы умышленно не заходили в Мозамбик и лишь «под давлением крайней необходимости» зашли на острова Зеленого Мыса[1]. Здесь сошедшие на берег шестнадцать человек команды были арестованы; остальные же восемнадцать человек из общего числа шестидесяти, отплывших от Молуккских островов, вошли в сентябре 1522 г. в гавань Сан-Лукар. Много почестей и наград за это первое кругосветное путешествие выпало на долю капитана «Виктории» — Себастьяна дель-Кано, но

[1] Архипелаг Зеленого Мыса—португальская колония. Корабль «Виктория» был вынужден остановиться у порта Прайи на острове Сантьяго этого архипелага. Именно здесь испанцы узнали, что потеряли сутки: по календарю уже наступил четверг, в то время как на корабле, обошедшем вокруг света в западном направлении, считали этот день средой.—*Прим. ред.*



11. Исследование Тихого океана до 1600 г.

Рамузио[1] считал, что похвалы заслуживал более широкий круг людей:

«Наши моряки более достойны вечной славы, чем аргонавты. И корабль их более заслуживает место среди созвездий, чем древний «Арго», ибо этот последний проделал лишь плавание от Греции через Черное море, наш же отплыл из Испалиса [Севильи] на юг, а после того прошел сквозь весь запад и через южное полушарие, проникнув на восток и вновь вернувшись на запад».

Магеллан совершил нечто большее, чем путешествие вокруг света: он показал, что на восток, помимо старого пути кругом Африки, существует и другой путь. Не удивительно поэтому, что в течение столетия, последовавшего за путешествием, были сделаны большие успехи в области открытий в этом океане. Почин в этом деле был сделан одним из кораблей Магеллана, «Тринидадом», который, пытаясь вернуться на родину, дошел в Тихом океане до точки с приблизительными координатами 42° с. ш. и 143° в. д. Дальше корабль продвинуться не мог и вынужден был вернуться на Молуккские острова. В ходе плавания было открыто несколько островов, но основное его значение в том, что оно выявило наличие открытого океана под гораздо более высокой широтой, чем была достигнута Магелланом.

В 1526 г. португальцы открыли огромный остров—Новую Гвинею, а тремя годами позже еще раз обследовали его северное побережье. В 1543 г. он был вновь открыт, а в 1545 г. подвергся дальнейшему исследованию[2].

Открытие Сандвичевых (Гавайских) островов окружено тайной. Сохранилось местное предание, согласно которому около 1527 г. на острова было выброшено несколько потерпевших кораблекрушение испанцев. Сохранившаяся в Мадриде рукописная карта содержит в себе указание, что острова будто бы были открыты в 1545 г., но никаких других следов плавания на Гавайи в это время не сохранилось. Как бы то ни было, соприкосновение испанцев с Сандвичевыми островами не имело никаких практических последствий, и острова оставались почти совершенно неизвестными до посещения их в 1778 г. Джемсом Куком.

---

[1] Рамузио—известный итальянский автор XVI в., напечатавший обширное «Собрание путешествий». При составлении описаний путешествий он часто пользовался первоисточниками, до нас не дошедшими, что повышает ценность его труда для историков географических открытий.—*Прим. ред.*

[2] Португалец Менезеш в 1526 г. открыл только небольшой (северо-западный) участок берега Новой Гвинеи. Открытие значительной части северного побережья Новой Гвинеи было совершено испанцем Ретесом (Ортис де-Ретес), капитаном одного из кораблей экспедиции Вильяловоса (см. выше сноску на стр. 130). Наконец, южное побережье Новой Гвинеи было открыто испанской экспедицией Торреса в 1606 г. (см. ниже, стр. 178).—*Прим. ред.*

В 1565 г. испанцы основали свою первую колонию на Филиппинских островах[1], и в том же году Андресу де-Урданьета удалось то, что не удавалось многим его предшественникам, а именно—пересечь Тихий океан с запада на восток. Достиг он этого тем, что смело зашел в высокие широты (до 42° с. ш.) и тем самым получил возможность совершить плавание за зоной пассатов. Последующие суда неизменно пользовались проложенной им трассой, получившей широко распространенное название «прохода Урданьеты». Хоть и мало кому известный в последующие годы, Урданьета на самом деле заслуживает места в первом ряду мореплавателей, сделавших открытия большого практического значения. Его плавание дало возможность установить регулярную связь между испанскими колониями в Новом Свете и владениями Испании у восточного побережья Азии. Урданьета пользовался репутацией хорошего и опытного географа, и открытие свое он, повидимому, сделал по собственной инициативе. Мы располагаем описанием этого плавания Урданьеты в работе Антонио де-Морги «Филиппинские острова к концу XVI в.». В этой книге содержится также очерк великого торгового пути из Восточной Азии в Америку.

«Они отплывают,—пишет де-Морга,—из залива и порта Кавите[2], как только подуют ветры с юго-запада... начиная с 20 июня... Выйдя в открытое море, они пользуются порывистым юго-западным ветром, держа курс на восток, как можно ближе к широте в 14 или 15 градусов. Здесь начинает дуть северо-восточный ветер, и так как ветер этот противный, курс изменяется, и кормчие стараются держать нос корабля между севером и востоком, поскольку это позволяет ветер. Это помогает подняться в более высокие широты, и суда продолжают итти этим курсом, покуда вновь не попадут в полосу юго-западных ветров. Корабли проходят мимо Ладронских (Марианских) и других островов и, оставив их позади, выходят в открытый океан, где могут свободно итти в любую погоду. Корабли пересекают этот океан с ветрами, которые встречаются на протяжении многих лиг до 42° с. ш.; они держат курс к побережью Новой Испании[3], стараясь пользоваться теми ветрами, что господствуют под этой широтой и имеют в общем северо-западное направление и, наконец, после долгого плавания достигают берегов Новой Испании».

---

[1] Для завоевания Филиппин была вторично (после неудачи Вильяловоса) послана экспедиция во главе с Легаспи, которому и удалось основать первую испанскую колонию на острове Лусон и приступить к планомерному захвату архипелага.—*Прим. ред.*

[2] То есть от Манилы.—*Прим. ред.*

[3] Новая Испания—бывшее испанское вице-королевство, охватывавшее территорию юго-западных штатов нынешних США, Мексику и Центральную Америку. В данном случае имеется в виду тихоокеанское побережье Мексики.—*Прим. ред.*

Через короткое время в дело изучения Тихого океана новый вклад внесла другая экспедиция, во главе которой стоял Альваро де-Менданья. Ввиду того, что очень часто заинтересованные стороны ссылаются на документальные доказательства, подтверждающие их приоритет на то или иное старинное открытие, интересно присмотреться к цели этой экспедиции. Менданье было дано поручение найти «известные острова и континент» в Южном океане, «поскольку многие очень опытные в математике мужи вывели заключение, что таковые должны находиться в тех местах»[1]. Экспедиция отплыла из Лимы 6 ноября 1567 г. и сделала свое первое открытие 15 января 1568 г., обнаружив острова Эллис (Лагунные). К началу февраля она подошла к «большому массиву суши», на самом деле оказавшемуся, как впоследствии выяснилось, группой Соломоновых островов. Здесь испанцы задержались до середины августа; некоторые хотели остаться на них даже навсегда, так как им показалось, что острова богаты золотом. Перед отплытием среди испанцев разгорелись споры о том, каким путем возвращаться. В конце концов они поплыли на север через Маршальские острова, пока не дошли до 30-й параллели, где они повернули на восток к Калифорнии и, плывя вдоль побережья, достигли наконец Лимы. Плавание было и интересным и важным, но неудачным, поскольку даже в официальном отчете говорилось: «...хотя они и слышали о лучших землях.., они не нашли ни золота, ни серебра, ни каких-либо товаров или какого-либо другого источника прибыли, и все встреченные ими туземцы были нагие дикари». Все это бросило тень на экспедицию, и в течение некоторого времени никаких новых исследований не предпринималось.

Дело открытий и исследований Тихого океана задержалось не только из-за неудачных экспедиций. В 1578 г. монопольному положению испанцев пришел конец, так как в сентябре этого года на Тихом океане появился англичанин Френсис Дрейк. Возможно, что именно он сделал два важных вклада в сумму знаний того времени о Тихом океане[2]. В описании путешествия Дрейка, помещенном в Хаклюйтовых «Важнейших плаваниях», говорится, что «в седьмой день (сентября) сильный шторм помешал нам войти

[1] Менданья получил от перуанского вице-короля задание—найти и захватить к западу от Перу южный материк, частью которого считалась, между прочим, Новая Гвинея, открытая участниками экспедиции Вильялобоса.—*Прим. ред.*

[2] Уже после написания этой главы проф. Тэйлор обнаружил несколько новых и весьма ценных документов, касающихся этого путешествия. Вначале Дрейк, повидимому, должен был итти не к Молуккским островам, а исследовать показанную на карте Ортелия 1570 г. «неизвестную Южную землю». Уинтер, которому, повидимому, несправедливо приписывают ту вину, что он сбежал от Дрейка, доказал, что постоянно дующие западные ветры в южной части Тихого океана делали плавание вдоль побережья этой Южной земли невозможным («Geographical Journal», v. LXXV, p. 46).—*Прим. автора.*

в Южное море... в одном градусе к югу от [Магелланова] пролива. Из залива (названного нами заливом Разлуки Друзей) нас отогнало на юг от пролива до 57-й с третью параллели, на каковой широте мы и стали на якорь среди островов».

Если суда Дрейка действительно достигли этой широты, то они зашли за мыс Горн. Есть указания на то, что Дрейк как следует ознакомился с небольшой группой островов, лежащих к югу от материка. Хранящаяся в Британском музее рукописная карта показывает, что весь легендарный южный континент свелся к маленькой группе островов, поперек которой написано «Terra Australis bene cognita» («Хорошо известная Южная земля»); это же открытие зафиксировано голландской медалью (plaque), выбитой в честь Дрейка в 1586 г.; в карте, приложенной ко 2-му изданию «Важнейших плаваний» Хаклюйта в 1598 г., уже фигурируют эти новые моменты, и сам Дрейк претендовал на то, что он побывал в самой южной из известных стран мира[1].

Второе открытие Дрейка не имело такого большого значения. Он утверждал, что на западном побережье Америки он достиг 43° с. ш., где не побывал еще ни один испанец и где он обнаружил «прекрасный и удобный залив»[2]. В более позднее время это открытие Дрейка сыграло кое-какую роль в поисках Северо-западного прохода.

Новым доказательством в пользу существования Северо-западного прохода послужило путешествие Франсиско де-Гали, который пересек в 1582 г. Тихий океан от Мексики до Филиппин и сообщил, что к востоку от Японии течение направляется на север и что, следовательно, оно должно кончаться, где-то к северу от Калифорнии. Его путешествие навело географов на домысел, будто Нижняя Калифорния является островом, хотя первые исследования ясно указывали на то, что она представляет собой полуостров. Ошибка была исправлена лишь в XVIII в.

На поиски Северо-западного прохода оказало большое влияние еще одно плавание, хотя существуют серьезные сомнения, имело ли оно действительно место, или нет. Плавание это будто бы совер-

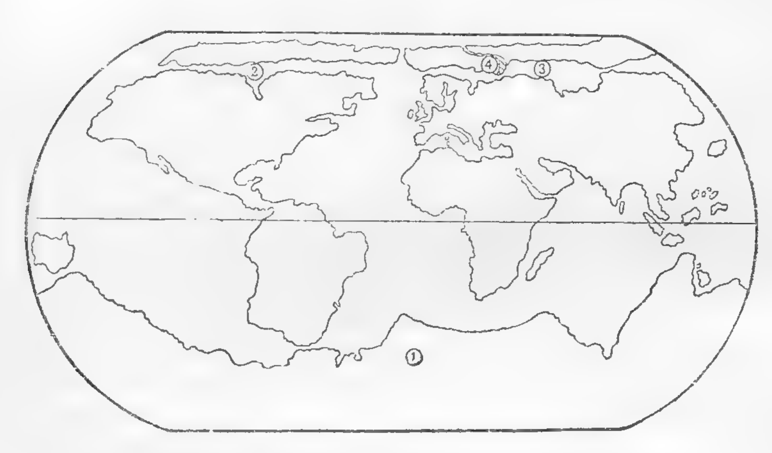
---

[1] До Дрейка за юго-восточную оконечность Огненной Земли был отнесен бурей один из кораблей испанской экспедиции Лоайсы (1525—1526 гг.), посланной на запад по пути Магеллана после возвращения в Испанию корабля «Виктория». Капитан корабля Осес сообщил, что его отбросило бурей от входа в Магелланов пролив на юг до 55° ю. ш., где он видел «конец земли». Таким образом, Дрейк, в лучшем случае, совершил вторичное открытие.— *Прим. ред.*

[2] На основании свидетельства одного из спутников Дрейка некоторые английские и американские авторы предполагают, что Дрейк, не найдя Северо-западного прохода (из Тихого в Атлантический океан) на широте 43°, повернул на юг и зашел в залив Сан-Франциско. Другие авторы не считают возможным отождествить бухту, в которую заходил Дрейк, с заливом Сан-Франциско.—*Прим. ред.*

шено в 1592 г. Хуаном де-Фука, которому на 47° с. ш. удалось якобы открыть пролив. Отчет де-Фуки был напечатан в «Сборнике путешествий» Перчеса[1], где было также сказано, что испанцы намеревались укрепить этот проход, чтобы не дать англичанам воспользоваться им. В последующую эпоху, в разгар споров о том, существует ли Северо-западный проход, или нет, сторонники его часто ссылались на путешествие де-Фуки.

В 1595 г. Тихий океан обследовала еще одна экспедиция из Перу. Так же как экспедиция Педро де-Урсуа, она была органи-



12. Набросок карты мира А. Ортелия, 1570 г.

зована, «чтобы избавить страну от беспокойного элемента». Начальником ее был Менданья; главной целью—«найти, покорить и заселить западные острова в Южном море», а ближайшей—вновь посетить Соломоновы острова. Экспедиция отплыла из Лимы в апреле. Главным кормчим был Педро де-Кирос[2]. 26 июля был замечен небольшой остров, которому дали название «Магдалена». Вскоре после этого была достигнута группа Маркизских островов[3]. Вслед за этим началось долгое плавание, в ходе которого было замечено еще несколько островов. В команде поднялся ропот, что руководители экспедиции сами не знают, куда и зачем они идут. В конце

[1] Перчес (Purchas)—английский издатель XVII в., продолжавший после смерти Хаклюйта выпуск в свет серии путешествий.—*Прим. ред.*

[2] Кирос (Кирош) был португальцем на испанской службе.—*Прим. ред.*

[3] Маркизские острова были так названы в честь перуанского вицекороля Мендосы, носившего титул маркиза Каньете.—*Прим. ред.*

концов экспедиция достигла вулканического острова Санта-Крус, где был создан поселок. Так как некоторые ни за что не хотели оставаться в новой колонии, вспыхнули беспорядки, и, как пишет Кирос, «было проявлено много распущенности и бесстыдства и еще больше дурного поведения». Менданья и несколько других руководителей умерли на острове. В конце концов Кирос повел экспедицию на Ладронские (Марианские) острова, а оттуда на Манилу. Пробная колония на острове Санта-Крус осталась «полезным для чувств и рассудка напоминанием о тех катастрофических событиях, что произошли там в течение короткого промежутка времени» (Маркхем[1]). Можно сказать, что если план частично и не удался, все же экспедиция дала географии кое-что новое.

Мы уже упоминали, что в 1578 г. испанскому могуществу на Тихом океане бросил вызов англичанин Френсис Дрейк, прославившийся также своим кругосветным плаванием. Аналогичное плавание совершил в 1586—1588 гг. другой англичанин, Томас Кавендиш, но если не считать нападений на испанские корабли и колонии, его поход имел очень мало значения. Гораздо более серьезное значение имело прибытие на Тихий океан в последние годы XVI столетия голландского флота.

Голландцы уже много лет боролись за свою независимость, и хотя к 1598 г. они официально еще не добились ее, на деле они ею пользовались. Это ни в малейшей мере не уменьшало их враждебности к Испании[2]. С 1580 г. Испания и Португалия были объединены под властью одного правителя, и обе страны совместно стремились подчинить своему владычеству всю территорию, открытую или колонизированную европейцами как в Америке, так и на Дальнем Востоке. По мере упадка Испании и ее способности защищать свои владения соответственно росла мощь и расширялась колониальная империя Голландии.

Первая голландская экспедиция на Тихий океан была совершена в 1598 г., когда Яков Маху отплыл из Роттердама с эскадрой из пяти кораблей. Эскадра достигла Магелланова пролива, где ее разбросали штормы. Один корабль достиг Фолклендских островов, которые уже были ранее открыты Джоном Дэвисом в 1592 г., другой занесло в высокие южные широты, где с него как будто бы видели Южные Шетландские острова, третий успешно пересек Тихий океан и прибыл в Японию. Здесь его кормчий Виллем

[1] Клементс Маркхем, английский историк открытий, составитель сборника «Путешествия Педро Фернандеса Кироса от 1595 до 1606 года» (2-я серия Хаклюйта, тт. XIV и XV).—*Прим. ред.*

[2] Нидерландская республика («Соединенные провинции Нидерландов») добилась официального признания своей независимости от Испании только в 1648 г. До этого испанские короли рассматривали голландцев как своих мятежных подданных.—*Прим. ред.*

Адамс был задержан японцами; им он так понравился и оказался столь полезным, что они не давали ему выехать из Японии до самой смерти в 1621 г.

Через три месяца после отплытия Маху из Голландии вышла другая эскадра, из четырех вымпелов, под командованием Ван-Ноорта. Эта экспедиция почти за четыре года плавания совершила кругосветное путешествие. В августе 1601 г. Ван-Ноорт вернулся в Амстердам. Географии его путешествие дало мало, хотя и наделало в Голландии немало шума и является вехой, отмечающей начало периода возвышения Голландии и упадка Испании на Тихом океане[1].

---

[1] В 1602 г. была основана могущественная нидерландская Ост-Индская компания, которая с целью захвата и освоения тропических островов Южной и Юго-Восточной Азии организовала ряд морских экспедиций. Однако толчком к основанию этой компании послужила не неудачная (в финансовом отношении) кругосветная экспедиция Ван-Ноорта, как можно неправильно заключить из текста, а чрезвычайно выгодные для их организаторов полуторговые-полупиратские экспедиции Корнелия Хоутмана и других голландских купцов в конце XVI в. (1595—1599). См. ниже, стр. 180.—*Прим. ред.*

Глава VIII

ПОИСКИ ДРУГИХ ПУТЕЙ В АЗИЮ[1]

1. Через Атлантику

Хотя экспедиции отца и сына Каботов и братьев Кортереалов принесли одни разочарования, западноевропейские государства продолжали посылать суда к восточному побережью Америки как на рыболовный промысел, так и на дальнейшие поиски прохода в Азию. Одним из самых интересных предприятий этого рода было совершенное по заданию французского короля плавание Джованни Верраццано. В 1523 г. он прибыл на остров Мадейру, отплыл оттуда в следующем году и, следуя все время на запад, достиг «новой страны, никем до того ни в старое, ни в новое время не виданной». Точно установить объем открытий Верраццано трудно, но, повидимому, он исследовал побережье от Нью-Джерси до мыса Код и, вероятно, совершил плавание от Флориды до острова Кап-Бретон. «Целью моего путешествия,—пишет он,—было достигнуть Китая на окраине Азиатского материка. В то же время я боялся, что вновь открытая страна окажется барьером на пути к Китаю, что и подтвердилось на самом деле, но я не сомневался в том, что я пробьюсь сквозь этот барьер и найду проход в восточный океан». Вернувшись, он поведал миру, что Атлантический океан отделен от Тихого узким перешейком земли, что нашло свое отражение в ряде карт, вычерченных в годы, немедленно последовавшие за его открытием.

В эти годы в поисках более короткого и удобного пути, чем тот, которым плыл Магеллан, на сцену выступают испанские путешественники. Карл V послал Эстевана Гомеса[2] с поручением «отправиться и открыть Восточный Катай... где вы произведете открытия вплоть до наших Молуккских островов, целиком лежащих в пределах нашей сферы влияния». Экспедиция Гомеса была осуществлена в 1524—1525 гг., и хотя точный путь ее неизвестен, ясно, что она не сделала ни одного важного открытия.

---

[1] Во всей главе в целом из более поздних работ автором использована работа *Кроуза* «В поисках Западного океана» (N. M. Crovse, In Quest of the Western Ocean), 1928. По отдельным путешествиям—см. примечание под текстом.—*Прим. ред.*

[2] Эстеван Гомес—португалец на испанской службе, был кормчим на том корабле магеллановой экспедиции, экипаж которого дезертировал после вступления в Магелланов пролив (см. примечание 2-е, на стр. 128 в предшествующей VII гл.).—*Прим. ред.*

В мае 1527 г. два судна под командованием Джона Рата (Rut) вышли из устья Темзы «искать новые страны». Их открытия известны из напечатанного в сборнике путешествий Перчеса письма, в котором говорится, что суда «заплыли до 53° северной широты, где нашли множество ледяных островов», дальше продвинуться не смогли и вошли «в хорошую гавань, называемую Сент-Джон», где застали французские и португальские рыболовные суда. Никакого значения это путешествие не имело.

Рыбачьи суда продолжали посещать воды вокруг устья реки Св. Лаврентия, но до 1534 г., когда в этот район прибыл Жак Картье, не было сделано ни одного важного открытия; или, быть может, правильнее сказать—ни одно крупное открытие не стало достоянием гласности. В особенности не верится, будто такой огромной ширины пролив, известный под названием Каботова, мог оставаться неизвестным и будто его открыл лишь сам Картье, притом с запада[1].

Картье отплыл из Сен-Мало[2] 20 апреля 1534 г. и 10 мая достиг мыса Бонависта на Ньюфаундленде. Задержавшись здесь из-за льдов на десять дней, Картье, в конце концов, пробился вдоль побережья ко входу в пролив Бель-Иль, где был опять остановлен льдами. Отплыв вновь 9 июня, Картье изучил побережье у входа в пролив как со стороны Ньюфаундленда, так и с противоположной, лабрадорской стороны. После этого, пройдя пролив, он подробно изучил побережье Лабрадора и весь западный берег Ньюфаундленда, отмечая со значительной точностью всякого рода полезные для штурманов и рыбаков подробности и открывая много нужных гаваней. Лабрадор он расценил довольно низко: «Если бы земля была так же хороша, как гавани,—писал он,—она была бы благословением божьим; на самом же деле она не заслуживает даже самого названия земли, до того она покрыта камнями и высокими обрывистыми скалами; объехав все северное побережье, я так и не увидел хотя бы одного воза земли, а я высаживался во многих местах». Пройдя мимо ряда мелких островов и группы островов Магдалены до острова Принца Эдуарда, он обнаружил, что последний «изобиловал всем, кроме гаваней», так что ему не удалось высадиться на берег и воспользоваться его благами. Он пересек то, что называл заливом и что было на самом деле Нортумберлендским проливом, и вновь достиг материка, на этот раз у мыса Эскюминак. К этому времени Картье начал было серьезно надеяться, что ему удастся совершить важное открытие, поскольку, дойдя до бухты Шалер, он обнаружил какое-то большое устье,

---

[1] О путешествиях Картье см. у *Биггара* (H. P. Biggar, The voyages of Jacques Cartier, 1924), откуда заимствованы приводимые цитаты.—*Прим. ред.*

[2] Сен-Мало—рыбачий порт на северном берегу полуострова Бретань (у 2° з. д.). Бретонские моряки ходили до Ньюфаундленда, а может быть, и до северо-восточных берегов американского континента уже с начала XVI в.—по путям Каботов и Кортереалов.—*Прим. ред.*

«которое, судя по его глубине и ширине и по изменению в характере береговой линии, могло, как мы уповали, оказаться проливом». Тщательное изучение залива показало, однако, что из него не было второго выхода, и поэтому Картье вновь принялся за изучение побережья. Наконец он достиг острова Антикости. Проход между южным концом острова и полуостровом Гаспе он ошибочно принял за залив. Картье проследовал далее по его южному берегу, обогнул восточный мыс и обследовал проход с северной стороны, с целью выяснить, представляет ли он собой залив или пролив. Зайдя в самую узкую часть прохода, он обнаружил, что проход вновь расширяется, но течение было настолько сильным, что дальше продвинуться он не смог. В этот момент совет капитанов, кормчих, боцманов и матросов «крупным большинством голосов постановил вернуться на родину»; 5 сентября экспедиция вернулась в Сен-Мало.

В 1535 г. Картье совершил свое второе путешествие—«по приказу и желанию всехристианнейшего короля Франции Франциска I, для завершения открытия западных стран, лежащих в том же климате и под той же широтой, что и владения королевства означенного государя, и исследование которых было начато по его приказу». Картье отплыл из Сен-Мало 19 мая, проследовал в начале июля через пролив Бель-Иль, а 17 августа достиг устья реки Св. Лаврентия, где он прервал свое первое путешествие и повернул обратно. Индейцы заверили его, что по мере приближения к Канаде река сужается, что выше по течению вода становится пресной, а вверх по реке можно плыть так долго, что нет человека, «который достиг бы ее истоков». Некоторое время Картье, однакоже, затратил на ознакомление с восточным берегом и лишь 24 августа отправился в плавание вверх по реке. К 7 сентября он достиг острова Орлеан, а неделей позже суда остановились на реке Сен-Шарль вблизи индейской деревни Стадакона. Местность произвела на французов большое впечатление, и они писали, что «она не уступает никакой другой, очень плодородна и покрыта великолепными деревьями тех же пород, что и во Франции».

Картье поплыл дальше на одном трехмачтовом парусном судне и двух баркасах по направлению к селению Ошлага, о котором до него дошли слухи. «Во время плавания,—говорится в отчете,—мы все время имели перед глазами местность настолько приятную, а поверхность такую ровную, что лучшего и пожелать нельзя было». 2 октября французы достигли селения Ошлага, «прилегавшего к горе, плодородные склоны которой были обработаны и с вершины которой открывался вид на большое расстояние. Мы назвали эту гору Королевской» (Mont Royal—ныне Монреаль).

Несколько позже они взошли на вершину горы, откуда, согласно их описанию, «можно было видеть кругом на тридцать лье. На

севере мы увидели одну гряду гор, тянувшуюся в направлении с востока на запад, на юге—другую. Между этими горными хребтами лежит лучшая земля, какую только можно вообразить, —пригодная для обработки, ровная и плоская. А среди этой плоской земли видна река, простиравшаяся за ту местность, где мы оставили наши баркасы. В этом месте течение реки прерывается необыкновенно крутыми порогами, которые нам не удалось преодолеть».

Собрав по возможности больше сведений о реке, порогах Ла-Шин и о других путях сообщения, как, например, реке Оттаве, французы вернулись вниз по течению до реки Сен-Шарль, где и перезимовали. В декабре среди них вспыхнула эпидемия цынги, и к февралю следующего года во всем отряде не набралось бы и десятка здоровых людей. К счастью, Картье услышал от одного индейца о местном лекарстве от цынги—настое из хвои дерева, которое индейцы называли аннедда, а американцы теперь зовут хемлок[1]. После некоторого колебания больные согласились испытать это лекарство, и оно оказалось до того целительным, что они «чуть не поубивали друг друга в свалке за то, кому первому пить его».

В мае 1536 г. суда снялись со своей зимней стоянки и прошли к югу от острова Антикости к острову Кап-Бретон и далее, поперек входа в пролив Кабота к острову Ньюфаундленд, а затем вдоль южного его побережья до мыса Рейс; 16 июня путешественники вновь бросили якорь в Сен-Мало во Франции.

В 1541 г. Картье совершил свое третье путешествие, целью которого было «сделать бо́льшие открытия, чем в предыдущие путешествия, и (если удастся) ознакомиться со страной Сагенэ», где имеются «большие богатства». Флотилия Картье вышла на запад 23 мая 1541 г. и через три месяца достигла реки Сен-Шарль. Последующая за этим попытка подняться вверх по течению реки Св. Лаврентия кончилась неудачей, и это путешествие ничего не дало географической науке.

Труд Картье на этом был закончен. Он совершил работу величайшей ценности, свидетельством чего являются составленные на основании результатов его путешествия географические карты того времени. Если его попытка добраться до Китая и окончилась неудачей, а его сообщения о богатых странах за порогами не подтвердились, все же он открыл ту плодородную низменность реки Св. Лаврентия, на которой спустя полстолетие французы основали свое новое крупное заокеанское владение[2].

---

[1] Tsuga canadensis.—*Прим. ред.*

[2] Речь идет о колонии Канаде—«Новой Франции»,—основанной в начале XVII в.—*Прим. ред.*

2. Северо-восточный проход

Стремление достичь Островов Пряностей у Юго-Восточной Азии вдохновляло почти всех исследователей, но лишь двум нациям—португальцам и испанцам—удалось открыть к ним океанические пути. Вполне естественно, что в эпоху обостренного соперничества между нациями, когда руководящими идеями западноевропейских наций было территориальное расширение и торговые монополии, те из них, которые не обзавелись собственным путем на восток, занялись его поисками, причем, как и следовало ожидать, в дотоле неисследованных областях. Если у испанцев и португальцев религиозные мотивы играли еще кое-какую роль, у англичан в ту эпоху они вообще не принимались во внимание. Как это довольно грубо выразил английский поэт того времени Майкл Дрейтон (1563—1631),

Тысячу царств отыщем мы за морем,
Неся народам межусобицу и горе, . .
И земли нехристей объявим мы своими,
Которы Англии не слыхивали имя.

Солидаризируясь с проф. Поллардом, мы можем, лишь чуть-чуть видоизменив его удачное выражение, сказать: «Те из морских волков эпохи Тюдоров, которым по вкусу было священное писание, искали лучшие примеры для подражания не в Новом, а в Ветхом Завете»[1].

Именно этот мотив и толкнул англичан и голландцев на их попытки проложить путь в Индию вокруг Северной Азии или Северной Америки; в общем только они и искали такие пути[2].

---

[1] Имеются в виду те варварские жестокости, которыми прославились ветхозаветные «святые» патриархи, цари и «пророки».—*Прим. ред.*

[2] Утверждение, будто только англичане и голландцы искали Северо-восточный проход из Европы в Азию, неверно: этот проход первыми начали искать (не позднее XVI в.) русские. Они же первыми открыли его в XVII в., обогнув полуостров Таймыр на крайнем севере Азии и Чукотский полуостров—на крайнем северо-востоке. Самая инициатива поисков Северо-восточного прохода принадлежит русским. Именно после посещения Рима Дмитрием Герасимовым, послом великого князя Московского Василия III Ивановича к римскому папе Клименту VII Медичи в 1525 г., появилась книга о русском посольстве известного итальянского ученого Павла Иовия (Паоло Джовио), медика, филолога, историка и видного публициста. В этой книге, ставшей известной в Западной Европе далеко за пределами Италии, прямо сказано, несомненно, со слов русских—и вероятнее всего со слов Дмитрия Герасимова:

«...Достаточно хорошо известно, что Двина, увлекая бесчисленные реки, несется в стремительном течении к северу и что море там имеет такое огромное протяжение, что по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли» (цит. по *М. С. Боднарскому*, «Очерки по истории русского землеведения», т. I, 1947, стр. 25).—*Прим. ред.*

Те возможности, которые сулило такого рода открытие, ясно сформулированы в письме Роберта Торна, датированном 1527 г. и адресованном королю Генриху VIII:

«Я знаю, что моей непременной обязанностью является поведать вашему величеству ту тайну, которая, по-моему, до сих пор оставалась скрытой, а именно, что с небольшим числом судов можно открыть многое множество новых стран и королевств... причем для открытия их остался один путь—северный, ибо, как мы видим, из четырех стран света три уже открыты другими государями[1]... Таким образом, остается открыть указанные северные страны, что, как мне кажется, является только вашей миссией и долгом... этому благоприятствует также удобство положения и близость к оным вашего королевства».

Далее Торн пускается в объяснения по поводу легкости плавания по этому северному пути и ярко рисует те богатства, какие сулит его открытие.

Из отправлявшихся к северу экспедиций первыми начались и первыми прекратились экспедиции, искавшие Северо-восточный проход. Толчок их организации дало, повидимому, возвращение в Англию Себастьяна Кабота, считавшегося авторитетом в вопросах плавания в высоких широтах. В 1553 г. Каботу удалось организовать «Промысел и компанию купцов-предпринимателей для открытия стран, владений, островов и неизвестных местностей», иначе называемой и более широко известной, как «Московская компания». Во главе экспедиции были поставлены Хью Уиллоуби и Ричард Ченслор. Они везли с собой грамоты от английского короля Эдуарда VI, адресованные «королям, государям и другим властителям, живущим в северо-восточной части мира на пути к могущественной империи Катай (Китай)». 10 мая 1553 г. флотилия Уиллоуби в составе трех судов отплыла из Дептфорда, зашла в Харич (Гарвич)[2], откуда пересекла Северное море и пошла вдоль берега Норвегии на север. Буря разбросала суда, и судно Уиллоуби погибло. Повидимому, оно не было потоплено бурей, а отнесено в высокие широты, где нашло землю, а позже «погибло от морозов» на Лапландском берегу. Во время шторма погибло и второе судно[3]. Оставшись один, Ченслор вернулся к побережью Норвегии, откуда вышел, «...взял курс к неизвестным странам и за-

[1] Это выражение Роберта Торна означает, что, по его мнению, юг и восток, то есть Африка, Южная и Восточная Азия, открыты королем Португалии, а Запад, то есть Америка,—королем Испании.—*Прим. ред.*

[2] Харич (Гарвич)—английский порт на Северном море к северу от устья Темзы, у 52° с. ш.—*Прим. ред.*

[3] Неизвестно, какую землю нашел Уиллоуби и была ли это земля, а не ледяное поле. Предположение, часто высказываемое английскими авторами, что, возможно, Уиллоуби достиг Новой Земли, ничем не может быть доказано. Суда, несомненно, не затонули во время бури, а отнесены

шел так далеко, что оказался в местах, где совсем не было ночи, но постоянно сиял яркий свет солнца над страшным и могучим морем. После пользования непрерывным солнечным светом в течение нескольких дней, богу угодно было привести их в большой залив, длиной в сто миль или больше»[1].

Навстречу судам вышли местные жители, и англичане узнали, что страна называлась Россией или Московией. Через некоторое время Ченслор проехал сухим путем от Белого моря до Москвы и вернулся с драгоценными сведениями о стране и ее обитателях, хотя надо сказать, что делу открытия Северо-восточного прохода Ченслор почти ничего не дал[2].

Более крупные открытия были сделаны Стивеном Барроу[3], который сопровождал Ченслора в его путешествии в 1553 г. в качестве штурмана, а на этот раз, 23 апреля 1556 г., отплыл из устья Темзы в самостоятельное путешествие. К концу мая он уже завидел мыс Нордкап, от которого взял курс вдоль побережья до устья Колы, где он встретил русских рыбаков—поморов, вместе с которыми

были к северо-восточному берегу полуострова Колы, к устью реки Варзины. Именно здесь русские промышленники зимой 1554 г. нашли два английских корабля с трупами замерзших людей. У одного из них, Габриэла Уиллоуби, родственника начальника экспедиции, нашли завещание, из которого видно, что бо́льшая часть экипажа была еще жива в январе того же 1554 года. Найден был также корабельный журнал, который вел сам Хью Уиллоуби. Материалы об экспедиции Уиллоуби см. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке» (перевод на русский язык II «Сборника Хаклюйта», «Важнейшие путешествия»), стр. 26—46.—*Прим. ред.*

[1] Цитата из отчета спутника Ченслора, *К. Адамса*, «Новое плавание и открытие царства Московии по Северо-восточному пути в 1553 г.» (см. «Английские путешественники», стр. 47—55). Ченслор попал в устье Северной Двины.—*Прим. ред.*

[2] Отчет Ричарда Ченслора под названием «Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и о товарах его страны» помещены в сборнике «Английские путешественники», стр. 55—66. Как известно, царь Иван IV Васильевич воспользовался экспедицией Ченслора для того, чтобы наладить непосредственную связь через Белое море с Западной Европой— сначала с англичанами, затем также и с голландцами.—*Прим. ред.*

[3] Материалы об экспедиции Барроу (Burrough, Stephen) см. в сборнике «Английские путешественники», стр. 97—125, где помещен отчет самого Барроу: «Плавание в направлении реки Оби и открытия, сделанные шкипером Стивеном Барроу... а также другие обстоятельства, достойные примечания, происходившие в 1556 г.» Этот отчет представляет особый интерес для советского читателя, так как из него видно, что Барроу не открыл на Северном Ледовитом океане ничего нового, что не было бы уже известно русским. Очень ценны прямые указания Барроу на высокие мореходные качества русских судов, на очень большое мореходное искусство русских поморов и на замечательные достижения русских, свободно плававших уже тогда у берегов Новой Земли и в Карском море. От русских же Барроу получил все ценные сведения о быте ненцев (самоедов). Успехи Барроу зависели от встреч с русскими в той же степени, в какой неудачи и гибель экспедиции Уиллоуби объяснялись тем, что он не встретил русских судов на море и русских людей на суше.—*Прим. ред.*

и продолжал путешествие на восток; 15 июля был пройден «опасный бар Печоры», откуда, после пятидневной якорной стоянки, суда продолжали плавание, пока в конце месяца не «стали на якорь среди островов Вайгач». Здесь они повстречали самоедов, о которых Барроу сообщает:

«У них нет домов, а только палатки из оленьих шкур, которые они подпирают кольями и шестами. Их лодки также сделаны из оленьих шкур; они переносят их к морскому берегу на своих плечах; для своих сухопутных перевозок они могут пользоваться только одними оленями. Что касается хлеба и зерна, то у них совсем их нет, за исключением того, что привозят к ним русские».

Туманы, штормы, лед делали судоходство все более трудным. 22 августа был сделан промер глубины, на основании которого заключили, что «близко была Новая Земля».

«Таким образом,—заканчивает свой рассказ Барроу,—потеряв всякую надежду сделать в этом году какие-либо новые открытия на востоке, мы сочли за лучшее повернуть назад вследствие трех причин: во-первых, вследствие постоянных северо-восточных и северных ветров... во-вторых, вследствие ужасающего обилия льдов... и в-третьих, потому, что ночи становились все темнее и стала приближаться зима с ее бурями».

11 сентября Барроу достиг Кольского полуострова и там перезимовал, «ожидая приближения следующего лета, чтобы продолжать намеченные открытия у Оби». Этот проект не был выполнен. Однакоже путешествие Барроу представляет особенный интерес не только потому, что в ходе его был достигнут новый рубеж в арктических морях[1], но и потому, что он выявил все те географические трудности, какие сопряжены с путешествиями в таких высоких северных широтах.

В 1568 г. Джемсу Бассендайну и другим было дано задание совершить исследовательское путешествие, «чтобы сыскать море и побережье от реки Печоры и на Восток». В данном Бассендайну предписании ему предлагалось преследовать, если это окажется возможным, на восток от реки Оби, если же Карское море окажется заливом, вернуться обратно на Новую Землю и там выяснить, какая связь существует между Новой Землей и землей, открытой в 1553 г. Уиллоуби[2]. Никаких письменных памятников об этом путешествии не сохранилось и неизвестно даже, было ли оно совершено.

В 1580 г. Артуру Пету и Чарлзу Джекмену было дано задание «исследовать и открыть морской проход отсюда через проливы

[1] Т. е. достигнут западно-европейцами: русские задолго до того перешли этот рубеж.—*Прим. ред.*

[2] О поручении, полученном Бассендайном, см. сборник «Английские путешественники», стр. 126—128.—*Прим. ред.*

Барроу и за остров Вайгач на восток к странам и владениям могущественного властителя богдыхана страны Катай, а в означенной стране—к городам Камбалу и Кинсай... или к одному из них». Они должны были произвести такого же рода исследования, что были поручены Бассендайну и его спутникам, и интересно отметить, что на этот раз составители инструкции более не считали дискуссионным вопрос о том, является ли Карское море заливом или нет.

Суда вышли из Харича 1 июня 1580 г. и спустя десять дней были уже в Норвегии; 22 июня они обогнули мыс Нордкап и после этого Пет и Джекмен продолжали путь раздельно. Пет достиг Новой Земли, проследовал на юг вдоль ее западного побережья и дошел до устья Печоры, где и обнаружил пролив между Вайгачем и материком[1]. У берегов Вайгача он повстречал судно Джекмена и вместе «они двинулись на север, чтобы выяснить, была ли какая-нибудь возможность проникнуть на восток; но чем дальше мы шли, тем мощнее и толще становились льды, пока они нас совсем не остановили». Посоветовавшись, Пет и Джекмен решили вернуться домой, и 16 августа были уже вновь на Вайгаче. Еще через шесть дней Пет увидел судно Джекмена в последний раз; 31 августа Пет обогнул мыс Нордкап и 26 сентября вошел в устье Темзы. В примечании к отчету Смита об этом путешествии говорится: «Корабль «Уильям» под командой Чарлза Джекмена пришел в одну из норвежских гаваней в октябре 1580 г. и там перезимовал, а в феврале следующего года вышел оттуда вместе с одним из кораблей датского короля в плавание, направляясь в Исландию. С тех пор о нем больше ничего не слыхали[2].

Пету и Джекмену не удалось полностью выполнить возложенного на них задания—отчасти потому, что им, как и Барроу, помешали природные условия. Все же их путешествие, как видно, не считалось неудачным, так как в скором времени в том же направлении были высланы другие экспедиции. Повидимому, около 1584 г. английские приказчики «Московской компании» достигли устья Оби, а также открыли пролив, рассекающий Новую Землю на две части[3].

---

1 Проливом Югорским Шаром до того пользовались русские поморы, «бежавшие парусом» в Карское море.—*Прим. ред.*

2 Материалы об экспедиции Пета и Джекмена см. в сборнике «Английские путешественники», стр. 129—164. Среди этих материалов имеются также «Письменные замечания» Ричарда Хаклюйта, письмо к нему знаменитого картографа Гергарда Меркатора, о которых ниже в тексте упоминает Бейкер. «Картография» Меркатора в XVII в. трижды переводилась на русский язык.—*Прим. ред.*

3 Предположение, высказанное автором будто англичане около 1584 г. «открыли пролив, рассекающий Новую Землю на две части» (т. е. Маточкин Шар),—ни на чем не основано. Задолго до 1584 г. русские знали о Маточкином Шаре и «иногда пользовались этим проливом, плавая в устье Оби» (Визе).—*Прим. ред.*

В то же время надо признаться, что на северо-востоке по-настоящему было сделано очень мало. Теоретические рассуждения таких выдающихся ученых, как Хаклюйт или Меркатор, или же карты, составленные Ортелием[1] (1570 г.) и тем же Меркатором (1587 г.), свидетельствуют об очень слабой осведомленности относительно северной окраины Азии. Как видно из захваченной Петом с собой в дорогу в 1580 г. карты Ортелия (рис. 12), последний считал, что от южного конца Новой Земли можно было плыть до самого Берингова пролива, держась одной и той же параллели. Хотя на карту Меркатора и нанесен некий полуостров, заходящий за 70° с. ш., все же нет сомнений в том, что контуры побережья нанесены только на основании догадок, что объясняется тем, что никто в Европе того времени не располагал ясными или хотя бы неясными представлениями об этих областях[2].

Путешествие Пета примечательно и тем, что вызвало значительный интерес в Европе. Уходя в свое последнее плавание, Баренц захватил с собой отчет о нем. Голландцы и русские быстро сообразили, какие выгоды могло принести открытие северного пути. Голландцы всячески стремились к эксплоатации экономических богатств Северной России. Уже в 1577 г. они установили регулярные торговые сношения с Белым морем, а еще до этого голландец Брюнель совершил путешествие из России через страну самоедов в Сибирь и там морем прошел вдоль побережья до реки Оби. В 1584 г. Брюнель участвовал в экспедиции к северу и сделал несколько неудачных попыток пробиться сквозь открытый Петом четырьмя годами ранее пролив к югу от острова Вайгач[3].

Крупнейшие по значению путешествия голландцев связаны с именем Виллема Баренца. Начал он свою карьеру с участия в экспедиции Яна Линскотена в 1594 г., целью которой было «проникнуть в северные моря, открыть царства Катайя и Хина, лежащие к северу от Норвегии и Московии и по соседству с Тата-

[1] Авраам Ортелий—известный фламандский картограф XVI в., составитель ряда атласов, широко распространившихся по Европе в XVI и XVII вв. Ортелий первый начал составлять и включать в свои атласы исторические карты и поэтому считается «отцом исторической картографии».—*Прим. ред.*

[2] На карте мира Меркатора 1595 г. далеко к северу за 70-ю параллель выступает часть северного берега Азии за устьем Енисея, что вполне соответствует действительности (полуостров Таймыр). Вряд ли такой контур побережья можно объяснить счастливыми догадками Меркатора. Вернее предположить, что в последней четверти XVI в. сведения о полуострове Таймыр через русских промышленников и мореходов и встречавшихся с ними английских и голландских купцов поступали в Западную Европу и что именно такими сведениями воспользовался Меркатор.—*Прим. ред.*

[3] Этот пролив (Югорский Шар) был, как указано в прим. 1-м на стр. 148, открыт русскими гораздо раньше, чем Пет прошел через него, вероятно, даже до XVI в.—*Прим. ред.*

рией»[1]. Экспедиция отплыла от Текселя в Голландии 6 июня, и месяцем позже «завидела Новую Землю». Баренц поплыл на север вдоль ее западного берега и в конце июля достиг крайней северной оконечности Новой Земли, а 31 июля открыл Оранские острова. Здесь, «убедившись в том, что ему вряд ли удастся пробиться дальше, чтобы достигнуть намеченной цели», и узнав о том, что команда не желала плыть дальше, Баренц решил плыть на остров Вайгач, чтобы подобрать там других участников экспедиции и узнать у них, какие открытия они сделали. Прибыв туда, он 15 августа соединился с другими судами и узнал от них, что они побывали в Карском море и, «как им казалось, где-то около реки Оби» и что они чуть-чуть не достигли северной оконечности Азии. Со своей стороны, Линскотен был уверен в том, что Баренц обогнул Новую Землю. Оба ошибались, и Линскотен проник, вероятно, в Карское море лишь на относительно небольшое расстояние; 16 сентября Баренц вернулся в Амстердам.

Сообщение Линскотена побудило Генеральные Штаты[2] снарядить в 1595 г. вторую экспедицию «не только для открытия прохода, но и для сбыта некоторых изделий и товаров». Экспедицию поддержал своим советом «ученый космограф» Питер Планций, обрисовавший ее членам «ситуацию побережий Татарии, Катайи и Хины». Флотилия в составе семи судов отплыла из Амстердама 18 июня. Главным штурманом ее был Баренц. Через некоторое время флотилия достигла острова Вайгач, вошла на короткое расстояние в Карское море, но лед и противные ветры помешали дальнейшему продвижению; поэтому в середине сентября экспедиция повернула обратно и 18 ноября прибыла в Голландию. Экспедиция закончилась полной неудачей и как географическое и как торговое предприятие.

После этого Генеральные Штаты потеряли дальнейший интерес к организации новых путешествий. Инициатива перешла к городу Амстердаму, который снарядил и выслал два судна, причем их главным штурманом был Виллем Баренц. Экспедиция отплыла из Амстердама 10 мая 1596 г. и, взяв более западный курс, чем было до сих пор принято, через месяц открыла Мед-

---

[1] В средние века полагали, что на востоке Азии находится не единое огромное государство, а два «королевства»: на севере—Катайя (по имени правившей в X—XII вв. династии Киданей), а на юге—Хина (происхождение названия не выяснено). Отсюда ведут начало различные названия страны, сохранившиеся и после того, как европейцы установили, что оба названия относятся к одной стране: в России удержалось название Китай, а в западной и Южной Европе—написанное латинскими буквами Sina или China—произносится на различных языках: Сина, Чина, Чайна, Шинэ, Хина, Кина и т. д.—*Прим. ред.*

[2] Генеральные Штаты—парламент «Соединенных Провинций Нидерландов».—*Прим. ред.*

вежий остров, а 19 июня вновь завидела землю и, как повествует участник, хронограф экспедиции Де-Вэр[1], «пошла вдоль нее, пока не достигла 79°30′ северной широты». Открытая на этот раз земля была частью Шпицбергена, но голландцы считали ее Гренландией. После плавания у берегов этой новой земли суда вернулись на Медвежий остров, где они разделились: Баренц на одном судне направился на юг, а другое судно пошло обратно на север. Баренц достиг Новой Земли 17 июля и пошел, как во время своего первого путешествия, вдоль ее западного берега. Через месяц он добрался до Оранских островов и начал исследование восточного берега, имея в виду обогнуть Новую Землю и направиться на Вайгач. Это оказалось невозможным, и тогда он решил вернуться обратно северным путем, но смог дойти только до Ледяной Гавани, где «нам пришлось,—пишет летописец Де-Вэр,—провести всю зиму в великом холоде, в нужде, в страданиях и в тоске; ветер был восточный-северо-восточный». Экспедиция неожиданно обнаружила 11 сентября, что «на морском берегу валялось несколько деревьев... эти деревья были занесены сюда из Татарии, или из Московии, или из какой-либо другой страны и выброшены на берег, потому что там, где мы были, не растет никаких деревьев. Эта счастливая случайность, как бы ниспосланная нам самой судьбой, сильно нас обрадовала. Деревья были полезны нам не только для постройки, но и как топливо, которым мы пользовались в течение всей той зимы; иначе, без сомнения, нам всем суждено было бы погибнуть из-за сильнейшего холода».

Питались участники экспедиции мясом убитых медведей, а позже—песцов. Живое описание этой первой зимовки в Арктике[2] не оставляет сомнений в том, что людям пришлось много перетерпеть. То страдая от холода, то задыхаясь от угара и дыма очагов, они томились бездельем, прерываемым лишь присматриванием за ловушками для песцов. В канун Крещения, 6 января, они устроили пирушку, во время которой пушкаря в шутку выбрали повелителем Новой Земли. Некоторым показалось

---

[1] Книга спутника Баренца, Геррита Де-Вэра (Де-Фера), вышла впервые в 1598 г. на голландском языке под заглавием «Правдивое описание трех морских путешествий на голландских и зеландских кораблях к северу от Норвегии, Московии и Татарии в королевства Китай и Хину» и в том же 1598 г. переведена была на латинский и французский языки, а затем—на некоторые другие европейские языки. Латинский перевод книги Геррита под заглавием «Diarium Nauticum» (Корабельный журнал) положен в основу русского перевода *А. Малеина*: Г. Де-Фер «Плавания Баренца», изд. Главсевморпути, 1936.—*Прим. ред.*

[2] Зимовка этой голландской экспедиции не может быть названа ни первой зимовкой в Арктике, ни, в частности, первой зимовкой на Новой Земле, так как там найдены несомненные следы более ранних русских зимовок.—*Прим. ред.*

24 января, что они видели солнце, Баренц не поверил им, и были «заключены различные пари». Маловеры проиграли. Третьего апреля «мы сделали клюшку для игры в гольф, так как желали упражнениями придать бо́льшую гибкость телу, к чему прилагали для этого все усилия, и 29 апреля упражнялись в этой игре,—а к началу мая команда начала требовать возвращения домой». К концу месяца была произведена основательная подготовка к возвращению, дом был частично разобран и лодки отремонтированы. Наконец 13 июня, «поручив себя воле и милосердию божию, при северо-западном ветре и достаточно открытом море, мы приготовились к отплытию». Совершить путешествие с Новой Земли в Голландию на двух открытых шлюпках с экипажем, физические силы которого были подорваны лишениями полярной зимы, было далеко не простым делом, и описание Де-Вэра изобилует упоминаниями о множестве трудностей и опасностей путешествия. Лодки были сильно «побиты и измяты давлением льда»; тысячу раз их могло выбросить на необитаемый берег, временами «в лицо им глядела смерть». Спустя неделю после отплытия шлюпок давно уже недомогавший Виллем Баренц умер, что, как сообщает Де-Вэр, «причинило нам немалое горе, ибо он был главный руководитель и незаменимый штурман, на которого мы полагались». В конце июля у южной оконечности Новой Земли голландцы повстречали русских и через них «нашли на острове Вайгач ложечную траву. Она была нам очень полезна, потому что многие из нас были очень больны, а большинство, и даже почти все, страдали цынгой и с трудом держались. Пользование этой травой так очевидно и быстро помогло нам, что мы удивлялись сами». 4 августа, когда на горизонте показался русский материк, они направились вдоль его побережья на запад, пока в конце месяца в Коле не повстречали капитана второго судна, с которым они разошлись годом раньше на Медвежьем острове. Он привез с собой весьма нужный запас продовольствия, включая бочку крепкого шведского пива, лососину и сахар. После дневного роздыха «обрадованные и окрепшие» голландцы смогли продолжать свое путешествие и 1 ноября 1597 г. прибыли в Амстердам.

В мае 1607 г. Генри Гудсон отправился из устья Темзы, «чтобы открыть проход в Японию и Китай через Северный полюс»... 13 июня он достиг какой-то не поддающейся определению точки побережья Гренландии. В течение девяти дней он плыл вдоль побережья на север и потом «лег на курс ССВ, надеясь выйти в открытое море и дойти до Ньюленда», то есть Шпицбергена. Он умышленно пошел вначале на запад, отчасти «из желания повидать ту часть Гренландии, в которой не бывал еще ни один христианин», а отчасти потому, что думал, что, идя этим курсом, «он может с одинаковым успехом наткнуться не только на землю,

но и на открытое море, и этим самым наше путешествие к полюсу окажется более осуществимым». Он достиг Шпицбергена 27 июня на 78° с. ш., а 13 июля зашел на север до 80°23′ с. ш. Еще двумя днями позже Гудсон видел берег Шпицбергена на большом протяжении и решил, что остров доходит до 81° с. ш.; но, обнаружив, что его судно затирают льды, он вынужден был вернуться. Гудсон тщетно пытался найти проход между Гренландией и Шпицбергеном, о чем он и говорит в следующих словах: «Я хотел сбойти Гренландию с севера, выйти к Дэвисову проливу и этим путем вернуться в Англию». Достигнув больших успехов в исследованиях, Гудсон вернулся 15 сентября в Тилбери. Ценной частью описания путешествия Гудсона является его сообщение о том, что северные воды изобилуют китами; это дало значительный толчок английскому китобойному промыслу.

В 1608 г. Гудсон вышел во второе путешествие, «чтобы найти Северо-восточный проход в Индию». Выйдя в конце апреля из устья Темзы, он обогнул в начале июня мыс Нордкап, а в конце месяца достиг Новой Земли. Он пытался найти проход между Новой Землей и Шпицбергеном, но «из-за большого обилия льда попытка оказалась бесплодной». Ввиду этого он изменил свой план и решил «итти мимо острова Вайгач к устью Оби и, обогнув его, выйти к северному мысу Татарии, а если это не удастся, то выяснить, почему». Эта попытка также оказалась бесплодной, и Гудсон вернулся в Лондон, убежденный в том, что через полюс в Америку пройти нельзя и что единственный мыслимый путь лежит в стороне, мимо острова Вайгач.

Несмотря на неудачи, путешествия в эти северные воды продолжались. В самом начале XVII в. датчане и англичане сделали кое-какие новые открытия на побережьях Гренландии; в 1609 г. Гудсон сделал новую попытку открыть путь в «Катай»[1], а в 1611 и 1612 гг. две систематические попытки пробиться через северный ледяной барьер сделали голландцы. Обе попытки кончились неудачно, но в результате их различные клочки воображаемых земель к востоку от Шпицбергена, усеивавшие карту того времени, исчезли, и стал лучше известен сам Шпицберген. Ознакомлению с ним способствовали и китобойные флотилии. Постоянные рейсы совершались судами лондонской «Московской компании», но не было недостатка и в случайных судах, совершавших контрабандные рейсы. Хотя они, строго говоря, и не делали географических открытий, все же благодаря им северные широты стали лучше известны. Несмотря на продолжающиеся неудачи и более близкое знакомство с Арктикой, попытки проникнуть к Северному полюсу продолжались, причем эти пред-

[1] См. далее в следующем разделе этой главы.—*Прим. автора.*

приятия встречали поддержку со стороны лучших географов Англии (см. главу XVII). Голландцы продолжали свои попытки до 1624 г., а затем прекратили поиски Северо-восточного прохода.

3. Северо-западный проход

Вслед за двумя описанными нами фазами поисков—пролива на восточном побережье Америки и Северо-восточного прохода—наступила следующая фаза, ознаменовавшаяся попытками найти Северо-западный проход. Тот, кто интересуется теоретическим обоснованием целесообразности такого рода попыток, может найти его в «Рассуждении рыцаря сэра Хемфри Гилберта в доказательство существования Северо-западного прохода в Катайю и Индию». Это рассуждение стóит прочесть не только потому, что интересны самые доказательства, которыми Гилберт (1539—1583 гг.) подкрепляет свой тезис, но и потому, что оно проливает свет на географические представления того времени. К рассуждению приложена карта, специально для этой цели изготовленная и представляющая особый интерес. Гилберт заявляет, что Америка—это то же самое, что Атлантида классической древности[1], и что поскольку она является островом, можно совершить плавание вокруг нее. По этой причине он считает, что на севере существует пролив, сходный с тем, который Магеллан открыл на юге.

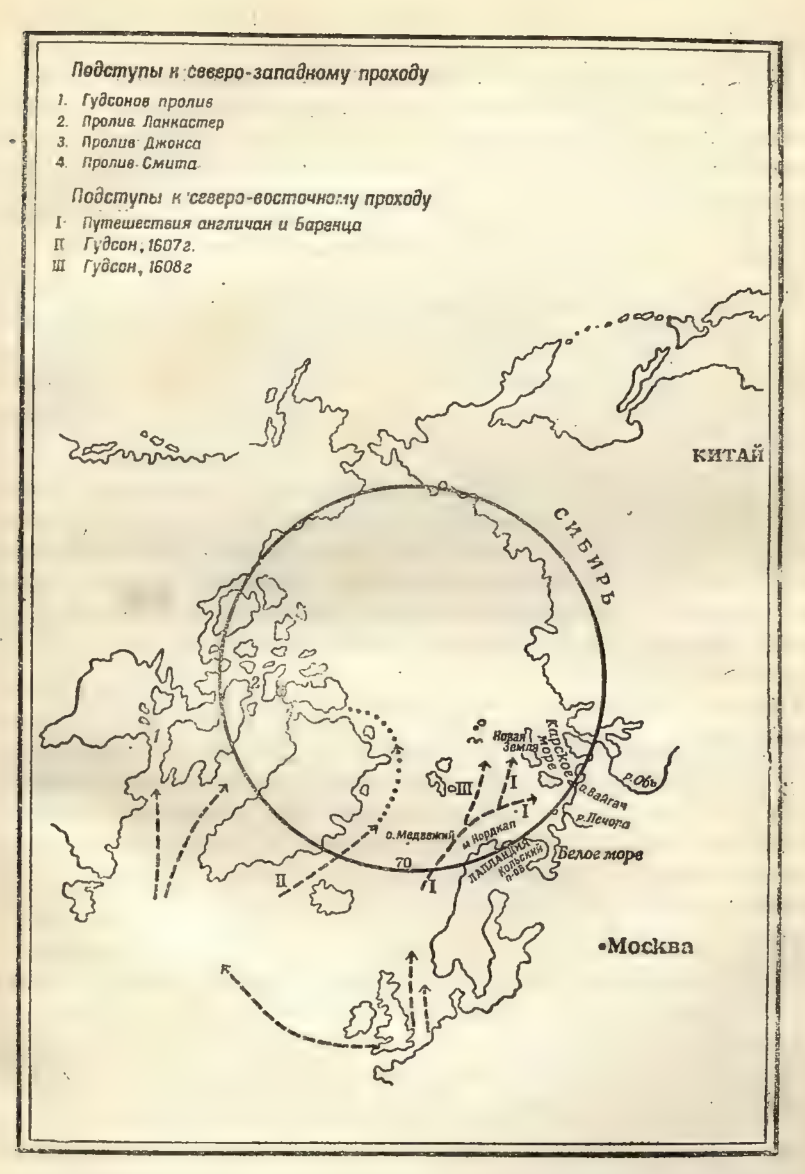
«Я считаю,—писал он,—что путь на северо-запад кругом Америки является наиболее подходящим для наших целей, и в этом убеждении меня поддерживают не только высказывания Платона, Аристотеля и других древних философов, но и лучшие современные географы».

В качестве последних подразумевались Гемма Фризский, Мюнстер, Апиан и Ортелий; известная карта мира последнего в особенности приводится в качестве доказательства. Раз существует проход, рассуждал далее Гилберт, то он неизбежно ведет в Китай, ибо само собой понятно, что если бы между Азией и Америкой существовал перешеек, то либо китайцы давно проложили бы путь в Америку, либо всегда живущие на краю голодной смерти татары вторглись бы туда. Далее Гилберт подкрепляет свою аргументацию изобретением замысловатой системы океанических течений:

«Течение это, как доказано, идет со стороны мыса Доброй Надежды к Магелланову проливу, но ввиду узости пролива не может

---

[1] Древнегреческий миф о затонувшем материке Атлантиде, пересказанный Платоном в двух его диалогах, принимался в течение нескольких веков за неопровержимую истину.—*Прим. ред.*



13. Подступы к Северо-восточному и к Северо-западному проходам.

проникнуть туда. Поэтому естественной силой оно отбрасывается к Лабрадору, где с ним повстречался Жак Картье, но оно, как известно, не разбивается об остров, а вновь появляется в Южном море (Тихом океане) с другой стороны Америки. Из этого вытекает, что течение (не имея другого выхода) должно было попасть в Тихий океан через Северо-западный проход, откуда оно, держа направление на Молуккские острова, Китай и мыс Доброй Надежды, возвращается к исходному пункту и так поддерживается в непрерывном круговращательном движении».

Гилберту настолько не терпелось убедить всех в своей правоте, что он поставил под сомнение даже самую возможность существования Северо-восточного прохода, несмотря на то, что этим он входил в противоречие с картой Ортелия, на которого сам только что ссылался. Он утверждал, что английским судам гораздо удобнее пользоваться Северо-западным проходом, чем Северо-восточным, который, как показал опыт, оказался весьма трудным, здесь же англичане смогут пользоваться новым путем монопольно.

На сторону Гилберта стал другой писатель по этим вопросам — Ричард Уиллс, смело заявивший, что все то, что кабинетные ученые географы изображали на картах и писали в книгах, имело мало значения. Следовало считаться только с мнением практиков-путешественников, а они не имели ни малейшего сомнения в существовании такого прохода.

Первым человеком, подвергшим эти теории практическому испытанию, был Мартин Фробишер. Вскоре после выхода в свет «Рассуждения» Гилберта, он отправился «на северо-запад в поисках прохода или пролива в Китай». Фробишер отплыл из устья Темзы 7 июня 1576 г. на двух судах: «Гавриил» и «Михаил». Он прошел мимо Шетландских островов 26 июня, а 11 июля «завидел землю Фрисланд» (то есть Гренландию), однакоже высадки на ней не производил, так как суша была покрыта льдом. Через короткое время судно «Михаил» дезертировало, Фробишер же продолжал свой путь на северо-запад на «Гаврииле». Обогнув с юга Фрисланд (то есть Гренландию) 20 июля, он увидел «высокую землю», названную им «полуостровом королевы Елизаветы» и являющуюся на самом деле маленьким островком к северу от острова Резолюшен. Определив 11 августа широту, на которой он находился, —63° с. ш., Фробишер вошел (как ему казалось) в долгожданный пролив «и прошел по нему около пятидесяти лиг... имея с обеих сторон материковые массивы; при этом земля, что лежала с правой руки по ходу на запад, была, как он понял, Азией, — и она в этом месте отделялась от Американского континента, лежавшего по его левую руку и как раз напротив Азии. Это место он назвал своим именем, подобно тому, как это сделал Магеллан на другом, юго-

западном конце мира, когда открыл проход в Южный [Тихий] океан».

Так гласит запись Джорджа Беста, получившего эти сведения непосредственно от самого Фробишера. Бест приложил к своему рассказу карту, ясно показывающую, чего, по его мнению, добился Фробишер. На этой карте пролив Фробишера прорезывает всю Северную Америку от «Меты Инкогниты»[1] на востоке до Анианского пролива[2] на западе, а от последнего короткий пролив ведет к Японии и к Молуккским островам. На самом деле Фробишер побывал всего лишь в небольшой губе у Баффиновой Земли, носящей ныне название залива Фробишера.

Судно Фробишера проследовало дальше в глубь залива, и там вскоре же англичане встретили людей.

«Похожи они на татар. У них длинные черные волосы, широкие лица и плоские носы. Одеваются они в тюленьи шкуры одинакового покроя у мужчин и у женщин; кожа у них коричневая, но женщины разрисовывают себе щеки и обводят глаза синими полосами. Лодки их также сделаны из тюленьих кож, а под кожей скрывается деревянный киль».

Позже пять человек с судна Фробишера сошли на берег и уже не вернулись оттуда. 26 августа Фробишер отплыл на родину, похитив и увезя с собой одного из эскимосов. 2 октября он прибыл обратно в Харич.

Фробишеру удалось вновь открыть Гренландию и найти новую землю, названную впоследствии «Мета Инкогнита», и ему казалось, что он нашел новый путь в Китай. Гораздо более важным, с точки зрения его будущей карьеры, оказалось открытие им «куска черного камня, цветом очень напоминающего уголь, и такого тяжелого, что это должен был быть какой-нибудь металл или минерал». Исследование показало, что в нем содержалось немного золота. Последствием этого, по словам Беста, было то,

---

[1] Meta incognita (латинск.—неизвестная цель)—условное секретное название, данное королевой Елизаветой земле, открытой Фробишером, которую считали «преддверием» Азии.—*Прим. ред.*

[2] Stretto di Anian (Анианский пролив)—широкий проход между северовосточной Азией и северо-западной Америкой, который показывался задолго до действительного открытия Дежневым Берингова пролива на севере, так же как на юге—проход между Америкой и южным материком показывался еще до плавания Магеллана. Нанесение на карты этих проливов (разумеется, с фантастическими очертаниями их берегов и не на тех широтах, где они действительно находятся) связано с идеей единого мирового океана, обтекающего сушу,—идеей, высказывавшейся некоторыми античными географами и разделявшейся рядом географов XV—XVI вв. О вероятном происхождении самого названия, впервые появившегося на итальянских картах середины XVI в., см. труд академика *Л. С. Берга*, «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга», АН СССР, 1946, стр. 12—24.—*Прим. ред.*

что «надежда найти эту самую золотую руду воспламенила во многих сердцах желание организовать новую экспедицию. Была произведена подготовка к тому, чтобы суда могли выйти в плавание в следующем году, и капитану были даны ясные указания со стороны комиссии, чтобы он больше занимался поисками золотой руды, чем прохода».

Уже по одной этой причине от второго путешествия 1577 г. нельзя было ждать больших географических результатов. Суда вышли из Темзы 26 мая, идя Северным морем, зашли на Оркнейские острова и в начале июля завидели Гренландию.

«Эта Фрисландия,—пишет Бест,—является высокой и неровной страной. Подступающие к берегу горы почти целиком покрыты снегом, а берега—пловучим льдом. На вид она совершенно недоступна. По величине этот остров, как видно, не меньше Англии».

В отчете Сетла, оставившего одно из описаний этого путешествия, звучит нота разочарования.

«Здесь [во Фрисландии],—пишет он,—вместо ароматных и пахучих смол и камедей и приятного музыкального пения птиц, которое можно слышать в других странах с более умеренным климатом, на нашу долю выпали в июне и в июле северные бури со снегом и градом, не уступавшие в свирепости нашей лютой зиме».

Сетл оставил также хорошее описание народа эскимосов, живших по соседству с «проливом» Фробишера. Мнение его по поводу обитателей было не более высоким, чем по поводу их страны. Вот что он писал:

«Насколько гола и бесплодна страна, настолько грубы ее жители, неспособные сколько-нибудь целесообразно ее обработать. Они довольствуются тем, что охотятся, ловят рыбу и бьют птицу; единственная их мечта—это набить себе брюхо сырым мясом и теплой кровью».

Экспедиция произвела небольшие исследования по соседству с заливом, но бо́льшая часть времени была потрачена на собирание руды, около двухсот тонн которой было погружено на борт. Суда отплыли 23 августа. Буря разлучила их. Одно судно пришло в Бристоль, где «драгоценный» груз был принят и перевезен в замок[1]; отдельно прибыло и другое судно.

Третье путешествие Фробишера, совершенное в 1578 г., представляет особый интерес ввиду той большой подготовки, какая была произведена для устройства поселка в «Мета Инкогнита».

---

[1] Привезенная руда не представляла никакой ценности; но это стало известно несколько позднее.—*Прим. ред.*

«Было совершенно точно высчитано, что уже открытые продукты горной промышленности не только полностью покроют все расходы по предприятию, но и открывают большие перспективы на будущее; и в связи с этим было решено для лучшей охраны уже открытых районов, для дальнейшего исследования внутренних районов и скрытых тайн страны, а также для поисков прохода в Катайю (каковая надежда все время растет),—выделить для целей заселения этих мест известное число лучших солдат и благоразумных людей».

Колония должна была состоять из сорока матросов, тридцати горняков и тридцати солдат. В это путешествие в конце мая из Харича вышло пятнадцать судов.

Флотилия прошла Ла-Манш и у северо-западного побережья Ирландии повстречала течение, которое, «как нам показалось,—говорит Бест,—«продолжалось дальше по направлению к Норвегии и другим северо-восточным областям мира; это наталкивает нас на мысль о том, что это и есть то самое течение, что португальцы встречают у мыса Доброй Надежды, откуда оно перебрасывается к Магелланову проливу и, не будучи в состоянии проникнуть через него из-за его узости, идет вдоль побережья до великого Мексиканского залива, где, вновь упираясь в массив суши, вынуждено опять повернуть на северо-восток; в этом мы воочию убедились не только здесь, но и в другом, более северном месте».

Интересно сравнить это описание течений в Атлантическом океане с более ранними измышлениями Гилберта.

20 июня суда завидели Гренландию и, оставив ее позади, «назвали высокий утес в Западной Англии[1]—последний, исчезнувший из поля нашего зрения,—Чаринг-Кроссом, ввиду его сходства с ним»[2].

В начале июля суда достигли «пролива» Фробишера, но нашли его замерзшим. Барка, везшая в разобранном виде дом для колонистов, затонула, и вся флотилия еле-еле избежала гибели в бурю, так что ей пришлось вернуться в открытое море. Флотилия сделала вторичную попытку войти в «пролив», но ей помешал туман невиданной ранее густоты, в котором «они были увлечены течением, более быстрым, чем когда-либо ранее... поистине было удивительно слышать и видеть шум и напор, которые производил прибой в этом месте, и сила его так поразительна, что суда наши иногда поворачивало кругом, как в водовороте».

---

[1] Такого было новое наименование, данное англичанами Западной Фрисландии.—*Прим. автора.*

[2] Charing Cross, т. е. Черный (цвета древесного угля) крест. *Прим. ред.*

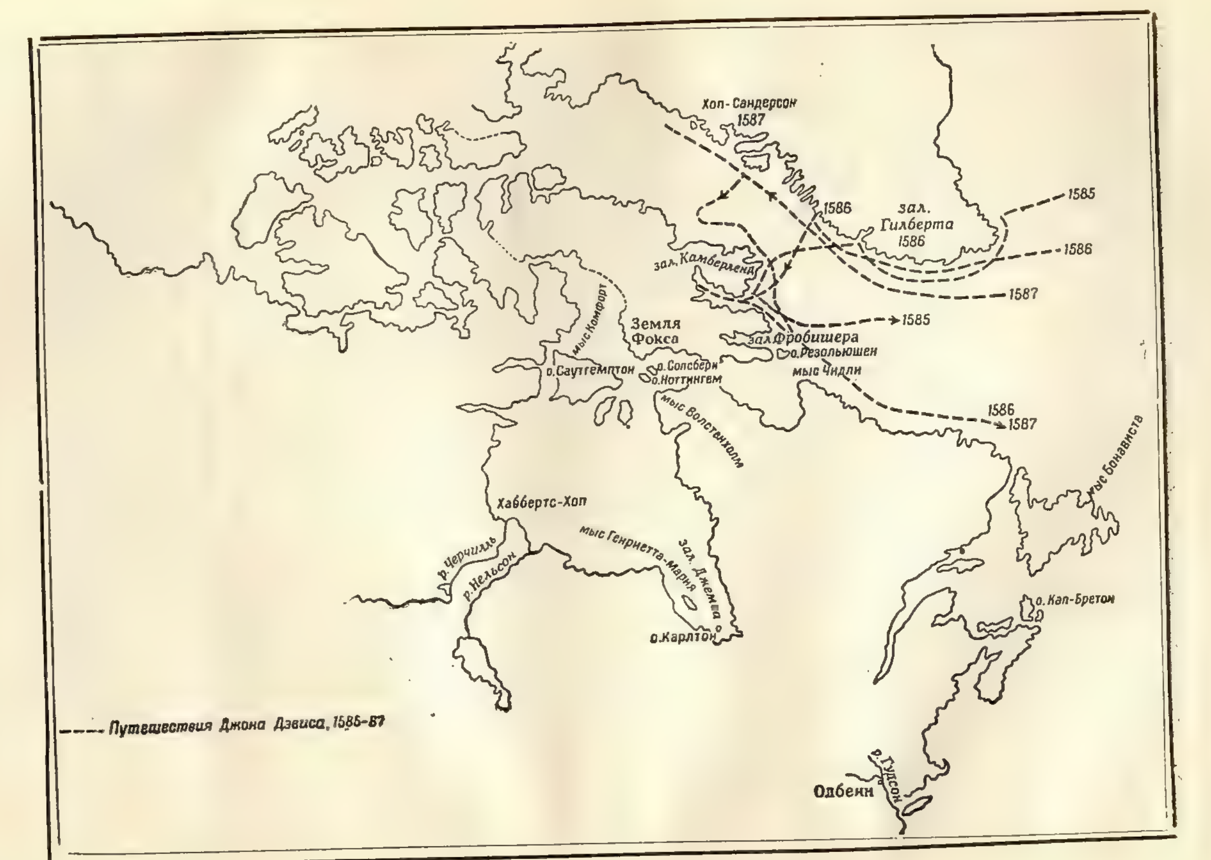
Дело идет, повидимому, о случайном открытии того пролива, который впоследствии получил название Гудсонова. Позже Фробишер заявил, что если бы не связывавший его наказ и командование флотилией, он «и хотел и мог пробиться в Южное море». Бест объяснял силу течения тем, что оно, зайдя на северо-восток, «отталкивалось от берегов Гренландии в обратном направлении к проливу Фробишера». Вокруг этого нового прохода возникла большая путаница, и некоторые считали, что он соединялся с ранее открытым действительным «проливом» Фробишера. В конце концов, суда вышли к месту своего назначения, взяли на борт груз руды и вернулись в Англию, так и не оставив в Америке колонистов. Шторм разбросал флотилию, и одно из судов позже претендовало на то, что на обратном пути оно сделало новое открытие «неизвестного прохода, усеянного скалами», несоединяющегося, по их мнению, с «проливом» Фробишера. Несмотря на утверждение Беста о том, что это путешествие двинуло вперед дело открытия Северо-западного прохода, на самом деле оно было неудачным. Привезенный груз оказался слишком малоценным, чтобы оправдать издержки предприятия; в «проливе» Фробишера продвинуться далее не удалось; немногие имевшие крупное значение открытия носили случайный характер и не подверглись достаточному изучению. Путешествие интересно еще в одном отношении. С экспедицией ехал протестантский священник Уолфолл. Он получал «солидный доход от своей паствы на родине», и единственной его целью «было спасти души, а если удастся—обратить живущих в новооткрытых краях неверных в христианство». Несмотря на его готовность «прожить, если понадобится, в этих краях целый год», ему не пришлось обслуживать в духовном отношении никого, кроме его спутников-англичан; но он все же прославился тем, что произнес две «божественные проповеди» в совершенно необитаемой местности, окружающей «пролив» Фробишера.

Фробишер пострадал потому, что он был пионером. Его преемником можно, в общем, считать Джона Дэвиса, продолжавшего поиски прохода в море, отделяющем Гренландию от Северо-Американского архипелага. Финансировали его лондонские купцы во главе с Вильямом Сандерсоном, и он отправился исключительно на поиски Северо-западного прохода без каких-либо особых нагрузок, вроде партии переселенцев или поручения найти золото. Суда отплыли из Дартмута[1] 7 июня 1585 г. и 20 июля открыли землю «наиболее уродливую, утесистую и гористую изо всех когда-либо виденных», названную Дэвисом Землей Запустения (Дизолейшен-Ленд). Это была южная око-

[1] Dartmouth—порт на Английском канале (Ла-Манше), на южном побережье полуострова Корнуолл (Юго-Западная Англия).—*Прим. ред.*

нечность Гренландии, вдоль которой они продолжали путь, держась более или менее вблизи побережья, пока вновь у 64°15′ с. ш. не повернули к самой земле и не вошли в залив, тогда названный заливом Гилберта, где теперь стоит город Годтхоб. Отсюда они повернули на северо-запад и, переплыв Дэвисов пролив, «открыли у 66°40′ с. ш. землю, совершенно свободную от этой язвы—льда». Некоторые названия, данные ими береговым выступам суши, сохранились на картах по сие время, как, например, крайние точки залива Эксетер—мыс Дайер и мыс Уолсингем. Отсюда они поплыли на юг, к мысу Божьего Милосердия, по северной стороне залива Камберленд, который показался им «очень удобным входом или проходом, совершенно свободным от мешающего судоходству льда, и вода в нем была такого же цвета, состава и качества, как в открытом океане, что сильно подняло нашу надежду на то, что нам удастся найти проход». По словам автора описания этого путешествия—Джона Джейнса,—«Наши капитан и штурман все еще ломают себе голову по поводу прохода». На основании целого ряда данных они пришли к заключению, что такого рода прохода не существует, но из-за плохой погоды не смогли как следует это выяснить. Поэтому Дэвис пустился в обратный путь и в конце сентября прибыл в Дартмут. На первый взгляд результаты путешествия могут показаться малозначительными. Дэвис неправильно считал «Землю Запустения» новым открытием; он, повидимому, не понял, что оно не стояло ни в какой связи с его последующими открытиями вокруг Камберлендского залива; и он ошибался, надеясь на то, что этот последний может оказаться Северо-западным проходом. В самом существовании прохода он не сомневался, так как писал министру королевы Уолсингему: «Северо-западный проход—вещь несомненная, и через него можно пройти в любое время; море в нем судоходно, свободно ото льда, атмосферные условия сносны, а воды глубокие». Его реальными достижениями были кое-какие прибавления к открытиям Фробишера в Гренландии и нанесение на карту новой части Канадского архипелага.

Второе свое путешествие «для открытия Северо-западного прохода» Дэвис совершил в 1586 г. 7 мая он отплыл из Дартмута и в середине июня завидел Гренландию, «до того заваленную льдом и снегом, что о высадке не могло быть и речи». Указываемые Дэвисом местоположения отдельных точек не очень точны, так что нет возможности указать, когда он вновь завидел землю, но можно думать, что это было уже в районе залива Гилберта. Здесь он пробыл до 11 июля, изучая фиорды побережья и делая экскурсии внутрь страны. Здесь, «в десяти милях за снежными горами», экипаж нашел «отличную ровную местность с почвой и травой, как на английских торфяниковых пустошах». В другой раз они «поплыли по огромной могучей реке прямо в середину



14. Северо-западный проход—первая стадия.

континента, но обнаружили, что это был вовсе не континент, а огромные бесплодные необитаемые острова с громадными заливами и проливами, соединяющими одно море с другим». Взяв с собой проводника-туземца, они продолжали свое путешествие на север и к началу августа, несмотря на те трудности, что им создавали туманы и льды, достигли 66°33′ с. ш., где и нашли хорошую гавань. «В этом месте,—пишет хронограф экспедиции,—оказалось очень жарко, и нас сильно мучили мушки, называемые москитами, которые немилосердно кусаются». Поплыв отсюда на юг, они достигли залива Камберленд, где «у них снова возгорелась надежда» на то, что им удастся пройти насквозь в другой океан; в этом их сильно поддерживало открытие, что вся земля состояла из островов. Продолжая свой путь на юг, они, повидимому, прошли мимо выхода в Гудсонов пролив и открыли новый залив у Лабрадора, возможно тот самый, что ныне носит название фиорда Гамилтона: «...здесь они преисполнились надежды на то, что они нашли проход, ибо он выглядел как огромный морской канал, сжатый с двух сторон землей и ведущий прямо на запад. Южная земля, как нам казалось, целиком состояла из островов; и нам очень хотелось итти по этому морю, но нам помешал дувший прямо в лоб ветер». Не сделав никаких дальнейших открытий, суда пустились в обратный путь в Англию, куда и прибыли в начале октября.

В ходе этого своего путешествия Дэвис разделил свою флотилию на две части, отрядив два судна «на поиски прохода на север между Гренландией и Исландией до 80° с. ш., если таковой имеется». Суда разошлись 7 июня, и уже через два дня эта отряженная на восток группа наткнулась на лед. 12 июня суда благополучно вошли в одну из исландских бухт, где и пробыли четыре дня. 26 июня они вновь отплыли и, взяв курс на северо-запад, завидели Гренландию, вдоль побережья которой и пошли, пока не достигли Дэвисовой «Земли Запустения»; отсюда проследовали далее к заливу Гилберта. Здесь они встретили туземцев и до такой степени подружились с ними, что, по словам написавшего отчет об этом путешествии Моргана, экипаж несколько раз спускался на берег, чтобы поиграть с ними в футбол. Повидимому, англичане играли довольно грубо, так как, по словам Моргана, «как только туземцы приближались к мячу, чтобы ударить по нему, наши люди сбивали их с ног». Эти суда вернулись в устье Темзы в октябре 1586 г. Морган рассказывает кое-что интересное об Исландии, где он повстречал приехавшего туда по торговым делам купца из Ипсвича. По его словам, «если бы мы почаще направлялись туда на рыбный промысел, поездки оправдали бы себя с лихвой».

Сам Дэвис стремился привлечь внимание к обилию рыбы вдоль северо-восточного побережья Америки и вернулся в Англию

с ценным грузом тюленьих шкур. Поэтому, с чисто экономической точки зрения, путешествие следует считать и значительным и удачным. У самого же Дэвиса, однако, оно еще более укрепило убеждение в существовании Северо-западного прохода.

«Теперь я,—писал он купцу Сандерсону,—знаю по опыту значительную часть северо-западного угла мира. Вопрос о проходе теперь стоит так, что поиски его сводятся к четырем вариантам[1], либо его вообще не существует. Уверяю вас и ручаюсь за это жизнью, что я могу совершить такого рода путешествие без каких-либо дополнительных издержек и даже, наоборот, с известной прибылью, если только вы окажете мне поддержку в этом предприятии».

19 мая 1587 г. Дэвис пустился в свое третье путешествие и к 30 июня заплыл так далеко на север вдоль побережья Гренландии, что достиг 72°12′ с. ш. Автор описания этого путешествия Дэвиса Джон Джейнс пишет:

«Пройдя вдоль побережья, названного нами Лондонским... видя повсюду открытое море на севере и на западе и имея землю по правому борту или с восточной стороны, мы обнаружили, что ветер вдруг изменился на северный, что принудило нас оставить это побережье, дав ему название «Хоп-Сандерсон», и повернуть на запад».

Все попытки пробиться на север оказались безуспешными из-за льда, и поэтому суда повернули на юг. К концу июля они достигли залива, названного ими «Ламли», но который на самом деле, повидимому, был «проливом» Фробишера. В последний день месяца «мы опять попали при свежем ветре в один из этих водоворотов» и, как прибавляет Джейнс, «сегодня (31 июля 1587 г.) весь день и ночь мы шли громадным заливом, где вода кружилась и ревела, как будто бы здесь столкнулись два прилива (двух океанов)». Это был, повидимому, вход в Гудсонов пролив, ибо на следующий день они окрестили «южную оконечность залива» мысом Чидли[2]. Открыв вблизи северо-восточного Лабрадора острова Дарси и проследовав вдоль побережья «почти до 52° с. ш.», Дэвис отправился в обратный путь и 15 сентября прибыл в Дартмут.

Дэвис проник на север дальше, чем какой-либо другой исследователь Северо-Запада и действительно указал, где должен

[1] Под четырьмя вариантами путей Дэвис, повидимому, имел в виду пролив Дэвиса, залив Камберленд, залив Фробишера и Гудсонов пролив. По первому и последнему из них проход из Атлантического океана в Тихий действительно есть.—*Прим. ред.*

[2] Chidley—иначе Chudleigh—мыс у северо-восточного выступа полуострова Лабрадор, у входа в Гудсонов пролив.—*Прим. ред.*

находиться настоящий Северо-западный проход, хотя сам не обнаружил его. Он намного увеличил объем географических знаний о Гренландии. Уже в Англии он писал своему покровителю: «Я дошел до 73° параллели и обнаружил, что море там все открытое и что между одной землей и другой расстояние пятьдесят лиг. Проход весьма вероятен, дело это нетрудное, и я вам все расскажу, когда увидимся». Дэвис был хороший моряк и толковый исследователь, и ему принадлежит большая заслуга в исследовании Северо-Запада. Он участвовал в пересмотре карты мира, и его рука видна на новом глобусе Молинэ и в «Новой Карте», появившейся в конце XVI в. Он написал также книгу по вопросу о Северо-западном проходе «Гидрографическое описание мира» и полезный учебник штурманского дела под названием «Тайны мореходства».

Следующее крупное путешествие в поисках Северо-западного прохода было предпринято в 1609 г. Генри Гудсоном, к этому времени уже перешедшим на службу к голландцам. Отплыв из Амстердама, он направился в сторону Норвегии и на параллели 71°46′ с. ш. достиг какого-то пункта на ее побережье к северо-востоку от мыса Нордкапа. Дальше на восток Гудсону проникнуть не удалось из-за штилей и противных ветров, и поэтому он поплыл мимо Лофотенских и Фарерских островов, через Атлантический океан, навстречу шедшему ему с юго-запада течению. В конце перехода 3 июля у берегов Новой Шотландии он встретился с французской рыбачьей флотилией. Гудсон также занялся рыбным промыслом и выловил большое количество трески. Вскоре после этого на горизонте показалась земля, а у 44°1′ с. ш. была открыта большая река. Гудсон провел некоторое время в районе этой земли, продвигаясь постепенно на юг мимо мыса Код и вдоль побережья до 35°41′, другими словами—до современного штата Южной Каролины. На обратном пути Гудсон исследовал Чезапикский залив, а также произвел кое-какой осмотр части побережья между ним и рекой Гудсон, которой и достиг в начале августа. Гудсон поднялся вверх по реке, достигнув, вероятно, того места, где теперь находится Олбени[1], а шлюпка с судна поднялась даже выше этого места. Оттуда судно спустилось вниз по реке и отправилось обратно в Англию, прибыв в Дартмут в начале ноября. Так же как и множество других исследователей восточного побережья Америки до него, Гудсон помог нанести на карту несколько важных подробностей, но не смог найти прохода через Американский континент в Южное море.

Все еще надеясь открыть Северо-западный проход, 17 апреля 1610 г. Гудсон отправился в свое четвертое и последнее путешествие. Он пересек Северное море и, дойдя на севере до широты

[1] То есть немного не доходя устья реки Мохаук.—*Прим. ред.*

Исландии, в начале июня прибыл в Гренландию, а еще через несколько дней, по его словам, был уже у «пролива» Фробишера. В этом случае Гудсон ошибался и был введен в заблуждение путаницей, существовавшей в картографии того времени. На некоторых картах проливом Фробишера назывался пролив, отделяющий Гренландию от «Земли Запустения»; а на самом деле Гудсон был просто в одной из извилин побережья юго-восточной Гренландии, ибо еще через шесть дней он сообщает, что завидел замлю, названную Джоном Дэвисом «Землей Запустения». Отсюда он отплыл на северо-запад, войдя таким образом в пролив, ныне носящий его имя.

Гудсон не был ни первым человеком, проникшим в этот пролив, ни даже первым, открывшим его. Сохранились материалы, свидетельствующие о том, что португальцы кое-что знали о существовании Гудсонова пролива уже во второй половине XVI в.; и Фробишер и Дэвис—оба открыли его, а Джордж Уэймут прошел на некоторое расстояние по нему в 1602 г. К тому времени судовой журнал Уэймута уже попал в руки упоминавшегося нами голландского географа Гуго Планция, который живейшим образом интересовался путешествиями на Север. Есть предположение, что он мог показать эти документы Гудсону, и в этом случае Гудсон попросту следовал указанию Уэймута о том, что «новый залив с гораздо большей степенью вероятности, чем пролив Дэвиса, является Северо-западным проходом».

3 августа Гудсон записал в своем «Дневнике»: «После того как наши люди побывали на берегу и записали свои наблюдения, мы поплыли по узкому проходу. Течение действительно шло с сѐвера, и глубина у берега была 30 футов. Мыс у выхода из пролива с южной стороны я назвал мысом Волстенхолм».

В таких выражениях Гудсон пишет о том, как он вошел в залив своего имени, но на этом его «Дневник» обрывается. Сохранилось еще «Рассуждение» Абакука Приккетта об этом путешествии, но из него нельзя почерпнуть многого о дальнейших открытиях Гудсона. Он прошел по восточной стороне залива до его южного конца и там перезимовал. Экипаж испытал тяжелые лишения и, в конце концов, взбунтовался. Гудсона и еще несколько человек высадили в маленькой шлюпке с корабля, и о дальнейшей судьбе этих несчастных мы ничего не знаем. Бунтовщики совершили полное превратностей путешествие на родину, спасшись, в конечном счете, лишь благодаря искусству Роберта Байлота. Последний привез с собой карту открытий Гудсона[1]. Позже ею пользовался Фокс, но до нас она не дошла.

---

[1] Байлот и некоторые из матросов сообщили о бунте и расправе с Гудсоном. Экспедиция, посланная на розыски Гудсона и его спутников, была безрезультатна.—*Прим. ред.*

Путешествие Гудсона было предпринято, чтобы найти северо-западный проход, и в результате создалось всеобщее впечатление, что он нашел проход. Эта уверенность была настолько прочной, что несколько именитых лиц организовало товарищество на паях —«Компанию лондонских купцов, отыскавших Северо-западный проход», получившую в 1612 г. королевскую хартию весьма любопытного содержания. В ней говорится, что найден проход, по которому купцы «надеются и намереваются развить торговлю с великими государствами Татарии, Китая и Японии, Соломоновых островов, Чили, Филиппин и других стран» в Южном море. Отчасти с целью осуществления планов этой компании, а отчасти на поиски Гудсона в 1612 г. вышла специальная экспедиция во главе с Томасом Баттоном. Инструкции ему давал принц Генри, который объявил ему, что поскольку путь к заливу уже найден, он не должен тратить времени на его исследование. Ему было сказано, что, прибыв в залив, он должен держать все время курс на запад.

«Мы хотим, чтобы вы вышли в противоположный океан,— писал Генри,—на широте примерно 58°, где, держась вблизи какого-либо мыса, вы должны внимательно изучить течение. Если оно идет с юго-запада, то вы можете быть уверены, что вы на правильном пути, и следовать ему; если с севера или северо-запада,—плыть против него».

В апреле 1612 г. Баттон отплыл с двумя судами, прошел через Гудсонов пролив, открыл мыс на острове Котс (Coats) и в конце концов достиг западной стороны залива в пункте, весьма показательно названном «Хопс-Чек» (Удар по надеждам). Отсюда он направился на юг к устью реки, названному им Порт-Нельсон, каковое название сохранилось до сих пор. Здесь он остался зимовать. За зиму умерло много людей, и Баттону пришлось бросить свое судно. Посоветовавшись со своими людьми, он, как только оказался в состоянии, вновь отплыл к северу в поисках прохода. Достиг он 65° с. ш. в заливе Роз-Уэлкам, но, не найдя прохода и там, вернулся ко входу в Гудсонов пролив с целью произвести наблюдения над приливами или течениями, замеченными участниками экспедиции Гудсона во время их обратного плавания. Там он пришел к заключению, что те, кто впервые прошел этим путем, и он сам в прошлом году, заблуждались и что истинный проход лежит к северу от острова Саутгемптон. И Баттону не удалось добиться цели, но он сделал ряд тщательных наблюдений, и его заслугой является открытие очень большой части западного берега Гудсонова залива.

Его сообщение повело к немедленной посылке в 1614 г. экспедиции капитана Гиббонса, но ветры «занесли его в залив, который отправившая его компания назвала «Гиббонсовой Дырой»,

на берегу Лабрадора (на 58°30′ с. ш.), и все путешествие его кончилось провалом. Четвертое путешествие, организованное «Компанией лондонских купцов, отыскавших Северо-западный проход», было интересным в том отношении, что при командире Байлоте штурманом тогда был приглашен Вильям Баффин, оставивший описание этого путешествия. Как и Байлот, Баффин не был новичком в северных водах. Он уже до того проделал три путешествия в Арктику: в 1612 г.—в Гренландию, а в два последующих года—на Шпицберген.

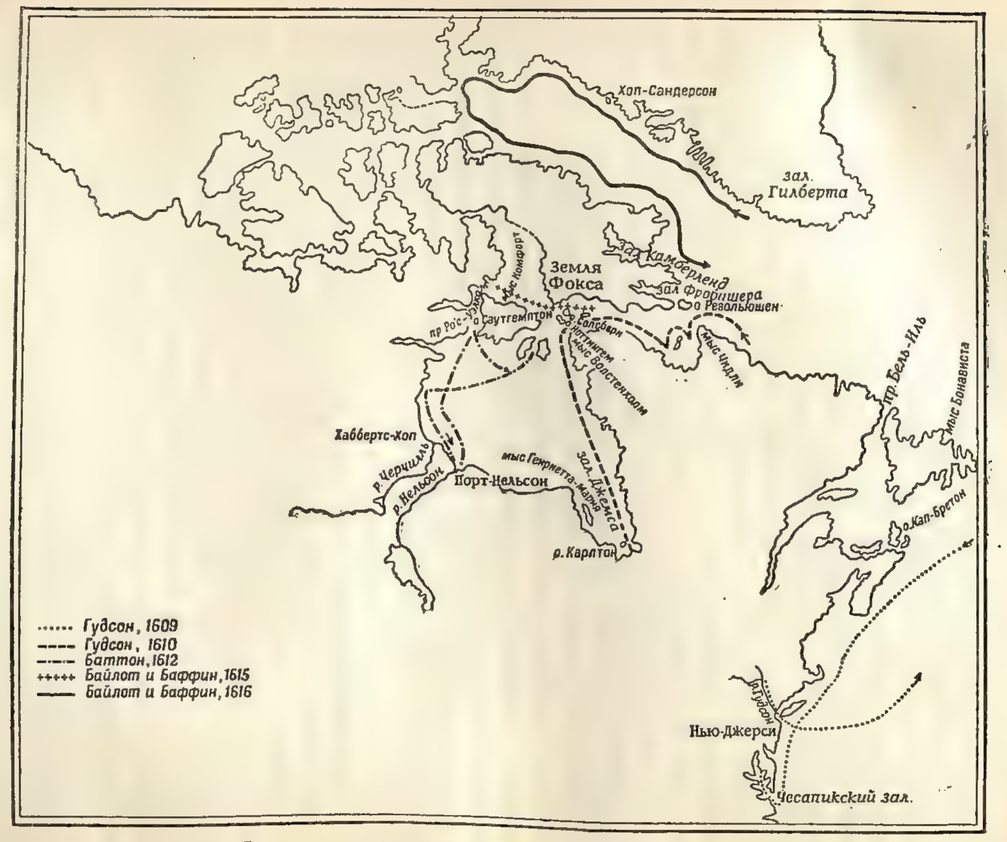
Байлот вышел из устья Темзы 16 апреля 1615 г. и 27 мая завидел остров Резолюшен. Еще через три дня он вошел в Гудсонов пролив, западного конца которого достиг в конце июня, когда он завидел остров Солсбери. После этого Байлот приступил к исследованию прохода к северу от острова Саутгемптон, а 13 июля назвал встретившийся ему мыс «Утешением» (Comfort) ввиду того, что он надеялся вскоре же найти проход. Однако же, как пишет Баффин,

«Наши внезапные надежды были так же быстро разбиты, потому что на следующее утро, обогнув мыс и будучи уверены (наблюдая течение), что нас отнесет на север, мы попали в штиль и нас, наоборот, понесло в противоположном направлении. В тот день, с поднявшимся сильным ветром, мы сделали не более 10—12 лиг и увидели, что от мыса земля поворачивает на запад, а потом на северо-восток и восток и что вся она покрыта толстым слоем льда и снега. И чем дальше мы шли, тем больше было льду и мелей и почти не было никакого течения. Увидя все это, наш капитан вскоре решил, что в этом месте прохода быть не может, и поэтому мы тогда же повернули и повели суда обратно на юг».

Таким образом, до того как повернуть обратно, Байлот достиг пролива Фрозен. Остаток месяца он провел у западного выхода из пролива и после этого повернул обратно в Англию, куда и прибыл в начале сентября. Интересны выводы Баффина по поводу всего этого:

«Нет сомнения,—пишет он,—что проход все же существует, но я не уверен, что он идет по проливу, называемому Гудсоновым, и склонен думать, что нет. Но взять на себя смелость сказать: да или нет, не берусь».

Купеческая компания очень считалась с мнением Баффина и в соответствии с этим прекратила поиски прохода через Гудсонов пролив и вместо этого стала искать его по ранее указанному Дэвисом варианту, проходившему через открытый им пролив. С этой целью и была организована экспедиция 1616 г., начальником которой был назначен Байлот, а штурманом



15. Северо-западный проход—вторая стадия.

и историком—вновь Баффин. Хотя руководителем экспедиции был Байлот, все достижения приписываются Баффину.

Экспедиция отплыла 26 мая 1616 г. и к концу июня достигла пункта Хоп-Сандерсон. Отсюда Байлот пошел, держа курс на север и все время давая новые географические названия береговым выступам западной Гренландии. 3 июля экспедиция достигла полуострова Хейс, который Байлот назвал мысом Дигс, и пролива, названного им Волстенхолм—в честь двух именитых покровителей путешествий на Север. Дойдя до входа в пролив Смита, Байлот обнаружил, что далее продвинуться он не может; последующие его открытия были сделаны по западной стороне этого залива. 11 июля был открыт пролив Джонса, а 12—Ланкастерский пролив, но, как пишет в этом месте Баффин, «Здесь наши надежды на то, чтобы найти проход, стали с каждым днем уменьшаться, так как от этого пролива на юг между нами и берегом легла кромка льда». Путешественники продолжали плыть по западной стороне, пока не достигли Камберлендского полуострова, откуда направились обратно в Гренландию и наконец повернули на родину, прибыв в Дувр в конце августа. К этому времени представления Баффина о Северо-западном проходе полностью сложились, и он написал покровителю экспедиции Джону Волстенхолму, что «единственной надеждой казались поиски в Дэвисовом проливе», но теперь в результате путешествия он пришел к заключению, что «нет ни прохода, ни надежды на проход» в северной части пролива Дэвиса. Так кончилось это и успешное и важное путешествие. Байлот и Баффин открыли и почти полностью исследовали Баффинов залив, а своим открытием проливов Смита и Ланкастерского указали на те два пути, по которым исследователи XIX в. пробились в полярные моря. Баффин вычертил карту этого путешествия, но, к несчастью, она затерялась, и поэтому позже возникла большая путаница и споры по поводу того, существует ли залив его имени на самом деле. Ознакомиться с вычерченной Баффином картой было бы в высшей степени интересно уже потому, что, как выяснилось позже, он ошибался, заявляя, что в этом районе прохода нет.

В 1617 г.[1] в Гудсонов залив направилась экспедиция Хокриджа, но она окончилась полным провалом. В 1619 г. датчанин Иенс Мунк достиг нынешнего Порт-Черчилля[2] и перезимовал там. И его путешествие было неудачным не только потому, что ничего не дало географии, но и потому, что погибли все члены экспедиции, кроме Мунка и еще двоих других. После этого до 1631 г. никаких новых попыток отыскания прохода сделано не было.

[1] Дата эта сомнительна.—*Прим. автора.*

[2] В устье одноименной реки, впадающей в Гудсонов залив у 59-й параллели.—*Прим. ред.*

В 1630 г. интерес к Северо-западному проходу вновь оживился, и в следующем году были высланы сразу две экспедиции: одна под начальством Фокса, а другая—Джемса. Оба получили по наказу от английского короля, но они до нас не дошли. Из отчета Фокса вытекает, что ему было предложено сначала сделать попытку отыскать проход в том районе, где в 1615 г. потерпели неудачу Баффин и Байлот, затем там, где в 1612/13 г. перезимовал Баттон и, наконец, в неисследованной части залива между Порт-Нельсоном и заливом Джемса, где команда оставила Гудсона на произвол судьбы в шлюпке. Фокс был настолько уверен в успехе, что подписал договор с Ост-Индской компанией на доставку обратным рейсом груза перца.

Фокс отплыл из Англии в начале мая 1631 г. и 22 июня достиг входа в Гудсонов пролив. Плавание через пролив продолжалось девятнадцать дней, в конце которых он обнаружил, что далее на северо-запад он из-за льда продвинуться не сможет. Поэтому он повернул на юго-запад, проследовал вокруг южного берега острова Саутгемптон и далее, в пролив Роз-Уэлкам, где он дал название какому-то острову, до сих пор не установленному. Отсюда он повернул на юг, чтобы выполнить наказ «и тщательно обыскал весь залив в поисках прохода, пока не дошел до залива Гудсона [ныне Джемса[1]]». Он довольно тщательно осмотрел западный берег, хотя ухитрился пропустить такой крупный залив, как Честерфилдский, и 8 августа прибыл в Порт-Нельсон. Через десять дней он нашел доску, установленную Баттоном в 1613 г. После этого Фокс отправился исследовать оставшуюся неоткрытой часть Гудсонова залива, то есть участок между Порт-Нельсоном и заливом Джемса. Свои шансы на открытие Северо-западного прохода он расценивал очень низко. 26 августа он записал следующее: «Общее направление этой низменной земли внушает мне опасения, что, идя вдоль нее по мелкой воде, мы только дойдем до залива Гудсона [ныне Джемса], где она повернет на юг, и дальше итти не будет смысла». В конце месяца Фокс повстречал Джемса. Они обменялись информацией, после чего Фокс продолжал исследования до 2 сентября, под каковым числом значится следующая его запись:

«За обедом я предложил переменить курс на северо-западный, заявив, что вся эта неоткрытая земля между районами открытий Гудсона и Баттона нами теперь уже полностью исследована... и что дальнейшие поиски прохода в этом направлении безнадежны и больше на этой стороне залива от 64°30′ до 55°10′ с. ш. искать нечего. И поскольку мы не прошли к северо-западу от острова Ноттингем (как мне было указано) из-за больших льдов,

[1] Залив Джемса—юго-восточная, далеко вдающаяся в сушу часть Гудсонова залива.—*Прим. ред.*

закупоривших все три прохода при нашем прибытии в середине июля, мы попробуем это сделать теперь; ибо я надеюсь, что если лед вообще когда-либо тает, то именно сейчас, а поэтому имеет смысл попробовать, пока держится попутный ветер».

Отчалив от мыса Генриетта-Мария, Фокс поплыл на северо-восток и через некоторое время достиг входа в проход, лежащий к северо-западу от острова Саутгемптон. Он последовал вдоль берега земли Фокса, прошел через канал Фокса и 22 сентября достиг максимальной широты. Болезнь и позднее время года побудили Фокса вернуться. Обратный путь прошел без особых осложнений, за исключением того, что на борту у него было много больных. В последний день октября Фокс достиг Даунса[1] в Южной Англии. Фокс совершил три больших дела: он закончил исследование Гудсонова залива, зашел далеко в канал Фокса и вычертил карту всего района, охваченного исследователями, искавшими Северо-западный проход. Сам он пришел к заключению, что если проход существовал, то он пролегал через пролив Роус-Уэлкам.

В противоположность путешествию Фокса, экспедиция Томаса Джемса оказалась наредкость бесплодной. Он отплыл из Бристоля 2 мая 1631 г. и достиг Гудсонова залива около середины июля. Выяснив невозможность продвижения на северо-запад, он направился на юго-запад. 11 августа он записал следующее: «Земля к северу от нас имеет общее направление на северо-восток, оттуда на юг и затем на юго-восток. Мы считали, что, следуя береговой линии, мы выйдем к месту, ранее называвшемуся Хабертс-Хоп. Так оно и оказалось, и дальше искать было нечего». Опознанная Джемсом точка Хаббертс-Хоп была, вероятно, устьем реки Черчилль. Отсюда Джемс пошел вдоль берега на юг, сделавшись, таким образом, первым исследователем западного побережья Гудсонова залива от Порт-Нелсона до залива Джемса. Впоследствии его обогнал и закончил исследование Фокс. Однакоже именно Джемс 2 сентября дал название Генриетты-Марии мысу в северо-западном углу залива Джемса. Джемс провел некоторое время в исследовании залива и в конце концов зазимовал на острове Карлтон, затопив судно и построив дома на суше. Здесь Джемс задержался до июля 1632 г., когда он вновь вышел, чтобы закончить свои исследования изучением того пути, по которому годом раньше не удалось пройти Фоксу. Он прошел вдоль западного побережья залива и 23 августа приступил к осуществлению своего замысла. Джемс достиг по крайней мере 65°30′ с. ш. в канале Фокса; ничего существенно важного географиче-

[1]) Даунс (The Downs) — рейд у юго-восточного выступа Великобритании, между Дувром и Рэмсгетом (близ устья Темзы). — *Прим. ред.*

16. Северо-западный проход — третья стадия.

ской науке он не дал. Джемс прибыл в Бристоль 22 октября. Интересны его заключения о Северо-западном проходе. Отметив, что он не верит во все то, что наговорили по поводу этого прохода португальские и испанские географы, он указывает, что английские путешествия «привели его к выводу относительно этого предполагаемого прохода, что он должен лежать севернее 66-й параллели», и далее приводит доказательства в пользу того, что «вероятнее всего, такого прохода вообще не существует». Хотя в этом Джемс и заблуждался, как и в своем предположении, что земли вокруг Гудсонова залива не могут дать никаких продуктов для торговли, и хотя произведенные им географические открытия ничтожны, все же он стоит головой выше всех современных ему исследователей в отношении ясности и трезвости взглядов. В общем, его взгляды оказались более близкими к истине, чем преувеличенно оптимистические догадки других исследователей Северо-западного прохода. Его путешествием заканчивается эта фаза исследования. Следующая фаза началась, когда компания Гудсонова залива в лице ее служащих приступила к исследованию Североамериканского материка и вод Гудсонова залива[1].

---

[1] См. ниже, глава XII, 5 «Исследования англичан со стороны Гудсонова залива».—*Прим. ред.*

Глава IX

«ЮЖНАЯ ЗЕМЛЯ» И ТИХИЙ ОКЕАН, 1600—1800 гг.[1]

1. Предшественники Джемса Кука

Первое крупное путешествие, сделанное в Тихом океане в XVII столетии, имело целью открытие неизвестной земли на юге, которую географы и картографы того времени иногда называли «Южной Землей» (Терра Австралис, от лат. auster—южный ветер). Уверенность в существовании такой земли уходит своими корнями в классическую древность, когда среди географов возникло убеждение в существовании за пределами якобы необитаемых тропиков какой-то земли, что обосновывалось также и теоретически. На исходе этого периода классической древности Клавдий Птолемей нанес эту землю на свою карту мира в виде полоски суши, соединяющей Азию и Африку и простирающейся по всей длине Южного океана. Хотя в первую половину средних веков эти теории древности были поставлены под сомнение или просто забыты,—в эпоху позднего средневековья теория Птолемея возродилась, получила большое влияние, и карты его продолжали воспроизводиться еще много лет спустя после открытия морского пути в Индию.

Однакоже, если убеждение в существовании «Южной Земли» было пережитком географии классической древности, во второй половине XVI в. оно получило санкцию множества известнейших географов того времени. Южная Земля совершенно отчетливо фигурирует на карте Ортелия; Меркатор же не только нанес ее на карту, но и заявил, что наличие такого массива суши в южном полушарии совершенно необходимо, чтобы уравновесить соответствующие массивы в северном полушарии. Гипотеза симметрического устройства земной поверхности хотя и не получила всеобщего признания, все же сыграла свою роль в возрождении или развитии древней теории.

Эпоха открытий XV и XVI столетий как будто подтверждала гипотезу о существовании «Южной Земли». Было известно, что

---

[1] Основные источники для этой главы см. в примечаниях под текстом. Кроме того, до сих пор представляет ценность старая работа капитана Джемса Барни (Burney) «История путешествий и открытий в Южном море или Тихом океане» (тт. I—V, 1803—1807), покрывающая период до 1764 г.— *Прим. автора.*

Магеллан прошел сквозь пролив и ставился вопрос: а не была ли оставленная им к югу земля этим неизвестным континентом? Дрейк был, повидимому, послан, чтобы пройти вдоль ее побережья, но сделанные им открытия опровергали существование южного материка[1]. Более поздние путешественники вроде Скоутена, с одной стороны, расширяли поле исследования и в то же время способствовали росту надежд на будущее. Точно так же укрепляли веру в существование «Южной Земли» и открытия Кироса и Янсзона[2]. В связи с этим возникла крупнейшая проблема, требовавшая разрешения: существует ли на самом деле такой континент и если существует, то, что́ он собой представляет и каковы его размеры.

На поиски этой «Южной Земли» и отплыла 21 декабря 1605 г. из Кальяо экспедиция Кироса и Торреса. Кирос дал Торресу подробные письменные указания о том, каким путем следовать к цели. Торрес должен был итти «..по направлению на ЗЮЗ до 30° ю. ш., а если на этой широте земля не будет обнаружена, повернуть на северо-запад до 10° 15′ ю. ш.; если и здесь земли не окажется, плыть по этой параллели на запад и искать остров Санта-Крус»[3].

Если Торрес прибудет на место один, он должен оттуда держать курс на Новую Гвинею и, «обойдя всю ее вдоль берега» итти на Манилу. Кирос сам шел означенным путем до 22 января, когда он принял свое роковое решение.

«22 числа,—записывает он,—мы достигли 26° с. ш. со шквалами и дождями с юго-востока и большой волной с юга. В результате этого многие испугались и стали кричать: «Куда нас ведут в этом огромном море в зимнее время?» Сила ветра и волн заставила нас итти на ЗСЗ, пока мы не дошли до 25° с. ш.»

Четырьмя днями позже они завидели архипелаг Туамоту, и с того дня продолжали все время итти в виду его, но лишь 10 февраля достигли острова, на котором были люди: это был Анаа, в 320 *км* к востоку от Таити. После этого были открыты еще и другие острова, пока 7 апреля Кирос не прибыл на Таумако, входящий в группу Дафф, где вождь поведал ему о существовании «целых шестидесяти островов, а также большой земли, которую он называл Маниколо». Отсюда Кирос повернул на

---

[1] Отброшенный бурей к югу от Огненной Земли на далекое расстояние, Дрейк не видел признаков суши. Открытие Антарктики южнее Огненной Земли было сделано в первой четверти XIX в. русской экспедицией Беллинсгаузена—Лазарева.—*Прим. ред.*

[2] Янсзон (сокращенно часто пишут Янц)—голландский моряк начала XVII в., плававший на службе Голландской Ост-Индской компании; открыл часть северного побережья Австралии (1606).—*Прим. ред.*

[3] Санта-Крус—небольшой архипелаг в Меланезии, к северу от Новых Гебрид.—*Прим. ред.*

юг и дошел до Новых Гебрид, в виду которых и стал на якорь 1 мая 1606 г. Он принял эти острова за искомую им «Южную Землю», устроил по этому поводу большое празднество и зачитал на нем декларацию, в которой объявлял их от имени испанского короля его владениями.

«... этот залив, именуемый заливом Сан-Фелипе-и-Сантьяго, порт, именуемый Санта-Крус, и территорию, на которой на широте в 15° 10′ будет заложен город Новый Иерусалим, а также все земли, что я видел или увижу во всей этой южной области мира вплоть до полюса, каковые, со всеми принадлежащими и прилегающими владениями, да носят отныне название Австралии Духа Святого».

Вблизи протекала река, которую Кирос окрестил Иорданом. Вообще говоря, у Кироса создалось впечатление, что он нашел земной рай:

«Я могу сказать на основании фактов, что нет на свете страны более приятной, здоровой и плодородной; страны, более богатой строительным камнем, лесом, черепичной и кирпичной глиной, нужной для создания большого города, с портом у самого моря и притом орошаемой хорошей, текущей по равнине рекой, с равнинами и холмами, с горными кряжами и оврагами; страны, более пригодной для разведения растений и всего того, что производят Европа и Индия».

По прихоти случая Кирос и Торрес разошлись, и первый направился обратно в Америку, не сделав никаких более важных открытий и в полной уверенности, что он вернется, чтобы закончить начатую работу[1]. Он представил испанскому королю не менее пятидесяти докладных записок, в которых просил разрешения на исследование вновь открытой земли и между прочим писал:

«Из всего сказанного мною неопровержимо вытекает, что имеются два континента, стоящие отдельно от Европы, Азии и Африки. Первым из них является Америка, открытая Христофором Колумбом; вторым и последним на земле—тот, который я видел и который я прошу исследовать и заселить с разрешения вашего величества».

После долгих проволочек ходатайство Кироса было удовлетворено, но в 1614 г. на пути к своим новооткрытым землям Кирос скончался. Самостоятельное исследовательское путешествие

[1] По другой версии, исходившей от Торреса и его спутников, Кирос бросил два корабля и тайно скрылся на третьем, чтобы поскорее сообщить христианскому миру о (мнимом) открытии им южного материка и получить от испанской короны патент на управление и эксплоатацию этого нового материка.—*Прим. ред.*

Торреса началось у Новых Гебрид с того момента, как он расстался с Киросом. Он поплыл на юго-запад и, не найдя там земли, повернул на ССЗ до $11^1/_2°$ ю. ш.

«Здесь,—писал он,—я уперся в оконечность Новой Гвинеи, побережье которой тянется с востока на запад... Я не мог итти вдоль восточного берега и поэтому пошел вдоль западного, а потом вдоль южного берега, и все это была земля Новая Гвинея. Пройдя триста лиг[1] вдоль побережья... дальше продвинуться мы не могли из-за многочисленных мелей и сильного течения, так что нам пришлось отойти от берега и повернуть на юго-запад. Там были большие острова, а на юге виднелся еще ряд их... [После двухмесячного плавания], пройдя четыреста восемьдесят лиг, мы остановились в десяти милях от берега. Широта была пять градусов, и лот показал глубину в 25 сажен. Здесь побережье уходит на северо-восток[2]. Я не подходил к берегу, так как у берега много мелей, а поплыл на север... до четвертой параллели... где показался берег, вновь простиравшийся в направлении с востока на запад... Мы поняли, что он является продолжением того, от которого мы отплыли в начале путешествия... Последнюю стадию плавания мы совершили, идя вдоль берега в направлении ЗСЗ... И здесь в этой стране я впервые и увидел железо и китайские колокола, утвердившие нас в уверенности, что мы находимся вблизи Молуккских островов. Мы продолжали плавание вдоль берега»[3].

Торрес достиг Молуккских островов и оттуда поплыл в Манилу, где в июле 1607 г. и написал отчет о своем путешествии.

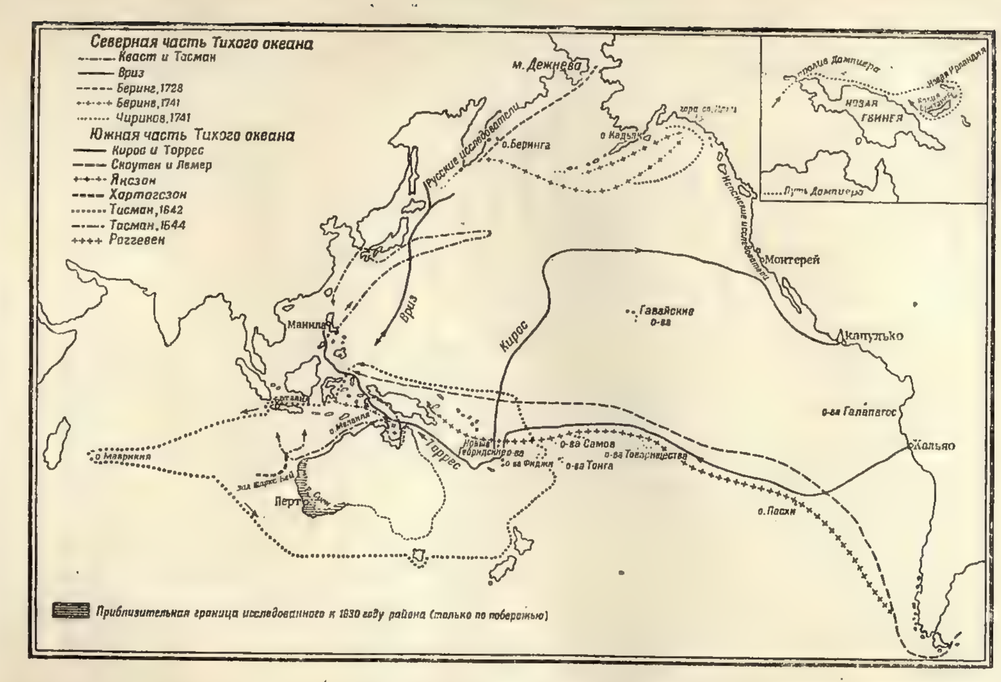
Экспедиция Кироса и Торреса имеет большое значение. Помимо Новых Гебрид и южного берега Новой Гвинеи они открыли острова Банкса и Даффа и тринадцать других коралловых островов. Им не удалось достичь главной цели их экспедиции, но им принадлежит по крайней мере та честь, что они первыми начали поиски Южной Земли — неизвестной «Терра Австралис».

Прибывшие на Тихий океан голландцы сделали многое в области открытия отдельных частей южного континента. Проведший некоторое время на Востоке голландец Линскотен опубликовал по возвращении в Голландию «Рассуждение о путешествиях», в котором проводил ту мысль, что путь на Восток

[1] Исчисление здесь ведется, конечно, в испанских лигах.—*Прим. ред.*

[2] Очевидная описка: у 5° ю. ш. побережье Новой Гвинеи уходит не на северо-восток, а на северо-запад. —*Прим. ред.*

[3] Новый английский перевод этого письма дан в приложении I к книге «Новый взгляд на открытие Австралии» (New Light on the Discovery of Australia) ред. Стивенса, изд. Хаклюйтовского общества, 2-я серия, т. LXIV. В этой своей работе Стивенс указывает, что Торрес был помощником капитана дона Диего де-Прадо-и-Товар и что «Отчет» (Relacion) последнего содержит первое описание открытия Австралии.—*Прим. автора.*



17. Предшественники Джемса Кука.

легок. Сам он, как мы уже говорили ранее, еще до того совершил неудачное плавание в поисках Северо-восточного прохода. Соотечественник Линскотена, Хоутман, отправился на восток вокруг мыса Доброй Надежды и в 1599 г. прибыл на Яву, после чего в Индонезию стало приходить столько голландских судов, что они превратились в серьезную угрозу для испанцев. В 1602 г. была основана Голландская Ост-Индская компания, еще через семь лет голландцы добились права торговать на Востоке[1], а в 1619 г. ими была основана Батавия и положено начало голландской колониальной империи.

Некоторые голландские мореходы пытались, правда с очень небольшим успехом, плавать на Восток западным путем, через Магелланов пролив. Мы уже упоминали о нескольких подобного рода попытках. Одна из них, начатая в 1614 г.[2], в общем увенчалась успехом, но ничего нового не дала географии. Гораздо большее значение имело путешествие Скоутена и Лемэра. Их целью было, во-первых, открыть новый путь в Тихий океан, поскольку ни одному судну, кроме судов Голландской Ост-Индской компании, не разрешалось пользоваться путями вокруг мыса Доброй Надежды и через Магелланов пролив, и, во-вторых, «открыть великие и богатые страны, в которых суда могли бы брать дорогие грузы, ибо..., по словам Лемэра, он знал о существовании таковых»[3], или же плыть через Тихий океан до Индии и торговать с индийцами. Суда покинули Тексель 14 июня 1615 г. и 13 января 1616 г. прибыли в Порт-Дизайр[4]. Одиннадцатью днями позже они сделали свое крупное открытие, за описанием которого лучше всего обратиться к дневнику путешествия.

«Рано утром 24 числа на расстоянии около мили с небольшим мы завидели по правому борту землю. Простиралась земля в направлении с В на З, и вся она была покрыта высокими горами с белыми снежными вершинами. Мы продолжали плыть вдоль этой земли и около полудня достигли ее оконечности, а к востоку от нее завидели другую землю, тоже очень высокую и на вид страшную. Две эти земли, насколько мы могли судить, лежали

[1] В тексте идет речь о двенадцатилетнем перемирии (1609—1621) между Нидерландами и Испанией. Португальских владений в Ост-Индии это перемирие не касалось, несмотря на то, что Португалия в этот период (1580—1640) подчинялась испанской королевской власти. Голландцы воспользовались этим, разбили в 1615 г. у Малакки небольшой объединенный испано-португальский флот и стали после этого господами положения в водах Юго-Восточной Азии.—*Прим. ред.*

[2] Речь идет об экспедиции Спейльбергена (1614—1617 гг.).—*Прим. ред.*

[3] Лемэр, повидимому, почерпнул свои сведения из какого-либо описания путешествия Кироса. *Прим. автора.*

[4] Тексель—голландский остров у выхода в море из залива Зейдерзе. Порт-Дизайр (англ. перевод испано-американского названия Десеадо—желанный)—гавань в Патагонии у 48° ю. ш.—*Прим. ред.*

на расстоянии примерно восьми миль друг от друга, и их разделял хороший пролив. Утром 25-го мы оказались близ восточной земли... Мы дали ей имя Земли Штатов[1], западную же землю назвали в честь принца Морица Нассауского[2]... С попутным северным ветром мы вошли в пролив и пошли хорошим ходом в направлении ЮЮЗ. Вечером ветер изменился на юго-западный, и потому той ночью мы пошли на юг при сильной волне с юго-запада и очень синей воде; из этого мы с уверенностью сделали вывод... что находимся в Великом Южном море [Тихом океане], и очень этому обрадовались, так как мы открыли новый, до тех пор не известный человеку путь, как оно в дальнейшем и подтвердилось[3]. К вечеру (29-го) мы вновь завидели землю на северо-западе... она вся состояла из высоких, покрытых снегом гор и заканчивалась острым выступом, который мы назвали мысом Горн и который лежит на 57° 48′ ю. ш.» [на самом деле 55° 59′].

Во время своего плавания через Тихий океан Скоутен и Лемэр открыли несколько островов в Низменном архипелаге (Туамоту) и два острова: Кокосовый и Веррадерс (ныне известные как Босковен и Кеппель)—после этого направились к северному берегу Новой Гвинеи; они сочли ее частью «Южной Земли» и думали, что она соединяется с Землей Штатов. Они довольно тщательно исследовали северный берег, и памятником их посещения являются названия двух островов—Вулкан и Скоутен. В конце концов они достигли Явы, где их судно было конфисковано, после чего их вместе со Спейльбергеном отправили на родину на том основании, что они не могли попасть в Тихий океан, не пользуясь какой-либо одной из двух запрещенных дорог[4]. По дороге на родину Лемэр умер. Отец его после двухлетней судебной тяжбы добился его посмертной реабилитации и получил компенсацию.

В эту эпоху голландцы не только принялись за систематическое завоевание Индонезии, но исследовали и нанесли на карту

[1] Staten Landt, голландское—Земля Штатов, то есть Генеральных Штатов, как назывался законодательный орган молодой Нидерландской республики. Этот остров лежит к юго-западу от Фолклендских островов у 55° ю. ш. и отделен проливом Лемэра от восточного выступа Огненной Земли. В настоящее время этот остров принадлежит Аргентине и носит испанское название «Исла-де-лос-Эстадос» (остров Штатов).—*Прим. ред.*

[2] Мориц Нассауский — правитель Нидерландской республики после убийства испанскими агентами его отца, Вильгельма I Оранского («Молчаливого»), вождя Нидерландской революции.—*Прим. ред.*

[3] В 1643 г. голландец Х. Броувер обнаружил, что «Земля Штатов»—лишь маленький остров.—*Прим. автора.*

[4] Агенты голландской Ост-Индской компании рассматривали Лемэра и Скоутена как нарушителей ее монопольного права плавать к странам Южной и Восточной Азии и торговать с ними. О Спейльбергене см. выше, примечание 2 на стр. 180—*Прим. ред.*

бо́льшую часть Австралийского материка. Известны попытки доказать, что первыми узнали Австралию испанцы и португальцы, причем в доказательство приводится ряд старых карт, датированных примерно 1530 г., на которых видны отдельные части суши, представляющие собой якобы отдельные участки побережья Австралии. Как указал Хевуд, «все доказательства строятся почти исключительно на том, что в самом начале XVI в. какой-то неизвестный картограф изобразил в той части земной поверхности, где находится Австралия, большой массив суши с намеком на точные контуры побережья». На самую раннюю из этих карт нанесены Суматра и отделенная от нее узким проливом «Большая Ява», действительно несколько похожая на Австралию. В ту эпоху относительно земель к югу от Явы было известно очень мало, и если придавать контуру «Большой Явы» серьезное значение, тогда придется предположить, что он был нанесен в результате обширных прибрежных исследований, но о таковых никто никогда не слыхал. Если же, с другой стороны, не придавать контуру значения, то тогда можно предположить, что карта была просто-напросто изготовлена на основании оброненных Марко Поло замечаний или же просто догадки о том, что земля эта является частью южного континента. На двух более поздних картах 1578 и 1597 гг. Австралия так и показана, как часть южного континента. По ряду причин Хевуд приходит к заключению, что более раннего, чем известное нам, открытия Австралии не было, и к тому же заключению недавно пришел изучивший тот же вопрос Вуд[1]. В то же время не надо забывать, что многие старые карты вычерчены частично на основе сведений, полученных от местных жителей: вполне вероятно, что малайские мореходы имели кое-какое знакомство с северным, а может быть, и с западным побережьями Австралии и что они могли кое-что сообщить по этому поводу европейцам. Что же касается карт, то, по мнению Вуда, на них не надо смотреть «как на будничную инвентарную книгу точно известных фактов, а как на блестящий географический роман, хотя, сочиняя их, авторы могли исходить из пары-другой известных фактов».

Честь действительного открытия Австралии принадлежит поэтому, по всей вероятности, голландцам и в особенности Виллему Янсзону (1606 г.)[2]. Он коснулся берега Новой Гвинеи и пошел

[1] Статья Хевуда была помещена в «Geographical Journal», v. XIV, p. 421; *Вуд* (*G. A. Wood*)—автор книги «Открытие Австралии» (The Discovery of Australia, 1922). Что касается претензий испанцев на открытие Австралии, то об этом см. прим. 3 на стр. 178.—*Прим. автора.*

[2] Янсзон более известен под сокращенным именем Янц. О его плавании, приведшем к открытию значительного участка береговой линии Северной Австралии, сохранилось очень мало сведений.—*Прим. ред.*

вдоль него на юг, но вместо того чтобы итти Торресовым проливом, о существовании которого он не подозревал, он повернул в залив Карпентария и пошел вдоль его восточного берега до мыса Кервер (Возвращения), откуда из-за враждебности туземцев вынужден был повернуть в обратный путь. Он лично предполагал, что открытая им земля соединялась с Новой Гвинеей.

В промежутке между этим путешествием и экспедицией Тасмана 1642 г. был сделан ряд небольших, но важных открытий. В 1616 г. Дирк Хартогсзон[1], взяв новый, до того еще неиспробованный курс на Яву, случайно пристал у 26° ю. ш. к маленькому острову близ западного выступа Австралии—к острову, который до сих пор носит его имя (у 26° ю. ш.). Считая его частью Южного материка, Хартог поплыл отсюда вдоль побережья в северном направлении. Западное побережье снова посещалось в следующем году, у 21°20′ ю. ш., а в 1618 г.—еще раз, у 22° ю. ш. В 1619 г. Хоутман прошел вдоль него на протяжении целых пяти градусов широты, начиная от 32°20′ ю. ш. и пришел к заключению, что это—часть земли, виденной до него Хартогсзоном. В 1622 г. голландцы впервые видели мыс Леувин[2]. В 1623 г. получил свое название залив Карпентария, а на крайнем юге суда дошли вдоль побережья до 133° в. д., и там архипелагу было присвоено имя Нейтса, удержавшееся до настоящего времени. Многие из этих открытий случайны, и все еще была немалая путаница в вопросе о взаимосвязи отдельных элементов[3]. К 1630 г. западное и южное побережья Австралии от архипелага Нейтс до Северо-Западного мыса были довольно хорошо известны.

За этими путешествиями последовало более длинное и более важное путешествие Абеля Тасмана, совершенное в 1642 г. Его целью было изучить Индийский океан за пределами обычных торговых путей, выяснить, является ли Австралия частью великой Южной Земли, а также изучить северный берег Новой Гвинеи и определить, является ли она островом, или нет[4]. Тасман отплыл из Батавии на остров Маврикия, а оттуда сначала на юг, а потом на юго-восток. Он достиг, повидимому, 49° ю. ш. и 97° в. д. и, продолжая плыть на восток, видел землю, названную им в честь губернатора Голландской Индии Вандименовой. Он хотел было как следует изучить эту землю, но экипаж испугался

---

[1] Хартогсзон более известен под сокращенным именем Хартог, в честь его (Дирк-Хартог) назван остров у мыса Стип, крайней западной оконечности Австралии (у 113° в. д.).—*Прим. ред.*

[2] Юго-западная оконечность Австралии (у 115° в. д.).—*Прим. ред.*

[3] См. голландскую карту Южной Земли. Эту, как и ряд других интересных карт, можно найти в австралийском школьном атласе Бартоломью.—*Прим. автора.*

[4] Открытие Торреса было засекречено испанскими властями; его отчет опубликован (англичанином Дальримплем) только в 1769 г.—*Прим. ред.*

слухов о том, что она населена гигантами, и Тасману пришлось удовлетвориться исследованием побережья—его он в общих чертах и нанес на карту вплоть до полуострова Фрейсинэ, лежащего примерно посередине восточного побережья. После этого Тасман поплыл на восток и 13 декабря вновь видел сушу, которую назвал Землей Штатов, так как думал, что она соединяется с землей, открытой Скоутеном и Лемэром в 1616 г. На самом деле это была часть западного побережья Южного острова Новой Зеландии, примерно у 42° ю. ш. Пройдя далее на север вокруг мыса, показательно названного Фаулвинд (Противных ветров) и за мыс Фаруэл, Тасман, сам того не зная, попал в пролив между Северным и Южным островами Новой Зеландии. Отсюда он продолжал путь вдоль западного побережья Северного острова до его северной оконечности, а оттуда взял курс на северо-восток.

21 января Тасман достиг островов Тонга и отсюда повернул на запад. Пройдя мимо островов Фиджи, он достиг Новой Ирландии (одно время называвшейся «Новым Мекленбургом»), сочтя ее за часть Новой Гвинеи и проследовал вдоль северного берега Новой Гвинеи до ее западного выступа, где сделал ряд важных открытий, а оттуда вернулся в Батавию.

Путешествие Тасмана было блестящей неудачей. Ему не посчастливилось в том отношении, что он обошел Австралию кругом, так и не видав ее; но он все же определенно доказал, что ее площадь не так велика, как в то время полагали. И он представлял себе Австралию неправильно, но по крайней мере показал миру, что она не являлась частью еще какой-то другой «Южной Земли». Открыв Новую Зеландию, он обогатил карту мира еще одним крупным массивом суши, но сам заблуждался, предполагая, что она была частью южного континента. Вдобавок ко всем этим открытиям он совершил большое плавание по Южному (Тихому) океану от острова Маврикия до островов Тонга, открыл последние, так же как и множество других мелких островов и при помощи своего штурмана Висскера нанес все свои открытия на точные карты. Эти достижения дают ему место в ряду самых способных и предприимчивых открывателей новых земель

Тасману было поручено отыскать путь в Чили вокруг Южной Австралии, и он считал, что он эту задачу разрешил. Однакоже убедить голландскую Ост-Индскую компанию в том, что он открыл наилучший путь, ему не удалось, и в 1644 г. он вновь был послан открыть проход к югу от Новой Гвинеи, закончить ранее начатую работу и выяснить общую взаимосвязь между Новой Гвинеей и уже открытыми разрозненными частями Австралии и Тасмании.

Об этом путешествии мы знаем только по письму генерал-губернатора правлению голландской Ост-Индской компании и по

картам, из которых явствует, что Тасману не удалось выполнить задания директоров и что он попрежнему считал Новую Гвинею и Австралию одним целым. Однакоже ему действительно удалось, не оставляя ни тени сомнения, доказать, что старые открытия в заливе Карпентария были сделаны у того же массива суши, что и открытия на западе и северо-западе. К 1644 г., следовательно, берега Австралии были в общих чертах известны от мыса Йорк до островов Нейтс, а моряки к тому времени побывали на отдельных участках побережья Тасмании и Новой Зеландии.

Исследовательская деятельность Тасмана на этом закончилась. Ему не удалось найти таких новых земель, с которыми могли бы выгодно торговать голландские купцы; они же вовсе не собирались финансировать предприятие, имевшее чисто исследовательские цели. Но Тасман имеет большие заслуги перед географической наукой, и его славу как исследователя южной части Тихого океана затмил лишь Джемс Кук, выступивший на арену позже и завершивший его труд. Хотя голландцы и не извлекали никаких экономических выгод из Австралии, они все же не теряли связи с ней. В 1648 г. было совершено большое плавание вдоль берегов Австралии от Перта до острова Мелвил, а еще через десять лет голландское судно зашло на юге дальше мыса Леувин. К 1678 г. северо-западное побережье было нанесено на карту от Северо-Западного мыса до района мыса Левек[1], а в конце века (1696 г.) Вламинг произвел обширную съемку западного берега, включая острова вокруг открытого им залива Шарк и реку Суон[2]. Любопытно, что крупнейшие открытия Тасмана не нашли себе дальнейшего продолжения. Мы уже упоминали об одной из причин этого—о бедности вновь открытых районов. К этому надо прибавить еще исторический момент, поскольку в рассматриваемый период голландцы были вовлечены в острейшую политическую борьбу в Европе.

Последующие открытия в южной части Тихого океана относятся к разряду второстепенных и складываются из большого числа мелких, хотя подчас и важных достижений. Результатом одного из таких путешествий, а именно Нарборо вдоль западного побережья Южной Америки в 1669 г., была улучшенная карта Магелланова пролива, а в 1683 г. аналогичную работу на Галапагосских островах выполнил Джон Кук. Последний принадлежал к числу известнейших буканьеров[3], на первом

[1] То есть (приблизительно) от 114° до 123° в. д.—*Прим. ред.*

[2] Суон (Лебединая)—река, в устье которой позднее возник г. Перт.—*Прим. ред.*

[3] Под буканьерами (франц. boucanier) здесь разумеются морские пираты, промышлявшие в XVII и XVIII вв. главным образом грабежом судов на море и испанских поселений в Новом Свете. В английской литературе они чаще называются флибустьерами (filibuster).—*Прим. ред.*

месте среди которых в отношении географических открытий должен быть поставлен Вильям Дампьер. Во время своих блужданий по океану Дампьер в 1686 г. достиг побережья Северной Австралии, вероятно, где-то в районе острова Мелвил. Он провел немногим больше двух месяцев на берегу, за это время нигде не нашел воды, не видел ни одного животного и возымел глубочайшее презрение к коренному населению и его обычаям. «Жители этой страны,—писал он,—самые жалкие люди на свете». Что касается самой земли, то по поводу ее он замечает: «... еще нельзя сказать, остров это или целый континент; но в одном я уверен,—что он не соприкасается ни с Азией, ни с Африкой, ни с Америкой». Повидимому, в то время Дампьер еще ничего не знал о достижениях Тасмана, хотя во время его второго путешествия у него была одна из карт Тасмана. После отплытия от берегов Австралии жизнь Дампьера была полна приключений, одним из которых было плавание на челноке (каноэ) от Никобарских островов до Суматры и небольшая сухопутная экскурсия по Китаю, во время которой он чуть было не поплатился жизнью за то, что неподобающе вел себя на китайских похоронах. Дампьер оставил подробные записки о своем путешествии, которые очень легко читаются, но ничего не дают географу.

В 1699 г. Дампьер получил в командование военное судно «Робак» («Самец Косули»). Ему было дано задание изучить Terra Australis (южный материк)—его физическую географию, население и минеральные ресурсы. Вначале он намеревался было плыть через Тихий океан к восточному побережью Австралии, но позднее время года помешало ему осуществить свое намерение; поэтому он и прошел вокруг мыса Доброй Надежды и достиг западного побережья Австралии близ залива Шаркс. Он произвел поверхностную опись побережья вплоть до архипелага Дампьера. Проследовав оттуда до Новой Гвинеи и пройдя проливом, ныне носящим его имя, он достиг ее северного побережья. Отсюда, держась на некотором расстоянии от побережья, он поплыл на восток и достиг Новой Ирландии. Следуя вдоль ее восточного побережья, он доплыл до места, названного им «заливом Св. Георга» (на самом деле это был пролив у южной оконечности острова) и так достиг Новой Британии. Он обогнул остров, прошел между ним и Новой Гвинеей, вернувшись, таким образом, к северному берегу последней. Отсюда он отправился в обратный путь. Именно он дал название Новой Британии той земле, которую, как ему казалось, он открыл [1]. Путешествия Дампьера мало что дали географической науке. Как и голландские исследователи, он посетил лишь бесплод-

[1] Острова эти, повидимому, были открыты испанскими экспедициями второй четверти XVI в.—*Прим. ред.*

ные части Австралии. Все, что Дампьер говорил в ее пользу, носило отвлеченный характер; все, о чем он докладывал как очевидец, звучало совершенно бесперспективно, и поэтому не удивительно, что за его путешествиями не последовали новые. Сам он вновь вернулся к пиратской жизни и в 1703 г. совершил новое большое путешествие, уже совсем ничего общего не имеющее с историей географических открытий.

Так же блуждали по океану и некоторые французские путешественники. В ходе одного из путешествий Гуэн-де-Бошен в 1701 г. доказал, что мыс Горн помещался на морских картах того времени гораздо южнее, чем на самом деле. В начале XVII в. множество французских путешественников перебывало на Тихом океане, и некоторые из них проделали большую научную работу. Луи Фейе оставил описание побережья Чили и Перу; Маркан нашел новый выход из Магелланова пролива; Фрезье улучшил карты крайней оконечности Южной Америки. Больше шуму наделало, но дало меньшие результаты путешествие Буве, совершенное в 1738—1739 гг. Он задался целью найти открытую в самом начале XVI в. «землю Гонневиля», будто бы лежавшую где-то к югу от Африки. 1 января 1739 г. Буве увидел высокую, покрытую снегом землю и назвал ее «мысом Обрезания» (54° ю. ш., долгота—27° или 28° к востоку от Тенерифе). Земля эта ныне известна под названием острова Буве. Экспедиция Буве сама по себе имела небольшое значение, хотя он и вернулся с кое-какими сведениями о льдах Антарктики и путешествие его сыграло большую роль в работе Джемса Кука.

Тем временем большую активность в южных морях проявили голландцы. В 1707 г. Ван-Дельфт достиг берега Австралии у острова Мелвил. Он стремился к тому, чтобы найти проход на юг через пролив Дундаса[1], но попытка его не удалась, и он провел несколько месяцев в исследовании побережья. Он вычертил карту, представлявшую собой шаг вперед по сравнению с картой Тасмана. Еще четырнадцатью годами позднее Роггевен пустился в свое путешествие, последнее в ряду больших голландских предприятий этого рода. Целью его было отыскать южный континент в той части океана, что лежит к западу от Южной Америки и где сорока годами раньше англичанин Дэвис будто бы видел землю. Роггевену посчастливилось в том отношении, что в апреле 1722 г. он открыл остров Пасхи и от него проследовал к архипелагу Туамоту и к некоторым островам из групп Пеллизер[2], Общества и Самоа. Позже Роггевен зашел и на Новую Британию, обогнул северную часть Новой Гвинеи и этим путем вернулся в Батавию.

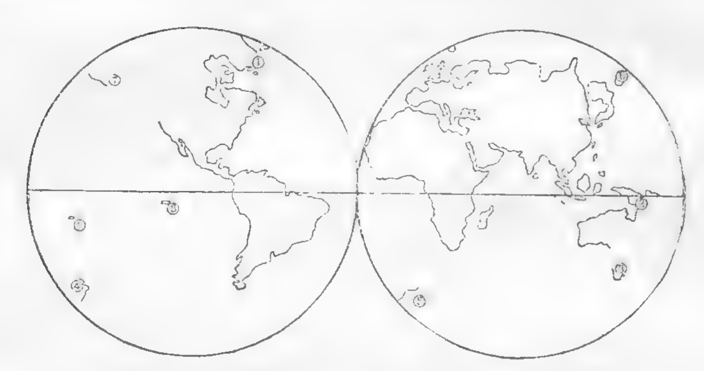
---

[1] Пролив между островом Мелвил и материком к северу от Вандименова залива.—*Прим. ред.*

[2] Об островах Пеллизера см. ниже, раздел 2-й (Век Кука).—*Прим. ред.*

В 1740—1744 гг. лорд Ансон совершил свое знаменитое, хотя, с географической точки зрения, мало продуктивное кругосветное путешествие. В итоге путешествия Ансон привез большую коллекцию награбленных вещей, и его опыт сослужил большую службу более позднему путешественнику—Джону Байрону, но само по себе оно недостаточно интересно, чтобы заслуживать дальнейшего рассмотрения.

Прежде чем перейти к рассмотрению нового периода, открывшегося путешествием Байрона, необходимо бросить взгляд на рост изучения северной части Тихого океана. С середины XVI в.



18. Набросок карты мира. Ж. де Л'Иля, 1700 г.

европейские купцы установили регулярные торговые отношения с Японией, а в самом начале XVII в. ее стали посещать как голландские и английские миссионеры, так и иезуиты, прибывшие туда в 1620 г.[1]. Несмотря на это, по-настоящему Японию знали мало, а о лежащем к северу и северо-востоку от нее океане —уж почти вовсе ничего. Ходила легенда, что там лежали какие-то богатые острова, якобы открытые испанцами в 1584 г. Именно с целью проверки этих слухов и была организована экспедиция Кваста и Тасмана в 1639 г. Оба эти мореплавателя начали с того, что внесли некоторые исправления в карту Филиппин и соседних морей. Японию они увидели примерно на 37-й параллели и после этого долго плыли на восток, так и не найдя «Золотых островов». На обратном пути они опять видели Японию, на этот раз на более высокой широте, обогнули остров Кюсю и достигли острова Тайван (Формозы).

С точки зрения Голландской (Ост-Индской) компании, путешествие их было неудачным, но за ним последовало другое важ-

[1] Ошибка автора: первая иезуитская миссия (Франциска Ксавье) прибыла в Японию в середине XVI в.—*Прим. ред.*

ное путешествие, на этот раз под командованием Вриза и Скепа. Достигнув Японии, они разошлись в разные стороны. Вризу не удалось установить существование пролива к югу от Йезо (Хоккайдо), хотя пролив и значится на его картах, и он, повидимому, считал Йезо частью Азии. Севернее Йезо он нашел остров (Итуруп?), названный им «островом Штатов»[1]. На востоке, как ему показалось, он видел очертания большого массива земли, который назвал «Землей Компании»[2]. Он достиг также Сахалина и счел его за часть Йезо. На обратном пути Вриз продолжал тщетные поиски «Золотых островов». Тем временем Скеп достиг Курильских островов у 47°8′ с. ш. [3].

Голландия сделала значительный вклад в познание части Северного бассейна Тихого океана, хотя мифическая «Земля Компании»[4] продолжала сбивать с толку картографов в течение еще целого столетия после этого. Почти на том же самом месте от времени до времени на картах выплывала и другая мифическая «Земля Гамы», будто бы открытая испанцами в самом начале XVII в. Задачу устранить эти ошибки с карты выпала на долю русских исследователей, сделавших громадный вклад в дело точного изучения северной части Тихого океана. В XVII в. русские пересекли Азию и вышли на Тихий океан. По некоторым утверждениям, Дежнев в 1648 г., отплыв от северного побережья Азии, прошел через пролив, ныне известный под именем Берингова; но в утверждениях этих сомневались, и в начале XVIII столетия они явно не являлись общепризнанными[5]. Около 1697 г. русские прибыли на Камчатку и приступили к завоеванию этого полуострова[6]. Десятью годами позже они достигли его южной оконечности и завидели ближайшие

---

[1] То есть островом Генеральных Штатов (см. выше, прим. 1 на стр. 181).—*Прим. ред.*

[2] В честь голландской Ост-Индской компании.—*Прим. ред.*

[3] Это сообщение внушает серьезные сомнения.—*Прим. ред.*

[4] Эта «Земля Компании» фигурирует в ряде вариантов на картах того времени.—*Прим. автора.*

[5] Теперь в этом «сомневаются» только злостные фальсификаторы истории на службе американских империалистов типа Гольдера, автора книг «Русская экспансия на Тихом океане» (1914 г.) и «Путешествия Беринга» (тт. I—II, 1922—1925). О нем см. труд академика *Л. С. Берга* «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга». О великом открытии Дежнева на русском языке имеется значительная литература; из последних работ лучшая: *В. А. Самойлов*, «Семен Дежнев и его время» с приложением подлинных документов. См. также указанную работу академика Берга.—*Прим. ред.*

[6] Речь идет об экспедиции Владимира Атласова, открывшего Камчатку и приступившего к ее завоеванию в 1697—1699 гг. Надо отметить, что название «Камчатка» уже встречается на русской карте 1667 г. (чертеж Сибири Петра Годунова), а первое источниками доказанное посещение ее русскими относится к 1648 г., когда разлучившееся с Дежневым и отброшенное на юг судно Федота Алексеева, несомненно, достигло полуострова Камчатки.—*Прим. ред.*

острова Курильской цепи[1]. В 1710 г. они получили более полные сведения относительно района между Камчаткой и Японией, это побудило их предпринять в 1712—1713 гг. две экспедиции на Курильские острова, в ходе которых русские нанесли эти острова на карту и достигли Йезо, который приняли за архипелаг[2]. Шесть лет спустя другая экспедиция достигла Курильских островов[3], но и после этого их география все еще осталась недостаточно ясной. Работа эта была продолжена русским исследователем Шпанбергом и его товарищами в 1738 и 1739 гг. Они вновь посетили Курильские острова и достигли части японского побережья, но проблема Йезо оставалась нерешенной. Одно из высланных на восток судов вернулось с известием, что никаких земель, о которых ходили легенды, там на самом деле нет. Шпанберг многое сделал в области выяснения связи между Камчаткой и Японией, хотя, как и другие исследователи этого района до него, не смог полностью разрешить все нерешенные географические вопросы[4].

Тем временем огромные успехи были сделаны в северном и восточном направлениях. В 1728 г. в экспедицию вышел Витус Беринг с заданием отправиться в плавание от Камчатки «возле земли, которая идет на север, и по предположению (поскольку ей конца не знают) кажется, что та земля—часть Америки» и «искать, где она сошлась с Америкой». Беринг донес, что он задание выполнил и что, достигши северной широты в 67°18′, «рассуждал, что по всему видимому и по данной инструкции... его императорского величества исполнено, поскольку земля более к северу не простирается, а к Чукотскому или к восточному углу земли никакой не подошло, и возвратился». На следующий

[1] Северные Курильские острова русские завидели уже, по всей вероятности, во время первой завоевательной экспедиции Атласова. Сам Атласов так сообщал об этом: «... против первой Курильской реки (реки Голыгина или Нынгучу) на море видел, как бы острова есть». Через девять (а не десять лет, как указано в тексте), в 1706 г. Михаил Наседкин с отрядом дошел до мыса Лопатки и за «переливами» (проливами) видел в море землю, но не мог ее проведать из-за отсутствия «судов морских и судовых припасов» и местных материалов для их изготовления.—*Прим. ред.*

[2] И здесь автор неточен: первая русская экспедиция Данилы Анцыферова и Ивана Козыревского посетила первый (т. е. самый северный) Курильский остров Шумушу не в 1712, а осенью 1711 г. К 1712—1713 гг. относятся две следующие экспедиции Ивана Козыревского.—*Прим. ред.*

[3] Здесь идет речь об экспедиции «навигаторов»-геодезистов (топографов) Ивана Евреинова и Федора Лужина, посланных Петром I с секретным заданием в 1719 г. и открывших еще несколько Курильских островов. По сообщению Степана Крашенинникова, знаменитого автора «Описания земли Камчатки», они достигли острова Симушир (в центральной части Курильской цепи островов).—*Прим. ред.*

[4] Экспедиция Шпанберга была частью Великой Северной экспедиции, руководимой Берингом.—*Прим. ред.*

год Беринг обыскал океан в поисках земли на востоке, будто бы виденной жителями Камчатки, но ее не нашел и после этого «пошли кругом южного комчатского угла к Большерецкому устью, и этот угол описали, который прежде не был описан»[1].

Возможно, что в 1732 г. русские, хотя и не зная этого, видели часть американского континента[2], но определенное представление о Новом Свете они получили лишь в 1741 г. Это знакомство с Америкой было результатом второй экспедиции Беринга; его путешествие было одним из целого ряда, предпринятых, для того чтобы установить связь с Японией, точно выяснить тот факт, что Азия и Америка не соединяются между собой, и открыть Америку[3]. Отправившись в плавание от Камчатки, Беринг вначале на широте 47° занялся поисками несуществующей «Земли Гамы», но не обнаружил, конечно, даже ее признаков. После этого Беринг несколько изменил свой курс и в конце июля 1741 г. увидел гору (Св. Ильи) на Аляске и остров, которому он также дал название «Св. Ильи» (ныне Каяк). Отсюда он отправился в обратное плавание, прошел к югу от острова Кадьяк и вдоль южного побережья полуострова Аляски—до Шумагинских островов. Экспедиция видела и ряд других островов, а на некоторых из них и останавливалась, и, наконец, в конце октября достигла острова Беринга[4]. Здесь Беринг умер, однакоже тяжело болевший цынгой экипаж вынес все тяготы, поправился и следующим летом под командованием Вакселя, построив небольшой парусный

---

[1] См. сборник документов «Экспедиция Беринга», подготовленный к печати А. Покровским, изд. Главного Архивного управления НКВД СССР, 1941.—*Прим. ред.*

[2] Автор имеет здесь в виду экспедицию Ивана Федорова и Михаила Гвоздева, не «возможно», а несомненно подходившую в 1732 г. к американскому берегу у Берингова пролива и открывшую в этом проливе острова Гвоздева (Диомиды). При этом Федоров «...не только видел острова Гвоздева и противолежащие берега Азии и Америки, но и первый положил их на карту» (*Л. С. Берг* «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга», 1946, ч. II, гл. IX). —*Прим. ред.*

[3] Задача этой Великой Северной экспедиции была шире: кроме «обсервации и изыскания пути до Японии» и «подлинного известия, есть ли соединение Камчатской земли с Америкой, тако же имеется ль проход Северным морем»—также и опись берегов Северной Европы и Азии от Архангельска до «Анадырского и Камчатского устей» (см. сборник документов «Экспедиция Беринга», в частности «Отчет о Камчатской экспедиции от 5 октября 1738 г.», стр. 85—97).—*Прим. ред.*

[4] Между Шумагинской группой, где русские впервые встретились с алеутами, и островом Беринга (из группы Командорских), были открыты во время обратного плавания следующие острова: Атха (его приняли за часть материка, а высокую гору «в глубине материка» обозначили на карте под названием горы Св. Иоанна), два острова из группы Крысьих и один остров из группы Ближних (см. *Л. С. Берг*, указанное сочинение, стр. 248 - 249).—*Прим. ред.*

бот, отправился на нем обратно на Камчатку, куда и прибыл в августе[1].

Сопровождавший Беринга в начале путешествия его помощник Чириков потерял связь с ним и на своем судне достиг американского побережья на несколько более южной широте[2]. Он прошел вдоль берега приблизительно от прохода Диксон, у северной оконечности островов Королевы Шарлотты, и примерно до 58° с. ш. и отсюда видел берег на значительном протяжении. На обратном пути он открыл ряд Алеутских островов, а в самом начале октября вернулся на Камчатку[3].

Этими путешествиями были решены все важнейшие проблемы северной части Тихого океана в той мере, в какой они были предусмотрены данным Берингу заданием. Он показал, что никаких таинственных земель на самом деле не было: его подчиненный Шпанберг дал многое для выяснения того, что представляет собой Япония, и далее можно было с достаточной долей уверенности утверждать, что Азия и Америка между собой не соединяются, хотя абсолютно бесспорных доказательств этого не было[4]. Последнее путешествие Беринга намного выигрывает в ценности еще и благодаря наблюдениям натуралиста Стеллера над виденными странами и их животным миром. Русские охотники за пушным зверем также не замедлили воспользоваться вновь открывшимися перспективами и около 1743 г. также достигли Алеутских островов[5]. От времени до времени в Америку отправ-

---

[1] Из 77 человек экипажа корабля Беринга «Св. Петр» вернулось на Камчатку 46; остальные 31 человек умерли от цынги во время плавания или на острове Беринга, в том числе капитан-командор Беринг. См. *Ваксель*, «Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга» (1940) и в сборнике «Экспедиция Беринга» (1941)—Выписки из судового журнала С. Хитрово (стр. 339—360).—*Прим. ред.*

[2] Беринг достиг Америки 16 июля 1741 г. у 59°47′ с. ш. (южная оконечность острова Каяк), а Чириков—в ночь на 15 июля, у 55°36′ с. ш., близ северной половины острова, позднее названного именем принца Уэльского.—*Прим. ред.*

[3] У 57°50′ с. ш. пропали без вести 15 человек, посланных Чириковым на американскую землю (остров Чичагова) для исследования ее. На обратном пути Чириков достиг максимальной широты 58°46′ у берега Аляски (у Кенайского полуострова). В Алеутской гряде им были открыты острова Умнак, Адах, Агатту и Атту (последние два—самые ближние к Камчатке острова этой гряды). Из 70 человек экипажа на корабле Чирикова «Св. Павел» вернулось на Камчатку 49; кроме пропавших без вести 15 человек, умерло в пути от цынги 6 человек. Подлинные документы, относящиеся к этой экспедиции, в частности рапорты и письма Чирикова, опубликованы в сборнике «Экспедиция Беринга» (1941).—*Прим. ред.*

[4] Абсолютно бесспорным доказательством этого было плавание Дежнева 1648 г.—*Прим. ред.*

[5] Речь идет о промысловой экспедиции Емельяна Басова, зимовавшей на острове Беринга в 1743—1744 гг.; Алеутских островов русские промышленники достигли в 1745 г.; в пятидесятых годах XVIII в. большинство остро-

лялись и другие экспедиции и в промежутке между 1783 и 1787 гг. на острове Кадьяк была заложена пушная фактория[1].

Для полноты картины исследовательской работы в северной части Тихого океана до путешествий Кука необходимо вкратце коснуться того, что сделали в этой области испанские путешественники. В самом начале XVII в. Мартин де-Агилар сообщил, что у 43° с. ш. он нашел нечто вроде входа в пролив или устье реки, но не было даже сделано попытки продолжить поиски в этом направлении. Активность других государств на Тихом океане в XVIII в. и в особенности исследовательская работа русских и путешествие Ансона показали испанцам их отставание в этой области и вызвали с их стороны новый прилив активности на суше и на море. В 1770 г. был учрежден военный пост Монтерей[2], а еще через четыре года Хуану Пересу было дано задание отправиться в плавание вдоль побережья в северном направлении до 60° с. ш., прежде всего с целью дознаться, предпринимают ли что-либо в этом районе другие государства и что именно. Пересу были переданы карты, изготовленные на основе последних русских открытий. Ему удалось достичь лишь 55° параллели и нанести на карту часть островов Королевы Шарлотты, но признаков иностранных поселений он не встретил. В следующем году была отправлена другая экспедиция под начальством Эсеты (Heceta) и Куадры (Quadra) с заданием достичь более высокой широты, чем Перес и, если удастся, 65° параллели, а на обратном пути более тщательно изучить побережье. Эсета достиг 49° параллели и видел устье реки Колумбии; Куадра доплыл до 58° параллели, а третье судно исследовало залив Сан-Франциско. Известия более ранних путешественников были таким образом опровергнуты, но на западном побережье предстояла еще большая работа до того момента, когда можно было сказать, что оно хорошо известно.

вов посещалось уже промышленниками, а в шестидесятых годах все острова этой гряды были открыты русскими и положены на карты. Важнейшие новые открытия (после Беринга и Чирикова) были сделаны Степаном Глотовым (1759—1762), открывшим Уналашку (Уналяску) и Андреяном Толстых (1760—1764 гг.), чьим именем названа группа Андреяновых островов. См. «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке» (сборник документов со вступительной статьей А. И. Андреева), 1948, стр. 113—177.—*Прим. ред.*

[1] Речь идет об экспедициях Григория Ивановича Шелихова. О нем см. *С. Окунь*, «Российско-Американская компания», 1939, и указанный в предшествующем примечании сборник документов «Русские открытия в Тихом океане», 1948 г.—*Прим. ред.*

[2] В 1769—1781 гг. испанцы основали в так называемой Верхней Калифорнии по крайней мере 8 станций, в том числе (кроме Монтерея)—Сан-Диего, Лос-Анхелес и Сан-Франсиско, из которых в XIX—XX вв. развились крупнейшие портовые города Калифорнии.—*Прим. ред.*

2. Век Кука

Начатое в 1764 г. путешествие коммодора Джона Байрона было первым из ряда путешествий, сильно расширивших объем тогдашних знаний о Тихом океане. Байрону было дано специальное задание—«обследовать принадлежащие его величеству Фолклендские острова и остров Пепис», а также произвести поиски

«земель и крупных островов, на которые до сих пор не ступала нога ни одного из представителей других европейских держав в Атлантическом океане между мысом Доброй Надежды и Магеллановым проливом в пределах удобных для навигации широт и в тех климатических поясах, где производятся пригодные для торговли товары».

Поиски острова Пепис, который был будто бы в 1684 г. открыт у 47° ю. ш., оказались бесплодными, но Фолклендские острова Байрон посетил и нашел на них французскую колонию Бугенвиля. Приняв их за остров Пепис, Байрон официально объявил их владением английского короля Георга III[1]. Последующее плавание Байрона через Тихий океан привело к открытию ряда мелких островов и дало, как казалось Байрону, указание на существование земли где-то южнее, хотя в этом Байрон заблуждался, и там, где он думал найти землю, ее не было и в помине.

Итоги путешествия Байрона принесли с собой одни разочарования; но почти тотчас же после его возвращения для исследования Тихого океана было послано два других судна: одно под командованием капитана Уоллиса, а другое—Картерета. Суда разошлись у западного конца Магелланова пролива и более уже не встречались. Уоллис пересек Тихий океан на низкой широте, и важнейшим его достижением было открытие острова Таити. Картерет шел на несколько более высокой широте и, не найдя ни «Земли Дэвиса», ни других стран, фигурировавших на картах Тихого океана того времени, еще раз открыл острова Санта-Крус, хотя попытка его найти Соломоновы острова по их положению на карте оказалась безуспешной; позже он обнаружил их к западу от Санта-Крус. После этого Картерет открыл пролив, отделяющий Новую Ирландию от Новой Британии, прошел мимо островов Адмиралтейства и достиг Индонезии. И ему не удалось разрешить загадки южной части Тихого океана, хотя он и нанес на карту много новых и исправил много старых подробностей.

---

[1] Байрон никак не мог принять всерьез Фолклендские острова за мифический Пепис, так как они находятся по крайней мере на 4° южнее (за 51° ю.ш.) и не раз посещались до этого (с конца XVI в.) мореплавателями различных стран, в том числе и английскими. Но такая «ошибка» была выгодна английскому правительству, которое послало Байрона на Фолклендские острова именно для ликвидации под любым предлогом французского поселения.— *Прим. ред.*

Луи-Антуан де-Бугенвиль, находившийся на французской службе в Канаде и два раза—в 1763 и 1765 гг.—проведший колонизационные экспедиции на Фолклендские острова, в 1766 г. отправился в новую экспедицию для передачи этих островов Испании. Оттуда он проследовал в Рио-де-Жанейро, где захватил с собой ожидавшее его судно с продовольствием и запасами, и в июле 1767 г. отправился в кругосветное путешествие. Вначале он занялся поисками «Земли Дэвиса» в Тихом океане, а потом продолжал свой путь на запад в надежде найти хоть какой-нибудь ключ к проблеме южного континента. После захода на Таити Бугенвиль открыл несколько островов, названных им островами Мореплавателей (в группе островов Самоа). Он посетил Новые Гебриды и совершенно правильно заключил, что именно эти острова Кирос принял за Австралию, прошел через архипелаг Луизиады и, ничего не зная о недавнем открытии Картерета, обошел вокруг Новой Ирландии и достиг таким образом северного берега Новой Гвинеи. В 1769 г. после долгого и успешного путешествия, но так и не разрешив проблему южной части Тихого океана, экспедиция Бугенвиля вернулась во Францию[1].

Вскоре после путешествия Бугенвиля в дело познания географии Тихого океана внес свой замечательный вклад Джемс Кук[2]. Как и Бугенвиль, Кук служил в Канаде, где проделал ценную работу по съемке как реки Св. Лаврентия, так и берегов Ньюфаундленда. В 1768 г. Кук был назначен командиром экспедиции, организованной Королевским Обществом в Лондоне для производства астрономических наблюдений над прохождением Венеры, которое должно было иметь место в следующем году. Таково было его официальное задание, но наряду с этим Кук получил поручение отправиться в южном направлении

«...с целью открытия континента [который должен находиться к югу от пути Уоллиса], пока вы не достигнете 40° ю. ш., если только вы не встретите его раньше; если же вы и на этой параллели не найдете ни земли, ни каких-либо ясных признаков ее, продолжайте поиски в западном направлении между вышеупомянутой параллелью и параллелью 35° ю. ш., пока вы не откроете земли или не дойдете до восточного края земли, открытой Тасманом, ныне именуемой Новой Зеландией. Если вам не удастся найти этот континент... вы должны достигнуть Новой Зеландии, точно определить те широты и долготы,

[1] Это была первая французская кругосветная экспедиция. Подробнее о ней см. *Н. Лебедев*, «Завоевание земли», т. II, 1947, стр. 130—134.—*Прим. ред.*

[2] Лучшая английская биография Кука написана А. Китсоном (1907). «Путешествия» Кука много раз переиздавались. Наиболее авторитетным трудом по первому путешествию Кука является *W. J. L. Wharton*, Captain Cook's Journal during his First Voyage (1893). Краткая, но очень хорошая биография Кука—*R. T. Gould*, Captain Cook (1935).—*Прим. автора.*

под которыми находится эта земля, и обследовать насколько можно большую часть ее побережья».

Таким образом, наблюдение над прохождением Венеры было лишь ширмой для путешествия, конкретной целью которого было открытие южного континента и присоединение новых территорий к Британской империи. Куку дали с собой много материалов, которые могли оказаться ему полезными. У него был экземпляр книги француза де-Бросса «История плаваний к южным территориям», содержавшей множество интересных замечаний по поводу южного континента и призыв к французам—энергично действовать в этом районе. Этот призыв вместе с этой же аргументацией был заимствован и повторен в 1766 г. Каллендером в Англии, с той разницей, что в этом случае он был обращен к англичанам. Далее, у одного из участников экспедиции Кука, Джозефа Бэнкса, имелся рукописный экземпляр сочинения Дальримпля[1], переданный ему автором. Дальримпль твердо верил в существование южного континента и не только сообщал известия других путешественников о нем, но и написал о нем небольшую книгу. Дальримпль считал, что этот континент лежит на очень небольшом расстоянии от Южной Америки.

Кук отплыл 26 августа 1768 г., прошел проливом Лемэра и обогнул мыс Горн. После этого он направился через Тихий океан к островам Общества[2] и по пути занес в журнал следующее замечание: «Я прошел гораздо далее на запад, чем какое-либо судно до меня, но ничего по пути не открыл, пока не прибыл под тропик, где мы и открыли несколько островов». Таким образом, первоначальные поиски континента в указанном Дальримплем районе оказались бесплодными. 13 апреля 1769 г. Кук прибыл на острова Общества и остался на них до июля.

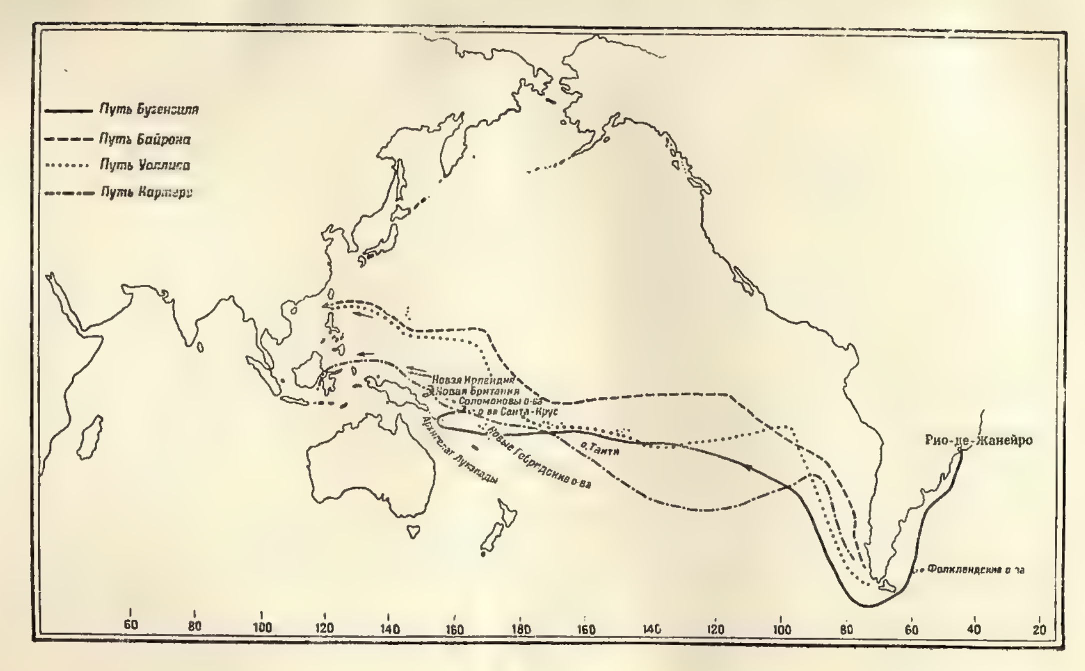
«3 июня,—записывает он,—день был таким, что лучшего для наших целей нельзя было бы пожелать. Весь день не было ни облачка, и воздух был совершенно прозрачен, так что налицо были все условия, чтобы произвести наблюдения над полным прохождением планеты Венеры через солнечный диск».

Помимо выполнения этого ответственного научного задания, Кук собрал также множество ценных сведений по поводу островов Общества.

---

[1] Александр Дальримпль—соперник и личный враг Кука, стремившийся возглавить английскую тихоокеанскую экспедицию 1768 г. После назначения Кука, когда тот уже находился в дальнем плавании (в 1769 г.), опубликовал памфлет (написанный им за два года до этого) об испанских тихоокеанских открытиях, в частности об открытиях Торреса (по архивным испанским материалам, захваченным англичанами на Филиппинах).—*Прим. ред.*

[2] Иначе (неправильно) «Товарищества».—*Прим. ред.*


Путь Бугенвиля
Путь Байрона
Путь Уоллиса
Путь Картерэ
Новая Ирландия
Новая Британия
Соломоновы о-ва
о-ва Санта-Крус
Архипелаг Луизиады
Новые Гебридские о-ва
о. Таити
Рио-де-Жанейро
Фолклендские о-ва
60
80
100
120
140
160
180
160
140
120
100
80
60
40
20

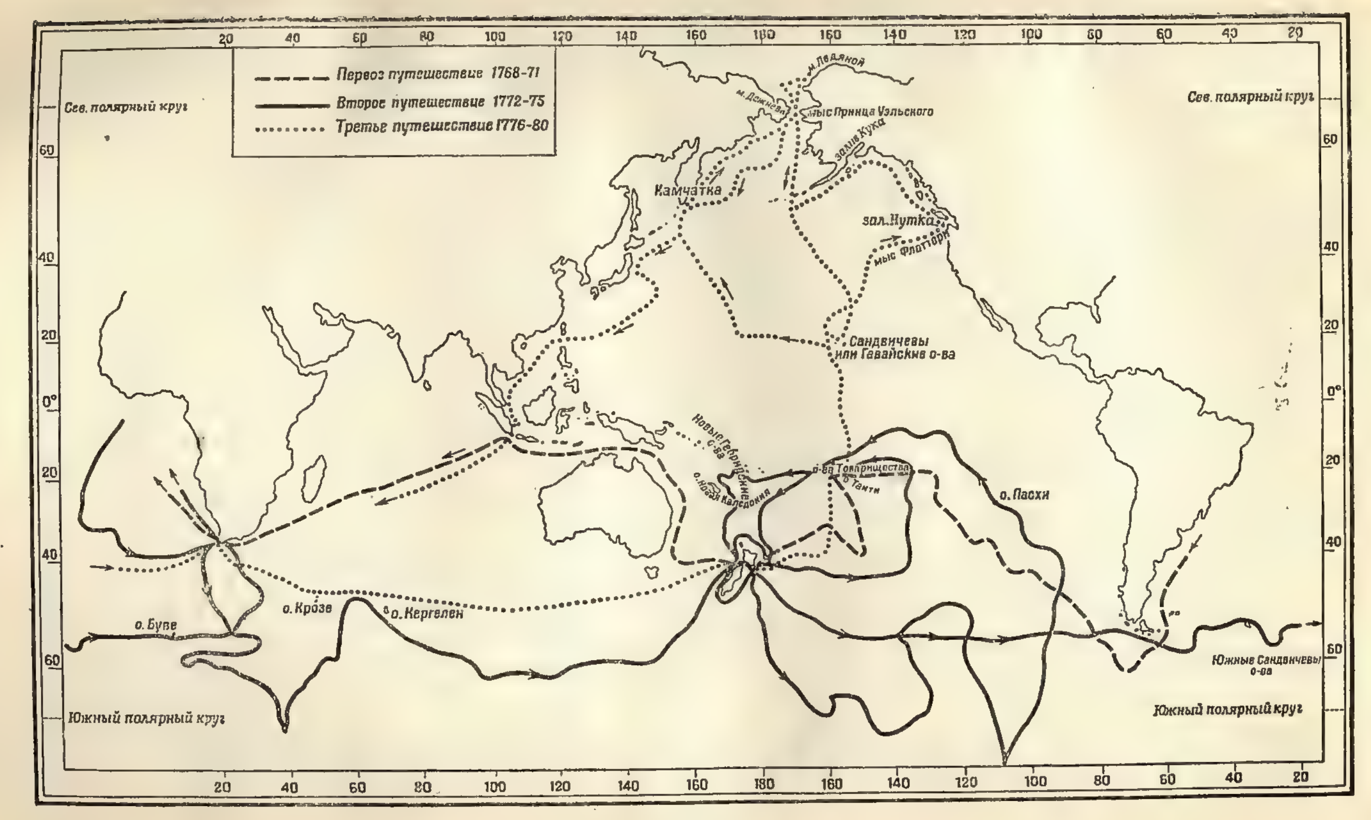
19. Век Кука—I.

После этого Кук приступил к выполнению своего основного задания и, выйдя в плавание в южном направлении, достиг Новой Зеландии вблизи залива Поверти. «Эта земля сделалась предметом самого ожесточенного обсуждения; но, в общем, все более или менее сошлись на том, что мы нашли неизвестную южную страну — и Терра Австралис Инкогнита». Кук поплыл на юг до мыса Возвращения, после чего обошел весь Северный остров, против хода часовой стрелки, до юго-западного угла его, далее, через пролив Кука и обратно к мысу Возвращения, доказав этим, что земля была островом, что подвергалось сомнению со стороны нескольких офицеров. После этого Кук обошел по ходу часовой стрелки Южный остров и опять-таки доказал его островной характер, хотя остров Стюарт был принят по ошибке за часть Южного острова. Кук составил очень точные карты обоих островов. После этого Кук решил вернуться на родину «тем путем, который представится наиболее выгодным для дела». Сам он хотел бы плыть вокруг мыса Горн, чтобы разрешить проблему южного континента, но считал нецелесообразным задерживаться в высоких широтах «в самый разгар зимы с неподходящим для этой цели судном». По этой же причине, а также потому, что других открытий в этом направлении не предвиделось, исключен был и прямой путь мимо мыса Доброй Надежды.

«Поэтому было решено, что мы вернемся через индийские моря и что с этой целью после отплытия возьмем курс на запад, пока не дойдем до восточного побережья Новой Голландии[1], вдоль которого мы и будем продолжать путь на север, пока не достигнем его северной оконечности, а если это окажется невозможным, будем пытаться искать землю или острова, по имеющимся данным, открытые Киросом. С такой целью на рассвете 31 марта 1770 г. в субботу мы подняли паруса и вышли в море со свежим юго-восточным ветром и при ясной погоде; мы отправились от восточного выступа, виденного нами в полдень 23-го числа; в связи с нашим отплытием я дал ему название мыс Фаруэл (Прощание)».

Намеченный план был успешно проведен в жизнь. 19 апреля на горизонте вновь показалась земля. «Я определил ее местоположение под 38° ю. ш. и назвал ее «Пойнт-Хикс», ибо первым завидел ее наш старший лейтенант Хикс». На юге земля не показывалась, и Кук разумно воздержался от догадок по поводу того, соединяется ли вновь открытая им земля с Вандименовой землей или нет. Не задерживаясь для выяснения этого момента, он продолжал плыть вдоль берега в северном направлении, едва не потерпев крушение на Большом Барьерном Рифе, пока не достиг мыса Йорк. Как показывает его запись, он полностью выполнил возложенное на него задание.

[1] Т. е. Австралии. — *Прим. ред.*



20. Век Кука—II.

«Поскольку я собирался покинуть восточный берег Новой Голландии, вдоль которого я шел от 38-й параллели до этой точки и где, как я уверен, до меня не был ни один европеец, я, несмотря на то, что — присоединил к Англии несколько отдельных разрозненных территорий, теперь от имени его величества Короля Георга III объявил владением Англии весь восточный берег от 38° ю. ш. до этого пункта и назвал его «Новым Южным Уэльсом».

После этого Кук проследовал через Торресов пролив. Запись Кука по поводу этого открытия звучит скромно и благородно. Ссылаясь на карты Новой Гвинеи, приложенные к «Путешествиям» Де-Бри[1], Кук пишет:

«Еще до того как я видел эти карты, я всегда считал, что вопрос о том, являются ли Новая Голландия и Новая Гвинея одной сплошной территорией, остается открытым, и то же говорит «История путешествий», к которой приложены эти карты. Но теперь мы устранили все сомнения по этому вопросу, хотя я думаю, что это было известно и раньше, но не опубликовывалось[2]. Я ни на что не претендую, разве только на устранение сомнения».

Кук вернулся в Англию через Батавию, где ему удалось отремонтировать свое судно, но где экипаж сильно потрепала лихорадка. Наконец 13 июля 1771 г., после чрезвычайно успешной экспедиции, Кук прибыл в Англию и стал на рейде Даунс в графстве Кент. Он не разрешил проблемы Южного материка, и вовсе не он открыл Австралию, как это утверждают некоторые. После него осталось еще несколько нерешенных вопросов, как, например, положение Стюарта, принятого им за часть южного острова Новой Зеландии, и местоположение Бассова пролива; но все же, помимо первоклассных политических результатов его путешествия, Кук внес также крупный вклад в географию. Он раз навсегда установил островное положение Новой Зеландии, принимавшейся Тасманом за часть южного континента. Своим плаванием на юг от Таити он очень сильно сузил рамки того пространства, где еще можно было искать этот южный континент. Он объединил в одно целое работу Тасмана в Новой Зеландии с работами голландских исследователей и Дампьера в Северной Австралии, в результате чего был нанесен на карту восточный берег этого острова-материка. Он вновь сообщил о существовании Торресова пролива[3]. К его заслугам надо также отнести создание ряда очень точных карт и тот огромного значения

[1] Де-Бри (De-Bry)—голландский издатель конца XVII—начала XVIII в., выпустивший в свет многотомную серию «Сборника путешествий».—*Прим. ред.*

[2] Косвенное указание на то, что Кук знал об открытии Торреса.—*Прим. ред.*

[3] Неточно. Дальримпль сделал это в 1769 г., т. е. до возвращения Кука в Англию. См. прим. 1 на стр. 196.—*Прим. ред.*

факт, что он уберег экипаж от болезней. Печальная необходимость захода в Батавию сильно увеличила смертность среди людей; до этого несчастья Кук с полным правом писал в своем дневнике: «С удовлетворением могу заявить, что за все путешествие ни один человек у меня не умер от болезни».

Мы уже упоминали об интересе французов к проблеме южной части Тихого океана, нашедшем себе особенное отражение в путешествии Буве и в работе Де-Бросса. В 1771 г. Ив-Жозеф де-Кергелен-Тремарек предпринял экспедицию, сходную по характеру с экспедицией Буве, с целью открытия «Земли Гонневиля». Он нашел большой остров к югу от острова Маврикия. Остров этот носит с тех пор его имя, но сам Кергелен невероятно переоценил его характер и значение:

«Земли, которые я имел счастье открыть,—записал он,—повидимому, образуют центральный массив антарктического континента... а земля, названная мной Южной Францией, господствует над путями в Индию, к Молуккским островам, Китаю и южным морям. Широта, под которой она лежит, гарантирует, что на ней могут вызревать все те культуры, что и в метрополии... Нет сомнения, что в ней будет найдено ценное дерево, минералы, рубины, драгоценные камни и мрамор».

Последующее посещение Кергеленом этого острова в 1773 г. убедило его в том, что он ошибался; он признал, что остров не составляет части Южного материка, и с полным правом переименовал его в «землю Запустения».

В 1771 г. от Маврикия было совершено другое плавание, под командованием Марион-Дюфрена, в результате которого были открыты острова Марион и Крозе. После этого экспедиция посетила Тасманию и Новую Зеландию, где начальник экспедиции Марион-Дюфрен и несколько членов экипажа были убиты. Экспедиция, теперь уже под начальством Крозе, продолжала путешествие, но новых материалов не дала.

Путешествия французов были прерваны вторым путешествием Кука, так успешно поработавшего для разрешения мучившей французов проблемы, что следующий французский исследователь, Лаперуз, великодушно заявил о нем: «Кук сделал столько, что не оставил мне никакого дела,—разве только восхищаться им».

В результате второго путешествия Кука исчезли все сколько-нибудь серьезные сомнения в существовании южного континента[1].

[1] Это утверждение автора неверно: серьезные сомнения в существовании Южного материка не могли рассеяться в результате второго путешествия Кука, так как он, совершив плавание в высоких широтах южного полушария, нигде не нашел земли. Сомнения могли рассеяться только перед фактами, а первые факты о существовании Антарктиды дала лишь через несколько десятков лет великая русская экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева.—*Прим. ред.*

Данная Куку инструкция отражает влияние французских путешествий по Южному океану.

«От мыса Доброй Надежды я должен был следовать на юг и постараться достичь мыса Обрезания, лежавшего, по данным Буве, на широте 54° и примерно на долготе 11°20′ к востоку от Гринвича. В случае открытия этого мыса я должен был выяснить, является ли он частью континента, так долго привлекавшего внимание географов и прежних мореплавателей, или же частью острова. Если бы он оказался частью континента, я должен был как можно тщательнее изучить возможно большую его площадь и произвести всякого рода наблюдения, какие могут принести пользу мореходству, торговле или развитию естественных наук. Мне велено было также изучить дух, характер, размещение и численность жителей, буде там таковые окажутся, и постараться всеми средствами установить с ними дружеские отношения и союз; дарить им вещи, которые имеют цену в их глазах, вовлекать их в общение и проявлять по отношению к ним всяческую вежливость и уважение. Я должен был продолжать вести эту работу и в то же время делать открытия либо в западном, либо в восточном направлениях, в зависимости от того, как мне будет удобнее по моему положению; при этом держаться на возможно более высоких широтах и вести исследования как можно дальше на юг, вплоть до полюса... Если же мыс Обрезания окажется всего лишь частью острова или же если мне его вовсе не удастся найти, я должен был в первом случае произвести необходимую съемку острова и после этого отправиться в плавание на юг до тех пор, пока будет существовать надежда на достижение континента; то же я должен был делать и в последнем случае. А после этого я должен был проследовать в поисках означенного континента на восток и попутно делать открытия всех тех островов, какие могут встретиться в этой неисследованной части южного полушария; держаться в высоких широтах и продолжать производить упомянутые выше открытия максимально близко к полюсу, покуда я не обойду весь земной шар. После этого я должен был вернуться к мысу Доброй Надежды и оттуда проследовать в Спитхед [у Саутгемптона]».

Кук отплыл из Плимута 13 июля 1772 г. с флотилией в составе двух судов—«Резолюшен» и «Адвенчер». 30 октября суда прибыли в Столовую бухту в Южной Африке. После месячной стоянки суда вновь вышли в море на поиски мыса Буве, но не нашли ни острова, ни континента. В течение шести недель Кук плавал по Южному океану. 17 января 1773 г. он пересек Южный Полярный Круг на меридиане 39°35′ в. д., и лишь дойдя до широты 67°15′ решил повернуть к Новой Зеландии. Дальнейшие поиски континента к востоку от Новой Зеландии также ничего не дали, и Кук направился к Таити и к островам Дружбы (Тонга). Третьим

районом поисков был океан к югу от Новой Зеландии, где суда достигли крайней южной точки уже во льдах, на широте 71°10′ и долготе 106°54′ к западу от Гринвича. Интересны соображения Кука по этому поводу.

«Я не берусь утверждать,—писал он,—что нет никакой возможности где-либо проникнуть далее на юг, но такого рода попытка была бы опасным и необдуманным делом, каковое, по-моему, исключается для человека в моем положении. Мое мнение и мнение большинства моих спутников сводилось к тому, что этот лед тянулся до самого полюса или, быть может, до какой-нибудь земли, в которую он упирается спокон веку; и что именно здесь, то есть к югу от достигнутой нами параллели, впервые и образуется весь встречающийся, разбросанный далее на север лед, который разбивается бурями и по другим причинам и относится на север океаническими течениями, всегда в этих широтах принимающими северное направление. Приблизившись к этому льду, мы услышали крики пингвинов, но самих птиц не видели; видели также слишком мало других птиц или вообще чего-либо, что могло бы дать основание предположить близость земли. И все же мне кажется, что такая земля должна быть дальше к югу, за льдами, но если даже она и есть, все, что она может предложить птицам или каким-либо другим живым существам,—это все тот же лед, которым она, должно быть, целиком покрыта».

Кук пошел обратно к острову Пасхи, попутно пытаясь найти землю, будто бы открытую Хуаном Фернандесом у 38° ю. ш., но земли этой не нашел. Он открыл острова Худ и Пеллизер и после этого вернулся на Таити. Вслед за этим он посетил множество островов, тщательно исследовал Новые Гебриды, после чего отплыл к Новой Зеландии. По дороге он зашел на Новую Каледонию, северо-западное побережье которой исследовал, и на остров Норфолк. Из Новой Зеландии суда направились в плавание через Тихий океан, не встретив по дороге никакой суши до самой Огненной Земли. Таким образом, Южный материк не удалось найти и в четвертом районе поисков. Все еще продолжая путь на восток, Кук вновь открыл остров Южную Георгию[1], видел Южные Сандвичевы острова и дошел очень близко до того района, где должен был лежать мыс Буве. Отсюда он повернул на родину.

«Итак,—писал он,—я обошел кругом Южный океан на высокой широте и пересек его таким образом, что теперь уже совершенно ясно, что там не может быть никакого континента, разве только у полюса, и, следовательно, за пределами досягаемости для судов. Дважды посетив тропические моря, я не только разре-

[1] Первое открытие Южной Георгии приписывалось Америго Веспуччи (1501 г.).—*Прим. ред.*

шил вопрос о местоположении ранее открытых земель, но и сделал ряд новых открытий и, как мне кажется, оставил мало материала для дальнейших открытий и в этом районе. Поэтому я льщу себя надеждой, что цели этого путешествия во всех отношениях достигнуты: южное полушарие в достаточной степени исследовано и раз навсегда положен конец поискам южного континента, который приковывал все внимание некоторых морских держав в течение почти двух столетий и был излюбленным предметом рассуждений для географов почти всех времен.

Я не стану отрицать, что близ полюса может находиться континент или значительная земля. Напротив, я убежден, что такая земля там есть, и возможно, что мы видели часть ее. Ужасный холод, огромное количество ледяных островов и пловучих льдов — все это доказывает, что земля на юге должна быть. Я уже приводил причины, заставляющие меня думать, что эта южная земля должна лежать к югу от Атлантического и Индийского океанов или даже заходить сравнительно далеко на север. К этому я должен еще добавить, что на одних и тех же широтах в этих океанах мы испытывали значительно большие холода, чем в южной части Тихого океана...

Мне не пристало говорить, в какой мере достигнуты главные цели нашего путешествия. Хотя оно и не изобиловало замечательными происшествиями и даже не ознаменовалось какими-либо резкими переходами от удачи к неудаче и хотя мои записи в большей мере посвящены описанию нашего пути по морю, чем рассказам о наших операциях на суше, все же, с другой стороны, мыслящий читатель поймет, что мы прилежно и с успехом преследовали именно те цели, для достижения которых были посланы в южное полушарие. Если бы мы нашли здесь новый континент, мы бы смогли доставить большее удовлетворение любопытным; но, надеюсь, то, что мы после настойчивых поисков не нашли его, устраняет в будущем догадки по поводу будто бы остающихся неисследованными миров. Каков бы ни был приговор общества по поводу других вопросов, я лично, с большим удовлетворением и без претензии на какие-либо иные заслуги, кроме выполнения своего долга, заканчиваю отчет последним, основанным на фактах замечанием: мы сумели сберечь здоровье нашего многочисленного экипажа в течение такого долгого времени в разных климатических поясах и среди таких трудов и лишений, что, надеюсь, путешествие наше останется в памяти всех добрых людей после того, как вопрос о южном континенте перестанет привлекать внимание и создавать споры среди ученых».

Приведенные отрывки четко суммируют главные результаты второго путешествия Кука. Помимо открытия многих новых островов в Тихом океане и сохранения здоровья экипажа, он

показал, что южного континента, как он представлялся людям того времени, на самом деле не существует. Далее, Кук выдвинул свое собственное предположение о существовании антарктического континента, правильность которого была подтверждена исследователями XIX в.[1].

Третье путешествие Кука имело своей целью разрешение другой крупной географической проблемы, по поводу которой шли большие споры. Первоначальные попытки найти Северо-западный проход кончились неудачей; но в 1745 г. английское правительство предложило премию в 20 тыс. фунтов стерлингов первому, принадлежащему частному владельцу английскому судну, которое найдет проход из Гудсонова залива в Тихий океан. После того как попытки ряда таких экспедиций кончились неудачей, английское правительство расширило положение о премии: в соревновании разрешалось принимать участие и военным судам, поиски Северо-западного прохода могли вестись откуда угодно, а не обязательно из Гудсонова залива. Именно в результате этого Кук и получил приказ—отыскать проход со стороны Тихого океана. Экспедиция имела и политические задания: Куку была дана инструкция—объявить английскими все земли, до тех пор не открытые другими державами, и тщательно исследовать «недавно виденные французами острова, лежащие на 48° ю. ш., примерно на меридиане острова Маврикия». Ознакомление с текстом врученного Куку задания бросает свет на представления того времени о местонахождении прохода.

«По вашем прибытии на берег Нового Альбиона[2],—гласит предписание,—вы должны зайти в первую же удобную гавань, чтобы пополнить ваши запасы воды, дров и свежей провизии, а потом плыть вдоль побережья в северном направлении до широты 65° или,—если вам не помешают суша или льды, выше. При этом вы не должны терять время на исследование заливов или рек или вообще на что бы то ни было... пока вы не дойдете до указанной широты в 65°... Дойдя же до нее, вы должны самым тщательным образом искать и исследовать все сколько-нибудь значительные реки и заливы, расположенные в направлении к Гудсонову

[1] Кук считал, что никто в будущем не сможет совершить в Антарктике больше, чем он, но английский автор предпочитает умолчать об очень известном горделивом заявлении английского знаменитого мореплавателя после его возвращения из второго кругосветного путешествия: «Я смело могу сказать, что ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше, чем это удалось мне. Земли, что могут находиться на юге, никогда не будут исследованы...» (см. *Джемс Кук*, «Путешествие к Южному полюсу и вокруг света», 1948, стр. 434).—*Прим. ред.*

[2] «Новый Альбион»—название, которое первый английский кругосветный путешественник пират Дрейк дал части тихоокеанской полосы Северной Америки, а именно области, находящейся к северу от полуострова Калифорнии в умеренно теплой зоне.—*Прим. ред.*

или Баффинову заливам. И если на основании ваших собственных наблюдений или собранных у туземцев сведений вы придете к заключению о достоверном или хотя бы вероятном существовании водного прохода к обоим вышеупомянутым заливам или одному из них, вы должны приложить все силы, чтобы пройти ими.

В том же случае, если вы твердо убедитесь, что сквозного удобного для судоходства прохода к упомянутым заливам нет, вы должны в соответствующее время года проследовать к Петропавловску на Камчатке или в какой-либо другой порт по вашему усмотрению, чтобы дать отдых команде и перезимовать. Весной же следующего, 1778 г. вы должны отплыть оттуда на север так далеко, как вы сочтете благоразумным, и оттуда вновь предпринять дальнейшие поиски Северо-восточного или Северо-западного проходов из Тихого океана в Атлантический или Ледовитый океан. И если ваши собственные наблюдения или полученные вами сведения приведут вас к заключению о вероятности существования такого прохода, вы должны выйти на его поиски, как указано выше. После открытия его, так же как и в случае неудачного исхода, вы должны направиться обратно в Англию тем путем, какой вы лично сочтете наилучшим в интересах развития географических знаний и мореплавания».

11 июля 1776 г. Кук отплыл из Плимута и, в соответствии с наказом, ознакомился с недавно открытыми французами островами. В противоположность Кергелен-Тремареку, посланные Куком на берег люди обнаружили, что открытый французами остров был «в высшей степени диким и бесплодным», а врач экспедиции заявил, что «быть может, ни одно место, открытое в обоих полушариях мира под той же широтой, не оказалось таким неинтересным для натуралиста, как этот безрадостный кусок суши». В феврале 1777 г. Кук достиг Новой Зеландии, откуда отплыл на Таити, сделав по пути одно-два небольших открытия. В начале декабря суда покинули острова Общества и примерно через месяц вновь открыли Сандвичевы (Гавайские) острова, местоположению которых на Тихом океане Кук правильно придавал крупнейшее значение. Наконец, в марте 1778 г. на широте 44°33′ Кук достиг берега Северной Америки и после этого видел ряд мест, включая одно под 48°15′ с. ш., названное им «мыс Флаттери», о котором он говорит: «Именно на этой широте географы помещали мнимый пролив Хуан-де-Фука. Мы никакого такого пролива не видели; и нет ни малейшей вероятности, что он вообще существует в природе». Начиная от залива Нутка, названного Куком «залив Короля Георга», на широте 49°39′ суда были вынуждены из-за неблагоприятной погоды держаться вдали от берега и подошли к нему лишь после того, как прибыли в район, уже посещенный

русскими путешественниками. Кук осмотрел залив Принца Вильяма[1] в надежде найти в нем «проход», но потом бросил «обещавшие так мало успеха» поиски; более тщательное исследование «реки» Кука[2] также не дало никаких результатов. Кук пришел к заключению, что «Североамериканский континент простирается на запад далее, чем можно было бы резонно предполагать на основании наилучших современных карт». К этому он с некоторым основанием присовокупил:

«Это делает существование прохода в Баффинов или Гудсонов заливы менее вероятным или по крайней мере говорит о том, что он должен быть гораздо более длинным. Я испытываю чувство удовлетворения, когда думаю, что—не исследуй я этого весьма значительного залива,—кабинетные географы обязательно бы измыслили и считали бы бесспорным, что он сообщается с Баффиновым или Гудсоновым заливами на востоке и, быть может, нанесли бы его на будущие карты мира с еще большей степенью точности и достоверности, чем никем не виданные, потому что выдуманные, проливы де-Фука и де-Фонте[3].

Кук продолжал исследование побережья до крайней западной оконечности Североамериканского континента—мыса Принца Уэльского, а после этого посвятил некоторое время изучению Берингова пролива и Чукотского моря к северу от него. Два данных Куком названия—«мыс Айси» (Ледяной) на Аляске и «Восточный» мыс[4] могут служить указанием на крайние точки его путешествия, до того как необходимость искать удобного для зимовки места не вынудила его повернуть обратно на юг. По возвращении на Сандвичевы острова Кук открыл самый большой среди них—Гавайи, который он не видел, когда шел на север. На этом острове он был убит туземцами. На следующий год экспедиция продолжила свою работу, теперь уже под командованием капитана Клерка, который посетил Камчатку и дошел на севере до 70°35′, но также не решил проблему Северо-западного прохода.

За все путешествие оба судна вместе потеряли из всей команды всего лишь пять человек, трое из которых были больны еще при отплытии. Хотя основная цель экспедиции и не была достигнута, Кук проделал большую и ценную работу в указанном ему районе. Это путешествие Кука было достойным завершением карьеры

---

[1] Русское название залива—Чугацкий.—*Прим. ред.*

[2] Подразумевается длинный залив Кука, который русские называли «Кенайской губой». В этом длинном заливе наблюдаются исключительно сильные приливные течения, а высота прилива достигает без малого 13 *м*.—*Прим. ред.*

[3] Стоящее под сомнением путешествие де-Фонте было якобы совершено им в 1640 г. См. приложение в конце книги.—*Прим. автора.*

[4] Мыс Дежнева, называемый русскими в те времена «Чукоцкий Нос».—*Прим. ред.*

человека, который, по всеобщему признанию, является крупнейшим путешественником своего века. Строгий и требовательный и вместе с тем справедливый и честный, Кук подвергал самого себя всем тем лишениям, какие приходилось испытывать членам его экипажа. Совершенно бесстрашный, не терявший чувства бодрости в самые критические минуты и всегда занятый каким-нибудь делом, Кук пользовался почтением и иногда даже поклонением со стороны туземцев Тихого океана, так же как и уважением команды. Когда он умер, его моряков охватило большое уныние; они пали духом и долго молчали, как будто потеряли отца, и Кук унес с собой в могилу «дух открытий, решимость и непобедимое мужество».

Несмотря на большой размах и солидность своего метода исследований, Кук никоим образом на разрешил всех географических проблем Тихого океана. Но слава его была так велика, что достижения его преемников остались в тени или даже совершенно забыты[1].

Французская экспедиция Франсуа Лаперуза (François Galaup de La Pérouse), вышедшая в плавание к концу американской войны за независимость, заполнила множество белых мест, оставленных на карте Куком, но все же сделала гораздо меньше, чем было намечено ее организаторами. Ее начальнику было дано предписание произвести работу в четырех районах: в Южном океане он должен был до конца разобраться в вопросе о мысе Буве и закончить начатое Куком исследование Южных Сандвичевых островов и Южной Георгии; под тропиками Лаперуз должен был продолжить исследование островов, лежащих между группой островов Общества, Новой Зеландией, Австралией и Новой Гвинеей, и ознакомиться с заливом Карпентария; у берегов Азии Лаперуз должен был изучить весь участок пути от Китая до Камчатки, с особенным упором на нерешенную проблему, связанную с островом Хоккайдо; на противоположной стороне Тихого океана ему предписывалось внимательно осмотреть побережье Америки с целью открытия прохода к Атлантическому океану.

Экспедиция Лаперуза в составе двух судов вышла из Бреста 1 августа 1785 г. и, обогнув мыс Горн, посетила чилийский берег, остров Пасхи и Гавайские острова, после чего приступила к вы-

[1] Кругосветные путешествия Кука вызывали живейший интерес среди образованных людей его времени, а описания их переводились на многие европейские языки. На русском языке первая статья о кругосветном плавании Кука появилась в 1773 г. (в журнале Академии наук). В конце XVIII—начале XIX в. описания его путешествий были переведены на русский язык известным морским деятелем Голенищевым-Кутузовым. Последний (свободный) перевод на русский язык описания второго кругосветного плавания Кука («Путешествие к Южному полюсу и вокруг света»), вышел в свет в 1948 г. (Географгиз) со вступительной статьей редактора «Джемс Кук, его действительные и мнимые открытия».—*Прим. ред.*

полнению данного ей задания на западном побережье Америки. Лаперуз подошел к берегу в районе горы Св. Ильи на Аляске. Будучи высокого мнения о работе Кука, он решил вести свои исследования в южном направлении вдоль той части суши, которую Кук либо не видел, либо подверг лишь поверхностному осмотру. В соответствии с этим он и направился на юг к Монтерею, попутно изучая контуры побережья, и пришел к заключению, что вдоль берега лежал целый архипелаг (острова Королевы Шарлотты). Хотя Лаперуз шел уже довольно известным путем и пропустил множество деталей побережья, все же его добросовестный труд явился ценным дополнением к трудам русских, испанцев и англичан.

После того как Лаперуз пересек Тихий океан севернее Гавайских островов и достиг Макао, он взял курс на Филиппины, а оттуда 9 апреля 1787 г. вышел в плавание для исследования берега Азии. Он прошел мимо Формозы, островов Лю-Цю (Рюкю), острова Квельпарт, через Корейский пролив и Японское море до Татарского пролива, отделяющего Сахалин от материка. Он пошел этим проливом, пока не достиг его наиболее узкой части и после этого повернул обратно и обогнул южную оконечность Сахалина, доказав тем самым, что он не соединялся с Йезо[1]. Далее Лаперуз прошел вдоль Курильских островов до Камчатки, откуда и послал через Сибирь во Францию донесение о своем путешествии.

После этого Лаперуз направился на юг и, посетив по пути острова Мореплавателей и острова Дружбы, в январе 1788 г. достиг Порт-Джексона в Австралии. После месячного отдыха он отправился в свое последнее плавание, о котором известно только то, что его суда потерпели крушение у острова Ваникоро в группе Санта-Крус и все участники экспедиции либо пошли ко дну, либо погибли от руки туземцев. Согласно донесению Лаперуза, посланному из Австралии еще до того, как он вышел в это последнее плавание, он стремился выполнить данное ему задание и исследовать острова в тропической зоне и в заливе Карпентария. В каком объеме он осуществил свое намерение, мы не знаем. Но если он и достиг меньшего, чем Кук, то при этом он следовал заложенным последним основам научного исследования. Его команда пользовалась хорошим обслуживанием; его натуралисты старались, где только возможно, собирать новые материалы о странах Тихого океана, а его съемки, как бы неполны они ни были, дают точное представление о множестве важных географических деталей и являются достойным памятником этому способному и трудолюбивому французскому путешественнику.

[1] Русским это стало известно не позднее 2-й четверти XVIII в.: в 1734 г. в «Атласе Всероссийской Империи» Кирилова Сахалин отделен проливом от Хоккайдо. — *Прим. ред.*

Вызванный этими открытиями интерес к Тихому океану дал большой толчок пушной торговле, и начиная с 1785 г. множество торговых судов начало ходить в залив Нутка и соседние районы. Совершенно естественно, что некоторые из них чисто случайно сделали ряд важных географических открытий. Из числа тех, кто способствовал детальному изучению побережья Америки, следует упомянуть Портлока, Диксона, Мирса и Барклея. Последнему приписывается открытие пролива Хуан-де-Фука, так же как и пролива, отделяющего остров Ванкувер от материка. Проявили активность также испанцы, не только пославшие экспедиции для изучения берега вблизи залива Нутка и пролива Хуан-де-Фука, но организовавшие также очень важное путешествие под начальством Маласпины для отыскания Северо-западного прохода у югозападного берега Аляски. Маласпина провел почти четыре года в этих поисках и дал многое для познания географии не только северных областей, но также и обоих берегов Южной Америки и Филиппинских островов.

Донесения Мирса наводили на мысль, что пролив Хуан-де-Фука все же, может быть, ведет к Северо-западному проходу, и англичане начали готовить соответствующую экспедицию. Этого испугались испанцы и тотчас же захватили английский укрепленный пост в заливе Нутка, в результате чего между этими двумя странами чуть не вспыхнула война. Английский премьер-министр Питт требовал восстановления военного поста и компенсации, что повело к отправке к американскому побережью специальной экспедиции под командованием капитана Джорджа Ванкувера. Экспедиции этой было дано двойное задание: во-первых, окончательно урегулировать возникший в заливе Нутка конфликт и, во-вторых, проверить, насколько верны были предположения Мирса о существовании Северо-западного прохода. Ванкуверу было особо предписано изучить побережье в районе между 60 и 30° параллелями с целью

«получения точных сведений относительно природы и протяжения водных коммуникаций, которые могли бы сколько-нибудь облегчить торговую связь между северо-западным побережьем и областями на противоположной стороне североамериканского континента».

Ванкуверу было предписано также «особенно тщательно исследовать пролив Хуан-де-Фука, предположительно находящийся между 48 и 49° параллелями и якобы ведущий к проходу, сквозь который в 1789 г. прошел военный шлюп «Вашингтон»[1], вышедший

---

[1] Шлюпом «Вашингтон» командовал Роберт Грей. После встречи с ним в 1792 г. Ванкувер записал у себя в дневнике: «Невозможно себе представить большего изумления, чем то, какое выразил Грей, когда услышал, что Мирс в своих утверждениях ссылался на него и даже описывал

снова к северу от залива Нутка. В особенности полезно было бы открытие короткой коммуникационной линии между такого рода заливом или проливом и всякого рода впадающей в Лесное озеро или вытекающей из него рекой».

В случае неудачи в этом районе Ванкуверу предписывалось сделать попытку найти проход в районе «реки» Кука[1].

21. Век Кука—III.

Оба судна под командованием Ванкувера вышли из Фалмута 1 апреля 1791 г. и, обогнув мыс Доброй Надежды, 26 сентября завидели юго-западный берег Австралии. От Мыса Чатам (названного так Ванкувером) побережье было исследовано на протяжении примерно 500 *км*, причем было собрано много ценных сведений. После этого Ванкувер посетил Тасманию, Новую Зеландию, Таити и Гавайские острова. Североамериканского берега Ванкувер достиг лишь 17 апреля 1792 г. на 39°20′ с. ш. Ванкувер тотчас же принялся за свой трехлетний труд по изучению побережья, «равного которому по основательности и тщательности, вероятно,

трассу путешествия, якобы совершенного Греем на шлюпе «Вашингтон». Он заверил офицеров, что проник в глубь этого залива лишь на 50 миль». Позже Грей вторично открыл устье реки Колумбия.—*Прим. автора.*

[1] См. прим. 2 на стр. 207.—*Прим. ред.*

нет во всей истории географических открытий» (Хевуд[1]). С помощью ряда способных и подготовленных офицеров—Пюджета, Браутона, Маджа, Бейкера, Хансона, Уидби и Джонстона—в ходе этой экспедиции Ванкувер сумел изучить все побережье до открытого Куком и названного в его честь залива, ранее ошибочно считавшегося рекой. Нет нужды детально прослеживать подробности его исследовательской работы, проведенной сначала в районе залива Пюджет-Саунд и пролива Джонстона, затем между 52 и 56° с. ш. и, наконец, от залива Кука до Чатамского пролива[2]. Достаточно беглого взгляда на составленные Ванкувером карты, чтобы убедиться не только в тщательности его работы, но и в тех исправлениях, что он внес в карты американского побережья того времени.

Помимо установления массы деталей, Ванкувер смог также донести правительству, что

«теперь, когда, наконец, достигнута главная цель, с какою, насколько я могу судить, его величество король отправил экспедицию, я позволю себе выразить надежду, что та тщательность, с которой нами была произведена съемка всего побережья Северо-западной Америки, рассеет всяческого рода неосновательные предположения о существовании в пределах исследованного нами района Северо-западного прохода или какого-либо другого водного судоходного пути, якобы соединяющего северную часть Тихого океана с внутренними частями американского континента».

20 октября 1795 г. Ванкувер вернулся в устье Темзы, а в 1798 г. умер. Выросший в школе Кука, к которому он питал большое уважение, и поддерживавший самые лучшие традиции английского флота, Ванкувер получил недостаточное признание, да он и сам не стремился к славе. Ввиду этого его крупные заслуги остались почти неизвестными, и он сам был едва ли не полностью забыт. На самом деле его съемки настолько солидно сделаны, что (так же, как и съемки Кука) выдержали испытание многих лет, и некоторые из них до сих пор остаются непревзойденными. Ему обеспечено видное место в ряду исследователей Тихого океана.

Сопровождавший Ванкувера на одном из судов капитан Браутон, откомандированный им в 1793 г. с донесением на родину, двумя годами позже возвратился на Тихий океан и в 1796 г. начал ряд важных исследований по его азиатской стороне. В течение первого года плавания он проследовал вдоль берегов Японии до южных Курильских островов и открыл пролив к югу от Йезо

---

[1] *Хевуд* (Heawood)—автор «Истории географических открытий в XVII и XVIII вв.» (1912). Очень высокого мнения о Ванкувере был замечательный русский мореплаватель В. М. Головнин.—*Прим. ред.*

[2] В то время весьма значительная часть побережья Аляски уже была изучена русскими мореплавателями и промышленниками.—*Прим. ред.*

(Цугару)[1]. В 1797 г. он пересек Японское море, зашел в пролив, отделяющий Сахалин от материка, и прошел обратно вдоль побережья Азии до острова Квельпарт. Его путешествие не смогло полностью устранить всяческого рода сомнений по поводу этого побережья, но в нескольких важных деталях послужило дополнением к работе Лаперуза.

Мы уже упоминали о посещении Порт-Джексона Лаперузом в январе 1788 г. Он удивился, найдя там английское поселение, основанное всего лишь за несколько недель до его прибытия[2]. Наличие этого поселка косвенно способствовало росту успехов в деле изучения Тихого океана и в особенности той его части, где погиб Лаперуз. Открытия, сделанные судами, доставившими первых колонистов, на обратном пути из Австралии, или судами, позже посещавшими Порт-Джексон, заключались главным образом в обнаружении островов до того не известных или таких островов, положение и очертания которых были до того недостаточно хорошо известны. Именно так капитан одного из этих судов Ливер открыл острова Кертис и Маколей в группе островов Кермадек. Более крупное значение имели открытия капитанов Маршалла и Гилберта (их имена увековечены в названиях групп островов, через которые они прошли, следуя новым путем через Тихий океан), а также лейтенанта Шортленда, много поработавшего на Соломоновых островах, хотя он и принял ошибочно некоторые острова за непрерывный массив суши и дал ей название Новой Георгии.

Среди других английских путешественников конца XVIII в. следует упомянуть капитана Хантера, продолжавшего съемку побережья Нового Южного Уэльса, начатую в 1788 г. губернатором Филиппом, и сильно подвинувшего вперед изучение островов, лежавших к югу от Соломоновых. Капитан Эдуардс нашел в 1792 г. несколько новых островов в архипелаге Туамоту. У побережья Тасмании лейтенант Бонд произвел съемку части пролива д'Антркасто, и то же сделал в 1793 г. капитан Джон Хейс. В том же году капитан Мортлок нашел несколько новых островов в Каролинской группе, а еще до исхода века Фанинг нашел острова, названные его именем; плавание же судна «Дафф» намного уточнило картографические представления о большом числе островов, расположенных между островами Туамоту и Каролинскими.

---

[1] Цугару задолго до его «открытия» Браутоном был известен русским и нанесен на морские карты под именем «Сангарского пролива». На генеральной карте «Атласа Всероссийской Империи» Кирилова 1734 г. показан безымянный пролив между Йезо и главным японским островом, а русский мореплаватель Шпанберг пользовался в 1738 г. картой, на которую был нанесен мыс Сангар на юге Йезо.—*Прим. ред.*

[2] Это было каторжное поселение—ячейка колонии Новый Южный Уэльс (позднее—штат Австралийского Союза).—*Прим. ред.*

В этот же период французы отправили на поиски пропавших судов Лаперуза крупную экспедицию под начальством д'Антркасто. Два судна вышли из Бреста 28 сентября 1791 г. и при переходе через Индийский океан почти совершенно точно определили положение острова Амстердам. 21 апреля суда достигли Тасмании, где произвели частичную съемку юго-восточного побережья, после чего направились к Новой Каледонии, юго-западное побережье которой они подробно засняли. Вслед за этим они направились к острову Амбойна, зайдя по дороге на остров Бугенвиль и пройдя проливом, отделяющим Новую Британию от Новой Ирландии.

Выйдя снова из Индонезии, д'Антркасто отправился в плавание вокруг Австралии, южный берег которой заснял до 131°30′ в. д., когда упорные восточные ветры заставили его повернуть на юг. Поэтому до того, как пойти к Тонгатабу и островам Дружбы, он снова посетил Тасманию. От островов Дружбы он направился к северной части Новой Каледонии, к островам Санта-Крус и Соломоновым. На этих лежащих к востоку от Новой Гвинеи островах д'Антркасто проделал большую и полезную работу, а затем перенес свою работу по съемке на самый остров Новую Гвинею. Залив, в который он вошел, он назвал заливом Юон в честь умершего в Новой Каледонии командира своего второго судна Юона-де-Кермадека. После этого он повернул обратно в восточном направлении, исследовал Новую Британию и намного улучшил существовавшую карту этого острова. Вскоре после этого д'Антркасто умер, и на этом исследовательская часть путешествия, по существу, закончилась. Экспедиции не удалось найти Лаперуза, но она сделала много для освещения ряда деталей той части океана, исследованию которой Лаперуз посвятил последнюю пору своей жизни. Многие из карт этой экспедиции, в особенности карты Южной Австралии работы Ботан-Бопре, отличаются высочайшими достоинствами, и можно сказать, что это путешествие во всех отношениях представляет собой достойное завершение французской исследовательской деятельности в южных морях в XVIII в.

К 1800 г. великий период исследования Тихого океана почти пришел к концу. Многое оставалось еще сделать в Австралии, где внутренние области континента продолжали оставаться почти совершенно неизвестными и где не было как следует изучено даже побережье. Но ее общие очертания были нанесены на карты с такой степенью точности, что открытия новых крупных земель ждать было нельзя. Почти то же можно сказать о Новой Гвинее, где исследование внутренних областей также еще не начиналось. Но все же на долю будущего выпадало в основном заполнение деталей; большие открытия в океане, явившиеся плодом непрерывных научных исследований, характеризовавших последние четыре десятилетия XVIII в., были уже сделаны.

Глава X

АЗИЯ, 1500—1800 гг.[1]

1. Южная и Центральная Азия

Открытие Азии для сношений с европейцами произошло не в результате больших сухопутных путешествий таких людей, как Марко Поло, а в результате открытия морского пути португальцами[2]. Однакоже не была полностью порвана и сухопутная связь, как об этом ясно свидетельствуют путешествия XV в. Шестнадцатое столетие открылось одним из самых обширных из всех вообще известных путешествий, а именно путешествием Лудовико Вартемы. Лудовико был охвачен «той же жаждой повидать различные государства на свете, что двигала другими путешественниками» и, как он сам объясняет в посвящении к своей книге, он «стремился узнать, где какое место находится, каковы свойства разных народов, насколько разнообразен животный мир в разных странах, какие имеются плоды и ароматические деревья в Египте, Сирии и Счастливой Аравии[3], в Персии, Индии и Эфиопии». Но даже и этот внушительный перечень не отражает фактического размаха его путешествий. В конце 1502 г. Вартема выехал из Европы в Египет, где он посетил Александрию и Каир. Оттуда он направился в Бейрут, Триполи, Алеппо и Дамаск, где вступил в состав охраны каравана, направлявшегося в Мекку и Медину. Это путешествие он благополучно совершил и, таким образом, был первым европейцем, посетившим святые для верующих мусульман места. Более поздний путешественник по Аравии, Ричард Бертон, дал высокую оценку точности его наблюдений. Пробравшись в Джедду, Вартема сел на судно, направлявшееся в Персию, и после захода в Джизан достиг Адена, «места встречи всех судов, идущих из Большой и Малой Индии, Эфиопии и Персии». Здесь он попал в тюрьму, сумел вырваться из нее и объехал некоторые

---

[1] Общего сводного труда, охватывающего весь период, нет. Очень ценен труд Хевуда «История географических открытий в XVII и XVIII веках» (*E. Heawood*, History of Geographical Discovery in Seventeenth and Eighteenth centuries, 1912).—*Прим. автора.*

[2] Речь идет об открытии непосредственных сношений западно-европейцев с Южной и Восточной Азией.—*Прим. ред.*

[3] «Счастливая Аравия»—часто употреблявшееся в древней и средневековой литературе название горной области Юго-Западной Аравии (Йемен).—*Прим. ред.*

внутренние области «Счастливой Аравии», интересное описание которых он и оставил потомству.

После этого Вартема посетил порт Зейла в Северо-Восточной Африке и собрал кое-какие сведения о его хинтерланде. Вслед за этим судно отплыло в Индию, и Вартема попал на нем сначала в Диу, а потом в Ормуз, из которого совершил поездку по Персии, посетил Герат и вернулся на побережье через Шираз. После этого он поехал снова в Индию, где и провел некоторое время на западном побережье и в Деккане. Позже он посетил Коромандельский берег, Цейлон и Индонезию и вернулся на родину через мыс Доброй Надежды. По пути его судно заходило в Мозамбик и, быть может, также на некоторые описываемые Вартемой острова.

Книга Лудовико Вартемы, впервые опубликованная в 1510 г., проливает много света, дает много интересного материала об Азии и в некоторых отношениях предваряет открытия португальцев. В Аравии и на островах за Явой Вартема явился подлинным пионером. Он даже слышал о «других народах, которые ходят по морю, руководясь четырьмя или пятью звездами, лежащими на противоположном нашему конце» (то есть созвездием Южного Креста). Вартема говорил, далее, что эти народы живут к югу от Явы, что некоторыми принималось за указание на существование Австралии. Иногда Вартема, как и все путешественники, начинает плести небылицы и очень часто обнаруживает полнсе невежество в географии посещенных им мест, но книга его пользовалась широкой популярностью и остается ценным документом ранних авантюрных путешествий эпохи великих открытий.

В то время как Вартема странствовал по Южной Азии, Дуарте Барбоса собирал материал для своей «Книги», законченной им в 1516 г. Барбоса был португалец, посетивший Индию в начале XVI в. Он хорошо изучил местные языки и совершил ряд далеких путешествий по Индии и прилегающим к ней морям. Назад он вернулся вокруг мыса Доброй Надежды и оставил хорошее описание ряда пунктов на восточном побережье Африки. Он рассказывает много интересного о двух важных торговых портах—Адене и Ормузе[1]. Барбоса точно и подробно описал Западную Индию от Гуджерата до южной оконечности полуострова, восточное же побережье он знал меньше. Кое-что он знал об архипелаге Индонезии вплоть до Суматры, быть может, посетил описанное им королевство Пегу[2], что же касается стран Дальнего Востока, Сиама, Индии и островов, лежащих за Суматрой, то он их лично не знал и полагался в отношении их на сведения, полученные либо от недавно прибывших португальских исследователей, либо от «заслу-

---

[1] К яркому описанию «Гурмызьского пристанища» Афанасием Никитиным сообщение Барбосы может прибавить очень мало. *Прим. ред.*

[2] Пегу—государство в западной части Индокитая.—*Прим. ред.*

22. Азия 1500—1800 гг.

живающих доверия мавров и язычников». Позже Барбоса сопровождал в путешествии на Молуккские острова Магеллана (женатого на его сестре) и был убит спустя несколько дней после смерти своего шурина. «Книга» Барбосы очень интересна и ценна, в особенности, поскольку она представляет собой описание ряда стран в момент вовлечения их в орбиту португальского влияния.

Тот огромный и новый район, что открылся путешественникам самого разнообразного рода, посетил среди прочих Мендеш Пинто. За двадцать один год своих скитаний (1537—1558) он пережил множество резких взлетов и крутых падений, пока не вернулся, наконец, в Испанию. Он побывал в Абиссинии, Ормузе, Индии, Суматре, Китае, Сиаме, Пегу и Японии. Он оставил описание последних трех государств, которое Перчес использовал в своем известном собрании материалов о путешествиях[1]. Пишет он, однако, как типичный авантюрист, и правдивость его много раз ставилась под сомнение, Астлей же называл его просто лжецом («Mendax»).

Следующее известие о королевстве Пегу принадлежит перу Гаспаро Бальби, достигшего в 1579 г. Индии сухопутным караванным путем через Алеппо, Багдад и Ормуз, а в 1583 г.—Пегу. Он пробыл более трех лет в Пегу, богатства короля которого произвели на него большое впечатление.

По словам венецианского купца Чезаре Фредерико, между 1568 и 1581 гг. он «беспрерывно путешествовал морем и сушей по всей Индии и по многим лежащим за ней странам». Так же как и Бальби, он попал в Индию с сухопутным караваном. В Индии он посетил португальские торговые фактории и собрал сведения об Индии и ее жителях. Кроме Индии он описывает также Цейлон, Суматру, город Малакку, «в котором ведется сказочно большая торговля всякого рода товарами», и королевство Пегу, о котором он повествует немало интересного. Он приводит также список важнейших товаров, которыми Европа обменивалась с Индией, дает полезные советы для сухопутных путешественников и указания, как европейцу следует вести себя на Востоке.

Венецианцы давно уже интересовались торговлей со странами Леванта. Нет ничего удивительного, что этот интерес не угасал и с ходом времени распространился на страны Дальнего Востока. Португальцы были преисполнены желанием полностью использовать выгоды, проистекавшие из их собственных открытий, и сохранить монополию на новый морской путь. Что же касается других государств, как например Англии, то им оставался выбор: либо вообще отказаться от торговли, либо найти новый путь на Восток. Они выбрали последнее и сделали множество безуспешных попыток

---

[1] Перчес (Purchas)—английский составитель собрания путешествий XVII в., продолжавший работу Хаклюйта.—*Прим. ред.*

открыть Северо-восточный и Северо-западный проходы. Однакоже поиски Северо-восточного прохода привели к открытию нового пути на Восток. Проведший много лет в странах Леванта Антони Дженкинсон в 1557 г. отправился в Россию и из Москвы двинулся вниз по Волге до Каспийского моря, северное побережье которого он в общих чертах осмотрел. После этого он прошел дальше в Бухару, куда и прибыл 23 декабря 1558 г. В Бухаре Дженкинсон прожил три с половиной месяца, после чего, опять-таки через Россию, вернулся в Англию. В 1561 г. он повторил свое путешествие и, пройдя дорогой вдоль западного берега Каспийского моря, в октябре 1562 г. достиг столицы Персии Казвина. Его путешествия дали англичанам многое для ознакомления как с Россией, так и со странами, лежащими к юго-востоку от нее[1]. Однакоже торговля англичан этим путем была только частично успешной и с 1581 г. вовсе прервалась.

Потребность в другом пути на Восток заставила ряд англичан сделать попытки пробраться туда через Левант. Не один Дженкинсон, а множество купцов торговало в странах восточной части Средиземного моря. Среди них был некий Джон Ньюберри, побывавший в Ормузе и наслышавшийся там от португальских купцов о пути в Индию. В 1583 г. он с несколькими спутниками, в числе которых был Ральф Фитч, отплыл из Лондона и через положенное время прибыл через Алеппо и Басру в Ормуз. Здесь все они были арестованы и увезены в Гоа[2], где им удалось вырваться из тюрьмы и бежать из города. Трое из них пересекли Индию и добрались до Фатехпур-Сикри, где они расстались, причем один из них остался на службе императора моголов[3], другой направился на родину, а третий предпринял путешествие, приведшее его в Бенгалию. Позже Фитч побывал в королевстве Пегу и в Малакке. Вернувшись в Индию, он пытался проехать обратно на родину морем, но упустил судно и, не желая больше мешкать, отправился в Ормуз и в 1591 г. достиг Англии.

Фитч не был первым европейцем нового времени, проникшим в Северную Индию, так как еще до него в 1578 г. здесь побывал католический священник Перейра, а в 1580 г.—первая из иезуитских миссий, посланная к императору Акбару. Иезуиты собрали ценные материалы об империи Акбара, и в первоначальный период их отношений с императором ими руководили исключительно мис-

---

[1] Русский перевод отчетов Дженкинсона дан в сборнике «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке», 1937.—*Прим. ред.*

[2] Португальцы рассматривали англичан как нарушителей португальской монополии торговли с «Индиями».—*Прим. ред.*

[3] Фатехпур-Сикри—город в северной Индии в XVI в. был столицей так называемой Империи Великих Моголов—государства, основанного мусульманскими завоевателями, выходцами из Узбекистана. Императором в это время был Акбар.—*Прим. ред.*

сионерские мотивы[1]. Они представляют собой, таким образом, еще одну разновидность в той пестрой коллекции европейцев, которая открыла Азию для сношений с Европой в XVI в.

По мере того как XVI столетие подходило к концу, число европейских путешественников в страны Южной и Восточной Азии все возрастало. С 1592 г. в качестве торговых конкурентов португальцев появились англичане, а еще через четыре года после них—голландцы. К счастью, от этого критического периода, когда монополия в торговле с Востоком ускользала из рук португальцев, до нас дошло два прекрасных описания. Первое и по времени и по важности принадлежит Яну Хейгену Линскотену, отплывшему из Лиссабона в 1583 г., чье описание путешествия через Атлантический океан мы уже цитировали выше (см. глава V). Линскотен провел около пяти лет на Востоке и, вернувшись, завещал своим соотечественникам прекрасное описание виденных им стран, в особенности крупной торговли Гоа и других португальских факторий в Южной Индии.

Второе описание, отличное от первого и по своему плану, и по поставленной цели, составил португалец Педро Тейшейра, отправившийся в странствия, повидимому, в 1587 г. Тейшейра успел дважды побывать в Восточной Африке. В 1558 г. он посетил Цейлон; он прожил почти четыре года в Ормузе, из которого совершил поездку в северную Персию. Следующее свое путешествие он предпринял на Малакку, где пробыл два с половиной года. В мае 1600 г. он направился домой, проследовав через Бруней, Манилу, весь Тихий океан и Мексику. В октябре 1601 г. Тейшейра прибыл в Лиссабон, но сидеть на месте было не в его характере, и он отправился обратно в Гоа. В 1604 г. он вновь вернулся в Европу, на этот раз проследовав сухим путем из Ормуза через Басру, Багдад и Алеппо, затем морем—в Италию, а оттуда через Францию—в Антверпен, где и скончался. «Книга путешествий» Тейшейры относится почти целиком к его последнему путешествию из Индии в Италию, но он написал также два труда о Персии, и сам он был настолько умным и тонким наблюдателем, что ему по плечу было бы написать общий труд о Португальской империи. Он был знаком с трудом Линскотена, и, быть может, желанием избежать повторений и объясняются некоторые пробелы в его сочинениях.

Линскотен и Тейшейра принадлежат к числу путешественников «вообще», странствовавших из чистого любопытства. Такого типа неспециализированных путешественников в XVII и XVIII столетиях было множество, и почти каждый из них дал кое-что ценное. Из

[1] Это неверно: иезуитские миссии направлялись в то время в Южную и Восточную Азию по соглашению с португальской короной и на средства из так называемого «чулка португальской королевы»; кроме распространения католической веры, они имели специальные задания от португальского правительства.—*Прим. ред.*

французов следует упомянуть Франсуа Пирара (Pyrard) из Лаваля, отплывшего в 1601 г. из Сен-Мало и потерпевшего крушение на Мальдивских островах, на которых он пробыл до 1607 г. В 1608 г. он попал в Гоа, откуда совершил два путешествия в страны Востока включая Цейлон, Малакку, Тернате, Банда и Диу. Он любил порассказать о многих местах на Дальнем Востоке, в которых он сам не был, но книга его дает ценную картину Гоа, а также подробное и точное описание Мальдивских островов. В особенности хорошо он описывает острова-атоллы (название, заимствованное с туземного языка). В 1611 г. Пирар вернулся во Францию.

Другим французом того времени, из тех, что провели значительную часть своей жизни в странствиях по свету, был Венсан Леблан, побывавший, между прочими странами, в Аравии, Пегу, Сиаме и в Ост-Индиях. Однакоже рассказчик он был плохой, и есть критики, которые считают, что некоторые из его путешествий выдуманы. Гораздо интереснее Жан Моке, дополнивший Пирара, своим описанием Гоа, и граф Монфар, совершивший сухопутное путешествие в Индию в 1604 г.

Страсть к путешествиям завлекла Пьетро Валле (Pietro della Valle) в обширные странствования по Востоку, длившиеся с 1614 по 1626 г. Вначале он посетил страны восточного бассейна Средиземного моря и полуостров Синай, после чего проследовал испытанным караванным путем из Алеппо в Багдад. В 1616 г. он побывал в Персии, основательно познакомился с ней и оставил хорошее ее описание. После этого он направился в Индию и в 1623 г. высадился в Сурате. Не считая одной-двух поездок внутрь страны, как, например, в города вроде Ахмадабада, он путешествовал главным образом по портам западного побережья. Обратно он проследовал через Маскат, Басру и Алеппо на Кипр, Мальту и Сицилию, пока, наконец, не прибыл в Рим.

Последним из неспециализированных путешественников этого раннего периода был бродяга и чудак Томас Кориет. Посетив ряд европейских стран, Кориет направился в 1612 г. на Восток, повидал Египет и Палестину, а затем проследовал сухим путем через Алеппо в Персию и Индию. Путешествие от Иерусалима до Агры отняло у него пятнадцать месяцев. Позже он побывал в Аджмире и Сурате. Однакоже письма его из Индии, несмотря на свою привлекательность, дают мало нового или ценного. Кориет любил ссылаться на писателей классической древности и искренно считал, что река Инд берет свое начало в горах Кавказа.

Вторая разновидность путешественников на Восток и в особенности в Индию состояла из самостоятельных купцов или приказчиков Ост-Индской компании[1]. Число этих путешественников велико, а привезенные ими сведения и обширны и ценны. Хотя

[1] Английская компания, осн. в 1600 г.—*Прим. ред.*

их главной целью было развитие торговли, а всепоглощающим интересом—внутренняя политика в Индии, их донесения, часто остававшиеся лишь в рукописи, много способствовали росту знаний об Индии. Торговавший в странах Леванта купец Джон Милденхолл прибыл в Индию сухим путем в 1603 г. и пробыл в ней по крайней мере три года. В 1611 г. он совершил второе путешествие и в 1614 г. умер в Индии. Другой левантийский купец, Вильям Хокинс, отправился в Индию в качестве начальника третьей экспедиции Ост-Индской компании в 1607 г., но бросил флотилию, с которой он прибыл, в Сурате и отправился в Агру, где и пробыл до 1611 г. Проследовав оттуда в Камбей, он сел на одно из судов флотилии, шедшей на остров Суматру, с этой же флотилией вернулся и умер на побережье Ирландии в 1613 г. Многое из написанного Хокинсом не сохранилось, но одна из его работ, «Краткое сочинение... о Великом Моголе», дает яркую картину двора Джахангира[1].

Большую ценность, с географической точки зрения, представляют записи Вильяма Финча и Джона Джурдэна, посетивших Индию как раз в те годы, когда Хокинс жил в Агре. О первом из них географ начала XVII в. Перчес пишет, что его труд «содержит в себе более точные сведения о людях, животных, растениях, городах, пустынях, замках, зданиях и религиях, чем почти любой другой, так же как о дорогах, товарах и войнах». Трудом Финча широко пользовался Де-Лет при составлении своей «Истории Великого Могола». Финч высадился в Сурате в 1608 г. и пробыл в нем два года, пока Хокинс не вызвал его в Агру. Из Агры он совершил несколько путешествий, главным из которых была поездка в Лахор, откуда он проследовал сухим путем в Багдад, где и умер. Оставленные им описания некоторых маршрутов, в особенности из Лахора на Кабул и Кашмир и из Кабула на Китай, представляют собой значительную ценность.

В это же время в Индии жил Джон Джурдэн. Он прибыл в Индию с четвертой экспедицией Ост-Индской компании в 1608 г. и из-за неблагоприятных ветров попал на Сейшельские острова, став, таким образом, первым англичанином, оставившим некоторое описание их. После захода на остров Сокотру он направился в Аден, «чрезвычайно неприятный город», по его словам, «где не видно ни листка зелени и где от жары спрятаться можно лишь в расщелинах скал и развалинах домов». Сухопутное путешествие в город Санаа и обратно к побережью у Мохи (Мокка) дает Джурдэну право именоваться первым англичанином, посетившим Йемен. В августе 1609 г. он прибыл в Индию. Джурдэн остался в Сурате до конца декабря 1610 г., когда он выехал через Бурханпур в Агру. Обратно он вернулся другой дорогой—через Джодпур и Ахмада-

[1] То есть двора наследника Акбара, умершего в 1605 г.—*Прим. ред.*

бад. Джурдэн открыл так называемый «Суолли-Хол», гавань вблизи Сурата, которой впоследствии регулярно пользовались суда Ост-Индской компании. В 1612 г. Джурдэн съездил на Суматру по делам торговли перцем, а позже—на острова Амбойну и Церам за гвоздикой. Ко второму из этих островов прибыло голландское судно, на «котором находился английский моряк, тайно привезший письмо от м-ра Адамса... в котором... находился выданный в Японии вексель». Джурдэн вернулся в Англию, но позже опять приехал в Индию, где был предательски убит после того, как сдался голландцам. Его лишь недавно опубликованный «Дневник» изобилует живописными подробностями посещенных им мест.

Николас Витингтон, живший в различных частях Индии с 1612 по 1616 г., оставил описание своей жизни неудачника, отмеченной, однако, одним достижением—поездкой из Сурата в Синд. Добраться до Синда ему не удалось, так как все участники экспедиции попали в плен, но Витингтону удалось вырваться из него и вернуться обратно. Более общий интерес имеет донесение, составленное английским послом при дворе великого могола сэром Томасом Ро. Эта работа Ро пользуется широкой известностью благодаря содержащемуся в ней ценному описанию двора и общего состояния Индии. Он, повидимому, заимствовал часть приводимых им сведений у Кориета, так же, как у него он взял и некоторые подробности карты Индии, в составлении которой он помогал Вильяму Баффину. Ро пробыл при дворе великого могола три года; в эти годы некоторое время посольским священником был Эдуард Терри, мало что видевший в Индии, но также оставивший ее описание.

В этот ранний период знакомства с Индией заслуживает внимания еще один англичанин, хотя его книга до нынешнего века оставалась в рукописи. Это был Питер Манди (Mundy), проведший около 7 лет (1628—1634) в Индии в качестве приказчика Ост-Индской компании. Он совершил обычные поездки между Суратом и Агрой как через Бурханпур, так и через Аджмир и побывал также в Патне. В особенности ценна та часть его описания, где рассказывается о страшном голоде в 1630 г.

Большой интерес и значение имеют, именно в силу того, что они написаны с совершенно другой точки зрения, донесения Франциска Пелсерта (Pelsaert), проведшего в Индии семь лет (1620—1627) и собравшего большое количество материала для сведения правления Голландской Ост-Индской компании. Пелсерт побывал в Кашмире и собрал некоторые общие сведения по поводу Северо-Западной Индии, но собственный опыт его был мал. Однакоже то, что он лично знал, он описал необыкновенно точно и ясно, и, с точки зрения тех целей, которые Пелсерт себе ставил, отчет его имеет первоклассное значение. Упоминавшийся нами выше Де-Лет пользовался, повидимому, работой Пелсерта.

Что касается второй половины XVII в., то здесь заслуживают упоминания два имени. Томас Боури высадился в Форте Св. Георга в 1669 г. и пробыл в Индии девятнадцать лет. Он собрал большой материал по Южной Индии, Бенгалии, Бирме и Суматре и составил ряд карт, включая карты Цейлона и Тенассерима. В этот же период в Индии был Вильям Хеджес, оставивший «Дневник», посвященный главным образом делам Ост-Индской компании в Бенгалии.

Поскольку многие из этих путешественников прибывали в Индию или же отправлялись обратно сухопутной дорогой, они попутно собирали материал по тем странам, через которые им приходилось проезжать. В этом отношении отличился ряд людей, получивших командировки в Персию. В начале XVII в. эту страну посетило несколько англичан, один из которых, Томас Херберт, проехал ее из конца в конец—от Гомбрука (Бендер-Абаса) до Фарахабада на Каспийском море—и вернулся через Казвин. Он собрал большой общий материал по Персии, и его книга, явившаяся плодом более чем годичного проживания в стране, получилась одновременно и авторитетной и популярной. Она не раз переиздавалась в течение столетия с добавлениями из работ других писателей.

В 1633 г. герцог Голштинский отправил посольство на Восток. Входившие в его состав де-Мандельсло и Олеарий[1] тщательно наблюдали все, что им встречалось на пути. Первый собирал материалы по Востоку вообще, второй оставил описание Персии; в 1662 г. обе работы были переведены на английский язык. Русское посольство, в состав которого входил испанец Куберо, также привезло с собой много сведений о странах, лежащих далеко за Персией, поскольку Куберо вернулся в Европу через Тихий океан. Далее, следует упомянуть шведское посольство 1683 г., в состав которого входил немецкий натуралист Кемпфер. То значение, какое придавали Персии в ту эпоху, лучше всего видно из того факта, что когда послы прибыли в Исфахан, они застали там представителей Польши, Германии, Франции, России, Сиама и папы римского, так же как гонцов из Аравии и Центральной Азии. Кемпфер собрал много материалов о Персии, и работа его по справедливости считалась одной из лучших книг о ней. В составлении ее большую помощь Кемпферу оказал один католический священник, проживший тридцать лет при персидском дворе.

После этого Кемпфер перешел на службу голландской Ост-Индской компании и, прежде чем попасть в Японию, где он прожил свыше двух лет, посетил Цейлон, Суматру, Яву и Сиам. В Японии

[1] *Адам Олеарий*, «Подробное описание путешествий голштинского посольства в Московию и через Московию в Персию и обратно в 1633, 1636 и 1638 гг.», перев. с немецкого Павла Барсова, М., 1870.—*Прим. ред.*

он собрал материал для своей книги «История Японии», географические главы которой частично базируются на работе одного японского географа. В 1693 г. Кемпфер вернулся в Европу и в 1716 г. умер.

В течение второй половины XVII в. ряд путешественников посетил отдельные районы Южной и Восточной Азии. На первом месте среди них следует поставить Тавернье. По отзыву Гарриса[1],

«он более детален и вместе с тем не менее точен, чем другие писатели, подчеркивающие выгоды нашей торговли с Востоком, причем я имею в виду торговлю всех европейцев, а не одной какой-либо нации. В его писаниях наблюдаешь больше мыслей и бо́льшую тонкость наблюдений, чем—за малыми исключениями—в любой другой книге этого рода. Я объясняю это тем, что в ходе своих путешествий в Индию он сумел все много раз передумать и проверить».

Работа его замечательна своим описанием торговых путей и товаров. Она основана на результатах шести путешествий в Персию, Индию и на Яву, проделанных им в промежутке между 1631 и 1688 гг. Он описывает также, на основании собранных другими сведений, и более отдаленные страны, где он лично не был, как, например, Тонкин и Японию.

Так же как Тавернье, Ж. де-Тевено получил подготовку для странствий по Востоку в ходе поездок по странам Европы. В 1655—1659 гг. он совершил обширную поездку по странам восточного Средиземноморья. Четырьмя годами позже он выступил в сухопутную экспедицию в Персию, где провел около пяти месяцев в Исфахане. Позже он прожил около года в Индии. Тевено был хорошим наблюдателем—в особенности всего, что имело отношение к естественным наукам, но наблюдал он посещенные страны лишь поверхностно.

Еще один француз, Франсуа Бернье, объехав Сирию, Палестину и Египет, достиг в 1658 г. Индии, где и задержался до 1667 г., когда он вернулся через Персию обратно во Францию. В книге Бернье о его путешествии много в высшей степени интересного, в особенности в его описании Агры и Дели и в его подробном известии о Кашмире; Бернье дает также краткую сводку географических представлений индусов. Работа его отличается солидностью и ясностью и навсегда останется ценным и авторитетным источником для познания Индии той эпохи.

Наконец еще один француз, Жан Шардэн, совершил между 1665 и 1677 гг. два путешествия в Персию и Индию. По профессии он

---

[1] Английский комментатор второй половины XVIII в., участвовавший в издании серий «Библиотека плавающих и путешествующих», т. I, изд. 1764 г.—*Прим. ред.*

был ювелиром и путешествовал отчасти по делам. В 1681 г. он поселился в Англии, а в 1711 г. вышло полное описание его путешествия. Работа его полная, подробная и точная; его описание Персии очень высоко расценивалось в Англии во время опубликования.

Хорошим дополнением к трудам Тавернье, Бернье и других являются интересные письма врача на службе Ост-Индской компании, Джона Фрайера. Он прибыл в Мадрас в 1673 г. и спустя некоторое время проследовал оттуда в Бомбей, хорошее описание которого он оставил. Индию он видел мало, если не считать короткой поездки из Бомбея в горы Западные Гаты по очень мучительной дороге. В Англию он вернулся через Персию, где задержался почти на два года.

Множество путешественников, начиная со времен Марко Поло, посетило страны, лежащие между Индией и Китаем, и постепенно о них накопились кое-какие общие сведения. Свой вклад в это дело внесли также и португальские, голландские и английские купцы, открывшие свои конторы в Бирме и Сиаме и в течение XVII в. ведшие спорадическую торговлю в этих странах. Однакоже, за исключением побережья и портов, по-настоящему о них было известно очень мало. В 1618 г. приказчик Ост-Индской компании Томас Сэмюэл совершил сухопутное путешествие из Сиама в Бирму и вскоре после этого английских купцов можно было всегда найти в городах Проме и Ава, некоторые же, повидимому, доходили и до Бхамо[1]. В начале века в некоторых пунктах внутри страны обосновались также и голландцы. Однакоже Европа получила солидную информацию об этих районах лишь к концу XVIII в. В 1794 г. в Аву была отправлена миссия капитана Саймса. Один из участников этой миссии, лейтенант Вудс, произвел съемку реки Ирравади до Авы, другой же член экспедиции, доктор Бьюкенен, собрал много ценных сведений о стране. Этой экспедицией открывается эпоха современного исследования Бирмы.

Что касается Сиама, то голландцы начали торговать с ним в 1602 г., но торговля была не слишком успешной и шла рывками. В свою очередь, десятью годами позже и англичане установили торговые отношения с Сиамом. Шли они через порт Патани на Малаккском полуострове. Однакоже больше всего способствовали росту знаний о Сиаме католические миссионеры из Франции, начавшие свою деятельность в 1662 г. Они прибыли в Мергуи, а оттуда пересекли перешеек Тенассерим. За ними последовали послы Людовика XIV в сопровождении еще новых католических священников. При одном из этих посольств состоял де-ла-Лубер, опубликовавший в 1691 г. книгу о Сиаме, являющуюся лучшей

[1] Бхамо—город на верховьях реки Ирравади, близ китайской провинции Юньнань.—*Прим. ред.*

для этого раннего периода. За весь XVIII в. было собрано очень мало нового материала.

Глубже всех проникли в Индокитай голландские купцы, поднявшиеся в 1641 г. по реке Меконг до Вьен-Тьян[1]. Это было замечательным, но изолированным достижением. Повторений не последовало, и страна для торговли не открылась. И здесь активность проявили католические миссионеры, но географию Индокитая в Европе все же знали так мало, что д'Анвиль[2] на свою карту Азии 1755 г. нанес большую пустыню, простиравшуюся от реки Меконга до гор Аннама.

Португальские купцы слабо ознакомились с Китаем, и лишь миссионеры подвинули вперед дело его изучения. Первые доминиканские монахи прибыли в Китай в 1556 г., но больших успехов не сделали. За ними последовали иезуиты, первая партия которых высадилась в Макао в 1579 г. Иезуиты сразу же принялись собирать сведения о Китае, а в 1601 г., когда их работа в Китае сильно подвинулась вперед, добились разрешения на основание миссии в Пекине. Первый руководитель этой миссии, Маттео Риччи, изготовил китайский вариант какой-то европейской карты и, повидимому, с успехом пользовался ею в своих религиозных целях. Таким образом, развивая свою деятельность из Пекина, как центра, иезуиты могли собирать все больше и больше материала о Китае. Результатом их трудов был опубликованный в 1655 г. Novus Atlas Sinensis (Новый китайский атлас) Мартини.

В том же году голландские купцы Гойер и Кейзер, исходя из сведений, полученных от того же Мартини несколькими годами раньше, отправились из Кантона по реке Бэй (Pei-kiang) на север, пересекли водораздел, отделявший ее верховья от реки Сян (Siang-kiang), и поднялись по последней до Янцзы-цзяна, откуда проследовали по Великому Каналу до Пекина. Еще через 11 лет до Пекина добрался другой купец—Хорн. Он начал свое путешествие из Фучжоу на побережье, поднялся от него вверх по реке Минь и спустился вниз по реке Цзяньтан до Ханчжоу. От Ханчжоу он следовал в Пекин тем же путем, что и два его предшественника. Третье путешествие в Китай было проделано доминиканским монахом Наваретте. Он прошел прибрежными провинциями от Макао до Пекина. Известия о всех этих путешествиях были опубликованы и послужили ценным дополнением к трудам миссионеров. В 1676 г. появился большой труд Кирхера—China Illustrata, содержавший хорошее общее описание Китая.

Тот же год отмечен прибытием в Пекин Николая Спафария, приехавшего через Маньчжурию и тем положившего начало целому ряду путешествий, связавших в конечном счете в одно

[1] Вьен-Тьян—крупнейший город в Лаосе.—*Прим. ред.*

[2] Д'Анвиль (d'Anville)—крупнейший французский картограф XVIII в.—*Прим. ред.*

целое изучение Китая и Азиатской России[1]. За этим путешествием последовала отправка для переговоров с русскими китайского посольства, в состав которого вошел иезуитский патер Жербильон. Он проехал пустынную и бесплодную местность к северу от Пекина, вышел к реке Керулен примерно в 80 милях выше озера Далайнор и достиг Нерчинска на Шилке. Географическая широта этого места (51°56′ с. ш.) была определена со значительной степенью точности. Жербильон примерно тем же путем вернулся в Китай и позже посетил ряд отдаленных местностей в долине Хуанхэ и по северо-западной границе собственно Китая. В 1698 г. он совершил свое второе путешествие на север. Из Пекина он проследовал на северо-восток, проник в Маньчжурию, прошел вдоль Хинганского хребта, перевалив через который вышел к озеру Буир-Нур. Оттуда он прошел к реке Керулен и, следуя вверх по ней, достиг ее поворота на север; оттуда он вышел к реке Тола, перевалил второй водораздел и вышел к реке Орхон, где встретился с русскими и узнал у них много нового о географии южной Сибири. Наблюдения его отличались тщательностью, а своим большим путешествием он связал в одно целое русские открытия в бассейне Амура и к югу от Байкала со своими исследованиями в Северном Китае[2].

В самом Китае иезуиты предприняли систематическое изучение географии очень большой части страны. С 1709 г. они включили в сферу своего изучения Маньчжурию и к 1715 г. закончили свою работу. Они почерпнули кое-какой дополнительный материал из отчетов миссионеров и от тибетцев, специально обученных с целью собирания материалов. Результаты всех этих трудов лучше всего видны на опубликованной в 1735 г. карте д'Анвиля. В общем карта наредкость точна и свидетельствует о высоком классе работы иезуитов. На карте д'Анвиля нанесено старое русло Хуанхэ с устьем к югу от Шаньдунского полуострова.

Целый ряд важных путешествий в этот период помог гораздо лучше разобраться в географии Тибета и Центральной Азии. Первым из них было путешествие иезуита—«мирянина» Бенто

[1] Спафарий, Николай Гаврилович, родом из Молдавии, с 1671 г.— старший переводчик Московского Посольского приказа; в 1675 г. отправлен во главе русского посольства в Китай; вернулся в Москву в начале 1678 г. Оставил замечательные описания своего путешествия через Сибирь в Китай, а также Китайского государства. Его «Путешествие» издано в 1882 г. До него эти пути описали Василий Тюменец, Иван Петлин и Федор Байков (см. *А. Банников*, «Первые русские путешественники в Монголию и Северный Китай», 1949).—*Прим. ред.*

[2] *И. Гербилон*, «О Великой Татарии» (Собрание сочинений, выбрано из месяцесловов за разные годы, СПБ, 1785, т. I, стр. 227—301). Извлечения из дневника Жербильона помещены в «Сборнике географических и статистических материалов по Азии», вып. 59, 1895, стр. 1—31.—*Прим. ред.*

де-Гоэш (Bento de Goes), отправившегося из Индии с целью узнать, были ли Сина и Катай одной и той же страной или нет. Из Агры он проследовал через Лахор и Пешавар на Кабул. Здесь он прошел Парванским ущельем через Гиндукуш, перевалил через Памир и вышел к Яркенду, откуда через Турфанский оазис дошел до Сучжоу. Путешествие его отняло почти пять лет, и Гоэш умер, так и не дойдя до Китая, но перед смертью ему удалось связаться с иезуитом Риччи в Пекине и установить, что Сина и Катай были одной и той же страной.

Вторая экспедиция вышла из Индии в 1624 г. с целью выяснить правильность сообщения о том, действительно ли в Тибете жили какие-то христиане. Путешествие было предпринято Антонио де-Андраде[1], первым европейцем, взобравшимся на Гималайский хребет, открывшим один из главных истоков Ганга и проникшим в неизвестные области Тибета из Индостана. Из Дели он проследовал через Хардвар в область Гарвал—к святыне Бадринат у одного из истоков Ганга.

Перевалив затем через Гималайский хребет, он вступил на территорию Тибета, достигнув города Чапранга в долине верхнего Сетледжа. Он добился разрешения на въезд в страну для христианских миссионеров и вернулся в Агру с большим и ценным материалом о Тибете. В 1625 г. де-Андраде, захватив с собой нескольких священников, вновь отправился в Тибет и основал в Чапранге духовную миссию, просуществовавшую шестнадцать лет.

В 1631 г. из Чапранга вышел Франсиско Асеведо; он прошел до Ле (Леха) и вернулся в Индию через Ротанский проход, которым купцы обычно ходили между Ле и Лахором. Таким образом, он открыл для сношений огромную территорию, лежавшую между районом, открытым Гоэшом, и районом, пересеченным де-Андраде. Несколько раньше, в 1626 г., Эстеван Каселла и Жуан Кабрал, члены духовной миссии в Шигацзе, исследовали восточную часть Гималайского хребта. Они шли через Куч-Бехар и Бутан, а Кабрал вернулся в Индию через Непал. Обе экспедиции собрали много географических сведений о Гималаях и Тибете, однако часть их оставалась под спудом в архивах до самого последнего времени.

Как бы сами по себе ни были важны эти путешествия, все они уступают по значению экспедициям Иоганна Грюбера и Альбера д'Орвилля. Когда Грюбер выезжал, тот самый Кирхер, на труд которого China Illustrata мы ссылались выше, просил его вести журнал путешествия. Грюбер выехал из Рима в 1656 г. и, в противоположность другим миссионерам, направился в Ормуз не морем, а сушей. Заехав в Сурат, где он задержался на десять меся-

[1] О нем см. статью «Антонио де-Андраде в Тибете (к 300-летию его путешествия)», «Известия РГО», 1926, LIII, 2.—*Прим. ред.*

цев, Грюбер в июле 1658 г. достиг Макао, откуда в скором времени выехал в Пекин. Оттуда он был откомандирован обратно в Рим в деловую поездку. Поскольку голландцы закрыли в то время морскую дорогу для всех посторонних, а дорога через Индо-Китай считалась немыслимой, было решено, что Грюбер должен ехать через Тибет и Индию. Его спутником был д'Орвилль, энтузиазм которого зажегся под влиянием слышанных им лекций Мартини о Китае.

Оба путешественника вышли в экспедицию из Китая в апреле 1661 г. и через два месяца достигли границы у Синина; за ним лежала еще совершенно неисследованная территория. Их путь пролегал через Куку-Нор, а оттуда, в общем юго-западном направлении на Лхасу, куда они и прибыли 8 октября. После почти шестинедельного пребывания в Лхасе они продолжали свой путь через Непал на Агру, куда и прибыли около середины марта 1662 г. Грюбер продолжал свой путь через Дели и Лахор вниз по Инду до города Татты, затем через Мекран, Южную Персию и Месопотамию в Смирну, а оттуда в Рим, куда он прибыл в феврале 1664 г. Так закончилось это путешествие, замечательное уже тем, что за сомнительным исключением монаха Одорика из Порденоне [1], Грюбер был первым европейцем, побывавшим в Лхасе. Если его отчет о путешествии и не блещет описаниями, Грюбер все же установил со значительной степенью точности положение большого числа мест и существенно помог улучшению карты Азии.

В 1707 г. в Лхасу пробрались два миссионера-капуцина [2], в 1709 г.—третий, а в 1716 г. в ней побывал Ипполит Дезидери. Это последнее посещение было следствием замечательного путешествия, предпринятого с целью восстановления духовной миссии в Чапранге, каковой город в то время, повидимому, путали с Лхасой. Из Агры Дезидери проследовал через Лахор и Пир-Панджалский проход в Сринагар, где и пробыл шесть месяцев. Оттуда он продолжал путь на Ле и дальше по высоким равнинам Тибетского плоскогорья, в общем следуя долинам течения Инда и Брамапутры. Его путевой дневник переполнен ценнейшими и точнейшими наблюдениями. Из Лхасы его спутник Фрейре вернулся через Непал в Индию, Дезидери же задержался на некоторое время в Лхасе, а затем прожил почти четыре года в соседней провинции, пока и сам в 1721 г. не вернулся через Непал в Индию. Он оставил полный точных наблюдений географический очерк Тибета, сохранившийся, однако, лишь в рукописи. За этот труд, так же как и за его замечательное путешествие, он заслуживает место в первом ряду исследователей.

---

[1] См. выше, глава II, раздел 2, «Последователи Марко Поло».—*Прим. ред.*

[2] То есть монахи-францисканцы; они носили плащ с капюшоном (по-итальянски «каппуччо», откуда и их прозвище).—*Прим. ред.*

В 1724 г. голландец Самуэль ван-де-Пютте проехал через Персию в Индию, а оттуда через Лхасу в Китай. К сожалению, он велел уничтожить оставшиеся после него бумаги, так что нельзя проследить его маршруты. В 1740 г. за ним последовал Кассиано Беллигати-да-Мачерата, добравшийся до Лхасы через Непал. Он составил отчет духовной миссии в Тибете и подробное описание его населения.

В 1774 г. английские власти в Индии, под руководством генерал-губернатора Индии Уоррена Гастингса, установили дипломатические отношения с Тибетом, и в связи с этим в этом же году Джордж Богл проследовал в эту страну через Бутан. Он переправился на северный берег Брамапутры к месту, называемому Дешерипге, и оттуда успешно вел переговоры, но ему не удалось получить для английских купцов разрешения проезжать через Бутан. Между 1775 и 1783 гг. этот район посетил ряд других миссий, от чего знания англичан о Бутане и Тибете много выиграли; однакоже отъезд Гастингса из Индии положил конец экспедициям этого рода, и до конца столетия движения вперед в этом отношении больше не наблюдалось.

В самой Индии служебные поездки военных и дипломатических служащих заложили основу для действительно серьезного знакомства со страной. Большое значение в этом отношении имела работа, проделанная между 1763 и 1782 гг. Джемсом Реннеллом. Часть времени он был занят съемкой Бенгалии, а после 1773 г. составлением «Бенгальского Атласа», вышедшего первым изданием в 1779 г. Полковник Колл проделал одну маршрутную съемку в Южной Индии, тогда как полковник Пирс определил точное географическое положение ряда точек между Калькуттой и Мадрасом. Этот материал, так же как и множество всякого другого, был использован при составлении не дошедшей до нас карты Колла 1787 г. Следующий год, однако, ознаменовался выходом в свет «Объяснительной записки к карте Индостана» Реннелла, считавшейся тогда лучшей из существующих. Эта карта была несколько раз переиздана с прибавлением дополнительного материала, основанного на новых маршрутных съемках, и оставалась стандартной картой Индии, пока ее не заменили издания индийского геодезического управления, основанного Лемтоном в 1800 г.

Историю исследования Южной Азии в XVIII в. нужно закончить упоминанием еще одного путешествия. Это была научная экспедиция Карстена Нибура в Аравию. Она состояла из пяти человек и была послана в 1761 г. датским королем Фредериком V с заданием исследовать наиболее плодородную известную европейцам часть Аравии и собрать максимально подробный материал по поводу остальной территории полуострова. Выполнение обоих заданий, если учесть те обстоятельства, в которых велась работа, не подлежит никакой критике. Нибур оказался единственным

оставшимся в живых из членов этой экспедиции. Его труд «Описание Аравии» имеет чрезвычайно высокую ценность и в области описания Йемена, вероятно, остается непревзойденным и по сей день.

2. Северная Азия

В тот самый период, когда народы Западной Европы занимались заполнением белых мест на карте Южной и Юго-Восточной Азии, русские пересекли материк Азии и утвердились на тихоокеанском побережье. К концу XVI в. они укрепили свою власть в областях, лежащих непосредственно к востоку от Урала и разобрались в основных географических чертах Западной Сибири вплоть до реки Оби[1]. Основание в 1587 г. Тобольска было вехой, одновременно обозначавшей как окончание первой стадии завоевания Сибири, так и начало дальнейшего проникновения казаков и промышленников в Восточную Сибирь.

Продвижение русских через Сибирь в течение XVII в. шло с ошеломляющей быстротой. Успех русских отчасти объясняется наличием таких удобных путей сообщения, какими являются речные системы Северной Азии, хотя преувеличивать значение этого фактора не следует[2], и если даже принять в расчет все природные преимущества для продвижения, то все же на долю этого

---

[1] В тексте идет, конечно, речь о результатах завоевательных походов Ермака Тимофеевича. Однако «в основных географических чертах Западной Сибири вплоть до реки Оби» русские разобрались по крайней мере на целое столетие раньше—в конце XV в., в результате завоевательных походов московских воевод: в 1483 г.—Федора Курбского-Черного и Салтыка-Травина, которые шли «мимо Тюмени в Сибирскую землю, а от Сибири по Иртышу», и в 1499—1501 гг.—Петра Ушатого, Семена Курбского и Василия Гаврилова-Бражника, которые шли «через Камень щелью, а Камени в облаках не видеть... а длина его от моря до моря» (т. е. шли через ущелье Уральского хребта в его очень высокой части). Несомненно, что именно в результате этих походов Сигизмунд Герберштейн, посещавший Москву в 1517 и 1526 гг., мог составить по русским данным свою известную карту «Московии», на которую нанесена и река Обь и «горы, именуемые Земным поясом», с которых берут начало западные (левые) притоки Оби. Подробное описание русских походов в Сибирь в XV—XVI вв. с приложением исторических документов см. *Г. Ф. Миллер*, «История Сибири», т. I, АН СССР, 1937.—*Прим. ред.*

[2] Действительно, наличие таких удобных путей сообщений, какими являются реки Канады, нисколько не ускорило темпов продвижения западноевропейцев через всю Канаду. Достаточно сопоставить следующие факты: русские (Иван Москвитин в 1639 г.) пересекли всю Северную Азию с запада на восток и вышли к Тихому океану (Охотскому морю) через полвека после основания первого русского города в Западной Сибири (Тобольска). Англичане (Александр Маккензи в 1793 г.) пересекли всю Канаду с востока на запад и вышли к Тихому океану почти через два столетия после основания первого европейского города в Канаде (Пор-Рояль, 1604 г., ныне Аннаполис).—*Прим. ред.*

безвестного воинства достается такой подвиг, который навсегда останется памятником его мужеству и предприимчивости и равного которому не свершил никакой другой европейский народ.

Русские продолжали двигаться по реке Оби и в 1604 г. основали город Томск. Еще через шесть лет они дошли до Енисея, а к 1612 г.—до Пясины [1]. Выяснив невозможность продвинуться морем из устья Енисея, промышленники отправились по Нижней Тунгуске до бассейна Лены [2]. Южнее, той дорогой, по которой русские добрались до Ангары, Байкала и бассейна Лены, явился Верхний Енисей [3]. Таким образом, русские добрались и до верхней, и до средней частей бассейна Лены; основание в 1619 г. Енисейска, а в 1632 г. Якутска было естественным следствием этого стремительного движения на восток.

В 1617 г. русские достигли дельты Лены по северному берегу Ледовитого океана и в том же году открыли реку Оленек. В 1618 г. они прошли по берегу океана от Лены до Яны и исследовали часть нижнего течения последней вверх от устья [4].

Русские купцы и казаки продолжали продвигаться во всех направлениях из своего центра в Якутске. В 1638 г. они перевалили через лежавшие к востоку горы и вышли к Охотскому морю [5]. На северо-востоке к 1644 г. уже были открыты и Индигирка и Колыма, и была исследована часть северного побережья к востоку

---

[1] Ошибка автора: (Старый) Туруханск на Енисее против устья Нижней Тунгуски был основан в 1607 г., следовательно,—через три года после основания Томска. Через шесть лет, в 1610 г., Кондрат Курочкин совершил плавание от Туруханска вниз по Енисею и достиг затем морем реки Пясины (Пясида). Но последнюю русские открыли не позднее 1605 г., двигаясь к нижней Оби. Ошибочная дата (1612 г.), указанная в тексте, объясняется тем, что именно к этому году относится запись в дневнике жившего на Руси английского купца Логана, где упоминается «река, называемая Пясида» (см. *Л. С. Берг*, «Открытие Камчатки», стр. 301).—*Прим. ред.*

[2] В бассейн Лены, на Вилюй, русские проникли уже в 1620 г. Через несколько лет (но, во всяком случае, раньше 1630 г.) промышленник Пенда поднялся из Туруханска по Нижней Тунгуске до ее верховьев, перешел через короткий водораздел на Лену ниже устья Киренги, плавал затем вниз и вверх по течению Лены (на участке между позднее основанными Якутском и Верхоленском), а затем по Ангаре и Енисею вернулся в Туруханск. «Это путешествие составляет поистине необычайный географический подвиг» (Л. С. Берг.).—*Прим. ред.*

[3] С верхнего Енисея на Лену проник в 1628 г. Василий Бугор.—*Прим. ред.*

[4] Даты 1617—1618 гг.—ошибка или описка автора. Только в 1632 г. Петр Бекетов основал на Лене Якутский острог, а первая исторически доказанная русская экспедиция (из Якутска) достигла устья Лены в 1635 г. Открытие Оленека и достижение Яны экспедицией Елисея Юрьева (Бузы) относится к 1636—1637 гг. Устье Яны открыто, повидимому, несколько ранее (в 1633 г.) Иваном Ребровым (Ребровым).—*Прим. ред.*

[5] Речь идет об экспедиции Ивана Москвитина; но дата, приведенная в тексте, неточна: Москвитин достиг Охотского моря в 1639 г.—*Прим. ред.*

от названной реки[1]. В 1646 г. русские впервые встретились с чукчами, а в следующем году Дежнев сопровождал большую, но неудачную экспедицию в их страну[2]. В 1648 г. Дежнев отплыл из устья реки Колымы и обогнул крайнюю восточную оконечность Азии. Когда позже его судно выбросило на берег, он пробрался сухопутьем до того места, где теперь расположен современный город Анадырь, и сделал его исходным пунктом дальнейших исследований[3].

Что касается юго-востока, то там русские пробились в бассейн Амура, о существовании которого они впервые услышали в 1636 г[4]. Еще через три года они начали свое продвижение к востоку от Байкала в долине Витима, а в 1643 г. приступили к более систематическому исследованию Амура. Отряду под начальством Пояркова удалось пробраться от реки Алдан к одному из притоков Амура и спуститься по нему до самого его устья. К июню 1646 г. Поярков успел уже вернуться в Якутск[5]. За Поярковым ко вновь открытым местам последовали другие, а в 1649 г. Хабаров открыл более удобный путь к ним по Олёкме[6].

Сопротивление как туземцев, так и маньчжуров помешало Хабарову выполнить все свои намерения. В связи с этим подгото-

---

[1] Индигирка была открыта не позднее 1639 г.; в этом году с Яны через горы на верхнюю Индигирку проник конный отряд Посника Ивана. Вероятно, еще раньше в устье Индигирки морем прибыл Иван Робров (см. примечание 4 на предшествующей странице), остававшийся там до 1640 г. Колыма была открыта в 1644 г. со стороны устья Михаилом Стадухиным, основавшим в низовьях реки Нижне-Колымский острог.—*Прим. ред.*

[2] Впервые до страны чукчей, т. е. луоровстланов (Чаунской губы к востоку от Колымы у 170° в. д.), достиг в этом году морем промышленник Исай Игнатьев, добывший там путем обмена драгоценный «рыбий зуб» (моржевый клык). Это и побудило летом следующего, 1647 г. Федота Алексеева (Попова) организовать морскую экспедицию, с которой отправился Семен Дежнев. Из-за тяжелых льдов экспедиция вскоре повернула обратно.—*Прим. ред.*

[3] Подробная биография Дежнева, его «отписки и челобитные» даны в книге *В. А. Самойлова*, «Семен Дежнев и его время». Там же, библиография.—*Прим. ред.*

[4] Первые достоверные известия об Амуре («Шилкаре») в 1636 г. принесли в Якутский острог казаки Перфильев и Бахтияров, ходившие туда, вероятно, на разведку. Вслед за тем у слияния Шилки и Аргуни побывал промышленник Аверкиев.—*Прим. ред.*

[5] Приток Амура, открытый Василием Поярковым,—Зея. Спустившись от ее устья вниз по Амуру до моря, Поярков затем вышел в Охотское море северным участком Татарского пролива, прошел вдоль берега моря до реки Ульи, а оттуда вернулся через реки Маю и Алдан на Лену. Во время этой трехлетней экспедиции Поярков прошел около 8 тыс. *км* и собрал ценные сведения о народах, живущих в бассейне нижнего Амура, на Сахалине и на западном берегу Охотского моря. О Пояркове см. *С. Бахрушин*, «Казаки на Амуре», 1925.—*Прим. ред.*

[6] Истоки верхних притоков Олёкмы—рек Тунгира и Нюкжи—близко подходят к долине Амура и отделены от северных притоков Амура короткими и сравнительно удобными волоками.—*Прим. ред.*

влялся новый поход, но на этот раз русское правительство решило не полагаться больше на грубую энергию искателей наживы, а выступить самому [1]. Между 1652 и 1658 гг. в бассейне Амура действовали отряды Степанова и других, и был учрежден ряд острогов; однакоже все усиливавшееся сопротивление китайцев заставило русских в 1658 г. отступить [2].

Тем временем в 1652 г. экспедиция с Енисея переправилась через озеро Байкал и поднялась по рекам Селенге и Хилоку к водоразделу между последним и Шилкой. Еще через два года русские достигли Шилки и, следуя по ней до ее устья, открыли таким образом новый подступ к Амуру. В течение последующей четверти века русские совершили еще целый ряд путешествий в этой области и тем самым ближе познакомились и укрепили свою власть над средним и северным Приамурьем.

Уже упомянутые нами выше столкновения с манчьжурами повели к отправке русскими в 1653 г. в Пекин посла, но он был по пути убит. В 1676 г. другой русский посол, молдаванин Спафарий, попал, наконец, в Пекин через Маньчжурию. Однакоже ему не удалось добиться прочного примирения между китайцами и русскими, которым пришлось уйти из восточной части бассейна Амура [3]. Следующий русский посол, датчанин Избрандт Идес, также проехал в Пекин через Маньчжурию в 1692 г. [4]. Составленное им описание путешествия, вскоре же переведенное на английский язык, сильно повысило общий уровень знаний об этой области мира и прославило достижения русских. Этот рассказ привлек к себе живое внимание Даниэля Дефо, использовавшего его как основу для некоторых эпизодов второй части «Робинзона Крузо».

На Крайнем Севере в конце столетия из Анадыря на юг вышла экспедиция, дошедшая до реки Камчатки и имевшая своим следствием покорение полуострова [5]. В самом начале XVII в. русские достигли крайней южной оконечности Камчатского полуострова и завидели Курильские острова [6].

Таким образом, к концу целого столетия географических исследований русские выявили важнейшие географические черты

[1] Хабаров был устранен летом 1653 г. царским уполномоченным, назначившим начальником новой экспедиции Онуфрия Степанова.—*Прим. ред.*

[2] После речного боя близ устья Сунгари (1658 г.), когда большая китайская флотилия, вооруженная пушками, настигла небольшие русские суда и заставила казаков под командой Онуфрия Степанова высадиться на берег и принять там неравный бой против ожидавшего их сильного китайского отряда.—*Прим. ред.*

[3] Из «Амурской земли» (то есть восточного Приамурья—от слияния Шилки и Аргуни) русские ушли, согласно Нерчинскому трактату 1689 г.—*Прим. ред.*

[4] Это посольство (1692—1694 гг.) привело к значительному укреплению торговых связей России с Китаем.—*Прим. ред.*

[5] Экспедиция Владимира Атласова.—*Прим. ред.*

[6] Экспедиция Анцыферова и Козыревского.—*Прим. ред.*

Северной Азии. В 1696 г. русским пришлось соприкоснуться с иезуитами в Китае и в том же году они проникли в мало знакомые им области северо-востока Китая. Достижения русских были замечательны и если не носили строго научного характера, то по размаху и точности наблюдений выдерживают в свою пользу сравнение с работой французов в Северной Америке в ту же эпоху[1].

В течение первой половины XVIII в. были разрешены основные проблемы северного побережья Азии. К началу века оно было исследовано на восток от дельты Лены, но на запад от нее до Новой Земли побережье оставалось неизученным[2]. В 1701 г. было получено известие, что к северу от устья реки Яны расположены какие-то острова, но поиски их оказались безрезультатными, и самое известие было поставлено под сомнение[3]. Однакоже в 1734 г. началось систематическое исследование побережья[4]. Одна партия вышла из Архангельска и направилась на восток. Продвижение ее не раз прерывалось, но несмотря на трудности и повторные неудачи работа продолжалась, пока к 1740 г. русские не вышли, наконец, к западному берегу полуострова Таймыр[5]. Другая партия вышла в 1735 г. из устья реки Лены и, двигаясь в западном направлении, к 1740 г. достигла того же полуострова Таймыр. Дальше продвинуться морем она не смогла, и по этой причине берег до Енисея был снят сухопутной съемкой. В 1742 г. Челюскин достиг северной оконечности Азии—мыса, названного его именем[6].

---

[1] Автор слишком сдержанно выражается: по размаху и по темпам открытий французы очень сильно отстали от русских. —*Прим ред.*

[2] Находки советских экспедиций 1940—1945 гг. на Таймырском полуострове дали неопровержимые доказательства того, что русская торгово-промышленная экспедиция, снаряженная не позднее 1617 г., достигла морским путем восточного берега Таймыра, обогнув с севера полуостров, открыв самый трудный участок Северного морского пути (см. *А. П. Окладников*, «Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра», 1948). Материковый берег Карского моря от Югорского Шара до устья Пясины был исследован русскими еще раньше (см. примечание 1 на стр. 232).—*Прим. ред.*

[3] Первые сведения об островах к северу от устья Яны были получены гораздо раньше, в результате морской экспедиции Михаила Стадухина (1644 г.).—*Прим. ред.*

[4] Опись северных берегов Сибири 1734—1743 гг. была одной из основных задач Великой Северной экспедиции (см. работу *Г. Яникова* изд. 1949).—*Прим. ред.*

[5] Неточно: участок побережья от устья Печоры до западного берега полуострова Таймыр был поделен между тремя исследовательскими партиями. Первая партия производила опись берега от Печоры до Оби (1734—1737 гг.): начали работу Муравьев и Павлов, успешно закончили на самом трудном участке (полуостров Ямал) Малыгин и Селифонтов. Вторая партия, под командой Овцына, описала берег от Оби до Енисея (1735—1737 гг.). Третья партия—Минина и Стерлегова—действовала восточнее Енисея и произвела съемку западного берега Таймыра до 75°26′ (1740 г.).—*Прим. ред.*

[6] Эта партия находилась сначала под командой Прончищева, а после его смерти (1736 г.)—под командой Харитона Лаптева. Этот замечательный исследователь вместе с Челюскиным и Чекиным заснял все побережье Таймыра до пункта, куда доходил Стерлегов.—*Прим. ред.*

Несколько путешествий на восток от Лены помогли улучшению знакомства с этими районами. В 1742 г. русские достигли морем Колымы, а один исследователь прошел по сухопутью от Колымы до Анадыря [1]. В этот последний район почти столетием раньше проникла сухопутная экспедиция из Якутска [2]

В Сибири ценные исследовательские путешествия были совершены между 1720 и 1738 гг. прусским натуралистом Мессершмидтом и шведами Таббертом и Ренатом [3]. Первый из них исследовал в 1721 г. отдельные отрезки Оби и Енисея, в 1725 г. спустился по Енисею почти до устья, на востоке же прошел до лежащего к Западу от Хингана озера Далай-Нор. В первом его путешествии к Оби и Енисею его сопровождал Табберт. Что касается Рената, то он много путешествовал по Центральной Азии между 1716 и 1733 гг. и, быть может, побывал даже на озере Лоб-Нор. Он собрал много сведений и сумел составить карту страны, превосходившую по общей точности все известные до него.

В 1733 г. началась серия руководимых Академией наук путешествий, часть которых—Беринга, Чирикова и Шпанберга—мы уже рассмотрели. Все они являлись частями общего большого предприятия по исследованию неизвестных областей Азии и северной части Тихоокеанского бассейна. Моряки работали совместно с академиками. Астроном Делиль де-ля-Круайер посетил озеро Байкал и бассейн верхнего Амура. Натуралист Иоганн Гмелин (старший) и историк Г. Миллер занялись исследованием области к востоку от Байкала, а все трое вместе изучили отдельные части бассейна Лены. Их исследования отчасти продолжил Стеллер, о работе которого мы уже упоминали выше.

Научное исследование русской Азии возобновилось под покровительством Екатерины II, когда в путешествия для исследования малоизвестных областей Российской империи был послан целый ряд специалистов-ученых. Между 1768 и 1774 гг. Паллас объехал огромное пространство, лежащее между Южной Россией и бассейном Верхнего Амура. В особенности внимательному изучению он подверг область к северу от Каспийского моря, Урал и Алтай и сделал ценные наблюдения в отношении происхождения гор. В те же годы много путешествовал по степным районам по обе стороны Каспийского моря и по северной Персии Самуил Гмелин

---

[1] Даты ошибочны: русские под командой Дмитрия Лаптева достигли морем Колымы в 1740 г., а Дмитрий Лаптев прошел сухим путем от устья Колымы на Анадырь в октябре-ноябре 1741 г.—*Прим. ред.*

[2] Непосредственно из Якутска в Анадырь впервые был прислан отряд служилых людей в 1656 г., под начальством Михайлова.—*Прим. ред.*

[3] Мессершмидт был не пруссаком, а уроженцем польского города Гданьска: Ренат и Табберт были пленными шведами. Последний, вернувшись на родину, был возведен в дворянство под фамилией Страленберг и более известен именно под этой последней фамилией.—*Прим. ред.*

(младший)[1]. Несколько раз на Кавказе ему приходилось бежать из плена, и умер он около Дербента в заключении у местного князька. На Кавказе обширные исследования между 1769 и 1773 гг. провел Гюльденштедт. Четвертый член этой знаменитой группы, Фальк, в 1771—1772 гг. исследовал отдельные районы Оби и Иртыша[2]. С работой их всех не было связано многих новых открытий, но эта работа имела большую ценность в том отношении, что дала исчерпывающие сведения о географии отдельных областей. Она больше похожа на научные экспедиции Беринга, чем на путешествия тех землепроходцев, которым мы обязаны открытием Сибири.

---

[1] Здесь автор дает примечание: «Более ранние попытки исследовать степную страну и проникнуть в Бухару имели место между 1714 и 1717 гг., но были пресечены уничтожением русской партии войсками хивинского хана». Однако автор здесь проявляет недостаточную осведомленность. Уже в «Книге БольшогоЧертежа» имелись кое-какие сведения о Хиве и Бухаре. Далее, известны: отчет Хохлова, отправленного царем Михаилом Федоровичем во главе посольства в Бухару в 1620 г., отчет астраханского боярского сына Ивана Федотова, отправленного к хивинскому хану в «Юргенскую» (Ургенчскую) землю царем Алексеем Михайловичем в 1669 г.; затем имеются отчеты братьев Бориса и Семена Пазухиных, Гладышева и геодезиста Муравина (1741 г.), командированных в Хиву, и ряда других русских служилых людей. Правда, все их отчеты носили в свое время характер служебной тайны и стали известны лишь через сто и более лет после написания. О них см. *Я. В. Ханыков*, Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями. «Записки ИРГО», книга V, 1851.

Зато более широкую известность получила книга «Российского унтер-офицера Ефремова... десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию (писанное им самим)», три издания: в Петербурге 1786 и 1794 гг. и в Казани 1811 г. В наст. время переиздается Географгизом со вводной статьей и примечаниями Э. Мурзаева. Филипп Ефремов, вятский уроженец, капрал Нижегородского пехотного полка, был в июне 1774 г. во время восстания Пугачева взят в плен отрядом казахов («киргизцев») и продан в рабство в Бухару, где он выдвинулся в военачальники («юзбаши») и даже получил небольшое поместье, участвовал в походах на Самарканд, Хиву и Персию. Однако тоска по родине, не оставлявшая Ефремова, заставила его при первой возможности бежать из почетного рабства. Он бежал через Ферганскую долину и Кашгар, через Тибет, где схоронил своих русских товарищей, и, наконец, через Гималаи в Индию. Из Калькутты Ефремов морем добрался до Англии, а оттуда в Петербург. Как отмечает советский географ Н. Л. Корженевский, книга Ефремова представляет в известной мере первую сводку географических сведений о многих «владениях» Средней Азии и главным образом Узбекистана,—первую географию этой страны. Следует также отметить грузинского путешественника конца XVIII в. Рафаила Данибегова, чье «Путешествие в Индию» издано в русском переводе в Москве в 1815 г.—*Прим. ред.*

[2] Среди замечательных русских путешественников-академиков екатерининской эпохи незаслуженно забыты автором Лепехин, Озерецковской и Зуев. О них см. *Н. Фрадкин*, «Путешествия Лепехина, Озерецковского и Зуева», 1948 .—*Прим. ред.*

Глава XI

АФРИКА, 1500—1788 гг.

Исследование Африки в крупных масштабах началось лишь в 1788 г., когда была основана «Африканская ассоциация»[1]. До этого времени на африканском континенте в целом не велось систематической исследовательской работы, и даже в тех областях, где кое-какие успехи были сделаны, они были малы по масштабу и невелики по значению. Причин, по которым открытие африканского континента шло так медленно, было несколько. Североафриканские пустыни изолировали средиземноморские народы от внутренней Африки, а единственная удобная дорога через Египет была частично преграждена турками. В других местах плоские прибрежные области были настолько нездоровыми, что в большой доле приезжие европейцы умирали, отсутствие же судоходных рек, по которым можно было бы подняться от моря, мешало проникновению во внутренние области, в которые можно было добраться разве только пешком. К этим причинам географического порядка следует прибавить сложившуюся веками историческую обстановку. Африка, как известно, лежит на пути к Востоку. В ту пору она рассматривалась как препятствие, которое надо было обойти кругом и посетить только в тех случаях, если и когда к этому вынуждали осложнения в плавании. По сравнению с Востоком и с Новым Светом, экономические ресурсы Африки, за исключением «черной слоновой кости», как называли негров-рабов, считались незначительными и неинтересными. Большого поля для развития торговой деятельности не предвиделось, а тут еще вдобавок во многих частях Африки фанатики-мусульмане делали невыносимой жизнь для христиан. Таким образом, на Африку европейцы обращали внимание только от случая к случаю, когда возникала какая-либо большая географическая проблема вроде вопроса о Нигере или же вопрос о таком позоре для человечества, как торговля рабами.

В течение периода, рассматриваемого нами в этой главе, исследование Африки производилось в пяти основных областях: в Эфиопии, где венецианцы уже порядочное время пользовались торговыми привилегиями; по западному побережью; в долине Конго;

---

[1] См. ниже, гл. XIV, стр. 358.—*Прим. ред.*

в Южной Африке и в долине Замбези, где европейцы несколько продвинулись вперед. В первой из названных областей посольство Ковильяна имело своим следствием значительно более близкое знакомство португальцев с Эфиопией[1]. Однако венецианцы, повидимому, хорошо знали Эфиопию гораздо раньше. Так, например, на карте Фра-Мауро, составленной в последние годы жизни принца Генриха Мореплавателя, физико-географическая структура Эфиопии показана с неожиданной степенью точности. Эти познания Фра-Мауро, однакоже, в основном почерпнул из туземного источника, а именно от приехавшего в Италию эфиопа. Все же остается фактом, что итальянцы, как, собственно, и следовало ожидать, представляли себе структуру Северо-Восточной Африки лучше, чем португальцы.

За посольством Ковильяна, выехавшего в Эфиопию в 1487 г., последовали другие португальские экспедиции. Однажды обосновавшись на Индийском океане, португальцы вынуждены были защищать свои торговые пути, а кроме того играл роль расчет на то, что дружественная Эфиопия может помочь разбить турок. За политическими и военными экспедициями XVI в. последовали, начиная с 1557 г., поездки миссионеров. Один из них, Педро Паэш, после полной приключений жизни, отправился в 1603 г. в Эфиопию, в 1613 г. посетил истоки Голубого Нила и одновременно правильно установил причину нильских разливов.

Другой миссионер, Антон Фернандеш, прибыл в 1604 г. во Фремону[2], а девятью годами позже совершил большое путешествие по стране Галла[3] с целью отыскания для португальской торговли нового пути, поскольку старый путь через Массауа попал в руки турок.

Третий, иезуит Жероме Лобо, попытался открыть путь для проникновения в Эфиопию через Малинди. В ходе своего путешествия он обследовал восточное побережье Африки от острова Паты (у 2° ю. ш.) до реки Джуба, но нового пути ему открыть не удалось, и он вернулся в Индию. Оттуда он направился обратно к Красному морю, пересек область Данакиль, достиг Фремоны и из этого центра объехал ряд местностей Эфиопии, включая

[1] Де-Ковильян П. был послан в 1487 г. португальским королем на розыски по старым торговым путям страны легендарного царя-священника «пресвитера Иоанна». Ковильян через Египет проник в Аравию, Индию, Восточную Африку и на Мадагаскар. Вернувшись в Египет, Ковильян послал в Португалию отчет о своем замечательном путешествии. Затем он отправился в христианскую Эфиопию, где был хорошо принят и оставался там до конца своих дней. (В своих письмах в Португалию он ссылался на то, что его задерживают против его воли.) В 1525 г. он был еще жив.— *Прим. ред.*

[2] Пункт в северной части Абиссинского нагорья.—*Прим. ред.*

[3] То есть по областям, где преобладают народности, говорящие на языке галла кушитской группы, отличной от абиссинской группы языков.— *Прим. ред.*

Дамот. Все эти иезуитские миссионеры собрали много точных сведений о стране, свидетельством чему является карта, составленная в 1683 г. Лудольфом.

В 1699 г. в Эфиопию было совершено путешествие из Египта. Группа миссионеров в сопровождении д-ра Понсе прошла от Каира через Донголу и Сеннар, переправилась через Голубой Нил и достигла Гондара. Понсе оставил хорошее описание пути в Эфиопию, но его известие о пребывании в этой стране было принято с некоторыми сомнениями. В Европу он вернулся через Массауа. Аналогичное путешествие, но по несколько другому маршруту было проделано в 1700 г. другим миссионером, Теодором Крумпом. К этому времени Эфиопию знали лучше, чем любую другую африканскую страну подобных же размеров.

Экспедиция Джемса Брюса к Голубому Нилу, совершенная в 1768 г., привлекла внимание Европы к подобным путешествиям. Из Нижнего Египта он направился в Косейру на Красном море, откуда отплыл на Массауа, причем поехал долгим кружным путем по северной части моря, заходя по пути в некоторые порты аравийского побережья, вплоть до Баб-эль-Мандебского пролива. Из Массауа он направился в глубь Эфиопии, в Гондар, а от него добрался до истоков Голубого Нила. Вернулся он через Египет и Нубийскую пустыню. Брюс сделал мало настоящих открытий, но сам очень неохотно признавал достижения своих предшественников-иезуитов[1]. Путешествие его имело то значение, что пробудило интерес к исследованию Африки. Составленное им пространное описание его путешествия правильно отображает работу его хорошо проведенной научной экспедиции.

Соприкосновение европейцев с западным побережьем Африки началось, если не считать путешествий карфагенян, еще в эпоху средневековья; однако до эпохи принца Генриха Мореплавателя европейцами не было сделано даже попытки исследования территории за побережьем. Правда, генуэзцы еще с XIII в., а венецианцы с XIV в. интересовались торговлей с Северной Африкой и через них, так же как через евреев и арабов, в Европу просачивались кое-какие сведения[2]. В 1447 г. некий купец по фамилии Мальфанте совершил путешествие до большого центра западноафриканской торговли—Туата. Он же много наслышался о бассейне Нигера вообще и городе Тимбукту в частности от родственника одного из богатейших купцов этого города[3]. Другой, много

[1] Многие другие историки открытий склонны, напротив, преувеличивать открытия Брюса, забывая о достижениях португальских путешественников XVI—XVII вв.—*Прим. ред.*

[2] По этому поводу см. в особенности *Ронсьер*, «Открытие Африки в средние века» (*C. de la Ronciere* «La Decouverte de l'Afrique au moyen âge», vv. I—III, 1924—1927).—*Прим. автора.*

[3] Он почти так же подробно описывает соседние с Тимбукту районы, как и оазис Туат, пишет Ронсьер.—*Прим. автора.*

путешествовавший по странам Леванта флорентинец, очевидно около 1469 г., сумел добраться до Тимбукту с севера. Как раз в это время португальцы закончили открытие всего западноафриканского побережья и основали свою торговую факторию

23. Африка, 1500—1788 гг.

в Адраре [1]; отсюда они добрались в 1477 г. до Тимбукту; в южном же направлении, после того как торговля перцем [2] приняла большие размеры, они проникли во внутреннюю часть Бенина.

[1] То есть на побережье Западной Сахары. Речь идет о фактории Аргин.— *Прим. ред.*

[2] В Африке не было настоящего перца; речь идет о суррогате, пряном растении «малагета».—*Прим. ред.*

Развитие торговли в XVI в. повело к более близкому знакомству с побережьем Западной Африки, и на сцену появились другие государства, стремившиеся получить свою долю во вновь обнаруженных богатствах; география, однако, получила от всего этого очень мало.

Выдающимся событием этого века было опубликование «Описания Африки» Льва Африканца, объехавшего бо́льшую часть Западной Африки. Работа его изобилует чрезвычайно ценными описаниями; она была переведена на большинство европейских языков и оставалась наиболее авторитетным трудом по этой части Африки вплоть до начала новой эпохи в ее исследовании[1].

В XVII в. исследование внутренней части Африки шло очень медленно. В 1618 г. француз Поль Эмбер был похищен в Марокко и увезен в Тимбукту. Впоследствии он описал свои приключения и лишения. В том же году англичанин Томпсон поднялся далеко вверх по течению реки Гамбии и в 1616 г. добрался до точки, лежащей в 650 *км* от ее устья. Год 1620 отмечен путешествием Джобсона, которому, по крайней мере частично, удалось исполнить намеченный им план и разузнать как следует о торговле Тимбукту.

Если Гамбия была большой дорогой для проникновения англичан, ту же роль для французов играл Сенегал. В 1637 г. французская экспедиция поднялась на значительное расстояние вверх по этой реке. Еще через 60 лет Андре Брю совершил два путешествия вверх по реке и собрал сведения о золотоносном районе Бамбука в районе верхнего Сенегала, где вблизи устья реки Фалеме французы учредили военный пост. В 1715 г. французы основали другой пост по течению реки Фалеме, а в 1716 г. Компаньон частично обследовал местность между Фалеме и течением Сенегала выше этого пункта. Об успехах французов к этому времени лучше всего можно судить из описания Африки в опубликованной в 1728 г. книге Ж. Б. Лаба́ «Новое повествование о Западной Африке» (Nouvelle relation de l'Afrique occidentale).

Несколько продвинулись в глубь страны от западного побережья и англичане. В 1723 г. Стибс поднялся по реке Гамбии до водопада Барраконда. Он пришел к заключению, что истоки реки должны быть где-то недалеко и что Гамбия не имеет ничего общего с Нигером. Еще через три года капитан Смит произвел съемку реки, а в 1732 г. капитан Лич составил хорошую ее карту. В 1738 г. служащий «королевской африканской компании» Фрэнсис Мур выпустил хорошее описание страны, но, надо сказать, что вне рамок нескольких речных долин англичане по-настоящему очень мало знали Западную Африку. Настоящее иссле-

[1] Лев Африканец—настоящее имя Альхасан Ибн-Мохамед Альвазан—был испанский мавр (1494—1552), много путешествовавший по Африке и составивший в 1526 г. ее описание на арабском языке.—*Прим. ред.*

дование ее началось лишь с великими путешествиями конца века, целью которых было разрешение проблемы реки Нигера.

Португальцы проявляли активность в районе Конго почти с того момента, когда эту реку открыл Диего Кан. Здесь, как и в Эфиопии, пионерами были католические миссионеры. В 1490 г. организованная ими экспедиция достигла в 300 *км* от побережья города, позже получившего название Сан-Сальвадора. Негритянский царь и множество туземцев перешли в христианство, и миссионеры составили себе общее представление о стране, как вдруг в 1570 г. их работа была прервана вторжением людоедов «жагга». Нападение людоедов было отбито, но в ходе войны португальцы потеряли завоеванное было ими положение и не сумели его вернуть до XVII в. Они запроектировали ряд крупных экспедиций, в том числе поход с реки Конго в Эфиопию, но из них ничего не вышло. Сделанное около 1578 г. Лопешом общее описание страны содержит множество точных сведений, но вместе с тем изобилует всякого рода преувеличениями, которые могут быть результатом лишь малой осведомленности.

Тем временем португальцы добились успехов в Анголе. Впервые они попали туда в 1559 г., а пятнадцатью годами позже заложили поселок на берегу вблизи Лоанды. К концу столетия они уже очень крепко обосновались в Анголе и старались добраться до Бенгелы. Перенесение резиденции епископа из Сан-Сальвадора в Лоанду в самом начале XVIII в. еще более подняло значение Анголы, а в 1606 г. была сделана попытка открыть сообщение с Замбези.

Прежде чем перейти к ходу географических исследований в XVIII в., мы должны еще упомянуть приключения одного англичанина, Эндрю Баттелла, попавшего в 1589 г. в кораблекрушение у берегов Бразилии и увезенного португальцами в качестве пленника в Африку. Он провел ряд лет недалеко от берега Анголы, после чего был выдан в качестве заложника дикарям «жагга», в обществе которых он исколесил часть южной Анголы. В конце концов ему удалось добраться до Англии и оставить кое-какое описание виденных им мест, не имевшее, конечно, почти никакого научного значения.

Более близкому знакомству с географией этого района в течение XVII в. мы обязаны прежде всего деятельности монахов-капуцинов. Они прибыли в 1645 г. и им, повидимому, удалось добраться до Маньянга вблизи водопада на Конго. В 1651 г. другой экспедиции как будто бы удалось добраться до местности к северу от Стэнли-Пул [1], и, хотя нет возможности точно проследить маршруты этих монахов-миссионеров, мы все же можем

---

[1] Стэнли-Пул—обширный озерный бассейн на Нижнем Конго, площадью более 200 кв. *км* у нынешнего Браззавиля.—*Прим. ред.*

законно предположить, что они исследовали большую область к северу и к востоку. К тому времени, когда в 1686 г. Дэппер составил свое описание Африки, река Куанго уже была, очевидно, открыта[1] и стало известно множество топографических деталей местности между этой рекой и берегом моря, но после этого, вплоть до XIX в., никаких успехов в исследовании этой области отметить более нельзя.

Португальцы сделали довольно значительные успехи и на восточном берегу. Здесь в первые годы исследования их политика находилась под прямым влиянием необходимости защиты морских коммуникаций с Индией и тем самым была связана с ходом аналогичных исследований в Эфиопии. К 1507 г. Кильва и Момбаса, так же как побережье к северу от Момбасы, Софала и Мозамбик, попали в руки португальцев. В 1588 г. Мозамбик стал главным португальским портом в Африке, и в него заходили все каботажные суда.

Португальцы, естественно, торговали с туземцами по побережью, но, насколько можно судить, не пытались проникнуть в глубь Африки иным путем, кроме как по Замбези. Впервые они попытались организовать укрепленный пост на Замбези в 1513 г., а к 1531 г. достигли Сены. Еще через несколько лет они основали посты в Тете, далеко вверх по течению реки, и в Килимани, на побережье. К середине века они уже очень много знали о Замбези. Важнейшим стимулом для проникновения в глубь страны было золото королевства Мономотапы, а для товарообменных операций с ним местоположение Тете подходило как нельзя лучше. Кроме купцов этот район изучали и миссионеры-доминиканцы, впервые появившиеся здесь в 1577 г.

В самом начале XVII в. португальцы приступили к покорению этого туземного королевства Мономотапы, а в 1616 г. Гаспар Бокаррош совершил путешествие от расположенной на реке Замбези, выше Тете, пристани Чикоа в Кильве на побережье океана — через южный конец озера Ньяса и реки Луженда и Ровума. Еще через шесть лет был выдвинут проект открытия сообщения с Эфиопией по этому вновь открытому озеру Ньяса, но из проекта ничего не вышло. Португальцы удовольствовались тем, что распространили свое влияние на внутреннюю область, что дало им контроль над большей частью территории, лежавшей за Софалой и простиравшейся до Замбези[2]. Никаких новых

---

[1] Первым до нее, в 1660 г., добрался голландец Ян ван-Хердер.—*Прим. автора.*

[2] Некоторые авторы утверждают, будто португальцы хорошо знали Центральную Африку, но приводимые ими доказательства, опирающиеся главным образом на старые карты, не совсем убедительны. Герой одного из произведений Дефо, капитан Джон Синглтон, совершает воображаемое путешествие поперек Африки, и для этого, повидимому, используется какая-то карта того времени.—*Прим. автора.*

географических открытий не было сделано вплоть до экспедиции Ласерды в 1798 г., но эта последняя относится уже скорее к последующему периоду научного исследования, чем к эпохе открытий путешественников-пионеров[1].

Что касается Южной Африки, то настоящее исследование ее началось лишь с конца XVIII в. Португальцы знали Столовую бухту, которая позже стала пунктом захода для направлявшихся в Индию и Индонезию английских и голландских торговых судов; но постоянного поселка там не было вплоть до 1652 г., когда территорию нынешнего Капштадта оккупировали голландцы. Слухи о богатых землях к северу и рассказы о королевстве Мономотапе потянули голландцев на север. В 1660 г. экспедиция, искавшая королевство Мономотапу, проникла на небольшое расстояние за реку Олифантс, а еще через два года голландцы, после дальнейшего продвижения, достигли земель бушменов. В 1668 г. они вышли к заливу Моссел-Бэй, а в 1685 г. отряд под начальством Симона Ван-дер-Стелл открыл страну Малую Намакву, где была обнаружена медь. Все эти путешествия происходили на ближайшей к Капштадту территории; о Южной же Африке в целом в XVII в. было мало что известно.

Следующая стадия исследования Южной Африки ознаменована одной экспедицией 1705 г. в Натал и другой, 1720 г., к заливу Делагоа. Обе эти голландские экспедиции были морскими, и целью их было найти более благоприятные для колонизации местности. Однакоже в 1736 г. голландцы снарядили и отправили сухопутную экспедицию в восточном направлении и таким путем пришли в соприкосновение с южноафриканскими неграми банту. Некоторые члены отряда и его начальник Хюбнер были убиты туземцами; те же, кому посчастливилось вернуться в Капштадт, не принесли с собой сколько-нибудь большого географического материала. Неудача этого отряда компенсировалась экспедицией 1752 г. под начальством Бейтлера. Она двигалась, в общем, параллельно южному берегу и проникла на короткое расстояние за реку Кей, к северо-востоку от того места, где теперь расположен порт Ист-Лондон. На обратном пути экспедиция исследовала большую внутреннюю область.

В 1760 г. удалось пересечь реку Оранжевую, а в следующем году специально посланный отряд углубился далеко в территорию за этой рекой, достигнув страны Большой Намаквы. Это открыло для сношений целую область к северу от мыса Доброй Надежды. Еще через шесть лет Р. Дж. Гордон вышел к Оранжевой реке вблизи ее слияния с Ваалем, а в 1778 г. Патерсон отправился в экспедицию в восточном направлении и за Большой Рыбной рекой нашел страну кафров. В следующем году оба

[1] См. ниже, гл. XIV—*Прим. автора.*

исследователя провели некоторое время в долине нижнего течения реки Оранжевой. К этому же периоду относятся путешествия Спаррмана в стране кафров и Ле-Вайяна как в восточной, так и в северной областях. Оба они были скорее натуралистами, чем географами, и хотя оба, и в особенности Ле-Вайян, совершили далекие путешествия, географии они дали не много.

XVII в. завершается двумя замечательными экспедициями в страну Большую Намакву (1791—1792 гг.), в ходе которых была достигнута Китовая бухта. Таким образом, к концу века уже выяснились общие очертания территории вплоть до реки Оранжевой, в некоторых же точках на западе стало кое-что известно и о лежавших за этой рекой сухих и бесплодных районах Юго-Западной Африки.

Глава XII

АМЕРИКА, 1550—1800 гг.[1]

В течение XVII и XVIII столетий исследование Северной Америки велось в пяти основных областях: а) обосновавшиеся в долине реки Св. Лаврентия французы проложили себе путь через весь континент до подножья Скалистых гор и до Гудсонова залива, в южном же направлении они проникли вниз по Миссисипи до Мексиканского залива; б) селившиеся по атлантическому побережью англичане в течение XVII в. постепенно ознакомились со своим хинтерландом вплоть до Аппалачских гор, а в XVIII в. дошли до Миссисипи; в) на юге, основавшие у устья Миссисипи свою колонию французы исследовали область к западу от дельты этой реки и вошли в соприкосновение с испанской частью Северной Америки; г) сами испанцы, в свою очередь, изучили область от новой Мексики до Калифорнии и исследовали отдельные пустынные и безводные территории в юго-западной части нынешних Соединенных Штатов; наконец, д) на Дальнем Севере англичане проникли от Гудсонова залива до Скалистых гор и Северного Ледовитого океана, а одному скупщику пушнины из Монреаля удалось пересечь весь материк и выйти к Тихому океану.

1. Исследования французов со стороны реки Св. Лаврентия

Из народов, занятых открытием внутренней части Американского континента, больше всех других сделали французы. Их успех следует частично приписать тому естественному географическому преимуществу, каким они располагали в виде реки Св. Лаврентия как исходной базы для операций, поскольку от нее почти во все стороны расходится ряд удобных путей сообщения. Наличие такого рода естественной транспортной сети неодолимо манило вдаль и монаха-миссионера, желавшего охватить своей пропагандой как можно большую территорию, а если удастся,—

[1] Литература по этому периоду истории географических открытий обширна. Образцовой работой является книга Хевуда (*E. Heawood*, The History of Geographical Discovery in the Seventeenth and Eighteenth Centuries, 1912). Более детальный характер носят книги Барпи и Крауза; к этим книгам приложена подробная библиография.—*Прим. автора.*

весь мир, и скупщика пушнины, готового итти куда угодно в поисках мехов, и исследователя, пылко стремившегося к расширению границ Новой Франции или же просто желавшего разрешить ту или иную географическую загадку. В результате такого неудержимого стремления французы охватывали своим влиянием обширные территории и узнавали очень много, хотя и ценою ослабления Канады[1].

Исследование Канады французами можно, в общем, разбить на три периода. В начале первого периода французы знали о Канаде лишь столько, сколько удалось узнать Картье полувеком ранее. Крупнейшей фигурой этого первого, длившегося до 1650 г. периода был Самюэль Шамплен. Родившийся в 1567 г., Шамплен еще до конца XVI в. успел побывать в Новом Свете, а его поездка в Вест-Индию и Мексику дала ему кое-какое представление о географии и этой части земного шара. В 1603 г. он совершил разведывательное путешествие вверх по долине реки Св. Лаврентия, а в последующем году исследовал берег полуострова Новой Шотландии, залив Фунди и побережье материка вплоть до реки Кеннебек, откуда в 1605 г. он проследовал еще дальше на юг, за мыс Код.

Вновь в долине реки Св. Лаврентия Шамплен появился в 1608 г., когда был основан город Квебек. С целью добыть побольше сведений о возможных путях к Южному морю, о которых он наслышался во время своей первой экспедиции, Шамплен присоединился к военному отряду индейцев и вместе с ними поднялся по реке Св. Лаврентия и реке Ришелье, пока не достиг того озера, которое ныне носит его имя, как первого увидевшего его европейца.

Свое второе большое путешествие Шамплен предпринял в 1613 г. Во время своего первого посещения долины реки Св. Лаврентия он слышал о лежавшем к северу море, путь к которому вел вверх по течению реки Сагеней, а также об огромном внутреннем озере, которое, как ему представлялось, простиралось на юг до самой Флориды и которого можно было достигнуть по рекам Св. Лаврентия и Оттаве. Теперь же один из французов, живших на реке Оттаве, заверил его, что по ней можно было доплыть до «Северного моря». Шамплен решил проверить это сообщение. Он поднялся по реке Оттаве за пороги Шодьер до острова Аллюметт и, убедившись, что ему дали неверную информацию, вернулся к реке Св. Лаврентия.

Еще через два года Шамплен совершил свое третье и наиболее важное путешествие. Его спутниками на этот раз были несколько

---

[1] Слабость французских северо-американских колоний и последующая потеря их Францией в XVIII в. объясняются не размахом французской исследовательской деятельности, а всем ходом исторического развития как самой Франции, так и ее соперников—Англии и англо-американских колоний.—*Прим. ред.*

монахов-францисканцев, один из которых, Ле-Карон, ранее уже побывал в некоторых пунктах маршрута. Следуя вверх по течению рек Оттавы и Маттавы, через озеро Ниписсинг и по Французской реке (Френч-Ривер), исследователи достигли той части озера Гурон, которая известна под названием залива Джорджен. Шамплен направился по этому заливу на юго-восток, повернул в глубь страны, пересек территорию современной канадской провинции Онтарио и через озеро Симко вышел к заливу Кентè на северном берегу озера Онтарио. Отсюда он прошел к восточному концу этого озера, переправился на южный берег и вновь повернул на юго-восток в глубь страны, где атаковал индейский поселок вблизи озера Онейды. Оттуда он вернулся к озеру Онтарио, добрался до озера Симко и тем же путем вернулся обратно к реке Оттаве и, далее, в Квебек, куда и прибыл 11 июля 1616 г.

На этом исследовательская деятельность Шамплена закончилась, хотя сам он оставался на французской службе в Канаде еще восемь лет. Открытие им озер Шамплен, Ниписсинг и Симко и посещение им озер Гурон и Онтарио ставят его в ряд крупнейших исследователей Канады. Его деятельность как администратора, так же как его пламенный интерес к исследованию и путешествиям, во многом обеспечили успех его преемников.

Хотя имя Шамплена обычно связывают с открытием упомянутых нами двух из Великих озер, на самом деле Шамплен не был первым французом, плававшим по их водам. Уже в 1611 г. на озере Гурон побывал молодой человек по фамилии Брюле, который в 1615 г., т. е. раньше Шамплена, достиг и озера Онтарио. Но это были только небольшие эпизоды в его полной смелыми приключениями жизни. Брюле объехал значительную часть территории современной Пенсильвании, спустился по реке Сусквеханна до Чезапикского залива, посетил страну индейцев племени сенека, а после 1621 г. добрался до озера Верхнего; в конце концов его поймали и убили индейцы племени гурон.

В 1634 г. Шамплен командировал Жана Николле на поиски прохода к «Южному», или, как его тогда еще чаще называли, «Западному морю», о котором в то время не переставая говорили. Нет сомнения, что под «морем» имелись в виду пять Великих озер, о которых в то время ничего толком не знали, и Николле было поручено выяснить эту тайну. Николле прошел от озера Гурон с востока на запад вдоль всего острова Гран-Манитулен до быстрин Су-Сант-Мари, а оттуда—на юг к озеру Мичиган и по его северному берегу до залива, позднее названного англичанами Грин-Бей. Далее Николле проследовал по реке Фокс до волока, отделявшего ее от реки Висконсин, и достиг таким образом водораздела между бассейнами рек Св. Лаврентия и Миссисипи. Эту последнюю реку индейцы называли просто «Большая Вода». Николле думал, что под этим разумеется море, и решил, что находится со-

всем близко от него. Его донесение укрепило уверенность в том, что Тихий океан расположен недалеко от реки Св. Лаврентия и что, таким образом, Николле нашел новый проход в Китай и Японию.

В этот период в качестве исследователей Америки на сцену выступают иезуиты[1]. На основе их огромной работы французское влияние распространилось на очень большую территорию. Они совершили много путешествий, оставили множество интересных и ценных описаний; но очень большая часть их работы слишком мелка по масштабу, чтобы мы могли заниматься ею здесь. Двое из этих иезуитов, Бребеф и Шомоно, предприняли поездку к индейцам «нейтрального племени», в ходе которой собрали кое-какие сведения относительно озера Эри (1640 г.), однакоже первое упоминание о Ниагарском водопаде встречается лишь в 1648 г., и то понаслышке. В этом же году вспыхнули Индейские войны[2], и всякого рода исследования оборвались. На этом закончился первый период исследования; составилось представление о пяти Великих озерах, довольно четкое в отношении Онтарио, Гурона и Мичигана, но неполное и отрывочное в отношении остальных двух.

Подписание мира в 1653 г. дало возможность как миссионерам, так и торговцам возобновить исследования. Первые далеко продвинули вперед дело изучения районов, прилегавших к миссионерским станциям, которые, в свою очередь, передвигались все дальше и дальше в глубь страны. Торговцы, и в особенности скупщики пушнины[3], благодаря своим тесным связям с индейцами также собрали много ценных географических сведений. В 1658 г. два торговца, Шуар и Радиссон, совершили путешествие по хорошо знакомой реке Оттаве к заливу Джорджен. Они долго плавали по озеру Гурон и в конце концов достигли залива Грин-Бей озера Мичиган, где и зазимовали. Весной 1659 г. они поднялись по реке Фокс до реки Висконсин и достигли Миссисипи. В конце того же года, осмотрев южную часть озера Мичиган, они вошли в озеро Верхнее и исследовали значительную часть территории современного штата Висконсин. Есть предположение,

[1] В Северной, как и Южной, Америке иезуиты стремились не только к тому, чтобы распространять католическую веру среди индейцев, но и к тому, чтобы создать собственное теократическое государство, самодержавно управляемое высшим местным представителем ордена иезуитов и не зависимое от колониальных властей. Поэтому даже католические правительства Франции, Испании и Португалии подозрительно относились к иезуитам, хотя и пользовались ими для колониальной экспансии в глубь материков.—*Прим. ред.*

[2] Между гуронами и союзом ирокезов (за теми и другими стояли соперничавшие колониальные власти—французские и английские).—*Прим. ред.*

[3] Эти скупщики пушнины, вошедшие в историю Канады под названием «coureurs de bois» (лесные бродяги), не столько сами вели товарообмен, сколько занимались сбором охотников-индейцев с их пушниной в большие партии и проводкой их в Монреаль.—*Прим. автора.*

что в ходе своих странствий Радиссон видел реку Миссури или по крайней мере слышал о ней. Он слышал также о Гудсоновом заливе, но побывал на нем лишь позднее. В то время в ходу было много гипотез относительно связи между Северным и Западным морями[1], и именно с целью открытий в этом районе оба купца в 1661 г. вышли в новую экспедицию. Они совершили плавание вдоль южного берега озера Верхнего до современного Ашленда, где провели зиму и откуда сделали несколько экскурсий в глубь страны. Куда экспедиция направилась после этого,—неясно, но есть предположение, что она пересекла озеро и через озера Нипигон и Саммит достигла Гудсонова залива.

В 1665 г. монах Аллуэ учредил около Ашленда христианскую миссию св. Духа, базируясь на которую сумел собрать много материала об окружающей территории и произвести тщательное обследование озера Нипигон. Через четыре года он перенес свою миссию на реку Фокс. Аллуэ явился, таким образом, своего рода соединительным звеном между первыми настоящими исследователями на Верхнем озере и французскими агентами в долине Миссисипи. Его работа характерна для работы других ревностных миссионеров, следовавших по пятам за торговцами и заполнявших пробелы в знании страны.

Три экспедиции 1669 г. намного расширили познания о районе Великих озер. Жолье, посланный на поиски медных рудников, о которых несколькими годами раньше слышал Шамплен, вернулся новой дорогой через озеро Гурон и реку Детруа (Детройт) к озеру Эри. Отсюда он поднялся по реке Гранд и дальше прошел к местоположению нынешнего Гамильтона на озере Онтарио, где он встретился с другой группой французов, руководимой миссионерами Кассоном и Галинэ, которые прибыли вверх по течению реки Св. Лаврентия и прослышали по дороге о Ниагарском водопаде. Миссионеры вернулись обратно тем путем, каким пришел Жолье, и успех их путешествия послужил большим стимулом к дальнейшему исследованию. До Гамильтона их сопровождал Ла-Салль, но здесь он расстался с ними и пустился в самостоятельное путешествие, точная трасса которого неясна, но во время которого он, повидимому, открыл реку Огайо.

Позже, в конце 1672 г., Жолье в сопровождении миссионера Маркета совершил другое важное путешествие. Добравшись через озеро Мичиган и реки Фокс и Висконсин до Миссисипи, он проследовал вниз по ее течению до впадения в нее реки Арканзас, после чего отправился вверх по Миссисипи и по реке Иллинойс вернулся обратно к озеру Мичиган. Он поднялся по этому озеру до бухты Стерджен (восточный берег залива Грин-Бей) и снова зашел в реку Фокс. В ходе его путешествия, общим протя-

[1] Т. е. между Северным Ледовитым и Тихим океанами.—*Прим. ред.*

жением в 5000 *км*, ему удалось установить совершенно достоверные общие очертания Миссисипи. Его работу завершили Ла-Салль и патер Аннепен. Оба этих последних исследователя достигли 6 декабря 1678 г. реки Ниагары, и патер составил первое известное нам описание знаменитого водопада. После этого Ла-Салль проплыл через Великие озера к южному концу озера Мичиган, а оттуда вверх по реке Сен-Жозеф—до притока Иллинойса Канкаки. Отрядив здесь часть людей на исследование реки Иллинойс вплоть до самой Миссисипи, сам Ла-Салль вернулся сухим путем к Детруа, а оттуда добрался до Монреаля. Когда он позже отправился к реке Иллинойс, он не нашел там оставленного им отряда, и один добрался по течению реки вплоть до ее впадения в Миссисипи. Так и не найдя своих людей, он вновь поднялся вверх по реке Иллинойс, пока не достиг озера Мичиган в том пункте, где теперь стоит Чикаго.

В это же самое время длинное путешествие предпринял патер Аннепен (Hennepin): он спустился по реке Иллинойс до Миссисипи и затем поднялся по этой последней реке до того места, где теперь расположен город Миннеаполис. Позже он претендовал на то, что он совершил гораздо более обширные открытия, но кратковременность его путешествия противоречит его утверждениям [1].

В 1681 г. Ла-Салль увенчал свою работу тем, что доплыл по рекам Иллинойс и Миссисипи до самого Мексиканского залива. Он объявил все эти земли владениями французского короля, дал им общее название Луизианы и с большими трудностями вернулся в Монреаль. После этого он отправился во Францию, где заручился поддержкой короля в организации морской экспедиции к устью Миссисипи, но штурман не смог отыскать дельты реки, и люди вынуждены были высадиться на лагунном побережье Техаса. Во время пешего похода к Миссисипи Ла-Салль был убит несколькими участниками его же собственного отряда. Остаток его экспедиции под командованием Жутеля добрался до реки Арканзас, где и встретился с экспедицией Тонти, спускавшейся вниз по Миссисипи в поисках Ла-Салля.

Со смертью Ла-Салля со сцены сошла вторая крупная фигура этого второго периода французских исследований Америки. Его работа, послужившая завершением трудов Шамплена, доказала наличие тесной связи между бассейнами рек Св. Лаврентия и Миссисипи.

Дальнейшее исследование Запада предпринял Даниэль де-Грейсолон дю-Лут, который в 1678 г. направился к южному берегу Верхнего озера и, повидимому, достиг реки Сен-Круа. В своей долгой проведенной в этих местах жизни дю-Лут накопил значительный и, в общем, точный материал о районе к западу от Великих озер.

---

[1] Аннепен якобы заявлял о том, что достиг Тихого океана и мифического «пролива Аниан» (см. стр. 571).—*Прим. ред.*

Обширные открытия были сделаны и на востоке. В 1672 г. Альбанель с реки Св. Лаврентия, пользуясь рекой Сагенэ и озером Мистассини, достиг Гудсонова залива, где и обнаружил, что в этом районе хозяйничали англичане. Семь лет спустя аналогичную экспедицию совершил Жолье, а в 1686 г. к заливу новым путем через реку Оттаву и озеро Тимискаминг прошел военный отряд. Собранный таким образом материал был умело использован и еще более расширен трудами миссионеров, следовавших по пятам за торговцами и солдатами. В результате всего второго периода исследований вчерне выяснены были очертания территории Америки между реками Огайо, Миссисипи и южным берегом Гудсонова залива.

Третий период открывается прибытием в 1688 г. на Лесное озеро Жака де-Нойона. Этот третий период ознаменовался, с одной стороны, продолжением работы дю-Лута, а с другой,—началом новой экспансии на запад в поисках моря, которое, как Эльдорадо в Южной Америке, по мере того как исследователи двигались вперед, отодвигалось все дальше и дальше. В течение некоторого времени внимание французов было сосредоточено главным образом на реке Миссури, где в 1708 г. осело некоторое число французских купцов, занятых главным образом поисками минералов. Крупнейший французский географ своего времени Гильом Делиль (старший) отнес море в район к западу от Миссисипи. Однакоже на картах того времени наблюдается большая путаница, внесенная, с одной стороны, выдумками Ла-Онтана (La Hontan), давшего целое описание реки, впадающей с запада в Миссисипи, а с другой—попытками объединить в одно целое рассказы индейцев с сообщениями об открытых испанцами больших заливах или эстуариях по западному побережью Америки. В 1720 г., когда споры и противоречия достигли кульминационной точки, патеру Шарльвуа было дано специальное поручение—разработать вопрос о возможности посылки экспедиции к «Западному морю». По возвращении во Францию он заявил: «Я вижу лишь два варианта открытия этого моря: один из них—это подняться вверх по реке Миссури, истоки которой явно находятся вблизи моря, и другой—основать миссию среди индейцев сиу, от которых миссионеры смогут получить все нужные им сведения» (Крауз[1]). Правивший тогда Францией регент остановился на втором варианте, и в 1727 г. на Миссисипи у озера Пепин (у $44^1/_2$° с. ш.) была учреждена миссия, не давшая, однако, ничего для дела исследования.

Но уже на следующий год Верандри-отец (Пьер Готье де-Варенн-де-ла-Верандри), заведывавший торговым постом на озере Нипигон, на основании сведений, полученных у одного индей-

[1] Крауз (N. M. Crouse), автор книги «В поисках Западного океана» (In Quest of the Western Ocean, 1928).—*Прим. ред.*

ца, пришел к заключению, что до моря было рукой подать. После кое-каких предварительных переговоров он в 1731 г. выступил в путь и на следующий год добрался до Лесного озера. Сын его Пьер проследовал еще дальше и учредил форт Морепа на озере Виннипег, откуда разузнал кое-что о протяжении озера на север и о местности на западе от озера. Верандри-сын поднялся по реке Ред-Ривер до устья реки Ассинибойн, а по ней—до места к югу от озера Манитобы, где основал форт Королевы (де-Ла-Рен[1]).

В октябре 1738 г. Верандри-отец вышел из этого форта и направился к стране индейцев племени мандан по реке Миссури, но путешествовал он не по реке, как это было обычно, а индейской тропой. В этом путешествии он пробыл недолго, но оставил на реке двух человек, которым индейцы рассказали про море и обещали проводить к нему. К несчастью, ни вернувшийся к индейцам-манданам Верандри-отец, ни его сын не смогли найти проводников, и путешествие не состоялось. В 1742 г. Пьер Верандри-сын с братом вновь совершили поездку к манданам и предприняли долгое путешествие за пределами их территории, однакоже нам неизвестны ни их маршрут, ни последняя достигнутая ими точка. Нет сомнения, однако, в том, что они достигли подножья Скалистых гор,—возможно у хребта Биг-Хорн, а быть может проникли даже гораздо дальше на запад.

Верандри-отец так и умер, не сумев совершить дальнейшего путешествия, сыновьям же его не дали возможности продолжать его труды. После этого состоялась еще одна экспедиция, подробности которой остались неизвестными, но которая, пользуясь одним из ответвлений реки Саскачеван, повидимому, достигла в 1751 г. Скалистых гор. На этом закончилась третья и последняя фаза французских исследований в Америке; центральной фигурой этой фазы, конечно, является Верандри-отец. Таким образом, за сто пятьдесят лет французам удалось с их базы на реке Св. Лаврентия достичь Скалистых гор на западе и Мексиканского залива на юге. Хотя манившего их «Западного моря» они так и не нашли, зато открыли полконтинента. Это великолепное достижение было более чем достаточной наградой за неудачу в деле поисков новой дороги в Китай.

2. Исследования англичан со стороны атлантического побережья

Если французские исследования предпринимались людьми, занявшими славное место в истории географических открытий, чьи экспедиции имели крупный размах, то иначе обстояло дело с теми исследованиями, которые производили англичане с побе-

---

[1] Вблизи современного крупного железнодорожного узла Портаж-ла-Прери.—*Прим. ред.*

режья Атлантики. Здесь до 1650 г. нет почти ни одного крупного имени или достижения. Началом исследований, имевших целью поиски все того же прохода к «Западному морю», следует считать прибытие в 1602 г. в залив Массачузетс Госнолда. В следующем году Принг осмотрел побережье Мэна, в 1605 г. Уэймут обследовал реку Пенобскот, а в 1606 г. Принг, все в тех же поисках «того, другого моря», продолжил свою работу на побережье Мэна. В следующем году в Джемстауне, в Виргинии, была основана колония, и Ньюпорт проник из нее до того места, где теперь расположена столица Виргинии Ричмонд. В том же году начал свое исследование Виргинии Джон Смит, проникший в глубь ее по одному из притоков реки Йорк. Смит попал в плен к индейцам, но, по его словам, жизнь ему спасла дочь вождя, и он вернулся к своим с добрыми вестями о богатой местности, занятой индейскими племенами. В следующем году он исследовал Чезапикский залив и там услышал от индейцев о других племенах, живших «у большой воды за горами». Смит собрал о Виргинии много материала, который нашел себе отражение в составленных им карте и истории колонии, однако никаких серьезных попыток проникнуть за горы предпринято не было. В 1627 г. некий Флит из Виргинии выступил с заявлением, что он не раз «видел вдали Южное море», но рассказ его мало достоверен, а известные нам его действительные достижения весьма невелики. Однакоже надежда добраться до Южного моря не умирала, и двадцатью пятью годами позже Эдуард Вильямс выпустил брошюру, в которой доказывал, что дойти до него можно и легко и быстро.

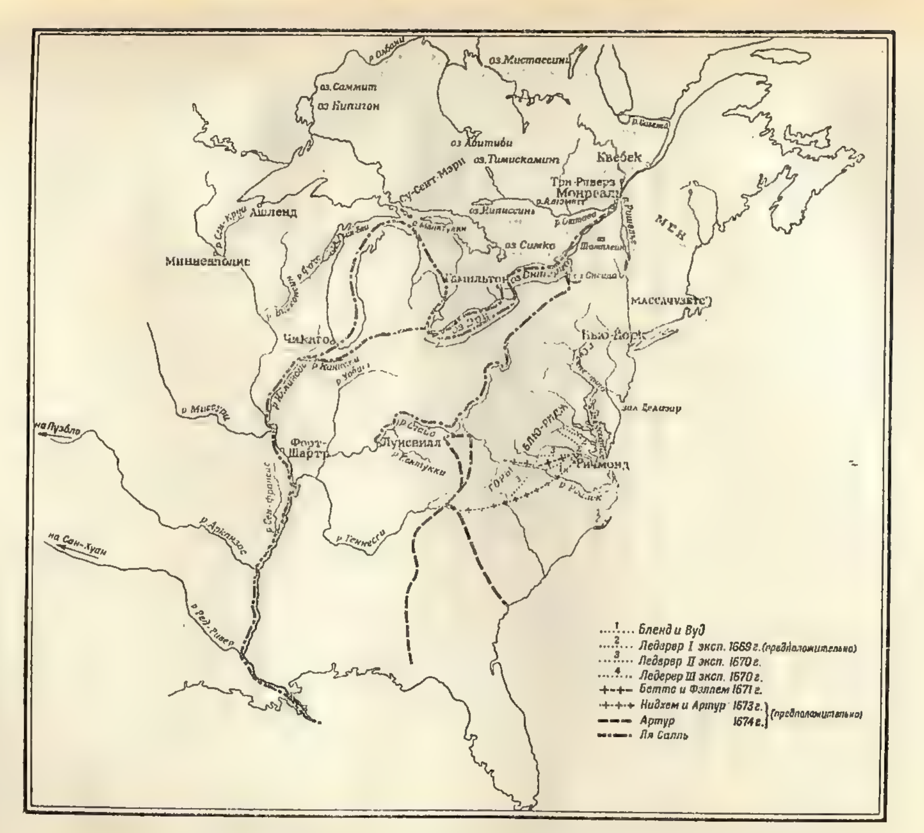
Тем временем английские колонии вырастали во многих пунктах вдоль морского побережья от Флориды до Нью-Брансуика, и именно медленное перемещение границы на запад и повело к постепенному расширению географического горизонта. Было предпринято несколько более крупных экспедиций в глубь страны, как, например, путешествие от устья реки Гудсон Дермера (1620 г.), пытавшегося найти проход, путешествие Йонга, отправившегося в 1633 г. от устья Делавара в поисках все того же прохода, а также оставшегося неизвестным англичанина, который в 1640 г. через реку Кеннебек добрался до Канады. В основном же усилия англичан в этот период были направлены к заселению прибрежных округов.

Во второй половине XVII в. английским пионерам-колонистам удалось перевалить через хребет Блю-Ридж и войти в долины текущих на запад рек. Некоторые все еще надеялись найти новый проход в Азию, другие стремились проверить слухи о драгоценных металлах и, наконец, третьи хотели прежде всего нажиться на пушном промысле. Этот последний был наиболее мощным побуждением, гнавшим людей на запад.

В 1650 г. четыре человека: Э. Бланд, капитан А. Вуд и двое других—с целью торговли и открытий вышли из Форт-Генри и достигли реки Роанок в том месте, где теперь стоит город Кларксвил. Сделали они мало, но сыграли роль пионеров новой эпохи. Следующий шаг был сделан немцем Йоганном Ледерером. В 1669 г. он достиг вершины хребта Блю-Ридж и, глядя на расстилавшийся перед ним горизонт, решил, что видит Атлантический океан. На следующий год он вышел с товарищем по фамилии Харрис из того пункта на реке Джемс, где теперь расположена столица Виргинии Ричмонд, и направился прямо на запад, примерно до 79° з. д. Отсюда Харрис повернул назад, Ледерер же продолжал итти в юго-западном направлении и дошел до деревни индейцев племени сора вблизи современного города Уинстона. Каким путем он вернулся обратно,—установить невозможно. В августе того же года он опять вышел из пункта в районе нынешнего Фридериксбурга, опять дошел до Блю-Риджа и взобрался на него. Ледерер сделал много для исследований предгорий и был первым европейцем, заглянувшим в долину Виргинии.

С вершины хребта, глядя на запад, Ледерер увидел горы, которые, казалось, ставили предел дальнейшей экспансии, однако-же последующей экспедиции удалось перевалить и через них. В 1671 г. капитан Т. Бэттс и Р. Фаллам, выйдя прямо на запад из Форт-Генри, дошли до притока реки Огайо, Нью-Ривер, и там услышали о каких-то индейцах, живущих у «большой воды». Эти двое не были первыми, перевалившими через эти горы: они наткнулись там на следы прошедших до них торговцев; но они были первыми, оставившими описание этого маршрута. Об их открытиях, так же как о путешествиях другого пионера, Вильяма Берда, было послано сообщение Королевскому обществу в Лондоне. Далее к югу, в пределах Каролины, через хребет перевалили Джемс Нидхем и Габриэл Артур. Они вышли из Форт-Генри в апреле 1673 г., проследовали тем путем, которым шли Бланд и Вуд—до реки Роанок, а затем повернули на юго-запад к стране индейцев племени чероки и, идя далее прямо на запад, перевалили через хребет Блю-Ридж. Здесь они открыли текущую на запад реку, которая могла быть либо рекой Теннесси, либо Малой Теннесси. Здесь Артур остался; Нидхем же отправился обратно и по дороге был убит. Артур испытал много приключений среди индейцев. Вместе с ними он побывал в Западной Флориде, потом на побережье Южной Каролины, далее на реке Огайо и, наконец, на небольшом отрезке реки Теннесси. В июне 1674 г. он добрался обратно до Форт-Генри.

Торговцы продолжали продвигаться далее через горы. К концу 1700 г. большое число их по реке Нью достигло долины Огайо, южнее же путешествия Артура открыли новое поприще колонистам, как из Виргинии, так и из Каролины.



24. Северная Америка—исследования с Атлантического побережья XVII и XVIII вв.

К концу XVIII в. англичане вышли к реке Миссисипи. Систематического исследования страны не велось, и сведения накоплялись главным образом через купцов, миссионеров и отдельных колонистов. Первым официальным путешествием, предпринятым по инициативе английской колонии в области к западу от горного барьера, была экспедиция Конрада Вейзера[1], приобревшего в ходе своей работы (в качестве казенного толмача штата Пенсильвания по сношениям с туземцами) большой опыт в индейских делах. В 1748 г. он совершил поездку к реке Огайо с целью передать подарки индейцам и добиться от них компенсации за кое-какие пограничные набеги в Каролине. Более обширные путешествия были предприняты ирландцем Джорджем Кроганом, биография которого является «ярким отражением взаимоотношений между белыми и краснокожими за многолетний период, в особенности—на границах Виргинии и Пенсильвании и в долине реки Огайо». Он заключил союз с индейцами, жившими возле озера Эри, в 1748 г. сопровождал Вейзера; в следующем году он совершил поездку на реку Огайо, чтобы нейтрализовать влияние французской экспедиции Селорона, а в 1750 и 1751 гг. вновь совершил ряд далеких путешествий в долине Огайо. Он принял участие в победоносной войне с французами, несколько раз побывал в районе Детруа (нынешний Детройт), а в 1765 г. так умело повел переговоры с индейцами, что последние открыли район реки Иллинойс англичанам, а он сам кое-что разузнал о реке Вабаш. В 1766 г. он посетил форт Шартр на Миссисипи и спустился по этой реке до Нового Орлеана. Среди других пионеров в этих местах следует упомянуть миссионера из секты «моравских братьев» К. Ф. Поста и скупщика мехов Джона Лонга, близко познакомившихся с индейцами в районе Висконсина.

Южнее Томас Уокер из Виргинии открыл в 1748 г. проход Камберленд-Гэп, а еще через два года проник в долину реки Кентукки. Вскоре за ним последовали купцы и поселенцы, и некий Дэниэл Бун из Каролины поселился в долине Кентукки. За ним последовал Джон Флойд, который добрался сюда по реке Огайо и вернулся через Камберленд-Гэп. Еще южнее переселенцы проникли в долину Теннесси и продолжали двигаться на запад к реке Миссисипи[2].

В конце XVIII в. два человека—Андрэ Мишо и его сын Франсуа-Андрэ Мишо—совершили ряд путешествий, отчасти по этой

[1] См. *Туэйтс*, «Ранние путешествия на Запад» (R. G. Thwaites, Early Western Travels), 32 тома, 1904—1907, предисловие к т. 1. Это—ценнейшее собрание материалов по ранним путешествиям и исследованиям современных Соединенных Штатов.—*Прим. автора.*

[2] По поводу значения этого постепенного проникновения колонистов на запад см. блестящую работу проф. *Ф. Д. Тарнера* «Граница продвижения первых поселенцев в Американской истории» (E. D. Turner, The Frontier in American History, 1921).—*Прим. автора.*

только что захваченной стране. Мишо-отец был ботаником и много путешествовал еще до прибытия в Америку. Америку он исколесил по всем направлениям от Гудсонова залива до Флориды. В 1787 г. он исследовал горы Каролины, а в 1793 г. ездил по Кентукки. Он начал было готовиться к большому путешествию на реку Миссури, но проект этот осуществлен не был. Умер Мишо в 1802 г. на Мадагаскаре по дороге в Австралию. Мишо-сын сопровождал отца в некоторых из его путешествий, а после его смерти вернулся в Америку, где французское правительство поручило ему изучение лесов.

«Старший Мишо пересек почти все пути, по каким переселенческий поток лился на запад—«дикую» дорогу в Кентукки, дороги из Северной Каролины в восточное Теннесси, «дикую» дорогу Теннесси, проселки оттуда к Луисвиллу и индейские тропинки оттуда к реке Иллинойс, а также речные пути—Миссисипи, Огайо и Камберленд» (Т у э й т с).

О том, как быстро шло заселение страны, можно судить, если сравнить дневник Мишо-отца с «Книгой путешествий» его сына. Так, например, у Мишо-отца мы встречаем следующую запись: «Сегодня, 5-го сентября 1793 г., мы прошли мимо крошечного поселка, который почему-то именует себя городом, и притом, Парижем. Это столица графства Бурбон». В том же самом городе Мишо-сын десятью годами позже насчитал пятьдесят домов, из которых половина была кирпичных. Точно так же в 1793 г. Уилинг «насчитывал всего лишь двенадцать домов», когда же его посетил Мишо-сын, «в нем было около семидесяти деревянных домов, и он мог похвастаться пятнадцатью-двадцатью большими лавками, снабжавшими продуктами округу в двадцать миль». Работа Мишо-сына в особенности ценна содержащимися в ней географическими описаниями и тем, что она проливает свет на вопрос о влиянии географической среды на первоначальные поселения.

3. Исследования французов со стороны Луизианы

В конце XVII столетия французы взялись за исследование территории вокруг устья Миссисипи. Уже упомянутая нами несчастливая экспедиция Ла-Салля проникла в 1686 г. в пределы современного штата Нью-Мексико и лишь в следующем году отправилась на северо-восток. Остатки этой экспедиции под начальством Жутеля встретили Анри Тонти у реки Арканзас. Этот последний пошел с отрядом для оказания помощи жителям поселка Сан-Луи, основанного Ла-Саллем на побережье, но, не найдя никого из них в живых, направился к реке Миссисипи, достиг Арканзаса и поднялся до конца его судоходной части. После этого он прошел к реке Ред и совершил сухопутное путешествие

на юг в поисках остатков колонии. И на этот раз он никого не нашел, а производить дальнейшие поиски люди отказались.

В 1697 г. французы вновь обосновались на берегах Мексиканского залива, на этот раз к востоку от долины Миссисипи (у Мобиля). Несмотря на большие лишения и высокую смертность, колония выжила. Постепенно возникли другие посты, главным из которых был основанный в 1721 г. Новый Орлеан. Слухи о залежах свинца повлекли исследователей далеко на север— к реке Сен-Франсис и к территории западного Теннесси, а к 1725 г. в поисках пушнины они достигли Миссури. На западном направлении, в 1740 г. около Пуэбло французы основали было торговый порт, но ввиду враждебности испанцев ликвидировали его.

Французы пришли в соприкосновение с испанцами также через Техас. В 1714 г. Сен-Дени поднялся вверх по рекам Миссисипи и Ред и дальше прошел сухопутьем до испанского поста Сан-Хуан на реке Рио-Гранде. Эта экспедиция и проложила путь к испанским колониям в Новой Мексике, но ничего нового не открыла. Четырьмя годами позже Бенар де-Ла-Арп (de La Harp) поднялся вверх по реке Ред с целью основания торгового поста в ее верхнем течении. Вспыхнувшая между Францией и Испанией война помешала ему привести в исполнение свой план, но ему удалось добавить новый материал к географии рек Ред и Арканзас и посетить реку Канадьен. Хотя Ла-Арпу и не удалось добраться до испанских поселений, эта задача была разрешена другими. В 1739 г. братья Пьер и Поль Малле добрались с реки Миссури до Санта-Фе. Их путешествие, однако, осталось изолированным предприятием. Обстоятельства все время отвлекали французов к другим частям континента, а непрекращавшаяся враждебность испанцев в Мексике помешала установлению нормальной торговли между Мексикой и Луизианой, и исследование этой области возобновилось лишь в XIX в., когда Луизиана перешла в руки Соединенных Штатов.

4. Исследования испанцев из Мексики

После перерыва, последовавшего за первой бурной эпохой Кортеса и Коронадо, ряд обстоятельств привел к новому оживлению испанской исследовательской деятельности. Слухи, правильность которых подтвердилась при походах Кортеса и которые ввели в заблуждение Коронадо, все еще ходили, и то и дело подстегивали исследователей на поиски различного рода богатств, как то: мехов, золота или жемчуга. Попрежнему очень активны были миссионеры, которые немало содействовали росту и накоплению географических знаний. В конце рассматриваемого нами периода сыграли роль и политические причины, и в особенности— беспокойство испанцев по поводу неуклонного продвижения фран-

цузов, англичан и русских, которое и повело к организации нескольких испанских исследовательских экспедиций.

Испанская экспансия из Мексики шла по четырем направлениям. Как мы уже указывали, побережье Мексиканского залива было исследовано в 1519 г. Пинедой. После 1522 г. побережье посетил ряд экспедиций, но никаких поселений основано не было, -без сомнения, ввиду неподходящих условий на побережье. Наоборот, в северном направлении испанцы, следуя в основном трассе экспедиции Коронадо, приступили к колонизации Новой Мексики. Разведывательные партии, побывавшие в ней во второй половине XVI в., подготовили почву для ее колонизации. Начало ей положил в 1598 г. Оньяте[1]. Отсюда испанцев манили на восток рассказы о богатой стране Кивире, но посланная в 1601 г. экспедиция не сумела ее найти. Другие экспедиции дошли до становищ индейцев хумано по верхней реке Колорадо. После 1629 г. здесь начали работать миссионеры, а в 1650 г. в одной из рек был найден жемчуг. Эта находка повела к посылке в 1654 г. еще и другой экспедиции—в западный Техас.

Тем временем испанцы продвинулись вперед из северо-восточной Мексики. К 1565 г. они достигли Монтерея, а в 1583 г. основали Леон. В 1590 г. они поселились там, где теперь находится Монклова. Поскольку численность их была невелика, а им часто приходилось считаться с сопротивлением индейцев, испанцы были вынуждены ограничиться посылкой нескольких мелких экспедиций. Однакоже их манили рассказы о залежах серебра в месте, называемом Сьерра-де-ла-Плата, и они стремились также установить связь с Флоридой. Попытки добраться до серебряных залежей были сделаны в 1644 и 1648 гг., но в 1650 г. губернатор мог донести только, что

«он приступил к открытиям на севере и исследовал свыше пятидесяти лиг. Он собирался продолжать эти исследования, пока не войдет в соприкосновение с Флоридой, и уже почти окончательно установил, где находится Сьерра-де-ла-Плата, до каковой он надеется добраться. Поход этот неоднократно предпринимался губернаторами Новой Вискайи и Нового Леона, но каждый раз приходилось от него отказываться из-за индейских дел».

В 1670 г. в этой пограничной полосе начали действовать миссионеры, а вскоре до испанцев дошли слухи о существовании большого индейского племени, известного под именем «техас», чей «великий господин» не разрешал чужестранцам ступать на почву его страны. В 1684 г. к реке Нуэсес вышла экспедиция,

[1] В период с 1568 по 1598 г. в Новую Мексику вышло по меньшей мере семь экспедиций.—*Прим. автора.*

целью которой было «открыть Восток и Техасское королевство». Река Нуэсес, о которой шла речь, была, повидимому, притоком Колорадо, на котором испанцы выстроили форт.

Вскоре после этого испанцы прослышали про активность французов в этой области и сами выслали ряд встречных экспедиций. В 1689 г. испанцы достигли залива Матагорда (побережье Техаса) Мексиканского залива, а в следующем году укрепились в крайней западной деревне техасских индейцев вблизи реки Нечес.

Четвертым районом активности испанцев была Калифорния. В 1604 г. Оньяте добрался до реки Колорадо и проследовал по ней до устья; и, быть может, именно его донесение и повело к возникновению курьезного представления о том, что Нижняя Калифорния была островом[1]. После этого к Южной Калифорнии и Калифорнийскому заливу посылалась не одна экспедиция, но до 1683 г. результаты их работ оставались совершенно незначительными. В указанном году Отондо основал колонию на полуострове, но она просуществовала всего лишь два года, и постоянных поселений так и не было до 1697 г.

Дальнейшими успехами исследовательская работа в большой мере обязана иезуитам. Один их них, Кюн (Кино), обследовал Сонору и в 1694 г. проник до реки Хилы. Он проделал несколько путешествий к ней и в 1698 г. вышел к Калифорнийскому заливу. Еще через два года в ходе путешествия, предпринятого с целью разрешить вопрос о том, была ли Нижняя Калифорния островом, он добрался до реки Колорадо и дошел до ее устья. Хотя ему и не удалось разрешить поставленной себе основной задачи, его карта была первой, установившей полуостровной характер Нижней Калифорнии [2]. Он продолжал свои исследования по реке Колорадо во время путешествий 1701 и 1702 гг.

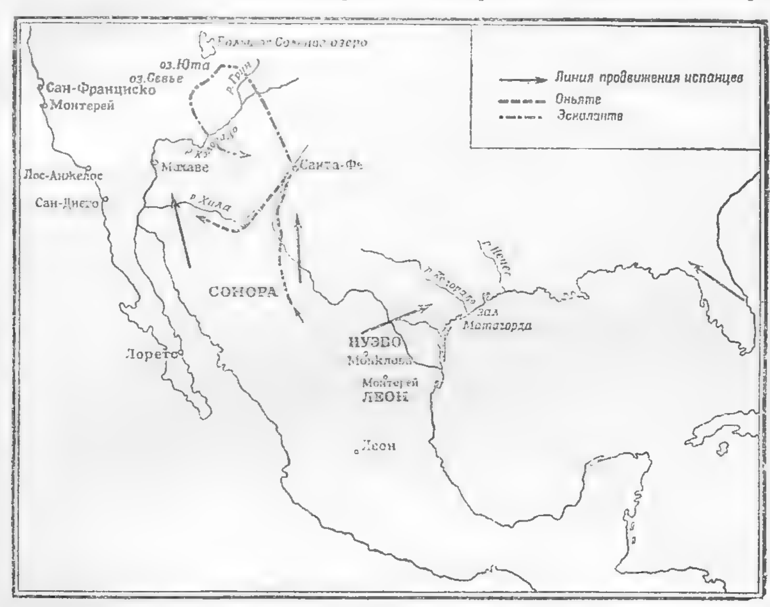
Вскоре после этого ряд экспедиций вышел к тихоокеанскому побережью. Сальватьерра из своей миссии в Лорето прошел сушей на запад и вышел к Тихому океану, а в 1706 г. Угарте и в 1719 г. Гильен произвели дальнейший осмотр побережья. Еще через два года Угарте обследовал побережье залива к северу от Лорето и фактически разрешил проблему островного положения Нижней Калифорнии. Его результаты получили подтверждение в работе Консаги, исследовавшего Тихоокеанское побережье в 1746 г. и, до известной степени, в предпринятом в 1756 г. Венцелем путешествии по северной части полуострова.

Основание постоянных поселений в Верхней Калифорнии дало большой толчок дальнейшим сухопутным исследованиям. Уже в 1603 г. Вискайно осмотрел побережье и открыл крупную га-

[1] На старинной испанской карте Доминиго Кастильо, составленной в Мексике в 1541 г., Калифорния отчетливо представлена как полуостров.— *Прим. ред.*

[2] Это неверно: см. предыдущее примечание.—*Прим. ред.*

вань Монтерей. После этого исследование этой части Америки надолго прервалось и возобновилось лишь через полтора почти столетия, когда была сформирована большая экспедиция под командованием Гаспара Портолы. Экспедиция разбилась на пять отрядов, два из которых пошли сушей вверх по территории полуострова, а три отплыли морем. Четыре из этих пяти отрядов



25. Испанская Северная Америка 1550—1800 гг.

достигли Сан-Диего, откуда было предпринято сухопутное путешествие сначала к Монтерею, а потом к Сан-Франциско. Экипажи судов испытали такие мучения от недостатка продовольствия и от цынги, что испанцам стало совершенно ясно, что для сохранения колонии в Монтерее надо отыскать сухопутную дорогу к ней.

Крупную роль в этом новом открытии сыграл францисканский монах Гарсес. В своей миссионерской деятельности он изучил Северную Сонору, а в 1771 г. спустился вниз по реке Хиле до Колорадо и почти достиг устья последней. Три года спустя в сопровождении Х. Б. Ансы он сделал попытку найти подходящую дорогу в Верхнюю Калифорнию. Весь отряд переправился через реки Хилу и Колорадо и вышел на побережье к тому пункту, где расположен нынешний Лос-Анджелос. На обратном пути Гарсес посетил одно из индейских племен юма на реке Колорадо. В следующем году Анса был вновь командирован в Калифорнию с поручением основать испанский пост

в заливе Сан-Франциско. Гарсес сопровождал экспедицию, но вскоре бросил ее и взялся за самостоятельное исследование как реки Колорадо до пустыни Мохаве, так и части плато Колорадо к югу от реки.

Два других францисканца, Эскаланте и Домингес, сделали попытку открыть путь от Санта-Фе к западному побережью. Они вышли 29 июля 1776 г., пошли в общем северо-западном направлении, пересекли плато Колорадо и реку Грин и, наконец, достигли какого-то озера (повидимому, Юта). Они собрали много географического материала по окружающей местности и прослышали о существовании на севере Большого Соленого озера. О дороге к Тихому океану они так ничего и не сумели разузнать и, так как приближалась зима, решили вернуться в Санта-Фе. Обратно они шли мимо озера Севир и пересекли Колорадо примерно на 37° с. ш.

Эскаланте и Домингесу не удалось достигнуть своей основной цели, но они открыли много новых земель и «их путешествие оставалось важнейшим исследованием в юго-западной части нынешних Соединенных Штатов вплоть до начала XIX в.» (Хевуд). Других экспедиций в этом направлении испанские власти не посылали, так как были настолько заняты заботой об установлении сообщения с Верхней Калифорнией, что сочли исследование пустынных засушливых районов делом второстепенным.

5. Исследования англичан со стороны Гудсонова залива[1]

Территории к югу и западу от Гудсонова залива были исследованы главным образом англичанами. Их внимание было приковано к этой области в ходе поисков ими Северо-западного прохода. Неблагоприятные выводы, сделанные в свое время Фоксом и Джемсом, и неурядицы, вызванные гражданской войной в Англии, прервали активность англичан по берегам залива, которая возобновилась лишь в 1668 г. с присылкой для торговых целей судна «Нонсач». Позднее был основан форт, которому было дано название Форт-Руперт или Руперт-Хауз, а в 1670 г. компания Гудсонова залива получила королевскую хартию.

Именно главным образом деятельности этой компании и обязан Запад своим развитием[2]. Хартия гласила:

«Поскольку наш дорогой и любезный нашему сердцу двоюродный брат принц Руперт [и другие лица] предприняли на свои

---

[1] Главным источником при составлении этого раздела послужил весьма ценный труд *Барпи* «Поиски Западного моря» (L. J. Burpee, The Search for the Western Sea, 1908).—*Прим. автора.*

[2] В действительности Запад Канады обязан своим развитием сельскохозяйственной колонизации и развитию горной промышленности, которым компания Гудсонова залива всячески препятствовала, дабы сохранить пушного зверя.—*Прим. ред.*

средства дорогостоящую экспедицию к Гудсонову заливу... с целью открытия нового прохода в Южное море и открытия торговли мехами, минералами и другими важными товарами и, в ходе своей работы, уже сделали такого рода открытия, которые служат поощрением к дальнейшей деятельности... настоящей нашей хартией мы даем, жалуем и подтверждаем за директором и правлением компании Гудсонова залива или их преемниками монопольное право торговли и сношений во всех указанных морях, проливах, заливах, реках, озерах и фиордах, под какой бы широтой они ни находились, лишь бы лежали у входа в проход, обычно именуемый Гудсоновым проливом, а также во всех землях, странах и территориях на побережье и рубежах всех указанных морей, заливов и т. д., если только они не находятся в настоящий момент в действительном владении кого-либо другого из наших подданных или подданных какого-либо другого христианского государя или государства».

Таким образом, мы видим, что эта большая торговая компания была основана как для развития торговли, так и для дальнейших открытий.

Первым шагом компании было открытие по берегам залива ряда торговых постов, и к 1682 г. они уже функционировали в устьях рек Руперт, Олбени, Северн, Хейс и Нельсон. В течение долгого времени компании пришлось бороться с французами, которые выслали первую экспедицию в Гудсонов залив в 1686 г. и одно время захватили и держали в своих руках все посты, кроме Порт-Нельсона. Борьбе этой положил конец лишь Утрехтский мир[1], согласно которому территория Гудсонова залива была объявлена владением Англии.

Исследовательская работа компании шла по двум основным направлениям. Как указывалось в хартии, компания была основана для разрешения вопроса о Северо-западном проходе. Когда в Англии поднялись голоса недовольства по поводу того, что компания не выполняла этой своей функции, в 1742 г. капитан Мидлтон вышел на поиски прохода к западу от острова Саутгемптон. В ходе своего путешествия он открыл заливы Уэйджер и Рипалс. Следующая экспедиция, в 1746 г., осмотрела залив Честерфилд, а в 1761 г. и 1790 г. были две попытки добраться через этот пролив до Китая, но суда проникли лишь чуть дальше озера Бейкер.

Важнейшим путешествием XVIII столетия была экспедиция служащего компании Гудсонова залива Сэмуэла Херна, который в 1769 г. отправился на поиски западного выхода из Гудсонова залива, а также для проверки полученных от индейцев сообщений о наличии залежей меди внутри страны. В 1769 г. рассорив-

[1] 1713 г.—после неудачной для Франции войны за испанское наследство.—*Прим. ред.*

шемуся с индейцами Херну далеко пробраться не удалось; в следующем году он сделал новую попытку, также оказавшуюся неудачной, но в ходе ее Херну удалось ознакомиться с территорией, расположенной к югу от залива Честерфилд, примерно до меридиана озера Дюбонт.

В декабре 1770 г. он совершил третью попытку и, идя западнее трассы своих прежних путешествий, вышел к реке Коппермайн, а следуя ей, добрался до моря. На обратном пути он открыл большое озеро, названное им «Атапускоу», которое, по мнению некоторых, и есть нынешнее озеро Атабаска, хотя, если судить по общему направлению маршрута Херна,—он скорее назвал так Большое Невольничье озеро. Херн основательно познакомился с озером и привез с собой ценные сведения о прилегавшей к нему местности. Общим результатом его путешествия было создание некоего абриса огромной территории к северо-западу от залива и определение, правда, не совсем точное, местоположения одной точки по северному побережью Америки. Херн считал, что он добился еще большего.

«Хотя мои открытия,—писал он,—вряд ли принесут Англии в целом или даже одной Компании Гудсонова залива какую-либо ощутимую материальную выгоду, я все же льщу себя надеждой, что я добросовестно выполнил возложенное на меня моими хозяевами задание, и раз навсегда положил конец всякого рода спорам о существовании Северо-западного прохода, ведущего из Гудсонова залива на запад. Мое путешествие явится также до некоторой степени хорошим ответом на необоснованные и клеветнические утверждения Добса, Эллиса, Робсона и лица, скрывающего свое имя под псевдонимом «Американского путешественника», с большим ожесточением критиковавших Компанию Гудсонова залива и утверждавших, что она была не заинтересована в открытиях и дальнейшем расширении своей торговли» [1].

Последний этап в области поисков Северо-западного прохода в XVIII в. входит в уже рассмотренную нами в предыдущей главе историю исследований Тихого океана. Напомним только, что Кук фиксировал местоположение второй точки на северном побережье Америки (мыс Айси) и что Ванкувер и другие произвели точную съемку западного побережья Северной Америки.

Если отвлечься от поисков Северо-западного прохода, то надо сказать, что исследования англичан со стороны Гудсонова залива носили почти случайный характер и в значительной мере были просто побочным продуктом занятия пушным промыслом. Первое путешествие было совершено Генри Келси в 1691—1692 гг. Он отправился из пункта, называвшегося тогда Дирингс-Пойнт.

[1] Перевод отчета Херна на русский язык—см. ссылку в прим. к стр. 269.—*Прим. ред.*

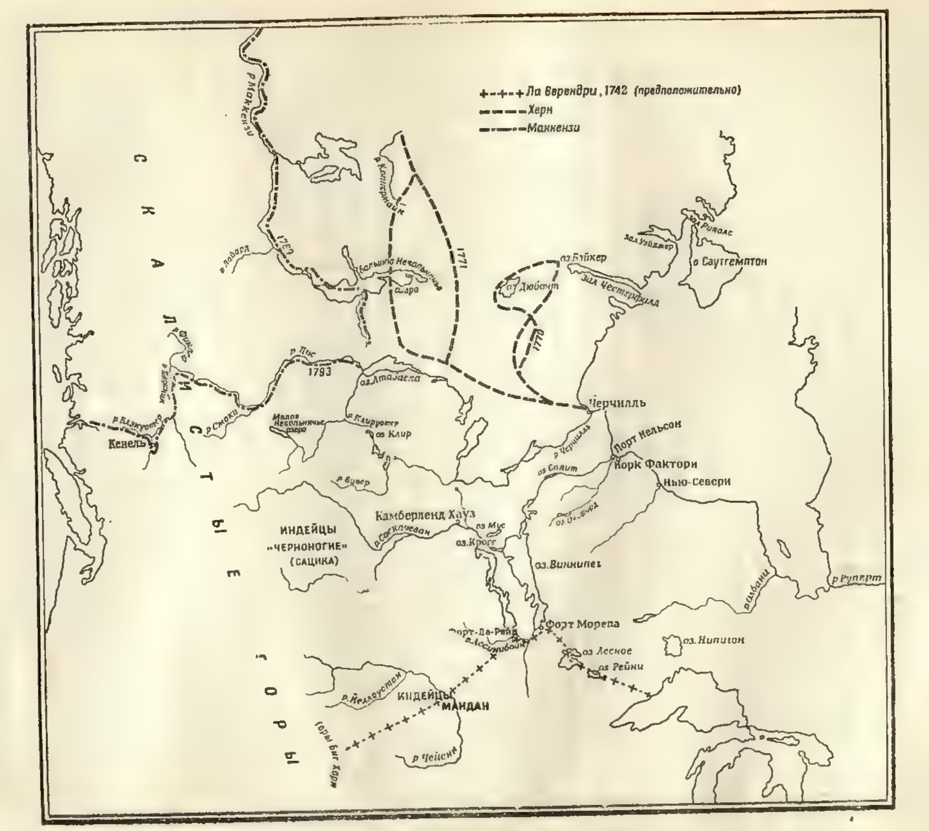
Где он находился,—теперь выяснить невозможно, но есть предположение, что где-то вблизи озера Сплит или по реке Нельсон. Келси частью плыл на каноэ, частью продвигался сушей, в общем, в западном направлении. Хотя достоверность его путешествия и ставится иногда под сомнение и теперь невозможно установить его маршрут,—

«все же нет никакого сомнения в том, что с нескольких точек зрения оно было заметным достижением. Оно явилось первой серьезной попыткой или, лучше сказать, первой вообще попыткой исследовать внутренние земли, лежащие за Гудсоновым заливом; оно было признаком пробуждения Компании Гудсонова залива от ее сладкого сна на берегах залива и перехода ее к огромным по охваченной территории торговым операциям по всему западному краю. Келси был первым европейцем, если не считать Радиссона, предпринявшим исследование какой-либо части Северо-запада, первым, посетившим становища одного из западных индейских племен и первым европейцем, видевшим бизонов и охотившимся на них» (Б а р п и).

Следующее исследовательское путешествие было предпринято Антони Хендри, который вышел из фактории Йорк у устья реки Хейс, достиг через несколько волоков озера Оксфорд, а оттуда, опять пользуясь водными путями и промежуточными волоками, достиг северной окраины озера Виннипег. Отсюда он направился к озеру Муз (Moose) и вышел к реке Саскачеван, поднялся по ней на некоторое расстояние на каноэ, а потом пешком исследовал большую полосу между Северным и Южным Саскачеваном,—быть может, вплоть до 114° з. д. Зиму Хендри провел у индейцев племени «черноногих» (сацика), основная масса которых жила за рекой Красного Оленя (Red Deer), и по ней вернулся к Южному Саскачевану, а оттуда в июне 1755 г. добрался до Гудсонова залива. Его путешествие открыло торговцам с Гудсонова залива новые места и новые горизонты и показало способность англичан на такую же предприимчивость, какую проявили французы в использовании естественных путей сообщения для проникновения в отдаленные внутренние земли.

Аналогичное путешествие было проделано в 1772 г. Метью Кокингом. Он поплыл сначала по реке Хейс, с нее отправился волоком к реке Нельсон, откуда добрался до озера Кросс. Оттуда он продолжал путь по маршруту Хендри и, в общем следуя ему, прибыл на территорию индейцев племени «черноногих».

Тем временем Компания Гудсонова залива начала ощущать конкуренцию торговцев из Восточной Канады и поэтому решила оторваться от берегов залива и пойти в глубь страны. Посланный в 1774 г. во внутренние районы Хендри основал торговый пост под названием Камберленд-Хаус на Нижнем Саскачеване. Это был пункт большого стратегического значения, поскольку



26. Северная Америка—Запад и Северо-Запад, 1668—1800 гг.

он командовал путями на запад, север и восток, угрожая и предостерегая купцов-конкурентов. Последние же нисколько не испугались его и распространили свои операции на область, в которой до того действовали лишь приказчики компании. Они шли от волока Гран-Портаж (на северо-западном берегу Верхнего озера) через озера Рейни и Виннипег, и в 1767 г. достигли Саскачевана. Еще через пять лет Джозеф Фробишер, от пункта, где через 2 года был основан Камберленд-Хаус, отправился через волок Фрог (Фрог-Портедж) к реке Черчилль. В 1776 г. был создан торговый пост на реке Черчилль, откуда купцы направились к Иль-а-ла-Кросс, где разузнали кое-что о Невольничьей реке и Большом Невольничьем озере. Отсюда Питер Понд пересек озера Клир и Буффало, перешел через знаменитый волок Метие (Метие-Портаж) к реке Клируотер и спустился по ней к озеру Атабаска. В 1788 г. он откомандировал двух человек еще дальше с поручением—основать торговый пост на Большом Невольничьем озере.

На озере Атабаска был основан форт под названием Чипевиан. Он-то фактически и явился отправным пунктом предпринятой в 1789 г. Александром Маккензи экспедиции[1]. Он вышел в путь с небольшим отрядом 3 июня, поставив себе целью выяснить, существовало ли водное сообщение между Большим Невольничьим озером и Северным океаном. Плывя вниз по течению Невольничьей реки и благополучно миновав пороги, он достиг Большого Невольничьего озера, на котором провел двадцать дней. Далее, началась самая важная часть его исследования, ибо никто не знал, куда текла дававшая сток водам озера река. На некоторых картах было показано, что она впадала в Тихий океан, и есть основания думать, что Маккензи хотелось верить в их правильность. Он следовал течению реки до 10 июля, когда уже совсем близко от дельты он занес в свой дневник: «... было совершенно ясно, что река эта впадает в Великое Северное море». Дойдя до того, что он называл «рубежом» своего путешествия, он записал в свой дневник следующее интересное замечание:

«Мои подчиненные не могли в это время не выразить живейшего беспокойства по поводу того, что им приходится возвращаться обратно, так и не достигнув моря, так как именно надежда достигнуть заветной цели поддерживала их в том, чтобы безропотно переносить все лишения во время наших неустанных трудов. Вот уже порядочное время они жили мечтой, что еще несколько дней—и они достигнут Западного моря; и даже теперь

[1] См. книгу «Путешествии по Северной Америке к Ледовитому морю и Тихому океану, совершенные господами Херном и Мякензием, с присовокуплением описания: меховой торговли в Канаде производимой, всех зверей в Америке обретающихся, нравов и обыкновенией внутренних диких. Переведено с английского на острове Кадьяке». СПБ, 1808 (перевод В. Берха, посвященный Российской Американской Компании).—*Прим. ред.*

при всей трудности нашего положения они объявили, что готовы следовать за мной, куда бы я их ни повел».

Если не сам Маккензи, то по крайней мере его спутники были введены в заблуждение географами своего времени.

С Китового острова (остров Уэл) в дельте Маккензи завидел Северный Ледовитый океан. Провизия была на исходе, дальше продвинуться было нельзя, мешкать было нечего. Поэтому 16 июля он повернул в обратный путь и 12 сентября достиг форта Чипевиан. Поход от форта до Северного Ледовитого океана продолжался 102 дня, и экспедиция покрыла в общей сложности 3200 *км*. Это был «один из самых замечательных подвигов в истории внутриматериковых исследований как по его большим результатам, так и по краткости срока путешествия» (Б а р п и). Однако самому Маккензи этот подвиг доставил мало славы и лишь редко упоминается в числе великих, связанных с открытиями, путешествий.

Маккензи вернулся в Англию для того, чтобы усовершенствоваться в деле съемки и быть во всеоружии готовым для новой экспедиции через Североамериканский континент к Тихому океану. Тем временем активность единоличных промышленников вывела из состояния спячки Компанию Гудсонова залива, которая выслала Филиппа Тернера для производства географической съемки. Тернер посвятил этому два года—с 1790 по 1792—и изготовил очень точную карту местности от Камберленд-Хауза до Большого Невольничьего озера. Больше всего поражает на ней маршрут для челноков (каноэ) от Камберленд-Хауза до Большого Невольничьего озера и контур озера Атабаски. Из самой карты видно, какую часть местности Тернер заснял сам и какие детали он нанес на карту с чужих слов.

«Тернер точно заснял реку Саскачеван до развилины, а оттуда на короткое расстояние вверх по Северному Саскачевану до Хадсонс-Хауза; далее—реку Стерджен-Уир и связанные с ней водные пути до волока Фрог; верховья реки Черчилль до волока Метие; реку Клируотер и ту часть реки Атабаска, что лежит между устьем реки Клируотер и озером Атабаска; озеро Атабаска; Невольничью реку и небольшую часть южного побережья Большого Невольничьего озера. По полученным от индейцев данным, он нанес на карту Северный Саскачеван и указал, где находится Южный Саскачеван; нанес на карту реку Бивер и цепь озер, питающих ее с запада; нанес на карту реку Пис и указал верхнее течение реки Атабаски» (Б а р п и).

Эту съемку в районах Дальнего Запада после Тернера продолжили его преемник Фидлер и его ученик Томпсон, но поскольку их работа к концу рассматриваемого столетия еще была в пол-

ном разгаре, мы отложим ее рассмотрение до одной из следующих глав (XV).

Последним большим путешествием XVIII в. по Канаде, если не считать работ Фидлера и Томсона, была экспедиция, предпринятая в 1792 г. Александром Маккензи. Вполне возможно, что, будучи в Англии, он ознакомился с историей западного побережья Америки и, в особенности, мог прочесть отчет Мирса и услышать о путешествии шлюпа «Вашингтон» (см. гл. IX, стр. 210). В 1792 г. он покинул Англию и почти без всяких задержек направился в Чипевиан. Он решил плыть по реке Пис и исследовать область «за истоками этой реки и горами». 12 октября он отплыл по реке Пис, а 1 ноября, в том пункте, где река Смоки впадает в Пис, построил себе зимний лагерь, названный им Форкс-Форт. Здесь он прожил до 9 мая 1793 г. Во время пребывания в Форкс-Форте Маккензи прослышал от индейцев о том, что в восточном направлении лежит озеро, ныне известное под названием Малого Невольничьего.

Проплыв по реке Пис ориентировочно еще 240 *км*, Маккензи достиг каньона реки Пис, что вызвало необходимость в перевалке грузов на двадцать километров сухопутьем. За каньоном плавание возобновилось, пока путешественники «не прибыли к развилине, от которой один рукав отходил в направлении ЗСЗ, а другой ЮЮВ». Из этих двух рек, ныне известных под названиями Финлей и Парснип, Маккензи выбрал, после некоторого колебания, последнюю, хотя это и противоречило желанию экипажа и его собственному внутреннему голосу. Сделал он это потому, что индейцы предупредили его, что река Финлей «разбивается дальше на отдельные протоки и теряется в горах», и последовал он их совету совершенно правильно. 12 июня он достиг истока реки Парснип из небольшого озера, географические координаты которого он тут же определил (54°24′ с. ш. и 121° з. д.). Короткий волок привел его к верховьям одного из истоков реки Фрезер, а 17 июня, как свидетельствует его дневник, он добрался и до самой реки Фрезер. «Наконец-то,—записал он,—после всех наших трудов и мучений мы переживаем невыразимое чувство удовлетворения от сознания того, что добрались до берега судоходной реки по западную сторону первого большого горного хребта».

Маккензи продолжал плыть вниз по течению реки Фрезер, пока не достиг точки, лежащей чуть ниже местоположения современного города Кенель, где индейцы рассказали ему, что дальше пройти почти невозможно. В связи с этим он решил повернуть на запад. «Чем больше я слышал о реке,—записал он,—тем более приходил к заключению, что она не впадает в океан к северу от так называемой Западной реки». Из этого ясно, что Маккензи, так же как исследователи из Соединенных Штатов, верил в существование некоей мифической Западной реки, впадавшей

в Тихий океан в самых разнообразных точках—в зависимости от фантазии автора.

Маккензи повернул обратно вверх по реке Фрезер, быть может, до впадения в нее реки Блэкуотер, а оттуда повернул на запад, следуя общему направлению этой последней реки, и, совершив переход (через водораздел) до реки Беллакула, проследовал по ней до устья. Сюда он прибыл 20 июля и еще через два дня достиг крайнего рубежа своего путешествия—залива Дин на Тихом океане.

До того как повернуть обратно, он занес в свой журнал: «Я смешал немного киновари с растопленным жиром и вывел большими буквами на восточной стороне той скалы, на которой мы провели ночь: «Александр Маккензи, из Канады, сухим путем, двадцать второго июля 1793 года». Эта скала была недавно открыта и надпись Маккензи восстановлена.

Вернулся Маккензи той же дорогой и 4 сентября добрался до Форкс-Форта.

«На этом,—записал Маккензи,—кончаются мои путешествия и открытия. В моем описании я нисколько не преувеличил ни трудов, ни опасностей, ни одиночества, ни страданий, и даже наоборот—мне часто нехватало слов, чтобы их как следует описать. Но труд мой не остался без награды, ибо путешествие наше увенчалось успехом».

Эти скромные слова не отдают должного замечательному путешествию. Маккензи был первым человеком после Кавеса-де-Ваки, пересекшим североамериканский континент. Путь его пролегал по трудной местности, однакоже, несмотря на все тяготы путешествия, Маккензи всегда находил время, чтобы производить астрономические определения, которые он делал довольно точно. Русских промышленников, которых он надеялся встретить, он так и не видел, но индейцы рассказали ему о больших судах белых людей, и он только на несколько недель разошелся с топографическим отрядом Ванкувера. Маккензи не только открыл для сношений огромную, до того неизвестную территорию, но и указал на ее экономическое значение и на ее нужду в новых путях сообщения.

«Открыв сообщение между Атлантическим и Тихим океанами и учредив ряд постоянных станций во внутренних областях страны, так же как по ее окраинам, вдоль побережья и на островах, мы можем получить господство во всей торговле пушниной по всей Северной Америке от 48° с. ш. до полюса, за исключением той ее части, какая на Тихом океане является владением России. К этому надо еще добавить рыболовный промысел в обоих океанах и рынки во всех четырех частях света. Таково поприще, которое открывается для торговли, и если на помощь ей придут те капи-

талы и кредиты, в отношении которых Великобритания идет далеко впереди всех других стран, прибыли, какие обещает эта торговля, просто неисчислимы».

Этими фразами закончил Маккензи свою книгу. Его проект был частично осуществлен последовавшими за ним торговцами пушниной, обосновавшимися и на тихоокеанском побережье. Полное развитие получил этот план лишь с открытием в 1886 г. Канадской Тихоокеанской железной дороги; однако к этому времени большая и ценная часть той территории, что имел в виду Маккензи, на основе международных договоров, оказалась вне государственных границ Канады[1].

6. Южная Америка

Южная Америка продолжала оставаться театром великих открытий начиная с момента прибытия испанцев в Новый Свет и вплоть до конца XVI в. Открытия, сделанные в течение последующего столетия, по сравнению с XVI были не так значительны и относились главным образом к деталям. Все же в одном отношении они напоминают открытия путешественников-пионеров: они происходили в тех же трех областях, где были сделаны первоначальные исследования.

Католические миссионеры двигались от устья Ла-Платы в глубь страны, где и открывали свои станции. В 1623 г. один из них достиг находившейся далеко вверх по течению Уругвая страны индейцев-гуарани, а тремя годами позже другой миссионер, Гонсалес, исследовал часть возвышенности Серра-дос-Тапес, с которой стекают верховые притоки реки Ибикуй. Однако дальше двигаться миссионерам по окраине португальской территории было невозможно, так как они встретились с открытой враждебностью со стороны шаек авантюристов из Сан-Пауло. В конце века один иезуитский священник пробрался в страну индейцев племени чикито, живших к востоку от верховьев Маморе, и основал там несколько станций.

В Бразилии охотники за рабами и старатели покрыли своими маршрутами большую территорию, не внеся, однако, существенного вклада в географическую науку. Они достигли бассейна реки Уругвай, открыли провинцию Минас-Жераис, где Фернандо Диаш нашел изумруды, и провинцию Гойас, где было обнаружено золото, но в дальнейшем бесплодно растратили силы, разбредясь по многим местностям западных гор. На северо-востоке иезуиты проделали много полезной для географии работы в начале века, а некий авантюрист по имени Соареш в поисках Эльдорадо исследовал реку Сан-Франсиско.

[1] Маккензи (см. выше) говорил о территории от 48° с. ш., а граница между США и британской Северной Америкой к западу от Тихого океана проведена была по 49° с. ш.—*Прим. ред.*

Однако, как бы ни были интересны эти второстепенные путешествия, они имели мало значения по сравнению с теми большими успехами, что были сделаны в течение этого столетия в бассейне реки Амазонки как с востока, так и с запада. Что касается подступов с востока, то здесь, в дельте Амазонки, большую активность проявили голландцы, которые в самом начале века учредили посты по левому берегу Шингу. В 1616 г. им на помощь прибыло подкрепление в лице колонистов, а четырьмя годами раньше французы основали пост Сен-Луи на острове Мараньон. Такая открытая угроза португальскому владычеству повела к тому, что португальцы отправили из Пернамбуко экспедицию и основали город Пара. С 1616 по 1629 г. португальцы прилагали все силы к тому, чтобы выбросить непрошенных гостей; но им оставалось недолго монопольно владеть Амазонкой.

В 1637 г. в Пара прибыла группа из семи человек, в число которых входили два францисканца. Они вышли из Перу в поисках золота и спустились вниз по течению Напо и Амазонки. Именно это путешествие побудило португальцев предпринять исследование великой реки, и с этой целью они организовали экспедицию, начальником которой был назначен Педро Тейшейра. Путешествие началось 25 июля 1637 г. и продолжалось десять месяцев. Вот выдержка из журнала, составленного со слов главного лоцмана экспедиции:

«Путешествие до Кито отняло так много времени, потому что экспедиция двигалась очень медленно, открывая новые реки и замечая удобные гавани. Означенный лоцман, производивший промеры расстояний и отмечавший длительность каждодневного перехода, считает, что по реке можно подняться в течение двух месяцев. Вся область Амазонки, включая острова, берега и лежащие за ними земли, населена таким несметным числом индейцев, что главный лоцман нашей экспедиции Бенто де-Акоста (человек очень опытный в такого рода открытиях и плававший как по Амазонке, так и по всем ее притокам, изучавший страну вплоть до самого прибытия в Кито и отмечавший ее величину и многочисленность индейцев) говорил, что если бы была с неба пущена стрела, она обязательно попала бы в голову какого-нибудь индейца, а не упала бы на землю. И так переполнены людьми не только берега Амазонки, но также и впадающих в нее рек, по которым означенный лоцман плавал три или четыре дня, и, по его словам, каждый из этих притоков представлял собой густо населенное царство, главная же река является целым миром, превосходящим по величине все, что до сих пор было открыто во всей Америке».

Тейшейра поднялся по Амазонке и Напо и далее—по одному из притоков последней до Кито. Его успехи возбудили подозри-

тельность испанцев, которые потребовали, чтобы он вернулся назад тем же путем, что и прибыл, и чтобы вдобавок взял с собой двух испанских иезуитов для производства съемки реки. Экспедиция вышла 16 февраля 1639 г. и 12 декабря без особых приключений добралась до Пара. Один из иезуитов, Кристовал де-Акунья, составил описание этого путешествия, но испанцы по политическим причинам запретили его печатание[1]. Оно свидетельствует о том, что к этому времени имелись подробные и в общем довольно точные сведения об Амазонке и ее притоках, так же как о местных индейцах.

В этой же области, с востока, был совершен целый ряд других путешествий. Одна партия поднялась по реке Токантинс до 6° ю. ш., другая открыла сухопутную дорогу от острова Мараньян до Пернамбуко, несколько экспедиций поднялось по Амазонке до Рио-Негро, и накопился очень большой материал относительно географии северо-восточной Бразилии.

На западе миссионеры продвинулись из Перу и собрали большой материал относительно верхних притоков Амазонки. В 1602 г. иезуиты спустились вниз по Напо к долине Мараньона, к которой было сделано несколько и других путешествий и где в 1638 г. была основана духовная миссия. Около середины века один из миссионеров, работавший в долине Уальяги, проложил путь к Кито по Мараньону и Напо. В это же время францисканцы исследовали отдельные участки рек Уальяги, Перене и Укаяли, и как миссионеры, так и авантюристы-миряне добрались до реки Мадейры. В 1670 г. была послана экспедиция на поиски еще какого-то нового государства инков, лежавшего будто бы к юго-востоку от Куско, и хотя этого государства не нашла, она все же исследовала часть реки Бени. Около этого же времени иезуиты приступили к миссионерской деятельности в долине Гуапай и продолжали ею заниматься до конца столетия.

Таким образом, миссионеры продолжали вносить многочисленные, хотя и мелкие дополнения в географию Южной Америки. На первом месте среди них следует поставить иезуита Самуила Фрица, прожившего тридцать семь лет среди индейцев долины Амазонки. Он начал свою деятельность в 1686 г. среди индейцев-омагуа, живших по нижнему течению реки Напо, и работал и жил один, пока потребовавшая медицинского вмешательства тяжелая болезнь не заставила его спуститься вниз по течению реки до Пара. Здесь португальцы его арестовали и продержали почти два года в тюрьме. В 1691 г. ему разрешили вернуться вверх по Амазонке к оставленной им миссии. В следующем году он совершил путешествие в Лиму, чтобы донести властям о

[1] В 1640 г. Португалия отпала от Испании (после шестидесятилетней личной унии, насильственно навязанной ей Филиппом II, Габсбургом).— *Прим. ред.*

португальских вторжениях во владения Испании. С 1693 по 1702 г. он беспрерывно занимался миссионерской деятельностью, неутомимо передвигаясь от одного становища индейцев к другому и изо всех сил стараясь защитить их от португальских охотников за рабами. С 1703 по 1713 г. он был начальником всей миссии и в этой должности провел много времени среди индейцев в долине Мараньона, где он прожил также последние десять лет своей жизни (1714—1724 гг.) в работе среди индейцев-ксеберо.

Самуил Фриц интересовался главным образом обращением в христианство индейцев, но ему удалось собрать также и богатый географический материал, который он отразил в составленной им карте, опубликованной в 1691 г. и переизданной в 1707 г. Его путешествие вниз по Амазонке в Пара и обратно и его непрестанные разъезды среди живших по Мараньону племен дали ему право на выступление с такого рода картой, высокие качества которой делают честь его дару точной наблюдательности.

Налеты португальских охотников за рабами охватывали также и район Рио-Негро, и именно желание урегулировать положение в пограничной полосе вызвало организацию первой достоверно известной экспедиции с Ориноко к Амазонке. Это путешествие было проделано патером Рамоном, который в 1744 г. выступил из испанской духовной миссии в Венесуэле и столкнулся с отрядом португальских охотников за рабами у слияния верхней Ориноко и Гуавьяре. В их обществе он проделал путь от Кассикьяре до Рио-Негро[1]. В эту область было послано и несколько других экспедиций, включая правительственную экспедицию 1756 г. и тщетные поиски Эльдорадо, а между 1775 и 1780 гг. Антонио Сантос пересек местность и вышел к Рио-Бранко. Однако настоящее исследование страны началось лишь в последний год XVIII в., когда Александр фон-Гумбольдт начал свое путешествие, составившее эпоху в истории географии.

Научная экспедиция 1736 г. Ла-Кондамина в Перу также дала некоторый новый материал о бассейне реки Амазонки. Главной целью экспедиции было измерение дуги меридиана в Перу, и работа эта была успешно закончена к 1743 г. После этого Ла-Кондамин решил вернуться на родину вниз по Амазонке, и путешествие его «имело ценность как первое плавание вниз по реке, совершенное профессиональным ученым» (Х е в у д). Другой член этой экспедиции, Годэн, также вернулся этим путем в 1749 г. Что же касается жены Годэна, последовавшей тем же путем двумя десятками лет позже, то она заблудилась одна в лесах Амазон-

[1] О существовании водной связи между Ориноко и Амазонкой было известно гораздо раньше. Эдмундсон (английский комментатор «Путешествия» Тейшейры) сообщает, что английский майор Джон Скотт писал об этом явлении около 1669 г.—*Прим. автора.*

ской низменности, пока дружеская помощь индейцев не дала ей возможности достигнуть Пара.

Открытие ценных минералов в Матто-Гроссо в 1734 г. приковало внимание португальцев к этой малоизвестной области в южной части бассейна Амазонки, причем один из них, Мануэл Фелиш де-Лима, разочаровавшись в своих расчетах на богатство, решил направиться дальше на запад для разведки. Он достиг реки Гуапоре, спустился по ней до Мадейры и в конце концов достиг Амазонки. В 1749 г. из Пара вышла другая экспедиция под начальством Франсиско Леме с целью повторить это же путешествие, но в обратном направлении. После тяжелых лишений она достигла той части португальской территории, откуда в 1742 г. Мануэл Лима отправился в свое путешествие.

Южнее еще один португалец спустился вниз от города Куяба по реке того же названия, добрался до реки Парагвай, поднялся по ней до водораздела между ней и бассейном Амазонки и в конце концов добрался до притока Амазонки—Тапажос.

В течение XVIII столетия была проделана довольно значительная работа и в бассейне самого Парагвая. В 1691 г. удалось добраться до страны индейцев-чикито, а еще через несколько лет была сделана попытка установить сообщение с их страной сначала по реке Парагвай, а позже по реке Пилькомайо. Эти усилия почти увенчались успехом в 1721 г., когда отряды, двигавшиеся от Тукумана и по Пилькомайо, едва не встретились. Результатом этой деятельности, нашедшей себе точное отображение в картах д'Анвиля, было гораздо более ясное представление об области Чако; но после прекращения работы этих миссионеров, область все же еще целые сто лет была белым пятном на карте. В 1741 г. миссионеры возобновили свои попытки, но с изгнанием иезуитов в 1767 г. совершенно прекратили их.

Вскоре после этого первоклассное исследование было сделано испанским офицером капитаном Феликсом де-Асарой, который первоначально был послан для демаркации границы между испанскими и португальскими владениями. Так как официальная часть работы несколько задержалась, Асара совершил ряд самостоятельных поездок в бассейн Парагвая—Параны. Он произвел ценную топографическую съемку местности и кроме того многое дал для познания естественной истории области. После тринадцатилетних трудов в этой области Асара был послан к южной границе испанских поселений и в область Нижней Параны, а после этого—на съемку восточной границы области. Асара закончил свою работу в 1801 г., сделав больше чем любой другой испанец-одиночка в области географических открытий в Южной Америке.

Чтобы закончить историю исследования Южной Америки до Гумбольдта, нам остается упомянуть еще несколько путеше-

ствий. Путешествия Руиса, Павона и Домби в лесную область к востоку от Перу (1781—1788 гг.) и исследования многочисленных островов у побережья Чили, произведенные Х. Мораледа-и-Монтеро (1786—1796 гг.), связаны были со специальными заданиями и по своему характеру относятся скорее к следующему столетию. Аналогичный характер имела съемка большой части западного побережья, произведенная французом Фейе между 1707 и 1712 гг. По другой стороне континента, в почти неизвестной тогда Патагонии, Фалькнер в 1778 г. нанес на карту течение Рио-Негро, а еще через четыре года Виедма исследовал реку Санта-Крус.

К концу XVIII в. в Южной Америке не было больше ни одной обширной области, которая оставалась бы совершенно неизвестной, хотя имевшийся по ряду областей материал был если и не скудным, то часто очень неточным.

Часть вторая

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ И ДВАДЦАТЫЙ ВЕКА

(1800—1937 гг.)

Глава XIII

АЗИЯ[1]

Хотя до начала XIX столетия европейцы и успели побывать в большей части Азии, полностью география материка изучена еще не была и оставалось еще многое доделать. Аравия, Индокитай и Центральная Азия все еще продолжали быть белыми пятнами на карте, и даже в таких странах, как Сибирь, Китай и Индия, в которых в XVII и XVIII вв. работало столько исследователей, все еще оставалось много неизвестных областей.

Рассматриваемый нами период географических исследований в общем распадается на две части. Первая половина столетия ознаменовалась экспедициями путешественников-пионеров почти во все части континента. Эти предприятия заложили основу для той научной работы, которая развернулась во второй половине века. Поворотным пунктом в исследовании Северной и Центральной Азии послужило большое продвижение России в 1854 г. к бассейну Амура, после этого года—на юг от Оренбурга и в 1856 г.—в направлении Тяньшаня.

Точно также поворотным пунктом в проникновении в Тибет со стороны Индии послужило путешествие братьев Шлагинтвейт. Что касается Аравии, то здесь поворотным можно считать год появления карты Риттера (1852 г.), как заметными вехами в деле открытий являются составленная Юлом карта Бирмы (1855 г.) и Парксом—Сиама (1855 г.). Исследование Японии, научное изучение территории Китая, с которым неразрывно связано имя Рихтгофена, точное определение главных черт физической географии Афганистана и Персии и картографирование Французского Индокитая и Сиама—все это почти полностью приходится на вторую половину века.

Исследование Азии шло из столь многих разбросанных точек и велось при столь разнообразных условиях, что никакое выдержанное чисто хронологически описание не сможет дать правильного представления об его ходе. Наиболее выдающимся

[1] Кроме одной (устаревшей) английской книги Ричарда Темпла, характеризующей прогресс географического изучения Азии за 1830—1880 гг., автор рекомендует также книгу русского академика *В. В. Бартольда*, вышедшую в 1913 г. в переводе на немецкий язык—«История изучения Востока в Европе и России», изд. 2-е, Ленинград, 1925.—*Прим. ред.*

явлением во всей истории исследования материка в этот период является интенсивное изучение Центральной Азии после 1855 г. Мы предполагаем начать с Северной Азии, и, следуя в направлении, обратном часовой стрелке, сначала к западу, потом к югу, перейти к Китаю и к Японии, закончив наш очерк описанием Центральной Азии, по географическим и политическим причинам остававшейся не изученной до последнего времени.

1. Северная Азия

Как мы уже указывали, русские в течение XVII и XVIII столетий приобрели довольно отчетливое представление о главных чертах географической структуры Северной Азии, но попытки их добиться господства в бассейне Амура натолкнулись на сопротивление. Почти в самом начале XIX в. они вновь приступили к исследованию Дальнего Востока. Морские экспедиции Крузенштерна (1805 г.) и Коцебу (1817 г.) во многом способствовали выяснению оставшихся неясными вопросов в северной части Тихого океана и дали новый ценный материал о Камчатке и Сахалине [1]. Точно так же посланное в 1805 г. в Китай посольство Головкина привлекло внимание к Амурскому бассейну, хотя предложение придать посольству путешественников-ученых осуществления не получило. Однако наиболее важная работа за всю первую половину века была проделана в северной части азиатского континента. В 1828 г. Эрман исследовал области, лежащие между северным Уралом и устьем Оби, и проехал всю Азию вплоть до Камчатки. В 1829 г. Гумбольдт в сопровождении Розе и Эренберга совершил свое последнее научное путешествие. Оно замечательно не столько какими-либо сенсационными открытиями, сколько величиной охваченной им территории и остротой сделанных Гумбольдтом выводов. Экспедиция Гумбольдта проследовала через Москву, Пермь и Тобольск до Оби, откуда повернула на юг к Алтаю. Обратно экспедиция выбрала более южный вариант пути: через Омск, вниз по Волге к берегам Каспийского моря и, наконец, вверх по Дону до Москвы. Результаты путешествия нашли свое отражение в блестящем, хотя и несколько наспех составленном описании минералов и геологии посещенных экспедицией мест [2].

---

[1] Автор не упоминает здесь о знаменитом русском мореплавателе Головнине В. М., чьи «Записки о приключениях в плену у японцев в 1811,1812, 1813 гг.» вышли первым изданием в 1816 г. и затем несколько раз переиздавались (см. *В. Головнин*, «Сочинения», ГУСМП, 1949). Головнин дал очень ценный географический материал о Японии (главным образом, конечно, о Хоккайдо, где он находился в плену три года).—*Прим. ред.*

[2] Книга Александра Гумбольдта была переведена на русский язык вскоре после ее выхода в свет (*А. Гумбольдт*, «Путешествие в 1829 г. по Сибири и Каспийскому морю», СПБ, 1837). Общую оценку Гумбольдта

Важный материал был собран в 1830 г. Фуссом и Бунге в ходе их поездки через Гоби от Пекина до Кяхты. Два года спустя имевший политическое задание русский полковник Ладыженский посетил долину Амура.

Однако важнейшим событием в области исследования Северной Азии в первой половине XIX в. были путешествия Миддендорфа[1] по Северной и Восточной Сибири. Целью Миддендорфа было получить правильное представление об области между Енисеем и Хатангой и далее до океана. Он выступил из Туруханска 23 марта 1843 г., прошел на север по замерзшему Енисею, пробрался тундрой к реке Пясине, а оттуда дальше в бассейн Хатанги. Его спутник Брант остался на одном из притоков Хатанги, сам же Миддендорф направился еще дальше на север к полуострову Таймыр и 12 августа вышел к морю. Провизия кончилась, Миддендорф и его спутники пережили тяжелые лишения, но им все же удалось вернуться и собрать ценнейший материал об условиях животной и растительной жизни в этой пустынной местности.

После этого Миддендорф предпринял путешествие через континент Азии от Якутска до Охотского моря через Становой хребет к Удскому острогу, после чего продолжал производить исследования в бассейне Амура вплоть до озера Байкал. И здесь его наблюдения отличались высокими научными достоинствами, успех же его экспедиции и составленные им описания вновь привлекли внимание к реке Амуру.

Следующим пионером этого раннего периода исследований был А. Кастрен[2], исколесивший в 1842—1849 гг. Сибирь по всем направлениям. Его задачей было изучение туземных народностей, их языков и обычаев, и в ходе своих путешествий он покрыл пространство от Урала до Енисея и озера Байкал. Аналогичные интересы были и у пересекшего Сибирь в 1853—1858 гг. Альквиста, а также у Радлова, занимавшегося изучением народностей Алтая[3] (около 1868 г.)

Период интенсивной деятельности начался в 1847 г. с назначением Муравьева генерал-губернатором Восточной Сибири.

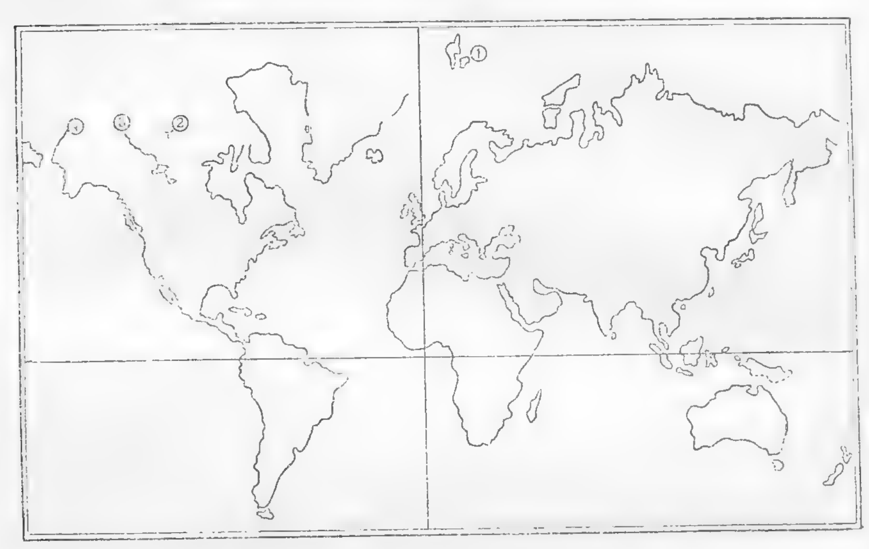
дал Д. Н. Анучин в работе «Гумбольдт, как путешественник и географ, и в особенности как исследователь Центральной Азии» (в книге *А. Ф. Гумбольдт*, «Центральная Азия», М., 1915, стр. V—CCXXXIII).—*Прим. ред.*

[1] Александр Федорович *Миддендорф*,—академик (1815—1894 гг.). Важнейшая его работа—«Путешествие на Севере и Востоке Сибири», чч. I—II, СПБ, 1860—1869.—*Прим. ред.*

[2] Александр *Кастрен* был уроженцем Финляндии, крупным лингвистом; специально изучал языки народностей Северной Азии. На русском языке издано «Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири» (1838—1844, 1845—1849). «Магазин землеведения и путешествий». Собрание старых и новых путешествий. Москва, 1860, т. VI, ч. II, стр. 1—482.—*Прим. ред.*

[3] Василий Васильевич Радлов—академик (1837—1918), один из крупнейших специалистов по тюркским языкам.—*Прим. ред.*

В следующем году была сделана неудачная попытка исследовать реку Амур, но в 1850 г. русские достигли ее устья, а в 1854 г. военная экспедиция во главе с Муравьевым спустилась вниз по реке и собрала материал для первого ее современного описания[1]. Незадолго до этого, в 1846 г., в Петербурге было основано Российское Географическое Общество, в результате чего начиная



27. Набросок карты мира Дж. Кари, 1801 г.

Отмечается значительное улучшение осведомленности в отношении Тихого океана и Австралазии и завершение открытия западного побережья Северной Америки и северного побережья Азии. На Крайнем Севере уже есть Шпицберген (1), устье реки Коппермайн (2), дельта р. Маккензи (3) и мыс Ледяной (4). Часть островов у нас опущена.

с 1854 г. в Забайкалье было послано очень много экспедиций. В 1849—1852 гг. астроном Л. А. Шварц определил географические координаты многих точек к востоку от Байкала. В 1854 г. Л. Шренк изучал естественно-исторические условия в области устья Амура, в следующем году он совершил поездку на Сахалин, после чего вернулся на Амур, поднялся на некоторое расстояние вверх по Уссури и в начале 1856 г. вновь вернулся на Сахалин. В этой области в 1853—1856 гг. работал и другой натуралист,

[1] Николай Николаевич Муравьев, получивший за свою административную деятельность титул графа Амурского (1803—1881), был генерал-губернатором Восточной Сибири с 1847 до 1861 г. При нем крупнейшую географическую работу произвел известный кругосветный мореплаватель Г. И. Невельской, исследователь Амура, Татарского пролива и Сахалина, устранивший все сомнения в том, что Сахалин—остров.—*Прим. ред.*

Максимович[1]. Произведенные в 1855 г. Пещуровым наблюдения по Амуру дали материал для совершенно новой карты реки.

В 1854 г. на помощь этим ученым пришла Восточно-Сибирская экспедиция Географического общества. Во главе экспедиции был поставлен Шварц, и ему и нескольким его помощникам была доверена задача картографической съемки местности. Из наиболее выдающихся членов экспедиции следует упомянуть натуралистов Глена и Радде. Последний совершил большое путешествие не только по Дальнему Востоку, но и в других частях России, и работа его имела величайшую ценность для географов.

Работа экспедиции носила весьма детальный характер. В особенности она интересовалась как левыми, так и правыми притоками Амура, Ангарой и бассейнами Витима и Олекмы. Были предприняты исследования и за пределами бассейна Амура. Так, например, в 1851—1855 гг. К. Дитмар работал на Камчатке, а Шмидт в 1860 г. и Глен в 1861 г. посетили Сахалин. В той же области, хотя и независимо от экспедиции Географического Общества, работала в 1862 г. пограничная комиссия полковника Бугодорского, произведшая в соответствии с условиями договора 1860 г. съемку русско-китайской границы. Следствием всех этих работ был полный пересмотр географической карты, определение координат многих населенных пунктов, выдающихся точек местности и значительное изменение господствовавших тогда представлений относительно Восточной Сибири.

Через короткое время после этого экспедиция князя Кропоткина[2] обогатила науку новыми материалами о приморских районах. Кропоткин проследовал в 1864 г. от Аргуни к Сунгари и далее поперек Северной Маньчжурии, тогда как Тимрот и Гельмерсен в 1862—1865 гг. произвели геологическую разведку южного побережья Маньчжурии.

Экспедиция Старицкого к Тихому океану (1866—1871 гг.) также способствовала уточнению сведений о побережье Маньчжурии, Сахалина, Охотского моря и Камчатки. В этот же период, в 1865 г., Лопатин занимался топографической и геологической работой в северной части Витимского плато, а в следующем году—по Енисею до Туруханска. Он собрал очень большой материал, но дневники его были опубликованы лишь в конце столетия[3].

---

[1] К. И. Максимович—академик (1827—1891), кругосветный путешественник, по специальности ботаник.—*Прим. ред.*

[2] Петр Алексеевич Кропоткин (1842—1921). анархист-теоретик, замечательный путешественник, географ и геолог.—*Прим. ред.*

[3] Иннокентий Александрович Лопатин (1838—1909)—географ и геолог. Его «Дневник Витимской экспедиции» был обработан Полеповым (1895), а «Дневник Туруханской экспедиции»—М. Н. Миклухо-Маклаем, братом знаменитого путешественника (1897).—*Прим. ред.*

Исследования Лопатина были дополнены предпринятыми в 1873—1876 гг. путешествиями Чекановского[1]. Всего он совершил три экспедиции—одну к долинам Нижней Лены и Верхней Тунгуски, вторую—по реке Оленек в тундру и третью—к устью этой реки. Хотя целью Чекановского было изучение геологии местности, он сделал ряд астрономических определений и намного улучшил карты этой малоизвестной области. Его достижения дали ему право на то, чтобы «занять свое место в качестве достойного преемника Миддендорфа, единственного ученого, пересекшего этот район на пути к дальнему северу» (А л к о к).

В Западной Сибири экспедиция Хандачевского (1877—1881 гг.) исследовала огромную, до того не известную область. Он проследовал по Иртышу и Оби от Тобольска до Обдорска на севере, поднялся по реке Полуй и вернулся, идя почти прямо на юг по бездорожью к Омску.

Хотя многое уже было сделано, русские неуклонно продолжали исследование отдаленных местностей Сибири. В 1881—1882 гг. Сахалин посетил Поляков, обнаруживший там ряд совершенно неизвестных мест. Он исследовал многие части острова и открыл единственную удобную гавань на побережье в устье реки Тымь.

В 1885 г. Бунге и барон Толль выступили из Иркутска и приступили к исследованию реки Яны. Они проследовали по ней вплоть до моря и посетили Ново-Сибирские острова[2]. В 1895 г. эти же места вновь посетил Черский. Он начал было исследовать Колыму, Индигирку и Яну, но умер, не успев закончить работу. У Черского уже до того были большие заслуги в геологической съемке Прибайкалья (1877—1881 гг.), и с его смертью Россия потеряла в высшей степени одаренного исследователя[3]. Его преемником на посту начальника северной экспедиции был Толль, которому удалось успешно довести до конца начатое предприятие, покрыть дорожной съемкой почти 5000 *км* по территории в пятьдесят с лишком градусов долготы и вернуться с ценнейшим материалом.

---

[1] Александр Лаврентьевич Чекановский (1832—1876)—участник польского восстания 1863 г., сосланный царским правительством в Восточную Сибирь. Его «Дневник экспедиции по рекам Нижней Тунгуске, Оленеку и Лене в 1873—1875 гг.» опубликован в Записках Географического Общества по общей географии (XX, № 1, 1896). Именем Чекановского назван водораздельный хребет, протягивающийся за 70-й параллелью с. ш., между нижней Леной и нижним Оленеком.—*Прим. ред.*

[2] Александр Александрович Бунге—зоолог; участвовал в Ленской и Янской экспедициях Географического общества (1882—1885 гг.), а в 1886 г. сопровождал геолога Эдуарда Толля, положившего начало систематическому научному исследованию Ново-Сибирских островов. Толль еще дважды побывал на Ново-Сибирских островах—в 1893 г. и во главе известной академической экспедиции 1900—1903 гг. (на китобойном судне «Заря»).—*Прим. ред.*

[3] Именем Черского назван хребет, протягивающийся приблизительно на 1000 *км* в Восточой Сибири, от средней Яны до Верхней Калымы (Черский умер в 1892 г. на Колыме.—*Прим. ред.*)

Ценна также работа Майделя[1], прожившего в Сибири двадцать лет, из которых десять он провел среди якутов в крайнем северо-восточном углу страны. Его опубликованное в 1893 г. исследование пролило много света на эту мало известную территорию.

1895 год ознаменовался двумя крупными экспедициями. Первая из них исследовала нижнее течение Енисея, обогнула полуостров Ямал, осмотрела Обскую губу и поднялась вверх по Оби и Иртышу до Тобольска. Вторая, под начальством Богдановича, направилась к Становому хребту и приступила к систематическому исследованию территории вокруг Охотского моря. Богданович дал многое для изучения северной части этого хребта: изучил побережье моря от Петропавловска на Камчатке до устья Амура и проехал через Ляодунский полуостров. В дополнение к упомянутым открытиям он нашел также новые залежи золота в горах[2]. Следующая экспедиция (1897 г.) произвела съемку озера Косогол в Северной Монголии и обследовала хребет Мунку-Сардык на крайнем юге Сибири.

Сооружение начатой в 1891 г. железной дороги через всю Сибирь было связано с детальным географическим изучением местности вдоль всей ее пролегающей по южной границе Сибири трассы. Благодаря этому, а также стремлению отыскать минеральные богатства, исследование Южной Сибири зашло гораздо дальше, чем изучение Северной, естественные условия которой делают ее менее пригодной для колонизации. Однакоже все почти без исключения важнейшие географические экспедиции нынешнего столетия посылались не в Южную, а в Северную Сибирь. В 1905 г. был выслан отряд для изучения реки Хатанги. Он проделал большую и полезную работу в верхней части бассейна, после чего проследовал по течению реки до моря. Еще через три года на полуостров Ямал была выслана экспедиция под начальством Шиткова, давшая прекрасное описание части до того не известной области. Третья экспедиция, под начальством Толмачева, была послана в 1909 г. к побережью Северного Ледовитого океана с заданием выяснить возможность торговых сношений между Тихим океаном и рекой Колымой через Берингов пролив, а также произвести съемку части побережья. В это же время был вы-

---

[1] Герард Майдель был начальником правительственной Чукотской экспедиции 1868—1870 гг. К сожалению, обширные коллекции, собранные членами экспедиции, сгорели в Иркутске в 1879 г. Результаты путешествия *Майделя* были опубликованы на русском языке в 1894 г. «Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах» (приложение к 74-му тому Записок Академии Наук).—*Прим. ред.*

[2] Речь идет, повидимому, о горном инженере, геологе Карле Ивановиче Богдановиче (род. 1864). Однако всю перечисленную работу К. И. Богданович провел не в течение одного 1895 г. и не одной экспедицией.—*Прим. ред.*

слан и другой отряд, чтобы заснять побережье от Лены до Колымы. Обе экспедиции были успешно завершены, побережье заснято, а Толмачев дал благоприятное заключение по вопросу о возможности торговли.

Несмотря на столетний труд, в Северной Сибири все еще остается много неизученных мест. Даже в 1926 г. С. Обручев в ходе исследования реки Индигирки открыл в Северо-Восточной Сибири новую горную цепь, хотя точное ее протяжение еще неизвестно[1]. До его экспедиции предполагалось, что местность на востоке представляла собой низменную равнину: на нынешней же карте появилась новая, вторая цепь гор, лежащая внутри, то есть к северу от известной дуги, образуемой Верхоянскими горами и их восточным продолжением. Эта новая цепь названа именем Черского, в честь исследователя, о работе которого мы говорили выше*[2].

2. Русская Средняя Азия[3]

Территория, лежащая между Каспийским морем и нагорьями Центральной Азии, играла по отношению к Индии и Ирану ту же политическую роль, что Амурский бассейн по отношению к Китаю. В обоих районах политические проблемы влекли русские силы вперед, и в обоих районах географы предваряли ученых[4].

Русские шли здесь по двум направлениям. В восточной части рассматриваемой нами страны русские стремились к Центральной Азии в узком смысле этого термина, и наше описание заканчивается с началом исследования ими чисто горных областей. Это более краткая история, и мы ее можем суммировать в нескольких словах. Русские приступили к исследованию Алтая в 1826 г.,

---

[1] Напомним, что 1-е издание книги вышло в 1931 г. Впрочем, ниже автор слишком упрощенно излагает значение открытия С. В. Обручева.— *Прим. ред.*

* За последние годы русские проделали большую научную работу в Сибири, но она связана главным образом с исследованиями Арктики, которые рассматриваются ниже.—*Прим. автора.*

[2] Это заявление, конечно, неверно и свидетельствует о незнакомстве автора с огромной научной работой, проделанной при советской власти в других областях Сибири, вне Арктики. Недостаточно знаком автор и с ходом исследования Дальнего Востока. Этим объясняется пропуск ряда крупных исследователей, например В. К. Арсеньева, чьи отдельные работы многократно переиздавались. (Собрание сочинений *Арсеньева* издано во Владивостоке, тт. 1—VI, 1947.)—*Прим. ред.*

[3] Автор назвал этот раздел «Русская Юго-Западная Азия». Редакция предпочитает перевести это выражение привычным для нас термином «Средняя Азия».—*Прим. ред.*

[4] По этим проблемам см. «История СССР», т. II, Госполитиздат, 1949, стр. 564—565 и 580—582.—*Прим. ред.*

и вскоре после этого новый материал об этой области дала уже упоминавшаяся нами выше экспедиция Гумбольдта. Однакоже настоящее завоевание области началось в 1831 г., когда был основан Сергиополь[1]. Через три года после этого Федоров достиг реки Лепсы у ее впадения в озеро Балхаш. В 1840—1842 гг. Шренк и Карелин провели изучение Семиреченской области, а еще через десять лет исследователи достигли города Кульджи в долине верхней реки Или. Аналогичное наступление велось и в южном направлении, и в 1855 г. была построена крепость Верная[2]. В ходе последующего трехлетия русские изучили местность вплоть до южного берега Иссык-Куля, включая долину реки Чу. Дальнейшие путешествия Семенова по Тянь-шаню и Голубева в Джунгарию ознаменовывают начало исследования уже Центральной Азии (в узком смысле этого слова), рассматриваемого нами в разделе 8-м настоящей главы.

Второе направление, по которому шли русские, вело через Каспийское либо Аральское моря. В 1819 г. Муравьев произвел съемку Каспийского моря и через Балханский залив прошел в Хиву[3]. Русские побывали в Хиве еще несколько раз в течение второго десятилетия XIX в., а англичане дважды—в 1832 и 1839 гг. Между тем в 1836 г. на Каспийском море была произведена новая съемка, а в 1848 г. Бутаков провел большую систематическую работу на Аральском море. Вскоре после этого русские приступили к исследованию Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи.

В 1854 г. началась топографическая съемка местности вокруг Оренбурга, после чего эти работы были распространены на юго-восток. В 1858—1860 гг. топографы засняли Арало-Каспийскую низменность и вновь улучшили карту Каспийского моря. Все ти географические работы были прелюдией к большому политическому наступлению в течение последовавшего десятилетия. В 1865 г. русские взяли Самарканд, а в 1868 г.—Бухару. В эти годы Бутаков поднялся на пароходе по реке Сыр-Дарья до Чиназа, осмотрел берега реки и определил координаты ряда точек (1863 г.). В 1865—1868 гг. К. В. Струве определил координаты целого ряда пунктов, включая Бухару, Самарканд и Туркестан. В эти же годы совершил свое знаменитое путешествие венгерец А. Вамбери[4]. Хотя он и не ставил себе чисто

---

[1] Ныне Аягуз—на одноименной реке.—*Прим. ред.*

[2] Ныне Алма-Ата.—*Прим. ред.*

[3] Описание его похода см. *Н. Муравьев*, «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах», М., 1822, чч. I—II. Балханский залив, упомянутый в тексте,—это теперь часть Красноводского залива.—*Прим. ред.*

[4] Русские переводы *Вамбери*, «Путешествие по Средней Азии», М., 1867, и «Очерки Средней Азии», М., 1868. См. также *А. Вамбери*, «Приключения, описанные им самим», М., 1931. Художественную характеристику ученого-путешественника дал *Н. Тихонов* в рассказе «Вамбери».—*Прим. ред.*

научных целей, а маскировка его под туземца исключала возможность производства астрономических наблюдений, его замечания о «Центральной Азии» имели довольно значительную ценность. В конце этого десятилетия было совершено также два путешествия между Кокандом и Иссык-Кулем, связавшие между собой две области, в которых велись наиболее энергичные исследования.

Начиная с 1870 г. русские перенесли свое внимание на степную область к востоку от Каспийского моря. Из Красноводска выступили две экспедиции, одна из которых проникла на 580 *км* на северо-восток, другая на 320 *км* прямо на восток. За ними в 1872 г. последовало изучение пересохшего русла Аму-Дарьи (Оксуса) и Туркмении. В следующем году русские взяли Хиву и вновь взялись за разрешение проблем Аму-Дарьи. К 1875 г. старое русло реки было уже заснято и нанесено на карту, хотя из данных новой, произведенной в 1883 г. съемки выяснилось, что Аму-Дарья, вероятно, никогда не впадала в море через Узбой.

К 1878 г. течение Аму-Дарьи было точно известно на протяжении более чем 800 *км* от Аральского моря. Еще через восемь лет Афганская пограничная комиссия произвела съемку границы от той точки, где соприкасаются границы России, Афганистана и Ирана, до течения Аму-Дарьи к северо-западу от Балха и далее на восток вдоль реки.

За продвижением на восток от Каспия последовало движение и на юг, где русских беспокоили текинцы. В 1879 г. против них была выслана экспедиция, и в течение двух лет они были покорены. В 1881 г. Лессар перенес русские съемочно-топографические работы за пределы новой границы на территорию Ирана и в следующем году произвел съемку местности в долине Гери-Руда до самого Герата (в Афганистане), который был уже достигнут в 1878 г. со стороны Аму-Дарьи. С распространением географического изучения за пределы русской территории исследование русской Средней Азии закончилось, хотя оставалось еще не сделанным значительное количество детальной работы в Туркестане и в Киргизских (Казахских) степях, где в 1879 г. было положено начало топографической съемке.

Съемка 1882 г. создала базис для демаркации границы между Россией и Ираном, а в 1886 г. русские охватили съемкой также область Мерва (Мары). В том же году Радде и Коншин исследовали территорию между Ашхабадом, Мервом и Мешхедом и вдоль части афганской границы; Шварц же во главе топографического отряда проделал большую и важную работу в Восточной Бухаре. В это же время другие топографы и картографы энергично работали в области съемки и картирования долины Зеравшана и западной части Гиссарского хребта. В течение нескольких лет эта область была хорошо изучена.

3. Юго-Западная Азия

Оттеснение Россией Ирана в течение первых тринадцати лет XIX в. повело к присоединению Грузии, а позже—к изучению русскими Кавказа. В 1826 г. война с Ираном возобновилась, и спустя два года—к ее концу—почти весь Кавказ был присоединен к России. Это повело к первым русским исследованиям в этом районе и к уже упомянутым выше первым съемкам Каспийского моря.

Человеком, сделавшим больше всех в деле изучения Кавказа, был русский ученый Абих, потративший тридцать три года (1844—1877) на изучение его геологии и топографии. Его работа была дополнена трудами русских офицеров, которые под начальством генерала Ходзько произвели в 1847—1863 гг. съемку Кавказа и части Армении. Они создали хорошую общую карту низменностей, но пропустили ряд крупных горных вершин Кавказского хребта. В течение этого же периода Радде, об исследованиях которого в других областях Русской Азии мы уже упоминали выше, приступил к своей большой работе в ряде округов Кавказа. Его путешествия, а также организация им Кавказского музея в Тифлисе (Тбилиси) сильно способствовали познанию Кавказа, и по объему работы, проделанной в течение второй половины XIX в., с ним может поспорить лишь один Абих.

В 1868 г. Дуглас Фрешфилд с двумя спутниками и альпийским проводником взобрался на вершины Казбека и Эльбруса и побывал в наиболее крупных долинах между ними по южной стороне гор. В том же году Фавр приступил к геологическим изысканиям в центральной части хребта. Эта фаза исследований, характеризующаяся интересом к наиболее высокой части хребта, не была прервана новой съемкой Кавказа, предпринятой русским правительством начиная с 1880 г. В 1884—1887 гг. Деши совершил в этом районе ряд путешествий, в последнем из которых вновь принял участие Фрешфилд, и ежегодно между 1884 и 1891 гг. отдельные экспедиции выходили для изучения менее известных частей хребта.

В эти годы главным полем исследований был Центральный Кавказ, хотя путешественники не забывали и другие области. С началом нынешнего века русские геодезисты переключились на эти менее изученные местности, и теперь можно сказать, что Кавказ хорошо изучен.

Пока русские топографы постепенно продвигались в сторону Малой Азии и Армении с северо-востока, в эти области хлынуло большое число исследователей с запада. Они знакомили Западную Европу с областями, когда-то являвшимися центром мира

классической древности. Первым ученым исследователем здесь был Нибур, в 1766 г. по пути в Аравию проехавший через Малую Азию, Сирию и Палестину. В начале XIX столетия Малую Азию посетил В. М. Лик, который изготовил гораздо лучшую ее карту, чем до того существовавшие. Через шесть лет за ним последовал Дж. М. Киннер. Английский географ Реннел использовал накопившийся таким образом новый материал для создания своего крупного труда «Сравнительная география Западной Азии».

В 1812 г. капитан Бофорт приступил к съемке южного побережья, после чего капитан Копленд и другие продолжили ее в 1834—1847 гг. по западному побережью. В это же время был предпринят ряд важных путешествий во внутренние районы. Гамильтон посетил долину Галиса[1] и исследовал местность к югу от Мраморного моря. По поручению королевского географического общества и общества поощрения христианских знаний Эйнсуэрт совершил путешествие в страну христиан-несториан. Его экспедиция вышла из Скутари в сентябре 1838 г., прошла вдоль побережья до Синопа, а затем повернула к Анкаре, где и провела зиму. От Анкары экспедиция прошла поперек всей Малой Азии до Евфрата. В 1839—1840 гг. Эйнсуэрт совершил еще одно путешествие по Малой Азии, от Константинополя до Мосула.

Большую активность проявляла в то время английская консульская служба. Так, Брант, выйдя из Эрзерума, объехал область к западу от озера Ван, Саттер исследовал большую область между Эрзерумом, Сивасом, Самсуном и Трабзоном, а Поллингтон проехал от Эрзерума через Муш до Алеппо.

В 1841 г. Г. Киперт впервые приехал в Малую Азию и принялся собирать материал для своей монументальной карты. Он использовал для нее сведения, полученные более ранними путешественниками, а также немцами Мольтке и Фишером. Впервые карта была опубликована в 1843—1846 гг., но от времени до времени в нее вносились исправления, и с этой целью до 1892 г. Киперт совершил четыре путешествия по Малой Азии. В 1899 г., когда Киперт умер, карта все еще не была готова, но его сын завершил эту работу в первом десятилетии нынешнего века.

В этой стране продолжали совершаться относительно небольшие по масштабу, но крупные по значению путешествия, в которых приняли особенно большое участие археологи. Из наиболее известных путешествий первого периода деятельности Киперта назовем экспедицию Феллоуса в Ликию[2] (1838—1843 гг.), Барта—

[1] Галис—древнее название крупнейшей реки Малой Азии, ее нынешнее турецкое название—Кызыл-Ирмак (Красная река).—*Прим. ред.*

[2] Ликия—древнее название приморской горной области на юго-западе Малой Азии, между заливами Анталья и Фетхие.—*Прим. ред.*

по юго-западной (1847 г.) и центральной Малой Азии (1858 г.), а также Вильсона, Дэвиса и Брайса. В конце XIX в. выделяются имена Рамзая, Хогарта и Мунро, интересовавшихся прежде всего археологией.

С исследованиями Малой Азии, проделанными Кипертом, могут поспорить лишь исследования русского путешественника П. Чихачева; он начал свои путешествия в 1842—1844 гг., будучи атташе русского посольства в Константинополе, возобновил их в 1848—1853 гг., когда он в ходе шести путешествий объездил всю страну, и в третий раз вернулся в Малую Азию и Армению в 1853 г.[1] Его работа представляет собой особенный интерес для геологов и ботаников. В Армении старые исследования Абиха[2] были дополнены трудами многих других исследователей, включая Линча, совершившего здесь два путешествия—в 1893 и 1898 гг.

В текущем столетии А. Филиппсон, посвятивший много труда изучению Средиземноморья, посетил в 1900—1904 гг. Малую Азию и дал очень многое для познания ее западной части. Однако даже и в наши дни поражаешься, насколько недостаточно известны отдельные ее области. Хотя путешественники объездили Малую Азию по всем направлениям, объем работы по настоящему научному исследованию и съемке ее относительно очень мал.

На протяжении истории Сирию и Палестину посетило множество путешественников, но до второй половины XIX в. точных сведений по географии этих стран было очень мало. Это объясняется, вероятно, тем, что отдельные точки обладали такой притягательной силой, что все путешественники, в общем, только их и посещали.

Исследования XIX в. начинаются с путешествий Зетцена (Seetzen) 1805 г. и Буркхардта в 1812 г.; оба путешествия были подготовкой к работе в Аравии. Зетцен собрал много нового материала, и путешествия его вызвали значительный интерес; но усложнение политической обстановки вскоре после опубликования им своей книги затруднило дальнейшие исследования. Полностью, однакоже, они не прекратились, и в 1837 г. немецкие исследователи Шуберт и Рот сумели произвести ценные барометрические наблюдения на Мертвом море.

Однако поворотный момент в исследовании Сирии и Палестины наступил в 1838 г. с путешествием Э. Робинсона. Получив назначение на пост профессора библейской литературы в одной из протестантских духовных академий в Нью-Йорке, Робинсон решил, что, для того чтобы как следует вести курс, ему нужно

---

[1] Классический труд *П. Чихачева* был опубликован в 8 томах в Париже на французском языке под названием «Asie Mineure, description phisique, statistique et archéologique», 1853—1869.—*Прим. ред.*

[2] *Г. Абих*, «Геология Армянского нагорья. Западная часть». Записки Кавк. Отд. ИРГО, XXI, 1899; Восточная часть, XXIII, 1902.—*Прим. ред.*

самому съездить в Палестину. Спутником его был проживший многие годы в Сирии д-р Э. Смит, давший ему большое количество ценных сведений. Результат путешествия Робинсона можно найти в его труде «Библейские изыскания в Палестине» (1841 г.), за который он получил медаль лондонского географического общества. В 1852 г. Робинсон вновь вернулся в Палестину и опять дал многое для ее географии.

Вслед за первым путешествием Робинсона немедленно же последовал целый ряд меньших, не связанных с его работой экспедиций. Так, в 1841 г. Саймондс произвел триангуляцию местности от Яффы до Иерусалима и Черного моря. В 1847 г. была произведена съемка реки Иордана от Галилейского озера до Мертвого моря, а в 1848 г. было заснято и последнее. В 1851—1852 гг. и в 1861—1862 гг. обширные путешествия совершил лейтенант Ван-де-Вельде, в результате которых он составил гораздо лучшую карту Палестины, чем известные до того. Некоторые другие исследователи, менее ученого профиля или квалификации, наподобие Тэблера, Герена, Стэнли и Грова, поддерживали интерес общества к Палестине и кое-что дали для ее географии, тогда как в Сирии железнодорожные изыскания от устья Оронта до Алеппо и исследования Ветцштейна в районе Дамаска (1858 г.) дали науке более точные данные для картографирования этих территорий.

Настоящая съемка Палестины началась с отправки в 1864 г. отряда английских инженерных войск в Иерусалим для изготовления карты города и окружающей местности в связи с проектом постройки водопровода. Это небольшое предприятие увенчалось полным успехом и повело к образованию «фонда по исследованию Палестины с целью изучения ее археологии, географии, геологии и естественной истории». После этого научное исследование Палестины пошло с невиданной до того энергией и систематичностью. Здесь достаточно упомянуть лишь наиболее важные географические результаты этой работы. Первые два года ушли на разведку территории между Дамаском и Иерусалимом, в результате которой «были произведены точные наблюдения времени и широты в сорока девяти пунктах. Между Бейрутом и Хевроном была проведена азимутальная линия от Баньяса до Иерусалима. На основе этой съемки был изготовлен ряд карт в масштабе одной мили в дюйме, на которых был отображен с севера на юг становой хребет Палестины, включая Галилейское [Тивериадское] озеро и стекающие к его западному берегу реки».

В 1869 г. была послана экспедиция в Ливан, а в течение двух последующих лет была исследована местность к западу от Мертвого моря. Геодезическая съемка западной Палестины продолжалась с 1811 по 1875 г., затем, после короткого перерыва, она

была возобновлена и в 1877 г. закончена. Еще через четыре года, под руководством того же капитана Ч. Р. Кондера, который руководил большой частью работ на предшествовавшем этапе, началась съемка восточной Палестины. Эта работа продолжалась до 1882 г., когда турки запретили вести ее дальше.

Профессор Халл и Г. Г. Китченер (будучи в чине капитана) засняли в 1883—1884 гг. долину Арабах к югу от Мертвого моря, а в два последующих года была исследована местность к востоку от Иордана. После этого большинство экспедиций посвятило себя главным образом археологии страны. Так обстояло дело до 1913 г., когда была предпринята геодезическая съемка южной Палестины.

В Сирии было сделано меньше, но и здесь следует упомянуть о работе Дж. Э. Поста и Уэста, поскольку они распространили съемку Палестины на горные кряжи Ливан и Анти-Ливан и дали много материала по флоре района. Геологические изыскания Бланкенхорна (1893—1914 гг.) также явились ценным вкладом в изучение Сирии и окружающих стран.

Огромные археологические сокровища, которыми так богата Западная Азия, всегда привлекали исследователей. В особенности это относится к Месопотамии, где за XIX в., если не считать археологических экспедиций, чисто географической работы было сделано мало. По ее восточной границе, где накануне мировой войны 1914—1918 гг. инженеры-геодезисты были заняты съемкой турецко-иранской границы[1], несколько исследователей, работавших главным образом на территории Ирана, способствовали нанесению некоторых важных деталей на карту, к чему мы еще вернемся в другом месте. Объем же точной географической работы в самой низменности Тигра и Евфрата очень мал.

Первое крупное исследование в XIX в. произвела экспедиция Ч. Дж. Рича, проехавшего через Алеппо и Басру в Индию и вскоре после этого вернувшегося в Багдад в качестве представителя Ост-Индской компании. За свое почти 14-летнее проживание в стране Ричу удалось осмотреть и описать развалины Вавилона и Ниневии, собрать большое количество общих топографических сведений и произвести съемку короткого отрезка реки Евфрата выше Хита. Часть материалов Рича была использована Реннелом в его «Топографии древнего Вавилона», а его съемки вошли в труды Евфратской экспедиции 1835—1837 гг.

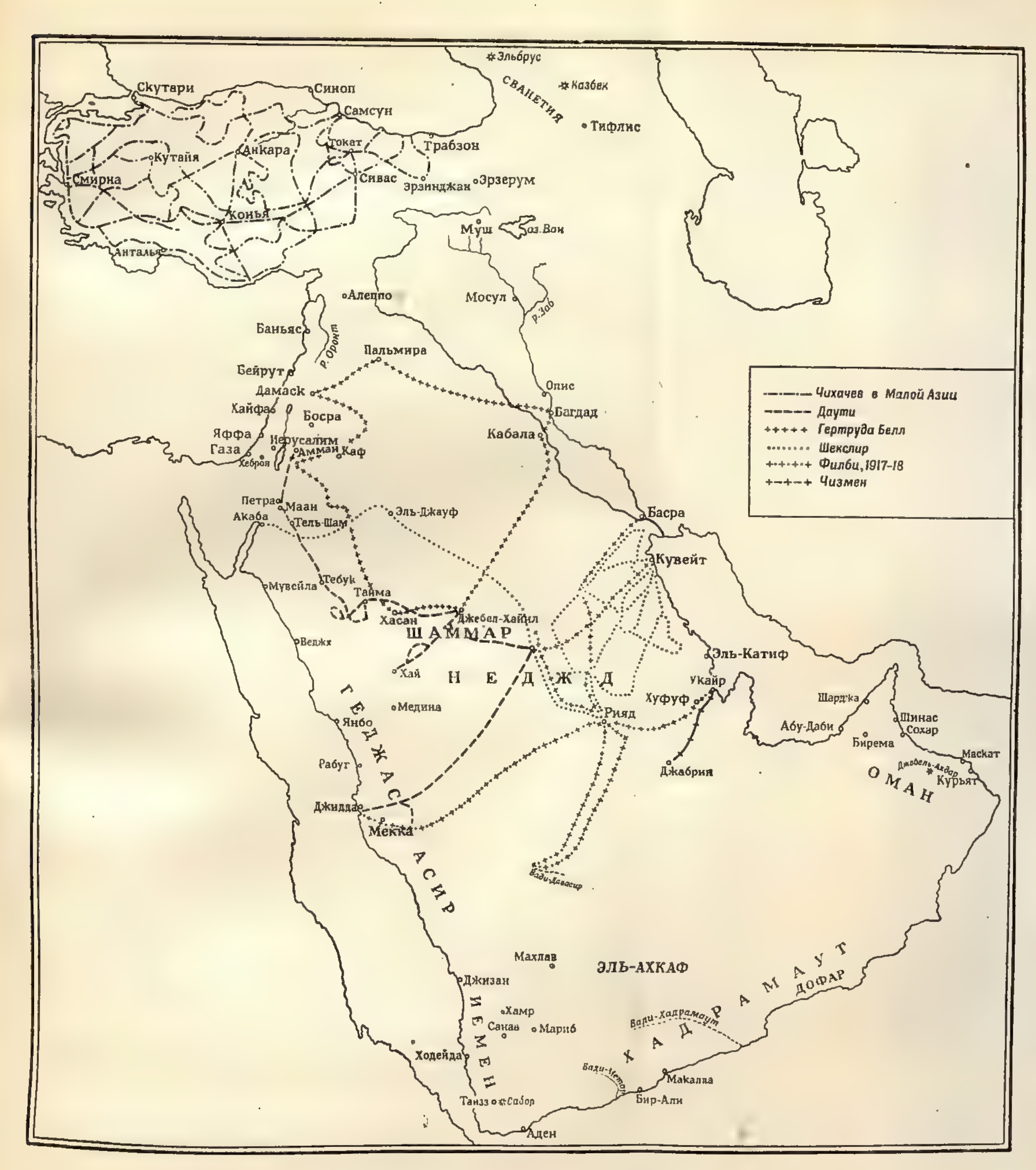
Кое-какие детали дал Бакингем (1816 г.), но следующий большой шаг вперед был сделан лишь Евфратской экспедицией. Цели ее были политическими и торговыми, а задачей—открытие железнодорожного или пароходного сообщения с Дальним Востоком. Для этого необходимо было произвести съемку северной

[1] Комиссия заканчивала работу, начатую еще в 1848 г.—*Прим. автора.*

Сирии и рек Тигра и Евфрата, что и было сделано партией из пятнадцати офицеров под начальством полковника Ф. Р. Чесни. Они перевезли в разобранном виде два железных парохода от сирийского побережья до Евфрата, произвели разведку северной Сирии и в марте 1836 г. начали плавание вниз по Евфрату. Одно судно погибло во время бури, другое же благополучно закончило съемку Евфрата и поднялось по Тигру до находящихся ниже Самарры порогов. Авария с последним пароходом и политические осложнения положили конец работе. Практическим результатом работы экспедиции являются опубликованные в 1849 г. 12 карт, оставшиеся авторитетными для значительной части обследованных районов. Помимо карт, следует еще упомянуть ценные работы описательного и археологического характера, принадлежащие перу начальника экспедиции и геолога У. Ф. Эйнсуэрта.

Почти сразу же за этой экспедицией последовали ценные изыскания Г. Раулинсона. В 1827 г. он отправился в Бомбей, а через семь лет оказался в Иране, по которому совершил много путешествий. В 1838 г. он вернулся через Месопотамию в Индию, а оттуда проехал в Афганистан. В 1843 г. он был назначен английским политическим представителем в Багдаде, где и пробыл до 1855 г. Он стал крупнейшим авторитетом по всем связанным с Ближним Востоком вопросам географии, политики и истории и стал «наиболее внушительной и наиболее известной фигурой среди англичан-востоковедов».

В годы службы Роулинсона в Месопотамии французские экспедиции под начальством Ботта и других произвели ценные археологические изыскания в Мосуле и в окружающем его районе. Их продолжателем был англичанин О. Г. Лейярд (1847—1851 гг.). Здесь же Дж. Ф. Джонс собрал свой материал для карты местности между Тигром и верхним Забом (1852 г.). Примерно такая же карта была составлена по настоянию Роулинсона для местности вокруг Вавилона, гораздо южнее, но проект создания полной карты южной Месопотамии так осуществления и не получил. Работы эти прекратились в 1866 г., а в 1871 г. были опубликованы их результаты под названием «Тригонометрическая съемка части Месопотамии между $33^1/_2$ и 32° с. ш.». Коекакие новые детали попали на карты в результате последующих археологических изысканий, и было также проделано несколько важных путешествий. К числу их следует отнести совершенное в 1893 г. путешествие Оппенгейма. Он начал с того, что проехал совершенно новым путем от Дамаска до Багдада, через самую середину пустыни Харра, а после этого пересек местность, отделяющую Евфрат от верхнего Тигра. Результаты путешествия Оппенгейма нашли свое отражение в хорошей карте, составленной Р. Киппертом, отец которого сделал так много для



28. Юго-Западная Азия после 1800 г.

исследования Азии. Это была первая попытка сочетать весь наличный к тому времени материал по картографии Сирии и Месопотамии.

Другая ценная карта, меньшая по охваченной территории, но более подробная, была составлена в 1909—1911 гг. Вильямом Уилкоксом и его сотрудниками в ходе гидротехнического обследования Тигра и Евфрата, в связи с проектом оросительных работ. Эта карта охватывает территорию радиусом всего лишь около 100 *км* на север, запад и юг от Багдада.

Таким образом, к моменту возникновения мировой войны 1914—1918 гг. точного материала собралось немного, но в этот момент в это дело включилось индийское геодезическое управление, которое—как за время войны, так и за последовавшие за ней годы—успело охватить большую территорию. Месопотамия была охвачена триангуляционной сетью, привязанной к аналогичным сетям Египта и Палестины на западе и России на севере, тогда как в самой Месопотамии съемка зашла за Мосул. Работы эти были сопряжены с трудностями, а нередко и с опасностями, но произведены были успешно в соответствии с лучшими традициями такого знаменитого учреждения, как индийское геодезическое управление.

Между Месопотамией на востоке и Палестиной на западе лежит безлюдная пустыня, заходящая далеко на юг в пределы Аравийского полуострова. Здесь, в противоположность рассматривавшимся нами до сих пор странам Западной Азии, еще сохранились обширные районы, куда не ступала нога европейца. Между сухостью и бесплодностью этого района и отсутствием европейских исследователей существует прямая связь. Однакоже одной географией всего объяснить нельзя, так как в данном случае негостеприимность естественной среды усугублена религиозным и политическим фанатизмом.

Научное изучение Аравии[1] началось в последние годы XVIII в. с путешествия Нибура и продолжается до наших дней. Его удобно подразделить на три периода. Первый из них заканчивается выходом в свет карты Риттера в 1852 г.; к этому времени были достигнуты большие успехи в области исследования территории Аравии к югу от 25° с. ш. Второй период ознаменовывается опубликованием в 1904 г. книги Хогарта «Проникновение в Аравию». Мы останавливаемся на этой дате только из соображений удобства, так как с того времени не вышло никакой другой обобщающей работы по истории исследования страны.

Первым крупным путешественником XIX в., посетившим Аравию, был испанец Доминго Бадья-и-Леблич. В 1803 г. он

---

[1] Образцовым трудом, использованным при составлении этого раздела, является книга Хогарта «Проникновение в Аравию» (*D. G. Hogarth*, The Penetration of Arabia, 1904).—*Прим. автора.*

покинул Кадис и ухитрился добраться до Мекки. Путем астрономических наблюдений он определил географическое положение Мекки, описал дорогу от побережья до Мекки и Медины и «может претендовать на приоритет в области наблюдений по геологии, ботанике и метеорологии Геджаса» (Х о г а р т). В 1809 г. за ним последовал ботаник Зетцен, также пробравшийся в Мекку и посетивший Санаа и Аден. Он повернул было обратно в глубь Аравии, чтобы пройти до восточного побережья, но далеко не продвинулся, так как был вскоре убит.

Усиливающиеся притеснения христиан в Палестине повлекли в 1811 г. Оттоманскую экспедицию в Аравию. Некоторые из сопровождавших экспедицию европейцев дали кое-что для общего изучения Аравии. Выдающееся значение имела работа Дж. Л. Буркхардта, который до своей высадки в Джедде в 1814 г. много путешествовал по Сирии и Нубии и открыл руины Петры. Через некоторое время он добрался до Мекки, а оттуда исследовал лежащую к северу от нее территорию. Он оставил в высшей степени ценное описание священного мусульманского города Мекки, ее паломников, их обрядов и торговли и собрал также большой материал о западной части Центральной Аравии. На обратном пути в Англию Буркхардт умер, оставив после себя драгоценный материал. Опубликование его «Дневника» «удовлетворило существовавшее в то время у всех, занимавшихся религией, политикой, этнографией и местной историей, любопытство относительно мусульманских религиозных центров Мекки и Медины и их окрестностей, так же как у географов, картографов, экономистов и купцов» (Х о г а р т).

В Неджде, лежащем к востоку от этого небольшого, изученного Буркхардтом района, побывали всего лишь по нескольку дней в 1799 г. Рейно, добравшийся до него со стороны Персидского залива, а в 1818 г.—Рохвуский, но первые солидные сведения о Неджде были получены от англичанина капитана Дж. Ф. Садлиера. Он был послан правительством Индии для сотрудничества с Египетской экспедицией; однакоже, высадившись в июне 1819 г. в Эль-Катифе (в Персидском заливе), он обнаружил, что египтяне уже ушли. Желая догнать их, он пересек страну до Медины и вышел к берегу Красного моря у Янбо. Отсюда он направился в Джедду, где был задержан на четыре месяца, пока, наконец, не получил возможности возобновить обратный путь в Индию. Садлиер был первым европейцем, которому удалось пересечь Аравию с востока на запад, и если даже, как говорят, его просто перевезли через Аравию, как тюк с товаром, он все же сумел дать описание местностей, до того совершенно незнакомых европейцам, а та ориентировочная карта, которая была составлена по его наблюдениям, более чем компенсирует провал данного ему политического задания.

Египетская экспедиция в область Асир, лежащую к югу от Мекки, началась в 1832 г. и длилась ряд лет; она косвенно способствовала, так же как и две упомянутые нами ранее экспедиции, географическому изучению этого района. Египетскую армию сопровождало полдюжины европейцев, из них пятеро французов. Поскольку никакой другой исследователь не посетил в XIX в. этого района, их планы и донесения представляют значительную ценность.

Еще южнее, в Иемене, вслед за египтянами, прибывшими в 1826 г., в страну последовали европейские исследователи. Некоторые из них застряли в прибрежных городах, кое-кто проник в Санаа, а французскому ботанику П. Э. Ботта удалось подняться на вершину горы Сабор. Результаты более продолжительного путешествия другого француза, Л. Арно, от Санаа до Мариба (1843 г.), оказались весьма ценными для археологии, но дали мало географии.

Первым научным исследователем Омана, расположенного в юго-восточном углу Аравии, является лейтенант Джемс Уэлстед, уже до того работавший в аравийских водах на военно-гидрографическом судне «Палинурус». Частично ему помогал другой англичанин, лейтенант Уайтлок. Хотя ни тот, ни другой очень далеко на заходили, Уэлстеду удалось собрать некоторый полезный материал о плодородных районах Омана и поглядеть на окраину пустыни, о переходе через которую он мечтал. Он убедился, что на юго-запад «так далеко, покуда хватал глаз, простирались огромные, покрытые зыбучими песками равнины, в которые еле отваживались проникнуть даже выносливые бедуины». Политические неурядицы на севере исключили всякую надежду проехать в Неджд, так что в 1836 г. Уэлстеду после короткого, но небесполезного проживания в Омане не оставалось ничего другого, как вернуться в Индию.

Ту пустыню, которая отпугнула Уэлстеда, удалось преодолеть в 1843 г. баварцу Вреде. Он проник в Хадрамаут со стороны южного побережья и добрался до зыбучих песков Эль-Акаф. Его сообщение поставлено под сомнение, но вряд ли на это были основания,— собственно говоря, даже нет никаких оснований сомневаться в подлинности его открытий.

До этого момента Северная Аравия оставалась как бы в загоне. Если не считать путешествия по ней в 1808 г. одного из слуг Зетцена, довольно поверхностного обследования прибрежных земель Мидиана Рюппелем в 1826 г. и посещения прилегающих вод гидрографическим судном «Палинурус» в 1831 г., почти никто из европейцев сюда не заходил. Именно поэтому так важны путешествия одного из талантливейших исследователей Аравии Г. А. Валлина (Wallin), посетившего страну дважды—в 1845 и 1848 гг. Валлин был на египетской службе, и миссия его была

политической. Хотя он не имел с собой инструментов, он сумел дать очень многое для географической науки. Хогарт характеризует его «как исследователя-ученого лучшего современного типа, вполне квалифицированного и твердо решившего не оставить недоделанным ничего для своего преемника». В ходе своего первого путешествия он прошел от Каира до южного конца Мертвого моря и оттуда совершил переход через пустыню до Хаила, главного поселения Джебель-Шаммара. Вернулся он через Мекку и Медину. В 1848 г. он вновь приехал в Аравию и от берега Мидиана пересек страну через Тейму и Хайл до Мешед-Али вблизи Евфрата, откуда проследовал в Багдад.

«Валлин был последним из пионеров, занимавшихся открытием новых областей Аравии вслед за Нибуром. Он сломил последний барьер, изолировавший от мира неисследованный район первостепенного значения. После Валлина каждый европейский путешественник, совершавший более или менее значительное путешествие по внутренней части полуострова, неизбежно натыкался на следы или пересекал маршрут кого-либо из своих предшественников» (Хогарт).

Именно достижения этих ранних исследователей Риттер и отобразил на своей опубликованной в 1852 г. карте, которая сама по себе сделала эпоху в области изучения Аравии.

После этого наступил второй период исследования. Кое-какие новые данные о северной части западного побережья дало путешествие, совершенное в 1877 г. Р. Ф. Бертоном. Хотя ему и не удалось найти золотых россыпей, которые он думал найти в Мидиане, он пролил новый свет на географию местностей, частично посещенных Рюппелем и Валлином, исследовал западную окраину полуострова к северу от Муэлэ, а к югу от него поднялся по краю плато и получил кое-какое представление о его внутренней части. Южнее в 1854 г. Бертон совершил паломничество в Мекку и Медину, давшее мало нового материала. Он смог лишь подтвердить наблюдения своих предшественников и прибавить к ним кое-какие собственные. Посетивший Медину в 1878 г. Кин, так же как и Бертон, отметил непрерывный рост города, а выдающемуся голландскому ученому И. С. Хюргронье в 1885 г. удалось провести в Мекке пять месяцев и собрать ценнейший материал о ее жителях.

Большие исследования были проделаны во второй половине XIX в. на юго-западе, в особенности после турецкого завоевания 1872 г. Бо̀льшая часть путешественников выступала в путь из Адена, сделавшегося в 1839 г. британским владением. Исследователи направлялись в глубь Аравии, в города Таиз и Санаа, самыми различными путями. Американский миссионер Цвемер проследовал в 1894 г. в Таиз; Манцони (1877), Дефлерс (1887)

и Харрис (1892 г.) — все посетили г. Санаа, а Манцони довольно долго прожил там. В восточном направлении Миллинген (1873 г.), Дефлерс (1887 г.) и Дж. Буркхардт (1890) проникли на обнаженное плато, а немецкий археолог Э. Глазер в 1894 г. добрался до оазиса Хамр к северу от Санаа и вернулся с ценными географическими сведениями относительно Йеменского нагорья. Еще более крупное путешествие предпринял в 1869—1870 гг. Галеви (Франция). Он выступил из Адена и, пройдя по краю лежавшей к востоку пустыни, добрался до отдаленного Маклафа в Недж-ране. Его интересы лежали главным образом в области археологии, но он сумел дать также и общее географическое описание многих, до него никем не посещенных мест. Хорошим дополнением к его работе явилось второе путешествие Глазера, предпринятое им в 1889 г. На этот раз он достиг Мариба, привез с собой много копий надписей и материал для карты.

Сравнительно мало было сделано в этот период на южном побережье, и рельеф его до сих пор недостаточно известен. Помимо съемки побережья, были проведены три экспедиции во внутренние районы. В 1870 г. капитан С. Б. Майлс и В. М. Мунцингер двинулись из Бир-Али в глубь страны и достигли Вади-Мефат, но, поскольку Майлс занимал в Адене официальный пост, дальше двинуться они не могли. Более чем двадцать лет спустя, в 1893 г., археолог Л. Хирш, выступив в путь из Моккаллы, добрался до большого Вади-Хадрамаут и исследовал на значительном протяжении его верхнюю часть. В следующем году экспедиция Т. Бента, в состав которой входил египетский топограф, составила карту этого района. Хотя обе последние экспедиции и прошли по неизвестной до того стране, географии ее они дали сравнительно мало нового, поскольку основные черты рельефа ее уже были выяснены голландским ученым Ван-ден-Бергом на основании опроса выселившихся на Яву арабов.

Путешествия капитана Майлса по Оману охватили новые местности, соседние с теми, которые уже прошли Уэлстед и Уайтлок. Он посетил местность к юго-востоку от Джебель-Ахдар и, сделав петлю, вышел к берегу у Курьята. На северо-западе он достиг Бирема и собрал кое-какие общие сведения о местности на западе. Майлс побывал в этих краях в ноябре 1875 г., и более никто в них не был до 1901 г., когда миссионер Цвемер проник сюда со стороны Персидского залива. Всего Цвемер совершил по северному выступу Омана в 1900—1901 гг. три путешествия, пройдя от Абу-Даби до Сохара и посетив Шарджу и Шинас на его двух противоположных берегах. Отсюда же майор Перси Кокс совершил в мае 1902 г. поездку в Маскат, связав его, таким образом, с местностями, уже исследованными Майлсом.

Еще выше по побережью полуострова расположена страна Хаса, по которой в 1819 г. совершил свое знаменитое путеше-

ствие Садлиер. Возможно, что в 1862 г. в ней побывал Палгрейв, хотя более поздний путешественник—Филби—ставит это под сомнение. Во всяком случае, ее исследовал полковник Л. Пелли, проехавший в 1865 г. от Кувейта на Эр-Рияд. Посетив на обратном пути Хофуф, он вышел к побережью у Оджейра. Между этими пунктами Пелли проехал очень быстро, и, хотя у него был с собой географический инструментарий, ему почти не удалось им воспользоваться. Однакоже кое-что к известиям Садлиера и Палгрейва он прибавил.

Путешествие В. Г. Палгрейва (1862 г.) замечательно в ряде отношений. Как и Валлин, он проник в Центральную Аравию с севера и также имел политическое задание. Однако, в противоположность Валлину, он собрал мало географического материала, так как, по его собственному признанию, его интересы лежали в другой сфере и он не имел возможности вести путевого журнала. Если все, что он рассказывает, верно, то он проехал от Хасы до Хаила, а оттуда через всю Центральную Аравию до Эль-Катифа на Персидском заливе. Хотя его описания и имеют иногда некоторую ценность, много упоминаемых им мест теперь уже описаны путешественниками более квалифицированными, чем Палгрейв, так что долее задерживаться нам на его работе не имеет смысла[1].

В феврале 1864 г. в Тейнму с северо-запада прибыл итальянец К. Гуармани с целью закупки лошадей для французского и савойского дворов. Он задержался в Аравии и совершил самые важные из всех известных путешествий по Центральной Аравии. Он был первым, посетившим «древний и знаменитый оазис Хайбар, в котором такой большой процент негритянского населения, что он кажется частью Судана» (Х о г а р т), и совершил поездку в Джебель-Шаммар, давшую ценнейшие результаты . «От него первого мы узнали о большом протяжении на запад и юго-запад питающих Шаммар оазисов и колодцев», а его компасные и другие наблюдения настолько многочисленны, «что он вправе претендовать на честь быть тем, кто не только впервые обеспечил возможность научного картографирования Центральной Аравии, но и дал картографам больше материала, чем кто-либо из его преемников, кроме Юбера», до самого последнего времени.

Следующий исследователь, Шарль Юбер, также добрался в Центральную Аравию с севера (1878 г.). Из Дамаска он проследовал через Босра, Каф и Эль-Джауф до Джебель-Шаммара. Через несколько месяцев за ним последовали супруги Блент, Вильям и Анна, целью которых было просто повидать арабов центрального района. Они также прибыли в Джебель-Шаммар с севера

[1] Книга его переведена была на русский язык: *Пальгрэв*, «Путешествие по средней и восточной Аравии», СПБ, 1875.—*Прим. ред.*

и оставили весьма ценное описание своего путешествия. В 1883 г. Юбер вновь проехал в Хаил. На этот раз его сопровождал И. Эйтинг, намеревавшийся произвести кое-какие археологические раскопки. Начали они путешествие от Джидды на западном побережье, и оборвалось оно в 1884 г. с убийством Юбера. Девять лет спустя последний исследователь этого второго периода Э. Нольде проехал в Хаил опять-таки с севера, но, так как он взял более восточное направление, чем его предшественники, ему удалось подметить кое-что новое. Однако, поскольку он не ставил себе географических целей и записи его имеют главным образом политический характер, его поездка дала мало нового.

Нам остается еще рассмотреть путешествия Ч. М. Даути, автора классической в литературе о путешествиях книги «Пустынная Аравия» (Arabia Deserta) и, быть может, также и крупнейшего исследователя Аравии. Май и июнь 1875 г. Даути провел к востоку от реки Иордана в тщетных поисках возможности пробраться дальше. Лишь в ноябре 1876 г. ему удалось добраться до Аравии, где он и прожил до августа 1878 г. Пройдя через Тебук и Мадайн-Сали, он посетил Тейму и достиг Хаила. Оттуда он направился на запад к Хайбару и далее на восток— к Берейде, откуда повернул на юго-запад и пересек всю Аравию до Джедды. «Никто так близко не ознакомился с аравийской землей и арабским народом, как Даути, и никто не описал их так тонко, искренно и верно» (Хогарт). Всякий прочитавший труд Даути, написанный несколько замысловатым языком, не сможет не согласиться с оценкой Хогарта. Даути описывает жизнь кочевников и точно и живописно. Он наблюдает, как туземцы убирают свои шатры, упаковывают вьюки и передвигаются к другому пастбищному угодью. Вот его описание:

«По истечении трех дней Аараб перекочевал на двенадцать миль на юго-запад и разбил лагерь у Хусшеркиша. Было 22 февраля, и мы обнаружили здесь рабию—свежую цветущую траву... Рабия—это ежегодное восстановление сил, более того—это сама жизнь для скота кочевников. Каким наслаждением для привыкшего к пустыне глаза был этот бедный волшебный цветущий сад! Когда бедуины увидели, что я задумался, пораженный этими дивными живыми драгоценными камнями, они сочли это за детскую повадку чужестранца. Когда я спрашивал, как зовутся эти растения, они односложно отвечали мне: «Все они зовутся эль-усшб—«весенние листья»,—и они очень полезны нашему мелкому скоту и верблюдам».

На страницах книги Даути можно встретить описания оседлой жизни в оазисах, характера местности, отдельные замечания о маловажных на вид вещах, как, например, форма дюны

или происхождение пояса глины, так же как множество бытовых подробностей. Хотя позднейшие путешественники и добавили много подробностей более научного характера, никто не дал лучшей картины Аравии, чем Даути.

Кое-какая важная работа была проделана в Аравии в XX в. Накануне мировой войны 1914—1918 гг. в Геджасе оставались нерешенными две проблемы: слишком мало было известно о водоразделе между реками, стекающими к Красному морю и к востоку, и неизвестна была даже географическая долгота таких важнейших точек, как станции и конечный пункт Геджасской железной дороги[1]. Материал, собранный полковником Лоуренсом и несколькими военными экспедициями, дал кое-что для разрешения этих вопросов, и были определены географические координаты нескольких станций железной дороги. Кроме того «довольно основательно были изучены два массива на Геджасском склоне. Один из них имеет продолговатую форму. Обращенное к морю основание его простирается от Рабу до Ведж и по направлению к внутренней части страны между двумя линиями, одна из которых проходит от Рабу до точки в 35 милях к северу от Медины, а другая—от Ведж до Дизад, где принимает несколько конусообразную форму. Второй массив меньше по размеру и представляет собой треугольник с вершиной в Акабе и базой, длиной в 50 миль вдоль железной дороги от Маана до Тель-Шама» (Хогарт, «Война и открытия в Аравии»)[2].

В ходе своего путешествия в Мекку в 1925 г. Э. Руттер двинулся по совершенно новой дороге вдоль прибрежной равнины, но злополучная потеря компаса и анероида лишила его возможности производить научные наблюдения.

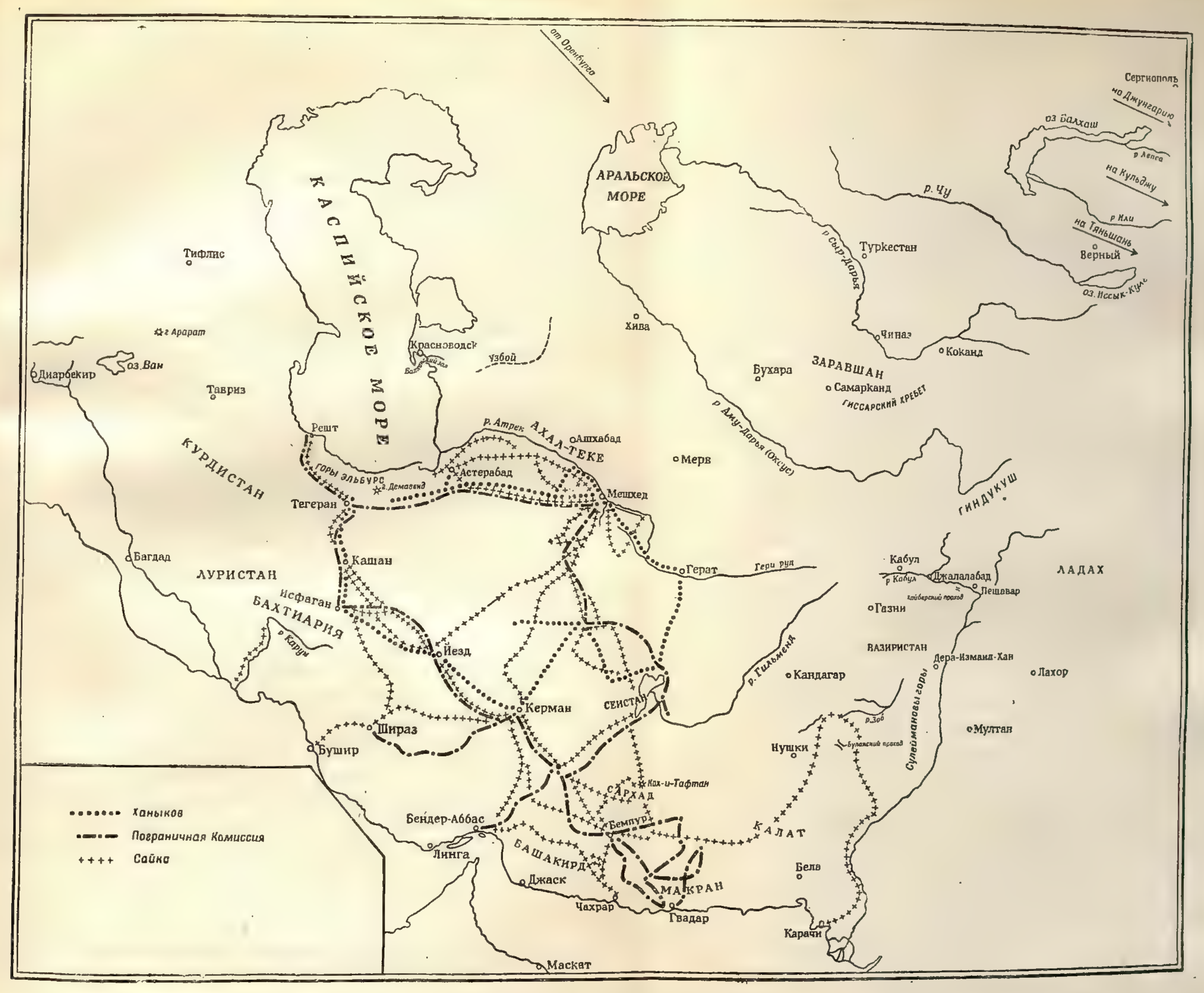
В 1918 г. английские офицеры собрали в Асире кое-какие общие сведения о нем, а в самое недавнее время мелкий новый материал к ним добавила проехавшая Асир Розита Форбс.

Что касается Йемена, то в 1909 г. французский инженер путей сообщения Бенейтон произвел к востоку от Джизана съемку местности, понадобившуюся в связи с проектом постройки железнодорожной линии от Ходейды до Санаа. В 1912 г. оба эти пункта посетил Бери. Годом раньше в Санаа побывал Уэйвелл. Об этой местности, как и об Асире, значительный материал был собран за годы мировой войны (1914—1918 гг.).

---

[1] Эта стратегическая ж. д. была проложена во время первой мировой войны турками параллельно берегу Красного моря от Маана (Трансиордания) до Медины. После войны была разобрана.—*Прим. ред.*

[2] Эта ценная статья, помещенная в «Географическом журнале» («Geographical Journal», v. LV, pp. 432—433), посвящена главным образом Западной Аравии, но касается также Центральной и Южной Аравии.—*Прим. автора.*



29. Иран и Афганистан после 1800 г.

поручением в Эр-Рияд, он пересек всю Аравию от Оджейра до

На юго-востоке Аравии зимой 1925/26 г. работал Лис, давший новый географический и геологический материал о прибрежных округах вплоть до провинции Дофар. Однакоже наиболее радикальные перемены претерпела за рассматриваемый период карта северной и центральной Аравии. Уже в 1909 г. на севере работало два исследователя—А. Мюзил и Батлер. Первый из них совершил в 1908—1915 гг. ряд поездок в район между Басрой, заливом Акаба и Алеппо. Частью эта местность была совсем неизвестной, частью никем не виданной со дней Бертона, но теперь все ее тайны были постепенно раскрыты исследователями. Второй путешественник, капитан Батлер, в сопровождении другого офицера проехал в 1908 г. из Багдада в Дамаск через Эль-Джауф, до которого никто с восточной стороны ранее не доезжал.

Вскоре после этого Д. Каррутерс в ходе путешествия от Мединской железной дороги вблизи северного конца Мертвого моря прошел к западу от Эль-Джауфа к Тейме (1909 г.). Гертруда Белл во время своей замечательной экспедиции 1913—1914 гг. почти достигла Теймы. Белл пересекла территорию к востоку от железнодорожной линии от Дамаска до Хасана (вблизи Теймы), откуда повернула на восток к Хайлу. Ее обратный путь лежал в северо-восточном направлении к реке Евфрат, откуда через Багдад и Пальмиру она вернулась в Дамаск. Она проехала около 2400 *км*, и ее путешествие дало много географических и бытовых деталей для познания страны.

В то время как Каррутерс и Белл путешествовали по северу, капитан В. Шекспир изучал хинтерланд Кувейта, куда в 1909 г. он был назначен политическим агентом. Несколько предварительных путешествий помогли ему установить хорошие отношения с туземными племенами внутренних районов и позволили ему совершить его главное предприятие, а именно путешествие через всю Аравию, от Кувейта до Египта. Это ему очень хорошо удалось, и он, в общем, прошел 1900 *км* по дотоле не известной местности. Он вел тщательный дневник путешествия, и, так как ему пришлось не раз пересекать маршруты множества других исследователей, его работа сыграла свою роль в корректировке их очень часто более грубых наблюдений.

Ту территорию, по которой до мировой войны 1914—1918 гг. прошел Шекспир, в те же годы посетило еще два исследователя. В 1910 г. полковник Дж. Э. Личмен исследовал большую область к востоку от Басры, а в 1912 г. совершил путешествие на юг к Оджейру на побережье Персидского залива, тогда как датчанин Раункьер прошел сушей от Оджейра до Кувейта.

Ко всему этому необходимо присовокупить замечательные путешествия Г. Филби. В 1917 г., будучи послан с политическим поручением в Эр-Рияд, он пересек всю Аравию от Оджейра до

Джедды. Поскольку он не выполнил возложенного на него задания, он вернулся обратно в Басру, опять достиг Эр-Рияда и там добился разрешения на короткую поездку на юг до Вади-Давасир. Это путешествие имело первостепенное значение, поскольку Филби был первым христианином, проникшим так далеко на юг Неджда. Он собрал достаточно ценный материал, чтобы, во-первых, рассеять неосновательные слухи о существовании там какого-то густонаселенного района и, во-вторых, установить известное на сегодняшний день фактическое положение вещей.

В 1920—1922 гг. Филби в сопровождении майора А. Л. Холта совершил второе путешествие, отправившись из Аммана, что на Мединской железной дороге, через Эль-Джауф до Карбалы вблизи Евфрата. Это путешествие, предпринятое в связи с ранее проведенной майором Холтом большой топографической работой по изысканию трассы железной дороги между Багдадом и Хайфой, намного уточнило географию Северной Аравии.

Последнее путешествие по пустыне было совершено майором Р. Э. Чизменом, добравшимся в 1923—1924 гг. до никем еще из европейцев не виданного оазиса Джабрина на окраине обширной южной пустыни. В ходе этого исследования территории к югу от Хофуфа он прошел 240 *км* по совершенно неизвестной местности, а поскольку он все время делал точные наблюдения, он сумел определить географическое положение оазиса Джабрин. За ним лежит пустыня, которую за последние годы пересекли две экспедиции. В 1931 г. Бертрам Томас прошел от Дхофара на южном берегу Аравии до Дохака на Персидском заливе, а в 1932 г. Филби, выйдя со стороны Бахрейнского залива, достиг Вади-Давасир. Этим самым было ликвидировано последнее большое белое пятно на карте Аравии.

4. Персия, Афганистан и Белуджистан[1]

Русская экспансия в Азии, следствием которой явилось исследование Туркестанской низменности и северных окраин Ирана и Афганистана, косвенно повела также ко многим ранним экспедициям в эти страны со стороны Индии. Главные мотивы были политическими и проистекали от страха перед Россией, но именно ввиду этой боязни английские государственные деятели Индии

---

[1] В книге *Керзона* «Персия и персидский вопрос» (Persia and Persian Question, 1892) приведен полный список путешественников по Персии до 1892 г. Интересен также список использованных источников для составления им карты Персии. В этой главе использованы также две книги *Холдича* «Индийская окраина» (The Indian Borderland, 1901) и «Ворота Индии» (The Gates of India, 1910). В этой последней работе дается полное описание похождений Массона.—*Прим. автора.*

стремились как можно лучше изучить территорию, отделявшую их от предполагаемого врага.

Результатом двух миссий Малколма, предпринятых в 1800 и 1810 гг., явилась книга по истории Ирана, служившая авторитетным пособием почти целых сто лет. Спутником Малколма был Дж. М. Киннер, много путешествовавший по Ирану, Курдистану, Армении и Малой Азии и написавший «Географический обзор Персидской империи». Другим политическим представителем был Дж. Дж. Морьер, в 1808—1809 и вновь между 1810—1816 гг. объехавший большие области северного Ирана и Армении.

Пока таким образом шло изучение Персии, Элфинстон получил поручение выехать в Афганистан. Он добрался только до Пешавара, но сумел собрать много ценных сведений, а его помощник Макартни тщательно обследовал местность на север от Сулеймановых гор вплоть до самого Пешавара. Отправленная два года спустя, в 1810 г., экспедиция Кристи и Поттинджера увенчалась бо̀льшим успехом. Переодетые торговцами лошадьми, они вышли из Сонмиани на побережье Белуджистана и, пройдя через Бела и Келат, достигли Нушки, где и разошлись. Кристи пошел северным путем, добрался через долину Гильменда до Герата, а оттуда повернул на запад в Иран, куда и прибыл через Йезд в Исфахан. Поттинджер прошел к югу от Сеистанской котловины, двинулся через Керман и встретился с Кристи в Исфахане. Эти путешествия дали многое для раскрытия основ географической структуры восточного Ирана и западного Афганистана.

В 1821 и следующих годах много путешествовал по лежащим к югу от Каспийского моря районам Персии Дж. Б. Фрейзер, а в 1830 г. Коноллн прошел из Тебриза в Герат, а затем пересек Афганистан до Кандагара и через Боланский проход вступил на территорию Индии. Другое замечательное достижение принадлежит американцу Массону[1]. Из Тбилиси он прошел в Тебриз и Тегеран, оттуда—в Решт на Каспийском море и, наконец, через Мешед попал в Герат. Из Герата он пошел в Кандагар, вступил в Синд и по пути в Пешавар собрал материал о долине Инда. «Достигнув Пешавара,—читаем мы далее в описании его путешествия, — Массон, повидимому, провел значительный срок в скитаниях между Пешаваром, Газни, Джалалабадом, Кабулом и Кандагаром». После этого Массон вступил на территорию Пенджаба, прошел в Лахор и вновь собрал много полезных сведений. Оттуда он двинулся через Мультан в Карачи, сел на корабль, отправился в Маскат и в 1830 г. прибыл, наконец, в Бушир. Здесь он написал подробное и полное ценных сведений сообщение о своем путешествии и передал его английскому дипломатиче-

[1] См. авторское примечание на предыдущей странице.—*Прим. ред.*

скому представителю Вильсону, который, в свою очередь, препроводил его в Бомбей. Но на этом карьера Массона далеко не кончилась: он вернулся сначала в Белуджистан, а потом в Афганистан, где и прожил около семи лет.

«Как исследователь Массон представляет собой совершенный уникум. Никто не проделал столько, сколько он; но из-за применявшейся всеми исследователями в те дни весьма мало удовлетворительной методики географических наблюдений нельзя сказать, что его вклад в точную географическую науку сколько-либо соизмерим с его совершенно исключительной наблюдательностью и поразительным трудолюбием» (Холдич).

В этот период политического проникновения в Западную Азию Муркрофт, уже до того проделавший ценную работу в Гималаях, отправился для покупки лошадей в Бухару. Он провел два года в Ладахе, откуда, в конце концов, прошел в Кабул, а оттуда — в Бухару. На обратном пути в Герат он умер, но перед смертью успел послать в Индию свое донесение о деятельности русских[1]. За ним последовали Александр Бернс и Джемс Джерард, которые, также переодетые и инкогнито, проделали путешествие от Кабула до Бухары (1832). Джерард вернулся через Герат и Кандагар. Бернс, получив назначение на пост торгового агента в Афганистане, вернулся в 1835 г. в Кабул[2]. Его спутник Джон Вуд исследовал реку Кабул, перешел через хребет Гиндукуш и совершил путешествие вверх по Аму-Дарье до одного из ее истоков. Ему удалось собрать много ценного материала о стране и о кочевниках-киргизах.

Вскоре после этого вспыхнула первая война между Афганистаном и Индией. Шедший с английской армией Дж. С. Бродфут обследовал новый маршрут от реки Инда до Газни через Дера-Измаил-Хан. Как раз в это время Дж. Аббот из Герата через Мары добрался до Хивы, а Стоддарт и Конолли проникли в Бухару, где были оба убиты. На этом исследование Ирана в военно-политической форме заканчивается. Через несколько лет оно возобновилось, но уже в другой форме.

Середина XIX в. занята несколькими крупными путешествиями и началом съемки турецко-иранской границы от горы Арарат до Персидского залива. Выдающийся русский офицер Ханыков намного обогатил географию северного Ирана своими исследованиями в 1858—1859 гг., когда члены экспедиции изучили очень

[1] Все это значит, что Муркрофт был не географом и не лошадиным барышником, а английским шпионом, как и ряд перечисленных ниже на этой странице путешественников.—*Прим. ред.*

[2] «Путешествие в Бухару» Бернса переведено в 1848 г. на русский язык (тт. I—III).—*Прим. ред.*

большую территорию и произвели астрономические определения свыше ста точек[1]. В это же время русский ученый Абих сосредоточил свое внимание на северо-западной границе Ирана, тогда как английский консул в Диярбекире Дж. Б. Тейлор сделал крупные открытия в районе верховий Тигра и Евфрата и впервые описал главный исток Тигра. В 1866 г. он возобновил свои путешествия и сделал новые открытия в районе озера Ван.

В Иране капитан Ч. Кларк между 1857 и 1859 гг. совершил два путешествия из Тегерана—одно в Герат и другое в Бушир. Десятилетием реньше Феррьер выехал из Герата в Индию, намереваясь попасть в нее через Балх и Кабул, но, не будучи в состоянии проникнуть в нее этим путем, прошел через область Хазару, к западу от Кабула, и достиг Гура. Из Гура он был выслан обратно, но получил по крайней мере то удовлетворение, что первым исследовал до того не известную область Афганистана.

Пробывшая в 1870—1872 гг. в Иране политическая миссия генерал-майора Голдсмида знаменует собой начало новой фазы в исследовании Ирана. Она была первой из столь обогативших географическую науку пограничных комиссий нашего времени. На эту миссию было возложено две задачи: установить границу в Сеистане между Ираном и Афганистаном и произвести демаркацию иранско-мекранской границы[2]. Помимо выполнения своего прямого задания, экспедиция собрала большой материал по Ирану. Майор Юан Смит пересек страну от Каспийского моря до Гвадара и исследовал также Сеистанскую котловину. Майор Сент-Джон изучил южный район между Широзом и Гвадаром, а майор Б. Ловетт занялся пограничными с Мекраном областями. Оценивая общие результаты работы, Сент-Джон писал:

«Путешествия Ханыкова произвели переворот в господствовавших до него представлениях относительно орографии Восточной Персии. Съемки, произведенные майором Ловеттом и мною, сыграли аналогичную роль для Южной Персии. Первое путешествие майора Ловетта 1870—1871 гг. выявило факт существования в Белуджистане, примерно в 100 милях от побережья, водораздела, отделяющего Гильмендскую долину от бассейна, имеющего сток к океану, а также странное отклонение на юго-запад осей горных цепей южнее Бампура. На следующий год нам удалось доказать, что плато к западу от Сеистана без всякого разрыва переходит [в горы к югу от него]... далее на западе

[1] Речь идет о так называемой Хорасанской экспедиции Русского географического общества во главе с Н. В. Ханыковым. Работы этой выдающейся по своим результатам экспедиции были в свое время опубликованы.—*Прим. ред.*

[2] Мекран—южная, приморская часть Белуджистана.—*Прим. ред.*

мы нашли и нанесли на карту большой Ханыковский центральный хребет к западу от Йезда вплоть до широты 27°30′ на юг; мы обнаружили также, что другие, менее крупные горные цепи между Керманом и Ширазом тянутся в том же общем направлении. Я уже ранее обнаружил, что этот параллелизм типичен для горных цепей вдоль всех дорог, ведущих из Бушира в Шираз и оттуда в Исфахан».

В следующее за работой этой миссии десятилетие в Иране работал ряд важных экспедиций. В 1873 г. полковник В. Бейкер и лейтенант Гилл исследовали совершенно новую местность к северу от Мешхеда и в районе истоков реки Атрек. В 1874 г. Нэпир посетил часть гор Эльбурс, а Титце взобрался на пик Демавенд. В 1875 г. Мак-Грегор направился было из Бушира в Герат, но, не доезжая четырех миль до города, был остановлен афганцами, которые заставили его повернуть обратно[1]. В 1877 г. служащий управления телеграфной линии Персидского залива Флойер проник в неисследованную область Башакирд, позади Джаска, а в 1875—1879 гг. Шиндлер много путешествовал по Южному Ирану. В 1881—1882 гг. Ловетт сделал маршрутную съемку дороги вдоль хребта Эльбурс в Северном Иране на территории от Астрабада на востоке до Тегерана на западе.

Тем временем сильно продвинулось также изучение и Белуджистана и Афганистана. В 1876 г. полковник Макгрегор выступил с заявлением, что никто так и не узнал ничего нового об Афганистане с 1842 г. Это отставание было ликвидировано топографами, сопровождавшими английскую армию во время вспыхнувшей в 1878 г. англо-афганской войны. Интенсивному изучению подверглась область между Боланским и Хайберским проходами, а в 1881 г. разведочные партии были посланы в Вазиристан. На этом поприще и начал Т. Г. Холдич свою долгую и выдающуюся карьеру на северо-западной границе Индии. В 1883 г. он вновь вернулся в Белуджистан, а в следующем году принял участие в работе уже упоминавшейся нами выше русско-афганской комиссии по демаркации границы. В 1889 г. он был вновь вызван в Белуджистан, где произвел съемку долины Шоб (Zhob), а также произвел исследования Мекрана и граничащей с ним полосы Ирана. Персидско-белуджистанская пограничная комиссия, топографические отряды, производившие на местности работы, предусмотренные так называемым Дюрандовым соглашением 1893 г., так же как Памирская разграничительная комиссия 1895 г.,—все работали под его руководством, и когда он ушел с границы, «вряд ли остался уголок доступной земли,

[1] Его работы дважды переводились на русский язык. *Мак-Грегор*, «Хоросан. Путешествие по северо-восточным провинциям Персии» (1882) и «Хоросан. Путешествие по восточной Персии» (1886).—*Прим. ред.*

где бы он сам не побывал»[1]. Благодаря как его личным усилиям, так и работе подчиненных ему топографических отрядов, большие районы Афганистана и Белуджистана, так же как и по индийской стороне границы, вошли в число основательно изученных стран мира.

Вновь возвращаясь к Ирану, мы должны отметить, что со времени перехода Ловетта через горы Эльбурс были сделаны значительные успехи в изучении страны. В 1884 г. на юго-западе много путешествовал Белл, а английский консул в Мешхеде Йейт собрал новые общие сведения по Сеистану. В западной Персии в 1889 г. Линч проехал через Луристан, Воэн в 1887—1888 гг. совершил поездку внутрь страны от порта Линга на Персидском заливе почти до Каспийского моря и проделал в некоторых отношениях сходное путешествие в 1890—1891 гг. Сойер изучил в 1890 г. очень большую, до того не известную область в Бахтиарии, а Монселл и П. Галланд исследовали часть Курдистана.

Однакоже во всем новом периоде исследования Ирана четко выделяются три имени. В 1889—1891 гг. Иран посетила французская научная экспедиция во главе с де-Морганом. Хотя ее интересы и не лежали в области одной географии, она собрала много материала по той части Северного Ирана, что лежит к югу от Каспийского моря, и по Курдистану. В этой же области в годы, последовавшие за 1895, ценнейшие дополнительные путешествия совершил А. Ф. Сталь. В результате своих путешествий по обширным пространствам он собрал не только большой геологический материал, но и множество топографических деталей для карт.

Среди наиболее крупных исследователей фигурирует Перси Сайкс. В Иране он прожил более двадцати лет, и, не считая его поездок во время мировой войны 1914—1918 гг., он совершил шесть больших путешествий. В 1893 г. он высадился на юго-восточном берегу Каспийского моря, проехал верхом в Астрабад и оттуда поднялся по долине Атрека до Мешхеда. Из Мешхеда Сайкс пересек весь Иран через Керман и Шираз до Бушира. В результате этой экспедиции через Центральный Иран исчезло несколько белых пятен на карте страны. Второе путешествие, предпринятое в 1893—1894 гг., имело целью исследование Иранского Белуджистана. Сайкс вышел из Чахрара на южном берегу и проник на север до Сархада. Он совершил восхождение на вулканический пик Кух-и-Тафтан и сильно продвинул изучение этой отдаленной области Ирана. Обратно он проследовал по более изученной местности через Керман, Йезд и Тегеран к Каспийскому морю.

---

[1] См. *А. Дюранд*, «Созидание границы», перевод Снесарева, 1905 г.— *Прим. ред.*

Получив в 1894 г. назначение на консульский пост в Кермане, Сайкс предпринял свое третье путешествие, отнявшее более двух лет. Сайкс вступил на территорию Ирана со стороны Каспийского моря и исследовал новую область между Кашаном и Йездом. Далее, он сделал новые открытия к югу от Кермана. После этого Сайкс принял участие в работах Персидско-белуджистанской пограничной комиссии, а по окончании ее работ получил поручение — обследовать политический конфликт в долине Каруна.

Четвертое путешествие Сайкса охватывает годы с 1897 по 1901. Оно началось с исследования не изученной до того местности к северу от области Башакирд в ходе путешествия от Бендер-Аббаса до Чахрара. Вслед за этим последовало дальнейшее изучение Сеистана, в ходе которого большая область была заснята сотрудником экспедиции—топографом-персом. После долгого отсутствия отряд вернулся в Керман и предпринял исследование еще одного неизученного района к юго-западу от этого города.

Пятое путешествие (1902—1906 гг.) распадается на два совершенно отдельных исследования: одно—к юго-востоку от Кермана, а другое—далее к северо-востоку, из Мешхеда, куда Сайкс был назначен консулом. Шестое путешествие (1906—1910 гг.) охватило северо-восточную Персию между Мешхедом и Астрабадом.

Во время первой мировой войны Сайкс вновь оказал Англии неоценимые услуги в Иране; в ходе войны офицеры индийского топографического управления получили возможность произвести съемку ряда обширных областей. Их работы охватили шесть обособленных территорий: 1) на южном побережье—полосу между Джаском и Гвадаром; 2) ряд дорог между Керманом и Бендер-Аббасом; 3) полосу территории между Буширом, Ширазом и Исфаханом; 4) долину Каруна и юго-западный Иран; 5) большую территорию между Багдадом и Каспийским морем с двумя выступами, один—в сторону Тебриза, другой—в сторону Тегерана, и 6) крупный массив территории, непосредственно прилегающей к Афганистану и простирающейся от 31° с. ш. до иранской границы. Несмотря на большие трудности, с которыми была связана съемка, она дала географии значительный новый материал.

5. Индия[1]

Хотя карта Реннела и представляла собой большой шаг вперед по сравнению с более ранними картами, все же к началу

[1] Полезная сводка дана в «Imperial Gazetteer of India» (новое издание, 1907), т. IV, стр. 481—512.—*Прим. автора.*

XIX в. многие области Индии оставались неизученными. Ликвидация этих белых пятен на карте в большой мере является результатом трудов индийского топографического управления в сочетании с исследованиями отдельных путешественников-пионеров, в особенности в области Гималаев.

Большая тригонометрическая съемка Индии началась 10 апреля 1802 г., когда около Мадраса был измерен базис. Руководителем работ на полуостровной части Индии был Лемтон, которому удалось исправить множество грубых ошибок на карте Реннела, но с его смертью в 1823 г. работа прервалась. Триангуляция возобновилась в 1830 г. с назначением начальником управления Джорджа Эвереста, перешедшего на ту систему, по которой работал Лемтон, вместо системы «решетки» из цепей треугольников. В 1845—1850 гг. главная цепь треугольников была прогнана по всей Индо-Гангской долине и в это же время или вскоре после этого была определена высота главных вершин Гималайского хребта. В 1855 г. триангуляцией был охвачен Кашмир, а в 1913 г. была произведена привязка к русской триангуляционной сети.

Топографические работы на базе этой триангуляции ведутся почти без всякого перерыва с начала XIX в. К 1820 г. накопились материалы для карты местности к югу от реки Кистны и несколько маршрутных съемок к северу от нее. Политическая обстановка на северо-восточной границе повела к дальнейшему изучению в этой области Индии в 1825—1838 гг., а в 1841 г., по данным съемок Бернса и других, в долине Инда была составлена карта Синда. Более серьезные успехи в деле топографической съемки были сделаны, когда руководителем работ стал Эндрю Во (1843—1861 гг.). Из них следует упомянуть произведенную Робинсоном съемку местности между реками Инд и Джелум (1851—1859 гг.), а также геодезические работы в Кашмире, проведенные Монтгомери и его помощниками (1855—1864 гг.). Таннер распространил эту последнюю съемку и на Гилгит (1879—1880 гг.), после чего отправился производить съемку восточной границы Непала. Геодезические работы шли и к востоку от Кашмира, дойдя к 1887 г. до западной границы Непала: в указанном году Райалл, производивший съемку Кумаона и Гарвала, перешел тибетскую границу и прожил несколько недель в Хундесе. Тогда же продвинулось дело съемки территории Сиккима, но о Бутане, с одной стороны, и о Непале—с другой, имелось очень мало сведений. Так оно и было почти до последнего времени, пока путешествия Дж. Уайта (1906—1908 гг.) и майора Бэйли (1922 г.) в Бутане не ликвидировали часть белых пятен на карте; Непал же почти весь был заснят в 1925—1927 гг. топографическим отрядом под начальством полковника М. Танди.

Пока таким образом велись постепенно охватывавшие всю Индию топографические работы, отдельные путешественники-пионеры производили исследования Гималаев. На северо-востоке Томас Маннинг в 1811 г. прошел через Бутан в Лхасу; в 1838 г. во главе миссии в Бутан проник Пембертон, но ни тот ни другой не собрали большого материала. Венгерец Шандор Кереши, проживший почти двадцать лет в Ладахе, Сиккиме и по южной границе Тибета, посвятил свою жизнь изучению тибетской литературы и за свое пребывание в этих краях посетил не одну неизвестную горную местность. Интересовавшийся главным образом ботаникой, Хукер совершил в 1847—1850 гг. ряд поездок по Сиккиму и восточному Непалу, а также по холмам Хази (в Ассаме). Его «Гималайские дневники» проливают много света на мало изученную местность, но достаточно одного взгляда на составленную им карту, чтобы убедиться, насколько скудны были сведения, имевшиеся в ней в середине прошлого века.

Полезными для познания этой местности были путешествия майора Шеруилла в Сиккимские Гималаи в 1853 г., а также Бланфорда и Элуэса в 1871 г. В 1871 г. путешественники достигли прохода Донкья, видели три озера, не фигурировавших до того ни на одной карте, и познакомились с дорогами, ведущими из Сиккима в Тибет. Дальнейшие сведения были получены в результате различных путешествий пандитов[1] и экспедиций с целью разрешить загадку Брамапутры.

В более ранние годы Уилкокс и Гриффитс, в ходе изучения северо-восточной границы, поднялись вверх по реке Лохит, а несколько позднее сюда были направлены и другие экспедиции. В 1882 г. Кишен Синг добрался до Сама в Тибете, а в 1886 г. Нидхему удалось доказать, что Брамапутра не имеет стока в Ирравади. Однакоже течения Цзангпо в Тибете и Брамапутры в Ассаме оставались неизвестными. Вильямсон, исследовавший Лохит в 1907—1908 гг., определенно связал его с Брамапутрой; в последующие годы он работал в области Абор и собрал о ней много данных, но в 1911 г. был убит. Карательная экспедиция, посланная для наложения контрибуции и открытия области для сношений, произвела кое-какие работы, но и ей не удалось решить загадку, и в 1912 г., после возвращения экспедиции, Бетелл выразил твердую уверенность, что Диханг, Цзангпо и Брамапутра не связаны друг с другом. Окончательно проблема была решена в 1913 г. капитанами Морехедом и Бейли. От реки Дибанг они совершили переход к реке Диханг и пошли вверх к ее истокам. Хотя они и не могли

[1] Пандиты — ученые индусы-шпионы на британской службе — под видом буддийских пилигримов проникали в закрытую для европейцев буддийскую ламаитскую страну Тибет, в частности в Лхасу, тщательно изучили и измерили все дороги и перевалы и таким образом подготовили поход индо-британских войск на Тибет в начале XX в.—*Прим. ред.*

все время держаться берега реки, их изыскания не оставляют сомнения в том, что Диханг переходит в реку Цзангпо; они достигли ее и засняли до Цзетанга. Они нанесли на карту течение Цзангпо на протяжении 610 *км* и исследовали большую, до того никем не заснятую область к югу от реки.

В той части Гималаев, что лежит к западу от Непала, исследователем-пионером был Уэбб, которому в 1808 г. было дано задание пройти по Гангу до его истоков. Несколько англичан побывало в Кашмире еще в конце XVIII в., но существовала неясность в отношении точного местоположения Сринагара и истоков Ганга. Уже в 1800 г. Уэбб производил съемку Ганга от Аллахабада до Хардвара, и эта его вторая экспедиция должна была служить завершением ранее проделанной работы. Экспедиции удалось проследить течение реки от Хардвара до ее истоков в ледниках у Ганготри, а также определить местоположение Сринагара на реке Алакнанде. Позже Уэбб исследовал отдельные округа Кумаона, где он продолжал начатые в 1815 г. труды Ходжсона, тогда как сам Ходжсон был переведен в Гарвал.

Тем временем в 1812 г. Муркрофт и Херси пробились за Гималаи и достигли озер Манасаровар; вернулись они через Непал. Позже Муркрофт посетил много местностей в Гималаях, включая Ладах и Кашмир. Он был одним из той группы разведчиков с секретными политическими заданиями, что собирали сведения для английского правительства в Индии. Другой участник этой группы, Джерард, сопровождал в 1831 г. Бернса во время его путешествия в Бухару, а позже работал в округе Кангра в Гималаях. Можно сказать, что в это двадцатилетие, 1830—1850 гг., в горной Северо-Западной Индии шла очень активная работа. Там побывали Винь (в Кашмире), барон Хюгель и Чома де-Кереш—все люди разных национальностей и с самыми различными интересами. Проживший восемь лет у сикхов, Каннингем в 1846 г. был послан в Ладах для демаркации границы, с тем чтобы после окончания работ «сделать все, что в его силах, для расширения границ наших географических знаний». Вместе с доктором Томсоном он добрался до Ле, причем сам Томсон побывал на Каракорумском перевале.

К числу пионеров-исследователей Гималаев принадлежат также два брата Г. и Р. Стречи. В 1846 г. Г. Стречи достиг озер Манасаровар. Два года спустя туда прибыл Р. Стречи, и братья вдвоем совершили большое путешествие в Гарвал. В результате их трудов, а также усилий Каннингема и Томсона был получен большой материал по западным Гималаям.

Вскоре после этого в Северо-Западную Индию пришли работать топографы, о чем мы уже частично говорили выше. Дополнением к этой работе были сведения, полученные в результате проникновения в Центральную Азию, начало которому положили

братья Шлагинтвейт[1]. Они и такие люди, как Монтгомери и Годвин Остин, являются прямыми преемниками тех пионеров, чьи имена назывались нами ранее. За ними последовала новая волна исследователей, на этот раз интересовавшихся деталями. Многие из выдающихся деятелей этой новой фазы исследований, началом которой можно считать открытие Янгхасбендом (Younghusband) прохода Мустаг в 1887 г., еще живы (к 1937 г.); среди них пользуются известностью имена Конуэя, Фрешфилда, Брюса, Нортона, Лонгстаффа и Райдера. Мы не можем следовать за ними во все уголки Гималаев и упомянем лишь исследования в той части хребта, что носит название «Каракорум» и где за последнее время проделана чрезвычайно важная работа. В 1861 г. Годвин Остин открыл ледник Балторо. Примерно через тридцать лет начал свои исследования Мартин Конуэй, прибавивший новый материал об этой местности к тем данным, что до него были собраны в нескольких экспедициях Янгхасбендом и генералом Дж. Кокериллом, который, в свою очередь, расширил охваченную Янгхасбендом территорию. Дальнейший вклад в дело более широкого изучения этой местности внесли Фербер (1902 г.), Экштейн (1903 г.), Лонгстафф (1900 г.), герцог Абруццский (1909 г.), Воркманы (1908 и 1911—1912 гг.) и Филиппо Филиппи (1913 г.); сотрудником последнего был майор Г. Вуд. Этот список имен уже сам по себе свидетельствует об интенсивности современных исследований и об их специализированном характере. Наконец, упомянем еще экспедицию майора К. Масона (1926 г.) в долину Шаксгама и к Агильским горам. Его исследование широкой полосы территории на водоразделе между Индийским океаном и Центральной Азией дало большие географические результаты. Оно не оставляет и тени сомнения в том, что так называемый хребет Каракорум на самом деле не существует, что носящий это же имя проход находится совсем не в той цепи, которую принято называть Каракорумом, и что территория, лежащая по ту сторону реки Шаксгам (приток Яркенд-Дарьи), покрыта точно такими же рядами параллельных горных цепей, какие известны по индийской стороне этой реки[2].

6. Юго-Восточная Азия

Научное исследование Бирмы оборвалось на миссии Саймса в Ава в 1798 г. и возобновилось только тогда, когда первая бирманская война 1826 г. вновь привлекла внимание к этой почти совершенно не изученной стране. С северо-восточной границы

---

[1] Братья Шлагинтвейт—Герман, Роберт и Адольф—немцы-авантюристы, поступившие на службу британской разведки.—*Прим. ред.*

[2] И в настоящее время ведется большая и детальная работа по исследованию Гималаев; каждый год полный отчет о ней публикуется в Гималайском журнале («The Himalayan Journal») с 1929 г.—*Прим. автора.*

Индии в Бирму двинулись топографические отряды, и правительство взялось за изучение этой мало известной области. Первое новое путешествие было проделано экспедицией лейтенанта Р. Б. Пембертона, который в 1830 г. прошел сушей от Манипура до Киндата и долины Чиндвина, по которой и проследовал до слияния этой реки с Иравади. По этой последней реке он спустился к Аве, где проживал британский дипломатический резидент. В следующем году доктор Д. Ричардсон совершил поездку в обратном направлении, от Авы до Швебо, а оттуда к долине Чиндвина и Киндату. Здесь он застал другого английского офицера, который, так же как ранее Пембертон, вышел из Манипура, но прибыл в Киндат другим путем.

Южнее в 1826 г. английский военный отряд прошел через проход Ан и пересек Аракан-Йому. Позже эту провинцию более тщательно изучил капитан Уайт, а в 1830 г.—Пембертон. Собранный таким образом материал как по этой провинции, так и по району к северу от нее он суммировал в донесении, посланном им индо-британскому правительству в 1835 г. Он сумел дать как описание области, отделяющей Бирму от Индии, так и—по расспросным сведениям—некоторые данные о самой Бирме.

Вскоре после этого началось первое исследование Иравади выше Авы, предпринятое в связи с командированием капитана С. Ф. Ханнея для разбора конфликта между туземными племенами. 13 декабря 1835 г. он достиг Катхи, а неделей позже прибыл в Бхамо. Вначале экспедиция шла на больших судах, но после первых четырехсот миль их пришлось заменить меньшими. 31 декабря Ханней достиг устья реки Могаунг и произвел там астрономическое определение широты и долготы, впоследствии оказавшееся неточным. Вскоре после этого Ханней прибыл в город Могаунг, а из него направился на север, чтобы ознакомиться с месторождениями янтаря долины Хукаунг. Он провел некоторое время в этой местности, но, поскольку горнопромышленники не доверили его бирманскому конвою, видеть ему удалось немного. Назад он отправился тем же путем, и 1 мая 1836 г. прибыл в Аву. Путешествие Ханнея имело важное значение как по собранному им материалу, так уже и по одному тому, что европейцы вновь получили доступ в самое сердце страны. Его наблюдения в долине Хукаунг расширили представление о верхнем течении Чиндвина, послужив, таким образом, дополнением к работе Уилкокса на ассамской границе в 1825—1828 гг. и к работе Пембертона ниже по долине реки. Ханней помог также разрешить тайну реки Цзангпо (Брамапутры), которая, по некоторым предположениям, находила себе сток через Иравади. Данные Ханнея шли вразрез с этой теорией, но вопрос остался открытым еще на несколько лет.

Во время своих съемок в Ассаме Уилкокс определил западные истоки Иравади. Гриффитс и Бейфилд, проехавшие в 1837 г.

из Ассама к долине Хукаунг, связали тем самым в одно целое работы Уилкокса и Ханнея.

Тем временем большой шаг вперед был сделан на юго-востоке. К концу 1829 г. д-р Ричардсон выехал из Моулмейна, поднялся по Салуэну и, пользуясь долинами различных притоков, добрался до реки Ме-Пинг. Он прибыл в Лампун в середине января, но не сумел добиться разрешения продвинуться дальше. В 1834 г. он вновь прибыл в Моулмейн и сумел добраться до Чиенг-Май. Никогда еще ни один европеец не забирался в Бирме так далеко от Бенгальского залива.

Вторым европейцем, посетившим Чиенг-Май, был капитан В. Ч. Маклеод (1837 г.). Он путешествовал более южным путем, чем Ричардсон, и надеялся добраться до самого Китая. Ему удалось добраться до Чиенг-Конг на реке Меконг, и там он застрял, тщетно ожидая разрешения на въезд в Юньнань. Тем временем Ричардсон, вначале ехавший вместе с Маклаудом, изучил новые области по реке Салуэн, которую он исследовал на большом протяжении. После этого он направился на запад и, перевалив через горы, прибыл в мае 1837 г. в Аву. Хотя главной задачей обоих было установление торговых сношений, Маклеод и Ричардсон проделали ценную для географии работу.

«Ричардсон был первым европейцем, проехавшим от Моулмейна до Мандалая. В ходе своего путешествия он изучил неизвестную до того страну каренов и лежащие между ней и Ава Шаньские княжества. Его путешествие связало английские владения в Нижней Бирме с уже исследованными районами далее, к северу и к западу. В результате же путешествия Маклауда на карте появилось множество подробностей, касавшихся восточных Шаньских княжеств между Салуэном и Меконгом» (Клиффорд)[1].

В декабре 1838 г. Ричардсон вышел в новую экспедицию— из Моулмейна через Канбури на Бангкок. Хотя географические результаты этого путешествия были незначительны, оно интересно тем, что знаменует собой конец первой фазы исследования Бирмы. Дело в том, что в результате революции 1837 г. английский политический представитель был вынужден эвакуироваться из Авы, в связи с чем исследование Бирмы по необходимости прервалось и возобновилось лишь после войны 1852 г.

Вторая бирманская война кончилась присоединением Пегу к Британской Индии и дала возможность возобновить географические исследования. Достигнутые к этому моменту результаты получили свое отражение в новой карте Бирмы, составленной полковником Юлом как на основании уже перечисленных выше

[1] Клиффорд (Hugh Clifford)—автор книги «Дальняя Индия» (Further India, 1905), которую Бейкер широко использовал при составлении данного раздела.—*Прим. ред.*

путешествий, так и съемок, произведенных двумя топографами, сопровождавшими нового губернатора до Авы в 1855 г. «В собственно Бирме внутренние города и округа ниже Авы были нанесены на основании расспросных данных и потому неточно, на месте же области между Салуэном и Ме-Пингом, так же как обширной территории к северу от Чиенг-Мая, красовались белые пятна» (К л и ф ф о р д). Такие же крупные белые пятна можно было найти на севере и на западе между Аракан-Йома и Чиндвином и между Чиндвином и Иравади.

Предпринятая в 1856 г. экспедиция Э. О'Райли (O'Riley) из Тоунгу в страну каренов способствовала частичной ликвидации одного из таких белых пятен. Начались съемки Пегу, но вся работа была забракована, и в 1860 г. были начаты новые под руководством капитана Фицроя.

Пока шла съемка Бирмы, капитан Э. Б. Слейден сделал попытку добраться по старой караванной дороге до Юньнани. В январе 1868 г. он выехал из Мандалая и на речном пароходе поднялся по Иравади до Бхамо. По пути его помощник Бауэрс произвел съемку реки. Выйдя из Бхамо и следуя долине Тайпина, он добрался до Дэнъюэ (Момейн), но дальше двинуться не решился. Из своего путешествия Слейден сделал много неправильных заключений. Он решил, что путь от Дэнъюэ в другие части Юньнани трудностей не представлял и что Дзангпо и Иравади были одной и той же рекой. Все же совершенно бесполезной его поездку считать нельзя, и к тому же она дала ценную съемку многих участков пути. По этой же отдаленной области Т. Т. Купер попытался в 1868 г. пройти из Китая к реке Иравади. От Ханькоу он прошел в Батан, что на тибетской границе (30° с. ш.), и оттуда добрался до верховьев Меконга, но ему не дали добраться до Дали. В 1869 г. он сделал другую попытку пробраться в Юньнань, на этот раз из Ассама. Он поднялся по рекам Брамапутра и Лохит, но из Тибета его вернули. Поставленной Купером цели добился в 1874 г. О. Р. Маргари. Он выехал из Шанхая, поднялся по Янцзы, пересек Юньнань, достиг Дали, а из него в январе 1875 г. —Дэнъюэ. Оттуда он проследовал в Бхамо, встретился там с английской миссией, которую он должен был сопровождать в Китай, и 23 января выступил в обратный путь. Вскоре же после перехода через китайскую границу он был убит, а миссия была вынуждена вернуться обратно. Однакоже его замечательная экспедиция связала в одно целое рубежи, достигнутые Гарнье (Дали) и Слейденом (Дэнъюэ), и явилась первым путешествием европейца от Шанхая до Бхамо[1].

В ноябре 1875 г. из Ханькоу в Юньнань выехала новая миссия для расследования обстоятельств убийства Маргари. Ее сопрово-

[1] Возможно, что первым был еще Марко Поло.—*Прим. ред.*

ждал Э. Бейбер, который произвел всю ту географическую работу, какую должен был, но не смог сделать Маргари. Бейбер указал на малую пригодность этого пути для торговли.

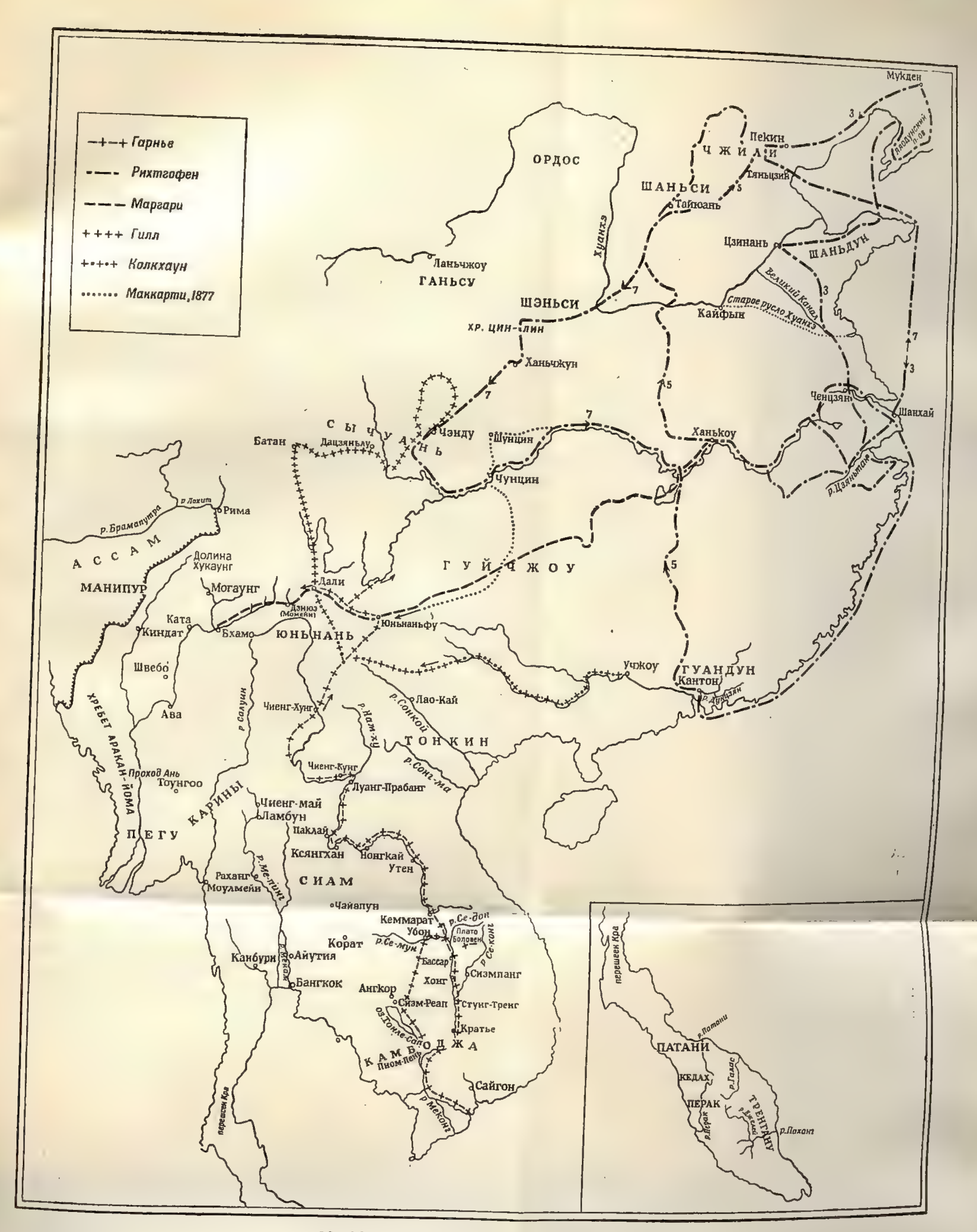
После этого из Китая в Бирму был совершен еще ряд путешествий. В августе 1877 г. Маккарти достиг Бхамо через Юньнань и Дали; вскоре после этого тем же путем прибыл Кемрон; В. Дж. Гилл «из чистой любви к географии и естественным наукам и целиком за свой собственный счет» совершил обширное и важное путешествие по южному Китаю через Дали и Бхамо до Батана; и, наконец, в 1880 г. Бела Сеченьи, так же как и Гилл, проделавший в Китае много ценной работы, прошел через Дали в Бхамо. На следующий год другой путешественник по Китаю, А. Колкхоун, совершил путешествие от Дали до Бхамо, но теперь уже по хорошо проторенной дороге.

Третья бирманская война 1885 г. прервала на короткое время исследования, но многочисленные отряды, посланные для подавления партизанских отрядов, прошли по Бирме по всем направлениям и в конечном счете способствовали разрешению ее географических загадок. Из крупных предприятий следует упомянуть путешествие 1885—1886 гг. Дж. Ф. Ниндхема. Он вышел из Ассама, поднялся по реке Лохит до пункта в одной миле от Римы в Тибете и положил конец разноголосице в вопросе о том, являются ли Брамапутра и Иравади одной и той же рекой или нет[1]. Истоки этой Иравади, однако, еще не были в точности известны. В 1879 г. на розыски были посланы туземные исследователи, а в 1884—1885 гг. полковник Р. Дж. Вудторп и майор Р. Ч. Макгрегор добрались до ее верхних притоков, экспедиция же принца Генриха Орлеанского в 1895 г. на своем пути от Меконга до Брамапутры пересекла все эти притоки. Генрих Орлеанский собрал большой материал о реках Салуэне и Иравади и окончательно установил, что истоки только первой из них, но не второй, находятся в Тибете, решив тем самым проблему, мучившую географов целое столетие[2].

Исследование Сиама продвигалось очень медленно вплоть до 1881 г., когда к работе приступил Дж. Маккарти. В Сиаме успели побывать как англичане, прибывавшие со стороны Бирмы, так и французы с востока, но накопленный материал был сравнительно невелик. В 1839 г. Ричардсон перевалил через горы, отделяющие Моулмейн от Канбури, но дал мало научно ценных

[1] Это, собственно, стало ясным после путешествия пандита А. К. См. ниже, раздел 8-й этой главы.—*Прим. автора.*

[2] В этой стране за последние годы имели место два новых путешествия: одно совершили братья Грегори, а другое—Кингдон Уорд. Последний продолжает путешествия по этим пограничным районам. В одной статье он приводит доказательства в пользу того, что Гималаи заходят на востоке на территорию Китая; противоположное мнение высказывает *Вадиа* в «Гималайском журнале», т. III.—*Прим. автора.*



30. Юго-Восточная Азия после 1800 г.

сведений о пройденном пути. Тринадцатью годами позже епископ Пальгуа собрал воедино полученные от миссионеров известия и на основании их составил описание Сиама, которое, учитывая тот факт, что оно целиком написано на основании материалов из вторых рук, нельзя не считать очень хорошим. Однакоже достаточно прочитать доклад Паркса в лондонском географическом обществе в 1885 г., чтобы убедиться в том, как мало было сделано. Приложенная к докладу карта основана на самых примитивных съемках и отображает труды американских миссионеров. Фактически на ней представлены лишь нижние части долин Менама и Меконга, хотя католические миссионеры были знакомы с более широкой областью.

Кроме миссионеров, кое-какие обрывки сведений доставляли также купцы и чиновники. Отправившийся в Индо-Китай в 1858 г. французский ботаник Анри Мюо (Muhot) совершил важное путешествие вверх по Менаму и далее—сушей к Корату, Чайапуну и Пак-Лай на Меконге. Позже он добрался до Луанг-Прабанга, где и умер. Это путешествие, в сочетании с его более ранними поездками по Меконгу и в районе озера Тонле-Сап, дает Мюо право именоваться первым крупным исследователем внутренней части Сиама. Проведенная вскоре после этого французами прекрасная работа по реке Меконг совершенно затмила более ранние путешествия, но она относится уже к истории исследования Французского Индокитая, и мы перейдем к ней позже.

Что же касается Сиама, то до съемок, произведенных Маккарти в 1881 г., единственным крупным достижением явилось путешествие Роберта Шомбургка (1860 г.) вверх по рекам Менам и Ме-Пинг к Чиенг-Маю, оттуда к Моулмейну и Канбури и, наконец, обратно в Бангкок. Маккарти провел десять лет на сиамской службе и проделал большую и ценную работу, в особенности в северном Сиаме, основные черты орографии которого к 1890 г. полностью определились. Его первой задачей было привязать Раханг к съемкам, уже произведенным на бирманской границе. Одно время, в связи с непродолжительной поездкой на Малайский полуостров, он прервал было работу, но в 1884 г. снова приступил к ней, начав ее с путешествия в северный Сиам. Проследовав от Бангкока на Корат, а оттуда к пункту Нонг-Кай на Меконге, Маккарти совершил поездку в горный район к северу от Меконга, значительную часть территории которого исследовал. После этого он вернулся в Нонг-Кай, проследовал по Меконгу до Луанг-Прабанга и вновь вернулся в Пак-Лай, откуда совершил переход к Менаму и по этой реке спустился к Бангкоку.

В свою вторую, начатую в конце 1884 г. экспедицию к реке Менам, выше ее слияния с Ме-Пингом, Маккарти зашел гораздо дальше достигнутого в предшествовавшем году пункта. Он исследовал местность вокруг верховьев Сонг-ма; другой же член его

экспедиции, Коллинс, исследовал приток Меконга реку Нам-Ху почти до ее истоков. Обе эти реки находятся теперь в пределах французской территории.

В 1887 и 1888 гг. Маккарти занимался изысканиями трасс железных дорог Бангкок — Коран и Аютия — Чиенг-Май. По окончании изысканий он долго пробыл на северной и западной окраине Сиама, где англо-сиамская пограничная комиссия 1889—1890 гг. почти закончила демаркацию границы между Бирмой и Сиамом. В конце 1893 г. Маккарти ушел со службы, оставив на прощанье карту Сиама, стоящую гораздо выше более ранних произведений этого рода. Северный Сиам к тому времени был уже хорошо известен. Хотя к востоку от нижнего Менама еще оставались кое-какие белые пятна, но даже и здесь все сколько-нибудь действительно важные места уже были посещены, и были определены их географические координаты.

От Маккарти ведет свое начало сиамская геодезическая служба. Она была основана в 1885 г. и с тех пор засняла многие части страны. В 1896 г. было начато проведение земельно-межевого кадастра, и к 1910 г. на топографических картах Сиама уже фигурировало 195 тыс. кв. *км* территории страны[1].

Исследование той части территории Юго-Восточной Азии, что входит ныне в состав Французского Индокитая, началось в 1858 г. с путешествия Муо (наиболее важная часть его работы приходится однакоже на Сиам). Настоящее движение вперед началось лишь с 1866 г. В этом году французское правительство решило послать экспедицию для исследования долины Меконга. Начальником ее был назначен Дудар-де-Лагре, а его помощником—Франсуа Гарнье, на которого легла географическая сторона работы.

«Ему было поручено определить точные географические координаты всех важнейших точек, составить карту пройденной местности, промерить и установить судоходность рек, заметить себе, какого рода пловучими средствами пользуются различные туземные племена по реке, и сделать вывод, какой способ транспорта—по реке или ближайшим сухопутным дорогам—выгоднее» (Клиффорд).

Экспедиция вышла из Сайгона 5-го июня 1866 г. и поднялась по реке Меконг до города Пном-Пень, где и посвятила некоторое время ознакомлению с развалинами Ангкора и остатками древней хмерской цивилизации. Далее, вверх по реке до Кратие они поднялись на канонерках, а еще выше—на туземных лодках, но плавание вверх по реке показалось им, ввиду речных раз

[1] Заснятая на 30 сентября 1927 г. современными топографическими методами территория Сиама составляет 24,8% всей площади королевства и находится главным образом в его южной части.—*Прим. автора.*

ливов, трудным и опасным, и они пришли к заключению, что эта река не может служить торговым путем для сношений с Китаем. 21 июля они достигли Стунг-Тренга, где стекающая с Аннамских гор река Се-хонг впадает в Меконг. Лагре исследовал этот приток вплоть до Сиемпанга.

После этого путешественники продолжали свой путь по Меконгу до Бассака, ставшего исходным пунктом для поездок в разные стороны. Так, Гарнье посетил плато Боловен, исследовал в поисках серебряных рудников реку Се-дон, а потом спустился по Меконгу до Стунг-тренга. Лагре обошел плато, проследовав по долине Се-дона до водораздела, отделяющего его от бассейна Се-хонга, перевалил через него и вернулся по Се-хонгу в Бассак.

25 декабря экспедиция вышла из Бассака и, продолжая путь вверх по Менаму, достигла реки Се-мун, по которой поднялась до города Убон. Отсюда Гарнье сушей прошел через Сиемреап (вблизи озера Тонле-Сап) к Пном-Пень. Этот более чем тысячемильный переход дал Гарнье возможность ликвидировать ряд белых пятен на карте.

Пока Гарнье совершал свой переход, другой член экспедиции, Де-ла-Порт, произвел съемку Меконга от устья реки Се-мун до Кеммарата, которого Лагре, в свою очередь, достиг сухопутьем. Далее начальник экспедиции поднялся на короткое расстояние по реке Се-Банг-Хиен, и после этого вся экспедиция вновь двинулась вверх по Меконгу.

6 марта в Утене Гарнье вновь присоединился к экспедиции, и еще через двадцать дней экспедиция достигла Нонг-Кая. Продолжая путь вверх по реке, французы прибыли в Чиенг-Кан, где 12 апреля до них дошли слухи, что вблизи находятся какие-то другие европейские путешественники. И действительно, через короткое время они наткнулись на находившегося на сиамской службе голландца Дейсхарта, который совершил переход от Чиенг-Мая до пункта по реке Меконг, стоящего в 320 *км* выше Луанг-Прабанга.

В конце апреля французы достигли Луанг-Прабанга, а в начале июня—Чиенг-Конга, из которого совершили ряд поездок в окрестные районы. Вскоре после этого пороги положили конец их плаванию по реке. Они двинулись по труднодоступной местности к западу от реки, часто наведываясь на ее берега, пересекли ее у Чиенг-Хунга и направились на северо-восток. 21 декабря они вышли на границу Юньнани. К тому времени Лагре был слишком сильно болен,чтобы самому добраться до Дали, но Гарнье успешно совершил это путешествие, хотя, когда он достиг Дали, китайские власти заставили его повернуть обратно. Выяснив невозможность вновь добраться до Меконга, Гарнье прошел к Янцзыцзяну и спустился по нему до моря, откуда проследовал к исходному пункту экспедиции—Сайгону. Лагре умер еще до окончания экспедиции. Его умелое руководство «в огром-

ной степени способствовало успеху экспедиции» (Клиффорд), хотя очень большую часть работы проделал его помощник Гарнье. Если им и не удалось добраться до истоков Меконга и открыть по его долине торговый путь в Китай, все же эти французские исследователи проделали большую работу.

«Экспедиция произвела подробную съемку Меконга от Пном-Пеня до точки на расстоянии дневного перехода за порогами Танг-Хэ и не раз возвращалась к реке между Танг-Хэ и Чиенг-Хунг. Она подробно исследовала большую часть крупных притоков Меконга ниже Луанг-Прабанга. Экспедиция хорошо ознакомилась с большой территорией в Лаосе и в Шаньских княжествах, где до той поры не ступала нога европейца; она достигла Китая с юга, впервые исследовала и засняла значительную часть Юньнани и, наконец, несмотря на крайне тяжелые обстоятельства, сумела побывать в Дали. Кроме всего этого, экспедиция собрала большой материал не только географического характера, но и об общественном, экономическом и политическом состоянии пройденных ею стран. Все факты, касающиеся истории и весьма запутанных в этой части проблем этнологического характера, были собраны, записаны и позже опубликованы Гарнье в его обширном труде «Publication Officielle» (Клиффорд).

В последующую за этим четверть века научное исследование французской территории развивалось так энергично, что к концу века был изучен почти весь Индокитай. Эти успехи объясняются отчасти несколькими частными путешествиями, из которых наиболее крупной была экспедиция Армана (Harmand) в горную страну к западу от Хонга (1875—1877 гг.), в основном же — работой Огюста Пави и его сорока помощников-геодезистов, проводивших полевые работы с 1879 по 1895 г. Нет нужды шаг за шагом прослеживать их деятельность. Пави начал свою работу в 1879 г. со съемки южного Сиама. Между 1880 и 1885 гг. был проведен ряд экспедиций в Камбоджу и в Сиам; в 1886—1888 гг. работы шли по верхнему течению Меконга и были перенесены в Тонкин. В 1889—1891 гг. группа Пави провела ряд работ в Сиаме, Тонкине, Лаосе, Юньнани, Аннаме и Камбодже; последние же годы с 1892 по 1895, когда Пави был уже французским послом в Сиаме, ознаменовались демаркацией границы между сиамской и французской территориями и полезной работой, проделанной англо-французской Меконгской экспедицией. Как велики были успехи, ясно хотя бы из сравнения карты Французского Индокитая, которую опубликовал в 1881 г. Дютрей-де-Рен, с картой Пави, вышедшей в свет в 1902 г.

Со времени ликвидации группы Пави изучение территории Индокитая ведется основанным в 1899 г. Индокитайским географическим управлением.

Малайский полуостров оставался совершенно неизученным до последней четверти XIX в. Исключением является перешеек Кра, который в 1839 г. пересекли Ричардсон и Тременхэре. Положение коренным образом изменилось после установления тесных политических взаимоотношений между Англией и государствами Малайского полуострова (началом чего можно считать назначение английского политического резидента в Перак в 1874 г.) и после совершенных несколькими годами позже путешествий по Малайскому полуострову геологов-разведчиков. Начало исследования северной части полуострова отмечено экспедицией Боццоло в Патани (1880—1883 гг.) и произведенной Маккарти съемкой реки Перак (1883 г.). Что касается юга, то здесь полуостров был многократно и по всем направлениям исхожен исследователями, двигавшимися от западного берега к многочисленным притокам реки Паханг. В течение последнего десятилетия прошлого века геолого-разведчики исследовали большие территории от Кеда (Kedah) до реки Патани; Бейли в 1892 г. ознакомился с горами между реками Галас и Джелей, а Хью Клиффорд и его помощники в 1895 г. произвели съемку и нанесли на карту большую область в Тренггану. Систематическая съемка ведется в настоящее время правительством Малайской федерации (одним из департаментов), и хотя некоторые лесные районы до сих пор не исследованы, все же надо думать, что каких-либо больших открытий в области орографии полуострова ждать не приходится.

7. Китай и Япония

На основе съемок, произведенных иезуитами в XVII столетии, была составлена довольно точная карта Китая, но с той поры до второй половины XIX в. движения вперед в изучении Китая не замечалось. Конечно, в Китай путешественники по временам приезжали, но лишь очень немногие проникали далеко в глубь страны. Клапрот проехал в Пекин через Сибирь и двинул вперед изучение Ляодунского полуострова. В ходе своей неудачной торговой миссии 1793 г. также посетил Пекин лорд Маккартни[1], а в 1816 г. в столице Китая побывала другая английская миссия, также безуспешно хлопотавшая о разрешении свободной торговли[2]. Еще раз через несколько лет в Пекин вновь прибыли русские[3].

[1] Книги его через несколько лет были переведены на русский язык под названием «Путешествие во внутренность Китая и в Тартарию, учиненное в 1792, 1793 и 1794 гг. лордом Макартнеем, присланником английского короля при китайском императоре», тт. I—IV, М., 1804. Через четверть века издан был пересказ *Фан-дер-Фельде*: «Английское посольство в Китае. Повесть из последней половины XVIII столетия» (СПБ, 1829).—*Прим. ред.*

[2] Имеется в виду посольство Амгерста.—*Прим. ред.*

[3] См. *Е. Ф. Тимковский*, «Путешествие в Китай через Монголию» (1824), франц. и англ. переводы, 1827.—*Прим. ред.*

Все усилия иностранных дипломатов и торговых представителей разбивались о нежелание китайцев иметь дело с иностранцами. Однако в течение этого первого периода некоторым миссионерам удалось поездить по Китаю и собрать кое-какие сведения. Наиболее прославленными из них являются два монаха-лазариста—Габе и Юк (Huc). Они были посланы, чтобы положить начало пропаганде христианства в Монголии, и работа их повернулась так, что в 1843—1846 гг. они совершили замечательное путешествие в Лхасу. Нет ни малейшего повода ставить под сомнение достоверность этого путешествия, описание которого составлено Юком, хотя некоторые детали его, конечно, неверны[1].

Так называемая «опиумная война» с Англией несколько приоткрыла Китай для иностранцев[2], и одному англичанину, Роберту Форчюну, удалось совершить путешествие по прибрежным провинциям и познакомиться с китайскими методами чайной культуры (1848—1856 гг.), другой же—Локкарт, проживавший в долине Янцзыцзяна, собрал в 1858 г. полезный материал по Китаю в целом. Как раз в эти годы происходили события, обеспечившие настоящее исследование страны в последующий период.

Инцидент с судном «Арроу» (1856 г.) повел ко второй англо-китайской войне 1857—1860 гг.[3] Из Англии в Китай прибыла флотилия под командованием капитана Шерарда Осборна, состоявшая из пятнадцати канонерских лодок, две из которых поднялись на 1000 *км* вверх по Янцзы до Ханькоу. Успех этой экспедиции побудил англичан потребовать открытия Янцзыцзяна для иностранной торговли. Окончательный договор 1860 г. подтвердил общие

---

[1] На русском языке это описание вышло в двух переводах: *Гюк* и *Габе*, «Путешествие через Монголию и Тибет к столице Дале-Ламы», М., 1866. *Е. Р. Гюк*, «Воспоминания о путешествии по Татарии», М., 1866.—*Прим. ред.*

[2] Речь идет о грабительской первой опиумной войне (1839—1842 гг.), поводом к которой послужила конфискация и уничтожение в Кантоне, по приказу китайских властей, большого количества контрабандного опиума, принадлежавшего английским купцам. После оккупации англичанами Шанхая и высадки десанта у Нанкина был заключен неравноправный англо-китайский Нанкинский договор: Китай уступил Англии Гонконг, уплатил значительную военную контрибуцию и открыл для иностранной торговли пять крупных портов, а по дополнительному договору 1843 г. Китай предоставил англичанам права экстерриториальности. В 1844 г. были подписаны неравноправные договоры с США и Францией. Таковы были предпосылки «подъема географического исследования Китая европейцами» во второй половине XIX в.—*Прим. ред.*

[3] Так называемая «вторая опиумная война», которую англичане вели уже совместно с французами. Предлогом для нее был арест китайскими властями нескольких китайских же контрабандистов, находившихся на судне «Арроу» и числившихся в составе его команды. После протеста английского консула арестованные контрабандисты были немедленно освобождены, но Англия воспользовалась этим «оскорблением» английского флага для новой грабительской войны.—*Прим. ред.*

торговые привилегии иностранцев, полученные ими по первому договору 1842 г.

Почти сразу же вслед за этим началось исследование внутренней части Китая, главное участие в котором приняли англичане. В 1861 г. Мичи совершил поездку из Тяньцзиня в Мукден; Блекистон и другие проследили течение Янцзы на 2900 *км* вверх от устья; Моррисон проехал по Великому Каналу; Ричардс и Слоссин занялись изучением округи Пекина; Диксон, Бич и другие совершили путешествие в 1100 с лишком *км* из Кантона в Ханькоу; Легге поднялся вверх по реке Дунцзян в Гуандуне, продолжив этим более раннее путешествие Макклеверти (1859 г.). Уже то обстоятельство, что в одном 1861 г. было совершено столько путешествий, может служить указанием на коренное изменение ситуации в Китае. И путешествия эти не были преходящим явлением: они продолжались неослабевающим темпом и в последующие годы. В 1862 г. лазаристский миссионер Давид приступил к первому из своих многочисленных путешествий, совершенных главным образом по Северному Китаю. В течение трех лет, не прекращая исполнения своих миссионерских обязанностей, он создавал в Северном Китае и Маньчжурии зоологическую коллекцию, а с 1865 г. целиком перешел на естественно-научную работу. В 1866 г. он захватил в орбиту своих путешествий Монголию, а в 1868—1870 гг. он совершил путешествие по Янцзы за пределами границы собственно Китая. Давид продолжал свою работу в Северном Китае до 1874 г.

Исследования Давида совпадают по времени с рядом других важнейших путешествий по Китаю. В 1863 г. американец Пампелли приступил к тем своим путешествиям, на основе которых была создана первая геологическая карта Китая. В следующем году Бастиан на пути из Японии в Европу проехал через Северный Китай и Монголию. Между 1864 и 1867 гг. миссионер Вильямсон три раза посетил Маньчжурию и обнаружил, что это «была очень интересная, многообещающая страна, а не голая, дикая, беззаконная местность, как было принято думать». В 1866 г. он совершил поездку в Шаньси.

Как раз в те годы, когда Вильямсон путешествовал по Маньчжурии, Ней Илиас (Elias) начал в 1867 г. свою блестящую карьеру исследователя с детального изучения реки Цзяньтан. В следующем году он проехал по Великому Каналу от Шанхая до Кайфына и исследовал новое русло Хуанхэ от этого последнего пункта до устья, собрав много ценного материала об изменении Хуанхэ своего течения. В 1870 г. он произвел съемку старого русла реки. Еще через два года Илиас проехал из Китая через Монголию. По пути он сделал множество астрономических наблюдений, отчего научная ценность его путешествия еще более выиграла.

Трехлетнее пребывание в Ханькоу дало Оксенхему возможность собрать обширный материал относительно разливов Янцзы, привлекавших в то время большое внимание. В 1867 г. английский консул Суинхо отправился вверх по Янцзы с торговой миссией. Он захватил с собой двух топографов, проделавших ценнейшую работу. Экспедиция достигла Чунцина и донесла оттуда, что выше подняться на пароходах было нельзя. На следующий год по реке поднялся Т. Т. Купер и достиг Дацзяньлу. Пограничные власти заставили его повернуть обратно от Батанга. В 1870 г. он сделал попытку проникнуть в Китай со стороны Ассама, но потерпел неудачу, внезапно заболев.

В 1868 г. директор Пекинской обсерватории Фриче проехал через Монголию в Нерчинск для ознакомления с расположенной там метеорологической станцией. Ему удалось собрать кое-какой материал по Монголии, которую он характеризовал как «степную, редко населенную страну с постепенно усыхающими озерами и реками». В следующем году Дж. Маркхем совершил путешествие по редко посещаемому Шаньдунскому полуострову.

Эти достижения, падающие на короткий десятилетний период, способствовали большому росту знаний о Китае. Все они, однако, бледнеют перед великолепной работой, проделанной Ф. Рихтгофеном, который отправился на восток в 1860 г. с торговым поручением и объехал ряд мест, в том числе Японию и Формозу. Исходным пунктом его китайских путешествий был Шанхай, откуда он выехал в первую экспедицию в сентябре 1868 г., а вернулся из последней в мае 1872 г. За эти годы он совершил семь путешествий во внутренние области, из которых наиболее важными являются третье (1869 г.)—через Шаньдун и Южную Маньчжурию, пятое (1870 г.)—через Центральный Китай от Кантона до Пекина и последнее (1871—1872 гг.)—по Северному и Западному Китаю от Чжили до Сычуани. Ценнейшие материалы по геологии и физической географии Китая, собранные Рихтгофеном, были опубликованы в его монументальном пятитомном труде «Китай», а его «Атлас Китая» представляет собой большой шаг вперед по сравнению со всеми предшествующими картографическими изображениями Китая.

В 1870 г. экспедиция Российского Географического Общества во главе с архимандритом Палладием пересекла всю Маньчжурию, совершив путешествие почти в 1600 *км* через одну из наименее известных областей Китая. В этом же году на противоположном краю Китая ханькоуский негоциант по фамилии Дюпюи проехал из Гонконга к реке Сонгкой в Тонкине и поднялся по ней до Лаокая. Последнее путешествие открывает собой целую эру исследований отдаленных областей юго-западного Китая, в глубокой

мере изменивших наши представления о нем[1]. Вслед за экспедицией Гилла из Ченду (в Сычуани) через юго-восточную окраину Тибета в Дали, а оттуда в Бхамо (1877 г.) последовала экспедиция Маккарти, который повернул от Чунцина на юг, проехал через центральную часть провинции Гуйчжоу в Юньнань и из Дали добрался до Бхамо. В том же году (1877 г.) Э. К. Бейбер, выехав из Чунцина, проехал сначала в Ченду, а затем прошел почти параллельно (но западнее) трассы Маккарти и также добрался до Дали. Вскоре Сеченьи, уже ранее пытавшийся проехать через Монголию из северо-западного Китая, пересек в 1880 г. Юньнань с севера, а Колкхоун в 1881 г.—с запада, произведя при этом маршрутную съемку пути от Учжоу на реке Сицзяне до Дали, по почти совершенно незнакомой местности.

В то время как шло открытие юго-запада, два других путешественника работали над восполнением недостающих деталей в других областях. На юге Моррисон совершил два путешествия во внутренних областях,—первое из Ханькоу в Кантон через богатую минералами южную Хунань, а второе—от Чжэньцзяна, вблизи устья Янцзы, в Тяньцзинь. В эти же годы Китай посетила русская экспедиция под начальством Сосновского. Ее исходным пунктом был Ханьчжун, а целью—открытие лучшего варианта пути из Семипалатинска в Китай и выяснение торговых перспектив. Русские отправились в путь в январе 1875 г., проследовали на северо-запад через Ланьчжоу и Аньси и после этого проехали Монголию до долины верхнего Иртыша[2].

После этого больше внимания стали привлекать западные области Китая. В 1882 г. в Сычуань приехал вновь назначенный английский политический представитель для Западного Китая Хоузи, который начал этим свою многолетнюю деятельность по изучению Китая. В течение последующих трех лет он объездил всю Сычуань, побывав и в Юньнани на юге. Несмотря на то, что отчеты Хоузи о Китае были посвящены в первую голову экономике, они имели и большую общую ценность.

В течение последующего двадцатилетия большая часть энергии исследователей была направлена на изучение запада и в особенности юго-запада Китая. В 1896 г. Изабелла Берд совершила путешествие по северным и центральным районам Сычуани. Эти же районы объехал и Пратт, главным полем деятельности которого в 1889 и 1890 гг. была западная часть Сычуани. Мы уже упоми-

---

[1] Некоторые из этих путешествий уже упоминались нами выше, в разделе VI.—*Прим. автора.*

[2] См. *Ю. А. Сосновский*, «Русская учено-торговая экспедиция в Китай в 1874—1875 гг.», СПБ, 1876 г. *Его же*, «Экспедиция в Китай в 1874—1875 гг.», т. I, ч. I, М., 1882. *П. Я. Пясецкий*, «Путешествие по Китаю в 1874—1877 гг.», СПБ, 1882, тт. I—II (дневник члена экспедиции Сосновского).—*Прим. ред.*

нали о путешествиях принца Генриха Орлеанского[1]; в этих же местах на юго-западе в 1895 г. начал производить съемки Юньнани майор Дэвис, а в 1898 г. и в последующие годы на помощь ему пришел капитан Ч. Г. Д. Райдер. Путешественники вышли из Бхамо и покрыли съемкой большую территорию в северной, западной и южной Юньнани. Работа их отличалась высокими техническими качествами, и в результате ее карта Юньнани, до тех пор представлявшая собою белый лист бумаги, пересеченный несколькими маршрутными съемками, стала более реалистической. В той же области, хотя и независимо от них, работал д-р Р. Л. Джек, производивший по поручению китайского правительства горную разведку. Аналогичная миссия была предпринята в 1898—1899 гг. Леклером, также внесшим свою долю в изучение Юньнани. Однако и после всех этих путешествий на карте Юньнани оставался ряд белых пятен. Часть их была ликвидирована А. Ф. Лежандром, проделавшим много полезной работы в западной Сычуани и в северо-западной Юньнани (1910—1911 гг.) и изучившим почти неизвестную до того долину притока Янцзыцзяна реки Яконг.

К несколько другой категории принадлежат экспедиции Бонена (1895 г.), Футтерера (1898 г.) и д'Оллона (1906 г.). Первый из них путешествовал по кругу, начав его с Тонкина, пройдя по всей западной границе Китая в Ордос, а оттуда в Пекин. Его путешествие заполнило ряд деталей, которых нехватало в других путешествиях. Путешествие Футтерера было частью большой экспедиции через Центральную Азию. Выйдя из Кашгара, он проехал Гоби, достиг китайской провинции Ганьсу и—до того как пройти в Ханькоу через Циньлинский хребет—произвел тщательное изучение и съемку восточного Тибета. Все маршруты своего путешествия Футтерер заснял и нанес на составленные им геологические и топографические карты пройденной местности. Эти же области посетили в 1905 и последующих годах Фильхнер и геолог Тафель. Их главной целью было исследование верхнего течения Хуанхэ и лежащей к югу от нее территории вплоть до Сычуани. Путешествие их было очень успешным. Они изучили сначала пограничный Шаньси-Шэньсийский район, потом территорию между Ланьчжоу и западной границей Ганьсу и, наконец, местность за этой границей, где они прошли по большой совершенно неизученной территории.

Третьей из упомянутых выше экспедиций была экспедиция д'Оллона, повторившего в 1906 г. в некоторых отношениях то же самое, что пытался сделать Бонен десятилетием раньше. Д'Оллон прошел по западной окраине Китая от Юньнани до верхнего

[1] См. выше, раздел VI. Генрих Орлеанский вышел из Ханя; его первоначальной целью было довести до конца работу Гарнье по реке Меконг.—*Прим. автора.*

Хуанхэ и получил возможность подтвердить правильность нескольких открытий, сделанных до него немецкими путешественниками.

После Рихтгофена большая часть путешествий в Китае предпринималась по западным и юго-западным областям, а другие части Китая оставались в некотором пренебрежении. В 1892 г. через Центральную Маньчжурию проехал Уайли, но важных результатов его путешествие не дало. Однакоже к концу XIX столетия, в связи с изысканием трассы железной дороги, Северная Маньчжурия привлекла внимание русских[1]. Много полезных фактов о Маньчжурии собрал Хоузи, так же как он ранее сделал это на западе Китая. Давление России и Японии и свет, пролитый на Маньчжурию в ходе русско-японской войны, повели к гораздо более близкому знакомству с ее географией[2].

В самом начале XX столетия много работы было проделано и по южной границе, а также в Северном и Центральном Китае. Очень большая часть ее носила весьма детальный характер. Ввиду недостатка места мы можем лишь ограничиться замечанием, что в эти годы работало почти двадцать исследователей. Среди них следует упомянуть капитана Уингейта и Э. Тейхмана. Последний, в результате предпринятого им целого ряда поездок, до и после 1916 г., помог внести ряд исправлений в карты Ганьсу и Шэньси.

Исследование Китая еще не кончилось. В запутанном юго-западном клубке гор путешествовал вплоть до тридцатых годов Кингдон Уорд, сочетавший географические интересы с поисками редких растений. Ему удалось пролить свет на проблему рек юго-восточной Азии, и присуждение ему в 1930 г. медали лондонского географического общества является справедливой данью путешественнику за работу в том районе, где до него поработали более ранние английские исследователи: Маргари, Гилл, Бейбер и многие другие.

В начале XIX в. европейцы почти не знали Японии. Однако; еще до того как японцы стали перенимать европейскую культуру, некая географическая работа была выполнена одним из японцев[3], и в 1800—1817 гг. было занято все побережье Японии, а также территория в 220 тыс. кв. *км*. В 1823 г. голландцы пытались расширить торговлю с Японией и послали с этой целью

[1] Огромную работу по изучению флоры Маньчжурии выполнил в это время академик Комаров.—*Прим. ред.*

[2] Русское военное министерство опубликовало сводную географическую работу—трехтомный труд «Дальний Восток» в 1911 г. (под редакцией полк. Болховитинова).—*Прим. ред.*

[3] Речь идет, повидимому, о японском картографе Ино, составившем карту в масштабе 1 : 500 000 по материалам генерального кадастра 1778—1807 гг. О том, как японцы учились географии и картоведению у европейцев, в частности—у пленных русских, любопытные вещи рассказывает В. М. Головнин в своих записках.—*Прим. ред.*

экспедицию, одним из членов которой был натуралист П. Ф. фон-Зибольд. За время своего семилетнего проживания в Нагасаки Зибольд собрал множество самых разнообразных сведений по Японии, и работа его считалась почти тридцать лет самой авторитетной [1].

Американская военная экспедиция 1853 г. во главе с Перри повела к открытию Японии для торговли со всеми народами [2]. В 1858 г. английское правительство назначило своим дипломатическим представителем в Японию Р. Олкока. Прибыв на место, он обнаружил, что находится в совершенно неизученной стране. По многим частям побережья была произведена съемка, но во внутренней части страны были известны лишь несколько городов и дорог. Олкоку совершил несколько путешествий во внутренние районы острова Ниппон (Хонсю) и отразил плоды своего труда в классической работе «The Capital of the Tycoon».

Другой англичанин, Блекистон, совершил в 1871 г. путешествие сушей вдоль побережья всего острова Иезо, и в этом же году английское адмиралтейство произвело съемку берегов острова. В течение этого же десятилетия на остров приезжала Изабелла Берд, объехавшая также неисследованные части острова Ниппон.

Хотя ряд приезжих путешественников—и до и после Берд—дал кое-что для познания Японии,—больше всего в области научного изучения страны, до того как за это взялись сами японские геодезисты и картографы, дали двое немецких ученых. Первый из них, И. И. Рейн, отправился в Японию в 1874 г. в составе экспедиции прусского министерства торговли, делом которой было главным образом изучение японской экономики. Рейну удалось совершить ряд больших путешествий по Ниппону, Сикоку и Кюсю, в результате чего он смог опубликовать ценнейшее описание Японии.

Путешествия Науманна, руководившего в течение десяти лет японским геологическим управлением (1875—1885 гг.) были даже еще более крупными. Как и Рейн, он совершил длинные путешествия по большим Японским островам, в особенности по Северному

---

[1] С XVII в., после изгнания португальцев и испанцев из Японии и истребления местных католиков, торговать с Японией разрешалось только протестантам-голландцам, для которых отведен был искусственный островок в бухте Нагасаки—Десима. Через голландцев японские власти получили необходимейшие европейские книги и научные приборы. После «Записок» В. М. Головнина, впервые опубликованных в 1816 г. (см. выше, прим. 1 на стр. 282), труд Зибольда представляет наиболее интересную работу о Японии, написанную в первой половине XIX в. См. *Ф. Зибольд*, «Путешествие по Японии или описание японской империи в физическом, географическом и историческом отношениях, дополненное сведениями и известиями из Кемпфера и т. д.», перевод Строева, СПБ, 1854, тт. I—III.—*Прим. ред.*

[2] В это же время посетила Японию русская экспедиция адмирала Путятина на фрегате «Паллада» (1852 — 1854 гг.), описанная И. А. Гончаровым. — *Прим. ред.*

Ниппону, и сделал большой шаг вперед в изучении физической географии Японии.

Первичная триангуляция Японии была начата в 1882 г. и закончена в 1921 г. К настоящему моменту все Японские острова, Корея и Тайван (Формоза) засняты и положены на карту.

8. Центральная Азия

Своим исследованием Центральная Азия обязана главным образом русским[1], шедшим через Тяньшань, Памир и Монголию, и англичанам, проникавшим в нее со стороны Индии через Каракорумскую группу гор или через Тибетское плато. Исследование Азии началось в 1857 г. с путешествия Семенова по Тяньшаню и Шлагинтвейта в Яркенд. Характерной чертой для XIX в. является скорее большое число исследовательских экспедиций, чем из ряда вон выходящее значение какой-либо одной из них. Это верно—за одним крупным исключением. Имя одного из исследователей, а именно Пржевальского, выделяется из ряда всех других[2]. Его путешествия, начавшиеся в 1871 г. и оборвавшиеся с его смертью в 1888 г., в корне изменили карту Центральной Азии. Его деятельность требует особого рассмотрения, и ее можно считать поворотным пунктом во всей истории исследования этого района. Поэтому мы и делим историю исследования Центральной Азии на три этапа: до, во время и после Пржевальского.

В течение первого периода продвижение шло вперед по четырем направлениям. Русские начали исследование Тяньшаньского хребта, англичане достигли Памира, индийские топографы начали исследование Тибета, и кое-какая небольшая работа была проведена в Монголии.

Первой крупной экспедицией для исследования Тяньшаня была экспедиция Семенова[3]. Этот талантливый русский офицер беседовал с Гумбольдтом по вопросу о географии Центральной

---

[1] Литература о русских открытиях и исследованиях Центральной Азии очень велика. Важнейшие работы, написанные самими путешественниками или посвященные им, указаны далее, в примечаниях.—*Прим. ред.*

[2] Первую, сравнительно полную биографию Пржевальского написал *Н. Д. Дубровин*: «Н. М. Пржевальский», СПБ, 1896. Список печатных трудов Пржевальского см. в приложении к новому изданию отчета Пржевальского о его первом путешествии в Центральную Азию «Монголия и страна тангутов», М., 1946, стр. 325—330. Довоенная литература о Пржевальском суммирована в юбилейном сборнике «Великий русский географ Н. М. Пржевальский, 1839—1939» (изд. МГУ, 1939).—*Прим. ред.*

[3] Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский (1827—1914)—один из крупнейших русских путешественников и географов, организатор ряда экспедиций, благодаря которым русские заняли во второй половине XIX в. первое место в открытиях и исследованиях Центральной Азии. П. П. Семенов был также

Азии и был преисполнен желания проверить гипотезу о вулканическом происхождении Тяньшаня. Он начал путешествие с восточной стороны озера Балхаш, перевалил через Ала-Тау, вышел к озеру Иссык-Куль и проник к Хан-Тенгри в главном хребте. Ему удалось определить координаты многих точек, собрать большой материал по физической географии области, и, как ему казалось, полностью опровергнуть теорию Гумбольдта.

В 1858 г. по следам Семенова прошел Валиханов. Обойдя озеро Иссык-Куль, он повернул на юго-запад, пересек долину Нарына, так же как другие параллельные ему долины на юге, и вышел к дороге, ведущей на Кашгар[1].

Еще через четыре года третья экспедиция исследовала местность у западного конца Иссык-Куля и обошла кругом Сон-Куль. Затем здесь прошел Остен-Сакен, переваливший через весь хребет и следовавший в Кашгар западнее пути Валиханова.

Таким образом, для продвижения в Центральную Азию наметилось два пути—к востоку и к западу от Иссык-Куля. Северцов объединил оба пути в один. Уже в 1864 г. он продолжил геологические исследования Семенова и изучил горную страну между реками Чу и Сыр-Дарьей. Он определил высоты ряда точек и установил тот факт, что Кара-Тау является особым горным хребтом. В 1868 г. Северцов перенес центр тяжести своей работы на восточную часть Тяньшаня и исследовал эту территорию—частью вдоль общей трассы путешествия Остен-Сакена, частью к югу от Иссык-Куля параллельно пути, по которому шел Валиханов, но несколько севернее; частью к востоку от Иссык-Куля[2].

За Северцовым последовал Каульбарс, который объединил в одно целое все до него исследованные области Центрального Тяньшаня. Он проследовал от той области, где в 1864 г. путешествовал Северцов, до того маршрута, каким Остен-Сакен следовал в Кашгар; от этого маршрута он направился на восток по трассе путешествия Валиханова, а от этой последней трассы—далее на восток, до крайнего достигнутого Семеновым пункта.

Последней русской экспедицией этого первого периода было путешествие А. П. Федченко (1871 г.), который прошел по окраине нагорья Ала-Тау и из Ферганы повернул на юг, дойдя через Алайские горы до края Заалайского хребта, высшую точку кото-

---

историко-географом и видным статистиком, составителем и редактором географо-статистического словаря Российской империи в 5 томах. Его «Путешествие в Тянь-Шань» переиздано в 1946 г.—*Прим. ред.*

[1] «Русские в Центральной Азии» *Ч. Ч. Валиханова*—англ. перевод издан в Лондоне в 1865 г. См. Бессонов и Якубович, «По внутренней Азии», Географгиз, 1947.—*Прим. ред.*

[2] См. *Северцов*, «Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тяньшань», СПБ, 1873. Переиздано (сокращенное изд.) в 1947 г.—*Прим. ред.*

рого он назвал пиком Кауфмана в честь генерал-губернатора Туркестана[1]. Хотя сам он не дошел до Памира, но в конце этого периода русские уже вплотную подошли к «Крыше мира»[2].

Среди исследователей, двигавшихся со стороны Индии, пионерами в данном направлении явились братья Шлагинтвейт. Они пошли через Каракорумский перевал «и пересекли неровное и пересеченное плато высотой около 16 500 футов над уровнем моря и шириной около ста миль с севера на юг. Дойдя до тянувшейся с запада на восток котловины, они обнаружили между ней и низменностью Хотана другую, параллельную ей, также имевшую протяжение с запада на восток горную цепь. По их подсчетам, одна из вершин этой цепи возвышалась на 19—20 тысяч футов над уровнем моря».

Эта горная цепь была принята за Куэньлунь и сочтена доказательством общей теории Гумбольдта об отдельном существовании Куэньлуня. Двое братьев—Герман и Роберт Шлагинтвейты—достигли Хотана, но добраться до Яркенда не смогли. Третий брат, Адольф, выбравший более западный вариант пути, достиг Яркенда и дошел до точки, с которой ему был виден Кашгар, но здесь в августе 1857 г. был убит.

К этому времени операции индийского топографического управления уже охватили Кашмир, и один из военных топографов этого ведомства, В. Г. Джонсон, в 1865 г. проник из Ле в Хотан. Он провел шестнадцать дней в городе и определил его географические координаты.

Другой сотрудник топографического управления из группы так называемых «пандитов», Мирза-Шуджа (или просто Мирза), добрался в 1868 г. до Оксуса (Аму-Дарьи), открыл Чакмак-Куль, откуда повернул на северо-восток и добрался до Кашгара. В том же году Хейуорд выступил из Пешавара и прошел через Ле в Яркенд, где и приступил к выполнению основного задания. Ему удалось установить общее течение рек Каракаш и Яркенд-Дарьи и добраться до Кашгара. Его путешествие, как оно рисуется по составленной им карте, нельзя не признать очень важным. В 1870 г. он выступил в новую экспедицию. Он сразу же натолкнулся на ряд препятствий, поставленных ему местными князьками. Тогда он сложил с себя звание официального представителя лондонского географического общества и поехал дальше на свой страх и риск как частное лицо. В июле 1870 г., в надежде проникнуть в памирские степи и к истокам Аму-Дарьи, он выступил из

---

[1] В советское время найдены более высокие точки; высочайшая в Заалайском хребте—Пик Ленина (7127 *м* над уровнем моря).—*Прим. ред.*

[2] См. «Путешествие в Туркестан А. П. Федченко», т. I—III, 1875—1899.—*Прим. ред.*

Гилгита, но в начале августа Мирза был убит; все следы его путешествия затеряны.

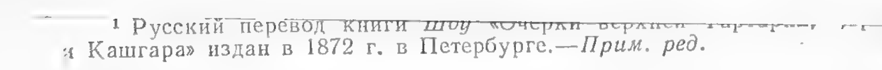
Однако в том же 1870 г. большие успехи были сделаны путешественниками, двигавшимися со стороны Индии. Побывавший в 1869 г. в Яркенде и в Кашгаре Р. Б. Шоу вновь выехал в 1870 г. в качестве члена направлявшейся в Кашгар миссии Форсайта. Последний захватил с собой также двух помощников, индусов, один из которых проехал в Яркенд через Гилгит, Ясин, Сархад и Ташкурган, а другой—туда же, но по лежавшему несколько севернее пути. Различными путями проехали также Шоу и Форсайт, и таким образом экспедиции в целом удалось собрать большой и ценный материал о территории к юго-западу от Куэньлуня и компенсировать этим удар, нанесенный убийством Хейуорда. Большую поддержку им оказал также Кейли, английский политический представитель в Ладахе, проводивший их до подножья Куэньлуня. На этом заканчивается первый период. В течение его был изучен ряд важных путей через Центральную Азию из Северо-Западной Индии; исследователи побывали на Памире и пришли в соприкосновение с русскими в Кашгаре[1].

Капитан Монтгомери полностью учел, насколько по природе труднодоступная страна делается еще менее доступной из-за враждебности населения и его правителей, и поэтому решил перейти к системе использования индийцев-пандитов для исследования этих отдаленных районов. Именно их великолепная работа и способствовала в большой мере созданию точного представления о Тибете. Первая попытка проникнуть в Тибет из Кумаона в 1864 г. окончилась неудачей; но уже в следующем году Наин-Синг достиг Цзангпо и Непала и, присоединившись к каравану, добрался в январе 1866 г. до Лхасы. В Индию он вернулся через Традом, озера Манасаровар, Кумаон и Гарвал в Муссори. Его путешествие имело крупнейшее значение. В ряде мест он сделал широтные определения, произвел «подробную маршрутную съемку на протяжении более 1900 *км* на всем пути от Катманду до Традома и по всему большому тибетскому тракту от Лхасы до Гартока» и установил точное течение Брамапутры «от ее истоков вблизи Манасаровар до той точки, где в нее впадает река, на которой стоит Лхаса». Наин-Синг производил измерения температур воздуха и точек кипения воды, что дало ему возможность определить высоту тридцати трех точек и получить некоторое представление о климатических условиях. Помимо этого, он собрал также большой материал общего характера. Уже по тому, что большую часть своих наблюдений и записей Наин-Синг делал тайком, можно судить, насколько успешно он справился со своей

[1] Русский перевод книги *Шоу* «Очерки верхней Тартарии, Яркенда и Кашгара» издан в 1872 г. в Петербурге.—*Прим. ред.*

31. Центральная Азия 1857—1884 гг.

з период между 1865 и 1892 гг. см. в «Records of the Survey of India», v. VIII (parts I—II, 1915).—*Прим. автора.*



[1] Русский перевод книги *Шоу* «Очерки верхней [illegible] и Кашгара» издан в 1872 г. в Петербурге.—*Прим. ред.*

задачей, так что Монтгомери, нисколько не преувеличивая, мог заявить, что «работа была в общем хорошо проделана» и что «ее результаты делают большую честь пандиту»[1].

Следующей предпринятой в 1867 г. экспедиции была поставлена задача—увязать произведенные в Ладахе съемки с только что полученными результатами в районе озер Манасаровар, выяснить вопрос относительно верхнего течения рек Инд и Сетледж и проверить сообщения о наличии золотых и соляных рудников вблизи Гартока. Путешествие это увенчалось полным успехом, на основе маршрутной съемки 1370 *км* пути и 190 широтных определений в 75 пунктах была создана карта территории площадью почти в 47 тыс. кв. *км*.

Третье путешествие, предпринятое на этот раз Кальян-Сингом, имело своей целью достичь лежащего за долиной верхнего Инда Рудока и территории к востоку от него. Путешествие это началось с запада и кончилось в Шигацзе на пути в Лхасу. Собственные наблюдения этого пандита, так же как собранный им из других источников материал, представляют большую ценность для географии. В это же время на территории, лежащей за Эверестом, работал еще один исследователь. Одним из результатов всех этих работ было уяснение себе того факта, «как далеко позади, или, другими словами, к северу от могучих пиков, лежит Гималайский водораздел и как велика ширина наиболее высоких частей хребта».

Таким образом, к концу первого периода исследования Центральной Азии, в западном и южном Тибете, были сделаны коекакие успехи, и во второй раз в течение целого столетия путешественникам удалось добраться до священного города Лхасы.

Что касается четвертой области, Монголии, то здесь до 1871 г. было сделано очень мало. В ходе своих амурских экспедиций 1857 и последующих лет русские ознакомились с восточными и северными окраинами Монголии. Фриче, как мы уже говорили, проехал через Гоби из Пекина, а в 1868 г. другая группа русских проехала из Пекина до местности, лежащей к северу от Алтая. В 1870 г. Радлов побывал в Кобдо, в западной части Монголии. Но до начала первого путешествия Пржевальского обо всем районе в целом было известно очень мало.

В 1871 г. Пржевальский выступил из Кяхты и через Ургу и пустыню Гоби достиг Калгана. Оттуда он совершил поездку в северо-восточную Монголию и вновь вернулся в Калган. После этого он объехал Ордос и вернулся в Пекин. В марте 1872 г. он выехал из Пекина, проехал через Ганьсу и, примерно следуя трассе путешествия Габé и Юка, достиг 14 октября Куку-Нора.

[1] Официальные сообщения об этом и других аналогичных путешествиях в период между 1865 и 1892 гг. см. в «Records of the Survey of India», v. VIII (parts I—II, 1915).—*Прим. автора.*

«Берега Кукунора,—пишет он,—не извилисты и очень мелки; вода соленая, не годная для питья. Но эта соленость придает поверхности описываемого озера превосходный темноголубой цвет, на который обращают внимание даже монголы и удачно сравнивают его с цветом голубого шелка. Вообще вид Кукунора чрезвычайно красив, в особенности когда мы застали это озеро поздней осенью и окрестные горы, уже покрытые снегом, стояли белой рамкой широких, бархатно-голубых вод, убегавших к востоку от нашей стоянки за горизонт».

Пржевальский продолжал свой путь в Цайдам, о котором он пишет:

«Цайдамские равнины, бывшие, по всему вероятию, в недавнюю геологическую эпоху дном огромного озера, представляют сплошное болото, почва которого настолько пропитана солью, что эта соль местами лежит толстой, в $^1/_2$—1 дюйм, корой наподобие льда... Глинисто-соленая почва этой страны, конечно, не способна производить разнообразной растительности. За исключением лишь нескольких видов болотных трав, местами образовавших площади вроде лугов, все остальное пространство покрыто тростником высотою от 4 до 6 футов».

Ему пришлось исправить некоторые неточные или преувеличенные описания Юка. Пржевальский достиг одного из истоков Янцзы и надеялся продолжать свой путь до Лхасы, но недостаток материальных средств заставил его вернуться. Он направился назад в Куку-Нор, прошел по окраине Алашаня и круто повернул на север, пройдя пустыню Гоби в самой широкой ее части до самой Урги. Он не дошел, таким образом, лишь 500 миль до Лхасы и исследовал огромные неизвестные территории. «В число достижений его экспедиций, не считая собирания богатых коллекций растительного и животного мира посещенных им стран, входит также открытие в Ганьсу, к северу от верховьев Хуанхэ и к востоку от Куку-Нора, влажного горного района, богатого лесами и имеющего обильные осадки, хотя и изолированного окружающими его бесплодными и пустынными территориями»[1].

Между первым и вторым путешествиями Пржевальского в исследовании Центральной Азии были достигнуты небольшие успехи—главным образом индийскими и английскими исследо-

---

[1] *Е. Д. Морган* (*E. D. Morgan*, Prjevalsky's Journeys and Discoveries in Central Asia). Цит. по русскому оригиналу: *Пржевальский*, «Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в восточной нагорной Азии», тт. 1—2, СПБ, 1875—1876; т. 1 переиздан под тем же названием в 1946 г. Гос. издат. геогр. лит. под редакцией и со вступительной статьей Э. М. Мурзаева.—*Прим. ред.*

вателями. Летом 1872 г. из Пекина выехал в экспедицию Ней Илиас, поставивший себе целью найти местоположение древнего Каракорума. Он проехал через Гоби на Улясутай, проделав более 3200 *км* и произведя большое число астрономических наблюдений. В следующем году часть северной Монголии исследовал русский путешественник Падерин, поставивший себе сходную с Илиасом цель. Падерин обогатил науку новыми данными о верхних течениях Орхона и Селенги. В то же время Фриче пересек восточную Монголию и в ходе путешествия в Нерчинск провел некоторое время в изучении ее юго-восточных областей. За одним лишь исключением, все другие экспедиции во время этого перерыва в работе Пржевальского предпринимались из Индии. В 1872 г. русский путешественник Сосновский принял участие в экспедиции к Черному Иртышу и в Джунгарию, в результате чего были произведены большие улучшения в карте этих областей.

В 1871 г. индус Хари-Рам пробрался из Дарджилинга через Сикким в Шигацзе (Тибет). Вернулся он через территорию к северу от горы Эверест и Непал. Он смог вновь подтвердить, что водораздел лежал «далеко позади, или, другими словами, к северу от высоких, видных из Индостана горных вершин». Был получен ценный материал относительно долины верхнего течения реки Арун, и в общем путешествие «вскрыло географию территории почти в 30 000 кв. миль, до того совершенно или почти совершенно неизвестной». Как писал в то время Монтгомери, «Работа Рама, по моему мнению, является ценным вкладом в географию области по ту сторону индийской границы». Еще большую ценность представляло путешествие Кишен-Синга[1]*, вышедшего в 1871 г. из Кумаона и произведшего маршрутную съемку от Шигацзе до большого, лежащего к северу от Лхасы озера Тенгри-Нор. Дальше он прошел через Лхасу, переправился через Брамапутру и вернулся в Шигацзе.

«Его дорожная съемка,—писал Монтгомери,—покрывает свыше 320 миль на территории, до того абсолютно неведомой. В нескольких местах он произвел определения широты, а в двадцати четырех пунктах—высоты по анероиду и точке кипения воды. Пролит свет на географию области, площадью примерно в 12 000 кв. миль, и тщательно исследован один из северных притоков верхней Брамапутры, что дает некоторое представление о том, как далеко лежит северный водораздел этой реки».

В 1873 г. Хари-Рам совершил второе крупное путешествие, пройдя из Кумаона на Традом и вернувшись через Непал. Однако, как ни важно это путешествие, его затмила экспедиция того

[1] Известного под условной кличкой А. К.—*Прим. автора.*

* Как выше указывалось, пандиты были платными штатными агентами английской разведки; в отчетности они значились под шифром.—*Прим. ред.*

самого Наин-Синга, что уже совершил свое знаменитое путешествие в Лхасу. Он выступил в путь 15 июля 1874 г. в сопровождении троих слуг и прошел по западному Тибету параллельно реке Брамапутре, но севернее ее, до озера Тенгри-Нор. Здесь он повернул на юг и 18 ноября вступил в Лхасу, откуда он послал донесение о достигнутых результатах в Ладах, а сам отправился на исследование области, лежащей к югу от столицы, и в марте 1875 г. прибыл в Ассам. Путешествие его имело крупнейшее значение, и результаты его следующим образом суммируются в официальном отчете:

«Помимо собирания сведений общего характера, пандит [Наин-Синг] произвел очень добросовестную и хорошо выполненную маршрутную съемку всего пройденного пути, то есть 1013 миль от Лукунга (по западной стороне озера Пангонг) до Лхасы и 306 миль от Лхасы до Оялгури. Из этих 1319 миль пути, по которому он тщательно отмечал азимуты и расстояния шагами, 1200 миль проходят по местности, до того совершенно не исследованной. Были открыты многочисленные озера (некоторые из них огромной величины) и несколько рек. Ясно доказано существование обширного, покрытого снегом хребта, проходящего параллельно и севернее Брамапутры, установлено положение нескольких пиков этого хребта и приблизительно определена их высота.

Пандит проследовал на расстояние в тридцать миль по течению Брамапутры, то есть на 50 миль ниже самого низшего из до сих пор достигнутых по ее течению пунктов, и установил приблизительное течение реки еще на 200 миль, в результате чего остающаяся неизвестной часть течения этой могучей реки весьма существенно уменьшилась. Он произвел также тщательную съемку пути между Лхасой и Ассамом через Таванг, о котором до тех пор почти ничего не было известно».

Кроме того, были получены новые данные о климате Тибета.

Это было последним путешествием первого из пандитов Наин-Синга. Здоровье его было подорвано, и он решил выйти в отставку. Ему была дана в награду деревня в Рохильканде с доходом в тысячу рупий, и он был награжден орденом Индийской империи. Как писал лорд Солсбери, «... успешные путешествия пандита... много лет приковывали к себе внимание не только англичан, но и географов всей Европы».

Дальнейший свет на проблему Брамапутры пролил своим путешествием Лала (1875—1876 гг.). Он прошел от Дарджилинга до Шигацзе на Брамапутре, затем вдоль нее около восьмидесяти *км*, пока дорога не ушла в сторону от реки, сделал петлю в южном направлении, опять вышел к реке и опять прошел вдоль нее еще почти сто *км* и отсюда повернул на юг, так как дальше

без вооруженного конвоя двигаться было немыслимо. Лала достиг Бутана, но там был задержан и отправлен в Лхасу. На его счастье, еще до прибытия в Лхасу, его отпустил какой-то мелкий чиновник под предлогом того, что в одном документе не было точно соблюдена какая-то форма. Лала вернулся в Шигацзе и оттуда в Индию.

Пока, таким образом, шло изучение юго-восточного и южного Тибета, был сделан большой важный шаг и в изучении территории к северо-западу от Индии. Так, в 1870 г. Хайдер-Шах совершил путешествие из Пешавара в Файзабад через Читрал, в 1872 г. произвел маршрутную съемку дороги между Кабулом и Бухарой и в следующем году из Файзабада вышел к Аму-Дарье.

В 1873 г. Дуглас Форсайт отправился к Кашгар во главе экспедиции, имевшей наполовину политический характер. В нее входили руководивший топографическими работами капитан Г. Троттер, капитан Биддалф, лейтенант Гордон и д-р Столичка. Все они дали многое для познания географии Памира, и их работа является первым серьезным вкладом англичан в научное изучение этой части мира[1]. Много материала собрали и входившие в состав экспедиции индийские топографы. Абдул Субхан проделал ценную работу по Аму-Дарье, а другой индус, Кишен-Синг, совершил обратное путешествие в Индию из Яркенда через Хотан, западный Тибет и Ле, что позволило ему во многом дополнить тот материал, который Шоу собрал в ходе своего путешествия 1870 г. Наконец, пандит Ата-Махомед в 1874 г. добрался через Читрал в Яркенд и в 1876 г. прошел вдоль диких ущелий Инда, проследив его течение от равнин вверх до Бунджи, после чего исследовал Ясин.

К 1876 г., когда Пржевальский вышел в свое второе путешествие, некоторые шаги вперед были сделаны уже по всем окраинам Центральной Азии. На этот раз Пржевальский поставил себе целью добраться до Лхасы с севера. Экспедиция выступила из г. Кульджи, лежащего в верхней долине Или, и направилась через Тяньшань в долину Тарима, следуя которой дошла до Лоб-Нора. Экспедиция открыла хребет Алтын-Таг, и была сделана попытка найти проход в нем, окончившаяся безрезультатно «ввиду наступления глубокой зимы и недостатка времени». Все же было проделано достаточно, чтобы установить общие черты орографии местности.

«Нам удалось,—писал Пржевальский,—исследовать описываемые горы, то есть, собственно, их северный склон, на протя-

[1] Книги участников этой экспедиции переводились на русский язык: *Гордон*, «Путешествие на Памир», перев. М. И. Венюкова, СПБ, 1877: *Биддельф*, «Народы, населяющие Гиндукуш», перев. Б. Лессара, Ашхабад, 1886.—*Прим. ред.*

жении около 300 верст, считая к востоку от Чархалака. На всем этом пространстве Алтын-Таг служит окраиною высокого плато к стороне более низкой Лоб-Норской пустыни. Высокое же плато по южной стороне описываемых гор составляет, по всему вероятию, самую северную часть Тибетского нагорья. Так, по крайней мере, можно с большой вероятностью предполагать, судя по рассказам местных жителей, которые единогласно уверяли нас, что юго-западные продолжения Алтын-Тага тянутся без всякого перерыва (несомненно, все так же каймою более низкой пустыни) к городам Кириэ и Хотану. К востоку, по словам тех же рассказчиков, описываемый хребет уходит очень далеко, но, где именно оканчивается,—лобнорцам неизвестно»[1].

Сделав это важнейшее в истории данной экспедиции открытие, Пржевальский вернулся в Кульджу.

Между 1876 и 1879 гг., когда Пржевальский выступил в свое третье путешествие, в исследовании Центральной Азии был сделан чрезвычайно большой шаг вперед, главным образом благодаря трудам русских путешественников. В области Тяньшаня члены экспедиции Форсайта, Столичка и Троттер, пересекли Памир, вышли к Аму-Дарье, спустились по ней до низменной части ее долины и в 1874 г. достигли Пендинского оазиса на афганской границе. Сосновский, в 1872 г. занимавшийся исследованием Черного Иртыша и части Джунгарии, прошел на территорию Китая примерно по той же трассе, что и Пржевальский, и из Ханчжуна прошел через пустыню в Джунгарию. Его экспедиция дала первое современное описание Хами и первая совершила обширное путешествие по Джунгарии. Между 1874 и 1880 гг. большую детальную работу провели Романовский и Мушкетов. Они охватили всю область западных гор от Алая и северного склона Памира через Ала-Тау и Тяньшань до самого Тарбагатайского хребта. Первый занялся съемкой отдельных, разбросанных по всей области ареалов[2], Мушкетов же ограничился Центральным Тяньшанем, геологию которого он обследовал тщательнейшим образом. Еще дальше к северо-востоку две экспедиции в область, лежащую северо-восточнее Алтая, и в Джунгарию совершил в 1876 г. и в 1878—1879 гг. Певцов[3]. В ходе своей

[1] Цит. по русскому оригиналу. *Н. М. Пржевальский*, «От Кульджи за Тяньшань и на Лоб-Нор», «Изв. ИРГО», т. XIII, стр. 34—35.—*Прим. ред.*

[2] См. *Г. Д. Романовский*, «Материалы для геологии Туркестанского края», тт. I—III, СПБ, 1878—1890.—*Прим. ред.*

[3] «Труды Тибетской экспедиции 1889—1890 гг. (под начальством М. В. Певцова»), чч. I—III, СПБ, 1892—1896. «Путевые очерки Джунгарии» и «Очерки путешествия по Монголии к северным провинциям Внутреннего Китая» Певцова см. в «Записках Западно-Сибирского отделения ИРГО» в 1879 и 1883 гг. О Певцове см. *В. В. Обручев* и *Н. Г. Фрадкин*, «По внутренней Азии», Географгиз, 1947.—*Прим. ред.*

первой экспедиции он пересек Джунгарию по реке Урунгу и достиг высшей точки восточного Тяньшаня—Богдо-Ола. В свою вторую экспедицию он совершил переход из северного Алтая к Куку-хото, на окраине Монголии, вернулся в северо-западную Монголию и, пройдя за Улясутай к северу от того пути, каким он вышел в путешествие, завершил этим работу Падерина (1872 г.). В 1876 г. Кропоткин[1], на пути из Ферганы в Кашгар, перевалил Тяньшань и пешком пересек всю низменность вплоть до Корла. Несколько членов его экспедиции проникло еще дальше, до Баргаш-Куля, а на обратном пути был открыт еще один проход в хребте, ведущий от Аксу. В том же году Потанин совершил свое первое из целого ряда важных путешествий по северо-западной Монголии и восточной Джунгарии. Из северной Джунгарии он направился через Алтай в Кобдо и вновь пересек Алтай (монгольский) на пути в Баркуль и Хами. После короткой остановки он в третий раз перевалил через Алтай, на этот раз на пути в Улясутай, откуда он прошел к озеру Косогол. Повернув отсюда на запад, он прошел по южной окраине хребта Танну-Ола к Убса-Нору и Кобдо. В ходе этой ценной экспедиции Потанин пересек маршруты Певцова, объединил в одно целое исследования его и Сосновского и со своей стороны исследовал большие неизученные области[2].

Последними из приходящихся на этот период путешествий были экспедиции 1876—1877 и 1878—1879 гг., совершенные ботаником Регелем. Он объездил большую часть района северного Тяньшаня к востоку от Иссык-Куля и в ходе работы заходил далеко на восток, став первым ученым, достигшим Турфана.

Успехи были достигнуты и в районе Памира. В 1876 г. русская экспедиция Витгенштейна, в состав которой входил в качестве географа Костенко, пересекла Алтай. Экспедиция в целом дальше не пошла. Витгенштейн и Костенко проследовали дальше на юг, к озеру Большой Кара-Куль, и были первыми европейцами нового времени, завидевшими его воды. Оба они зашли на некоторое расстояние к югу от озера. На следующий год Северцов перевалил со своим отрядом через Заалайский хребет и исследовал местность между ним и озером Большой Кара-Куль. В 1878 г. они продвинулись на юг от озера и произвели съемку местности до пункта к востоку от Ешиль-Куля, на одном из верховьев Аму-Дарьи, где четырьмя годами ранее исследования

[1] О Петре Алексеевиче Кропоткине см. выше, примечание 2 на стр. 285—*Прим. ред.*

[2] Из основных работ Г. Н. Потанина см.: «Очерки северо-западной Монголии», тт. I—II, СПБ, 1881, III—IV, СПБ, 1883; «Тангуто-тибетская окраина Китая и центральная Монголия», тт. I—II, СПБ, 1893; «Поездка в среднюю часть Большого Хингана летом 1899 г.», «Изв. ИРГО», XXXVII, 1901, стр. 335—483. См. также *В. А. Обручев,* «Г. Н. Потанин», АН СССР, М., 1947; избранные труды: *Г. Н. Потанин,* «Путешествия по Монголии» (со вступительной статьей акад. Обручева), Географгиз, 1948.—*Прим. ред.*

производил Троттер. В том же году Мушкетов обследовал часть пройденной этой экспедицией местности со стороны ее геологической структуры. Результаты этой экспедиции имели крупное значение, так как она «разрешила основной вопрос, касающийся географии Памира и его орографических особенностей. Памир оказался не высоким пустынным плато, пересеченным несколькими незначительными хребтами, как себе представляли некоторые, даже после произведенных в 1873—1876 гг. русскими и англичанами съемок, а, как обнаружила экспедиция, системой высоких долин—причем не цепью долин общим простиранием с востока на запад между сравнительно низкими хребтами, как предполагал Федченко, а целой сетью долин, пересекавшихся под различными углами цепями, образовавшими обширные горные массивы».

Хотя эти результаты были опубликованы и в России и за границей в 1880 г., старые представления оказались живучими, и в 1895 г. Керзону пришлось выступить против них[1].

Известные успехи были сделаны со стороны Индии. Работа пандитов шла без перерыва. На северо-западе один из них исследовал Сват и «проследил приток Инда—Кандию—до его устья, у крутого поворота Инда на юг». На противоположном конце границы Индии Нем-Синг выступил из Дарджилинга, чтобы «пройти по течению реки Цзангпо от Цзетанга как можно дальше вниз». Он прошел по ней 456 *км* до Гьялы, и из его отчетов можно было прийти к весьма правдоподобному заключению, что воды Цзангпо через реку Диханг находят себе сток в Брамапутру в Ассаме. Однакоже самые замечательные достижения выпали на долю Кишен-Синга, выступившего в свое последнее путешествие в 1878 г. Из Дарджилинга он дошел до Лхасы, а потом пересек весь Тибет в поперечном направлении с юга на север, перевалил через Алтын-Таг и достиг Сачжоу, в котором в свое третье путешествие побывал и Пржевальский. Сачжоу был крайним северным рубежом путешествия Кишен-Синга; однако вместо того чтобы вернуться обратно тем же путем, Кишен-Синг пересек восточный Тибет (Сикан) до города Дацзяньлу (Кандин) и оттуда до Батанга и Самы. Отсюда в Ассам его не пропустили, так что он повернул на север, сделал громадную петлю, чтобы обойти Брамапутру, и вышел к ней у Цзетанга. Теперь он был уже в хорошо знакомой местности, прошел в Индию и 12 ноября 1882 г. прибыл в Дарджилинг. Нет возможности суммировать в нескольких фразах всю величину его достижений. Он не только прошел по огромной совершенно неизвестной территории, но

[1] Есть русский перевод книги Керзона: «Памиры и истоки Оксуса» («Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», LXXII, 1898).—*Прим. ред.*

и собрал по ней поразительно полный материал общего характера, как то: температурные данные, направления ветров, статистику населения, подробности торговли. Этим своим одним путешествием он связал в одно целое районы путешествий англичан с зоной, достигнутой русскими; посещение же им Дацзяньлу объединило индийские маршруты с китайскими. Он сделал то, чего не смогли сделать ни Гилл, ни его преемник. Это путешествие было блестящим завершением карьеры крупнейшего исследователя.

В этот период шло исследование и Монголии, но оно входило составной частью в уже рассмотренные нами путешествия по другим частям Центральной Азии.

Таким образом, к тому моменту, когда Пржевальский выступил в свое третье путешествие, совпавшее по времени с путешествием Кишен-Синга, карта Центральной Азии подверглась значительным изменениям. Пржевальский вышел в 1879 г. из Зайсана, проехал через Джунгарию в Хами и оттуда направился далее на юг через Тибет в Лхасу. Он перевалил через Алтын-Таг, прошел к востоку от Цайдама и, наконец, перейдя хребет Танла, вышел к деревне всего лишь в 274 *км* от Лхасы. Здесь он остановился в ожидании разрешения на дальнейший путь, но, не добившись его, вынужден был повернуть обратно. Вместо того чтобы вновь идти через Гоби, как он сделал на пути из России, он повернул на восток, прошел вдоль Хуанхэ, а потом, как и в свое первое путешествие, пересек пустыню и вышел к Кяхте. Пржевальский был первым европейцем, проникшим в северный Тибет, и первым, опубликовавшим его общегеографическое описание. Помимо собранного таким образом ценного материала, ему удалось на обратном пути лучше изучить и китайскую границу[1].

В период, протекший между третьим и четвертым путешествиями Пржевальского, сделано было сравнительно мало. В ходе своего второго путешествия, предпринятого в 1879 г., Потанин исследовал хребет Танну-Ола и местность вокруг озера Косогол, завершив этим свое ранее начатое исследование. К несчастью, результаты работ этой экспедиции погибли во время пожара в Иркутске в 1880 г. Регель продолжал свои ботанические работы по западной окраине Памира. Мы уже упоминали об экспедиции Сеченьи в Монголию и на тибетскую границу. В 1882 г. Евтюгин, выйдя из Джалайнора, прошел к западу от Большого Хингана, пересек северо-восточную Монголию и вышел к озеру Кулунь. В том же году Ванин совершил путь от Джалайнора до Урги. Что касается Тибета, то кое-какие новые данные о нем были получены

[1] См. *Пржевальский*, «Третье путешествие в Центральную Азию. Из Зайсана через Хами и Тибет на верховья Желтой реки», СПБ, изд. ИРГО 1883; 2-е изд., Географгиз, 1948.—*Прим. ред.*

от уроженца Сиккима, некоего Кинтупа, который отправился было для дальнейшего исследования Брамапутры в качестве провожатого ламы, но был продан в рабство и сумел бежать лишь через четыре года, достигнув Индии в 1884 г. Он подтвердил теорию, в правильности которой после последнего путешествия Кишен-Синга почти никто не сомневался, что Брамапутра, Диханг и Цзангпо были одной и той же рекой.

Целью четвертого путешествия Пржевальского (1883—1884 гг.) было более полное исследование Тибета и Восточного Туркестана. Он выехал из Урги, проехал через Гоби к Алашаню, достиг долины верховья Янцзы (Дза-чу), но, обнаружив, что переправиться через нее он не в состоянии, вернулся для исследования той местности, где берет свое начало Хуанхэ. Проехав оттуда к югу от Цайдама и к северу от ряда горных хребтов, которые он назвал хребтами Марко Поло, Колумба и Московским, он достиг «Долины Ветров», которую и исследовал. Повернув обратно на север, он перевалил через Алтын-Таг и вышел к Лоб-Нору. Отсюда он продолжал путь на запад, вдоль подножья Алтын-Тага, но все его усилия проникнуть на юг в Тибет разбились о чинимые китайцами препятствия. В конце концов, он достиг Хотана, откуда повернул на север, перешел через пустыню Такла-Макан, вышел на Аксу и направился через Тяньшань к Иссык-Кулю. Одним из важнейших результатов этого путешествия было выяснение рельефа Северного Тибета. Вот что писал сам Пржевальский по этому поводу:

«Знаменитый Куэньлунь, этот «позвоночный столб Азии», как называет его барон Рихтгофен, до последнего нашего путешествия оставался совершенно неизвестным на 12° по долготе, считая от меридиана Цайдамской реки Найджин-Гол почти до меридиана оазиса Кэрия в Восточном Туркестане. Ныне нам удалось пройти вдоль этой неведомой полосы древнейшего из хребтов Азии и до некоторой степени выяснить здесь топографический рельеф главного его кряжа. Этот последний в районе, нами рассматриваемом, представляет собой дугообразный выгиб, восточная и западная оконечности которого лежат почти на одинаковой широте около 36 параллели, тогда как поднятая северная часть касается как раз 38° северной широты. Немного западнее отсюда, на 87° восточной долготы (от Гринв.), там, где от главной цепи описываемого хребта отделяется еще севернее лежащий Алтын-Таг, может быть проведена западная граница той средней части Куэньлуня, которая, по изысканиям барона Рихтгофена, простирается к востоку приблизительно до 104° восточной долготы (от Гринв.) и характеризуется широким разветвлением на систему параллельных цепей. Главная из них, то есть собственный Куэньлунь, служит, как и во всей западной своей части, гигантскою оградою высокого нагорья северного Тибета, на этот раз к стороне

пустынь и солончаковых равнин Цайдама, затем прорезывает верховья Желтой Реки и далеко уходит к востоку внутрь Китая»[1].

В 1888 г. Пржевальский подготовил пятую экспедицию, но умер до ее выхода в путь. Его работа в Центральной Азии была продолжена его спутниками по предыдущим путешествиям и помогла заполнить деталями начертанный им общий контур. Его исследования охватили всю Центральную Азию от Тяньшаня до Монголии и от бассейна Амура до Северного Тибета. К моменту его смерти картографирование Центральной Азии быстро шло к концу, и его доля в этом процессе такова, что он навсегда останется в памяти людей как один из величайших путешественников XIX столетия[2].

В этот период, между 1884 и 1888 гг., были сделаны большие успехи во всех областях. Так, на западе в 1885—1886 гг. Клеменц продолжил труды своих предшественников в области к югу от Танну-Ола. В 1886 г. Игнатьев и Краснов провели ценное геологическое и топографическое изучение Тяньшаня к югу от Иссык-Куля. На Памире русская экспедиция 1883 г. из своей базы в Кара-Куле произвела разведку во всех направлениях и «добыла для картографии Памира более точные и подробные данные, чем какая-либо из предшествовавших или последовавших экспедиций» (Керзон). Натуралист Грум-Гржимайло в 1884—1887 гг. совершил четыре экспедиции на Памир и связал в одно целое территорию, исследованную Федченко в Алае, с исследованной другими путешественниками территорией к юго-западу от Иссык-Куля. В 1885 г. английское правительство Индии командировало с официальной миссией в Китайский Туркестан Нея Илиаса и поручило ему собрать сведения об афганских районах по верхней Аму-Дарье. Он пошел по совершенно новому пути, с востока на запад, через Памир—от Кашгара на Герат, где и встретился с англо-афганской пограничной комиссией. Его путешествие дало правительству Индии много нового географического и политического материала, а также способствовало существенному улучшению всех последующих карт. В следующем году английская экспедиция в Читрал, исследовавшая южные склоны и долины Гиндукуша, «посетила часть долины реки Аму-Дарьи и составила первое научное описание главного русла этой реки от ее ледниковых истоков до крутого поворота у Ишкашима» (Керзон). В 1886 г. Бонвало, Капюс и Пепен отправились из Мары в путешествие по Афганистану. Получив

[1] Цит. по русскому оригиналу: *Н. И. Пржевальский*, «Четвертое путешествие в Центральной Азии от Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима», СПБ, 1888, стр. 247—248; 2-е изд., Географгиз, 1948.—*Прим. ред.*

[2] Его именем назван город в Киргизской ССР, у восточного угла Иссык-Куля.—*Прим. ред.*

отказ в допуске в страну, они вместо этого проехали в Самарканд и оттуда решили пройти через Памир в Индию. Это им удалось, и, таким образом, они были первыми европейцами, прошедшими из Ферганы в Читрал через Памир.

На востоке в 1887 г. Рессин пересек восточную часть пустыни Гоби от Великой Китайской Стены до Цицикара, на окраине Маньчжурии, и в том же году братья Гарнак провели большую работу по западному склону Большого Хингана.

Три крупные экспедиции связали в одно целое восток и запад. Первая под руководством Потанина вышла из Пекина, прошла через Ордос в Ланьчжоу и проникла в северную Сычуань, где один из участников экспедиции был оставлен для изучения местной этнографии и флоры. Потанин вернулся через Ганьсу в Куку-Нор, откуда по новой дороге прошел на север через Гоби, Соге-Нор и Алтайские горы.

В 1885—1886 гг. А. Д. Кари (английский чиновник в Индии) и А. Даглиш прошли Северный Тибет от Ле до Керии, повернули на запад к Хотану и обошли кругом весь бассейн Тарима, дойдя по рекам Хотан-Дарье и Тариму до озера Лоб-Нор.

Третьим было путешествие Янгхасбенда из Маньчжурии в Индию. Со своим другом, английским чиновником в Индии Г. Э. М. Джемсом, он прибыл в Маньчжурию в 1886 г. Они провели некоторое время в исследовании Маньчжурии, после чего выступили в свое большое путешествие на запад. От Пекина и Калгана они пересекли Гоби, к северу от большой излучины Хуанхэ, и, идя параллельно пути Певцова 1878 г., достигли Алтая. Оттуда они повернули на юг к Хами, прошли вдоль подножья Тяньшаня к Кашгару, а от него к Яркенду и затем—открытым ими перевалом Мустаг—в Индию. Примерно тем же путем прошел полковник М. С. Белл. Он расстался с Янгхасбендом в Пекине, проехал через южную Шэньси до Ланьчжоу и проследовал далее в Хами, где надеялся соединиться с Янгхасбендом. Встретиться им не удалось, и Белл отправился в дальнейший путь один, прибыв в Индию незадолго до Янгхасбенда.

Последний период исследования Центральной Азии открылся русской правительственной экспедицей в Тибет в 1888 г. под начальством Певцова. Это путешествие во многом дополнило четвертое путешествие Пржевальского. В состав этой большой экспедиции входили геолог Богданович и прежние спутники Пржевальского—Козлов и Роборовский. Экспедиция пересекла Тяньшань и прошла у подножья Куэньлуня вдоль окраины пустыни Такла-Макан. Отсюда был совершен ряд съемочно-разведочных экспедиций в южном направлении, охвативших большую территорию между Хотаном и Лоб-Нором, а на юге простиравшихся до Куэньлуня. Главная цель—добраться до Лхасы более коротким путем, чем тот, которым шел Пржевальский,—достигнута не

была, но была произведена маршрутная съемка на протяжении 3000 *км* и были составлены большие геологические, ботанические и зоологические коллекции. Вернувшись в 1893 г., Козлов и Роборовский после этого совершили еще одну величайшей важности экспедицию, в ходе которой они связали в одно целое Тяньшань и Лоб-Нор с Наньшанем и вышли к Куку-Нору. Быть может, самым большим их вкладом в географию было исследование Наньшаня, для чего они разбились на две группы: одна из них под начальством Козлова исследовала восточную часть, а другая под начальством Роборовского—западную. Вернулись они в Россию через Хами[1].

Центральную Азию в эти годы посетило столько путешественников, что мы можем здесь назвать лишь немногих из них. На Тяньшане Г. Е. Грум-Гржимайло сделал крупные открытия в 1889—1890 гг. Он совершил путь от Тяньшаня и Алтая до Лоб-Нора и Западного Китая. «В своем путешествии через Тяньшань он отошел от общепринятого караванного пути и прошел вдоль его северного склона». Ему удалось открыть новый горный массив Досмегень-Ола и лежащую ниже уровня моря котловину в Турфанском оазисе[2].

Что касается Памира, то Янгхасбенд и Боуэр со стороны Индии и Громбчевский со стороны России весьма активно исследовали наименее известные его части,—до некоторой степени по политическим мотивам. Соперничество между Великобританией и Россией, симптомом которого являлись эти географические исследования, повело в конце концов к образованию в 1895 г. памирской пограничной комиссии, демаркировавшей русскую и британскую границу и давшей узкую полоску Памира Афганистану в качестве буфера между двумя великими державами. Связанные с демаркацией границы, геодезические операции ознаменовали собой фактическое завершение исследования Памира. Из последующих экспедиций в этой и в прилегающих горных областях следует упомянуть путешествие Липского на Гиссарский хребет в 1896 г.[3], а также путешествие Мерцбахера, который в 1902—1903 гг. и вторично в 1907—1908 гг. посетил центральный и восточный Тяньшань и детально изучил его геологию и морфологию. Отдельные районы Памира исследовал в ходе своих двух экспедиций 1896 и 1899 гг. и другой путешественник, Олуфсен. Он изучил район вокруг

---

[1] См. *В. И. Роборовский*, «Труды экспедиции по Центральной Азии 1893—1895 гг.», чч. I—III, СПБ, 1899—1901; некролог «В. И. Роборовский, 1856—1910» написан П. К. Козловым и помещен в журнале «Землеведение», 1911, I—II, стр. 136—149.—*Прим. ред.*

[2] См. *Г. Е. Грум-Гржимайло*, «Описание путешествия в Западный Китай», тт. I—III, СПБ, 1896—1907; 2-е изд. (сокр.), Географгиз, 1948. *Его же*, «Западная Монголия и Урянхайский Край», СПБ, тт. I, 1914; II, 1926; III, 1926.—*Прим. ред.*

[3] См. *В. И. Липский*, «Горная Бухара», тт. I—III, СПБ, 1902—1905.—*Прим. ред.*

Ешиль-Куля и Аму-Дарьи, пересек некоторые, до того никем не посещенные области между рекой Памир и Аму-Дарьей, а в ходе своей второй экспедиции изучил район южного Памира и некоторые из верхних долин Гиндукуша. Не считая тех исправлений, что он сделал в картах района, Олуфсен собрал также во время этих своих двух экспедиций ценный этнографический материал.

Очень большие успехи сделаны за последние сорок лет в деле изучения Монголии. Опять-таки мы можем здесь упомянуть лишь несколько наиболее крупных экспедиций. В 1892 г. Радлов и Клеменц исследовали значительную часть долины Орхона в северной Монголии. В том же году Обручев приступил к своей серии блестящих путешествий по восточной, центральной и юго-восточной Монголии. Он проехал из Кяхты в Пекин, пересек Ордос, вышел к подножью Алашаня, произвел съемку Хуанхэ до Ланьчжоу и изучил значительную территорию в горах Наньшаня. После этого он пересек Гоби, достиг юго-восточного края Алтая и вернулся для исследования центральной части Наньшаньского хребта в Сучжоу. Интересны его впечатления о центральной Монголии.

«Центральная Монголия совершенно обманула ожидания... Вместо песчаных пустынь на наших картах, оказались обширные хребты и скалистые возвышенности, по большей части очень невысокие и сильно разрушенные, но несомненно—не песчаные равнины. В действительности, здесь очень мало песку, и лёссу здесь, в противоречие с мнением Рихтгофена, также мало. Широкие долины и неглубокие впадины занимают пространство между хребтами, и повсеместно здесь есть растительность. Это не пустыня, а степь, и скуднейшие части Голбин-Гоби—оазисы по сравнению с настоящими пустынями на левом берегу Эдзин-гола»[1].

В 1894 г. в северную Монголию вернулся Клеменц и в следующем году произвел исследование Хангайского хребта и части Приалтайского Гоби. В это же время Стрельбицкий совершил длинное путешествие от Урги до Владивостока—по реке Керулен, через Большой Хинган и Цицикар. Путешествия по северной Монголии, между Ургой и Кобдо, Позднеева (1874—1893 гг.), хотя непосредственно он ставил перед собой исторические и филологические задания, пролили свет на область, в то время весьма мало изученную. В 1895 г. Шаффанжон, внесший несколько важных поправок в карту Большого Хингана и северной Маньчжурии, проехал Монголию с юго-запада на северо-восток и дал некоторый новый материал по Алтайским горам.

В конце столетия Козлов начал ряд своих путешествий по Алтаю, охвативших большой район от малоизвестного Большого Алтая в области Кобдо до Гобийского Алтая. Из Алтая он проехал

[1] О путешествиях В. А. Обручева см. *В. В. Обручев* и *Н. Г. Фрадкин*, «По внутренней Азии», Географгиз, 1947.—*Прим. ред.*

по малоизвестной области до Гашун-Нура, достиг Цайдама и исследовал верхнее течение Янцзыцзяна. Обратный путь его лежал через Гоби на Кяхту, которой он и достиг в конце 1901 г. В 1907 г. он вновь отправился в Монголию для исследования тех ее областей, куда не ступала нога европейского путешественника, с целью промеров глубин озера Куку-Нор и изучения области верховьев Хуанхэ. Из Урги он проехал Гоби до Сого-Нора, откуда пересек Алашань в направлении с северо-запада на юго-восток. После этого он исследовал область к югу от Ланьчжоу, намного обогатив географию провинции Ганьсу. Кроме того, он собрал ценные коллекции для геологии, зоологии и ботаники[1].

Следующим путешественником, посетившим северную и северо-западную Монголию, был Д. Каррутерс (1910—1911 гг.). Еще до этого он провел весь 1908 г. в Западном Тяньшане, к югу от реки Нарын. В 1910 г. он приступил к систематическому исследованию очень мало до него известной области верховьев Енисея и нанес на карту около 4700 *км* территории. Следующий год он посвятил исследованию Баркуль-Хамийского комплекса, где ему удалось во многом дополнить собранный до него русскими материал[2].

Последней упомянем монгольскую экспедицию д-ра Р. Ч. Эндрюса, снаряженную на средства американского музея естественной истории. Хорошо оборудованная технически, эта экспедиция имела целью интенсивное изучение той части Монголии, что лежит между Калганом и горами Алтая. В состав ее входили специалисты по всем отраслям биологии, она располагала семью автомашинами и сотней вьючных верблюдов; было проведено точнейшее разделение труда, обеспечивающее специалистам возможность совершать любые нужные им поездки. Полностью результаты работы экспедиции пока еще неизвестны.

Хотя с 1890 г. очень большое внимание путешественников привлекала к себе Монголия, наиболее поразительные результаты были достигнуты скорее в Тибете и Китайском Туркестане. Попытки русских проникнуть на Тибетское плато с севера, за исключением путешествий Пржевальского, не увенчались успехом. Однакоже огромные успехи были сделаны в двадцатилетие между 1888 годом—датой русской Тибетской экспедиции—и годом окончания третьей экспедиции Свена Гедина. Этот новый ряд путешествий открыл В. Рокхилл, пытавшийся пробраться в Лхасу из Куку-Нора под видом паломника. Вначале все шло гладко, но с полпути его принудили вернуться. К счастью, ему удалось получить разреше-

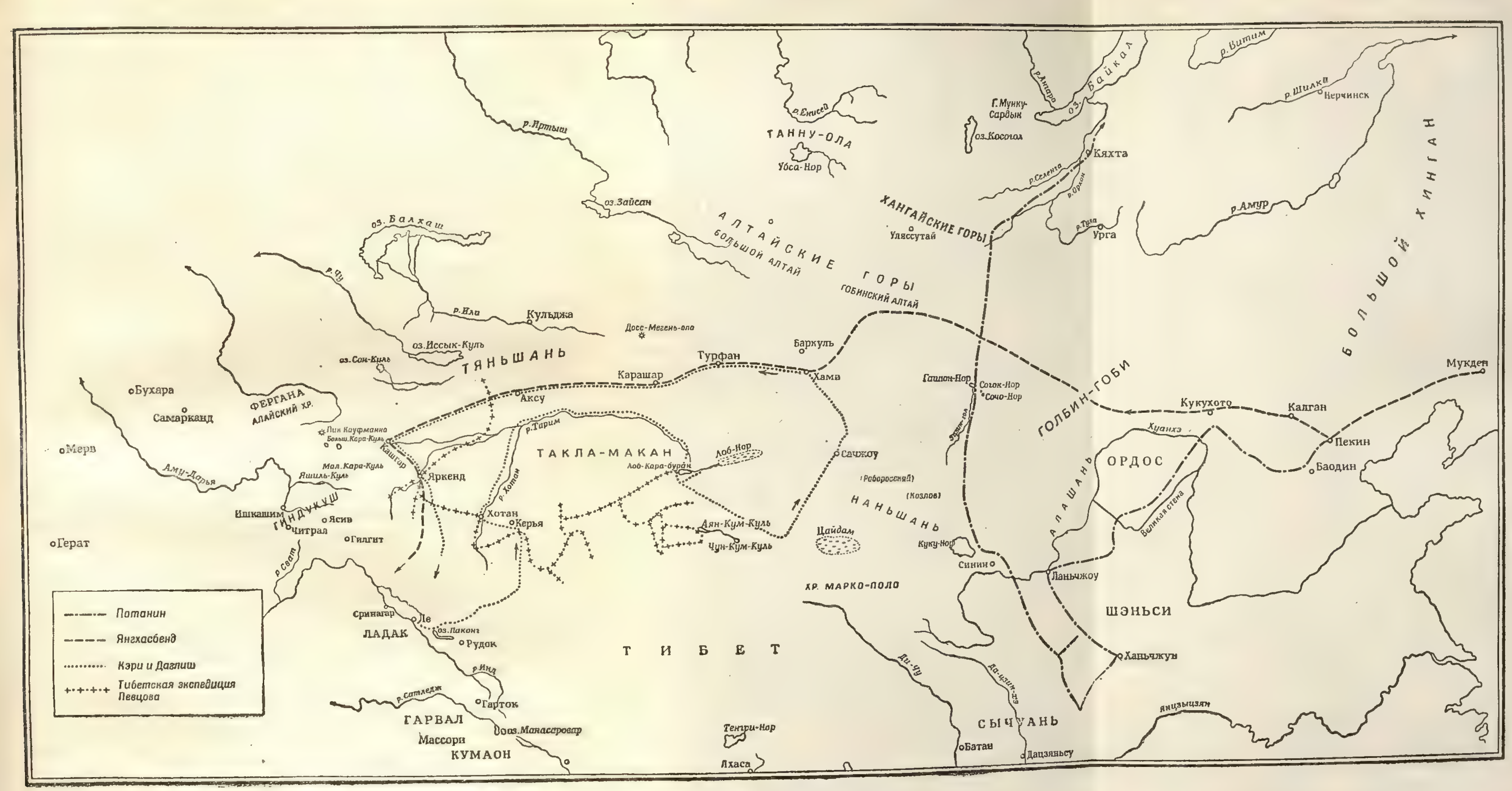
[1] См. *П. К. Козлов*, «Монголия и Кам», изд. 2-е (сокр.), 1947. *Его же*, «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото», изд. 2-е (сокр.). Обе книги со вступительными статьями В. П. Козлова. Открытие П. К. Козловым развалин Хара-Хото и вывезенные им археологические коллекции имеют огромную научную ценность. —*Прим. ред.*

[2] Часть его труда «Неведомая Монголия» (т. I, «Урянхайский Край») издана в русском переводе Переселенческим управлением в 1914 г.—*Прим. ред.*

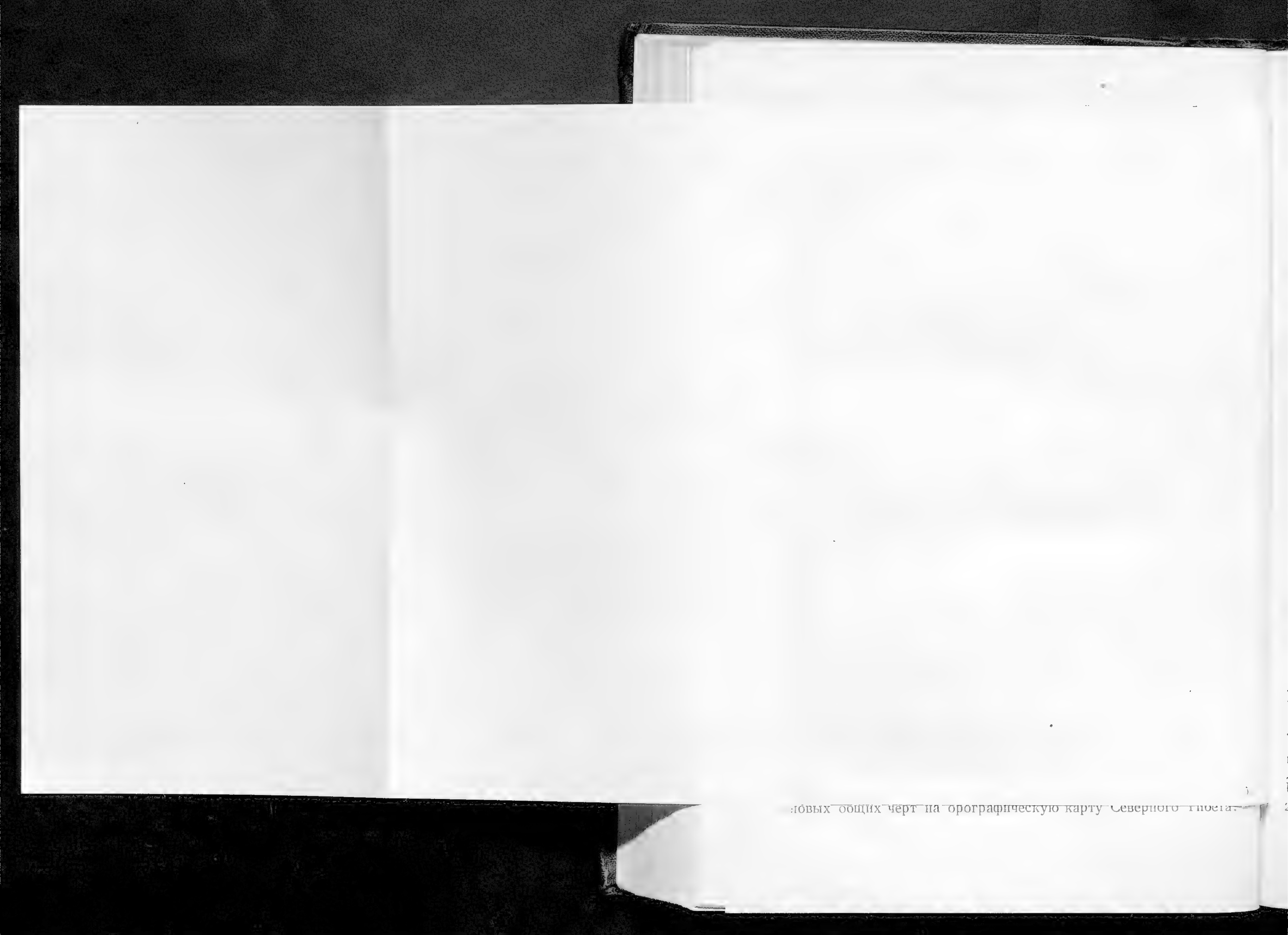
ние следовать в юго-восточном направлении, и он добрался до Дацзяньлу. В 1889 г. Бонвало выступил из Кульджи с целью пересечь Тибет по линии Лоб-Нор—Батанг. Вначале и он имел успех: покрытый им участок пути от Лоб-Нора до Тенгри-Нора шел по совершенно неисследованной до того местности. Однако, поскольку и ему было отказано в допуске в Лхасу, он, так же как Рокхилл, вышел на Дацзяньлу. В 1891—1892 гг. Рокхилл сделал вторую попытку пробраться в Лхасу. Он вышел из Калгана, направился через Цайдам в Монголию, сделал огромную петлю к юго-западу и вышел к северу от Тенгри-Нора. Ближайшая к Лхасе точка, до которой ему удалось добраться, была Намру-Тсо, но и здесь ему запретили двигаться дальше, и он направился через северо-восточный Тибет к Батангу. В ходе своего путешествия он посетил истоки Янцзыцзяна и собрал много ценного материала, в особенности касающегося религиозной и общественной жизни тибетцев.

Тем временем, в апреле 1891 г., из Ле вышел капитан Бауэр (Bower H.), поставивший себе задачей пересечь Тибет севернее пути, каким шел в 1874 г. Наин-Синг. Путешествие было успешно, он прошел к северу от Тенгри-Нора и вышел на китайскую границу примерно на 30° с. ш. Его пятитысячекилометровое путешествие дало очень много для точного познания географии Северного Тибета, а 1300 *км* его пути пролегали по территории, до того никем не исследованной.

Паломничество База-Бачи (1891—1894 гг.), во время которого ему удалось добраться до Лхасы, с географической точки зрения, малоценно; что же касается путешествия по окраине Тибета Потанина (1892—1894 гг.), то, хотя оно способствовало лучшему познанию Сычуани, оно внезапно оборвалось из-за смерти жены путешественника. Трагически кончилась также экспедиция Дютрей-де-Рена и Гренара. Из Хотана они проследовали на юго-восток до Полу, отыскали верхнее течение реки Керии, затем пересекли неизученную область к востоку от Ладаха и вышли к Ле. После этого они вернулись в Яркенд через Каракорум, а в июне 1893 г. выступили в свое второе тибетское путешествие. Исходным пунктом экспедиции был Черчен, откуда экспедиция намеревалась пересечь Тибет и добраться до Лхасы. Очень большую часть расстояния они покрыли вполне благополучно, на широте примерно 33° пересекли путь Бауэра и проникли в район к югу от озера Тенгри-Нор, где опять-таки натолкнулись на запрещение въезда в Лхасу. Ввиду этого им пришлось возвращаться, и путешественники выбрали путь на Синин на границе Ганьсу, но уже задолго до прибытия туда Рен был убит, Гренар же и другие члены экспедиции с трудом избежали такой же участи. Эта экспедиция во многом дополнила добытые Бонвало результаты, пролила много света на лежащий к востоку от Ладаха озерный округ и нанесла ряд новых общих черт на орографическую карту Северного Тибета.



32. Центральная Азия. 1885—1888 гг.



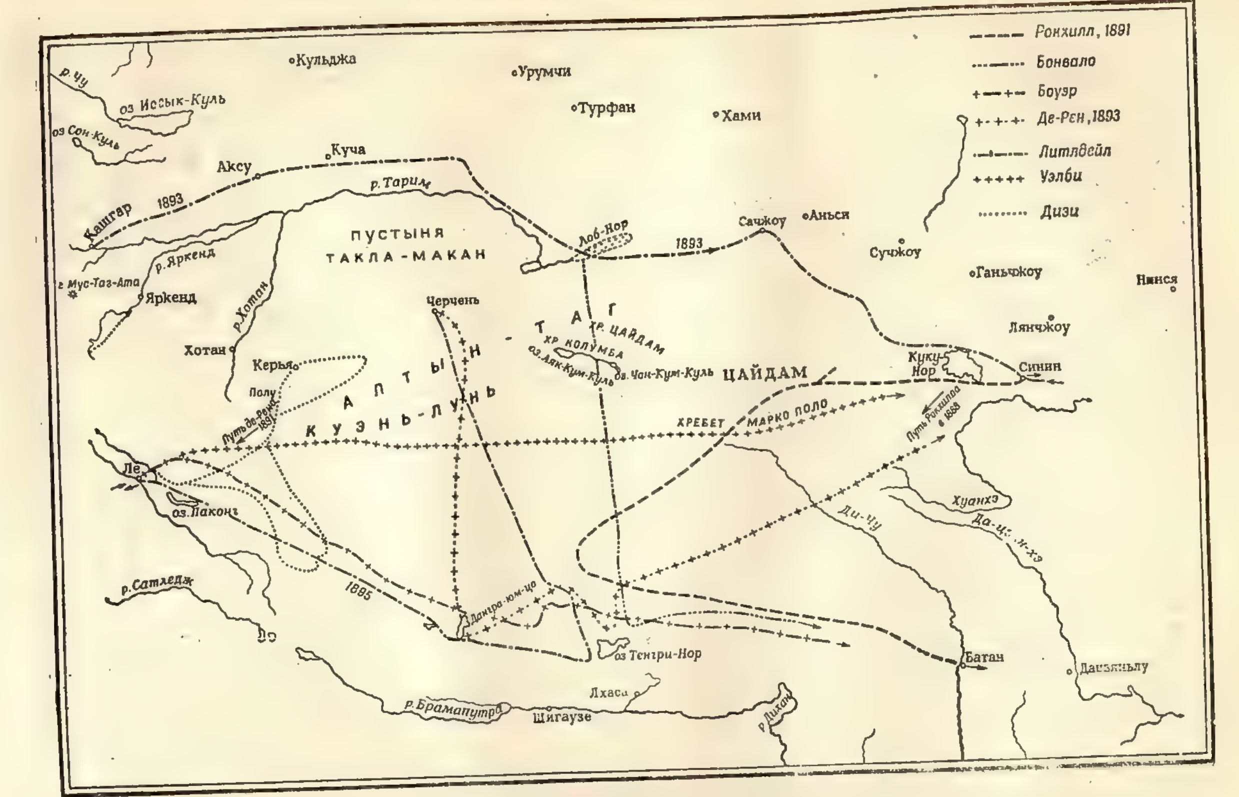
новых общих черт на орографическую карту Северного Тибета.

Много для исследования Китайского Туркестана сделал английский исследователь Литлдейл. В 1893 г. он предпринял путешествие через всю Азию и, следуя через Самарканд, Кашгар, Аксу и Корла, вышел к Лоб-Нору. Оттуда, по совершенно новому пути, он направился к Сачжоу и далее, опять по неисследованной территории, к Куку-Нору, откуда через Ланьчжоу проследовал до Пекина. В 1895 г. Литлдейл вернулся в Азию, чтобы совершить поездку в Тибет. Он вновь проехал азиатский континент, следуя через Константинополь, Поти, Баку, Мары, Бухару, Коканд и Кашгар. Оттуда через Хотан он проехал в Черчен, сделавшийся исходным пунктом его путешествия на юг, в Тибет. Он не дошел 69 *км* до Лхасы, повернул здесь на запад, чтобы наконец добраться до Ле. Таким образом, он прошел по Тибету между трассами Бонвало и Певцова.

Пока Литлдейл был занят своей тибетской экспедицией, в первую из своих весьма важных экспедиций вышел Свен Гедин. С самого начала он отказался от мысли добраться через Тибет до Лхасы, которая довлела над умами путешественников по Тибету, в степени, далеко превышающей ее реальное значение, и решил заняться исследованием Северного Тибета и бассейна Тарима. Он сделал безуспешную попытку взобраться на пик Мустаг-Ата на Памире (высота свыше 7300 *м*), пересек пустыню между реками Яркенд и Хотан, открыл засыпанные песками «мертвые города» в пустыне Такла-Макан и достиг Лоб-Нора. Здесь он произвел большие топографические работы и обнаружил, что озеро изменило свои очертания даже со времени путешествия Пржевальского. После этого он проехал через Черчен в Керию и вернулся через Цайдам к Куку-Нору, а оттуда проследовал через Алашань и Ордос в Калган. Из последнего пункта он проехал через Гоби в Сибирь.

Пока Гедин делал свои археологические открытия в Туркестане, двое других исследователей приняли участие в ликвидации белых пятен на карте Тибета. В 1896 г. капитан М. С. Уэлби и лейтенант Малколм пересекли Тибет по линии Ле—Куку-Нор, проследовали дальше по течению Хуанхэ и вышли к Пекину. В этом же году капитан Дизи начал серию своих экспедиций, целью которых являлась тщательная съемка возможно большего числа неисследованных областей Тибета. Дизи продолжал свою работу до 1899 г. и за этот срок успел исследовать часть верхней долины Яркенд-Дарьи и большую территорию к югу от Куэньлуня и к востоку от озера Пагонг и от Рудока.

Мы уже упоминали о той части путешествия Футтерера и Хольдерера, которая касалась Китая. Пересекши Центральную Азию от Кашгара до верховьев Хуанхэ, они сумели собрать много ценного географического материала, в особенности касавшегося долины реки Тарима, восточного Тяньшаня и той части пустыни Гоби, что лежит между оазисом Хами и Великой Китайской Стеной.



33. Центральная Азия, 1889—1899 гг.

В связи с Китаем мы называли также и другого путешественника, Бонена. В 1896 г. в ходе своей работы он посетил Ганьсу. Тремя годами позже он выехал из Пекина с целью пройти древним «шелковым путем» из Китая в Европу. Он совершил плавание по верхнему течению Хуанхэ до Нинся, откуда новым путем прошел через Алашань в Лянчжоу (в Ганьсу), а оттуда—к Куку-Нору. Он дал кое-что новое о Наньшане, прошел вдоль подножья Алтын-Тага до долины Тарима (где повстречался с Гедином) и, наконец, опять в новом месте пересек Тяньшань и вышел к Урумчи, откуда через Кульджу и Самарканд прибыл к Каспийскому морю.

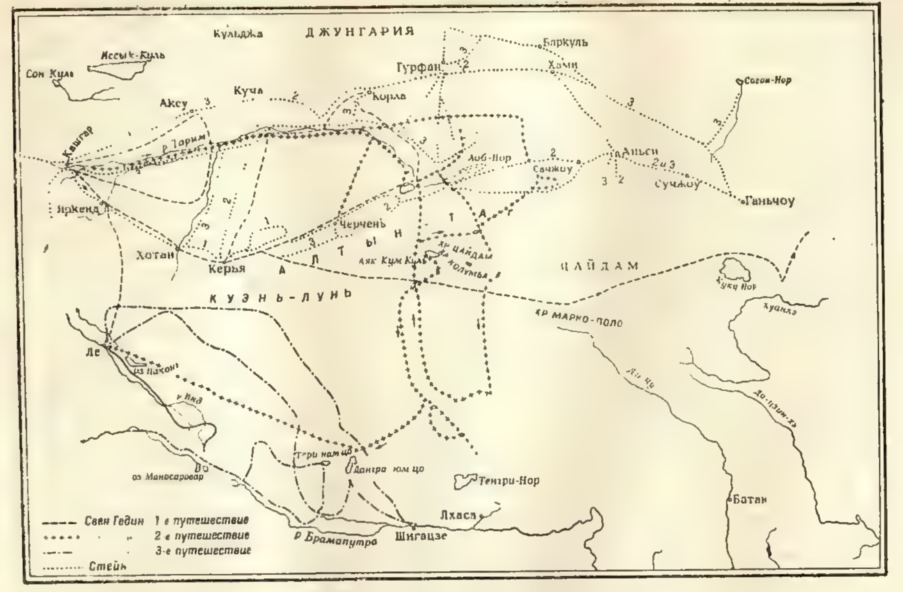
В момент встречи Бонена с Гедином последний как раз совершал свое второе путешествие по Азии (1899—1902 гг.). Оно было посвящено изучению Китайского Туркестана и северного Тибета, и его важнейшим географическим результатом была съемка Яркенд-Дарьи, новые данные о районе Лоб-Нора и дальнейшая ликвидация белых пятен на карте Северного Тибета.

Первый год текущего столетия ознаменовался путешествием Аврелия Стейна по Туркестану. Главные интересы этого видного путешественника лежали в области археологии, но он всегда брал с собой опытных геодезистов, и экспедиции его дали ценнейшие топографические карты. Сделанные им крупные археологические находки пролили совершенно новый свет на историю Центральной Азии и доставили Стейну «и восхищение и интерес географов и археологов по всему миру». Первая экспедиция ограничилась рамками сравнительно маленькой территории вокруг Хотана и в пустыне Такла-Макан, но дала ценные подробные карты.

В 1903 г. капитан Ч. Дж. Ролинг и лейтенант Харгривс отправились в Тибет, чтобы продолжить начатую Дизи работу. Они произвели подробную съемку значительной территории северо-западного Тибета. В следующем году политическая обстановка вызвала отправку экспедиции Янгхасбенда в Лхасу. Эта экспедиция дала географии много—и не только в отношении пути из Индии в столицу Тибета. Капитан Райдер вместе с другими членами геодезической партии произвели съемку реки Брамапутры от Шигацзе до ее истока, равно как реки Сетледж от истока до границы Индии, а также Гартокского истока реки Инд. Таким образом, была точно изучена большая область южного и юго-западного Тибета, площадью в 100 тыс. кв. *км*[1].

Вскоре после этого, в 1906 г., с карты Тибета исчезло еще несколько белых пятен. Это явилось результатом работы Свена Гедина, посвятившего свою третью экспедицию 1906—1908 гг. изучению области к северу от Брамапутры между Шигацзе и Ле. Он

[1] Это была военно-колониальная экспедиция, надолго укрепившая английское влияние на этой принадлежащей Китаю территории. Китайская Народная Республика кладет ныне конец этой экспансии английского империализма.—*Прим. ред.*



34. Центральная Азия после 1899 г.

картографировал эту ранее не посещенную европейцами область и выявил существование большого горного хребта, тянущегося параллельно Гималаям по тибетской стороне. Он осветил много неясностей в отношении района озер Манасаровар и ликвидировал очень большое белое пятно.

Путешествие Свена Гедина было последней экспедицией большого масштаба в Тибет. Много ценного материала по небольшой территории дали последние экспедиции на Эверест. Хотя достичь вершины горы им не удалось, они установили новый рекорд высоты при подъеме на горы, навсегда прославили имена погибших храбрецов—Маллори и Эрвина, дали массу топографического материала и много способствовали разрешению некоторых физико-географических проблем.

Нам остается упомянуть три экспедиции в Туркестан, предпринятые Пельо и Стейном. Первый начал свою работу в Кашгаре в 1906 г. и сделал маршрутную съемку пути, протяжением более 1500 *км*. Поскольку главной его целью было отыскание следов домусульманского буддизма в Кашгарии, мы долее задерживаться на его экспедиции не можем.

Вторая экспедиция Стейна (1906—1908 гг.) охватила гораздо больший район, чем первая,—от Лоб-Нора до западной границы собственно Китая. И на этот раз его интересы лежали в области археологии, но топографы экспедиции произвели большие съемочные работы от Яркенда до Наньшаньского хребта.

Третья экспедиция Стейна (1913—1916 гг.) началась с исследования неизученной горной страны к северо-западу от Индии. Из Кашгара он отправился по редко используемой дороге на Хотан, а оттуда к Лоб-Нору и за китайскую границу. Обратно он шел по северной окраине бассейна и в 1914—1915 гг. произвел важные съемки в Турфанском оазисе. Летом 1915 г. Стейн вернулся в Кашгар и оттуда выехал в экспедицию в Сеистан. Таким образом, путешествие его охватило всю Центральную Азию от Тяньшаня на севере до Куэньлуня на юге, от Памира до собственно Китая. Географические результаты путешествия чрезвычайно велики. Из составленных экспедицией карт, а также из подробнейшего многотомного описания результатов работы можно получить почти совершенно полную картину Внутренней Азии[1]. На этой крупной экспедиции, замыкающей собой ряд путешествий, начатых с 1857 г., мы и заканчиваем описание исследования Центральной Азии[2].

---

[1] Географические результаты трех путешествий *Стейна* суммированы им в его «Записки к картам Китайского Туркестана и Ганьсу» («Memoir on Maps of Chinese Turkestan and Kansu», 1923).—*Прим. автора.*

[2] Об истории географического изучения МНР см. книгу Э. М. Мурзаева, «Монгольская Народная Республика», Географгиз, 1948.—*Прим. ред.*

Глава XIV

АФРИКА

Новый период исследования Африки начинается с 1788 г., когда была основана Африканская ассоциация[1]. Главной целью этого общества было поощрение географических открытий в Африке и наряду с этим развитие британской торговли и политического господства на этом еще не изученном материке. Задачи эти были исполинскими, ибо в 1788 г. о внутренней части африканского континента было известно очень мало. Все, что в эту эпоху европейцы знали об Африке, исчерпывалось узкой полосой земли в Северо-Западной Африке, небольшим клочком территории между реками Сенегал и Гамбия, отдельными отрезками западного побережья к югу от устья реки Конго, Капской колонией к югу от реки Оранжевой, узкой полоской вверх по течению реки Замбези и более обширной территорией, охватывавшей Египет и Эфиопию к северу от Голубого Нила.

Исследование Африки распадается на три больших периода. В течение первого периода (1788—1849) в центре внимания стояла проблема Нигера; довольно значительная деятельность, в особенности к концу периода, наблюдалась и в Северо-Восточной Африке. Второй период начинается с выходом на сцену в качестве исследователя Африки Ливингстона (1849 г.) и путешествия Барта по Сахаре (1850 г.). Два этих путешествия явились поворотным пунктом в деле исследования Африки, и ими началась эра открытий в Центральной Африке, Сахаре и Судане. С окон-

---

[1] «Африканская ассоциация»—британское общество, основанное в июне 1788 г. «для исследования внутренней части континента Африки» с целью развития там британской торговли и утверждения британского господства, на что указывает и сам автор в тексте Ассоциацию снабжали средствами капиталистические круги Великобритании, в частности торговые палаты некоторых промышленных центров и портовых городов, заинтересованные в расширении рынков сбыта английских товаров и в изыскании новых источников сырья для английской промышленности. Видную роль в исследовании внутренней части континента Африки Ассоциация предоставляла христианским священникам-миссионерам, которые рассматривались как наиболее удобные агенты для «мирного» (то есть самого дешевого) проникновения в глубь Африки. Как известно, крупнейшей фигурой среди таких миссионеров был Ливингстон, действовавший по заданию, так сказать, «дочернего предприятия»—«Ассоциации мыса Доброй Надежды по исследованию Центральной Африки», возникшей в 30-х годах XIX в. (см. ниже, раздел 3).—*Прим. ред.*

чанием в 1889 г. работы Стенли закрывается и этот второй период, в течение которого удалось решить все главнейшие проблемы географии Африки. Третий период открылся в 1890 г. и продолжается по сегодняшний день. Этот период знаменуется заполнением деталей в тех районах, основные черты структуры которых были в общем установлены в течение предшествующего периода, а также ликвидацией или сокращением белых пятен, еще фигурировавших на карте Африки в 1889 г. В течение этого последнего периода наиболее важные открытия были произведены в пустыне Сахаре, в южной Эфиопии и северо-восточной оконечности Африки и в районе водораздела между Нилом и Конго. Что касается других районов Африки, то не прекращавшееся политическое соперничество повело и здесь ко многим крупным научно-исследовательским экспедициям и работам комиссий по демаркации границ, в особенности в течение текущего двадцатого столетия.

1. Северо-Западная Африка и проблема Нигера (1788—1848 гг.)

Первой задачей, которую поставила себе Африканская ассоциация, было открытие реки Нигер, относительно которой в то время царила большая путаница. Некоторое представление о ней можно получить, если заглянуть, например, в английский альманах 1758 г. «Annual Register». Вот что там говорится о Нигере:

«Река Сенега, или Сенегал, является одним из рукавов реки Нигер, через который она будто бы изливает свои воды в Атлантический океан. Согласно лучшим картам, река Нигер берет свое начало на востоке Африки, течет на протяжении 300 миль почти прямо на запад и там делится на три рукава: из них северный, как уже указано выше, называется Сенегал, средний—Гамбия, или Гамбра, и южный—Рио-Гранде».

Конечно, более образованные географы к 1788 г. уже не верили в такого рода нелепицу, но их взгляды в лучшем случае были основаны на высказываниях или теориях Льва Африканца[1]. Никто не знал, где начинается Нигер, куда он катит свои волны и где он впадает в море.

В 1788 г. Африканская ассоциация командировала в Египет Джона Ледьярда с поручением добраться через пустыню до Нигера, но Ледьярд умер в Каире, так и не успев ничего сделать. В это же время с поручением проникнуть в пустыню с севера был послан Люкас, но он ограничился лишь тем, что собрал кое-какие сведения о торговых путях через Сахару. Следующим,

[1] О Льве Африканце см. выше, стр. 242 и примечание.—*Прим. ред.*

по египетскому пути, в Сахару пытался проникнуть в 1789 г. Хорнеман, но, добравшись до Мурзука, он вынужден был повернуть на Триполи. Оттуда он сделал вторую попытку, во время которой ему, несомненно, удалось пересечь пустыню, но он умер на Нигере, и дознаться точно, что он успел сделать,—нет возможности. Следующий путешественник, Хоутон, стал жертвой господствовавшего в Северной Африке фанатизма. Он поднялся вверх по реке Гамбии до Медины, а от нее повернул на восток по направлению к притоку Сенегала—реке Фалем. С пути он прислал последнюю весть о себе, которая гласит следующее: «Майор Хоутон шлет д-ру Лейдли свои лучшие пожелания; здоров, находится на пути в Тимбукту; начисто ограблен Фендой, сыном Букара». Вскоре после этого он был убит[1].

Так кончились крахом все четыре попытки: две со стороны Египта, одна из Триполи и одна от Гамбии. Пятая попытка была произведена молодым шотландским врачом Мунго Парком, незадолго до этого, в 1793 г., вернувшимся из путешествия на Суматру. Данное ему задание было просто и сжато.

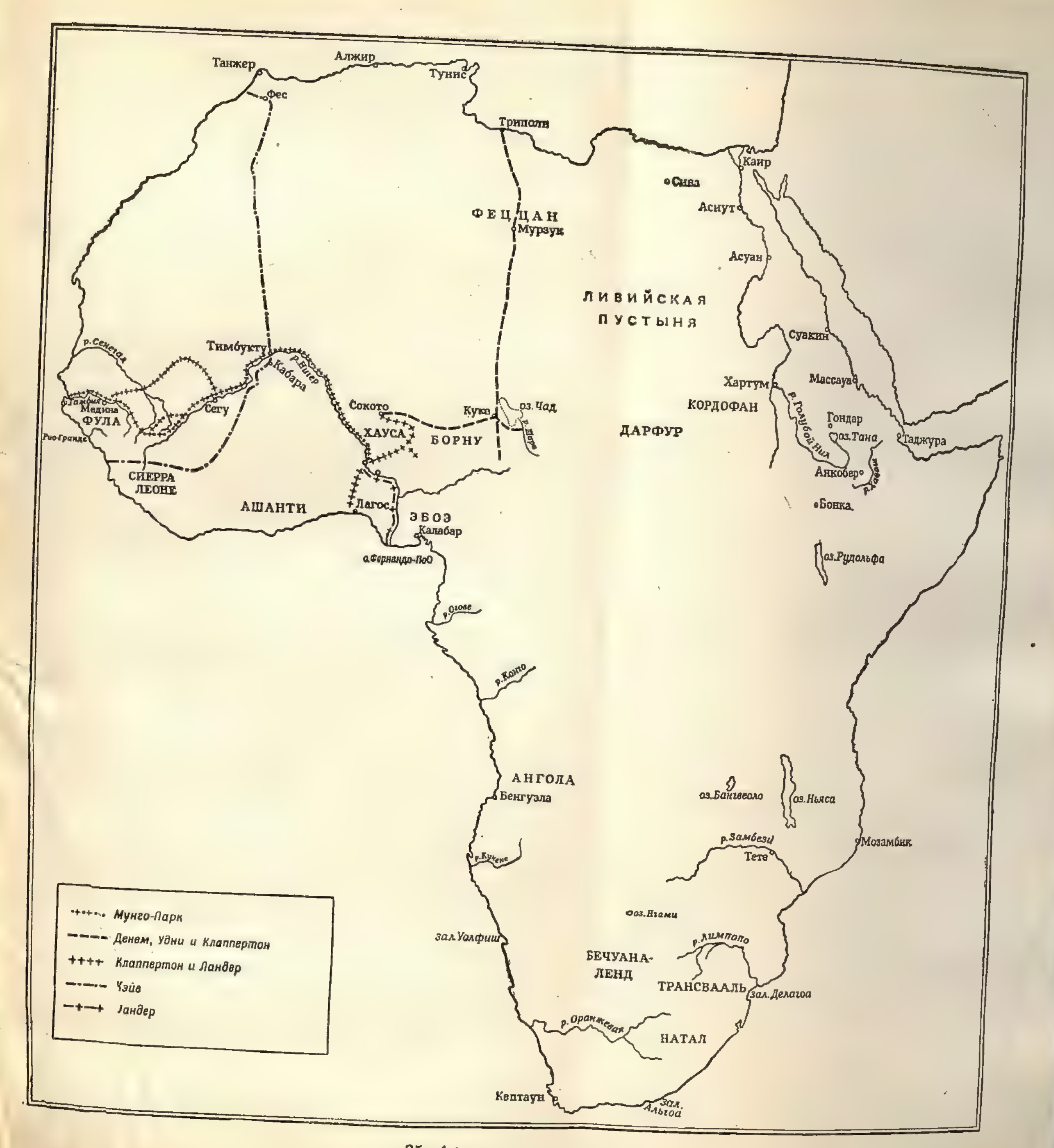
«Мне было велено, — пишет Парк,—по прибытии в Африку добраться до Нигера либо через Бамбук, либо по любой другой дороге, которую я сочту удобной. Я должен был определить течение Нигера и, если удастся,—его истоки и устье. Мне было указано приложить все старания к тому, чтобы посетить главнейшие города и населенные пункты по соседству с рекой, в особенности же Тимбукту и Хауса, после чего мне предоставлялось вернуться в Европу либо через Гамбию, либо по какому-нибудь другому пути, который в свете сложившихся обстоятельств и перспектив покажется мне наиболее приемлемым».

Парк прибыл на реку Гамбию 21 июня 1795 г. и в начале июля достиг последней стоянки европейских купцов вверх по реке. После долгой задержки он продолжал путь на восток за реку Фалем и 20 июля 1796 г. записал в свой путевой журнал:

«Глядя вперед, я с огромным удовлетворением увидел перед собой великую цель своего путешествия. В сиянии утреннего солнца передо мной искрился предмет стольких поисков, величественный Нигер, бывший в этом месте примерно такой же ширины, как Темза у Вестминстера. Он медленно катил свои волны на

---

[1] Русское общество проявляло живой интерес к африканским путешествиям. В 1807 г. вышло «Собрание путешествий, предпринятых агентами Лондонского Общества африканских открытий во внутренность сей части света», т. I. В этом томе даются описания путешествий Ледьярда, Люкаса, Хоутона и Мунго Парка (см. ниже текст). Особенно заинтересованы были последним, и, в связи с этим, еще на год раньше (1806) вышла в свет часть I русского перевода книги *Мунго Парка* «Путешествие во внутренность Африки» (часть II издана в 1808 г.).—*Прим. ред.*



35. Африка, 1788—1849 гг.

восток... То обстоятельство, что его течение было направлено на восток, меня не удивило, хотя, когда я выезжал из Европы, мое мнение по этому вопросу колебалось и в ту и в другую сторону, и хотя я был скорее склонен думать, что он течет в противоположном направлении, но в ходе своего путешествия я опросил такое множество людей и получил от негров разных племен настолько ясные и определенные заверения, что он течет по направлению к солнечному восходу, что у меня почти не оставалось никакого сомнения по этому поводу».

Парк вышел к Нигеру у Сегу и некоторое время следовал вдоль него. Он пишет:

«Я был настолько обессилен болезнью, истощен голодом и усталостью, полугол и без единого ценного предмета, который я мог бы выменять на еду, одежду или пристанище, что я начал серьезно беспокоиться о своем положении».

Поразмыслив, он пришел к заключению, что в связи с наступлением сезона дождей, когда грунт размок и итти дальше трудно, а «ждать добра и милости в местности, где таким влиянием пользуются мавры», бесполезно,—двигаться дальше «значило все более и более предавать себя в руки этих беспощадных фанатиков». Много сведений о Нигере ему собрать не удалось.

«Все опрошенные мною туземцы,—записал он в дневнике,—сами ничего не знают. Торговые дела редко заставляют их забираться дальше городов Тимбукту или Хауса, а такие вопросы, как течение рек или география страны, их мало интересуют. Мне кажется, однако, в высшей степени вероятным, что Нигер является удобным и безопасным путем сообщения между очень далеко друг от друга живущими народами».

На свои расспросы о том, где кончается река, Парк получал неизменный ответ: «На краю света».

30 июля 1796 г. Парк покинул берега Нигера и отправился в обратное путешествие. На некоторое время болезнь заставила его прервать путешествие. Он воспользовался этим, чтобы произвести кое-какие не лишенные интереса наблюдения.

«Когда ветер дует с северо-востока,—писал он,—он поразительно меняет весь облик страны; трава вскоре высыхает и вянет, реки быстро мелеют, и со многих деревьев спадает листва. В этот период дует сухой и жгучий северо-восточный ветер, обычно называемый *харматтан*, несущий с собой густой чад или пар, сквозь который тусклокрасным цветом светит солнце. Совершенно высохнув над великой пустыней Сахарой, этот ветер стремится вытянуть влагу откуда только может, и поэтому иссушает все, над чем проносится... Во время же дождливого сезона воздух настолько насыщен влагой, что платье, обувь, чемоданы и вообще

все, что не находится вблизи огня, становится сырым и влажным; так что можно сказать, что людям приходится жить в настоящей паровой бане. Но, когда подует сухой ветер, все размякшие твердые вещества вновь крепнут, дух подымается и даже как-то легко дышать. Плохо только то, что от него трескаются губы и у многих туземцев болят глаза».

Пока Парк отдыхал и поправлялся от болезни в Кумалии, он пользовался всякой возможностью, чтобы собрать сведения о стране и ее жителях. 19 апреля он вновь вышел к побережью, откуда отплыл в Вест-Индию, а 22 декабря, после длившегося два года и семь месяцев отсутствия, высадился, наконец, в Англии.

Парку удалось совершенно определенно установить, по крайней мере, одну вещь: Нигер течет на восток. Зато споры о том, куда Нигер впадает, разгорелись с новой силой. Самый знающий географ в Англии того времени, Реннел, высказал предположение, что воды его иссякают в каком-то большом болоте в центре Африки. Сам Парк думал, что Нигер и Конго—одна и та же река. Другие считали, что Нигер поворачивает на юг и впадает в Гвинейский залив.

В январе 1805 г. Парк отправился в новое путешествие по Африке с заданием «следовать по течению этой реки насколько будет возможно» и либо «вернуться новым путем к Атлантическому океану, либо направиться в Каир по караванной дороге через Триполи». Есть основания думать, что составитель задания Парку лорд Кэмден придерживался по вопросу о Нигере тех же взглядов, что Реннел. В конце марта экспедиция прибыла на рейд Горе (у Зеленого мыса), задержалась у этого торгового поста до мая и потом стала медленно двигаться на восток. Экспедиция была слишком громоздкой, и это ей мешало. Парк взял с собой около сорока европейцев, главным образом солдат, и большое число вьючных ослов. Экспедиция выступила в путь как раз в начале сезона дождей. Вскоре болезнь стала косить людей, так что в конце июля в дневнике Парка мы читаем следующую запись: «Все мои люди, за исключением одного, либо больны, либо страшно ослабели». 18 августа экспедиция увидела Нигер, однако «из тридцати четырех солдат и четырех плотников, вышедших из Гамбии в начале путешествия, до Нигера дошло лишь шесть солдат и один плотник». Парк опять проследовал на короткое расстояние вниз по реке, после чего остановился с целью переделать туземную лодку в судно, пригодное для дальнейшего плавания до устья реки. 19 ноября маленький отряд отплыл на английской военной шхуне «Джолиба». У порогов Бусса весь экипаж утонул либо случайно, либо при попытке избегнуть нападения туземцев.

Так закончилась короткая, но блестящая карьера Мунго Парка. В ходе двух героических путешествий он сделал больше практических открытий, чем кто-либо другой за полтора века до него, и если ему не удалось разрешить загадку Нигера, он во всяком случае сузил пределы возможной ошибки в будущем. Дело в том, что от проводника-туземца он прослышал, что Нигер действительно делал поворот на юг, и успел сообщить об этом в Англию.

В 1815 г. на Нигер было задумано тройное наступление. Буркхардт должен был достичь его из Египта, Никольс—из Калабара и Рентген—из Марокко, однако ничего из всего этого плана не вышло. В следующем году на реку Конго был послан Такки (Tuckey) с заданием, если удастся, установить связь Нигера с Конго, но также еще и с другим поручением. Во врученной ему письменной инструкции указывалось, что «знакомство с рекой такой величины и представляющей так много особенностей, как Заире (Конго), в лучшем случае на 200 миль от устья, несовместимо с нынешним развитием географической науки», и предписывалось устранить это отставание. Он поднялся по Конго на небольшое расстояние, но задачи не разрешил. Как он, так и многие другие участники его отряда погибли либо еще до того как отошли от реки, либо после этого.

Пока Такки работал на Конго, Педди и Кемпбелл вышли в путь с западного побережья Африки. Последний достиг страны Фула́, но умер на обратном пути. Педди же умер, даже не дойдя до этой страны. Еще через три года, в 1818 г., в путешествие из Триполи вышли Ритчи и Лайон. Ритчи умер где-то за Мурзуком, Лайону же удалось обследовать часть Феццана, пока недостаток средств не вынудил его повернуть обратно. В итоге, после тридцатилетних усилий проблема Нигера так и осталась неразрешенной.

Вскоре после этого из Триполи вышли Денхем, Клаппертон и Аудни (Oudney) и, в общем следуя вдоль 15° в. д., достигли Борну. Они были первыми после Хорнеманна европейцами, пересекшими пустыню и увидевшими озеро Чад. Вот что записал по этому поводу 4 февраля 1823 г. Денхем: «Перед нами примерно на расстоянии мили, сверкая в золотистых лучах полуденного солнца, расстилалось великое озеро Чад. Сердце мое сильно забилось. Я решил, что это озеро и было ключом к той великой загадке, которую мы стремились решить».

Аудни умер в стране Хауса, Клаппертон дошел до Сокото, а Денхем—до Шари. Оба последних встретились в Куке, вместе вернулись в Триполи и в 1825 г. прибыли в Англию. «Хотя нам и не удалось разрешить интересной проблемы, возникшей в связи с открытиями Мунго Парка,—писал Денхем,—я позволяю себе выразить вслух надежду, что мы весьма значительно раздвинули рамки наших познаний по географии Африки». Это заявление

нельзя не считать очень скромным. Ведь они пересекли Сахару, открыли озеро Чад, прошли свыше 700 миль по меридиану в центральной части Африки и установили, что Нигер никак не связан с открытым ими озером.

В 1825 г. Клаппертон высадился на Гвинейском побережье вблизи Лагоса и сделал вторую попытку, на этот раз по другому маршруту, разрешить проблему Нигера. Он достиг Нигера у Буссы и проследовал до Сокото. Здесь и он пал жертвой климата и болезней, и от всей экспедиции в живых остался лишь один участник— Ричард Лендер, который с трудом добрался до побережья. В результате всего этого в Европе создалось впечатление, что сочетание неблагоприятных географических и политических условий создает такие препятствия, которые ни храбростью, ни хитростью преодолеть не удастся. Попытки разрешить проблему Нигера на некоторое время прекратились.

Тем временем несколько мелких экспедиций прошло по различным областям Северо-Западной Африки. Политический конфликт вызвал посылку в 1817 г. Джемса и Боудича в страну ашанти, и Боудич использовал все небольшие имевшиеся у него возможности для изучения этой страны и ее народа. В следующем году Молье открыл истоки рек Гамбия, Рио-Гранде и Сенегала, а Грей и Дочард прошли путями Мунго Парка в бассейне Гамбии. В 1822 г. майор Ленг установил, где находятся истоки Нигера, хотя сам дойти до них не смог, а еще через три года он же пробрался из Триполи в Тимбукту, где прожил месяц. Ленг был первым исследователем нового времени, которому удалось добраться до Тимбукту, и за эту честь он поплатился жизнью, так как едва успел он выехать из города в обратный путь по пустыне, как был убит.

Наиболее живописной фигурой этого переходного периода является Рене Кайе. Он сопровождал экспедицию Грея в 1818 г., а в 1824 г. поселился у сенегальских негров с целью изучить их язык. Три года спустя он вышел из Сьерра-Леоне, достиг Нигера и проследовал по нему до пристани Тимбукту—Кабары. Отсюда он вступил в таинственный город Тимбукту, ознакомился с тем, что он собой представляет, и прошел через всю Сахару до Марокко, выйдя на побережье к западу от Феса. За это путешествие он получил награду основанного в 1821 г. парижского географического общества.

Проблема Нигера теперь уже близилась к разрешению. Было установлено, что истоки реки находились где-то вблизи атлантического побережья; течение реки до Буссы было также приблизительно известно, а район к востоку от Сокото был хорошо изучен. Место впадения реки было установлено в 1830 г. Ричардом Лендером и его братом. Они отправились в путь с Гвинейского побережья и по суше достигли Буссы. Оттуда они поплыли

вниз по Нигеру до моря и тем раз навсегда покончили со спорами о месте его впадения. Лендер получил премию только что основанного лондонского географического общества, поглотившего ранее основанную Африканскую ассоциацию. Путешествие Лендера, таким образом, замыкает собой целую главу в истории географических открытий.

До конца первого периода исследования Африки в области Нигера после этого предпринималось уже очень мало. Посланной в 1832 г. на Нигер экспедиции не удалось дойти до Раббы, хотя один из ее участников поднялся на короткое расстояние вверх по Бенуэ. Более успешным предприятием было в следующем году путешествие братьев Лендер, но и они, хотя и дошли до Раббы, дальше продвинуться не смогли. Вместо этого отряд поднялся вверх по Бенуэ примерно на 150 *км*. В 1832 г. из Фернандо-По в Калабар вышел Колтерст и поднялся по реке Калабар до области Эбо, где вынужден был остановиться; и на этом все исследования здесь замирают до 1840 г., когда Бикрофту удалось подняться по Нигеру до пункта в 50 *км* ниже Буссы. В следующем году было сделано большое усилие установить торговые связи с внутренней частью страны, но оно кончилось полным крахом.

Тем временем, крупные события происходили на севере. В 1830 г. французы приступили к покорению Алжирии. За 1839—1843 гг. им удалось завоевать бо́льшую часть Телля и высокого плато. В 1843 —1847 гг. война перенеслась в Марокко, а в 1848 г. Алжир был присоединен к Франции. Таким образом, европейскому влиянию открылась очень большая страна, появилось новое поле для географических изысканий и одновременно новая база, откуда можно было вести исследование Сахары. Европейские ученые получили доступ в страну; изучение географии Африки получило большой толчок вперед. Из среды первых отправившихся в Алжир ученых должны быть названы: крупный археолог и этнограф Бербруггер, прибывший в Алжирию в 1835 г. и умерший после долгой службы там в г. Алжире в 1869 г.; Пюклер-Мускау, путешествовавший как по Тунису, так и по Алжиру; геолог и антрополог Вагнер (1836—1838 гг.), Брадшоу (1845—1847 гг.) и И. В. Мюллер, который, помимо своих больших путешествий в Новом Свете, посетил также Марокко. Англичанин Давидсон, пытавшийся пересечь Западную Сахару из Танжера, поплатился за это жизнью (1836 г.).

Нам остается упомянуть еще два путешествия, которые, в конечном счете, оказались тесно связанными с исследованием Северо-Западной Африки. В 1844—1845 гг. Барт проехал по краю пустыни из Туниса в Египет, а в 1845 г. Ричардсон добрался из Триполи в Мурзук. В скором времени обоим им пришлось вместе принять участие в одном из крупнейших исследовательских предприятий во всей истории изучения Африки.

2. Северо-Восточная Африка (1788—1848 гг.)

В 1788 г. основные черты устройства поверхности Северо-Восточной Африки в общем уже определились, но оставались еще области либо никем не посещенные, либо мало известные; научное же исследование этого угла Африки находилось вообще еще в зародыше. Первый период открывается замечательным путешествием В. Дж. Брауна к оазису Сива (1792 г.) и, что еще важнее, в Дарфур (1793 г.). Он достиг этих областей, не без трудностей, обычной караванной дорогой от Асиута и той же дорогой, еле спасшись от гибели, вернулся. За время своего пребывания в этих областях он сумел собрать много ценного материала, и труд его сохранил свою авторитетность в течение более чем столетия.

Главнейшим фактором в открытии долины Нила были не единичные путешествия Брауна или Брюса (чьи путешествия вдохновили Брауна), а происшедшее в 1798 г. вторжение армии Наполеона и последовавшее за этим правление Мехмеда-Али. Французы и привлекли внимание Европы к Египту и его древностям, и активно собирали и распространяли географические сведения о нем. Вышедший в свет в 1807 г. в Париже французский «Атлас Египта» давал полное представление о Ниле вплоть до Асуана.

Последовавший за эвакуацией французских и английских войск период политического хаоса закончился приходом к власти деспотического правителя Мехмеда-Али (1805—1848 гг.), который водворил порядок в Египте и расширил его владения на юге вплоть до Кордофана. Новой ситуацией быстро воспользовались европейские исследователи, которые так и хлынули в страну. Зетцен (1810 г.) и Буркхардт (1812 и 1814—1817 гг.) относятся к разряду путешественников, не специализировавшихся на определенном районе. Буркхардт в 1812 г. побывал в Каире и, перейдя Нубийскую пустыню, дошел до Суакина. Вернувшись из Аравии, он начал готовиться к поездке из долины Нила к Нигеру, но умер в Каире. В 1820 г. по Ливии путешествовал Эренберг, а Кайо (Caillaud) и Леторзек не только объехали оазисы Ливийской пустыни и побывали в Нубии, но сопровождали также египетскую экспедицию, в результате которой в 1823 г. был основан Хартум, и достигли Голубого Нила. Эта же египетская экспедиция дала Рюппелю случай побывать в 1824 г. в Дарфуре[1].

Определенные результаты были достигнуты и в исследовании Белого Нила. В 1827 г. Линан-де-Бельфон поднялся по реке до 13°6′ с. ш. и там пришел к заключению, что истоки реки следует искать в каком-либо озере примерно у 7° с. ш. Двенадцатью годами позже одна из египетских экспедиций, которую сопрово-

[1] Речь идет о завоевании египетскими войсками Судана, начатом в 1820 г. правителем Египта Мехмед-Али.—*Прим. ред.*

ждал Тибо, достигла точки у 6°30′ с. ш., а в 1841 г. вторая экспедиция, в состав которой вошли Д'Арно и Верн, проникла примерно до 4°42′ с. ш. Этим самым была опровергнута догадка Бельфона относительно местонахождения истоков Нила. Однакоже весь скопившийся к тому времени материал как будто бы подтверждал его общие предположения.

В эти годы Египет посетили и дошли до Кордофана несколько других путешественников, но их вклады в науку были ничтожны. Исключением был Джон Питрик, в 1848 г. добравшийся до Кордофана и оставшийся там на долгое жительство. Его более крупные достижения приходятся уже на годы после 1848 г. и поэтому рассматриваются нами в другом месте.

1830 г. является важным поворотным пунктом в исследовании Эфиопии. До этого времени единственным интересным путешествием была поездка Солта (1810 г.). В результате ее кое-что стало известно по поводу северной части страны; что же касается областей к югу и востоку от озера Тана, то сведения по поводу них продолжали оставаться туманными и бессвязными. В 1830—1848 гг. эти пробелы удалось частично заполнить. В сентябре 1831 г. в Масауа высадился Рюппель, посвятивший два последующих года работе в областях к северу и востоку от озера Тана, и в это же время Ферре и Галинье занялись районом между Хамасеном и Гондаром. В 1835—1836 гг. Комб и Тамизье, проехав от Масауа до озера Тана, исследовали местность к юго-востоку от озера и дошли до Анкобера, тогда как Лефевр в 1839—1842 гг. исследовал область между Анкобером и заливом Таджура. Таким образом, накопилось довольно много нового материала относительно восточного края нагорья.

Вслед за этими мелкими достижениями более крупные вклады в географию этой части Африки сделали Ч. Т. Бик и братья д'Аббади. Бик в ноябре 1840 г. высадился в заливе Таджура и в мае 1843 г. выступил из Масауа в свое путешествие. Он провел ряд термометрических высотных наблюдений почти на семь градусов долготы, считая от Таджуры, и путем астрономических наблюдений установил широту более чем семидесяти точек. В грубых чертах он нанес на карту водораздел между реками Нилом и Хаваш, составил эскизную карту плато Годжам и впервые после Брюса описал истоки Голубого Нила, течение которого он приблизительно определил. Бик собрал также сведения относительно области к югу от Аббаи (Голубой Нил), а на обратном пути к Масауа собрал ценный материал по Эфиопии. В общем его карты охватили площадь в 180 тыс. кв. *км*. Часть пути его сопровождал немецкий миссионер Крапф, которому вскоре после этого суждено было прославиться в Восточной Африке.

Еще более обширными и ценными были путешествия А. Т. д'Аббади и его брата, проживших в Эфиопии 12 лет (1837—1848 гг.):

и пересекших ее с севера на юг от Масауа до Бонки (к северу от озера Рудольфа) в стране Каффа. Они сделали больше, чем любой другой путешественник, для познания Эфиопии. Они произвели геодезическую съемку и сделали ее необыкновенно точно. Они соединили цепью треугольников область Каффа с Красным морем и определили положение примерно девятисот точек.

Из-за политического соперничества между Францией и Англией, которое охватило собой также миссионеров в северной Эфиопии, результаты исследования в это время были сравнительно невелики. В 1841 г. в связи с этим соперничеством Харрис провел успешную экспедицию во внутренние области Эфиопии с целью установления торговых сношений с ними. Он привез с собой маршрутную съемку пути от Таджуры до Анкобера и первым точно установил долготу этого последнего города.

Трудами Бика, Харриса и д'Аббади заканчивается первый период исследования Эфиопии. Он ознаменовался большими успехами в горных районах, тогда как восток и юго-восток страны остались почти нетронутыми.

3. Центральная и Южная Африка (1788—1848 гг.)

За этот период был сделан очень небольшой шаг вперед, в особенности в Центральной Африке. Мы уже упоминали о путешествиях натуралистов по Южной Африке; в этой связи следует упомянуть еще одно отдельное достижение: в 1797 г. в Капскую колонию в качестве секретаря лорда Макартни прибыл Барроу, объездивший страну и составивший гораздо лучшую карту Южной Африки, чем все до того известные.

После этого последовал ряд второстепенных путешествий. В 1801 г. Тратер и Соммервилл отправились за Оранжевую реку в страну негров-бечуана и почти достигли озера Нгами. Двумя годами позже Лихтенштейн исследовал части страны бушменов и бечуанов к северу от слияния рек Оранжевой и Вааль. Путешествия Берчелла за реку Вааль и по границам страны бечуанов (1810—1812 гг.) имели большую ценность скорее для зоологии, чем для географии, зато миссионер Кемпбелл (около 1812 г.) оказал географической науке ценную услугу тем, что довольно точно нанес на карту все течение Оранжевой реки и открыл истоки Лимпопо. Руководитель военно-топографического отряда капитан Оуэн (1822—1826 гг.) заснял и нанес на карту множество деталей восточного и западного побережий Южной Африки и в особенности подвинул вперед дело ознакомления с заливом Делагоа и его хинтерландом. Он приступил также к научному изучению Замбези, но, к несчастью, все европейские участники этого предприятия умерли в ходе его проведения.

Начавшаяся в 1833 г. миграция буров и основание «Ассоциации мыса Доброй Надежды по исследованию Центральной Африки» ознаменовали собой поворотный пункт в истории исследования, поскольку оба эти события не только повели к расширению зоны европейского влияния, но и обеспечили до тех пор недостававшую систематичность в деле исследования. В 1834 г. Смит достиг южного тропика и исследовал верхнюю долину Лимпопо; еще через два года Харрис (позже принявший участие в исследовании Эфиопии) посетил страну бечуанов, а в 1836—1837 гг. Александер в ходе сухопутного путешествия из Кейптауна в Китовую бухту пересек страну племени намаква. Тем временем другие путешественники уточняли подробности географии страны, общие контуры которой уже с достаточной ясностью определились. Среди этих последних следует упомянуть Кауи и Грина, совершивших в 1829 г. путешествие в Натал, и Вальберга, исследовавшего в 1841—1844 гг. территорию, простирающуюся к северу от Натала до Лимпопо.

Как раз в этот период в Южную Африку и прибыл Ливингстон. В 1841 г. он выехал из залива Алгоа, чтобы принять участие в деятельности миссионеров среди бечуанов. Почти сразу же он приступил к путешествиям исследовательского характера, хотя в тот период они велись единственно с целью охватить возможно большую зону миссионерской пропагандой. Его работа была тесно связана с путешествиями его тестя Моффата, ближе, чем все другие миссионеры, ознакомившегося с окраиной пустыни Калахари. Эта предварительная работа послужила Ливингстону хорошей школой для его последующих крупных исследовательских путешествий, начавшихся в 1849 г. и завлекших его в бассейн Замбези.

Надо сказать, что до первого путешествия Ливингстона Центральная Африка была очень мало известна. Португальцы мало сделали в части открытия для европейцев области, в которой они пользовались некоторым политическим влиянием, и даже то немногое, что было сделано, не получило должной огласки. Первым, и в то же время важнейшим, приходящимся на этот период исследовательским предприятием было путешествие португальца Ласерды (1798 г.)[1]. Ласерда слышал, что имелось в виду отправить экспедицию «с целью установления сухопутного сообщения между восточным и западным побережьями Африки вместо длинного и опасного плавания вокруг мыса Доброй Надежды». Он подал некоторые мысли в связи с этим проектом и подробно изложил те выгоды, какие должно было повлечь за собой его

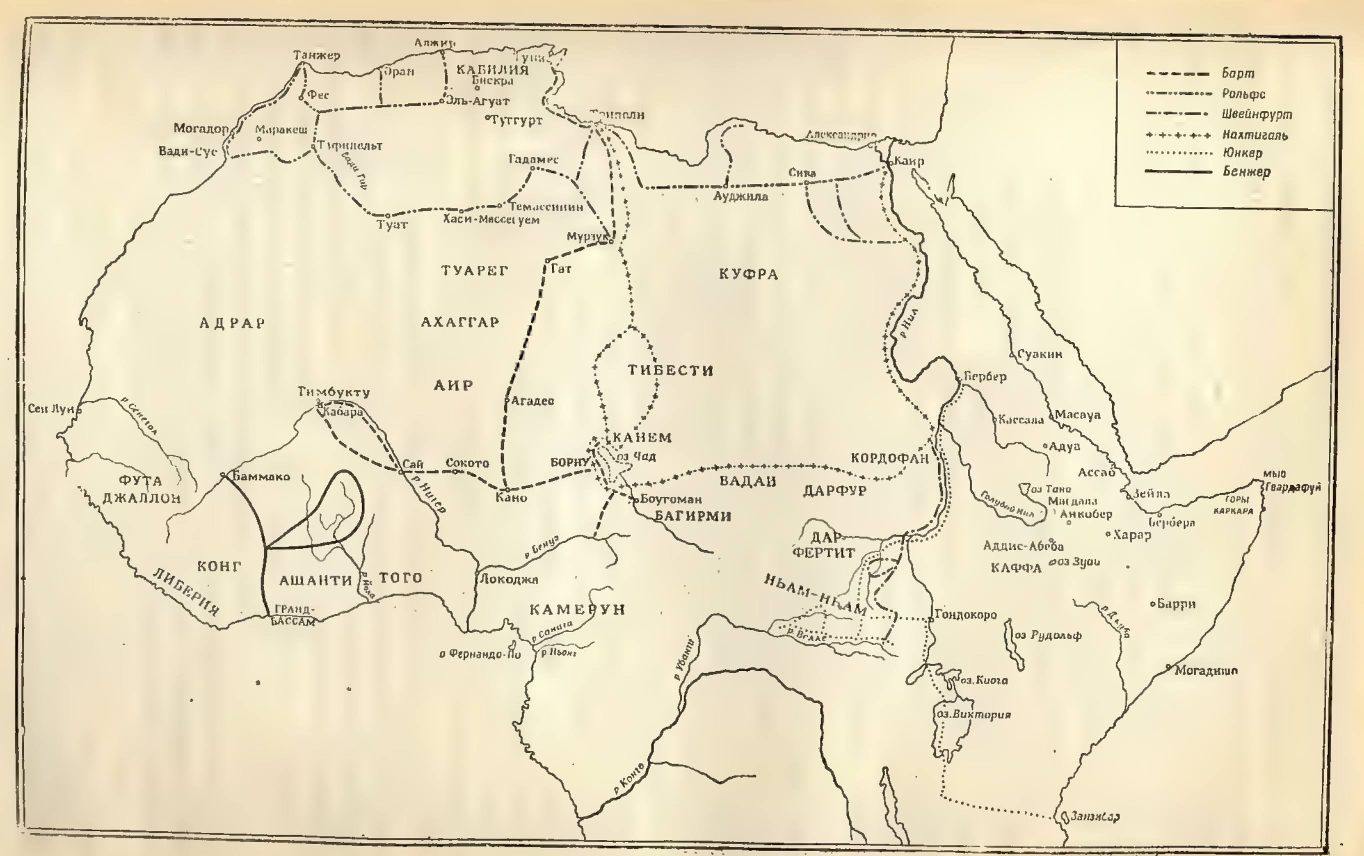
[1] По поводу этой экспедиции лондонское географическое общество опубликовало в 1873 г. книгу «Страны Казембе». В этой книге помещены также рассказы о путешествиях странствующих туземных торговцев («pombeiros») и о Монтейро и Гамитто.—*Прим. автора.*

осуществление. По его словам, оно должно было расширить португальское влияние, связать воедино разбросанные в разных местах колонии, открыть новый торговый путь и тем самым увеличить доходы казны и остановить продвижение англичан, «за которыми надо внимательно следить: в противном случае недостаток энергии с нашей стороны повлечет их распространение на север». Далее, поскольку ничего не известно о верхнем течении и истоках Замбези, возможно, что эта река связана с исследованной Ласердой в 1787 г. рекой Кунени, «крупнейшим водным путем на всей территории между Заире (Конго) и мысом Доброй Надежды».

«Если догадка эта подтвердится,—писал Ласерда,—и если правительство откроет такого рода торговый путь, то привозимые из Азии на судах товары смогут итти по нему до Бенгелы, и тогда Мозамбик и Бенгела станут первоклассными центрами торговли. Как только будет установлена такого рода сухопутная торговля между восточным и западным побережьями, сразу же появятся проводники-туземцы, и тогда исследование упомянутой реки не представит никакого затруднения».

Ласерда был назначен начальником проектировавшейся экспедиции, и ему было дано задание—разрешить эти географические проблемы и открыть область Казембн для португальской торговли. Ласерда до известной степени исходил из информации о Казембн, полученной им от некоего португальца по фамилии Перейра, побывавшего в ней в 1796 г. и благоприятно отозвавшегося о перспективах торговли с ней. 3 июля 1798 г. Ласерда покинул берег Замбези и прошел на север по территории, лежащей между озерами Ньяса и Бангвеоло, не видав ни того, ни другого, хотя, судя по отдельным местам в его дневнике, он знал об их существовании. В октябре он достиг области Казембн и там умер. После девятимесячного пребывания в этой стране остальные члены экспедиции под командой священника вышли в обратный путь и в ноябре 1799 г. достигли Тете. Своей главной цели экспедиция не достигла, хотя и собрала большой географический материал. К сожалению, результаты ее трудов не получили достаточно широкой огласки, а ко времени первого путешествия Ливингстона были совершенно забыты.

На этот период падают еще два других исследовательских предприятия португальцев, хотя особенно важным ни одно из них не являлось. В 1802 г. два португальских купца вышли из Анголы, прошли страну Казембн и вышли к реке Замбези. Сообщения их носили несколько путаный характер, но, во всяком случае, подтвердили возможность продвижения внутрь материка сухим путем. В 1831 г. по части этого маршрута, но в обратном направлении прошли майор Монтейро и капитан Гамитто. В июне они вышли из Тете, проехали в ноябре через область Казембн и вскоре вер-



36. Северная Африка, 1849—1889 гг.

нулись. Монтейро мало что прибавил к открытиям Ласерды, хотя ему и удалось привлечь всеобщее внимание к этому мало известному району.

Следует упомянуть также и стоявшее особняком путешествие по Центральной Африке Боудича, посетившего в 1817 г. область Габон и внесшего ценные дополнения к карте небольшого района в долине Огове.

4. Северо-Западная Африка (1849—1889 гг.)

В течение того сорокалетия, к рассмотрению которого мы переходим, исследования Северной Африки в целом характеризуются четырьмя моментами. Начиная с первого путешествия Барта в 1849 г. и вплоть до конца периода, исследователи все более и более замыкают кольцо вокруг Сахары, не сумев однако покорить самой пустыни; в этот процесс входит также исследование соседних территорий к северу, западу и югу от пустыни. Первенствующими фигурами среди исследователей являются Барт, первым приступивший к делу, далее Рольфс и Бенже (Binger), которым этот период замыкается. Второй чертой является установление связи между исследованием долины Нила и окраин Северо-Западной Африки. Крупнейшие исследователи двигались с востока к реке Конго или озеру Чад. Здесь выделяются фигуры Швейнфурта, Нахтигаля и Юнкера. Третьей чертой является довольно медленный ход исследования Северо-Восточной Африки, где нельзя назвать почти ни одного имени, которое выделялось бы среди остальных. Наконец, мы являемся свидетелями продолжения поисков истоков Нила; с поисками со стороны Египта связано имя Самуэла Бейкера; однакоже эта часть исследований, так тесно связана с работами в Центральной Африке, что мы рассмотрим ее в соответствующем разделе.

Исследование Северо-Западной Африки начинается с английской «смешанной научно-торговой» экспедиции в Судан, начальником которой был Ричардсон, а его спутниками Барт и Овервег; позже в ее состав вошел и Фогель. Экспедиция вышла из Туниса в декабре 1849 г., но к исследованию приступила фактически лишь начиная с Триполи, откуда она выступила в феврале следующего года. Путь экспедиции лежал через Мурзук, Гат и Агадес и далее через пустыню, после чего пути разошлись; Барт пошел на Кано и оттуда на Куку, где он должен был соединиться с остальными членами экспедиции, двигавшимися более восточным путем. Во время путешествия Ричардсон умер, и командование экспедицией перешло к Барту. Ему удалось исследовать озеро Чад, хорошее описание которого он оставил.

«Чад,—писал он,—носит характер громадной лагуны, очертания которой меняются каждый месяц, почему их невозможно

сколько-нибудь точно нанести на карту. Надо сказать, что когда сегодня, 24 апреля 1851 г., я оглядел природу тех болотистых низин, что окружают это озеро или лагуну, я отдал себе отчет в полной невозможности произвести съемку его берегов, даже если бы положение в окружающих его областях позволило нам приступить к выполнению такого рода предприятия. Единственное, что можно сделать,—это, с одной стороны, фиксировать крайние рубежи, каких по временам достигает разлившаяся лагуна, и, с другой,—определить протяжение судоходных участков»[1].

От озера Чад Барт и Овервег пошли на юг по направлению к главному городу области Адамауа—Йола, где ознакомились с рекой Бенуэ.

«Главная река Бенуэ направлялась здесь с востока на запад. Бенуэ выглядела широкой и величественной, и текла она по совершенно ровной местности, где лишь там и сям подымались отдельные горы... Теперь я собственными глазами увидел характер и направление течения этой могучей реки; и у всякого непредубежденного человека не может быть более никаких сомнений, что река эта сливается с другой громадной рекой, уже исследованной [Алленом, Лейрдом и Олдфилдом]».

Продвинуться дальше Йолы Барт не смог и потому повернул в обратный путь. Тем временем Овервег изучил озеро Чад. Барт был чрезвычайно огорчен тем, что ему не удалось осуществить своего «сильнейшего желания» проникнуть далее на юг. Он решил сначала осмотреть район к северу от озера и потом отправиться в область «к югу от Багирми». Выполнив свое первое намерение, он в феврале 1852 г. выступил в Багирми. Он вышел к реке Бари у Бугомана, после чего вернулся в Борну, где вновь встретился с Овервегом, который вскоре после этого скончался. Вслед за тем Барт совершил долгое и успешное путешествие в Тимбукту через Сокото и Сей на Нигере. Он прошел сушей от Сея до Тимбукту, а на обратном пути спустился вниз по Нигеру до Сея. Отсюда он направился назад в Борну, где встретился с Фогелем, командированным туда английским правительством.

Фогель взялся закончить работу, начатую Бартом к югу от озера Чад, и решил пересечь всю Африку до Нила. Однако добрался он лишь до Вадаи, где и был умерщвлен[2]. На поиски его было

[1] В труде *Барта* «Путешествия и открытия в Северной и Центральной Африке», вышедшем на английском языке в 5 томах в 1859 г., содержится полный отчет о работе экспедиции; особенно важна историческая сторона этого сочинения.—*Прим. автора.*

[2] См. о нем *Г. Вагнер*, «Путешествия и открытия д-ра Фогеля в Центральной Африке, Великой пустыне и земля Судана», СПБ, 1861.—*Прим. ред.*

послано целых семь экспедиций, но лишь одной из них удалось пробраться в Вадаи, а начальника ее, Бейрманна, постигла в 1863 г. та же судьба, что и Фогеля.

Возвращаясь, Барт пересек пустыню, пройдя через Мурзук в Триполи, и осенью 1855 г., после многолетней и великолепной работы в Северной Африке, достиг Англии.

«Поскольку мои путешествия,—писал он,—охватили территорию, протяжением в 24° с севера на юг и в 20° с востока на запад в самой широкой части африканского континента, я по необходимости повидал самые разнообразные и интересные вещи. Проехав обширные пустыни с совершенно бесплодной почвой и наталкиваясь на сцены самого страшного запустения, я вступал в плодородные области, орошенные большими судоходными, реками и обширными, в центре расположенными озерами, украшенные прекраснейшими лесами и производящие в неограниченном изобилии различные виды хлеба, риса, кунжута и земляного ореха, так же как сахарный тростник и такие ценнейшие предметы торговли, как хлопок и индиго. Вся Центральная Африка от Багирми на востоке до Тимбукту на западе изобилует такого рода продуктами. Туземцы этих областей не только прядут и ткут свои собственные материи, но и окрашивают свои домотканные рубашки ими же самими произведенным индиго. Прославленный Нигер, восточная ветвь которого (Бенуэ), открытая мною, дает доступ в этот район, представляет собой непрерывный судоходный путь, протяжением более чем в 600 миль, ведущий в самое сердце страны. Западная ветвь (собственно Нигер) на расстоянии примерно 350 миль от побережья прерывается порогами; но даже и здесь при существующей технике судоходства эти пороги, быть может, не окажутся вовсе непроходимыми; выше же их река представляет собой огромную тысячемильную дорогу, ведущую во внутренние области Западной Африки, столь богатые всякого рода продуктами».

Барт скромно оценил свои собственные достижения:

«В этом моем путешествии [в достижении Тимбукту и исследовании частей течения Нигера, оставшихся неизвестными из-за смерти Мунго Парка] мне удалось осуществить все мои упования и не только ознакомить мир со всей той огромной территорией, которую даже арабские купцы знали меньше, чем остальную Африку, но и установить дружеские отношения со всеми наиболее могущественными вождями племен, обитающих по реке, вплоть до таинственного города Тимбукту. Нет сомнения в том, что и по своему маршруту я оставил многое недоделанным, что лучше меня сделают мои преемники; но я удовлетворен уже сознанием того, что открыл образованной Европе обширнейшую область изолированного африканского мира и не только смог дать более или

менее ясное представление о нем, но обеспечил также открытие регулярных связей между Европой и этими районами».

Суммируя достижения Барта, приведем в заключение суждение о нем другого крупного путешественника по Африке — Дж. Томсона. «Никто до него,—писал последний,—не собрал на ниве исследования Африки такой богатой жатвы географических, исторических, этнографических и лингвистических фактов».

Процесс наступления на Сахару с севера начался с уже упомянутого нами выше завоевания Алжирии французами. Продолжением этого завоевания был захват в 1849 г. оазиса Заача (вблизи Бискры), экспедиция против Эль-Агуата в 1852 г., занятие Тугурта в 1854 г. и три года спустя решительная кампания в Кабилии, обеспечившая французам безопасный тыл. В 1870 г. они успешно продвинулись к Вади-Гир. В результате всех этих военных операций продвинулось вперед и изучение Алжирской Сахары.

Тем временем путешественники приступили к покорению и самой пустыни. В 1850 г. Пане сделал попытку добраться до Тимбукту со стороны Сенегала, но ему пришлось отклониться от своего направления, и по пути в Марокко он был убит. Еще через девять лет (1859—1861 гг.) Дюверье обследовал алжирскую окраину Сахары и путь Гат—Мурзук. В 1860 г. Венсан добрался до Адрара из Сен-Луи. Вскоре после этого французы многое узнали благодаря устному сообщению, которое Мордохай Аби-Серур сделал консулу в Могадоре. Аби-Серур прожил в Тимбукту с 1860 по 1862 г. и в течение нескольких лет занимался разъездами между этим городом и Марокко.

Но больше всех сделал Г. Рольфс, начавший свою африканскую карьеру во французском иностранном легионе в 1855 г. и окончивший ее в 1885 г. в должности германского консула в Занзибаре. Путешествия его продолжались годами и охватили большую территорию. В 1862 г. Рольфс вышел переодетым из Танжера, посетил Фес и Марокко, прошел по побережью до Вади-Сус, оттуда повернул на восток и стал вторым европейцем, после Кайе, побывавшим в Тафилельте. На следующий год он сделал попытку проехать через пустыню в Тимбукту, но потерпел неудачу. В 1864 г. Рольфс вновь посетил Тафилельт и оттуда проследовал в Туат, где до того времени не бывал ни один европеец; обратно он вернулся через Гадамес на Триполи. В 1865 г. Рольфс опять приехал в Триполи, чтобы выступить оттуда в Ахаггар; проект оказался неосуществимым, и вместо этого он отправился в Мурзук, откуда проехал через пустыню в Борну, достиг реки Бенуэ и спустился вниз по ней и по Нигеру. 1867 и 1868 годы он провел в Эфиопии. В 1869 г. Рольфс проехал из Триполи в Сиву и Александрию. В 1874 г. он вернулся в Ливийскую пустыню и предпринял крупную экспедицию в Сиву. В 1878 г. он вновь, на этот

раз со Штрекером, приехал в Триполи с целью проникнуть в Вадаи, но сумел добраться лишь до оазисов Куфра. Это была последняя экспедиция Рольфса. Вряд ли его можно назвать ученым путешественником в строгом смысле этого слова, но он в ходе своих шестнадцатилетних путешествий открыл много совершенно неизвестных областей Африки[1].

Французские путешествия возобновились в 1871 г. Солейе намеревался пробраться в Тимбукту, но сумел добраться только до границы Алжирской Сахары. Тремя годами позже с аналогичной целью выступили в путь Жубер и Дурно-Дюпере, но были убиты вблизи Гадамеса. Такая же участь постигла в 1877 г. Э. фон-Бари, пытавшегося проникнуть в Тимбукту из Триполи через Аир.

В июле 1880 г. до Тимбукту успешно добрался Оскар Ленц, вышедший из Марокко по старой караванной дороге. Ему удалось пробыть в Тимбукту двадцать дней, в течение которых он собрал ценный материал о городе. В результате его путешествия значительно подвинулось вперед изучение геологии Сахары. Примерно в те же годы (1879—1882) Марокканскую Сахару исследовал Шаудт.

К 1880 г. французские проекты транссахарской железной дороги настолько продвинулись, что была организована экспедиция Флаттерса для производства съемки пути от Алжирии до Нигера. В этот год Флаттерс проник лишь чуть дальше Темассинина, но вернулся в 1881 г., пересек тропик Рака и был убит в стране туарегов. В следующем году Фуро провел экспедицию в Хасси-Мессегнем, а в 1885 г. из Орана выступил Пала, убитый вслед за тем в Туате. Последней экспедицией этого периода (1889 г.) было путешествие Дуля, также убитого на пути в Тимбукту. В следующее десятилетие французы предприняли военное завоевание Сахары, что намного раздвинуло рамки географических познаний о пустыне.

Успеху своего проникновения в Сахару с севера французы, по крайней мере частично, обязаны начатому ими в 1859 г. продвижению к Нигеру со стороны Сенегала. Первым исследователем района Фута-Джаллон был Ламбер. За ним последовал Маж; инструкция данная ему, очень четко гласила: «Вашей задачей является исследовать линию, соединяющую наши посты по верхнему Сенегалу с верхним Нигером, в особенности же с Баммако, который представляется нам ближайшим пунктом, ниже которого по Нигеру, вероятно, более нет препятствий для судоходства». Несмотря на успех Мажа в деле исследования

[1] Главные работы Рольфса, написанные на немецком языке: «Путешествие через Марокко» (1868); «От Триполи до Александрии» (1871); «Мое первое пребывание в Марокко» (1873); «Поперек Африки» (1875) и «Экспедиция по исследованию Ливийской пустыни Куфра» (1875).—*Прим. автора.*

долины верхнего Нигера, ему не удалось выполнить поставленного ему задания[1], и после 1865 г. попытки достигнуть реки Нигер замирают на целые одиннадцать лет.

В 1879 г., в связи с проектом проведения железной дороги до Нигера, были предприняты новые изыскания трассы. Еще через два года начал двигаться на восток Галлиени, и хотя он вначале не имел успеха, французы все же продолжали неуклонно стремиться вперед и 1 февраля 1883 г. достигли Баммако. Последним шагом в этом направлении была постройка на Нигере двух судов, на которых Карон в 1887 г. спустился от Баммако до Кабары.

Что касается приморских стран, расположенных у Гвинейского залива, то после открытий Лендера и пионеров—исследователей Нигера—было сделано сравнительно мало. В 1854 г. В. Б. Бейки вышел с экспедицией к Нигеру для открытия торговли; в надежде повстречаться и работать вместе с Бартом он проплыл почти 500 *км* вверх по Бенуэ и определенно установил, что эта именно та река, которая открыта Бартом; но встретиться с последним ему так и не удалось. Вторая экспедиция достигла в 1857 г. Локоджи, но последовательно сменявшиеся британские кабинеты не интересовались Нигером, а заходившие сюда купцы ничего общего не имели с географией. Таким образом, если не считать немногих изолированных попыток, никаких успехов в этой области не было. В 1861 г. в Фернандо-По был прислан в качестве консула Ричард Бертон, уже прославившийся своими путешествиями по Аравии и Восточной Африке. Он воспользовался случаем и исследовал небольшой район в горах Камеруна. В 1868 г. Андерсону удалось дать кое-что географии одного из наименее посещаемых участков западного побережья, а именно Либерии. Рид проехал в страну Ашанти в первый раз в 1872 г. Он побывал в ней вторично в следующем году, когда война с ашантиями дала англичанам случай проникнуть в их страну. Однакоже сам Рид пессимистически смотрел на будущее открытий в Западной Африке. «Время открытий в этой части Африки,—писал он,—прошло; Нигер вышел из моды, и нынешнее поколение интересуется одним лишь Нилом». Соответственно этому все крупные открытия в Западной Африке были сделаны французами и немцами, питавшими к ней острый политический интерес.

В 1875 г. Бонна проник в хинтерланд Золотого Берега и исследовал реку Вольту. Флегель, начавший свою карьеру исследователя с путешествия по Камеруну в 1879 г., в следующем году сосредоточил свое внимание на Нигере и осмотрел восточную половину его течения. В 1883 и 1884 гг. он посетил Адамауа

---

[1] На русский язык переведена книга «Западный Судан. Путешествие капитана Мажа». СПБ, 1872.—*Прим. ред.*

и открыл истоки Бенуэ, но не сумел осуществить свое намерение— пересечь неисследованную территорию между Бенуэ и Конго.

Флегель был всего лишь одним из многих путешественников, посланных в Африку германским Африканским обществом. Такая активность немцев объяснялась отчасти вспышкой национализма, последовавшего за франко-прусской войной, а отчасти острой борьбой того времени за раздел Африки. Однакоже справедливость требует признать, что немцы интересовались географическим исследованием Африки в течение всего XIX в., и одни лишь работы Барта, Рольфса и Нахтигаля являются свидетельством того, что интерес не целиком базировался на перспективах территориальных захватов[1]. В 1886 г. немцы впервые продвинулись в глубь Того. В следующем году Кунд и Таппенбек проникли в Камерун, а в 1888 г. первый из них произвел съемку верхнего течения рек Санага и Ньонг. В 1886 г. Краузе исследовал реку Вольту на границе Того, а в следующем году начали свою ценную работу в этой стране фон-Франсуа и Вольф. Лишь экспедиция 1885 г., посланная английской королевской компанией Нигера в Сокото, предотвратила захват долины нижнего Нигера Германией[2].

Однако больше всего обогатил географию француз Бенже в 1887 и последующих годах. Его первоначальные усилия были направлены на изучение неизвестной области к югу от излучины Нигера. До его путешествия существовало убеждение в том, что долина Нигера очень широкая. Бенже, наоборот, доказал, что она совсем узкая и что река Вольта берет свое начало вблизи течения Нигера. Он доказал также, что фигурировавшая на многих картах большая горная цепь, пересекавшая всю эту область примерно вдоль 10° с. ш., на самом деле не существует. Бенже сделал не меньше и во второй период своей деятельности, но поскольку это выходит за рамки данного раздела, мы рассмотрим эти его достижения в другом месте.

Следует упомянуть еще одно путешествие, замечательное не столько какими-либо плодотворными географическими резуль-

---

[1] Говоря «немцы», автор смешивает путешественников немецкого происхождения с инициаторами и организаторами германской колониальной экспансии—такими, как, например, директор крупнейшего германского банка «Дисконто-Гезельшафт» Ганземан или бременский купец Людериц, положивший начало захвату германцами Юго-Западной Африки. Последние, конечно, «интересовались географическим исследованием Африки» только с точки зрения колониальных захватов. Среди же путешественников немецкого происхождения, даже таких, как Нахтигаль, который был прямым агентом германских империалистических кругов, стремившихся принять участие в разделе Африки, несомненно были люди, искренне интересовавшиеся географическими проблемами даже в том случае, если разрешение их не было непосредственно связано с колониальными захватами.—*Прим. ред.*

[2] Немецкие исследователи весьма тщательно и систематически изучили свои собственные колониальные владения в Африке.—*Прим. автора.*

татами, сколько как своего рода рекорд,—а именно путешествие Маттеучи и Массари, пересекших Африку в 1882 г. с востока на запад от Суакина через Кордофан, Вадай, Борну и Кано до Нигера.

Тем временем исследователи долины Нила постепенно продвигались на запад, в район Бахр-Эль-Газаля. Некоторые искали истоки Нила, другими же двигало желание открыть неизвестные области между долиной Нила и озером Чад, где погиб Фогель. В 1860 г. Миани и Антинори прошли вдоль берегов рек Бахр-Эль-Газаль и Дур, и эту же область в следующем году посетили Лежан и Пеней. Между 1848 и 1863 гг. ряд путешествий в этом районе совершил Питрик. Он проник в область Ньям-Ньям к северу от реки Уэлле, а Пьяджа прожил там весь 1864 год. В те же годы Т. Хейглин и Штейднер проникли за Бахр-Эль-Газаль и достигли Дар-Фертита. Это повело к чрезвычайно важному путешествию Г. Швейнфурта, предпринятому в 1868—1871 гг. Этот крупный немецкий ботаник уже ранее исследовал берега Красного моря и прошел через всю северную Эфиопию до Хартума (1863—1866 гг.). Во время своего пребывания в Хартуме Швейнфурт «много наслышался об экспедициях за слоновой костью, предпринимавшихся хартумскими купцами в области истоков Нила». Вернувшись в 1868 г. в Египет, он отплыл из Суэца в Суакин, откуда вновь проехал в Хартум. Здесь в 1869 г. он предпринял свое важнейшее путешествие. Его главной целью было изучить флору тех экваториальных областей, по которым протекают западные притоки верхнего Нила, и показать значение этих западных притоков, по его мнению, недооцененных Спеком и Бейкером, недавно открывшими течение Нила от Великих озер до Гондокоро. Далее налицо была и другая, ждавшая разрешения географическая загадка.

«Как раз в декабре 1868 г.,—писал Швейнфурт,—когда я собирался выступить из Хартума, я получил первые сведения о народе монбутто, по слухам, обитавшем к югу от страны Ньям-Ньям... [Эти сведения] были ценны уже тем, что они заключали некоторые географические факты, выяснение которых выпало на мою долю. Факты эти заключались в том, что к югу от территории Ньям-Ньям находится протекающая на запад река, что река эта не является притоком Нила и что берега ее населены народом, резко отличающимся от типичных негров».

Швейнфурт успешно провел это исследование, проник на территорию Ньям-Ньям и установил правильность полученного в Хартуме сообщения.

«Наконец-то,—писал он далее,—я был у порога исполнения моих самых затаенных мечтаний. Налицо были шансы, что 19 марта [1870 г.] мы прибудем на реку Уэлле. Путь к реке лежал

прямо на юг, и мы шли через почти сплошные банановые рощи, за которыми то и дело виднелись хижины, искусно сооруженные из коры и ротанга. Переход менее чем в две лиги привел нас к берегу этой величественной реки, величественно катившей свои глубокие и темные воды на запад. Этот захватывающий момент никогда не изгладится из моей памяти. Вероятно, я испытывал то же, что 20 июля 1796 г. должен был испытать Мунго Парк, когда он впервые ступил на берег таинственного Нигера и раз навсегда разрешил великую географическую загадку того времени: куда направлялось течение Нигера—на восток или на запад. Теперь и я стоял на берегу своей реки и мог сам удостовериться в том, что она течет на запад, и тем самым разрешить вопрос, интерес к которому поддерживался у меня противоречивыми и непоследовательными сведениями нубийцев... Если бы река текла на восток, то тогда стал бы понятным высокий уровень вод на озере Мвутан [то есть Альберта][1]; если же, как казалось гораздо более вероятным, она течет на запад, тогда, вне всякого сомнения, она совершенно не связана с системой Нила. Мгновенье—и вопрос решится. Да, река течет на запад и, стало быть, не имеет ничего общего с Нилом».

Но тут возникла другая проблема. Если река не принадлежит к системе Нила, куда же она все-таки течет? На этот вопрос Швейнфурт ответил неправильно, и ошибка его проистекала из недостаточного знания Центральной Африки.

«Вероятность того, что Кибали [то есть верхнее течение Уэлле] и сама река Уэлле то же, что и верхнее Шари, подтверждается почти сразу же, если мы зададим себе встречный вопрос: «Если они не то же, что Шари, откуда же, в таком случае, берется Шари?» Все, что мы знаем, и все, чего мы не знаем относительно северных и северо-западных областей Центральной Африки, говорит нам, что в этих направлениях нет ни достаточного водного резервуара, ни соответствующей территории для развития сети речек, которые сливались бы в реку, шириной в полмили у устья и наполняющую своими водами озеро, равное по площади Бельгии».

Несколько ранее Швейнфурт писал:

«Если река Уэлле не впадает ни в Шари, ни даже в Газаль, то она может быть лишь притоком полноводной реки Бенуэ, которая, как это у Йолы выяснил Барт 18 июля 1851 г., имела 1200 футов в ширину, в среднем 11 футов в глубину и разницу в 50 футов между самым высоким и самым низким уровнем. Но

[1] Открыто в 1864 г. Бейкером. См. ниже, раздел 6-й этой главы.—*Прим. автора.*

даже если это и так, то все же остается нерешенным вопрос о происхождении Шари, о том, где эта река берет свое начало. Я не вижу площади, по которой она могла бы течь».

Реальная ценность путешествия Швейнфурта заключалась, однако, не в теоретических рассуждениях о стоке и не в разрешении загадок, а в талантливом и ярком изображении посещенных им областей; его описания читаются с неослабевающим интересом еще и по сей день. У нас нет места, чтобы как следует отдать должное этой стороне его работы, и мы можем лишь ограничиться одной характерной цитатой. Речь идет о стране «Монбутто» по реке Уэлле.

«Страна Монбутто встречает нас, как земной рай. Бесчисленные банановые рощи покрывают слегка всхолмленную местность; несравненной красоты масличные пальмы и другие великолепные великаны лесов возвышаются над всем привлекательным пейзажем; берега рек покрыты очаровательной зеленью, а над куполами идиллических хижин туземцев нависла прохладная тень. Общая высота местности колеблется от 2500 до 2800 футов над уровнем моря; повсеместно впадины, по которым текут ручьи, чередуются с невысокими холмами, отлого подымающимися на высоту в несколько сот футов над ложами текущих внизу речек. В общем можно сказать, что почва здесь гораздо разнообразнее, чем в восточной части области Ньям-Ньям. Как та, так и другая изобилуют источниками, которые встречаются повсюду, где есть впадины; с водными потоками связана сеть естественных водостоков, что еще более подтверждает приведенное нами выше сравнение всей этой области с напитанной водой губкой, которую достаточно сжать рукой, чтобы во все стороны брызнула вода. Очень широко распространена по области Монбутто болотная железная руда, совсем недавнего происхождения и все еще находящаяся в процессе образования; запасы ее заходят далеко на север, и, видимо поэтому, почти все нагорья Центральной Африки покрыты красноземом. Как и следовало ожидать, наличие густого населения повело здесь к более частой вырубке лесов с целью насаждения банановых рощ и разведения кукурузы и сахарного тростника, но даже и здесь, в более глубоких долинах, деревья достигают такой огромной высоты и такой непомерной толщины, что с ними не может сравниться никакая растительность более северных нильских областей. Под величественной тенью этих гигантов растут другие деревья, которые, возвышаясь одно над другим, создают картину растительного хаоса. По своему общему внешнему виду область напоминает описанную Спеком Уганду; однакоже обычаи жителей, их отличительные расовые признаки и полное отсутствие всяких сношений с торго-

выми нациями делают их совершенно непохожими на жителей Уганды...»

Два других крупных исследователя Африки дополнили и расширили в различных направлениях работу Швейнфурта. Первым из них был Г. Нахтигаль. В феврале 1869 г. Нахтигаль выступил из Триполи в Мурзук, откуда он добрался до области Тибести. В 1870 г. он вновь пересек Сахару и новым путем добрался до Куки. Там он приступил к большим исследованиям, посетил Канем к северу от озера Чад, Багирми—к юго-востоку и лишь в марте 1873 г. отправился в обратный путь. Однако вместо того чтобы вернуться тем же путем, то есть через пустыню, он предпочел взяться за разрешение задачи, оказавшейся не под силу Фогелю и его продолжателям, и поехал через Вадаи и Дарфур на Кордофан, а оттуда на Каир (куда и прибыл в ноябре 1874 г.). Результаты своего путешествия Нахтигаль опубликовал в работе «Сахара и Судан», третий том которой вышел уже после смерти автора.

Нахтигаль намного обогатил географию[1]. Он был первым европейцем, проникшим в восточной Сахаре до Тибести; первым связал район исследований, где работал Барт, с районом Нила. Далее, благодаря своему долгому пребыванию в районе озера Чад, он смог выдвинуть некоторые новые догадки относительно открытой Швейнфуртом реки Уэлле. По его мнению, река Шари имела ограниченное протяжение, Уэлле же была той же самой рекой, что и Бенуэ.

Вторым исследователем был В. Юнкер, путешествовавший по Африке между 1879 и 1886 гг. и выявивший множество важных деталей, касавшихся как тех местностей, где побывал Швейнфурт, так и других. Особенных успехов он достиг в разрешении вопроса о реке Уэлле. Швейнфурт познакомился лишь с небольшим ее отрезком. Юнкер не только побывал на ней во многих местах, но особенно прилежно занялся верхним ее течением и притоками. Зайдя очень далеко, Юнкер стал жертвой политических осложнений, последовавших за восстанием Махди, и обнаружил, что вернуться тем же путем он не сможет. Поэтому от Ладо он поплыл вверх по Нилу, пересек озеро Альберта и вышел к Занзибару[2]. Исследования Юнкера в районе Уэлле, так же как подъем

---

[1] Как указывалось выше (примечание 1 на стр. 378), Нахтигаль был прямым агентом германских империалистических кругов. Впоследствии, в 1884 г., именно он как генеральный консул и уполномоченный германского императора Вильгельма I установил германский протекторат над Того и водрузил германский флаг в Камеруне.—*Прим. ред.*

[2] К сожалению, как отмечает академик Л. С. Берг (в «Очерке истории русской географической науки», Л., 1929), отчеты русского путешественника В. В. Юнкера печатались за границей по-немецки. В 1894 г., после смерти Юнкера, на русском языке вышла сводка (сильно сокращенный пересказ)

Гренфелла по реке Убанги в 1885 г.[1], установили, что обе эти реки были на самом деле отрезками одной и той же общей реки и частью системы Конго, что и в голову не приходило ни Швейнфурту, ни Нахтигалю. Юнкеру удалось также внести ряд поправок в известия других путешественников, побывавших в этом районе до него, в особенности же Миани и Потагоса; последний из них в 1877 г. достиг бассейна реки Конго со стороны Бахр-Эль-Газаля.

5. Северо-Восточная Африка (1849—1889 гг.)

Успехи в области исследования Северо-Восточной Африки за рассматриваемый период невелики. Хотя по этой области было много путешествий, они не решили никаких географических проблем, а лишь накопили множество деталей; и к концу этого периода Сомали и юго-восточная Эфиопия все еще не были достаточно изучены.

На севере был проделан ряд путешествий по новым маршрутам между портами Суакин и Масауа на Красном море, с одной стороны, и Берберой и Хартумом — с другой, так же как было исследовано нижнее течение реки Атбары. Из путешественников следует упомянуть имена миссионера Сапето (1851 г.), работавшего в районе Масауа, Гамильтона (1854 г.), Мунцингера (1855 г.), Бейкера (1861 г.), Хейглина (между Суакином и Берберой) и Хильдербрандта. Большая часть путешественников удовлетворялась лишь небольшими отклонениями в сторону от проторенных путей. Так, были проложены новые трассы между Суакином и Берберой, изучена широкая полоса территории между городами Кассала на реке Атбаре и Масауа, сделаны небольшие экскурсии в сторону от общепринятого пути между Кассалой и Суакином и пройдена долина Атбары ниже Кассалы.

Немало людей путешествовало и по северной Эфиопии, и многие из них внесли новое в уже достигнутые результаты. В первую половину рассматриваемого периода по области, лежащей между озером Тана и портом Масауа, проехали Дафтон, Хейглин, Штейднер и Лежан. Английская военная экспедиция в Эфиопию (1867—1868 гг.) дала новый материал о местности между городами Магдала и Масауа. Сопровождавший ее Рольфс вернулся в Эфиопию в 1880—1881 гг. и пересек ее по трассе параллельной, но несколько более западной, чем та, по которой шли англичане. Далее, общую картину страны обогатили точными сведениями

записей Юнкера в книге *Э. Ю. Петри* «Путешествие В. В. Юнкера по Африке». Только в советское время Географгиз выпустил в свет русский перевод капитального труда В. В. Юнкера с небольшими сокращениями (1949).— *Прим. ред*

[1] См. ниже, конец раздела 6 (Центральная Африка, 1849—1889 гг.).— *Прим. автора.*

также Мунцингер, совершивший ряд путешествий к северо-западу от Адун, Штекер—к югу от нее и между ней и озером Тана, и Раффрей—к востоку от озера.

Что касается южной Эфиопии, то экспедиция Бертона и Спека (1855 г.) обогатила географию важными сведениями лишь о Хараре, которого первым из европейцев достиг Бертон. Десятью годами позже Деккен[1], уже имевший пятилетний стаж в исследовании Восточной Африки, поплатился жизнью за попытку исследовать реку Джуба. В 1876—1881 гг. Чекки и Кьярини, выйдя из Анкобера, пересекли южную Эфиопию и многое дали для познания области Каффа на юго-западе; Джульетти (1881 г.) исследовал район между Зейлой на побережье и Хараром, а также местность вокруг Асаба; Антонелли прошел от Асаба до Анкобера (1883 г.). В 1883 г. Штекер проник в область к югу от Аддис-Абебы и вновь открыл озеро Зуай; Бьянки же в 1884 г. изучил область к западу от Анкобера.

Очень малые успехи были сделаны в южных пограничных областях, если не считать исследований по соседству с мысом Гвардафуй, где работали Майлс (1871 г.) и Грейвс (1879 г.). В 1877 г. француз Ревуаль попытался было пройти по маршруту Деккена, но усилия его оказались тщетными, и он ограничился изучением некоторых частей побережья Сомали. В свой следующий приезд в 1878 г. Ревуаль сумел в общих чертах ознакомиться с местностью вблизи мыса Гвардафуй, но поскольку интересы его лежали в области развития торговли, он собрал мало точных сведений. В 1880 г. он вновь вернулся в эти края, на этот раз в составе научной экспедиции, организованной французским министерством народного просвещения, но ему удалось посетить лишь горную область Каркар. Он собрал большой материал по соседним округам, грубо определил географические координаты ряда точек и способствовал большому улучшению карты всей территории.

Что касается южного Сомали, то в 1884—1885 гг. его посетила английская экспедиция, в состав которой входили братья Джемсы, а также Эйлмер. Они хотели пройти от Могадишу до Бербера, но добрались лишь до города Барри в 345 *км* от исходной точки их путешествия. Всего они покрыли около 650 *км* по местности, до тех пор почти совершенно неизвестной.

6. Центральная Африка (1849—1889 гг.)

Как ни велики были успехи в деле продвижения в глубь Северной Африки в течение рассматриваемого периода, они не могут

[1] О путешествиях Деккена см. *О. Керстен*, «Путешествие по Восточной Африке в 1859—1861 гг. бар. Деккена (остров Занзибар, поездки к озеру Ниассе и к снежной горе Килиманджаро)», М., 1870.—*Прим. ред.*

итти ни в какое сравнение с достижениями в области исследования Центральной Африки. Вся ее карта приняла к концу периода совершенно другой вид, а накопившийся материал произвел целую революцию в географических воззрениях на эту область земного шара.

Первой крупной проблемой, настоятельно требовавшей разрешения, был вопрос об истоках Белого Нила. Собранные в Египте и Судане данные подтверждали древние сведения о том, что Нил вытекает из озер, но найти эти озера все еще не удавалось. В 1848 г. Ребманн открыл покрытую вечным снегом гору Килиманджаро, а в следующем году Крапф видел гору Кения, и хотя у обоих миссионеров не могло быть никаких мотивов, чтобы лгать или преувеличивать, их сообщениям не совсем доверяли. Однакоже в 1860 г. они нашли себе подтверждение со стороны Деккена.

Тем временем был сделан второй большой шаг на пути к разрешению проблемы Нила. По окончании своей экспедиции в Харар Бертон принял участие в Крымской войне, а вернувшись в Англию, твердо решил избрать себе карьеру путешественника и исследователя. Известия об открытиях Ливингстона в Центральной Африке и интерес, вызванный сообщениями Ребманна и Крапфа, побудили Бертона выдвинуть проект экспедиции с целью «во-первых, определения границ озера Уджиджи[1] (то есть Танганьики) и, во-вторых, выяснения размеров сельскохозяйственной продукции, могущей быть вывезенной из внутренних районов, и этнографического состава их населения. Лондонское географическое общество одобрило проект Бертона и формулировало врученное ему задание следующим образом:

«Главная цель экспедиции—проникнуть сушей из Килвы или какого-либо другого пункта на восточном побережье Африки как можно дальше по направлению к озеру Ньяса, о существовании которого до нас дошли кое-какие слухи... Разузнав в этой области все что вам нужно, вы должны направиться далее на север, к хребту, в горах которого, как обозначено на наших картах, берет, повидимому, свое начало река [Нил]. Это ваша вторая крупная задача... Далее, вы можете по своему собственному усмотрению вернуться либо спустившись вниз по Нилу,... либо тем путем, которым вы пришли, либо любым другим—в зависимости от тех средств, какими вы будете в тот момент располагать».

Бертон и его спутник Спек смогли покинуть побережье и выйти в путь лишь в августе 1857 г. После изнурительного похода оба путешественника достигли 13 февраля 1858 г. озера Танганьика. И Спек и Бертон были больны, но первому удалось произвести

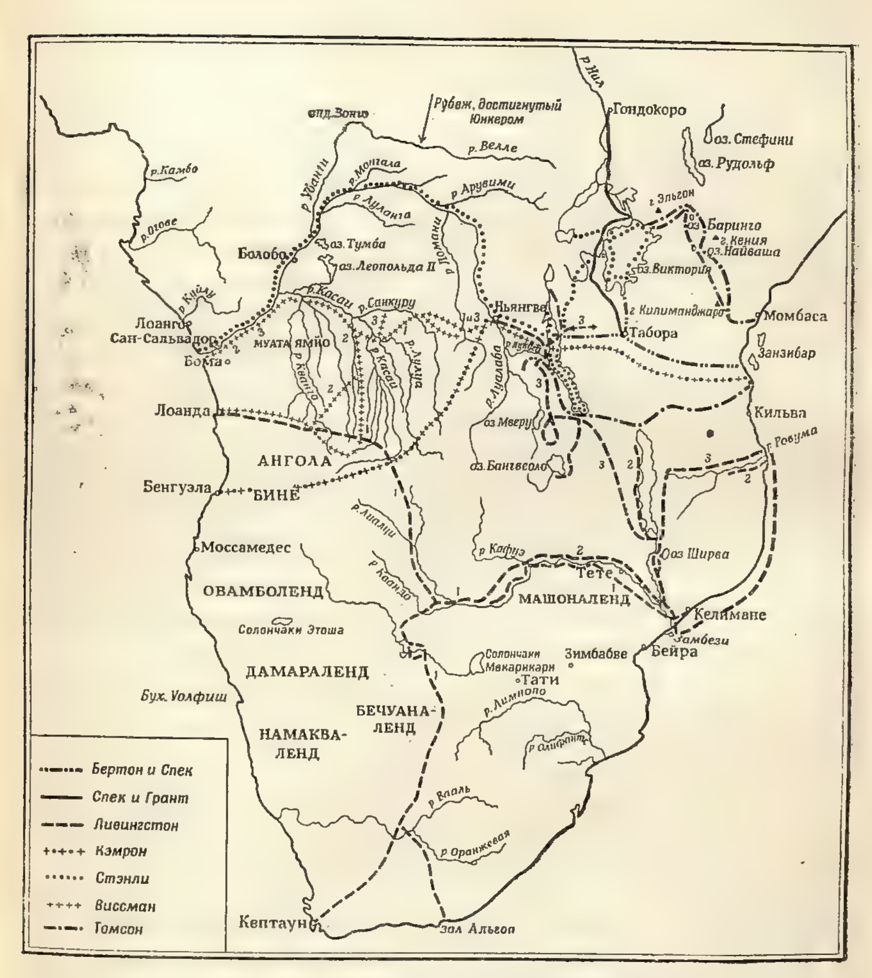
[1] О существовании его сообщали миссионеры. Оно представлялось озером огромной величины.—*Прим. автора.*

осмотр некоторой части северного побережья озера, и оба они совершили короткую экскурсию из Уджиджи. Им сказали, что в озеро с севера впадает река, но позже Бертон отрицал это, вследствие чего возникла большая путаница. Оставаться долее они не могли, и им пришлось отказаться от попытки достигнуть озера Ньяса. На обратном пути Спек оставил Бертона в Таборе, а сам прошел далее на север и там открыл озеро Виктория-Ньянца, о существовании которого до них дошли слухи от арабских торговцев. Спек был уверен в том, что он нашел истоки Нила, Бертон позже отрицал это и даже утверждал, что Спек открыл не озеро, а некий «озерный округ». Оба они в марте 1859 г. достигли Занзибара, и Спеку первому удалось добраться до Англии и сделать доклад о совершенном путешествии. Позже Бертон опубликовал свое ценное сообщение, которым дополнил общий и специально топографический материал Спека.

Спек был назначен начальником второй экспедиции в Центральную Африку, куда и выехал из Англии в апреле 1860 г. Спутником его на этот раз был Дж. А. Грант, а экспедиция была отправлена «для проверки его утверждения о том, что Нил вытекает из озера Виктория-Ньянца». Спустя некоторое время Спек пробрался в глубь континента, к одной из рек, впадающих в озеро Виктория, обошел западную сторону озера и видел водопад Рипон. Вот в каких выражениях он подвел итог своей работы:

«Итак, экспедиция задание выполнила. Я лично убедился в том, что древний Нил вытекает из озера Виктория-Ньянца, являющегося, как я и предсказывал, его истоком. Однако мне было очень больно думать, что из-за больших задержек и потери времени я лишен удовольствия пройти к северо-восточному углу озера Ньянца, чтобы самому посмотреть протоку, которая, как говорят, соединяет его с другим озером, куда племя ваганда ходит за солью и откуда на север вытекает другая река... С другой стороны, я знал, что мне не на что жаловаться... ведь я лично повидал добрую половину озера и собрал сведения о другой его половине, так что я получил полное представление о нем, во всяком случае с точки зрения поставленных мне главных географически важных целей.

Сравнительные данные убедили меня в том, что восточная половина озера не менее полноводна, чем западная, и, быть может, даже более. Самые отдаленные воды—иначе говоря, верхний исток Нила—находятся на южном конце озера, очень близко к 3° ю. ш., из чего следует, что Нил является рекой поразительной длины и течет по прямой линии на протяжении 34° по широте, или свыше 2300 миль... Далее надо заметить, что от южного конца озера до того места в западном направлении, где вытекает *большой* Нил, имеется лишь один более или менее крупный приток...



37. Центральная и Южная Африка, 1849—1889 гг.

в восточном же направлении до самой протоки [по сообщениям арабов] нет ни одного такого сколько-нибудь крупного питающего притока. Теперь остается лишь вопрос о «соленом озере» [оно может оказаться тем самым, о котором сообщал Крапф]. Однакоже, как бы ни был разрешен этот остающийся открытым вопрос, незыблемым останется положение о том, что истоки Нила находятся на 3° ю. ш., где в 1858 г. я нашел оконечность озера Виктория-Ньянца. «Камни» я назвал водопадом Рипон, а рукав озера, откуда вытекал Нил, Каналом Наполеона».

Спек и Грант сами не прошли по всему верхнему течению Нила и поэтому не знали, что он протекает через озеро Альберта, но они слышали о существовании такого рода озера, и, встретив Бейкера (ниже по течению реки, в Гондокоро), они рассказали ему об этом. В 1863 г. Спек и Грант вернулись в Англию, полностью выполнив возложенное на них задание; но их труд остался почти совершенно невознагражденным.

Тем временем Бейкер, идя вверх по течению Нила вплоть до его истока, закончил открытие его долины. Как мы указывали, купцы уже давно действовали в верховьях Нила, а двое из них, Питрик и Миани, собрали большой материал по этой области. Однакоже ни тот, ни другой не побывали ни на одном из этих двух питающих Нил озер. Когда Спек и Грант вышли в свою экспедицию, было решено, что из Египта выступит вспомогательный отряд для встречи с ними. Эту задачу взял было на себя Питрик, но по различного рода причинам не смог выполнить своего обещания, и осуществить его были призваны Самуэл Бейкер и его жена. В феврале 1863 г. Бейкеры встретили обоих путешественников в Гондокоро на Ниле, откуда Спек и Грант на судах Бейкера отправились вниз по Нилу. «Они выиграли свою битву,— сказал Бейкер,—моя же мне еще предстоит».

Бейкер начал было подыматься вверх по реке, но натолкнулся на такое сильное сопротивление работорговцев, что вынужден был покинуть реку и итти сушей к Сомерсет-Нилу.

«18 марта 1864 г.,—пишет он,—около полудня нашим глазам представился, наконец, предмет наших вожделений—озеро. На юго-запад и запад, покуда хватал глаз, бесконечная пелена его вод расстилалась перед нами, как зеркало; на северо-западе его окаймляла высокая горная цепь... Со всех сторон, где только была видна земля, озеро замыкали горы... Спуск был необычайно крутым, и лишь после долгого, утомительного перехода, ступая шаг за шагом, мы дошли, наконец, до обширного и плоского побережья озера... Я направился прямо к кромке берега... напился из него вволю воды и от глубины души возблагодарил бога за то, что он привел меня к заветной цели после того, как, казалось, всякая надежда на успех была потеряна; и я назвал озеро, откры-

тое нами и являющееся вторым источником Нила, Альберта-Ньянца».

Бейкер совершил плавание вдоль восточного берега озера, открыл водопад Мерчисона, «величайший на Ниле и крупнейший объект по всему течению реки», и после долгих задержек вернулся, наконец, в Гондокоро. Здесь его должны были ждать припасы и лодки, но он не нашел ни того, ни другого. Бейкер раздобыл туземное судно и 5 мая 1865 г. после двух с половиной лет отсутствия вернулся в Хартум. Здесь он узнал о смерти Спека и поспешил отдать дань выдающемуся путешественнику и хорошему товарищу. Он находился в большом долгу у Спека, который снабдил его «сослужившей ему громадную службу» картой Нила. Подводя итоги своей собственной работе, он отдал должное трудам Спека как путешественника-пионера.

«Теперь,—писал он,—когда я завершил свою собственную экспедицию, я хочу подчеркнуть, как высоко я расцениваю заслуги Спека и Гранта, открывших первый и самый высокий исток Нила в громадном озере Виктория-Ньянца. Хотя я и называю соединяющую оба озера реку «Сомерсет», следуя тому, как ее назвал в своей карте Спек, я должен повторить, что это и есть Нил, вытекающий из озера Виктория, и что я называю его словом «Сомерсет», чтобы отличить его от с бственно Нила, берущего свое начало в озере Альберта-Ньянца. Дает ли это озеро реке больше воды, чем озеро Виктория, или меньше,—дела не меняет. Виктория остается самым высоким и первым по времени открытия истоком Нила: Альберт—вторым истоком, но вместе с тем целостным резервуаром вод Нила».

Далее Бейкер объясняет, что под словом «исток» он понимает резервуар или же главное водохранилище, откуда берет начало река, и, хотя это, может быть, технически и неправильно, все же, по его мнению, это более логично, чем связать истоки Нила с какой-либо определенной рекой или речушкой.

В порыве великодушной дружбы Бейкер скромно умолчал о своих собственных достижениях[1]. Но и ему не удалось полностью исследовать озеро Альберта. Если бы он это сделал, он обнаружил бы, что оно не является вторым истоком Нила, а получает свои воды из другого, находящегося еще южнее озера. Устранить эти неясности выпало на долю Г. М. Стенли; но для того чтобы полностью оценить значение открытия, необходимо сначала бросить взгляд на работу других исследователей Центральной Африки.

Новая эпоха истории Центральной Африки начинается в 1849 г., со времени первого сделанного Ливингстоном открытия. 1 июня

[1] Дневник путешествия Бейкера несколько раз переводился на русский язык. Отметим следующие издания: 1) *Бэкер*, «Путешествие к верховьям Нила и исследование его источников», М., 1875; 2) *Бакер*, «Альберт Нианза. Открытие Нила», 2 тома (изд. Бальера).—*Прим. ред.*

этого года в сопровождении Осуэлла и Меррея (Murray) он вышел в экспедицию с целью осуществить давно лелеянную им мечту—найти озеро Нгами. Он пересек пустыню Калахари и «1 августа 1849 г.,—пишет он,—мы спустились вниз по широкой части озера и первыми из европейцев повидали это прекрасное и обширное озеро... Оно мелководно, как я убедился, когда увидел в 7 или 8 милях от его северо-восточного конца туземца, плывшего на каноэ и отталкивавшегося при помощи шеста; поэтому я считаю, что этому озеру не суждено играть большой экономической роли в качестве торгового пути: оно настолько небогато водой, что в течение нескольких месяцев до того периода, когда в него ежегодно поступают воды из соседнего озера, скот лишь с трудом может пробраться через его болотистые, поросшие тростником берега до самой воды. Берег повсюду низкий, а по западной стороне безлесный, что указывает на то, что озеро еще не очень давно должно было покрывать его, а теперь отошло. Это является еще одним доказательством усыхания, столь характерного для всей области».

В 1850 г. Ливингстон и Осуэлл вновь посетили озеро Нгами, а в 1851 г., в ходе путешествия в северном направлении, сделали свое второе ценное открытие—верховья р. Замбези. «Это было,—по словам Ливингстона,—чрезвычайно важно, так как до того никто не предполагал, что Замбези протекает именно здесь. Согласно португальским картам, она брала свое начало гораздо дальше к востоку от того места, где мы находились, и если бы между 12 и 18° ю. ш. на самом деле существовала цепь торговых постов, то этот могучий отрезок Замбези не мог бы не стать известным раньше».

Ливингстон вернулся в свою духовную миссию и там обнаружил, что налеты буров нанесли большой ущерб ее работе. Поэтому он уехал в Кейптаун, откуда отослал свою семью в Англию, а сам, до того как выступить в новую экспедицию на север, занялся изучением элементарной астрономии. Со второй поездки Ливингстона на Замбези в 1853 г. и начинается важнейший период его деятельности как исследователя.

Ливингстон поднялся вверх по главному истоку Замбези—Лиамбаю, прошел сушей в бассейн реки Конго и вышел к Лоанде на западном побережье Африки. После короткого отдыха он вернулся на реку Замбези, открыл водопад Виктория и, в общем следуя течению реки, в мае 1856 г. вышел на восточное побережье африканского материка у Килимани. Ему удалось собрать некоторые общие данные об озере Ньяса. Результатом путешествия было открытие совершенно неизвестной области Африки, сам же Ливингстон писал, что он «может поздравить себя лишь в той мере, в какой возросли перспективы обращения в христиан-

ство туземцев. Я считаю,—говорил он,—что целью географических открытий является обеспечение успеха миссионерской работы».

Результаты этого путешествия лучше всего передать словами самого Ливингстона:

«Большая часть географов знает, что до открытия озера Нгами и той обильно орошенной области, в которой живут племена макололо, господствовало убеждение, что значительная часть внутренней Африки представляет собой пустыню, куда текут и в песках которой теряются реки. Я же в ходе своего путешествия 1852—1856 гг. от океана до океана через южную тропическую часть континента обнаружил, что вся эта область на самом деле хорошо орошена, что в ней имеются большие территории с плодороднейшей, покрытой лесами почвой, а также прекрасные травянистые долины, в которых живет значительное население; и я обнаружил также один из замечательнейших водопадов в мире. Вслед за этим удалось выяснить особенности физического устройства Африки. Она оказалась возвышенным плато, несколько понижающимся в центре и с расщелинами по бокам, по которым реки сбегают к морю. Говоря об этом важном для физической географии Африки факте, нельзя одновременно не вспомнить, что именно так и совершенно ясно это выразив, чисто гипотетически представлял его себе президент королевского географического общества (Родерик Мерчисон), что теперь, после произведенных наблюдений высоты и изучения течения рек, полностью подтверждалось. [В результате этого путешествия и трудов других исследователей, как то: Барта, Спека и Бейкера] место легендарной горячей зоны и жгучих песков заняла хорошо орошенная область, напоминающая своими пресноводными озерами Северную Америку, а своими жаркими влажными долинами, джунглями, *гатами* [возвышенными краями] и прохладными высокими плоскогорьями—Индию».

В 1858 г. Ливингстон вышел в свое второе путешествие. Он получил назначение на пост консула области Замбези и захватил с собой ряд людей, которые должны были помочь ему в исследовании и эксплоатации района. Важнейшую роль среди них играл Джон Керк.

«Нашей целью,—писал Ливингстон,—было не открытие каких-либо баснословных чудес, а ознакомление с климатом, естественными богатствами, местными болезнями, туземцами и их отношением к остальному миру, что мы и делали с тем особенным интересом, какого не могут не испытывать, задумываясь о будущем, первые белые люди при работе на континенте, история которого только начинается».

Было совершено несколько путешествий вверх и вниз по течению рек Замбези и Шире, в ходе которых было открыто озеро Ширва.

«Наконец,—записал Ливингстон,—около полудня 16 сентября 1859 г. мы открыли озеро Ньяса. Его южный конец лежит под 14°25′ ю. ш. и 35°30′ в. д. В этой точке долина имеет около двенадцати миль в ширину. По обеим сторонам озера возвышаются хижины, но дым от горевшей травы ограничивал наше поле зрения».

В другой связи Ливингстон прибавил по поводу этого озера: «Что касается направления этого озера, то оно тянется почти совершенно точно с севера на юг. Нигде мы не смогли обнаружить той большой западной излучины, которая изображена на всех картах». Строго говоря, открытием это не являлось, так как португальцы по меньшей мере знали понаслышке о существовании озера, хотя, как это явствует из слов Ливингстона, знали очень неточно. Несколько месяцев после того, как Ливингстон побывал на берегах озера Ньяса, А. Рошер достиг его северных берегов. Рошер прошел из Килвы, тем самым дополнив работу и Деккена и Ливингстона; вскоре после этого он «поплатился жизнью за свою страсть к путешествиям».

В начале 1861 г. Ливингстон сделал попытку добраться до озера Ньяса со стороны восточного берега Африки. Он собирался плыть по реке Ровума, о которой слышал, что она «бесконечно превосходит Замбези отсутствием бара [отмели] в устье, полноводием и красотой прилегающих областей». Однакоже, после того как Ливингстон поднялся по реке на некоторое расстояние, он вынужден был отказаться от попытки добраться до озера этим путем. Ливингстон вернулся на Замбези, вновь посетил озеро Ньяса, исследовал и нанес на карту значительную часть его западного берега. После этого он спустился по Замбези и отплыл в Занзибар и Бомбей.

Экспедиция была не совсем удачной, и, хотя была проделана большая и ценная географическая работа, ее результатом был ряд дополнительных данных, касавшихся уже известных районов, а не открытие новых. Трудности проникновения в глубь Африки со стороны побережья были велики, и Ливингстон прекрасно отдавал себе отчет в них.

«Некоторые части Африканского континента,—писал он,— напоминают перевернутую тарелку. Эта часть [то есть окрестности озера Ньяса] по форме (если вообще можно говорить о форме) больше всего напоминает широкополую шляпу с несколько примятой тульей. Высота полей шляпы в некоторых местах довольно значительна, в других же, как, например, в Тете

и по ложу водопада Мерчисона [очень мала]. Те отрезки африканских рек, что находятся по полям шляпы, удобны для судоходства, однакоже там, где они спускаются с более высоких мест, их течение прерывается водопадами и порогами. Низменный пояс отличается очень неравномерной структурой. Иногда он понижается отлого, на манер края перевернутой тарелки, в других же случаях сначала идет высокая горная гряда у моря, за ней область понижения и, наконец, центральное плато. Ширина низменного пояса доходит в некоторых местах до 300 миль, и этим же ограничивается длина судоходных отрезков рек, считая от моря».

Ливингстон заметил, что за пределами бассейнов рек, имеющих сток в озеро Ньяса, другие реки текли по направлению к центру континента.

«Течение реки Касаи... и ее притоков было на северо-восток, то есть примерно в том же направлении, что и рек к западу от Ньясы. Находят ли все эти воды себе сток в Конго или в Нил — остается пока неизвестным».

Ливингстон считал возможным, что истоки Нила лежат где-то вблизи 10° ю. ш. В ходе своего третьего путешествия он пролил свет на этот вопрос, хотя и не смог его разрешить.

Нужно отметить, что до следующего, третьего путешествия Ливингстона довольно большие исследования были проведены в бассейне Конго и по западному побережью Африки. В 1847 г. в пустыню Калахари отправился Владислав Мадьяр, а два года спустя он приступил к своим полным приключений путешествиям в бассейне Конго. Из Бенгелы он проследовал в глубь континента, в область Биэ, женился на дочери африканского князька и забрел далеко на восток в долину верховьев Замбези и в бассейн реки Конго. В ходе этих путешествий Мадьяр познакомился с многими, до того никем из европейцев не виданными странами, но те географические сведения, что он собрал, никак не соответствовали размерам территорий, охваченных его путешествиями.

В 1853 г. Силва Порто выступил из Бенгелы в свое трансафриканское путешествие, конечным пунктом которого он наметил устье реки Ровумы. Он пересек область водораздела между Конго и Замбези, проследовал к югу от озера Ньяса (не видав самого озера) и затем прошел по области к югу от реки Ровума. Натуралист Велвич совершил в 1853 г. путешествие через Анголу и приступил к ее научному изучению. В следующем году Леал открыл устье реки Кунени. В 1858 г. Бастиан исследовал нижнее Конго, а в 1862 г. Серваль Гриффон-дю-Беллей и в 1864 г. Лабенго и Тушар провели исследование реки Огове в Габоне. В этом последнем районе в промежутке между 1850 и 1865 гг. совершил ряд своих замечательных путешествий также П. Шайю, отец кото-

рого был купцом на реке Габон. Сам Шайю в 1850 г. достиг одного из верховьев реки Огове, в 1856 г. совершил путешествие по южному Габону, а в 1858 г. исследовал некоторые из более коротких рек, впадающих в море к югу от реки Огове. Эти первые путешествия Шайю изобиловали приключениями, но географическую науку обогатили мало. В 1863—1865 гг. Шайю совершил свое наиболее ценное по результатам путешествие, пройдя в глубь страны от реки Габон к реке Камбо, определил географические координаты ряда точек и посетил до того не известные районы[1].

Все же к 1866 г. когда Ливингстон вышел в свое последнее путешествие, несмотря на обилие исследований, основные проблемы географии Центральной Африки все еще оставались нерешенными. 28 января Ливингстон прибыл в Занзибар, проследовал к реке Ровума и далее, вдоль ее долины в глубь страны, пока не достиг озера Ньяса. Он обошел южную оконечность озера, повернул на север и 1 апреля 1867 г. достиг южной оконечности озера Танганьика,—северная была уже ранее открыта Бертоном и Спеком. Ливингстон первый дал правильную географическую ориентацию озера.

Следующее важное открытие Ливингстон сделал 8 ноября 1867 г., когда он достиг озера Мверу.

«Северный берег озера,—писал он,—имеет форму лука в ненатянутом состоянии. Воды по западной стороне озера питают реку Луалаба, которая до впадения в Мверу называется Луапула, а далее (если верить наиболее толковым собранным нами сведениям) до впадения в озеро Бангвеоло превращается в Чамбези».

Ливингстон провел некоторое время в обходах территории к югу от озера Мверу и еще раз побывал на самом озере, после чего 18 июля 1868 г. открыл озеро Бангвеоло. После этого он отправился на север, в Уджиджи на озере Танганьика, за письмами и добрался туда в марте следующего года. 12 июля он снова вышел в путь, вновь пересек озеро и, продолжая двигаться в северо-западном направлении, после ряда обходов, достиг в марте 1871 г. реки Луалаба. Ливингстон склонен был считать ее частью системы Нила, но чем больше он узнавал, тем более слабела его уверенность в этом, пока у него не зародилось подозрение, «не совпадает ли в конце концов Луалаба с Конго». Разумеется, Ливингстон столько узнал и о стольком наслышался, что уже не знал, что и думать. Одно время он считал озеро Танганьика разлившейся частью Нила, откуда сток шел на север, в открытое Бейкером озеро (Альберта). Теперь же, по возвращении с реки Луалабы, он высказал предположение о том, что «Лонгумба дает выход

[1] Две работы Шайю были переведены на русский язык: *Дю-Шаллью*, «Дикая Африка, 2-е путешествие», СПБ, 1872; *Дю-Шаллью*, «Путешествие во внутреннюю Африку», ч. I—II, СПБ, 1871.—*Прим. ред.*

водам озера Танганьика; далее она превращается в Луассе, а еще дальше, до слияния с Луалабой, носит название Луамо; вся область имеет склон в эту сторону, но я был слишком болен, чтобы заняться исследованием ее источника».

Ливингстон вновь пересек озеро Танганьика, 23 октября достиг Уджиджи, а еще через пять дней встретил Г. М. Стенли, посланного, как выразился сам Ливингстон, узнать «жив ли я, а если нет—привезти на родину мои кости». Стенли привез с собой письмо от Королевского географического общества, в котором подчеркивалась важность исследования северного конца озера Танганьики, к чему Ливингстон и Стенли тут же и приступили. Они выяснили, что небольшая речка в конце озера впадала в него, и тем покончили с одним из мифов об истоках Нила. Но Ливингстон на этом не успокоился. Он проводил Стенли на некоторое расстояние назад к побережью, сам же отказался вернуться на родину до разрешения мучившей его географической загадки.

31 мая 1872 г. он записал в своем журнале: «Что касается истоков Нила, то я нахожусь в состоянии вечных сомнений и неизвестности. Я слишком много узнал, чтобы утверждать что-либо определенное. Большая Луалаба... может оказаться и Конго, и Нилом, а в конце концов и более короткой рекой. Текущие в северном и южном направлениях источники склоняют меня в пользу предположения, что Большая Луалаба—это исток Нила, однакоже большое отклонение на запад говорит в пользу Конго. Как удобно было бы верить во что-либо одно, как Бейкер. Помните, у него: «каждая капля воды, начиная от мелкого дождя до ревущего горного потока, должна впадать в озеро Альберта, в эту колыбель гиганта». Как приятно быть уверенным»[1].

Получив припасы, отправленные со стороны побережья, Ливингстон вновь повернул на юг с намерением открыть истоки Нила, которые он предполагал найти по соседству с озером Бангвеоло. Усилившаяся болезнь мешала быстрому продвижению отряда, но все же берегов озера он достиг. В ночь на 30 апреля 1873 г. Ливингстон умер. Почти последними его словами были: «Сколько дней пути отсюда до Луапулы?» Исследовательский пыл делал его неутомимым до самой смерти, но труды уже много лет подкашивали его силы, и умер он, преждевременно состарившись, так и не разрешив мучившей его загадки. Все же Ливингстон остается одной из крупнейших фигур в области исследования Африки. Его положительные достижения сыграли огромную роль и совершенно преобразили карту Африки. Смелый в опасности,

---

[1] Стенли, так же как Ливингстон, считал, что истоки Нила могут находиться где-то далеко на юге. См. интересную карту, приложенную к его книге «Как я нашел Ливингстона», 1872.—*Прим. автора.*

терпеливый в злоключениях, он остался неисправимым упрямцем; его последнее путешествие после прощания со Стенли было напрасной тратой времени, и оно, несомненно, ускорило его смерть. Быть может, он остается в памяти людей скорее благодаря его личным качествам, чем в меру достижений в качестве путешественника[1].

На помощь Ливингстону из Англии были посланы две экспедиции. Гранди начал было подниматься по Конго от западного побережья Африки, но умер, едва достигнув Сан-Сальвадора. Больше повезло В. Л. Кемрону, шедшему на помощь Ливингстону со стороны восточного побережья. Хотя он вскоре и услышал о смерти исследователя, но все же решил двигаться дальше, достиг озера Танганьика, исследовал его и впервые нанес на карту бо́льшую часть его берегов. Он открыл также реку Лукуга и, хотя не проследовал по всему ее течению, пришел к заключению, что она дает сток водам озера. После этого Кемрон двинулся дальше поперек всего континента и, идя в общем юго-западном направлении, вышел на побережье у Бенгелы. Он произвел несколько наблюдений на реке Луалаба и отнес ее к системе Конго. Он также был склонен думать, что река Уэлле является притоком Луалабы или, быть может, Огове или Бенуэ.

Работу первых исследователей Нила, а также Ливингстона и Кемрона во многом дополнила экспедиция Г. М. Стенли (1874—1877 гг.). 8 марта 1875 г. он приступил к выполнению своей первой крупной задачи, заключавшейся в плавании вокруг всего озера Виктория. В течение месяца Стенли разрешил некоторые связанные с Нилом проблемы.

«С 17 января 1875 г. до 7 апреля 1876 г.,—писал он,—мы были заняты поисками крайних южных истоков Нила, начиная от болотистых равнин и обработанных возвышенных мест, где они берут свое начало, до того мощного водохранилища, что носит название Виктория-Ньянца. Мы совершили плавание по всем водам этого озера, проникли в каждый залив, заводь и речку; ознакомились с разнообразными дикими племенами[2]... мы прошли сотни миль в обоих направлениях по северному берегу этого моря Виктории и, вдобавок к этому, при поддержке сильного отряда исследовали странные области, лежащие между озерами Мута-Нциге [то есть Эдуарда] и Виктория, и получили возможность

---

[1] Отдельные сочинения Ливингстона не раз переводились на русский язык полностью, в извлечениях или пересказе начиная с 1858 г. Последние советские издания работ Ливингстона: «Путешествия по Южной Африке с 1840 по 1856 г.» и «Путешествие по Замбези», вышли в свет в 1947 и 1948 гг. в Географгизе.—*Прим. ред.*

[2] Типичный колонизатор, человек малообразованный, высокомерный и жестокий, Стенли называет «дикарями» даже те негритянские племена и народности, которые стояли на сравнительно высокой ступени культурного развития и умели обрабатывать железо.—*Прим. ред.*

увидеть тот рукав озера, что я назвал «заливом Беатрисы»... Покончив дальнейшие поиски в этом направлении, мы вернулись... и отправились на юг от лагуны Катонга к Александра-Нилу [то есть реке Кагера], являющемуся главным притоком озера Виктория, собирающим почти все воды с запада и юго-запада. Мы терпеливо осмотрели более половины течения реки и потом, не имея более средств удовлетворить жадность тамошних племен [и не желая пробиваться силой], вынуждены были 7 апреля распрощаться с питающими Нил землями и направиться в сторону Танганьики... Я не вышел за рамки поставленной мне задачи, а именно—исследования южных истоков Нила и разрешения проблемы, оставшейся не решенной Спеком и Грантом: является ли Виктория-Ньянца одним озером или же, как сообщают Ливингстон, Бертон и другие, оно состоит из пяти озер. Теперь проблема полностью разрешена, и Спеку принадлежит вся честь открытия крупнейшего внутреннего моря на африканском континенте, так же как его главнейшего выхода, дающего ему сток. Я должен сказать также, что он понял географию посещенных им стран лучше, чем любой из критиков его теории, и я хотел бы выразить свое восхищение тем географическим чутьем, с которым он на основании одних лишь сообщений туземцев сумел так мастерски воссоздать контуры озера Виктория-Ньянца».

Вторая фаза исследовательской работы Стенли началась 11 июня 1876 г. с его плавания по озеру Танганьика. К концу июля он разрешил поставленную себе задачу. Как говорит он сам:

«28 [июля] мы проплыли вдоль окаймляющей западные горы низменности и к полудню прибыли в маленькую бухту Масани, вблизи реки Рубумба или Лувумба, где в 1871 г. Ливингстон и я закончили нашу совместную работу по исследованию северного берега озера Танганьики. Итак, в 1871 г. я объехал все озеро, совершил плавание по озеру от Уджиджи вдоль восточного берега, далее вдоль северного конца, потом вниз вдоль западного берега до реки Рубумба, теперь же, в июне—июле 1876 г. я отплыл из Уджиджи вдоль восточного берега до крайней южной оконечности озера, заходил во все заливы южного побережья, потом направился вдоль западного побережья до Панца-Пойнт в Убвари, далее вдоль берегов залива Бертона и до реки Рубумбы. Ливингстон определил, что крайняя северная оконечность озера лежит под 3°18′ ю. ш., я же нашел, что крайняя южная точка лежит под 8°47′, что дает протяжение озера в 329 географических миль. В ширину оно имеет от 10 до 45 миль при средней ширине в 28 миль, а площадь его равна 9240 кв. миль».

Стенли ознакомился также с Лукугой, дававшей будто бы сток водам озера, и пришел к заключению, что Кемрон ошибался:

воды стекали через Лукугу лишь тогда, когда вода в озере достигала исключительно высокого уровня.

От озера Танганьики Стенли проследовал вниз по долине Луамы до слияния этой реки с той, которую Ливингстон назвал Луалабой и которая на самом деле была рекой Конго. «Моей задачей, —писал он, —было проследить ее [Конго] до океана». Он достиг той области, из которой возмущенный торговцами-арабами Ливингстон в 1871 г. повернул обратно и откуда столкнувшийся в 1874 г. с враждебностью тех же арабов Кемрон повернул на юго-запад. Стенли с его вооруженным отрядом в 152 человека удалось пройти там, где не смогли пройти его предшественники. Он достиг реки Луалабы в точке, лежавшей под 3°35′ ю. ш. и 25°49′ в. д. «Нет более на свете реки Луалабы, —записал он, —отныне я буду ее называть рекой Ливингстона».

Нет нужды во всех подробностях прослеживать успешное путешествие Стенли вниз по этой реке до Атлантического океана. 9 августа 1877 г., «на 999-й день по выходе из Занзибара», он достиг Бомы. Так кончилась одна из самых замечательных экспедиций во всей истории географических исследований. Если и слышны голоса, что Стенли попросту пожинал плоды чужих трудов, не надо забывать, что он проделал огромную работу, какую делают только путешественники-пионеры, и что ему удалось найти ключ к загадкам, оказавшимся неразрешимыми для его предшественников[1].

Судьба Ливингстона и поразительный успех Стенли убедили Европу в важности исследования Африки, и с той поры открытия следовали в огромном количестве. Прежде всего надлежит покончить с вопросом об истоках Нила.

В 1869 г. на Нил вернулся Бейкер. Поступив на службу к египетскому хедиву, он был назначен начальником экспедиции с заданием покорить область к югу от Гондокоро и подавить работорговлю. Работа Бейкера носила подготовительный характер, и хотя в результате ее отдельные части Нила стали лучше известны, никаких замечательных открытий его экспедиция не сделала. Преемником Бейкера был Гордон, при котором последовало несколько крупных шагов вперед. Нил был заснят до озера Альберта; Шэйе-Лонг окончательно установил связь между озерами Виктория и Альберта через Сомерсет-Нил, а также лучше изучил озеро Киога, о котором кое-что было слышно и раньше (1874 г.), а Джесси (1876 г.) и Масон (1877 г.) совершили плавание вокруг всего озера Альберта, хотя ни тот, ни другой не заметили впадающей в него с юга реки. Миссионеры, посланные по предложению Стенли

---

[1] Описания путешествий Стенли неоднократно издавались на русском языке в сокращенных переводах, пересказах и извлечениях. Последнее советское издание («В дебрях Африки») вышло в 1948 г. со вступительной статьей И. Потехина, характеризующего Стенли как агента империализма в Африке.—*Прим. ред.*

в Уганду, достигли ее по Белому Нилу, а один из них, проделавший такое путешествие, некто Р. В. Фелкин, вернулся из него с Ч. Т. Вильсоном, проникшим в Уганду со стороны Занзибара. Сам Стенли встретил в Уганде Э. Линан-де-Бельфона, и последний отправился в обратный путь вниз по Нилу, но не доезжая Египта был убит. Все эти путешествия в долине Белого Нила обогатили ге графию этих областей.

В особенности много для завершения исследования Нила, а также для придания этой работе романтического ореола сделал немецкий еврей Э. Шнитцер, поступивший на службу египетского правительства при Гордоне и вошедший в историю под именем Эмин-паши. С 1877 по 1888 г. он прожил на Верхнем Ниле. Он путешествовал по окружающей озеро Альберта области, хотя так и не повидал хребта Рувенцори; открыл впадающую в озеро с юга реку Семлики, хотя исследовал ее лишь на короткое расстояние от устья, и проделал большую и полезную работу на водоразделе между Нилом и Конго. Юнкер привез в Англию результаты его путешествий.

Эвакуация в 1885 г. миссионеров из Уганды и смерть в том же году Гордона в Хартуме повели к тому, что Эмин-паша оказался отрезанным в дебрях Центральной Африки. На помощь ему было послано несколько экспедиций, и одной из них, под руководством Стенли, удалось окончательно разрешить проблему Нила. Стенли проник туда через леса Конго, открыл горы Рувенцори, проследил течение реки Семлики вплоть до озера Эдуарда, вновь исследовал это уже ранее открытое им озеро и проводил Эмина до побережья. Этим великолепным походом заканчивается карьера Стенли как путешественника. «Он открыл, наконец, основные факты, касавшиеся истоков Нила, и его преемникам осталось лишь восполнить недостающие детали».

В восточной части Центральной Африки после второй экспедиции Ливингстона и уже упомянутого нами путешествия Рошера были сделаны значительные успехи. Посланная в 1867 г. под командованием лейтенанта Янга экспедиция на поиски Ливингстона достигла южного конца озера Ньяса и выяснила, что, вопреки слухам о его смерти, он был жив; успешное завершение в какие-нибудь восемь месяцев возложенной на нее задачи делает большую честь руководителю этой экспедиции.

В 1875 г. в Ньясаленд прибыли миссионеры и взялись за исследование страны, а на помощь им пришли консулы Элтон и О'Нил, а также служащий «компании африканских озер» инженер Стюарт. Этот последний обнаружил, что озеро Ньяса тянется гораздо далее на север, чем предполагалось, и исследовал также хребет Ливингстона. Он умер во время сухопутного путешествия к Занзибару. Его преемник О'Нил во время своих сухопутных походов дал многое для познания области между озером Ньяса и побережьем,

Тем временем Стюарт проделал большую работу по уточнению карты самого озера; он определил координаты ряда точек, продолжил работу Томсона на севере и закончил исследование восточного берега озера (1882 г.). Ко всему этому надо прибавить незаметный, но чрезвычайно полезный труд миссионеров[1]. Этот период заканчивается открытием в 1889 г. Д. Дж. Ранкиным важного факта судоходности реки Чинде. Тот факт, что в этом рукаве устья Замбези «бар меньше, безопаснее и проще, чем во всех других рукавах устья Замбези», приобрел величайшее политическое значение для развития внутренней части страны.

Севернее этой области, в промежутке между открытиями Крапфа и Ребманна и первым путешествием по Восточной Африке Дж. Томсона, было сделано очень мало, если не считать весьма тщательного изучения района вокруг Килиманджаро Деккеном в 1861—1862 гг. и того, что в этот период Джон Керк фактически установил британский протекторат над Занзибаром. Далее надо отметить, что несколько путешественников, среди которых в первую очередь следует упомянуть Бертона, Спека, Стенли и Кемрона, пересекали эту область в ходе своих более длинных путешествий.

В 1878 г. лондонское географическое общество выслало экспедицию для изучения местности между Дар-Эс-Салаам и озером Ньяса с целью отыскания удобного пути во внутренние области. Руководителем был назначен Кит Джонстон, скончавшийся вскоре после того, как экспедиция покинула побережье. Начальствование экспедицией перешло к двадцатилетнему юноше—Джозефу Томсону. Он очень успешно справился со своей задачей: прошел к северному концу озера Ньяса, исследовал совершенно неизвестную местность между этим озером и Танганьикой и открыл озеро Руква. После этого он проследовал по западному берегу Танганьики до того места, где из него вытекает Лукуга, которую нашел «быстрой и непреодолимой рекой», установил, что она дает сток водам озера и что, если описание Стенли было правильным, со времени его путешествия уже произошли некоторые перемены[2]. После короткого путешествия к Уджиджи, где он встретился с миссионером Хором, Томсон вновь пересек озеро в западном направлении и попытался добраться до реки Конго, но был остановлен сопротивлением туземцев. Вследствие этого он вернулся к озеру, совершил плавание вдоль восточного берега и от южного конца пересек озеро в северо-западном направлении на Табору, откуда и вернулся на побережье. Он побывал во многих совершенно неизвестных областях и подверг их научному исследо-

[1] Среди них следует упомянуть работавшего в этой области с 1877 по 1895 г. Чонси Мэйплса.—*Прим. автора.*

[2] Окончательно установил факты, относящиеся к Лукуге, Хор в апреле 1879 г.—*Прим. автора.*

ванию, что дает ему право именоваться одним из крупных исследователей Африки.

В 1881 г. Томсон вернулся к реке Ровума с целью проверки сообщения Ливингстона о том, что на ней имеются месторождения каменного угля. В экономическом отношении путешествие принесло лишь разочарование, так как то, что Ливингстон принял за уголь, оказалось на самом деле битуминозными сланцами, а найденные в этой области мнимые антрациты при сгорании давали свыше 50% золы. Зато географические и геологические результаты экспедиции были хороши, и репутация Томсона как тщательного исследователя благодаря им укрепилась.

Целью третьей восточно-африканской экспедиции Томсона было отыскание нового пути в Уганду от побережья из района Занзибара. Здесь кое-какая предварительная работа была уже проделана усилиями Деккена, миссионеров Нью и Уэкфильда и в результате недавних путешествий Фишера. Последний достиг в 1882 г. Килиманджаро и проник до Великого Африканского Грабена, где и открыл озеро Найваша.

Пока Фишер занимался исследованиями внутри Африки, Томсон вышел в марте 1883 г. из Момбасы, дошел до «величественного массива Килиманджаро» и, повернув оттуда на север, прошел примерно тем же путем, что и Фишер, до Великого Грабена. Зайдя за озеро Найваша, он сделал петлю в сторону горы Кения и открыл в Великом Грабене еще одно озеро—Баринго. Отсюда он повернул на запад, а затем на юго-запад и направился к северному берегу озера Виктория вблизи залива Наполеона. Назад Томсон вернулся через гору Элгон, озеро Баринго и далее по трассе, проходившей несколько восточнее той, которой он вышел. Томсону удалось благополучно пересечь область бесстрашных и воинственных масаев, преграждавших путь к Уганде, произвести ряд ценнейших наблюдений в посещенных им областях и нанести кое-какие новые подробности на их карту.

Для того чтобы закончить этот очерк исследования Восточной Африки до 1889 г., нам остается упомянуть лишь несколько других экспедиций. Научное изучение немцами Танганьики началось с экспедиции 1880 г., когда Бем, Кайзер и Рейхард приступили к систематическому изучению той части Африки, что лежит между Занзибаром и восточной окраиной бассейна Конго. Проживший ряд лет в Восточной Африке Рейхард дошел до богатой медью области Катанга.

Поход к бассейну Конго из Дар-Эс-Салаам совершил также лейтенант Жиро. Он достиг северного конца озера Ньяса и посетил озеро Бангвеоло, в результате чего в некоторых важных деталях смог исправить карту Ливингстона. Однако, после того как его бросили носильщики, ему пришлось отказаться от задуманного

им плана—пересечь весь континент и вернуться на озеро Ньяса и Замбези (1883 г.).

В 1885—1886 гг. Фишер продолжил свои исследования на юг от страны масаев и связал северный маршрут с проходившими южнее трассами пути к озеру Виктория и Табора; а в 1885 г. граф Телеки, вышедший из Занзибара, добрался до Килиманджаро и, продолжая пробиваться далее в северном направлении, сделал крупные открытия, обнаружив озера Рудольфа и Стефании.

Около 1884 г. усиленную активность стали проявлять немцы, но в этот момент они преследовали чисто политические цели. Косвенно их действия повлекли за собой важные последствия для географии, так как в годы, последовавшие за 1889, англичане приступили к оккупации Уганды и Кении и вслед за тем—к их систематическому исследованию.

Нам остается еще рассмотреть ту географическую работу, какая со времени последней экспедиции Ливингстона велась со стороны западного побережья Африки и в бассейне Конго. Прежде всего следует упомянуть экспедицию к берегу Лоанго Гюсфельдта (1873—1876 гг.), который, охватив сравнительно небольшую территорию, подверг ее систематическому научному изучению и собрал ценные материалы, в особенности по метеорологии, антропологии и естественной истории. Марш и маркиз Компьен продолжили работу прежних путешественников на реке Огове и проникли за водопад Бои, являвшийся крайним рубежом продвижения европейцев в то время. Их работа была продолжена и дополнена обширными и важными путешествиями Браззы (P. S. de Brazza), предпринятыми в 1875 и в последующие годы. Бразза исследовал Огове на протяжении большей части ее течения, открыл несколько северных притоков Конго и вышел к самой реке у Браззавилля и у Болобо. Он пересек также область между устьем реки Куйлу и Браззавиллем. Его приезд в 1879 г. ознаменовался окончательным установлением французского владычества в этой области. За путешествиями Браззы последовала французская западноафриканская экспедиция 1883—1885 гг., произведшая съемку реки Огове, так же как и многих частей прилегающей территории. Были установлены координаты ряда точек, и предприятие имело политические и экономические последствия большой важности.

Очень большие успехи в исследовании долины Конго были достигнуты в промежутке между 1875 и 1887 гг. В 1875 г. Погге[1] совершил переход от западного побережья до Муата-Ямво, открыв много нового в области между руслами рек. За ним последовал Шютт (1877—1879 гг.), который также проник далеко

---

[1] Первоначально Погге, Шютта, Бюхнера и Виссмана побудила к путешествиям германская «Африканская ассоциация».—*Прим. автора.*

в глубь страны, до Чикапы, одного из притоков реки Касай. В 1879 г. Стенли вернулся на Конго с политическим поручением и во время своего пребывания в этом районе открыл в 1883 г. озера Тумба и Леопольда II. С его приездом и при поддержке бельгийского короля Леопольда II[1] дело исследования пошло вперед быстрым темпом. В 1879 г. Бюхнер совершил поход из Лоанды примерно вдоль 10° ю. ш. до ее пересечения с 20° в. д., откуда повернул на северо-восток, к Муата-Ямво. Он определил широту 67 точек, произвел тщательную маршрутную съемку пройденного пути и изучил этнографию области. Однако впереди всех других исследователей Конго этого периода следует поставить двоих людей—Виссмана и Гренфелла. Первый из них начал свою деятельность в 1880 г. в качестве спутника Погге и в течение шести лет совершил три чрезвычайно важных путешествия. В 1880—1883 гг. Виссман вышел из Лоанды, углубился в страну до Маланге и Кимбанду, откуда повернул сначала на север вдоль Чикапы, а потом пересек притоки Касая и Конго и вышел к самой реке Конго у Ньянгве. Таким образом он прошел примерно параллельно трассе путешествия Кемрона, но несколько севернее. После этого он прошел к озеру Танганьика, пересек его в направлении на Уджиджи и, через Табору, по маршруту, почти совпадающему с трассой нынешней железной дороги, вышел к восточному побережью Африки.

В 1884—1885 гг. Виссман совершил свое второе путешествие. Опять выйдя из Лоанды и следуя на восток до Маланге, он повернул оттуда на северо-восток. Переправившись через множество западных притоков Касая, он вышел на трассу своего прежнего путешествия, после чего вернулся вниз по Касаю.

Третья экспедиция Виссмана повела к гораздо более близкому ознакомлению с рекой Касаи. Он отплыл вверх по Конго в 1886 г. и 22 марта вместе с Гренфеллом приступил к исследованию Касаи. В начале апреля Виссман повстречал своего друга и бывшего коллегу Л. Вольфа, который рассказал ему об исследовании реки Санкуру, произведенном им после того, как

[1] Еще в 1855 г. герцог Брабантский Леопольд, очень богатый человек (позднее ставший бельгийским королем Леопольдом II), проявил большой интерес к колониальным предприятиям, которые он считал «дополнением дела 1830 г.» (то есть бельгийской буржуазной революции, в результате которой Бельгия отделилась от Нидерландов и стала конституционным королевством). В 1878 г. Леопольд II организовал «комитет по изучению Верхнего Конго», целью которого был захват бассейна великой реки. В этом захвате Стенли, выступавший открыто в роли платного агента бельгийского короля-предпринимателя, сыграл очень большую роль. В 1882 г. комитет был реорганизован в «международную ассоциацию Конго» под председательством бельгийского короля, который добился ее признания со стороны великих держав, принимавших участие в разделе Африки, а в 1885 г. Леопольд II принял титул «суверена независимого государства Конго» (теперь—колония Бельгийское Конго).—*Прим. ред.*

Виссман вернулся из своей второй экспедиции. Вскоре после этого Вольф умер в Дагомее; частью разультаты его работы включены в работу Виссмана, а частью потеряны.

После свидания с Вольфом, происшедшего у устья Лулуа, Виссман направился к носящему его имя водопаду на реке Касай, вернулся к реке Лулуа, поднялся по ней и совершил переход к Ньянгве на Конго. Отсюда, следуя своей старой трассе, он достиг озера Танганьики, проплыл до его южного конца, оттуда сделал переход к озеру Ньяса, совершил плавание по всей его длине, добрался по реке Шире до Замбези и прибыл, наконец, в Килимани. Таким образом, во второй раз за семь лет Виссман пересек Африку с запада на восток.

Виссману помогал в его работе ряд других немцев, находившихся на службе у государства Конго, в том числе и главным образом фон-Франсуа и Мюллер. В тот же период, в 1880 г., фон-Мехов нанес на карту среднее течение реки Куанго, а Кунд и Таппенбек в 1884 г. выступили от Стенли-Пул сначала на юг, потом, повернув на восток, пересекли все реки между Куанго и Касаем и проникли на некоторое расстояние за последний. Важное путешествие в глубь страны на восток от Сан-Сальвадора совершил также Бюттнер.

Работа этих способных немецких офицеров была дополнена трудами протестантских миссионеров, из которых мы можем здесь упомянуть лишь Комбера и Гренфелла. Первый из них в 1879—1880 гг. сделал ряд попыток добраться до Леопольдвилля и в ходе их произвел исследование области, лежащей непосредственно к югу от Конго. За Гренфеллом числится несколько крупнейших открытий в бассейне реки Конго. Если Виссман открыл Касай, а Вольф—Санкуру, то Гренфелл был первым, разведавшим большинство других судоходных притоков Конго. В 1884—1886 гг. он исследовал Убанги, Монгалу и другие правые притоки Конго до самой Арувими, так же как реки Лулангу и Ломами. В 1885 г. он поднялся по реке Убанги до водопада Зонго, в результате чего создалась почти полная уверенность в том, что Убанги и Уэлле—это одна и та же река.

Продолжавшаяся еще долго после 1889 г. работа Гренфелла и путешествия Виссмана совершили полный переворот в представлениях о бассейне Конго. До их путешествий огромный бассейн Касаи был почти совершенно неизвестен, и ученые того времени склонны были думать, что большинство рек, пересеченных путешественниками примерно под 8° ю. ш. и даже за этой параллелью, текли прямо в Конго. Путешествия Виссмана и Гренфелла выявили истинную систему Конго, как она нам известна в наши дни.

Для пополнения географического обзора страны Ван-Жель поднялся в 1887 г. вверх по реке Убанги и окончательно дока-

зал, что она совпадает с рекой, виденной Швейнфуртом и Юнкером.

Нам остается еще рассмотреть ряд экспедиций, по большей части связанных с южной частью бассейна Конго и с Южной Африкой. Успехи Стенли побудили португальцев в 1877 г. послать к западному побережью две экспедиции. Серпа-Пинто пересек весь африканский континент от Бенгелы до Натала, проследил часть течения Куандо и прошел по восточной части страны бечуанов. Он исследовал много до того не известных районов и, в частности, изучил речную систему к юго-востоку от Биэ. В том же году Капелло и Ивенш уклонились на север от Биэ, исследовали часть течения Куанго и значительную часть северной Анголы. В 1884—1885 гг. они же пересекли Африку от Моссамедеш до устья Замбези; они исследовали значительную часть южной Анголы, добрались до области Катанга и территории нынешней Северной Родезии, откуда повернули на юг и вышли к Замбези у устья реки Кафуэ.

В поисках благоприятных для здоровья местностей с целью устройства в них миссионерских пунктов Ф. С. Арнот вышел в 1884 г. из Натала, пересек реку Замбези выше водопада Виктория, проследовал по Замбези до реки Лиалуй и совершил переход на северо-запад до плато, где находится Биэ. Его путешествие послужило до некоторой степени дополнением к трудам португальских ученых исследователей, и им завершается исследование Центральной Африки в этот период.

7. Южная Африка (1849—1889 гг.)

Мы уже коснулись исследования Южной Африки в связи с совершенной Ливингстоном в 1849 г. экспедицией к озеру Нгами. Последующие его путешествия в Центральную Африку, романтика и новизна путешествий в этой области лишили озеро той притягательности, которую оно имело в середине XIX в. В 1850 г. Ф. Гелтон и К. Дж. Андерсон сделали попытку добраться до него со стороны Китовой бухты, но им удалось проникнуть лишь недалеко за Этоша-Пан. Гелтон вернулся в Англию, Андерсон же продолжал итти к Нгами, достиг его и прошел на 100 *км* к северу от него (1853 г.). В 1857 г. Хан и Грин прошли по трассе, примерно параллельной маршруту Гелтона, но пересечь страну Овамбо им не удалось. Два года спустя Андерсон достиг реки Окованго, примерно под 17°31′ ю. ш. и 19° в. д., и исследовал ее на протяжении около 150 *км*. Он принял ее за приток Замбези.

С юга в эту область проник купец и охотник Дж. Чепмен, между 1849 и 1855 гг. неоднократно пересекавший восток страны бечуанов в разных направлениях, а в 1861 г.—Бейнс и Чепмен.

В это же время небольшие успехи были достигнуты и на восточном побережье, где Гассиот прошел от Дурбана до верховьев

Лимпопо, и хотя, по его словам, он никогда «не имел целей географического исследования», путешествие его улучшило познание малоизвестной области. Четырьмя годами позже Монтанья и Тейшейра, выйдя из Иньямбани на побережье, также достигли Лимпопо и проследовали далее на территорию северного Трансвааля. В 1868 г. Эрскин достиг реки Олифантс, проследовал по ней до Лимпопо и далее, до устья последней. В 1870 г. ознакомление с Лимпопо углубилось в результате исследований Элтона.

Продвижение в области к востоку от страны бечуанов открылось съемкой большей части течения реки Оранжевой, произведенной в 1856 г. Моффатом. В 1864—1866 гг. зоолог Фрич исследовал территорию Оранжевой республики и страны бечуанов и собрал много интересных сведений об их обитателях. В 1860 г. Маух открыл в Тати (на юго-западе нынешней Южной Родезии) золото. Вскоре в эти же края направился Бейнс, проведший в них семь лет в поисках драгоценного металла; тогда же Мор прошел через Родезию к Замбези. Затем Маух приступил к исследованию юго-востока и в 1872 г. побывал на открытых в 1868 г. А. Рендерсом развалинах Зимбабве.

История общего исследования Южной Африки за рассматриваемый период завершается тремя продолжительными путешествиями. Долгое пребывание в стране бечуанов А. Андерсона (1864—1880 гг.) дало очень многое для познания восточной части этой области, а также пустыни Калахари. В 1872—1879 гг. чешский путешественник доктор Голуб, интересы которого лежали в области этнографии и естественной истории, путешествовал по Трансваалю и по территории нынешней Южной Родезии и собрал много полезного материала. В этот же период, с 1872 по 1892 г., Ф. Селоус в ходе своих охотничьих экспедиций неоднократно и во всех направлениях пересекал всю область между озером Нгами и Замбези, а в 1887 и в 1888 гг. заходил за эту реку; больше всего внимания он уделил стране машонов (Машона), а в 1891 г. совершил переход оттуда к Бейре на восточном побережье. В 1884 г. по странам Матабеле и Машона совершил путешествие В. М. Керр, опубликовавший первое их подробное описание.

С 1884 г. театром интенсивной географической деятельности сделалась колония Германская Юго-Западная Африка. Видное участие в этой работе приняли А. Шенк, Г. Шниц, Г. Поле и Ф. М. Штапф. В 1884 г. Шниц, выйдя из Китовой бухты, совершил путешествие в северном направлении до реки Кунене и в восточном—почти до озера Нгами. Два последующих года он провел в области Овамбо и на окраине пустыни Калахари. Шниц собрал много ценного ботанического и этнографического материала в посещенных им областях. В 1885—1886 гг. геологическими

исследованиями в области Намаква занимался Штапф, а в районе между Китовой бухтой и рекой Оранжевой—Шенк. В 1888—1889 гг. Штейнекер исследовал большую часть области Дамара и дал ее первую точную карту.

В 1882—1893 гг. геодезические партии под руководством Вильяма Морриса произвели триангуляцию Капской колонии и Натала. Однако широкие геодезические работы в этот период не предпринимались, и в этом направлении вплоть до окончания англо-бурской войны было сделано очень мало.

8. Южная Африка после 1889 г.

После 1889 г. широкого поля в Южной Африке для путешественников-пионеров уже не оставалось, и большинство путешествий этого последнего периода было посвящено выяснению недостававших деталей. Больше всего работы было произведено в западной части Британской Африки и в Германской Юго-Западной Африке. Так, в 1891 г. фон-Франсуа продвинул изучение стран Дамара и Намаква. В следующем году Пфайль совершил путешествие от Порт-Ноллот к реке Оранжевой, пересек центральную и восточную страну Намаква и страну Дамара в направлении на Виндхук, откуда вышел к Китовой бухте. Его путешествие особенно ценно по собранным им материалам экономического характера. В начале девяностых годов по Юго-Западной Африке и в особенности по области Дамара путешествовал Дове. На Востоке продолжением работы служат геологические исследования Пассарге, совершенные в 1896—1898 гг. по соседству с озером Нгами и в лежащей на северо-запад от него области. В ходе изыскания трассы железной дороги от медных рудников Отави к побережью в 1900 и 1901 гг. Гартман дал новый материал для познания реки Нижней Кунене и страны Овамбо, а законченные к 1903 г. полевые работы по демаркации южной границы между английской и германской территориями охватили точной съемкой большую площадь. В декабре 1907 г. Пех вышел из Свакопмунда и пересек континент в направлении Бейры, собрав по пути ценный этнографический материал, в особенности о бушменах.

Что касается восточной стороны континента, то начатые в связи с демаркацией англо-португальской границы в 1892 г. геодезические работы пролили свет на большие, до того не известные области. Была определена широта и долгота Масси-Кесси и произведена съемка узкой полосы территории от пункта у 18° ю. ш. и 33° в. д. к северо-восточному углу Трансвааля. В 1891 г. Д. Дойль совершил путешествие по португальской территории от реки Лимпопо через центральную часть области Газа примерно до 19° ю. ш. Охотничьи экспедиции Р. Л. Рида дали ряд

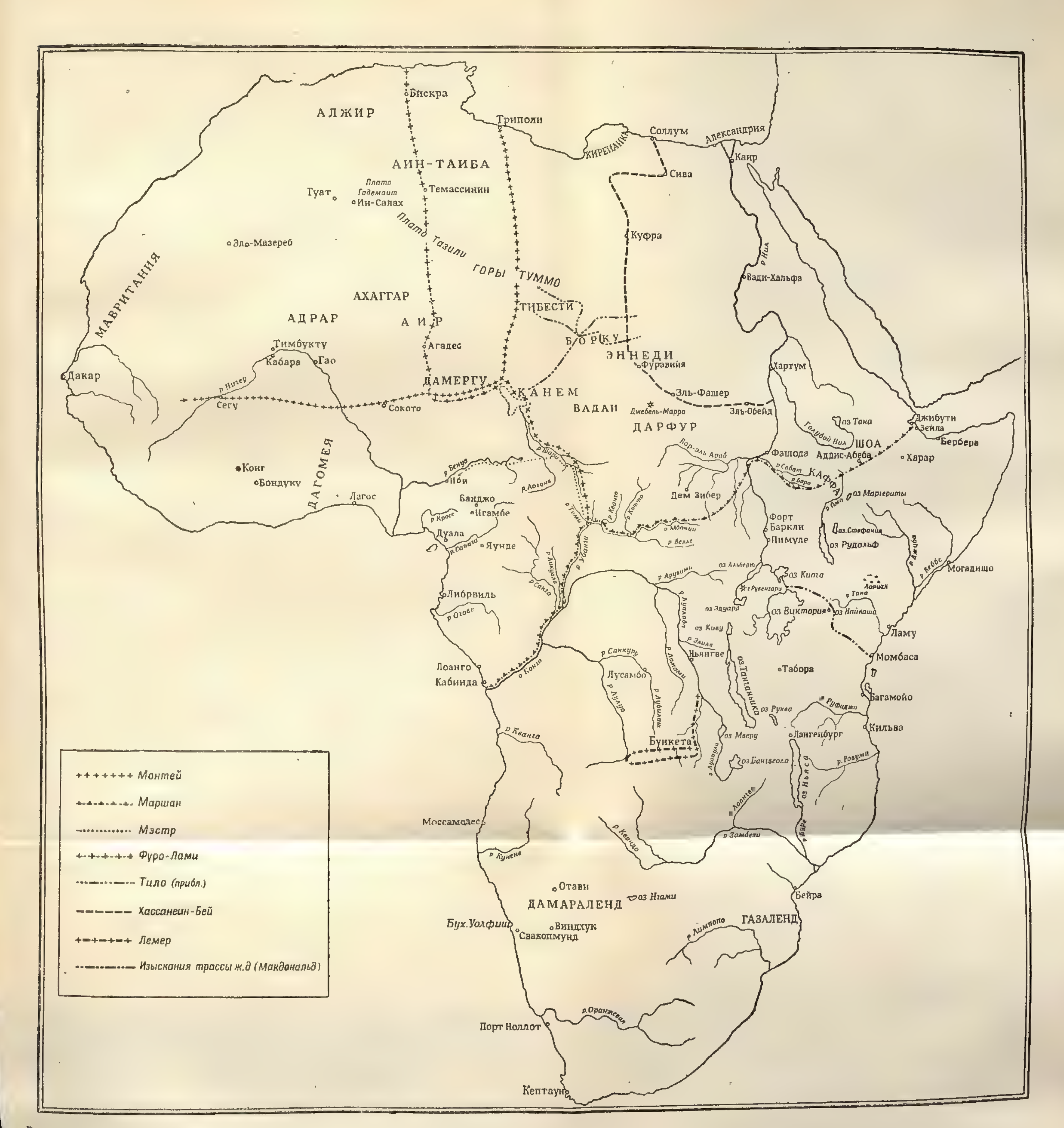
грубых съемок местности к северу от реки Пунгве и повели к нанесению некоторых новых деталей на карту. Точно также В. Дикенсу в результате его путешествий 1904—1905 гг. удалось внести исправления в карту юго-восточной части области Машона и открыть на ее территории новые реки. Работы инженеров путей сообщения, изыскивавших трассы железных дорог, геологов-разведчиков и агентов торговых компаний, искавших рынки сбыта, пролили свет на множество деталей топографии других областей к югу от Замбези.

9. Центральная Африка после 1889 г.

За рассматриваемый период в области исследования этой части Африки была проделана значительная работа. Бо̀льшая часть ее была связана с политикой европейских держав, в особенности англичан в Ньясаленде, немцев в Танганьике и французов в их экваториальных владениях. В итоге очень многие исследовательские предприятия не ставили себе никакой крупной научно-географической проблемы. Исследование Центральной Африки мы предполагаем рассмотреть в следующем порядке: сначала—исследования неизвестной области к западу от озера Танганьики, далее—исследования, наиболее тесно связанные с бассейном Конго и, наконец,—связанные с Западной Африкой в междуречье Конго, Нигера и Нила. После этого мы перейдем к Восточной Африке, причем, как и при рассмотрении противоположного побережья, мы будем итти с юга на север. Такой план далеко не совершенен, и кое-где мы от него отклоняемся, но, придерживаясь его, можно дать связный обзор множества мелких, но важных исследований.

Установление британского господства в стране Ньяса явилось результатом главным образом работы Генри Джонстона и Альфреда Шарпа, лично принявших участие в изучении этих областей. Первый из них в 1889 г. исследовал область между озерами Ньяса и Танганьика и открыл южный конец озера Руква, заходящий гораздо южнее, чем предполагалось. В том же году Шарп исследовал область к западу от реки Шире и в 1890 г. совершил путешествие от озера Ньяса к реке Лоангва. Он прошел также от северного берега озера Ньяса к озеру Танганьика и побывал на озере Мверу. В этот же период закончил свою исследовательскую работу в Центральной Африке Томсон, совершив путешествие от реки Шире в область к югу от озера Бангвеоло.

До того все путешественники проникали в область со стороны Замбези. В 1890—1892 гг. четыре путешественника проникли в нее со стороны Конго. П. Ле-Маринель вышел в декабре 1890 г. из Лусамбо на реке Санкуру, проследовал на расстояние примерно 150 *км* по течению притока Санкуру, реки Луби, и затем



38. Африка после 1889 г.

повернул на юго-восток, к поселку Бункейя. В мае 1891 г. М. А. Делькоммюн покинул нижнее течение реки Ломами, прошел по трассе, примерно параллельной маршруту Ле-Маринеля, и проник за Бункейю до медных рудников в Катанге и реки Луалабы. Он вернулся северо-восточным путем к озеру Танганьика. В. Д. Стейрс пересек область Танганьику от Багамойо до озера Танганьика и в декабре 1891 г. вышел к Бункейе. Отправившийся из Лусамбо Биа прошел по трассе, лежавшей между маршрутами Ле-Маринеля и Делькоммюна и в январе 1892 г. вышел к Бункейе. Эти четыре исследователя пересекли маршруты своих предшественников—Кемрона, Капелло, Ивенша и Арнота—и внесли ценный вклад в изучение области, орошаемой Луапулой и Луалабой. Стейрс и Биа погибли в Центральной Африке.

В 1892 г. исследование района со стороны Ньясаленда возобновил Шарп. Он прошел от озера Танганьика к озеру Мверу и приступил к его систематическому изучению. Он поднялся по реке Луапуле до водопада Джонстона. В том же году к этому району из Санкуру подошла экспедиция барона Даниса. Офицеры его отряда пересекли всю область и вышли к Конго у Ньянгве, откуда Хайнд и Мохен в 1894 г. проследовали вверх по этой реке до слияния с Лукугой и на короткое расстояние по этой последней. Тем самым сомкнулись маршруты Хайнда и Делькоммюна.

В 1896 г. П. Уэзерли произвел съемку озера Бангвеоло и обнаружил, что размеры его на картах того времени были сильно преувеличены, тогда как Лангхельд, посетивший в 1892 г. другое «озеро»—Руква, убедился, что в то время его вообще не было: оно пересохло, и на его месте красовалась травянистая равнина.

В этот же период А. Гиббонс исследовал восточные притоки Замбези (1895—1896 гг.), а Брассёр и Серкель закончили исследование восточного и западного истоков верхнего Конго, так же как области к западу от реки Луапулы. Им удалось внести исправления в составленную Шарпом карту озера Мверу и нанести на нее множество притоков. В 1894—1897 гг. от Замбези к Конго совершил путешествие Фоа, ознакомившийся с новыми землями между озером Танганьика и рекой Конго выше Ньянгве.

Ко всем этим неофициальным путешествиям следует прибавить весьма крупные геодезические работы в области между озерами Танганьика и Ньяса, проделанные в 1899 г. капитанами Ч. Клоз и Ф. Буало в связи с демаркацией границы между английскими и германскими владениями. В южной части Ньясаленда Андерсон и другие в 1899 г. изготовили карту нагорья Шире, а Фергюссон обнаружил, что долгота озера Танганьика, полученная в результате работы путешественника-пионера Хора, была ошибочной.

Работу Фергюссона продолжил и его определение географических координат подтвердил капитан Лемер, руководивший

специальной научной экспедицией в Катангу 1898—1900 гг. Он исследовал также водораздел между Конго и Замбези от 22 до 27° в. д. и установил, что той «неопределенности характера», о которой говорили, на самом деле водораздел не имеет. Его работа была продолжена путешествиями майора Гиббонса, вернувшегося в 1898 г. для окончания ранее начатого им изучения притоков Замбези. В течение двух последующих лет он не только справился со своей основной задачей, но совершил также большое путешествие по Африке через озера Мверу, Танганьика, Киву, Эдуарда и Альберта в Уганду и далее в Египет. На путешествиях Гиббонса и Лемера исследование этого района может считаться законченным. В области на восток и северо-восток от озера Бангвеоло в ходе своей работы с 1895 по 1902 г. ценный материал собрали французские «белые отцы» (миссионеры), а в 1911 г. была произведена съемка границы между английскими и бельгийскими владениями по водоразделу Конго—Замбези.

В Анголе в 1899 г. Баум выступил в глубь страны из Моссамедеша и проник в малоизвестные южные ее области. Четыре года спустя Каннингем, также из Моссамедеша, прошел на северо-восток к реке Куанза и на юго-запад к реке Кунени. К работе этих двух исследователей следует прибавить труды экспедиции Роан-Шабо (1912—1914 гг). Она пересекла прибрежные районы на юге Анголы и проделала ценную работу в бассейне Кунене и по окраине бассейна Замбези.

В последние годы XIX столетия значительным числом деталей была дополнена также карта долины Нижнего Конго. В 1890 г. Беккер совершил переход с реки Арувими к реке Уэлле и ликвидировал ряд белых пятен в разделяющей эти две реки области. А. Дельпорт определил положение ряда точек по Нижнему Конго. Ходистер поднялся по реке Ломами и исследовал район между ней и Конго у Ньянгве; а Ван-Жель вновь поднялся по Убанги, определил точные координаты ее большой северной излучины и почти достиг того пункта, где до него побывал Юнкер; недостававшее звено было доисследовано Роже. В 1896 г. Штахе исследовал район между Касаи и Санкуру. В 1898 г. бельгийская экспедиция под начальством лейтенанта Глори поднялась по реке Элила, впадающей в Конго ниже Ньянгве, и пересекла область в восточном направлении почти до озера Киву, чем ликвидировала еще одно белое пятно на карте. К концу столетия общие черты системы Конго уже определились. В 1899 г. Вотерс закончил составление карты этой части Африки в масштабе одной двухмиллионной, а в 1902 г. вышла составленная Гренфеллом карта реки Конго. Хотя некоторые реки до сих пор изображаются пунктиром и многие незначительные по размерам местности и поныне остаются неисследованными, все же новых первостепенных открытий в этой части Африки ожидать трудно.

Что касается области к северу от Конго, то здесь было сделано множество попыток разрешить проблемы гидрографии Шари, Бенуэ и более крупных притоков Убанги, а также совершить переход от Конго к Нилу. В то же время подробные исследования, значительно расширившие рамки географического познания, были произведены во Французской Экваториальной Африке и в Камеруне.

В 1889 г. Крампель пересек область между Огове и притоком Конго Ликуалой. В следующем году он поднялся по Убанги, но на пути от Убанги к озеру Чад был убит. Однакоже труд его был не совсем напрасным, и по его материалам были сделаны добавления в картографию посещенных им областей. В следующем (1891) году выехавший для выяснения обстоятельств его убийства Дыбовский прошел от Конго до верхнего течения Шари. В это же время Шоле исследовал часть течения реки Санга.

В 1892 г. Фурно сделал безуспешную попытку совершить переход от Восо на реке Санга к Шари. Это удалось Местру, который, отправившись с реки Конго, сумел достичь Шари, прошел через Багирми и вышел к реке Бенуэ. Ему первому удалось дать ясное представление о различных реках, составляющих Шари. Его работа была, в свою очередь, продолжена тремя годами позже исследованиями Клозеля по водоразделу Конго—Шари. Еще дальше капитан Лефлер в 1901 — 1902 гг. произвел съемку области, орошаемой важнейшим юго-западным притоком Шари—рекой Логоне, и изучил большую новую территорию в бассейне Шари.

В долине Убанги в 1899 г. Жюльен произвел съемку местности, лежащей к северу от среднего течения реки и к западу от Мбонуи, другие же экспедиции в 1901 г. изучили часть среднего течения Котто, а также течение Куанго (два северных притока Убанги). Еще дальше, в сторону Нильской долины, Руле сделал ряд маршрутных съемок, общим протяжением свыше 1600 *км* по самому водоразделу, а Кюро в 1898 г. совершил переход от реки Мбонуи до Дем-Зибера в районе Бахр-Эль-Газаля.

В то время как велось такого рода исследование большей части внутренней Африки, земли, близкие к побережьям, зачастую оставались в пренебрежении. В 1899 и 1900 гг. миссия Грендона дополнила более раннюю работу Браззы и Мизона в области между рекой Огове и Конго; на самом же побережье и по его хинтерланду предпринятая еще ранее, в 1894 г., экспедиция Дыбовского от Лоанго до Либрвиля пролила свет на большую область, недостаточно изученную другими путешественниками. В 1901 г. была произведена демаркация границы между Кабиндой и Французским Конго, а в 1905—1907 гг. закончены геодезические работы по размежеванию между Французским Конго и Камеруном.

В то же время одно за другим исчезли белые пятна с карты Танганьики. Подробные съемки О. Бауманна в северо-восточной части колонии и в массиве суши, лежащей между озером Виктория,

Таборой и озером Танганьика, много способствовали разрешению ряда проблем, в том числе истинных границ бассейна Кагеры — главной из впадающих в озеро Виктория рек. Аналогичный характер носила меньшая по масштабу охваченной территории работа Мейера в районе Килиманджаро; он первый взошел на ее вершину.

В 1891 г. фон-Бер исследовал часть местности между реками Ровума и Руфиджи, и еще через два года барон фон-Шеле, на которого была возложена задача борьбы с налетами на местность между Руфиджи и Ровумой, а также разведка наиболее удобной коммуникации между Лангенбургом у северного конца озера Ньясы и побережьем, ликвидировал последнее большое белое пятно на карте Танганьики. Он успешно справился с обеими задачами и открыл новый путь от озера к Килве. Один из его помощников, капитан Рамзай, остался и проделал в этой области еще много ценной работы.

В 1896 г. в районе Великого Африканского Грабена между озерами Маньяра и Найваша поработал А. Кайзер и пролил свет на структуру этой, одной из наиболее поразительных черт рельефа Африки; к северу от озера Найваша до озера Баринго этот район был уже исследован в 1893 г. Дж. В. Грегори. Еще дальше к западу Капюс и фон-Вульффен прибавили ряд деталей к карте области, непосредственно лежащей к югу от озера Виктория.

Работа фон-Шеле была дополнена трудами двух других немецких исследователей в южной части колонии. Лидер произвел детальное исследование части территории непосредственно к югу от маршрутов Шеле и в особенности много дал для познания её физической географии, тогда как в 1895 г. Пренс исследовал территорию к северо-востоку от озера Руква. Работы по детальному изучению географии Танганьики продолжались, и к концу столетия основные черты ее рельефа были уже хорошо известны.

В первые годы рассматриваемого периода немецкие исследователи распространили свою деятельность на территорию нынешней английской колонии Кении. Здесь в 1889 г. Дж. Пигот исследовал на значительном расстоянии реку Тану. В следующем году его работу продолжил немец Петерс, прогремевший здесь своими политическими предприятиями[1] и также внесший небольшую долю в изучение реки Таны. В 1891 г. Ф. Дандас произвел съемочные работы по этой реке и тем продолжил работу своих предшественников. Своими попытками добиться политического господства во внутренних районах Петерс вызвал раздражение англичан, которые в противовес ему предприняли ряд мер и усиленно взялись за исследование как Кении, так и Уганды. В 1889—1890 гг. Джексон и Гедж совершили путешествие через область Кикуйю—от

[1] Карл Петерс, основатель «общества германской колонизации», один из наиболее активных агентов германского империализма в Восточной Африке.—*Прим. ред.*

Момбасы до Уганды—и проложили новый путь на запад от озера Найваша к озеру Виктория. В 1891 г. Макдональд начал свои весьма ценные для географии изыскания трассы железной дороги от Момбасы до Уганды. Ему удалось охватить новую и уточнить детали ранее известной территории. Столь же важные последствия для географии имела политическая и военная деятельность Ф. Лугарда, Вильямса и Портала в Уганде. Хотя Лугард сам не придавал никакого научного значения своим путешествиям[1], ему удалось собрать много ценного материала по местности к северу от озера Виктория, а также между этим озером и озером Альберта. Предпринятая в 1893—1895 гг. Нейманном зоологическая экспедиция способствовала дальнейшему познанию южной Уганды, а также полосы территории от Килиманджаро до южного конца озера Рудольфа.

После долгой проволочки английское правительство установило свой протекторат над Угандой (1894 г.), но фактическое покорение страны потребовало еще нескольких лет. Среди офицеров, которым было поручено покорение Уганды и района верхнего Нила, был Сеймур Ванделер, произведший ценные съемки в районе к востоку и северу от озера Альберта и между озерами Виктория и Великим Грабеном. Эти сделанные в 1894—1896 гг. съемки создали довольно надежную основу для подробного картографирования Уганды. Следует упомянуть еще работу отряда Макдональда (1896—1897 гг.), исправившего географические координаты озера Киога, нанесшего на карту его контур и произведшего съемку обширной территории к северу от озера Виктория, а также Хобарта, произведшего съемку отдельных областей юго-западной Уганды в 1897—1898 гг.

Тем временем была произведена съемка границы между Кенией и Танганьикой. Работа по ее первому участку, от побережья до точки к юго-востоку от Килиманджаро, была закончена в 1892 г.; остальная же часть, от Килиманджаро до озера Виктория, была заснята в 1905 г. полковником Дж. Э. Смитом, а аналогичная работа по отрезку границы к западу от озера Виктория была проделана между 1902 и 1904 гг. Среди других детальных исследований этого рода за тот же период следует упомянуть съемки Декля к западу от озера Виктория, между Верхней Кагерой и озером (1900 г.), законченные в 1908 г. демаркационные работы по границе между Угандой и Конго и исследования Арчера в Северной Кении и к юго-западу от озера Рудольфа.

Нам остается отметить еще три общего характера экспедиции, не имеющие прямой связи с перечисленными выше исследованиями,

[1] Лугард был одним из наиболее активных английских колонизаторов, создателем системы колониальной эксплоатации африканского населения, применяющейся до настоящего времени в британских колониальных владениях тропической и Южной Африки (так называемая «система лорда Лугарда»).—*Прим. ред.*

но внесшие крупный вклад к картографию этих областей. Мы уже упоминали о романтической фигуре Эмин-паши. По прибытии на побережье он в сотрудничестве со Штульманом вновь погрузился в дебри Африки, преследуя цели не одного только географического характера. Они пересекли Танганьику и вышли в район к западу от озера Альберта. Отсюда Штульман повернул в обратный путь, Эмин же направился дальше, к западному побережью, но, не доходя реки Конго, поплатился жизнью за свою смелость. Обладавший большим талантом наблюдателя и писателя Штульман оставил книгу, пролившую много света на малоизвестную часть Африки.

В 1894 г. фон-Гетцен пересек Африку от Танганьики до устья Конго. Он открыл озеро Киву и дал много нового материала по областям между озером Эдуарда и озером Танганьика.

В 1906 г. герцог Абруццский взобрался на Рувенцори, а отряд его нанес на карту значительную часть ранее никем не изученного хребта.

На этой экспедиции мы заканчиваем описание истории открытия Центральной Африки.

10. Северо-Восточная Африка после 1889 г.

К 1889 г. многие части Северо-Восточной Африки оставались еще почти совершенно неизвестными. Однакоже в течение последних тридцати лет в этой области было множество путешествий, и хотя не все белые пятна на карте ее ликвидированы, общая структура рельефа обозначилась совершенно ясно.

В 1891 г. итальянцы совершили несколько путешествий по Сомали. Капитан Бауди-ди-Весме прошел в глубь страны от Берберы и достиг верхнего течения реки Уэббе, но съемки его были конфискованы и результаты работы, таким образом, утрачены. Робекки пересек северную часть полуострова Сомали. Выйдя из Могадишу, он достиг территории, посещенной до него в 1885 г. Джемсом и Эйлмером. В том же году Дандас совершил плавание по реке Джуба на протяжении 650 *км*.

Дальнейшее исследование реки Джуба было сделано в 1892—1893 гг. Боттего. Он уже исследовал часть Эритреи, а теперь посетил область Сомали-Галла и первым пролил свет на гидрографию этого района. В 1895 г. он вернулся на среднее течение реки Джубы и оттуда направился на запад, к озеру Рудольфа, и вслед за тем вновь вышел к Момбасе на побережье. Боттего фиксировал течение реки Омо, установил, что это та же река, которую другие исследователи называли рекой Ньям-Ньям, исследовал западный берег озера Рудольфа и определил общие черты реки Собат. Он открыл также новое озеро, которому дал название «Королева Маргарита».

Работа Боттего была дополнена путешествием Кавендиша. Он отправился в 1897 г. из Берберы, достиг реки Джубы, после чего повернул на запад, к озеру Рудольфа. Ему удалось собрать много ценного материала о местности между этим озером и Белым Нилом, после чего он проследовал к Момбасе на побережье. Оба путешественника внесли свой вклад в изучение северной Кении; кроме того, последний район был изучен в 1892—1893 гг. Чанлером и Хенелем, сопровождавшим Телеки в его более раннем путешествии к озеру Рудольфа.

В 1894—1895 гг. Доналдсон Смит, выйдя из Берберы, также достиг озера Рудольфа и сделал попытку связать между собою работу Телеки и других исследователей, работавших севернее его. В 1899 г. Доналдсон Смит опять вернулся в эту часть Африки, вновь прошел от Берберы до озера Рудольфа, откуда проследовал дальше к Нилу, к которому и вышел в марте 1900 г. у форта Баркли.

В 1897 г. из Берберы в глубь Африки двинулся ряд исследователей. Даррагон добрался до области Галла, к югу от Шоа, в которой уже побывал Доналдсон Смит, а Викенбург проник в северное Сомали; кое-что прибавили на карте северо-восточного Сомали Паркинсон и Брандер-Денбар в 1896 г. и Эйлмер в 1897 г.

Таким образом, множество исследователей атаковало этот район с востока. На помощь им пришли другие—с севера и запада. В 1897—1898 гг. Боншан, сотрудничавший с Маршаном, чье замечательное трансафриканское путешествие быстро сделалось политической сенсацией[1], достиг верховьев реки Собат в области Нуэр, после чего вернулся в Аддис-Абебу. Он точно определил бо̀льшую часть верхнего течения Собата между 6° и 10° с. ш. и 33° и 36° в. д. Английские офицеры вскоре продолжили эту работу, произведя съемку эфиопской границы. В зимние периоды 1899—1901 гг. этой работой занимались Гвин и Остин; последний совершил путешествие от Угандской железной дороги через Великий Африканский Грабен к озеру Рудольфа и от него на северо-запад к рекам Собату и Нилу; оба эти офицера призвели ценные съемки местности между Голубым Нилом и Собатом. В 1901 г. с севера сюда двинулся и Викенбург. Он пересек область между Аддис-Абебой и озером Стефани и достиг болота Лориан, оказавшегося почти совершенно пересохшим. После этого он проследовал к реке Тана и вышел к побережью у Ламу. Озера Стефани достигла также партия Харрисона, совершившая путешествие к нему от Зейлы в 1899—1900 гг.

Третье путешествие на озеро Стефани было сделано экспедицией Баттера и Мода в 1902—1903 гг. Они вышли из Джибути и двинулись в путь через Аддис-Абебу. Пройдя к западу от озера Стефани, они прибыли на озеро Рудольфа, прошли по его восточной

[1] См. ниже, стр. 419—420. —*Прим. автора.*

стороне, повернули на юг и вышли к лежащему в Великом Грабене озеру Баринго. Им удалось произвести множество астрономических наблюдений и ценные топографические съемки.

В 1899—1900 гг. Уэлби, уже отличившийся в исследовании Азии, достиг озера Рудольфа по реке Омо, после чего изучил часть течения Собата, а в 1898 г. майор Остин произвел съемку западного побережья озера Рудольфа.

В начале текущего столетия Эрлангер совершил путешествие от Зейлы до Харара, откуда повернул на юго-запад, в область Галла, и достиг, наконец, Собата. Хотя его главной целью были зоологические исследования, его маршрутные съемки пополнили карту области.

Между 1901 и 1903 гг. экспедиция виконта Р. дю-Бург-де-Боза исследовала область между Хараром и северным концом озера Рудольфа, а также между этим озером и Нилом у Нимуле. В связи с Сомалийской военной экспедицией 1903 г. капитан Бизли охватил геодезической съемкой территорию площадью в 39 тыс. кв. *км* в Британском Сомали, а экспедиция Б. Х. Джессена (1904 г.) произвела маршрутную съемку (ориентируясь лишь по компасу) части долины верхнего Собата и юго-западной Эфиопии. Случайное совпадение в один и тот же год этих трех экспедиций, исследовавших далеко отстоящие друг от друга районы Северо-Восточной Африки, показательно для темпов исследования этих территорий за последние тридцать лет.

Нам остается упомянуть еще четыре последние экспедиции по Северо-Восточной Африке. В 1905 г. Г. Уэлд Бланделл произвел съемку Голубого Нила от Аддис-Абебы примерно до 35° в. д., продолжив тем самым работу, начатую им в 1899 г. В 1908 г. майор Гвинн произвел демаркацию южной границы Эфиопии. В 1910 г. Монтандон работал в южной Эфиопии и западнее округа Каффа. Еще два года спустя Дракополи исследовал проблему болота Лориан. Он установил, что во влажный сезон вода из болота стекает в Индийский океан.

11. Гвинейские страны после 1889 г.

Основные черты структуры территории у Гвинейского залива были известны еще до 1889 г., и здесь, в противоположность Северо-Восточной Африке, пионеру-путешественнику особенно развернуться уже было негде. Мы, однакоже, включим в рамки рассматриваемого в этом разделе района не только Гвинейские страны в узком смысле этого слова, но и водораздел между Нилом и Конго, поскольку исследование его шло со стороны Гвинейского залива. Сначала мы займемся Нигерией и областями к востоку от нее, перейдем к Камеруну и закончим наш обзор рассмотрением проблемы Нил—Конго.

Упрочение английского влияния на территории нынешней Нигерии шло во многих отношениях тем же путем, что и в Уганде. Дело начала торговая компания, стремившаяся добиться экономических привилегий, и здесь английское правительство снова замешкалось с принятием на себя ведущей роли. Томсон сделал многое для того, чтобы укрепить английское влияние в этом районе, а последующее предприятие Джорджа Голди окончательно закрепило эту область за Англией. В результате, когда в начале рассматриваемого периода Мизон совершил плавание вверх по Нигеру, чтобы захватить его хинтерланд для Франции, он потерпел полное поражение. В те же годы (1890) Макдональд и Моклер-Ферриман приступили к съемке Нигера и многих его притоков, а Голвей проделал в следующем году аналогичную работу на реке Бенуэ вплоть до ее истока.

В 1892 г. Бенже вновь прославился путешествием по большому и малоизвестному внутреннему району Западной Африки. Его главными целями было фиксировать пограничную линию между Золотым Берегом и Берегом Слоновой Кости и исследовать южный Судан между поселками Бондуку и Конг. Всего он прошел 1900 *км*, из которых около одной четверти—по совершенно незнакомой территории. Работа его отличалась высокими качествами и в сочетании с его более ранними достижениями дает ему право именоваться одним из крупнейших исследователей Африки. Ему повезло также в отношении преемника: П. Л. Монтель дополнил в 1892 г. рядом важных фактов работу Бенже; Монтель вышел из Сенегала, переправился через излучину Нигера у Сея, прошел через Сокото и Борну до озера Чад, откуда пересек Сахару и вышел в Триполи. Это было большим достижением и положило начало множеству путешествий, проделанных энергичными и способными французскими офицерами на территории нынешних французских колоний в Западной Африке.

В 1893 г. Фаулер проделал съемку территории между Лагосом и Нигером, а в 1896 г. француз Урст (Hourst) спустился вниз по Нигеру от Кабары (пристани на Тимбукту) до моря. Этим своим замечательным достижением он завершил то, что в 1885 г. пытался сделать другой француз—Туте.

В это же время полковник Троттер произвел демаркацию границы Сьерра-Леоне (1896 г.) и определил местоположение истоков Нигера. Таким образом, к реке Нигеру тянулись нити точной географической работы с трех направлений сразу. Внутри его излучины немецкие исследователи вели большую работу в германской колонии Того и к 1896 г. сумели выпустить хорошую общую карту южной, а к 1899 г. также и северной части Того.

Изучение Нигерии пошло быстрыми шагами со времени присоединения страны к Англии в 1899 г. и прибытия сюда в 1900 г. верховного комиссара Северной Нигерии Ф. Лугарда. Смешанная

англо-французская комиссия по демаркации границы в районе Нигера и озера Чад (1902—1903 гг.) фиксировала северную границу, по отдельным участкам которой годом или двумя раньше была произведена геодезическая съемка. Позже капитан Тильо проделал очень ценную работу в районе озера Чад, в особенности на территории к востоку от него. В 1904 г. Ланфан поднялся по Бенуэ и по протоке, соединяющей ее с рекой Шари, доказав тем самым, что в определенное время года можно добраться до озера Чад водным путем от самого океана. Последующие исследования доказали, однако, ничтожность практических выводов из этого открытия.

Этот же год (1904) отмечен экспедицией Бойд-Александера через всю Африку, от Нигера до Нила. Он проделал весь путь водой, и на переноску лодок через водоразделы ушло лишь четырнадцать дней. Его съемки дали новый материал по Северной Нигерии и району озера Чад, и он обнаружил, что озеро Чад не представляет собой одного сплошного водного зеркала и состоит на самом деле из двух крупных озер, связанных между собой цепью очень малых озер. К несчастью, много европейцев из его отряда погибло, в результате чего съемочные работы второго периода его путешествия были проделаны менее тщательно; впрочем, его путь от озера Чад по Шари, Уэлле, Ией, Бахр-Эль-Джебелю и Нилу не представлял большого поля для исследования.

В Южной Нигерии Стил и другие провели большие топографические съемки в 1904—1907 гг. к северу от параллели 5°30′ ю. ш. между реками Нигер и Кросс. Территория к югу от этой параллели между 1892 и 1895 гг. изучалась довольно поверхностно, но впоследствии более тщательно. По восточной стороне к 1909 г. были закончены геодезические работы между реками Йола и Кросс, предпринятые в связи с демаркацией границы между Нигерией и Камеруном. Что же касается участка границы между рекой Йола и озером Чад, то он был заснят еще в 1903 г. С реорганизацией в 1910 г. геодезической службы в Южной Нигерии исследование этой области можно считать законченным.

Далее к западу первое десятилетие нынешнего века ознаменовалось большими успехами. В 1898—1900 гг. была произведена демаркация границы между Дагомеей и Того, в 1902 г. были начаты геодезические работы для проведения границы между Того и Золотым Берегом, а в 1903 г. была демаркирована граница между английскими владениями и Либерией. Геодезические работы в связи с демаркацией границы между Либерией и французскими колониями были закончены к 1909 г., а проведенные в этом же году Паркинсоном, Оуэном и другими съемочно-геодезические работы во внутренних районах Либерии повели к ликвидации многих белых пятен на карте Либерии. Геодезическая служба Золотого Берега развернула свою деятельность в 1901 г., а французы начали

в том же году полное географическое изучение своей колонии Берега Слоновой Кости. Таким образом теперь можно сказать, что, за вычетом определенных областей Либерии, вся территория вокруг Гвинейского залива, от Нигерии до реки Гамбия, хорошо известна.

Если взять область к востоку от Нигерии, то здесь немецкие исследователи провели аналогичную работу по ликвидации белых пятен на карте Камеруна. В 1889 г. Цинтграфф пересек эту область от прибрежного поста Дуалы до реки Бенуэ. В следующем году Морген охватил район между устьем реки Санаги и лежащим внутри страны постом Джаунде. В 1891—1892 гг. Морген совершил переход на север до Банджо, перевалил через горы и вышел к реке Бенуэ у Иби. Другие исследователи приблизительно теми же путями достигли в 1893 г. Нгамбе, и в этом же году Пассарге приступил к геологической разведке области к югу от реки Йола. В то же время (1891—1893 гг.) Мизон, которому не удалась его экспедиция на Нигере, пересек Камерун от Бенуэ до Санги—притока Конго.

После некоторой паузы в деле исследования (1894—1898 гг.) Карнап выступил в северо-восточном направлении и по реке Санга достиг реки Конго. Вскоре после этого последовало проникновение в северо-западный и юго-восточный Камерун, причем часть географического исследования явилась прямым результатом работы тех многочисленных военных экспедиций, которые немцы посылали во многие части этой области. Из путешественников необходимо упомянуть фон-Штейна, много способствовавшего изучению южной части Камеруна (1895—1905 гг.). В 1914 г. немцы все еще энергично работали по исследованию наиболее отдаленных частей Камеруна.

Ликвидация белых пятен в районе междуречья Бенуэ—Шари—Конго—Нил носила характер длительного процесса, и одним из ее непосредственных результатов было более полное знакомство с восточной частью Камеруна. Исследования последнего периода открываются уже упомянутым нами путешествием Мизона; некоторых других фаз этих исследований мы уже касались в разделе о Центральной Африке. В 1895 г. Аноле в ходе исследования бассейна Шари проник со стороны Конго примерно до 9° с. ш. В следующем году Жантиль поднялся по реке Убанги до ее крайней северной излучины, проследовал по реке Томи до места, где она становилась несудоходной, и оттуда добрался до реки Шари. Он произвел съемку реки, проследовал по ней до озера Чад и совершил плавание по озеру.

В 1898 г. свое знаменитое путешествие от Конго к Нилу совершил Маршан. Он поднялся по реке Уэлле и достиг Фашоды. Не будучи в состоянии остаться в ней, он продолжал двигаться на восток и, кое-где плывя по реке Собат, достиг Аденского залива.

Его поход привлек всеобщее внимание ввиду его политического значения, но он сыграл свою роль также и в развитии географических знаний[1].

В 1902 г. полковник Дестенав проделал первую точную съемку озера Чад и нижего Шари; в том же году Шевалье достиг истоков реки Шари и проник в почти совершенно неизвестный район к юго-западу от Дарфура, а Лефлер исследовал приток Шари—реку Логоне—с юго-запада. Вскоре после этого Ланфан совершил плавание с реки Бенуэ на реку Шари, а Бойд-Александер пересек Африку между Нигером и Нилом. Обе экспедиции дали новый материал для географии этих областей. В 1907 г. Ланфан вернулся в южную часть бассейна Шари и продолжал свою ценную географическую работу. Бойд-Александер вышел в свое последнее путешествие в 1910 г. Он поставил себе задачей пересечь Африку от Камеруна до Хартума, но ему удалось добраться лишь до пункта вблизи границы между Вадаи и Дарфуром, где он и был убит.

Пока, таким образом, множество исследований велось с западной и юго-западной сторон, английские офицеры в Судане энергично продвигались в эту неизвестную область с востока. Началом нового продвижения можно считать 1900 г., когда Пику удалось расчистить проход через заросли «судда», перегораживавшие верхнее течение Нила. Английские военные топографы и ранее производили в Англо-Египетском Судане маршрутные съемки в разных местностях к югу от Бахр-Эль-Араба, и в дальнейшем работа их продолжалась без перебоев. Одно из новейших путешествий в этой области, совершённое в 1916 г. майором Кристи, дало очень много полезного материала.

12. Сахара после 1889 г.

Последней по времени исследования областью Африки является, как и следовало ожидать, пустыня Сахара. Ряд путешественников пересекал ее в XIX в., но всегда по определенным караванным путям. Последний рассмотренный нами период (1849—1889 гг.) закончился неудачной попыткой французов освоить западную окраину Сахары. Однако в десятилетие, последовавшее за 1889 г., пустыню все же удалось покорить, а с 1900 г. мы являемся свидетелями исследования многих до той поры не известных ее областей.

---

[1] Маршан был поставлен во главе французской военной экспедиции, имея задание укрепиться на Белом Ниле, и избрал для этого Фашоду (Кодок). Но через два месяца туда продвинулся с севера английский отряд во главе с Китченером. Франко-английский дипломатический спор из-за раздела бассейна Нила грозил превратиться в военное столкновение—и Франция уступила, Маршан был отозван.—*Прим. ред.*

Исследование Сахары велось почти исключительно одними французами, стремившимися компенсировать происшедшее с Флаттерсом несчастье. С 1890 г. по политическому соглашению с Англией они получили полную свободу действий в ставшей сферой их влияния западной Сахаре. Французы были охвачены стремлением укрепить свою Североафриканскую Империю, и это политическое стремление подкреплено было в 1897 г. большой денежной суммой, завещанной «для организации во внутренние части Африки экспедиций, которые помогли бы слить воедино наши нынешние владения в Алжире, Судане и Конго». Эта дата позволяет разбить покорение Сахары на два периода: до 1897 г.—разведка; после 1897 г.—полная победа.

Никаких сенсационных открытий в течение первого периода сделано не было. Выступив из Алжирии, Ж. Мери достиг в 1892 г. Темассинина, а двумя годами позже Аттану проник за этот пункт до полосы, где кончаются оазисы. В это же время ряд попыток пробраться в пустыню сделал Ф. Фуро. Начал он в 1890 г. с похода по направлению к Ин-Салаху и сумел дойти до подножья плато Тадемаит. В 1893 г. он совершил три путешествия, центральным пунктом которых был Темассинин. В следующем году он достиг Ин-Салаха с северо-востока, в 1895 г. пробрался на территорию к востоку от Темассинина, а в 1897 г.—на территорию к югу от этого поста. Вся его работа казалась напрасной, но на самом деле сыграла громадную роль, так как облегчила последующее его путешествие совместно с Лами.

Собственно, эта экспедиция Фуро—Лами (1898—1900 гг.) и повлекла за собой покорение Сахары. Путешественники выступили из Бискры почти прямо на юг и прошли через Аин-Таиба, Темассинин, Агадес до Синдера, откуда направились далее к озеру Чад, где встретились с прибывшими туда: со стороны Нигера—Мейнье и со стороны Конго—Жантилем. Путешествие потребовало огромной физической выдержки и дало ценнейшие научные результаты. Фуро производил географические, геологические и биологические наблюдения, и хотя он счел их слишком отрывочными, чтобы сделать на их основании какие-либо широкие обобщения, они все же легли в основу всего современного изучения территории между Алжирией и озером Чад. Фуро двинулся дальше поперек африканского континента и вышел к устью Конго, откуда вернулся обратно. Дальнейшее изучение Сахары отчасти следовало за военными захватами, отчасти предваряло их. Так или иначе, начиная с 1900 г., оно шло не прекращаясь. Мы можем здесь выделить лишь несколько наиболее выдающихся достижений тех многочисленных французских офицеров, трудам которых мы обязаны современному уровню наших знаний о западной части пустыни.

В 1902 г. в ходе экспедиции против туарегов Коттне совершил важное путешествие от Ин-Салаха до Иделеса в Ахаггаре, а

Гило-Лоэн в том же году проник в самое сердце этой области. В следующем году, выйдя из Туата, Лаперрин достиг Ин-Сиза, к западу от Ахаггара, а в 1904 г. в Адраре встретились прибывший с севера Лаперрин и прибывший с юга, со стороны Тимбукту, Тевеньо. В 1905 г. Готье пересек Сахару в направлении от Туата на Нигер, а Фли-Сент-Мари предпринял исследование пустыни к западу от Туата. В 1906 г. Сахару вновь пересек капитан Арно; спутником его одно время был лейтенант Кортье, и в пути с ним сомкнулись вышедшие из Судана военные отряды. Кортье остался в Адраре, тогда как Арно прошел дальше, к Гао на Нигере, откуда вышел к побережью Дагомеи. Всего он прошел более 4800 *км*, из которых 1200 *км* по совершенно неизвестной территории.

В 1906 г. пустыню в направлении от Триполи на Северную Нигерию пересек также Вискер, первый наш современник англичанин, проделавший такое путешествие.

В 1909 г. Кортье и Ньеже произвели крупные съемки в северной и центральной частях Сахары, включая плато Тазили и области Ахаггар и Аир. Была исследована новая большая территория, а в 1910 г. была выпущена первая довольно полная карта Аира.

В 1913 г. начались две крупные исследовательские экспедиции. Капитан Ожьера приступил к ряду путешествий в районе к юго-западу от Туата, продолжив тем самым работу своего предшественника—Фли-Сент-Мари. Свою работу он увенчал в высшей степени успешным путешествием 1920 г. Выступив из Алжирии, Ожьера встретился в Эль-Мазеребе, центре неизученной части западной Сахары, с прибывшим со стороны Мавритании майором Лозанном и после этого пошел дальше на Дакар. Ему удалось таким образом пересечь пустыню с северо-востока на юго-запад и исследовать одну из наименее известных ее территорий.

В это же время другой французский офицер, Тильо, о работе которого вокруг озера Чад мы уже говорили, занялся ликвидацией белого пятна далее на восток. В 1912 г. он был назначен начальником гарнизона в Канеме, откуда провел ряд успешных военных операций против сенусситов Тибести[1]. Позже он исследовал значительные территории в Борку, Эннеди и по нагорью Тибести, а в 1917 г. через Вадаи и Дарфур вернулся обратно. Работа его была чрезвычайно удачной. На протяжении всего своего пути Тильо сумел точно определить географические координаты ряда точек. В высшей степени ценные результаты его путешествия лучше всего суммировать его же словами:

«Великая географическая проблема древнего водного сообщения между бассейнами озера Чад и реки Нил теперь окончательно

---

[1] Сенусситы—мусульманское военно-религиозное общество, имевшее много приверженцев в Киренаике и в оазисах Ливийской пустыни и Восточной Сахары.—*Прим. ред.*

разрешена; гористый барьер опоясывает бассейн озера Чад от хребта Туммо на севере до Джебель-Марра на юго-востоке, охватывая массив Тибести, плато Жеф-Жеф, плоские возвышенности Эрди и Эннеди, холмы Загавы и горы западного Дарфура... Самые низкие отметки в котловине озера Чад находятся на равнинах низменности, лежащей к северо-востоку от озера Чад... Третьим крупным плодом работ экспедиции является выявление географической формы крупных горных массивов, типа Тибести и Эннеди, доныне фигурировавших на картах Африки в очень несовершенном виде, а также обнаружение другого крупного горного массива, известного под названием Эрди, играющего роль соединительного звена между двумя упомянутыми выше массивами. Собранный нами материал позволяет нам указать географам на существование в центре Ливийской пустыни еще и другого горного массива, а именно Джебель-Эль-Ауинат, лежащего в 150 милях к юго-востоку от оазиса Куфра».

Перечислив те исправления, какие он внес в прежние определения широт и долгот, а также геологические результаты своего путешествия, Тильо в следующих выражениях заканчивает свой отчет:

«Установление географической связи между Нигером, озером Чад и Нилом путем создания целой цепи астрономически точно определенных точек, приобретает тем большее значение и интерес, что, благодаря произведенной мною и моими сотрудниками на протяжении нашей долгой экспедиции съемке 10 000 *км* пути, создалась возможность составления еще четырех листов международной карты мира».

Заканчивая историю исследования западной половины Сахары, мы должны еще упомянуть о путешествиях Р. Родда в Аир и Дамергу (1922 и 1927 гг.). Во время этих двух экспедиций были определены географические координаты ряда точек, нанесен на карту ряд деталей и были проведены важные обследования антропологического характера. Как по интенсивности охвата небольшого района, так и по прекрасной организации они типичны для нашего века, когда уже миновали великие географические открытия.

Исследование восточной части Сахары велось без всякой связи с исследованием западной. Много дали изыскания основанного в 1896 г. египетского геологического управления. В 1909 и 1911 гг. В. Дж. Хардинг-Кинг проник в район к северо-западу от Хальфы в Ливийской пустыне; к востоку от Нила египетские геологи в 1904 и в последующие годы произвели ряд изыскательских работ между 22° и 25° с. ш. Еще дальше на север очень многое для познания пустынь Египта, в особенности их физической географии, дали д-р В. Ф. Юм и д-р Дж. Болл. К этим правительственным работам следует присовокупить разведку, произведенную во вре-

мя войны 1914—1918 гг. по западной границе Египта английскими офицерами и экспедициями принца Кемаля Эль-Дин-Хуссейна на запад и юго-запад от Хальфы; эти последние моторизованные экспедиции открыли много до того недоступных участков пустыни и охватили собой территорию, почти соприкасавшуюся с той, которой Тильо достиг со стороны озера Чад.

Сенсационное путешествие Розиты Форбс и А. М. Хассанейн-бея от побережья Киренаики до оазиса Куфры замечательно скорее своей удачей и смелостью, чем научными результатами, хотя путешественники шли кое-где по совершенно неизученной местности как по пути в Куфру, так и по дороге обратной — через Джагбуб и Сиву на Александрию. Сам Хассанейн-бей писал: «Мы привезли с собой журналы с простейшей, ориентированной по одному компасу маршрутной съемкой».

Хассанейн-бей не был удовлетворен и решил предпринять второе путешествие за Куфру до Судана, которое он в 1923 г. и проделал. 2 января он вышел из Соллума и через Сиву и Джагбуб прибыл в Куфру. Оттуда он отправился вначале на юго-восток, к египетской границе (которую он пересек под 25° в. д.) и потом на юго-запад к французской территории, через которую он проехал в Дарфур. 2 июля он достиг пункта Фуравийя, лежащего уже по ту сторону границы, между Вадаи и Дарфуром. Продолжая путь через Эль-Фашер, он вышел к железной дороге у Эль-Обеида и 1 августа прибыл в Каир. Путешествие имело первостепенное значение и дало ценнейшие научные результаты. Путешественник прошел не только по большей части неисследованной области, но и впервые связал изученную северную территорию с Суданом и дал, таким образом, ценное дополнение к работе Тильо. Работа Хассанейн-бея была, в свою очередь, дополнена и расширена путешествиями принца Кемаля Эль-Дин-Хуссейна, майора Р. А. Багнолда и В. Б. Кеннеди-Шоу. Для новейшей фазы географических исследований характерен тот факт, что в течение десяти лет этот отдаленный район посетили целых три экспедиции и что каждая их них шла по отчасти не изученной местности. Результатом их была ликвидация одного из самых крупных белых пятен на карте Африки, и если в пределах Сахары и остаются бо́льшие неисследованные области, вероятность новых первоклассных открытий все же весьма сомнительна.

13. Мадагаскар[1]

Хотя в XVII и XVIII вв. целый ряд путешественников побывал на Мадагаскаре и остров фигурирует в ряде увлекательных романтических произведений, география его была известна очень

[1] Об исследовании Мадагаскара см. работу *А. Грандидье*, «История географического изучения Мадагаскара» (*A. Grandidier*, Histoire de la géographie de Madagascar, 2-me éd., 1892).—*Прим. автора.*

мало. Первое сколько-нибудь ценное географическое описание Мадагаскара опубликовал в 1658 г. М. де-Флакур. Что касается XVIII в., то

«важнейшие путешествия в глубь острова совершил переводчик на французской службе, некий Майер, который между 1774 и 1785 гг. пересек северную часть острова до области, населенной народом сакалава, посетил северную оконечнсть острова и кроме того проделал два путешествия в провинцию Имерину (южную часть области, населенной народом хова). Его описания оставались в некоторых отношениях непревзойденными до конца XIX в.» (Хевуд).

В XIX в. до 1865 г. в географическом исследовании Мадагаскара нельзя отметить почти никаких успехов. В 1832 г. капитан В. Ф. Оуэн заснял берега и изучил узкие полоски территории внутри страны, а миссионеры на восточном побережье острова собрали кое-какие сведения о внутренних районах. В 1865 г. произошел перелом. На Мадагаскар приехал А. Грандидье-отец и в течение последующих пяти лет совершил несколько путешествий по острову. Он собрал более точный материал об острове, чем кто-либо из его предшественников, и дал первое научное описание основных черт его рельефа. Его работа была продолжена и дополнена в деталях католическими и протестантскими миссионерами. Из числа последних, Мюлленс посетил центральный Мадагаскар вскоре после Грандидье-отца; Шоу в 1874 и 1875 гг. проник в юго-восточную часть острова; до неизученных областей добрался также в 1876 г. Сибри; а Сюэл в 1875 г. совершил путешествие на запад из Антананариво. В 1873 г. и последующих годах католические миссионеры Ролле и Колен провели крупное научное обследование провинции Имерины и составили хорошую карту ее, а ряд отдельных исследовательских партий дал новый материал о деталях структуры побережья.

Политические осложнения повели к французской вооруженной интервенции, и к концу военных действий, в 1886 г., Франция установила свой протекторат над Мадагаскаром. Значительные успехи в изучении острова были сделаны как во время военных действий, так и после их окончания, вплоть до 1895 г. В 1889 г. Л. Ката и Ш. Местр совершили путешествие из Таматаве в Маюнгу на северо-западном побережье и, вернувшись оттуда в Имерину, добрались до Форт-Дофина на юго-восточном побережье. К этому же периоду относится работа Г. Готье, составившего физико-географическое описание Мадагаскара как на основе работ своих предшественников, так и по данным его собственных путешествий, к которым он приступил в 1892 г.

Попытка опереться на туземную власть оказалась неудачной, и в 1895 г. французы перешли к покорению острова военной силой. В 1896 г. Мадагаскар был объявлен французской колонией. Это не только имело важные политические и экономические последствия, но и привело к тому, что военные топографы под руководством Верье приступили к систематическому исследованию острова. Среди крупнейших экспедиций научного значения следует отметить путешествие Ж. Грандидье-сына (1898—1902 гг.), работа которого по южной и западной частям острова не только послужила достойным дополнением работы его отца, но и повела к открытию дотоле совершенно неизвестных областей.

Когда офицеры-топографы географического управления французской армии приступили к исследованию острова, он оставался еще практически совершенно не изученным. Даже в 1899 г. генерал Гальени, бывший губернатором Мадагаскара, говорил, что к этой категории можно отнести три четверти территории острова. Теперь этого уже нельзя сказать: весь Мадагаскар исследован, и на значительной части его западной половины произведена подробная геодезическая съемка.

Глава XV

АМЕРИКА

1. Канада[1]

Исследование западной Канады, получившее в 1763 г. новый толчок после прибытия вольных купцов, продолжалось неослабевающими темпами и в течение первой четверти XIX в. В особенности выдвинулись на этом поприще Питер Фидлер, Д. В. Хармон, Саймон Фрезер и Давид Томпсон.

В 1792 г. Фидлер занял место Тернера в качестве штатного геодезиста Компании Гудсонова залива. Годом раньше он, кажется, был деятельным помощником Тернера. Путевые журналы Фидлера потеряны, но уже по одним картам можно получить представление о его исследовательской работе. Так, известно, что он произвел съемку пути от Форт-Джорджа на Северном Саскачеване до реки Литл-Боу вблизи Скалистых Гор, заснял, быть может, все течение Южного Саскачевана или по крайней мере часть этой реки от устья Ред-Дир до пункта в 190 *км* выше слияния Южного и Северного Саскачевана (Форкс), а также реки Северный Саскачеван, Атабаску и Пис.

«Не может быть никакого серьезного сомнения в том, что Фидлер был первым европейцем, исследовавшим реку Черчилль от волока Фрог до залива. Ему принадлежит также честь исследования реки Сил от ее устья до полосы возвышенной земли, обращенной к Южному Индейскому озеру на реке Черчилль, а также озера Итони (Etawney) и реки, дающей сток его водам в Гудсонов залив» (Б а р п и).

Этот проработавший до 1821 г. способный геодезист покрыл съемками огромную площадь между озером Атабаска и Гудсоновым заливом. Большое количество собранного им материала нашло свое отражение на картах Арроусмита и Тейлора.

Человеком совсем другого типа был Хармон. В течение девятнадцати лет он много путешествовал к западу от озера Виннипег «и путешествия его покрыли почти все области нынешней Западной Канады, от озера Верхнего до северной части Британской Колумбии и от южной границы Канады до Большого Невольничьего Озера» (Б а р п и). Хармон провел ряд лет в качестве

[1] По этому разделу см. *Барпи* «Поиски Западного моря» (*L. J. Burpee* The Search for the Western Sea, 1908).—*Прим. автора.*

служащего Северо-Западной компании в верховьях Ассинибойна и на реке Суон и много бродил по западным равнинам. После 1807 г., став уже самостоятельным торговцем, он посетил реку Пис, пересек Скалистые Горы и собрал большой общий материал как о стране, так и о ее населении. Составленная им карта базируется на карте Маккензи, но в ней фигурирует много дополнений и исправлений. Несмотря на некоторые совершенно явные ошибки, в момент ее опубликования (1820 г.) она являлась, повидимому, самой полной и точной картой северной половины континента.

Главный подвиг Саймона Фрезера запечатлен в названии одной из наиболее известных рек Северной Америки—реки Фрезер. Так же как и Хармон, он был служащим Северо-Западной компании. К своему важнейшему предприятию в качестве исследователя Фрезер приступил в 1805 г., когда он основал небольшой пост на озере Мак-Леод, входящем в систему реки Парснип. В следующем году он и его помощник Джон Стюарт открыли несколько озер и рек, имевших сток в реку Фрезер, в том числе озеро Фрезер, реку Нечако, реку Стюарт и озеро Стюарт. В 1807 г. у слияния рек Нечако и Фрезер он основал Форт-Джордж и отсюда занялся изучением течения самой реки Фрезер, которую он сам и его современники принимали за реку Колумбию. Несмотря на большие трудности, ему удалось проследовать по Фрезеру до той точки, вблизи которой стоит современный город Нью-Вестминстер. Определив, что он находится под 49° с. ш., Фрезер понял, что он был не в устье Колумбии. Убитый своей мнимой неудачей, а также тем, что он не вышел к морю, Фрезер повернул обратно на север. Хотя открытие его было, относительно говоря, бесполезно, оно явилось плодом путешествия, в ходе которого Фрезер проявил такое мужество и находчивость, что они дают ему весьма видное место в летописях географических исследований.

Работа Давида Томпсона имела много точек соприкосновения с работой Фидлера, Хармона и Фрезера и, без сомнения, имела еще гораздо большее значение. Томпсон так много путешествовал, а съемки его отличаются таким совершенством, что часть его карт до сих пор остается непревзойденной. Он поступил на службу Компании Гудсонова залива в 1785 г. и начал свою деятельность в качестве геодезиста в 1789—1790 гг., когда произвел точное определение географических координат Камберленд-Хауса. В 1790 г. он произвел съемку реки Саскачеван до ее устья, после чего проследовал обычным путем до реки Хейс и Гудсонова залива. В 1792 и 1793 гг. он произвел съемку реки Нелсон и части реки Черчилль, а в течение остальных лет своей службы в Компании Гудсонова залива он положил много трудов на изучение области между Камберленд-Хаузом

и Йорк-Фактори, и на этой территории проделал и заснял множество маршрутов.

В 1797 г. Томпсон перешел на службу к Северо-Западной компании и именно на службе у последней совершил свои самые значительные путешествия. Первое его путешествие на службе этой компании замечательно своим размахом. Он вышел из Камберленд-Хауса 27 июня, направился к волоку Гран-Портаж, близ западного конца Верхнего озера, которого и достиг примерно через месяц. Выйдя с Гран-Портажа 9 августа, Томпсон вернулся к озеру Виннипег, пересек его, а также озеро Манитобу, достиг озера Виннипегозис и поднялся вверх по долине реки Суон. После этого он произвел съемку рек Ассинибойн и Ред-Дир до их истоков, а 28 ноября выступил по направлению к реке Миссури. В последний день декабря он достиг «последней деревни племени мандан», и по этому поводу мы находим следующую запись в его путевом журнале:

«Мы затратили тридцать три дня для того, чтобы совершить путешествие, на которое при хорошей погоде было бы достаточно десяти дней, но зато я получил возможность по дороге к реке определить широту шести и долготу трех различных точек. Всего мы прошли 238 миль»[1].

Обратное путешествие к реке Ассинибойн продолжалось с 10 по 24 января, после чего, как говорит Томпсон, «целые три недели я потратил на обработку данных тех астрономических наблюдений, которые я сделал на пути к реке Миссури и обратно, а также чтобы изготовить карту снятого мною пути. Все это вместе с моим путевым журналом я запечатал и отослал в управление Северо-Западной компании». К 26 февраля он был вновь готов к выходу в путешествие. Он проследовал по реке Ассинибойн до ее устья, свернул на Красную реку (Ред-Ривер) и достиг торгового поста, который, по его измерениям, лежал под 48° 58′ 24″ с. ш.

«Этот дом,—записал Томпсон,— лежит уже в пределах государственной границы Соединенных Штатов. Я указал, где проходит пограничная линия, за которую [к северу] следует передвинуть дом, и правильность этой проведенной мною линии была подтверждена несколькими годами позже майором Лонгом».

---

[1] *Тиррелл.* «Повествование Давида Томпсона о его исследованиях в Западной Америке» (*J. B. Tyrrell*, «David Thompson's Narrative of his Explorations in Western America», 1916). Это издание «повествования» Томпсона является основным источником сведений о его работе и широко использовано здесь нами. См. также короткую, но толковую биографию Томпсона в серии «Канадцы в действии» («Canadian Men of Action»), написанную *Кокрэном* (*C. N. Cochrane*, 1924).—*Прим. автора.*

Несколько выше по долине, уже на самом берегу реки Ред-Лейк, Томпсон нашел торговый пост Северо-Западной компании и прожил в нем короткое время. Весенняя распутица лишила его возможности ехать на санях с собаками, а ледоход задержал навигацию по рекам, но все же после тяжелого девятнадцатидневного путешествия ему удалось достигнуть озера Тертл, из которого, по его мнению, вытекает река Миссисипи. На самом же деле Миссисипи вытекает из озера Итаска, лежащего несколько южнее озера Тертл.

Томпсон спустился на короткое расстояние вниз по Миссисипи, повернул на восток по направлению к реке Сент-Луис и достиг озера Верхнего. Он произвел съемку его южного побережья до Су-Сент-Мари, после чего повернул обратно к волоку Гран-Портаж, до которого и добрался 7 июня 1798 г., почти ровно через год после выступления в путь из Камберленд-Хауса. 14 июля он вновь выступил в поход, поднялся до озера Иль-а-ла-Кросс и отсюда произвел съемку реки Бивер до озера Ла-Биш, где и зазимовал.

1799 год Томпсон посвятил большому путешествию еще дальше на запад. Он посетил Форт-Саскачеван на Северном Саскачеване, а оттуда повернул на северо-запад к реке Пембине. По ней он проследовал до Малого Невольничьего озера, съемку которого и произвел. Вернувшись по реке Атабаска к Форт-Мак-Маррей, он достиг озера Иль-а-ла-Кросс и оттуда обычным путем добрался до волока Гран-Портаж. После этого он вернулся на реку Саскачеван и зазимовал в Форт-Джордже.

Год 1800 он уделил главным образом съемке местности вокруг верховьев обоих истоков Саскачевана и реки Боу. Помощником Томпсона в этой работе был Дункан Мак-Гилливрей, чьи материалы по Северному Саскачевану Томпсон использовал в своей карте. В 1801—1803 гг. путешествия Томпсона отличались меньшим размахом. Он опять много работал по верховьям Саскачевана. В 1802 г. он произвел съемку пути от Малого Невольничьего озера до реки Пис и здесь, в старом маккензиевом Форкс-Форте, провел большую часть следующего года.

Важнейшей работой Томпсона в 1804 и 1805 гг. было общее изучение лежащей к северо-востоку от Камберленд-Хауса области, которую он сам называл «областью ондатры». В отдельных частях этой области так никто после Томпсона до сих пор и не побывал, и когда в 1896 г. исследованиями здесь занимался Дж. Тиррелл, он мог опираться только на карту Томпсона.

Большую часть 1806 г. Томпсон провел в товарообменных операциях с индейцами в Роки-Маунтен-Хаусе, расположенном в верховьях Северного Саскачевана, и в подготовке к путешествию на запад от Скалистых Гор, которое его хозяева велели ему совершить в интересах расширения пушного промысла.

10 мая 1807 г. Томпсон выступил из Роки-Маунтен-Хауса, поднялся по Саскачевану, перевалил через Скалистые Горы (через проход Хаус) и вышел к реке Колумбии, по которой поднялся до пункта у 50° 32′15″ с. ш., где и построил Кутеней-Хаус и зазимовал. На следующий год он проследовал по реке Кутеней до южного конца озера Кутеней, откуда повернул на северо-восток и по долине реки Мойи вновь вышел к реке Кутеней. Отсюда он поднялся по Кутенею до Колумбии, спустился вниз по ней до Блюберри, где перевалил через Скалистые Горы, и прошел к Камберленд-Хаусу. К концу октября он вновь вернулся на Колумбию и перезимовал в Кутеней-Хаусе. В 1809 г. он перенес свою главную исследовательскую деятельность далее на юг, сделав центром ее достигнутое им в сентябре озеро Пан-д'Орей. Он исследовал реку, вытекающую на западе из озера, и после этого прошел в обратном направлении на юго-восток по долине реки, впадающей в это озеро. В долине реки Салиш он построил пост, где и зазимовал и откуда на следующий год совершил большое путешествие. Он сделал было попытку совершить плавание через озеро Пан-д'Орей и по реке того же имени, чтобы вернуться на восток по реке Колумбии, но, выяснив невозможность этого, воспользовался рекой Кутеней. На обратном пути 10 января 1811 г. он открыл проход Атабаска.

«Весь день шел снег и дул сильный южный ветер, но после полудня погода прояснилась. Перед нами высилась крутая, засыпанная глубоким снегом гора, служившая, как видно, водоразделом между бассейнами Атлантического и Тихого океанов. Вид ее привел меня в состояние возбуждения и радости, моих же невежественных спутников она повергла в уныние. Ведь они не собирались решать никаких научных проблем и жили лишь сегодняшним днем... Множество мыслей теснилось в моем мозгу; передо мной открылся своего рода новый мир, и я поставил себе целью добраться до Тихого океана еще до конца августа... На следующий день рано утром мы начали спуск и скоро обнаружили, что меняется не только климат, но в еще большей степени лесные породы».

Так Томпсон открыл тот проход, которому суждено было в течение многих лет служить главным путем к реке Колумбии с востока. Томпсон достиг Колумбии у впадения в нее реки Каноэ. После некоторой задержки он проследовал вверх по Колумбии и далее, вниз по реке Кутеней до Салиш-Хауса. После этого он переплыл озеро Пан-д Орей, спустился вниз по Кларк-Форку, направился через Спокан-Хаус к Колумбии, вышел к ней у порогов Кетл и 15 июля достиг Астории в семи милях от ее устья.

«На следующий день, —записал Томпсон, —в каноэ, я с моими людьми достиг мыса Дизэпойнтмент, где река впадает в океан,

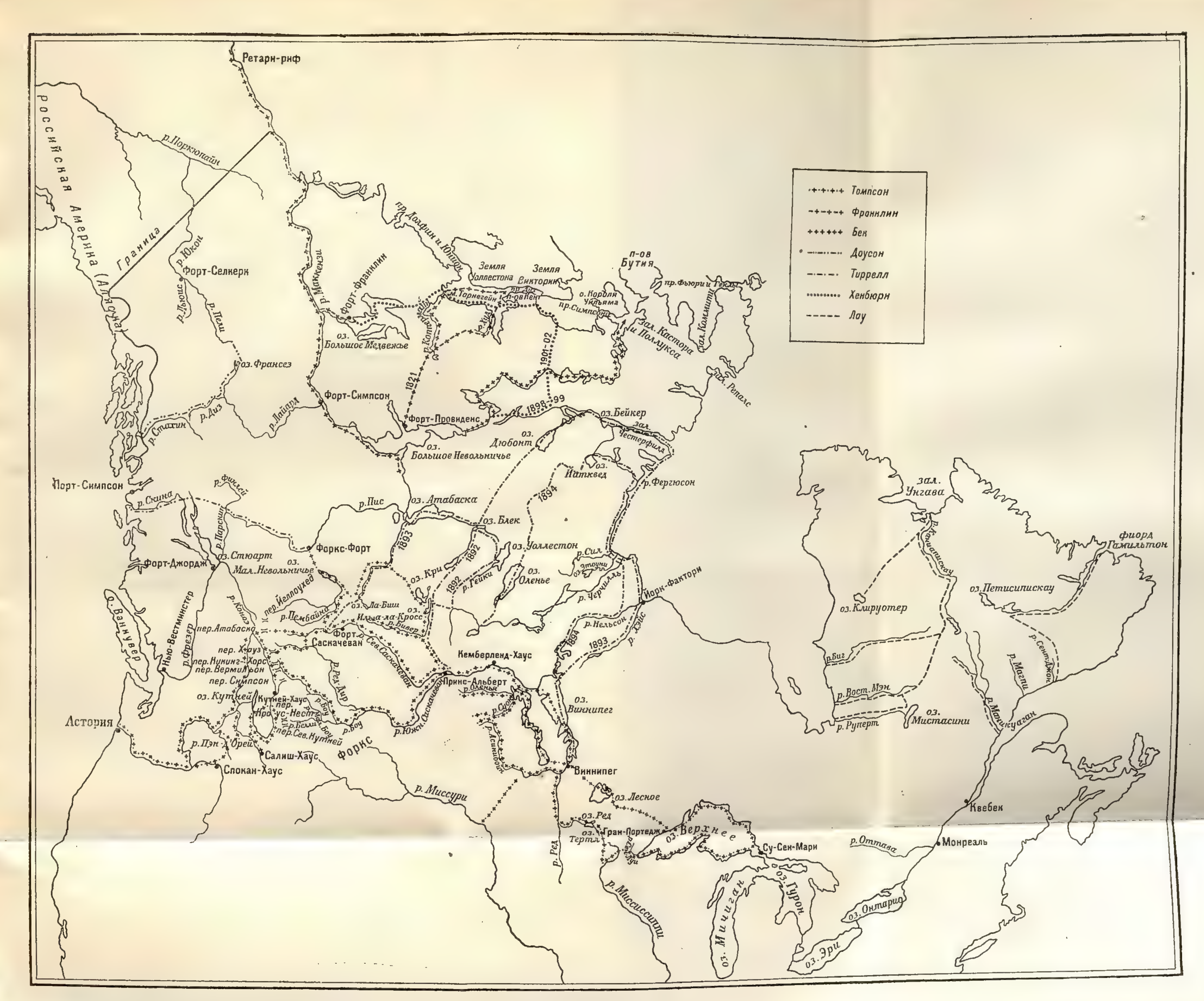
и дождался там прилива. Теперь я могу сказать, что я полностью закончил съемку этой части Америки от моря до моря. Путем, можно сказать, бесчисленных астрономических наблюдений я определил положение гор, озер, рек и других важных черт этой северной части континента. Все эти места я нанес на карты в соответствии с их точным географическим положением, и вся работа в совокупности отняла у меня двадцать семь лет».

Назад Томпсон вернулся верхом, к порогам Кетл, а от них поднялся по реке до устья Каноэ. Тем самым он закончил съемку всего течения реки Колумбии.

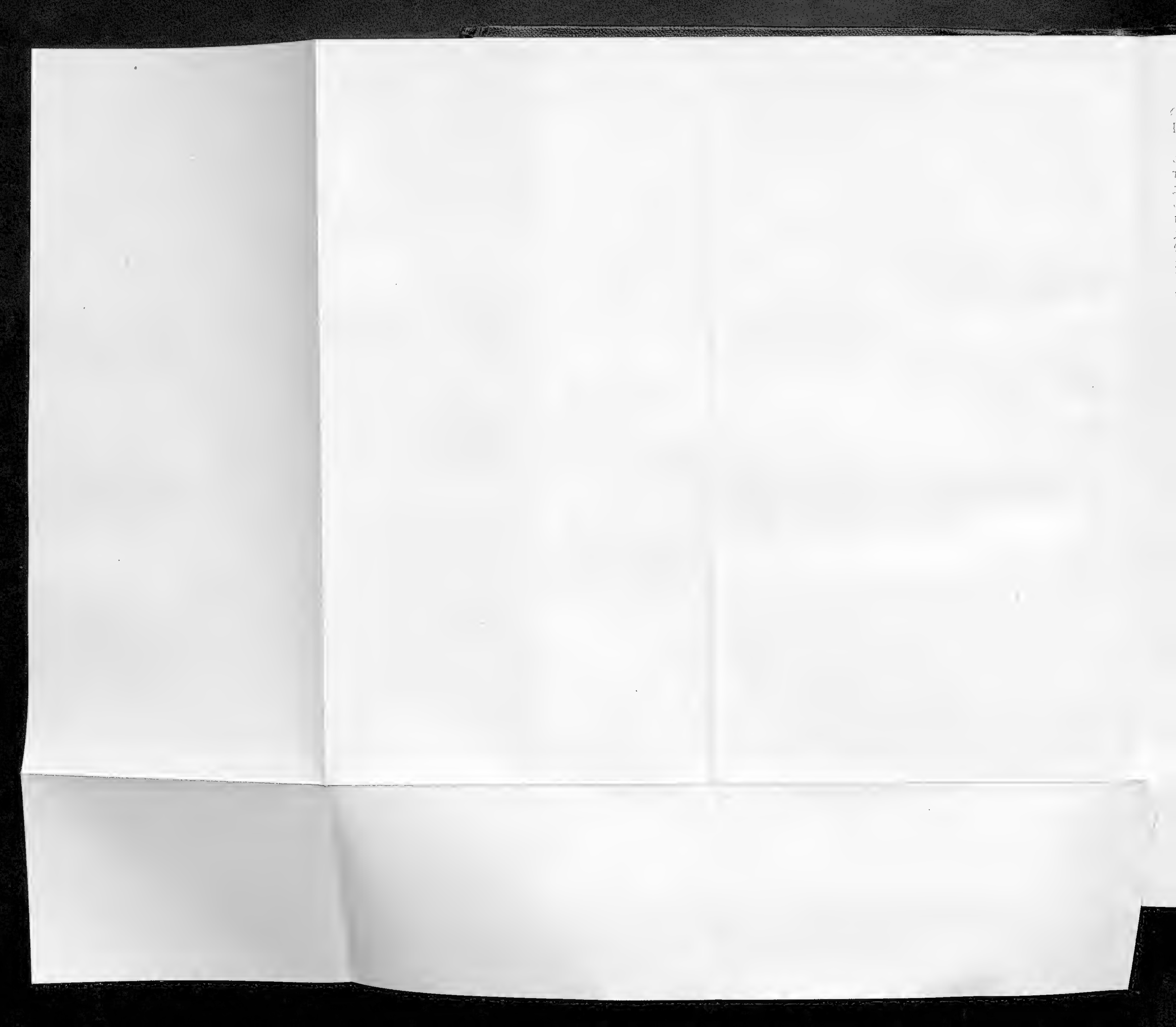
Но и на этом труды Томпсона ни в коей мере не кончились. К концу англо-американской войны он был назначен английской стороной членом комиссии по съемке границы от реки Св. Лаврентия до Лесного озера. Этой работой он занимался в течение десяти лет, до 1826 г., когда он вышел в отставку. Но нужда заставила Томпсона вновь поступить на работу, и в последний период своей жизни он успел ещё произвести маршрутную съемку пути с лодки от озера Гурон до реки Оттава и берегов озера Сент-Питер. Он умер в нищете в феврале 1857 г.

Томпсон был одним из крупнейших исследователей всех времен и, пожалуй, самым крупным исследователем Нового Света. Он не знает себе равных ни в отношении покрытых им расстояний, ни пережитых лишений, ни точности работы. По произведенным подсчетам, в ходе своих путешествий он проделал 80 000 *км*, значительная часть которых приходится на совершенно не известную до него территорию. Его достижения в особенности вырастают в наших глазах, когда мы вспоминаем, что географические исследования были для него лишь случайным или побочным занятием, главным же делом была дававшая ему хлеб работа по заготовке мехов для пушной компании. Выходя в отставку, он предложил выпустить карту, в которой были бы отражены труды как его самого, так и других лиц, занятых на том же поприще, но, повидимому, охотников подписаться на такого рода карту нашлось слишком мало, и карта так никогда и не увидела света. Не удалось ему опубликовать ни своего «Повествования», ни «Путевых журналов», так что великий его труд остался не известным его современникам и получил достойную оценку лишь за последние годы.

Прежде чем перейти к другим областям Канады, закончим очерк исследования юго-запада. К 1828 г. Симпсон выступил из Йорк-Фактори и достиг истока реки Пис. После этого он прошел через волок к реке Фрезер и совершил плавание вниз по ее течению. В том же году Финлей проследил течение северного истока реки Пис, носящего с тех пор его имя. В 1841 г. Симпсон совершил еще одно трансконтинентальное путешествие, перевалил через



39. Канада после 1800 г.



Скалистые Горы проходом Симпсона и спустился вниз по долине Колумбии.

В 1857—1860 гг. совершила свой поход экспедиция под начальством капитана Пеллизера. Ей было вручено предписание, в котором поручалось, *между прочим*, «выяснить, имеются ли в пределах британской территории удобный проход или проходы к югу от того уже известного прохода, что лежит между горой Браун и горой Хукер». В 1857 г. экспедиция исследовала местность между Виннипегом и государственной границей вплоть до 105° з. д. Следующий год экспедиция провела в области между Северным и Южным Саскачеваном и открыла четыре прохода: Кикинг-Хорс, Вермильон, Краус-Нест и Северный Кутней. Экспедиция проработала еще два года и дала многое для детального изучения канадского юго-запада в пределах Британской Колумбии и Альберты.

В 1862 г. лорд Милтон и В. Б. Чидл предприняли экспедицию с целью «изыскания пути в Британскую Колумбию через весь континент по территории Канады и через один из северных проходов в Скалистых Горах». Путешественники перевалили горы проходом Йеллоухед и спустились вниз по реке Норт-Томпсон. Экспедиция пришла к заключению, что по этой трассе без большого труда можно было бы построить дорогу и что она во многих отношениях превосходит все до сих пор более известные трассы[1].

На дальнем западе в промежуток между путешествиями Томпсона и экспедицией Чидла—Милтона было выявлено много новых деталей. В 1834 г. служащий Компании Гудсонова залива Мак-Леод поднялся по реке Лайард до озера Симпсон на современной территории Юкон и по реке Диз до одноименного озера, откуда добрался до верховьев реки Стахин. Еще далее к северу Кемпбелл совершил путешествие от озера Франсес к реке Пелли, а в 1843 г. спустился по ней до ее слияния с рекой Льюис. Здесь он построил Форт-Селкерк и в 1850 г. спустился по реке Юкон к устью открытой в 1842 г. Веллом реки Поркюпайн[2], поднялся по ней, перешел на реку Маккензи и по ней поднялся до Форт-Симпсона у устья реки Лайард.

Пока, таким образом, шло выявление общей структуры рельефа Канады, основанное в 1840 г. геолого-разведочное управление начало заниматься его детализацией. Один из наиболее одаренных сотрудников этого ведомства, некто Д. М. Доусон, ранее работал в должности геолога в североамериканской комиссии по демаркации границы и занимался геологической разведкой вдоль 49° с. ш. от Лесного озера до Тихого океана. В 1875 г. он перешел

[1] Проход был открыт около 1827 г.; железная дорога прошла по нему в 1910 г.—*Прим. автора.*

[2] Северный приток Юкона, впадающий в него у полярного круга; верховье и среднее течение—на канадской территории; устье—на Аляске (Форт-Юкон).—*Прим. ред.*

на изучение Британской Колумбии и Северо-Западных территорий. До 1878 г. он работал в первой из этих провинций, исследуя центральный район вокруг верховьев реки Фрезер. В 1877 и 1878 гг. он работал на острове Ванкувер, значительные внутренние районы которого уже исследовал в 1863—1865 гг. Р. Браун. В 1878 г. Доусон отправился в Манитобу для изучения рек Ред-Ривер и Ассинибойн. Вернувшись в область реки Пис и северную Британскую Колумбию, он произвел изыскания трассы пути от Порт-Симпсона по западному побережью (по рекам Скина и Пис) до Эдмонта. В 1880—1882 гг. им была произведена съемка рек Боу и Белл, в 1882—1884 гг.—отдельных частей западных Скалистых Гор и хребта Селкерка. В 1887—1888 гг. Доусон совершил одну из своих самых известных экспедиций, на этот раз на территории Юкон, и ему и его помощникам Мак-Коннелу и Мак-Эвою принадлежит честь подлинного открытия и описания этого района.

Исследование Скалистых Гор затянулось на долгое время из-за их недоступности. На них побывали Томпсон и кое-кто из других ранних путешественников, частью их осмотрела экспедиция Пеллизера, пришедшая к заключению, что удобного прохода через горы там нет. Однакоже после включения Британской Колумбии в состав доминиона Канады возникла необходимость—в осуществление соглашения между правительствами Канады и Британской Колумбии—проложить железнодорожный путь через Канаду. Изыскания трассы железной дороги сильно подвинули вперед изучение Скалистых Гор, а с открытием в 1886 г. сквозного движения по Канадской Тихоокеанской железной дороге вся эта область стала гораздо доступнее. Начавшаяся в связи с этим новая эра исследования Скалистых Гор открылась экспедицией Доусона, результаты которой были опубликованы в 1886 г. В том же году Р. Дж. Мак-Коннел исследовал проход Боу-Ривер и прилегающий к нему район.

Необходимость производства съемок в других областях Канады вынудила геодезистов отказаться от изучения Скалистых Гор, но все же дальнейший шаг вперед в этой области был сделан в результате путешествия А. П. Колмена и Дж. Н. Колли. Первый из них в 1892 и 1893 гг. исследовал горную цепь в области гор Браун и Хукер. Колли провел в 1897—1902 гг. четыре экспедиции и вновь приехал в 1910 г. для окончания работы. В ходе своих первых четырех путешествий он исследовал значительную часть возвышенной местности между Лагганом и верховьями реки Атабаски, последняя же его экспедиция (1910 г.) работала в районе прохода Йеллоухед, через который только что была проложена железная дорога.

К северу от горы Робсон все еще имеется значительная область, остающаяся мало изученной, несмотря на работу Д. Б. Милли-

гана, исследовавшего в 1913 и 1914 гг. территорию в 32 000 *кв. км* в области реки Пис.

Очертания всего северного побережья Америки стали известны в первой половине XIX в. В самом начале столетия Херн, Маккензи и Кук коснулись его в трех точках. Дальнейшим своим исследованием побережье обязано главным образом стремлениям разрешить вопрос о Северо-западном проходе[1].

Первая экспедиция Франклина (1819—1821 гг.) проложила новый путь от Форт-Провиденса на Большом Невольничьем озере до устья реки Коппермайн, где и приступила к выполнению главного возложенного на нее задания. Оно заключалось в том, чтобы «исследовать северное побережье Америки к востоку от устья реки Коппермайн». Это задание было выполнено, и все побережье на 285 *км* к востоку от этой точки вплоть до Мыса Тарнэгейн было нанесено на карту. Работа была настолько сложна, что для съемки такого короткого отрезка побережья отряду пришлось совершить ряд плаваний общим протяжением в 1030 *км*. Пороги на реке Худ не дали экспедиции возможности вернуться этим путем и ей пришлось совершить долгий и трудный переход к Форт-Провиденсу. Продовольствие у отряда вышло, некоторые участники погибли, и жизнь оставшихся в живых была спасена лишь благодаря дружеской помощи со стороны индейцев.

В 1825—1826 гг. Франклин вышел на север с новой экспедицией. Он поставил себе целью «пройти сухим путем к устью реки Маккензи, оттуда совершить плавание до крайней северо-западной оконечности Америки, а также произвести съемку участка побережья между устьями рек Маккензи и Коппермайн». Его спутники по первому путешествию, Джон Ричардсон и Джордж Бек, сопровождали его и на этот раз; новым членом экспедиции был только Э. Н. Кендолл. Отряд прошел от Порт-Франклина на Большом Медвежьем озере к реке Маккензи и, дойдя до ее дельты, разделился. Франклин и Бек поплыли на запад и достигли рифа Ритарн (Возвращения) под 148°15′ з. д., Ричардсон же и Кендолл пошли по восточному рукаву и исследовали побережье вплоть до реки Коппермайн. Они открыли Землю Уоллестона и дали названия своих двух судов—«Дельфин» и «Юнион»—проливу, отделяющему ее от материка.

В 1826 г. спутник Бичи, Элсон, обогнул мыс Айси и достиг мыса Барроу в 260 *км* от достигнутого Франклином рубежа.

В 1833 г. Джордж Бек вернулся на север и совершил плавание от Большого Невольничьего озера вниз по реке Грейт-Фиш до побережья. Он видел пролив Симпсона и остров Короля Вильяма, но не сумел достичь мыса Тарнэгейн (1834 г.).

[1] По этому вопросу см. «Арктические походы Джона Франклина», изд. ГУСМП, 1937, гл. II—IV. *Прим. ред.*

Следующими по времени были путешествия двух служащих Компании Гудсонова залива—П. В. Диза и Т. Симпсона, проведших 1837—1839 гг. в съемке до тех пор не известной части северного побережья. В первый год своей работы они занялись съемкой недостававшего звена между открытиями у мыса Барроу и рифом Ритари. В 1838 г. они спустились по реке Коппермайн до Ледовитого океана и достигли пролива Диз, откуда завидели Землю Виктории. В ходе обратного путешествия от реки Коппермайн они добрались до точки, ранее достигнутой Беком. Симпсон продолжал путь дальше и достиг залива Кастора и Поллукса, а также исследовал южный берег Земли Короля Вильяма. Оба они, Диз и Симпсон, опираясь таким образом на опыт Франклина и его спутников, проделали в высшей степени удачную работу.

Неожиданная кончина Симпсона прервала на время дальнейшие исследования, но в 1846 г. Компания Гудсонова залива вновь взялась за них, поручив их на этот раз Джону Рэ (Rae). В 1846 г. он прошел из залива Рипалс по суше до залива Коммити, но дальше пробиться не смог. На следующий год Рэ на санях исследовал западный берег залива, а к концу года—восточный и почти добрался до проливов Фьюри и Геклы. «На этом, собственно, закончилось исследование североамериканского побережья. Неисследованными остались лишь северо-западные берега Бутиа-Феликс и юго-восточная часть Земли Короля Вильяма» (Грили)[1]. Эти белые пятна на карте были частично заполнены в ходе поисков Франклина[2] и совершенно ликвидированы в результате исследования Холлом недостававшего звена между точкой, достигнутой Рэ в 1845 г., и Парри в 1825 г. в проливах Фьюри и Геклы.

С тех пор не одна научная экспедиция побывала на отдельных отрезках северного побережья и исправила не одну ошибку более ранних путешественников, а канадская арктическая экспедиция 1914—1916 гг. произвела новую съемку всего побережья на запад от полуострова Кент до границы с Аляской.

Та часть Канады, что лежит к югу от побережья Ледовитого океана и к востоку и северу от уже описанных районов, оставалась до совсем недавнего времени почти совершенно неизвестной. Долго живший на севере (1863—1878 гг.) французский миссионер Э. Ф. Сен-Птито дал кое-что для познания бассейна Маккензи и Больших Медвежьего и Невольничьего озер, а Франклин и его спутники составили довольно точные карты областей, которые они посетили. В 1887 и 1888 гг. Мак-Коннел уточнил материалы по областям, прилегающим к рекам Маккензи, Невольничьей и Лаярд; в 1899 г. Р. Белл обследовал Большое Невольничье

[1] См. *Грили*, «Справочник по полярным открытиям» (A. W. Greely, «Handbook of Polar Discoveries», 4th ed. 1910).—*Прим. автора.*

[2] См. ниже, гл. XVII, раздел 3.—*Прим. автора.*

ничье озеро, а в 1900 г. Д. М. Белл продолжил съемку от этого озера до Большого Медвежьего. Новейшая[1] съемка Большого Невольничьего озера, произведенная в 1922—1924 гг. Д. Г. Бланшетом, выявила много неточностей в предшествовавших работах. В последние годы (1921 г.) за съемку долины Маккензи очень активно взялось топографическое управление канадского министерства внутренних дел.

Много поработали по съемке области к востоку от долины этой реки Дж. Б. и Дж. У. Тирреллы. В 1892 г. первый выступил из Принс-Альберта на реке Саскачеван и прошел через озера Иль-а-ла-Кросс и Блек до восточного конца озера Атабаска, откуда по озеру Уоллестон и реке Гейки вернулся обратно.

«За рабочий сезон мы прошли съемкой 1300 миль новых маршрутов, из которых по 540 милям никогда не ступала нога европейца; 260 миль мы проделали без всякого проводника, ориентируясь исключительно по приборам».

В следующем году оба Тиррелла произвели съемку северного берега озера Атабаска, после чего проследовали к озеру Блек, откуда направились в совершенно неисследованные дебри, «руководясь единственно полученной за год до того маленькой индейской картой». Путь их лежал на северо-восток по образующим почти сплошную цепь водным путям к озеру Дюбонт, озеру Бейкер и заливу Честерфилд. От устья последнего они проследовали по берегу Гудсонова залива до Черчилля, совершили переход сушей до Йорк-Фактори и по рекам Хейс и Хилл добрались до северного конца озера Виннипег. На санях они проехали до южного конца замерзшего озера и в январе 1894 г. достигли Виннипега. Вот что записал Дж. Б. Тиррелл о результатах работы обоих:

«В ходе экспедиции мы покрыли, не считая езды по железной дороге, 3200 миль пути, из которых 2150 миль—на каноэ, 610 миль на лыжах, 350 миль—на санях с собачьей упряжкой и 100 миль—конным гужом». Были проделаны большие маршрутные съемки, «семьсот семьдесят миль по озерам... двести семьдесят две мили по рекам и триста шестьдесят миль по открытым берегам залива Честерфилд и Гудсонова залива». Попутно велись геологические и ботанические наблюдения.

В 1894 г. Дж. Б. Тиррелл совершил третье путешествие в ту же область, причем на этот раз он направился от Оленьего озера (Рейндир) к озеру Яткайед и далее по реке Фергюссон и Гудсонову заливу. От Черчилля он прошел сухим путем до реки Нелсон к северному концу озера Виннипег. Всего за какие-нибудь семь месяцев он проделал 4800 *км.*

---

[1] В настоящее время эта съемка уже отнюдь не может быть названа новейшей.—*Прим. ред.*

Новые детали по этому району дал Д. Т. Ханбери, совершивший два обширных путешествия в 1898—1899 и 1901—1902 гг. Он проследовал от Большого Невольничьего озера до залива Честерфилд и от устья реки Дюбонт в северном направлении до моря, далее вдоль побережья на запад и обратно внутрь страны к Большому Невольничьему озеру.

Кое-какие обрывки сведений дал ряд последующих путешествий. Всем известны большие путешествия Стефансона и его ожесточенная кампания против выражения «бесплодные земли»[1]

Следующим путешественником, который может похвалиться серьезной работой, является Дж. Кил, исследовавший в 1907 г. большую территорию между бассейнами рек Юкон и Маккензи. Большие успехи сделаны за последнее десятилетие. Воздушная разведка и аэрофотосъемка охватили огромные районы, в которых никогда не бывали европейцы. Экономическая миссия майора Л. Т. Баруоша (1925—1928 гг.) охватила область от реки Маккензи до залива Рипалс и особенно ценна тем светом, который она проливала на быт эскимосов. Точно так же много материала дали биологические исследования Г. Б. Хора (1924—1926 и 1928 гг.), А. Э. Порсилда (1926 и 1929 гг.) в бассейне реки Маккензи и полевая работа руководимого д-ром Р. М. Андерсоном южного отряда канадской арктической экспедиции 1917—1918 гг. Далее, детальные обследования небольших по размеру районов были проделаны чиновниками канадского геолого-разведочного управления, в особенности с тех пор, как постройка железной дороги к Гудсонову заливу открыла некоторые возможности экономической эксплоатации Канадского Севера. Хотя остается сделать еще очень и очень много, в особенности в отношении точного картографирования, ощущаемый в наше время интерес к тем областям, которые когда-то иначе как «бесплодными» не назывались, приводит нас к заключению, что Северная Канада скоро будет вся полностью исследована[2].

В противоположность северо-западу Канады большая часть Лабрадора остается все еще неисследованной. В начале XIX в. в прибрежных районах и нескольких пунктах неподалеку от побережья побывали кое-какие отдельные экспедиции, из которых следует отметить работу Мак-Лина, пересекшего в 1838 г. Лабрадор от залива Унгава до залива Гамильтон, и в 1839 г. повидавшего водопад Гранд-Фолс на реке Гамильтон. В 1861 г. Х. Хайнд проник далеко в глубь Лабрадора с юга по реке Мойзи. Однакоже почти всеми нашими сведениями о Лабрадоре, кроме побережий, мы обязаны большим путешествиям А. П. Лоу, совершенным

[1] См. *Стефансон*, «Гостеприимная Арктика», русский перевод, Географгиз, 1948.—*Прим. ред.*

[2] О более поздних экспедициях см. стр. 537. *Прим. автора.*

между 1884 и 1904 гг. Он проследил течение реки Руперт от озера Мистассини до ее впадения в море; исследовал реки Ист-Мейн, Биг и Каниапискау; поднялся по заливу и реке Гамильтон до озера Малого Сикапау и оттуда проследовал на юг к реке Св. Лаврентия у впадения в нее реки Сент-Джон; поднялся по реке Маникуаган до ее истоков и произвел съемку пути от озера Клируотер до залива Унгава. Кое-что к составленным на базе работы Лоу картам прибавили и другие, но, как это ярко продемонстрировал недавний пограничный спор между Ньюфаундлендом и Квебеком[1], настоящая исследовательская работа едва началась, и внутренний Лабрадор остается фактически неизвестной страной[2].

2. Соединенные Штаты[3]

Пока множество путешественников-пионеров вносило важные вклады в изучение области между Аппалачскими горами и рекой Миссисипи, Джонатан Карвер, выйдя в 1776 г. из Бостона и следуя через Олбени, Форт-Ниагара и Мачиллимакинак, достиг озера Мичиган. Он переправился через озеро, поднялся по реке Фокс до реки Висконсин и спустился по этой последней к Миссисипи. После этого он поднялся по Миссисипи до водопада Сент-Антони и перезимовал у индейцев на реке Миннесота. Весной 1767 г. он проделал дальнейшее путешествие к западу от озера Верхнего, но не смог выполнить задуманное им предприятие из-за недостатка продовольствия.

«Я хотел, главным образом,—писал он,—после того как изучу обычаи, поведение, языки, почвы и естественные богатства территорий различных племен, живущих за рекой Миссисипи, определить ширину северо-американского континента... в самой широкой его части, между 43 и 46° с. ш. В случае если бы мне удалось осуществить мой замысел, я намеревался обратиться к правительству с предложением основать в этих новых местах вблизи пролива Аниан какой-либо пост».

В уме Карвера слились мифическая «Западная река» с рекой, названной им «Ореган», которую, без сомнения, следует считать Колумбией. Он заручился кое-какой поддержкой для второго путешествия на эту реку, но ему не удалось совершить его. Правдивость Карвера стоит под сомнением, и действительно,

[1] Граница между провинциями Канады Ньюфаундлендом и Квебеком на Лабрадоре установлена в 1927 г.—*Прим. ред.*

[2] В 1928 г. Г. Д. Уоткинс много потрудился в деле изучения реки Гамильтон и прилегающей местности.—*Прим. автора.*

[3] Помимо работ, упоминаемых далее в примечаниях под текстом, см. также *Гилберт*, «Исследование Западной Америки» (*E. W. Gilbert*, «The Exploration of Western America», 1933).—*Прим. автора.*

часть его описаний, повидимому, является простой компиляцией. Если он на самом деле совершил свое путешествие, то он был первым говорящим по-английски исследователем территории к западу от реки Миссисипи.

Несколько позже с грандиозным планом пересечь североамериканский континент из залива Нутка выступил Джон Ледьярд и даже приступил к его осуществлению. Он проехал большое расстояние по территории Сибири в направлении к Камчатке, но русское правительство аннулировало выданное ему разрешение, и ему пришлось бросить свое предприятие. Известна последующая деятельность Ледьярда в качестве путешественника по Африке[1], но никто более не возрождал его плана пересечь американский континент с запада на восток.

В начале XIX в. политические события в Америке приковали внимание правительства Соединенных Штатов к тем возможностям, что открывала, и опасностям, что таила в себе продолжавшаяся неосвоенность Запада[2]. 18 января 1803 г. Джефферсон, уже до того проявивший интерес к проекту Карвера, обратился со специальным посланием к конгрессу, в котором ходатайствовал об ассигновании 2500 долларов формально «на дело расширения внешней торговли Соединенных Штатов», а на самом деле на посылку экспедиции для исследования северо-запада. Такого рода маскировка, писал он, «нужна, чтобы не привлекать излишнего внимания и обезопасить ее от тех препятствий, какие заинтересованные лица в противном случае могли бы поставить на ее пути».

Руководство экспедицией было возложено на капитанов М. Льюиса и Вильяма Кларка[3].

«Целью вашей миссии, —говорилось во врученном им письменном предписании, —является исследование реки Миссури и тех ее важнейших притоков, которые по направлению своего течения и связям с другими водными путями, имеющими сток к Тихому океану, будь то Колумбия, Орегон, Колорадо или любая другая река, могут явиться кратчайшим и удобнейшим для торговли водным путем через весь североамериканский континент».

Им также было дано задание тщательно изучать географию и геологию пройденных областей, их экономические возможности и население, а также собрать максимальное количество сведений относительно областей, лежащих в стороне от их маршрута. Они

---

[1] См. выше, гл. XIV, раздел I.—*Прим. автора.*

[2] Речь идет об английской экспансии на так называемую Орегонскую территорию, в частности к низовьям реки Колумбии.—*Прим. ред.*

[3] Дневники участников этой, как и ряда других экспедиций переизданы (R. G. Thwaites, 1904—1907) в серии «Ранние западные торговцы» (32 тт.) Мы здесь пользуемся изданием 1905 г. в серии «Великие американские исследователи» («Great American Explorers»), являющейся перепечаткой оригинального издания 1814 г.—*Прим. автора.*

должны были выяснить, является ли устье Колумбии таким же удобным центром для пушной торговли, как залив Нутка, и нельзя ли доставлять скупленные меха через Северную Америку, вместо того чтобы возить их вокруг всей Южной.

Экспедиция отплыла вверх по реке Миссури в мае 1804 г. и в ноябре зазимовала на территории современного штата Дакота, в 2600 *км* от Сен-Луиса, у индейцев племени мандан. В апреле следующего года экспедиция поднялась еще выше по Миссури, пересекла Скалистые Горы и достигла реки Колумбии. 14 ноября 1805 г. путешественники достигли устья этой реки и там зазимовали. Недостаток припасов вынудил их вернуться; 23 марта 1806 г. экспедиция выступила в обратный путь. Она следовала по реке Снейк (Змеиной) и одному из ее притоков (реке Клируотер) и вышла в область гор Биттер-Рут. Описание путешествия дает ключ к сделанному важному отклонению в сторону от прямого пути. Вот что в нем говорится:

«Капитан Льюис с девятью людьми должен итти кратчайшим путем [через перевал Лоло] до водопада на Миссури. Здесь он оставит троих человек, чтобы сделать повозки для переправки имущества экспедиции и челноков-каноэ через волок. С остальными шестью людьми он должен подняться по реке Марнас, чтобы исследовать местность и выяснить, не заходит ли какой-либо из ее истоков или притоков до 50-й параллели, после чего спуститься по реке до устья. Остальные же участники экспедиции отправятся с капитаном Кларком до верховьев реки Джефферсон, по которой сержант Ордуэй с отрядом из девяти человек спустится вниз с челноками и другим оставленным там имуществом. После этого капитан Кларк с оставшимися в его распоряжении десятью людьми направится к реке Йеллоустон в месте ее максимального сближения с тройной развилиной Миссури. Здесь они построят каноэ и спустятся вниз по реке».

План был успешно выполнен. Оба отряда соединились на Миссури и 23 сентября 1806 г. вернулись в Сент-Луис. По их подсчетам, они проделали только в одном направлении 4134 мили, в обратном же направлении Льюис, шедший более коротким путем, проделал, считая от устья Миссури до Тихого океана, 3555 миль.

Экспедиция вела подробные путевые журналы. Вот что говорится в них о переходе через водораздел:

«При переходе от порогов на Миссури через Скалистые Горы к судоходному течению реки Колумбии идешь двести миль по хорошей дороге и сто сорок миль по высокой, крутой и неровной горной тропе. В конце июня на участке в шестьдесят миль этой последней тропы лежал слой снега, толщиной от двух до восьми футов».

Во время путешествия велись интересные записи о погоде и был собран большой материал об индейцах. Льюис составил записку, в которой отобразил свои «наблюдения и размышления по поводу настоящего и будущего состояния Верхней Луизианы[1], в отношении управления населяющими ее индейскими племенами, а также торговли и сношений с ними». Он предлагал построить «несколько постов, где содержались бы достаточные гарнизоны для защиты имущества находящихся в отлучке купцов и чтобы все торговцы и индейцы были вынуждены собираться туда для совершения сделок».

Непосредственным плодом экспедиции Льюиса и Кларка было выявление того факта, что через Скалистые Горы есть удобный проход, а это продготовило почву для больших трансконтинентальных путешествий следующего полувека. Косвенно экспедиция сыграла еще большую роль тем, что привлекла внимание живших в Сент-Луисе торговцев пушниной к богатому и неисследованному Западу. Конечно, скупщики мехов забирались за Миссисипи уже начиная с 1794 г.; один из них, некто Джон Маккей, построил несколько постов между реками Ниобара и Платт, а его помощник Ивенс добрался до деревень индейцев племени мандан. Маккей собрал кое-какой ценный географический материал, и есть основания думать, что Льюис и Кларк знали и использовали его[2].

Пока Льюис и Кларк работали на Дальнем Западе, лейтенант З. Пайк производил исследование Миссисипи вверх от места ее слияния с Миссури. В 1806—1807 гг. он совершил новое крупное путешествие в долину реки Арканзас, по которой проследовал до ее верховьев в Скалистых Горах. Взобравшись на хребет, которому он дал название Уайт-Споу (Белоснежного), он попал в другую долину и решил, что это и есть долина Ред-Ривер (Красной реки), на поиски которой он отправился. Пайк проследовал по долине на юг, но был взят в плен испанскими войсками и увезен в Санта-Фе. Река, по течению которой он шел, была на самом деле Рио-Гранде-дель-Норте, и вела она прямо на испанскую территорию. Пайк поневоле прошел через значительную часть Мексики, пока не добрался наконец до Чиуауа и не получил там возможность дать необходимые объяснения генералу Сальседо. Он был выслан, и ему было предписано вернуться через Техас.

В Мексике Пайк внимательно во все всматривался и вслушивался и привез с собой ценнейшее ее описание, дополненное материалами из книги Гумбольдта «Политический очерк

---

[1] То есть бассейна Миссури.—*Прим. ред.*

[2] *К. Комен*, «Экономические начинания на Дальнем Западе», в двух частях (*K. Coman*, «Economic Beginnings of the Far West», 1925). Труд мисс Комен очень полезен для истории раннего периода исследования и колонизации Запада и снабжен хорошей библиографией.—*Прим. автора.*

Новой Испании». Именно Пайку правительство Соединенных Штатов обязано первыми точными сведениями о нынешних штатах Нью-Мексико и Техас и о северной Мексике. Его путешествие, в сочетании с путешествием Льюиса и Кларка, в огромной степени расширило географический горизонт Соединенных Штатов.

Хотя экспедиции вроде вышеописанных и привозили с собой много ценного материала, действительным изучением Запада мы обязаны прежде всего деятельности торговцев пушниной. Участник экспедиций Льюиса и Кларка, Джон Колтер, бросивший их на обратном пути и перешедший на службу в качестве переводчика к группе купцов, плывших вверх по Миссури, забрался далеко на запад и, быть может, достиг той местности, где теперь находится Йеллоустонский национальный парк. Спустившись по реке Платт на лодке и выведя ее в реку Миссури, Колтер сошелся там с неким Мануэлем Лисой. Мануэль Лиса одним из первых воспользовался собранными Льюисом и Кларком данными и выступил в свою первую экспедицию вверх по Миссури (1807 г.).

Самый инициативный деятель Миссурийской пушной компании, Лиса продолжал заниматься этим выгодным промыслом еще много лет, отказываясь в то же время принимать в состав компании каких-либо чужаков с востока. Результатом этого было то, что Джон Джекоб Астор основал свою собственную Тихоокеанскую пушную компанию, укомплектовав ее кадры людьми, которых он переманил со службы канадской Северо-Западной компании. Им были посланы две экспедиции: одна морская к устью реки Колумбии и другая сухопутная, и этими новыми предприятиями открылась новая глава в истории Дальнего Запада.

В 1811 г. группа пушных торговцев из компании Астора под руководством В. П. Ханта выехала на верховых лошадях из Сент-Луиса на запад, обогнула северные склоны гор Блэк-Хиллс и Биг-Хорн и достигла северной развилины реки Снейк, где пересела на лодки. Силясь продвинуться дальше по реке, путешественники претерпели тяжелые лишения и вскоре убедились в невозможности судоходства по ней. В конце концов, они пересекли Голубые горы у Валла-Валла и в 1812 г. прибыли в Асторию. Отряд, посланный на следующий год обратно под начальством Стюарта, вернулся по рекам Снейк и Северный Платт в Сент-Луис, использовав, быть может, южный проход в горах. Основная часть экспедиции таким образом по крайней мере проложила еще один новый путь из долины Миссисипи к устью Колумбии[1].

Торговцы мехами совершали свои путешествия, в первую очередь, в интересах наживы, но все же попутно у них накоплялся

---

[1] В художественной форме это предприятие описал *Вашингтон Ирвинг*, «Астория или предприятие за Скалистыми горами» (тт.—III, 1836).— *Прим. ред.*

материал об огромной неизвестной территории, простирающейся от Новой Мексики до реки Колумбии. Мы можем упомянуть лишь некоторые из их наиболее крупных путешествий, как, например, совершенное служащим Северо-Западной компании П. С. Огденом. В 1824 г. и последующих годах, работая в бассейне реки Снейк, он проследовал по левым притокам Колумбии, рекам Джон-Дей и Дешют до их истоков, достиг озер Харни и Малер; видал реку Гумбольдт, открыл впадающие в Тихий океан реки Кламат и Шаста и собрал много другого ценного материала, который и послал на родину в Англию для обработки и использования его картографами компании Гудсонова залива.

В 1823 г. группа купцов—участников Пушной компании Скалистых Гор—отправилась вверх по реке Северный Платт к Южному проходу и далее, до реки Грин. Эта группа открыла для торговли как этот новый проход в горах, так и новую богатую пушниной область. В следующем году один из этих купцов, В. Г. Ашли, добрался с реки Южный Платт до реки Грин и далее, до озера Севьер и Большого Соленого, где нашел следы пребывания в этой области П. С. Огдена. Позже он построил пост у озера Юта и вместе с другими служащими компании приступил к усиленнейшей эксплоатации этой области. Таким образом было вторично открыто озеро Юта, и европейцы стали ходить на своих каноэ по Большому Соленому озеру.

Одно из самых длинных и любопытнейших путешествий совершил Джедидия Смит. В 1824 г. он добрался с реки Грин до реки Снейк и нашел там пост Компании Гудсонова залива—Форт-Буазе. Два года спустя он отправился с Большого Соленого озера на юго-запад. Используя реку Вирджин, он достиг реки Колорадо. Отсюда Смит повернул на запад и выбрался к побережью океана у Сан-Диего. Здесь его арестовали испанцы, не давшие ему возможности увидеть прибрежные города. Однако ему удалось пробраться через горы и попасть в долину Сан-Хоакин-Сакраменто. Он поднялся по ней до реки Мерсед, опять перевалил через горы (на этот раз через проход Сонору), пересек пустыню и вышел к Большому Соленому озеру. В 1827 г. он вернулся в Сан-Габриель на западном побережье и, сев на судно, приплыл в Монтерей, где был вновь арестован и выпущен только на том условии, что он немедленно покинет Калифорнию. Это он и сделал следующим путем: проследовал по долине Сакраменто, пересек Каскадные горы через проход Сискийон, достиг реки Умпкуа, выйдя таким образом на западное побережье. Позже он спустился вниз по реке Вилламет к Форт-Ванкуверу, где был гостеприимно встречен торговцами Северо-Западной компании. Вместе с ними он в 1829 г. посетил Спокан-Хаус и Флэтхед-Пост, расположенные по одному из притоков Миссури, после чего вернулся к реке Снейк, где встретился с другими торговцами той же компании. За пять лет странствований

Смит, вероятно, перебывал в большем числе новых мест, чем кто-либо из его американских современников.

География Дальнего Запада вплоть до самой середины XIX в. была известна лишь по материалам торговцев пушниной. Собранные ими сведения пополнялись посылаемыми от времени до времени научными экспедициями, к отчетам которых мы сейчас и перейдем. В 1819 г. майор С. Г. Лонг и его восемь помощников вышли из Питтсбурга, спустились вниз по Огайо и затем поднялись вверх по Миссисипи и Миссури до Олд-Каунсил-Блеф. По дороге экспедиция отрядила партию вверх по реке Канзас для исследования местности между этой рекой и рекой Платт, с тем чтобы вернуться по этой последней на Миссури. В следующем году Лонг достиг Скалистых Гор в том месте, где из них вытекает река Южный Платт, и исследовал эти горы в южном направлении до реки Арканзас. Во время этого похода д-р Э. Джемс первым взошел на вершину пика Пайкс. На обратном пути одна партия под начальством майора Белла спустилась вниз по реке Арканзас, другая же под начальством Лонга достигла Канадиан-Ривер и, приняв ее за Ред-Ривер, проследовала по ней до ее слияния с рекой Арканзас. Тем самым ошибка Лонга, как ранее ошибка Пайка, повела к важным, хотя и непредвиденным последствиям.

В 1823 г. майор Лонг вышел в свою вторую экспедицию. Он выступил из Филадельфии и, следуя через Уилинг и Колумбус, достиг южного конца озера Мичиган, где посетил Чикаго, представлявший собой тогда «несколько жалких хижин, в которых жил прежалкий народишко». Он проследовал далее до места слияния рек Висконсин и Миссисипи, после чего приступил к «первому достоверному исследованию истоков реки Сент-Питер». Позже Лонг достиг (пересекающей границу) реки Ред-Ривер и проследовал по ней до озера Виннипег, после чего отправился через Лесное озеро, озеро Рейни и реку Дог к Верхнему озеру и прибыл в Форт-Вильям.

Несколько небольших по масштабу съемок дали возможность лучше разобраться в деталях местности, общие черты которой уже были известны. В этой связи следует упомянуть съемку торгового караванного пути на Санта-Фе (отрезка от Форт-Оседж до Таоса), произведенную в 1825—1827 гг. Дж. Ч. Брауном, работу пограничной комиссии, на которую было возложено проведение в жизнь статей Гентского договора[1], и путешествия Г. Р. Скулкрафта. Этот последний вместе с Кассом совершил в 1820 г. путешествие к истокам Миссисипи.

---

[1] Гентский мирный договор от 24 декабря 1814 г. между США и Англией в результате так называемой «второй войны за независимость». Мир был заключен при дружественном посредничестве России.—*Прим. ред.*

«Целью моего путешествия было, —писал он, —добиться более точных сведений о наименованиях, численности, обычаях, истории, условиях жизни, средствах к существованию и расселении различных индейских племен; произвести съемку страны и собрать материал для правильной карты; выбрать место для гарнизона и купить землю для него; исследовать вопрос о медных, свинцовых и гипсовых месторождениях на северо-западе и купить у индейских племен такого рода земельные территории, которые необходимы Соединенным Штатам в меру тех конечных выгод, которые могут быть извлечены из них».

В 1821 г. Скулкрафт побывал на реках Вабаш и Иллинойс, а в 1832 г. отправился на озеро Итаска, где находится один из истоков Миссисипи. На этот раз его сопровождал лейтенант Дж. Аллен, составивший первую точную карту истоков Миссисипи[1]. Скулкрафт разделяет с Алленом честь исследования истоков Миссисипи, хотя с завершением этой задачи вряд ли, как казалось Скулкрафту, была разрешена последняя проблема американской географии.

Путешествия обоих Патти, первый отчет о которых был опубликован в 1831 г., вновь приковали внимание публики к Западу. Сильвестр Патти и его сын вышли в 1824 г. в Санта-Фе и, охотясь за пушным зверем в направлении реки Хилы, посетили расположенные вблизи ее истоков медные рудники Санта-Рита. Патти-отец остался там, сын же, Дж. О. Патти, предпринял большое путешествие вначале на реку Колорадо, потом через Южный проход к рекам Биг-Хорн и Йеллоустон и, наконец, обратно в Санта-Фе. Меха его были конфискованы, что побудило Патти заняться торговыми операциями в Мексике, в ходе которых он посетил Сонору, Чиуауа и Эль-Пасо. Разбогатев, он вернулся в Санта-Риту и обнаружил, что отец его тем временем занялся сельским хозяйством. Через некоторое время оба Патти были дочиста обобраны каким-то проходимцем, сбежавшим с теми деньгами, которые они доверили ему для покупки припасов. Вернувшись к пушному промыслу, они опять отправились на реку Колорадо, пересекли пустыню, вышли к Сан-Диего и попали в испанскую тюрьму. Отец так и умер в ней, сын же был освобожден. До возвращения в Цинциннати без гроша в кармане он успел еще раз побывать в Мексике. Повесть о его приключениях вызвала большой интерес.

Через короткое время после этого Дж. Грегг опубликовал свое классическое описание торгового караванного пути на Санта-Фе под названием «Торговля прерий». Между 1831 и 1839 гг.

[1] На карте Аллена река Миссисипи изображена от озера Пепин до ее истока.—*Прим. автора.*

он совершил восемь поездок на Запад и долгое время прожил в Мексике.

Несмотря на все это, известия о Западе оставались весьма скудными и в некоторых отношениях совершенно недостоверными. В 1824 г. торговец Джем Бриджер открыл Большое Соленое озеро, но правильного представления о гидрографии Большого Бассейна тогда еще не было, и существовало предположение, что есть большая река Буэнавентура, которая течет от Скалистых Гор в западном направлении и впадает в Тихий океан у Сан-Франциско. Не было ясного представления и о горных районах. Кое-что для прояснения картины дала работа капитана Бонвилля (1832—1836 гг.). Главной его целью была пушная торговля, но у него были и научно-географические интересы и проекты. Первый год он посвятил путешествию через Южный проход к реке Грин, истокам реки Снейк и к реке Солмон, где он перезимовал. В этот период он осмотрел большую лавовую равнину между реками Солмон и Снейк. В следующем году он отрядил своего помощника Уокера на исследование Большого Соленого озера и окрестной территории. Уокеру не удалось как следует выполнить поручение Бонвилля, но он побывал на реке Гумбольдта, проследовал по ней до «синков»[1], пересек Сьерра-Неваду и вышел к Монтерею. Обратно он вернулся вокруг южной оконечности Сьерра-Невады и далее по торговому караванному пути Санта-Фе—Калифорния, к реке Бер. Тем временем Бонвилль, в свою очередь, произвел большую работу на севере. Вначале он исследовал территорию вокруг истоков реки Йеллоустон, посетил долины рек Уинд, Грин и Суитуотер, но перевалить через горы Уинд-Ривер не сумел. Зимой 1833—1834 гг. он побывал на реке Снейк, пересек Голубые горы и вышел к Колумбии у Валла-Валла. Летом 1834 г. он вновь побывал на Колумбии, а в следующем году вернулся домой. Хотя карты Бонвилля и не отличались большой точностью, гидрографическая система территории к западу от Скалистых Гор была на них изображена правильно. Вот что писал о них в 1859 г. лейтенант Уоррен:

«Хотя географические координаты у Бонвилля даны неточно, однако его карты выявили наличие большого внутреннего, не имеющего стока к океану бассейна, состоящего из Большого Соленого озера, реки Огдена или Мери (ныне Гумбольдта), озер Мад, озера и реки Севьер, а также покончили с версией о мнимой реке Буэнавентуре и ряде других. На картах Бонвилля длина реки Вилламет уменьшена до ее действительных размеров и приблизительно указаны ее истоки, а также показано протяжение и направление течения рек Сакраменто и Сан-Хоакин.

[1] Синк (sink)—буквально, раковина для стока воды; здесь—озерная котловина.—*Прим. ред.*

Его карта истоков реки Йеллоустон все еще является лучшим из первоисточников по этой области».

Надо сказать, что Уоррен переоценивал значение карт Бонвилля. Карты его нельзя даже назвать первыми точными картами Запада, ибо в 1836 г., за год до их появления, А. Галлатин составил карту Западной Америки и дал ее в виде приложения к своему труду «Сборник материалов об индейских племенах на территории Соединенных Штатов». Но его карта осталась мало известной, тогда как карта Бонвилля была широко разрекламирована писателем Вашингтоном Ирвингом[1].

В эти же годы большой вклад в дело изучения географии долины Миссисипи внес Николлет, помощником которого в 1838—1840 гг. был Фремонт. Вот что писал Николлет о первом периоде своей работы:

«Я поставил себе целью сначала изучить различные разветвления Аллеганских гор на территории южных штатов, подняться по рекам Красной (Ред-Ривер), Арканзасу и на большое расстояние по Миссури и вслед за этим посвятить себя всестороннему изучению реки Миссисипи от устья до самых истоков. В течение тех пяти лет, когда я разъезжал в связи с этим исследованием, я пользовался каждым случаем, чтобы производить многочисленные наблюдения, целью которых было—заложить основы для точной физической географии большой области Соединенных Штатов, в особенности же того обширного и интересного района, что лежит между водопадом Сент-Антони и истоками Миссисипи».

Николлет умер, не успев закончить описания своих путешествий; не сохранились и оставленные им материалы. Это прискорбно, поскольку его съемки, дошедшие до нас, отличаются высоким качеством. Они охватывают большую территорию между Миссури и Миссисипи и между 44° и 48° с. ш. Вот как расценивал его работу Уоррен:

«Николлет был первым путешественником, широко пользовавшимся барометром для получения высотных отметок по огромной внутренней области Соединенных Штатов. Приводимая им в его отчете сводка тех методов и принципов, которых он придерживался в своих исследованиях, послужила надежным руководством для множества последующих путешественников. Его карта является одним из ценнейших вкладов в американскую географию за все время ее существования».

Экспедиция эта имела и то значение, что она послужила прекрасной школой, в которой вырос и закалился Фремонт. Один из крупнейших исследователей Америки, Фремонт, вернулся вме

[1] Вашингтон Ирвинг изложил работу Бонвилля в художественной форме в своих очерках «Скалистые горы или сцены: происшествия и приключения на Дальнем Западе», тт. I—II, 1837.—*Прим. ред.*

40. Соединенные Штаты, 1800—1837 гг.

сте с Николлетом из экспедиции для обработки ее результатов, но в 1841 г. был срочно откомандирован для производства съемки реки Де-Муан. В качестве мотива экспедиции была выдвинута необходимость составления хорошей топографической карты в связи с быстрой колонизацией области, на самом же деле начальство Фремонта, усылая его, стремилось положить конец его роману с дочерью влиятельного сенатора Бентона—Джесси. Фремонт закончил съемку, вернулся в Вашингтон и женился на Джесси. Для Фремонта это было двойной удачей: он женился на любимой девушке и приобрел влиятельного тестя.

Тесть Фремонта сенатор Бентон глубоко интересовался Западом. Будучи с головы до ног политиком, он стремился к колонизации северо-западных областей с целью противопоставления их Великобритании. Для достижения этой цели нужно было прежде всего подвергнуть Северо-запад систематическому исследованию. Таково было то счастливое стечение обстоятельств, что повело к организации в 1842 г. первой экспедиции Фремонта. Строго говоря, исследовательским предприятием ее назвать нельзя, так как Фремонт проник лишь до Южного прохода и взобрался на высокую, до сих пор носящую его имя вершину в горах Уинд-Ривер. Фремонту посчастливилось еще и в том отношении, что он сумел заполучить в проводники Кита Карсона, лучшего знатока областей к западу от Миссисипи, в течение своей долгой жизни исколесившего ее от Мексики на юге до Канады на севере. Другим участником экспедиции Фремонта был прославившийся впоследствии как картограф Чарльз Прейс. Съемка получилась точная, но еще важнее был составленный Фремонтом «Отчет», в котором, вопреки существовавшему тогда представлению, доказывалось, что территория к западу от Миссисипи вполне подходит для сельскохозяйственной колонизации. Прямым следствием ее был немедленный поток колонистов на Запад. Итоги научных результатов экспедиции лучше всего подвел в своей речи в защиту переиздания отчета Фремонта сенатор Линн:

«Экспедиции было дано задание—изучить и донести о реках и территории между границами Миссури и подножьем Скалистых Гор; в особенности же изучить характер и определить географические координаты важнейшего перевала, ведущего через эти горы к Орегону,—Южного прохода. Все возложенные на нее задания экспедиция выполнила... Во исполнение полученного предписания Фремонт поднялся на достаточно большое расстояние вверх по реке Канзас, чтобы получить правильное представление о ней, после чего совершил переход к реке Большой Платт и проследовал по ней до ее верховьев в горах, где ее важнейший исток Суитуотер вытекает из гор по соседству с Южным проходом. Фремонт прошел через этот проход и повидал верховья Колорадо... после

чего взобрался на высочайшую вершину Скалистых Гор...[1] Вернулся он по долине реки Большой Платт. В течение всего своего долгого путешествия Фремонт производил барометрические наблюдения с целью установления и получения высотных отметок как на равнине, так и в горах; делал астрономические наблюдения для определения географических координат; замечал, какие местности являются плодородными и какие бесплодными; где легко пройти и какие имеются удобные пути; описал выдающиеся черты рельефа, выбрал имеющие стратегическое значение пункты и внес большой вклад в геологию и ботанику».

Даже если сделать соответствующую скидку за счет чрезмерного энтузиазма Линна, все же остается бесспорным, что этим своим путешествием Фремонт завоевал себе место среди квалифицированных путешественников-исследователей.

В 1841 г. в Орегон прибыла под начальством Чарльза Уилкса морская экспедиция, которая засняла течение Колумбии до Валла-Валла. Одна партия проследовала вверх по реке Вилламет и далее, к истокам реки Сакраменто, по которой и спустилась к Сан-Франциско. Другая партия вышла из залива Пюджет-Саунд, пересекла Каскадные горы вблизи Маунт-Рейнир, дошла до того места по Колумбии, где в нее впадает река Спокан, после чего проследовала вверх по Колумбии до Форт-Колвилл. Исследовав территорию к юго-востоку, она вернулась в Валла-Валла. В результате этих экспедиций была значительно улучшена карта северо-запада Соединенных Штатов.

На юге кое-какие новые материалы общего характера дал Дж. В. Кендолл, прошедший в 1841 г. с военной экспедицией из Остина в Техас до Санта-Фе. Его гнала лишь страсть к путешествиям, никаких материалов топографического характера он не собрал, но, быть может, эта экспедиция является первой, посетившей истоки Ред-Ривер.

В 1843 г. Фремонт был послан в новую экспедицию, которая была хорошо оборудована и оснащена. На этот раз перед ним была поставлена задача — связать те исследования, что он ранее произвел в районе Южного прохода, с той работой, что проделали в 1841 г. Уилкс и его люди. Он должен был изучить всю территорию между Колумбией, Тихим океаном и испанскими владениями в Калифорнии и проделать в этих местах то, что он и Николлет в свое время сделали в других областях к востоку от Скалистых Гор. Отправившись 29 мая в путь из Канзаса, Фремонт в начале июля завидел гору Лонгс-Пик и, уже совсем близко подойдя к горам, повернул на юг и достиг Пуэбло, где встретился с Карсоном и сделал попытку пополнить свои запасы. Достать все, что ему было нужно, он не смог и был вынужден вновь повернуть на север. Он

[1] Здесь оратор несколько увлекается.—*Прим. автора.*

пересек Черные горы (Блек-Маунтенс), обогнул северный конец гор Медисин-Боу и вышел на реку Северный Платт. Попытка дойти до Южного прохода прямым путем не удалась, и отряд повернул к реке Суитуотер, по которой и добрался до прохода. Отсюда одна партия под начальством Фицпатрика направилась по старой торговой дороге к Орегону, другую же сам Фремонт повел к Большому Соленому озеру, куда и прибыл в начале сентября. Он произвел научное обследование северной части озера, и четырьмя годами позже его «Отчет» содействовал основанию колонии мормонов. В Форт-Холле на реке Снейк обе партии соединились, и экспедиция проследовала вниз по этой реке, достигнув Форт-Буазе в конце октября и реки Колумбии в ноябре. Фремонт спустился вниз к Форт-Ванкуверу, но самого устья реки не достиг.

Обратный путь был совершен через Большой Бассейн. Фремонт стремился определить местоположение некоторых черт рельефа, в том числе озера Мери и реки Буэнавентуры, в существование которой он все еще верил. В начале декабря он достиг озера Нижний Кламат, пересек реку Кламат и к 25 декабря вышел к озеру Уорнер. К середине января, уже находясь на реке Карсон, он решил под предлогом недостатка запасов совершить переход через горы в Калифорнию. Переход через покрытые снегом горы был сопряжен с большими опасностями, но Фремонту посчастливилось, и 20 февраля 1844 г. он был уже на вершине хребта; вскоре после этого он достиг той точки, где тогда стоял форт Зуттера, а теперь находится город Сакраменто.

Из Сакраменто, где Фремонт достал нужных ему для экспедиции животных, он направился вверх по долине Сан-Хоакин на юг, вокруг южного конца гор и далее по торговой дороге на Санта-Фе. В начале мая он был уже в Лас-Вегас (Невада), а в конце месяца — на озере Юта, принятом им по ошибке за южное продолжение Большого Соленого озера. И здесь, вместо того чтобы итти проторенными путями, Фремонт пошел прямо в глубину гор Васач и Уинта, исследовал горные хребты у верховьев рек Северного и Южного Платт, добравшись до Пуэбло лишь в конце июля.

«Отчет» Фремонта о его экспедиции представляет собой ценный документ. Фремонт описал резкое различие между западной и восточной сторонами континента, дал описание бассейнов главных рек и высказал несколько мыслей о Большом Бассейне, в части которого он побывал.

«Существование бассейна, — писал он, — представляется мне несомненным, остается лишь определить его размеры и содержимое. Он не может быть менее четырехсот или пятисот миль, что вдоль, что поперек, и основная часть его должна лежать в Верхней Калифорнии, так что если провести границу по 42-й параллели, то она, вероятно, отхватит лишь кусочек от его северного края. Внутренняя

часть его остается почти совершенно неизвестной. Ее считают пустыней, и судя по тому, что я видел, я согласен, что она, конечно, бесплодна; но, с другой стороны, где столько воды, там должны быть и оазисы. Сведения о существовании большой реки и большого озера могут оказаться преувеличенными, но где лежат такие массы снега, там должны быть водосборные озера либо поглощающие влагу пески».

Фремонт особо подчеркнул, что эта довольно мрачная характеристика не относится к Орегону, где имеются хорошие пастбища и который имеет большое экономическое будущее, так как «его омывает северная часть Тихого океана, на противоположном берегу которого лежит Азия; сам он производит много подходящих для торговли товаров, отличается мягким и здоровым климатом и через него пролегает большая дорога для торговли с Индией и Китаем».

В то время отношения между Соединенными Штатами и Мексикой были чрезвычайно напряженными, и Фремонт втянулся в сферу политики. Его третьей экспедиции было поручено исследование Скалистых Гор к западу от Пуэбло, более тщательное изучение Большого Бассейна и отыскание проходов в Калифорнию через Сьерра-Неваду. Нет сомнений, что при посылке экспедиции была учтена возможность войны с Мексикой, и хотя Фремонт был отправлен с географическими целями, экспедиция имела с собой оружие, которое могла применить в случае необходимости.

Фремонт вновь воспользовался рекой Арканзас, чтобы добраться до Скалистых Гор, прошел через проход Юта, проследовал вниз по реке Уайт до реки Грин и прошел по более низменной местности к югу от гор Уинта до озера Юта. Повернув на север к Большому Соленому озеру, он посвятил несколько дней съемке его южной части, после чего приступил к переходу через Большой Бассейн. С целью охватить как можно большую территорию экспедиция разделилась на два отряда; один из них, руководимый Э. М. Керном, выбрал более южный вариант пути. Оба отряда вновь встретились у озера Уокер у подножья сьерр. Эти путешествия доказали существование удобных путей через Большой Бассейн.

После этого экспедиция разделилась вновь, причем на этот раз Фремонт повел один отряд через сьерры к форту Зуттера, Керн же повел свой отряд вокруг южной оконечности гор. Отряды воссоединились у Сан-Хосе. После небольшой задержки Фремонт отправился на север вверх по реке Сакраменто в Орегон. Он достиг озера Верхний Кламат, откуда повернул на запад с целью исследования Каскадных гор. Но он был замешан в калифорнийских политических делах и в этот момент получил известие с Востока, заставившее его свернуть свою исследовательскую работу.

Как пишет историк Банкрофт[1], «...его освободили от его миссии как исследователя, и он превратился в офицера американской армии». Последующие приключения Фремонта выходят за рамки географии и являются частью военно-политической истории Соединенных Штатов. Полный отчет об этой экспедиции так никогда и не был опубликован, но сам Фремонт составил «Географический меморандум» и карту Орегона и Калифорнии, далеко превосходившую все другие карты того времени.

Наряду с такими крупными экспедициями шло исследование страны и в более мелком масштабе. Из предприятий этого последнего рода необходимо упомянуть произведенную в 1840 г. съемку границы между Луизианой и Техасом, путешествие капитана Дж. Аллена к истокам реки Де-Муан (1843 г.) и исследование в том же году капитаном Н. Буном неизвестной области между реками Арканзас и Канадиан-Ривер до 100-го меридиана на западе. Еще западнее этого меридиана большую территорию, простирающуюся на юг от реки Арканзас до северной развилины Ред-Ривер, засняли в 1845 г. Дж В. Аберт и В. Г. Пек.

Политические события того времени создали благоприятную обстановку для географических исследований. Вслед за аннексией г 1845 г. Техаса в следующем году вспыхнула война с Мексикой. В Калифорнию и в Мексику были посланы войска. Шедший с авангардом западной армии Эмори произвел рекогносцировку местности от Санта-Фе до Сан-Диего на берегу Тихого океана. Путь его пролегал более чем на 200 миль по Рио-Гранде-дель-Норте, далее вниз по реке Хиле и поперек пустыни Колорадо. Двое оставленных им в Санта-Фе участников отряда провели съемку обширной территории вокруг этого города. В 1846—1847 гг. полковник Кук прошел маршрутной съемкой по другой трассе, несколько более южной, чем Эмори, пересекавшей Рио-Сан-Педро и идущей через Тускон. Еще южнее обоих прошел Вислиценус, вначале путешествовавший с научной целью как частное лицо и на свой счет, а позже перешедший в армию на должность военного врача. Из Санта-Фе он проследовал вниз по Рио-Гранде до Эль-Пасо и Чиуауа, где после полугодовой задержки присоединился к полковнику Донифану и вместе с ним достиг Монтерея.

Зимой 1848 г. демобилизовавшийся к этому времени из армии Фремонт выступил в свою четвертую экспедицию. Главной целью Фремонта было добраться до Калифорнии, где он закупил себе землю и где намеревался поселиться. В то же время он добивался постройки железной дороги на запад и надеялся найти для нее удобный проход в горах от верховьев Рио-Гранде-дель-Норте— примерно у 37-й параллели. Чтобы познакомиться с условиями

---

[1] Известный американский историк XIX в., специалист по тихоокеанским странам. —*Прим. ред.*

в худшее время года, он, вопреки всем своим советчикам, совершил экспедицию зимой. Выйдя из Пуэбло, он через проход Робиду перевалил горы Сангре-де-Кристо и вышел к истокам Рио-Гранде. За ними высились горы Сан-Хуан, которые казались непроходимыми. Фремонт попал в очень опасное положение, которое он очень образно описал в одном из писем к жене, вскоре после этого написанном:

«Мы старались взобраться на вершину хребта, но снег становился все глубже и глубже; через четыре или пять дней мы вышли на те голые кряжи, что высятся над безлесной местностью и образуют водораздел между Атлантическим и Тихим океанами. На этих голых скалах почти всю зиму бушуют бури и яростные ветры. При первой же попытке перевалить через кряж нас отогнала пурга [pouderie—гонимые свирепым ветром тучи сухого снега], и нам пришлось отступить, причем десять или двенадцать человек отморозили себе кто лицо, кто руки, кто ноги. Наш проводник [Билл Вильямс] чуть не замерз насмерть, и вокруг костров лежало много павших мулов. Снег все продолжал итти. На следующий день мы наделали себе деревянных орудий и, пробив траншею в снегу, пересекли кряж, несмотря на пургу, и сразу же на опушке ближайшего леса разбили лагерь. Наш след напоминал путь отступающей и разбитой армии: повсюду валялись седла и вьюки, одежда и павшие мулы. Продолжавшаяся метель совершенно парализовала нас и приостановила всякое дальнейшее продвижение. Мы находились на высоте примерно 12 000 футов над уровнем моря. Вся местность на западе была засыпана глубоким снегом, мы не могли продвинуться ни на шаг вперед, но вернуться назад было бы не меньшим безумием».

Одиннадцать человек и множество животных поплатились жизнью в ходе экспедиции, и Фремонту пришлось отказаться от своего замысла. Фремонт проследовал вниз по Рио-Гранде до Таоса и добрался до Калифорнии южным путем, через Санта-Крус и Тускон (Таксон).

Дальнейшее изучение юго-запада продвинулось благодаря ряду предпринятых в эти же годы геодезических съемок. В 1849 г. Симпсон производил работы к западу от Рио-Гранде, а Марси исследовал местность к востоку от нее, по границе с Нью-Мексико и Техасом. В том же году к съемке Техаса приступил крупный топографический отряд под начальством полковника Джонстона, охвативший большую часть территории штата к югу от 34-й параллели и к западу от 96° з. д. В этом же году началась съемка границы между Соединенными Штатами и Мексикой. Работы продолжались до 1856 г. и дали очень много для познания географии и геологии этой части Америки.

В этот же период внимание исследователей привлекла к себе река Колорадо. В 1851 г. капитан Ситгривс пересек часть Большого Колорадского плато между рекой Зуни и горами Сан-Франциско и, продолжая итти в западном направлении, достиг реки Колорадо и проследовал вниз по ней до Юмы. В том же году лейтенант Дерби поднялся на лодке по Колорадо до Юмы.

После исследования истоков реки Ред, проведенного Марси в 1852 г., общая структура рельефа юго-запада стала ясной. Исключением оставалась лишь река Колорадо, работы на которой возобновились только в 1857 г.

Севернее экспедиция капитана Х. Стансбери повела к открытию еще одного пути через Скалистые Горы и дала обильный новый материал о Большом Соленом озере. Выступив 1 июня 1849 г. из Форт-Ливнуорт на реке Миссури, Стансбери проследовал обычной переселенческой дорогой через Южный проход к Форт-Бриджер на реке Блекфоркс—притоке реки Грин.

«Отсюда,—доносил Стансбери,—расходятся две дороги, которые вновь сходятся у реки Гумбольдта. Старая дорога доходит до реки Бер, продолжается вниз по ее долине через Сода-Спринг к Форт-Холл [на реке Снейк] и отсюда тянется в юго-западном направлении до самой реки Гумбольдта... Другая дорога была проведена в 1847 г. мормонской общиной и уводит переселенцев к расположенному в южной части долины Соленого Озера мормонскому городу, заставляя их отступить от своего первоначального направления более чем на целый градус на юг. Этот градус они нагоняют, идя прямо на север до переправы через реку Бер вблизи северного конца озера, откуда путь следует в северо-западном направлении до пересечения со старой дорогой от Форт-Холл. Мне хочется выяснить, нет ли более короткой дороги, чем эти две, и не лучше ли было бы итти прямо к верхней части озера или к той точке, где река Бер проникает в его бассейн из долины Кач через хребет Васач».

Стансбери успешно справился со своей задачей, хотя сам считал, что дорогу следовало бы провести несколько севернее того маршрута, которому он следовал.

Оставив большую часть отряда в Солт-Лейк-Сити, Стансбери приступил к изысканию дороги на Форт-Холл. И здесь он добился успеха, показав, что между этими двумя точками «можно создать великолепную колесную дорогу». На обратном пути он начал исследование пустынь к западу от Солт-Лейк-Сити, куда и вернулся в ноябре. За время его отсутствия его помощник Ганнисон произвел съемку большой территории между Большим Соленым озером и озером Юта, на берега которого он передвинулся со своей геодезической партией.

В 1850 г., как только позволила погода, работы были возобновлены. Стансбери провел изучение Большого Соленого озера,

тогда как Ганнисон произвел съемку его восточного берега. К 28 августа они были готовы к выходу в обратный путь. 10 сентября они выступили из Форт-Бриджер и новым путем перевалили через горы. Экспедиция шла, в общем, в восточном направлении по северной окраине гор Медисин-Боу и южному концу гор Ларами до реки Северный Платт. «Расстояние от Форт-Бриджер до Форд-Ларами по нынешней дороге, —доносил Стансбери, —равно четыремстам восьми милям; если же итти по новой дороге от Форт-Бриджер к восточному подножью гор Блек-Хилс (к точке, находящейся на равном с Ларами расстоянии от развилины реки Платт), то расстояние сокращается до трехсот сорока семи миль. ... Не надо забывать также, что даваемые нами расстояния вычислены при помощи одометра без скидки за счет естественной волнистости местности и получены были в ходе крайне поверхностной рекогносцировки при отсутствии точного знания местности и без какой-либо попытки установления трассы, по которой должна итти дорога... Я предполагал вначале продолжить рекогносцировку от верховья реки Лоджпол до ее слияния с рекой Платт, а оттуда либо по водоразделу между этой рекой и рекой Рипабликен, либо по долине последней; причем и в том и в другом случае мы шли бы по до сих пор неисследованной территории. К сожалению, обстоятельства сложились так, что я не смог выполнить своего намерения».

Со Стансбери произошел несчастный случай, лишивший его трудоспособности. Однако он произвел полезное и точное исследование важной территории и, помимо съемок, привез коллекции по геологии и естественной истории изученных им районов. Интересен раздел его отчета, посвященный мормонским колониям. Стансбери нашел, что мормоны были трудоспособным, дисциплинированным и гостеприимным народом, и приписывал значительную часть успеха своего предприятия их помощи[1].

Главным источником познания территории Соединенных Штатов в течение первой половины XIX в. были обильные, но, с научной точки зрения, неточные известия от западных промышленников и усиленная работа армейских офицеров, числившихся большей частью по военно-топографическому управлению. Однако растущий поток переселенцев на запад (в росте его сыграли свою роль знаменитый «Отчет» Фремонта и открытие золота в Калифорнии) заострил вопрос о транспортных связях между Западом

[1] Мормоны (сами они называют себя «святыми наших дней»)—христианская секта, возникшая в США в 30-х годах XIX в. Они придерживались многоженства, «подобно библейским патриархам», и потому преследовались властями США. От преследований они ушли на Дальний Запад, где обосновались у Большого Соленого озера (теперь штат Юта). Их обвиняли в свирепой жестокости в отношении других христиан; в связи с этим Бейкер особо отмечает положительный отзыв о них Стансбери.—*Прим. ред.*

41. Соединенные Штаты после 1838 г.

«Фремонт не был следопытом: он не искал тропы—он их осваивал. Он шел дорогами, которые по большей части были найдены задолго до него звероловами, охотниками и скупщиками, шел

властями США. От преследований они ушли на Дальний Запад, где обосновались у Большого Соленого озера (теперь штат Юта). Их обвиняли в свирепой жестокости в отношении других христиан; в связи с этим Бейкер особо отмечает положительный отзыв о них Стансбери.—*Прим. ред*

и Востоком. Это, в свою очередь, повело к начавшимся в 1853 г. крупнейшим геодезическим работам по изысканию трасс железных дорог. Съемку решено было произвести по пяти пересекающим всю Америку маршрутам. Северный геодезический отряд под руководством Стивенса должен был выйти из Сент-Пола и встретиться на реке Колумбия с вышедшим ему навстречу из Форт-Ванкувера отрядом капитана Мак-Клеллана. Изыскания по второму маршруту, проходившему вблизи 41-й параллели, были поручены лейтенанту Бекуиту. Еще южнее капитан Ганнисон должен был пересечь Америку между 38-й и 39-й параллелями. Капитан Уипл должен был пройти вдоль 35-й параллели, а пятый отряд—из Калифорнии через Юму, Тускон и Эль-Пасо в Техас. В ходе работ под давлением практической необходимости маршруты подверглись некоторому изменению. Ганнисон так и не довел до конца возложенной на него работы и был убит вблизи озера Севьер. Дополнением к работе этих пяти больших отрядов служили изыскания вспомогательных топографических партий, вроде, например, произведенной лейтенантом Вильямсоном съемки территории между реками Сакраменто и Колумбией. Общие результаты всей работы были опубликованы в ценной серии «Трудов по изысканию Тихоокеанской железной дороги».

Фремонт считал, что его уникальное знакомство с географией Запада дает ему право включиться в эту работу, но его к ней не привлекли. Поэтому он решил предпринять экспедицию на свой собственный страх и риск и завершить оставленную незаконченной в 1848 г. работу. Осенью 1853 г. он выступил из города Канзас-Сити, прошел через проход Кочетопа и, следуя по рекам Ганнисон и Гранд, пересек горную область. Путь его лежал через горы Васач к Паравану, а оттуда в юго-западном направлении, к одному из южных проходов через Сьерра-Неваду. Фремонт оставил хорошее описание посещенных им областей в письме в журнал «Нешонел Интеллидженсер». На этом предприятии заканчивается карьера Фремонта в качестве географа-путешественника. Его заслуги получили признание со стороны ряда заграничных обществ, и он по праву занимает место в числе крупнейших путешественников-пионеров по западной части Соединенных Штатов. Значительная часть его работы отличается высокой точностью; у него был верный глаз, и он быстро схватывал структуру рельефа местности. Если несколько излишняя торопливость по временам вовлекала его в трудности и опасности, то с другой стороны, надо иметь в виду, что никакими другими способами он не мог бы достигнуть поставленных себе целей.

«Фремонт не был следопытом: он не искал тропы—он их осваивал. Он шел дорогами, которые по большей части были найдены задолго до него звероловами, охотниками и скупщиками, шел

по землям, большей частью уже известным жителям края. Его сила в том, что в съемку, в наблюдения и в описания этих дорог и земель он внес научный метод и технику. Для своего времени он был первоклассным геодезистом и математиком и неплохим геологом и ботаником-любителем» (Невинс)[1].

Фремонт умер в июле 1890 г. в возрасте 77 лет.

Железнодорожными изысканиями и последней экспедицией Фремонта заканчивается период больших путешествий пионеров по территории Соединенных Штатов. Уже до этих изысканий было сделано очень много для устранения белых пятен с карты; а после них работа пошла со всей возможной быстротой. 1857 год ознаменовался исследовательской работой лейтенанта Уоррена в Небраске и Дакоте и путешествием лейтенанта Айвса вверх по реке Колорадо с целью выяснения ее судоходности. Айвс добрался до Черного Каньона на лодке, а от него сушей—до Великого Каньона (Гранд-Каньон). Эта экспедиция, в состав которой входили геологи и ботаники, охватила отрезок течения Колорадо, протяжением почти в 950 *км*, но и после этого река все еще оставалась не полностью исследованной.

В результате работы капитана Симпсона (1859 г.) были открыты два удобных пути через Большой Бассейн, каждый из которых оказался лучше найденного Фремонтом. Была точно определена долгота Солт-Лейк-Сити. В том же году лейтенант Диксон открыл колесный путь от Даллеса на реке Колумбии до Солт-Лейк-Сити.

В 1858 г. пограничная комиссия приступила к демаркации установленной в 1846 г. между Канадой и Соединенными Штатами границы по 49-й параллели. В 1859 и 1860 гг. экспедиция капитана Рейнолдса «впервые указала на трассу впоследствии открытого для движения колесного пути от реки Платт к тройной развилине Миссури вокруг восточного подножья гор Биг-Хорн. Она же впервые определила точное течение реки Йеллоустон от того места, где она выходит из гор до впадения в нее реки Паудер». Рейнолдс слышал о «жгучих равнинах, огромных озерах и кипящих источниках» вблизи истоков Йеллоустона, но сам побывать на них не смог. Правильность дошедших до Рейнолдса слухов подтвердил посетивший их в 1870 г. лейтенант Г. Дон, а вся окрестная территория была заснята экспедициями капитана Барлоу в 1871 г. и капитана Джонса в 1873 г. Произведенные ими подробные съемки, а также съемки для изыскания колесной трассы на Запад, привели к ликвидации многих белых пятен на карте, но возникновение гражданской войны в Америке временно приостановило этого рода работы.

---

[1] *Невинс* (*Nevins*), автор двухтомной монографии «Фремонт—величайший искатель приключений на Западе» (Fremont, the West's greatest Adventurer», 1928).—*Прим. ред.*

Год 1867 ознаменован началом геологических изысканий Кинга вдоль 40-й параллели. Цели его экспедиции выходили за рамки ее официального наименования. Ей было поручено «исследовать и описать геологическую структуру, географические условия и естественные богатства полосы, простирающейся от 105° до 120° з. д. вдоль 40° с. ш., охватив достаточно большие пространства к северу и к югу от параллели, чтобы по ним могли пройти две железные дороги (Центральная и Юньон-Пасифик), и прихватив еще столько территории, сколько вообще совместимо с точностью и с нормальной работой экспедиций».

Кинг должен был обращать внимание также на фауну и флору и собирать материал не только для топографических, но и разного рода специальных карт. Полевые работы велись в течение пяти сезонов, а обработка материала закончилась лишь в 1879 г. Всего экспедиция охватила территорию, площадью в 223 тыс. *кв. км*. В 1879 г., когда экспедиция закончила свою работу, в составе министерства внутренних дел было организовано Управление геологической съемки Соединенных Штатов, на которое и была возложена задача составления и издания топографических карт. Несмотря на значительные работы, к 1913 г. картографировано было лишь менее половины территории Соединенных Штатов[1].

Другим выдающимся исследовательским предприятием было начатое в 1869 г. Пауэллом изучение долины Колорадо. Долина эта уже и ранее привлекала внимание, но со времени посещения ее Айвсом в 1857 г. систематической съемки ее территории не производилось. Имея в своем распоряжении четыре обыкновенные весельные лодки, Пауэлл спустился по реке от того пункта, где теперь стоит Грин-Ривер-Стейшн, на 1600 *км* вниз до устья реки Вирджин. Весь 1870 год и начало 1871 г. Пауэлл посвятил отысканию путей с севера к Большому Каньону. Предприятие было нелегким, так как направление течения реки оставалось неизвестным и было распространено убеждение в ее несудоходности из-за порогов, а в некоторых местах—из-за исчезновения реки под землей. Работа экспедиции увенчалась полным успехом.

Исследование Колорадо являлось лишь частью многогранной деятельности Пауэлла и его коллег, проработавших на западе, главным образом в Вайоминге, Юте и Аризоне, более десяти

---

[1] К 1927 г. картографировано было 42,3% всей территории. Полный и подробный отчет по этому вопросу см. в ежегодных отчетах Управления геологической съемки Соединенных Штатов. В книге *Меррила* «Первое столетие американской геологии» (*G. P. Merril*, The first Hundred Years of American Geology, 1924), в основном посвященной успехам геологии, читатель тем не менее найдет большой материал по географическим работам геологов, так же как и ряд интересных карт.—*Прим. автора.*

К 1937 г. топографической съемкой было охвачено около 47% территории США, но лишь половина карт отвечает новейшим требованиям.—*Прим. ред.*

лет (1867—1878). На основе их исследований и написаны такие классические труды, как «Исследование западной реки Колорадо» Пауэлла и «Геология гор Генри» Гилберта.

Дополнением и продолжением работы Пауэлла на Колорадо можно считать работы лейтенанта Уилера, руководившего крупными геодезическими работами по съемке территории к западу от 100-го меридиана. Экспедиция возникла

«из постоянной и совершенно законной потребности военного министерства в текущей топографической информации по поводу огромной территории к западу от Миссисипи, где всегда требовались и требуются постоянные передвижения воинских частей. В известной степени она явилась продолжением тех разрозненных топографических съемок, производством которых военное министерство начало заниматься еще до восстания на юге [гражданской войны] и которые были возобновлены штабами дивизий и отделов к ее концу. Экспедиция дополнила имевшийся до того материал полной съемкой, начиная с определения исходных опорных астрономических и геодезических пунктов и кончая новыми гипсометрическими и топографическими деталями, на основе которых были вычерчены орографические карты. В конечном итоге получилась связная подробная карта района, вполне пригодная для любой цели, по крайней мере на ближайшие пять-десять лет» (Уилер).

Результаты этой очень важной экспедиции изложены Уилером в его «Отчете». Экспедиция открыла плато Колорадо и дала ему это нынешнее название; исследовала реку Колорадо, определила проходы по западному, северо-западному и юго-западному краям Большого Бассейна, так же как водораздел континента к югу от 40-й параллели; доказала мнимость якобы существовавшего в восточной Неваде озера Прейсс и собрала большой и подробный материал физико-географического характера. Чтобы получить представление о размахе работ экспедиции, достаточно указать, какой процент территории отдельных штатов был охвачен съемкой: Нью-Мексико—66%, Невада—60%, Аризона—54%, Юта—46%, Калифорния—41%, Колорадо—32%, Орегон—9%, а также меньшие площади в Вайоминге и Техасе. В общем экспедиция охватила значительно более 775 тыс. *кв. км.*

Пока шло изучение такой обширной поверхности суши, свою долю внимания получили и внутренние воды. В 1876 г. к съемке реки Миссисипи приступило озерное гидрографическое управление, а с 1879 г. работы эти перешли в ведение комиссии реки Миссисипи. Точно так же, начатая в 1878 г. съемка Миссури перешла с 1884 г. в ведение комиссии реки Миссури.

В 1807 г., после того как конгресс принял «Закон о съемке побережья Соединенных Штатов», была организована гидрогра-

фическая и геодезическая служба США. К съемке было приступлено лишь с 1816 г., но до 1843 г., когда была проведена реорганизация службы, работы шли с большими перебоями. С тех пор гидрографическая и геодезическая служба закончила первичную съемку побережий Соединенных Штатов—Атлантического, Тихоокеанского и Южного (Мексиканского залива)—и создала большую триангуляционную линию через весь Североамериканский материк около 39-й параллели.

3. Мексика и Центральная Америка

Собственно географических исследований в Мексике и Центральной Америке в XIX в. производилось мало, но зато для лучшего знакомства с этими областями Америки много дали изыскания ученых в других смежных областях науки, в особенности же в археологии и геологии.

В начале столетия Мексика была недостаточно изучена. Большой материал лежал спрятанным в шкафах и архивах государственных учреждений; правительство придерживалось политики изоляции и не допускало на свою территорию ученых исследователей, в результате чего посещение этих областей Гумбольдтом в начале века приняло характер чуть ли не вторичного открытия этой части Америки. Гумбольдт и его спутник Бонплан высадились в Акапулько на западном побережье в январе 1803 г. и проследовали в город Мехико, ставший штаб-квартирой их научной работы. Отсюда они сделали ряд вылазок в Гуанахуато на севере, в Хорульо на западе и в Халапу по восточному краю плато. В начале 1804 г. оба они отплыли из порта Вера-Крус в обратный путь. Хотя они пересекли лишь короткие отрезки страны, их исследования охватили гораздо более широкие полосы, чем при обычных маршрутных исследованиях, и они сумели собрать большой и ценный материал по всей Мексике в целом. При выходе в свет «Политический очерк королевства Новой Испании» Гумбольдта был новейшим и наиболее передовым описанием старейшей испанской колонии[1].

Дополнением и продолжением работы Гумбольдта послужила работа Буркарта в Южной Мексике (1825—1834 гг.) и деятельность основанного в 1829 г. национального института географии и статистики.

Столь часто благоприятствующие развитию географической работы политические осложнения повели к гораздо более близкому ознакомлению с Мексикой, в особенности же с ее северными областями. Это произошло благодаря съемкам военных топографов Соединенных Штатов и деятельности комиссии по демарка-

[1] О Гумбольдте и его работе вообще см. раздел 5 этой главы: «Южная Америка».—*Прим. автора.*

ции границы. В этот же период изучением Центральной и Южной Мексики занимались немецкие исследователи разных специальностей. Среди тех, кто таким образом косвенно увеличивал объем географических познаний, следует упомянуть И. В. Мюллера, посетившего Центральную Мексику в 1856 г., и Хеллера, прожившего три года (1845—1848 гг.) в Южной Мексике.

Французская интервенция в Мексике в 1861 г. дала возможность известному числу французских офицеров исследовать значительную часть территории страны, и хотя у них не было необходимого для научной работы инструментария, наблюдения их имеют довольно большую ценность. Более близкому знакомству с географией Мексики способствовали французские этнографы: Брассер-де-Бурбур, посетивший Мексику в 1864 г. и объездивший ряд стран мира, и побывавший дважды в Мексике (1857—1861 и 1880—1883 гг.) Д. Шарней, так же как немецкие ученые, включая Ратцеля (1871 и 1875 гг.) и фон Ратса (1883 г.).

Среди множества приезжавших в Мексику иностранных ученых, каждый из которых способствовал нанесению каких-либо новых деталей на общую карту Мексики, следует выделить Карла Лумгольца, совершившего четыре экспедиции в северо-западную Мексику в период с 1890 по 1898 гг. и возобновившего исследование этой области Мексики в течение первого десятилетия текущего века. Хотя интересовался он главным образом антропологией, работал он в таких районах Мексики, где за все XIX столетие не ступала нога европейца и которые не были описаны ни одним очевидцем со времени экспедиции Коронадо[1]. В этой части Мексики, так же как на юге и на юго-западе, имеются все еще значительные незаснятые территории; восточная же часть страны, наоборот, охвачена достаточно надежными картами. В общем можно сказать, что география Мексики хорошо известна и что детальное изучение незаснятых областей вряд ли поведет к каким-либо ошеломляющим открытиям.

К началу XIX в. Центральная Америка, как и Мексика, была далеко не полностью исследованным районом и, если не считать нескольких мелких экспедиций к отдельным отрезкам побережья, продолжала оставаться в пренебрежении со стороны географов еще полвека. Переломным моментом послужили путешествия Джона Стивенса, чьи «Эпизоды из путешествий по Центральной Америке, Чиапасу и Юкатану» привлекли внимание к обилию

[1] Употребляя выражение самого автора (см. примечание на стр. 450) следует заметить, что «здесь оратор несколько увлекается». Достаточно взглянуть хотя бы на наиболее распространенные карты Мексики конца XIX в. и сравнить их с картами XVIII в., чтобы убедиться, что Северо-Западная Мексика посещалась в XIX в. немалым числом топографов европейской выучки. С другой стороны, после путешествий Лумгольца не видно значительных улучшений в картах Северо-Западной Мексики. Об экспедиции Коронадо см. выше, глава VI, раздел 1.—*Прим. ред.*

археологических памятников, только и ждавших исследователей[1]. «Золотая лихорадка» в Калифорнии также способствовала развитию исследования Центральной Америки, поскольку Центральная Америка временно превратилась в транзитно-перевалочный пункт для тех, кто отправлялся на западное побережье США, и поскольку возник вопрос о хорошем сообщении через эту часть Америки. Проблема эта, для разрешения которой Боливар предпринимал шаги уже в 1825 г. и которая десятью годами позже заставила Бидла совершить путешествие в Панаму, теперь приобрела неотложный характер. В 1855 г. была открыта первая трансконтинентальная железная дорога в Новом Свете—Панамская.

Много ценного нового материала дали экспедиции ученых специалистов в других областях знания. В особенности в этой связи следует упомянуть археологическую и геологическую работу Сквира в Никарагуа (1848—1851 гг.), биологические исследования Вагнера и Шерцера в Коста-Рике в 1854 г. и съемки Кодацци (1854 г.) на перешейке Чирики. В 1853 г. были сделаны и другие съемки, послужившие основой для составленной Сквиром карты Гондураса и Сальвадора. Одна линия съемки пролегала от Пуэрто Кортес на юг до залива Фонсека, другая шла от Леона в Никарагуа до Тегусигальпа и Комаягуа и третья тянулась от Комаягуа на запад к Санта-Росе, на юг—к Сан-Сальвадору и, наконец, на восток к Ла-Унион в заливе Фонсека.

Что касается Коста-Рики, то здесь более близкому знакомству с ее географией много способствовали ботаники Францнус (1861 и 1869 гг.) и Поляковский (1877 г.), геолог Габб (1873 г.) и зоолог Бовалиус (1877 г.), и чрезвычайно большую пользу принесла также долголетняя служба правительственного чиновника Питье. Он исследовал некоторые совершенно до того не известные районы, как, например, Рио-Гранде-де-Терраба, и сделал, быть может, более, чем кто-либо другой, для выяснения структуры рельефа страны. В последние годы века было составлено и в 1899 г. выпущено детальное описание полосы территории Коста-Рики в «Трудах комиссии по вопросу о проведении канала через Никарагуа».

В 1878 г. английский министр колоний Генри Фаулер совершил путешествие по неисследованной внутренней части Британского Гондураса, а от времени до времени предпринимались и другие исследования. В нашем веке область эта сделалась ареной оживленной работы археологов, и капитану Джойсу с его штатом помощников удалось найти огромное количество памятников цивилизации народа майя. Сравнительно мало изученная внутренняя часть страны, где проложенные через леса дороги вновь

[1] Эта работа была опубликована в четырех томах в 1841—1843 гг.— *Прим. автора.*

быстро зарастают, представляет странный и в то же время показательный контраст побережью, о котором очень много известно благодаря лесопромышленникам и пиратам.

В Никарагуа во второй половине XIX в. следует выделить путешествия Мирша (1892 и 1893 гг.) по восточным золотоносным местам, путешествия географа Карла Заппера, а также исследования, произведенные «комиссией по вопросу о проведении канала через Никарагуа». Что касается республики Гондурас, то здесь, за вычетом тех сведений, что дали Чарльз и Заппер, дело исследования вперед почти не подвинулось. Но в Сальвадоре и Гватемале, помимо ценного материала, собранного французскими геологами Дольфюсом и Монсерра в ходе их путешествий в 1866 и 1867 гг., большую географическую работу проделал А. П. Модслей, который по какой-то счастливой случайности решил провести зиму 1880 г. в теплом климате и вслед за тем занялся весьма плодотворными географическими изысканиями в Центральной Америке. Наиболее крупным исследователем этих лет является все же К. Заппер, посвятивший почти 19 лет путешествиям по этим местам. Хотя его основные интересы лежали в области геологии, он ни в какой мере не пренебрегал и географическими исследованиями. Он перебывал во всех странах Центральной Америки, от Панамы до Юкатана, и его работа сделала его признанным авторитетом по Центральной Америке.

Открытие для эксплоатации Панамского канала в 1914 г. достойно увенчало собой 400-летнюю историю поисков сквозного водного пути между Атлантическим и Тихим океанами. Поиски эти принесли большие плоды, и знаменательно, что новый искусственный водный путь проходит как раз по той части Америки, где испанцы впервые приступили к поискам естественного водного пути к островам Пряностей и «Катайе».

4. Аляска[1]

Хотя вероятно, что кое-кто мог видеть берега Аляски и ранее[2], настоящее открытие ее произошло в 1741 г., когда Беринг

[1] Русская литература об открытиях на Аляске после экспедиции Беринга обширна. Указываем здесь лишь важнейшие работы:

Тихменев, «Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действие ее до настоящего времени», ч. I—II, СПБ, 1861—1863; *С. Окунь*, «Российско-Американская компания», 1939; «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв.» (сборник материалов под редакцией А. И. Андреева), 1944; «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в.», 1948. В этот сборник, составленный А. И. Андреевым, среди прочих документов входят полностью «Записки Шелихова по странствованию его в Восточном море»; *С. Марков*, «Летопись Аляски», 1948.—*Прим. ред.*

[2] Видели берега Аляски Федоров и Гвоздев в 1732 г. (см. выше, примечание 2 на стр. 191).—*Прим. ред.*

и Чириков совершили свое плавание поперек северной части Тихого океана. За ними последовали русские промышленники, постепенно познакомившиеся с побережьем Аляски, но не делавшие никаких попыток проникнуть в глубь страны[1]. Многое сделали для ознакомления с географией побережья в конце XVIII в. исследователи разных других национальностей, в ходе экспедиций не ставившие себе специальной целью исследование Аляски. К их числу должны быть отнесены Куадра и Кук, Маласпина и Ванкувер. И Кук, и Ванкувер много способствовали улучшению морских карт, а первый положил начало новой эре в деле исследования побережья Аляски.

Большую активность в XIX в. проявили русские морские офицеры, исследовавшие с 1826 до (примерно) 1850 г. многие части побережья[2]. Начавшись с заливов Бристольского и Нортона, в 1827 г. съемки перебросились на северное, а еще несколько лет спустя на южное побережье. В особенности в этой связи заслуживает упоминания капитан М. Д. Тебеньков, не только за его работу на Аляске, но и за атлас морских карт северо-западного побережья Америки, от Нижней Калифорнии до Берингова пролива; атлас, по отзыву Брукса, является «важнейшим вкладом в географию Аляски за все время русского владычества»[3].

Косвенно способствовали более близкому знакомству с побережьем также и полярные экспедиции, предпринятые в первой половине XIX в. Мы уже упоминали в этой связи об экспедициях Бичи, Франклина и Симпсона; об экспедициях же Мура, Келлета, Мак-Клюра, Коллинсона и других, посланных на поиски Франклина, мы говорили в другом месте, хотя надо сказать, что польза от них для географии Аляски была небольшой. К 1837 г. общее строение побережья Аляски было уже известно.

В 1867 г. Гидрографическая и геодезическая служба Соединенных Штатов[4] приступила к работам в аляскинских водах и два года спустя опубликовала первую серию морских карт

---

[1] После организации Российско-Американской компании русские очень много сделали не только для изучения побережья, но и для открытия Внутренней Аляски, в частности исследовали реку Юкон на большом протяжении, от устья до его среднего течения.—*Прим. ред.*

[2] См. литературу, указанную в примечании 1 на стр. 464.—*Прим. ред.*

[3] См. следующие работы *Тебенькова*, капитана 1-го ранга: 1) «Атлас северо-западных берегов Америки от Берингова пролива до мыса Корриэнтес (Течений) и островов Алеутских с присовокуплением некоторых мест северо-восточных берегов Азии», СПБ, 1852; 2) «Гидрографические замечания к Атласу северо-западных берегов Америки, островов Алеутских и некоторых других мест северного Тихого океана», СПБ, 1852.—*Прим. ред.*

[4] В 1867 г. Аляска была продана царским правительством США.—*Прим. ред.*

этого района. Работа по повторному картографированию 20 000-мильного побережья[1] все еще продолжается.

Исследование внутренней части Аляски в некоторых отношениях стоит в разительной противоположности исследованию побережья. Долгое время не существовало никакой побудительной причины для исследования этих внутренних районов; когда же рост пушной торговли вынудил произвести более полную разведку Аляски, в умах господствовало убеждение, что внутренние районы не имели никакой ценности, разве только для этого рода торговли.

В исследовании внутренних районов можно наметить четыре периода. До 1799 г. русское владычество на Аляске фактически ограничивалось занятием нескольких прибрежных станций, главным образом по южному побережью, как то: в Якутате, в заливах Принца Вильяма и Кука и на острове Кадьяк.

В 1799 г. занимавшаяся пушным промыслом русская компания получила новую хартию и с тех пор стала именоваться Российско-Американской Компанией. Получив лучшую организацию и более крупные денежные средства, она командировала в глубь Аляски своих агентов, приступивших к собиранию материалов географического характера. Один из них, Глазунов, совершил путешествие от залива Нортон до Юкона, а оттуда—к реке Кускоквим. Малахов исследовал Юкон до Нулато, а также реку Сусития и вместе с Глазуновым открыл долину Юкона для пушной торговли. Еще более важными были исследования Загоскина, поднявшегося по Юкону до устья Тананы и изучившего нижнее течение реки Коюкук. С нижнего Юкона Загоскин по реке Инноко добрался до реки Кускоквим (1842—1843 гг.)[2]. Вскоре после этого в 1850 г. английские купцы из Канады спустились по Юкону до устья реки Тананы, завершив тем самым исследование одной из крупнейших рек Америки.

Последняя государственная русская съемка была произведена в 1863 г., когда была исследована долина нижнего Стахина с целью выяснения, протекала ли река по русской территории.

В том же году к геодезической съемке в Аляске приступила телеграфная компания «Уэстерн Юнион». Ее главной целью было связать свою телеграфную линию с сибирской телеграфной сетью, и хотя от этого проекта впоследствии пришлось отказаться, геодезисты компании провели большую исследовательскую работу[3].

---

[1] Приводимая автором цифра протяжения береговой линии территории Аляски сильно устарела (20 тыс. миль=32 тыс. *км*). По последним данным, это протяжение (с островами) составляет 54 551 *км.—Прим. ред.*

[2] См. следующие работы *Л. Загоскина*: «Пешеходная опись части русских владений в Северной Америке, произведенная в 1842—1844 гг.», чч. I—II, СПБ, 1847—1848; «Путешествия и открытия в Русской Америке».—*Прим. ред.*

[3] Указанная экспедиция проводилась офицерами корпуса связи армии США и была поставлена на военную ногу. Затраты по этому предприятию составили 3 млн. долл. Прокладка трансатлантического кабеля в июле

Во главе научного отряда стоял Р. Кенникот, ранее проделавший путешествие из Канады до Форт-Юкона. «Географическими плодами этой съемки Аляски явилась карта реки Юкон, определенно установившая, что Юкон компании Гудсонова залива и русский Квихпак — одна и та же река, и уточнившая районы дельты Юкона, полуострова Сьюард и залива Нортона» (Брукс[1]).

Третий период исследования внутренней части Аляски начался вслед за продажей Аляски Америке в 1867 г. В то время Внутренняя Аляска, если не считать местностей, съемку которых произвела телеграфная компания, и низовий главнейших рек, исследованных русскими, оставалась, по существу, совершенно неизвестной. Однако ни правительство, ни народ Соединенных Штатов не проявляли большого интереса к Аляске. В 1869 г. правительство США послало вверх по Юкону капитана Реймонда, чтобы закрепить права новых хозяев и положить конец притязаниям английской компании Гудсонова залива. После этого было сделано очень мало, вплоть до того момента, когда И. Петров опубликовал свое замечательное описание Аляски в приложении к «Отчету по десятому цензу США». По мнению Брукса, И. Петров, «повидимому, первый получил ясное представление о расположении горных цепей Аляски». В 1883 г. лейтенант Ф. Шватка перевалил через горный проход Чилкут и вышел к реке Льюис. Там он построил себе плот, на котором спустился по реке Льюис и далее, по Юкону до моря. Сопровождавший его Хомен произвел первую съемку двух этих рек. Два года спустя другой офицер, лейтенант Х. Т. Аллен, пересек Аляску с юга на север, следуя первые 500 *км* по реке Медной, а потом по Танане до ее слияния с Юконом. Он спустился по Юкону, повернул на север к реке Коюкук и исследовал эту реку в обратном направлении до Юкона, откуда прошел сушей до залива Нортона. Работа Аллена отличалась высоким качеством и «осталась одной из самых замечательных в истории исследования Аляски» (Брукс).

Интенсивно исследовалась в 1883—1886 гг. область залива Коцебу. В. Л. Говард был первым европейцем, пересекшим Арктическую Аляску от этого залива до мыса Барроу.

Четвертая и последняя стадия исследования Аляски началась в 1895 г., когда в эту работу включилось геолого-разведочное управление. Открытие в следующем году золота на реке Клондайк[2] повело к огромному наплыву искателей наживы. Сделанное

1866 г. сделала проводку американо-сибирского телеграфа нерентабельной, и от него отказались. Однако была проведена глубокая разведка Российской Америки, немало способствовавшая приобретению этой страны США, имевшему место годом позже.—*Прим. ред.*

[1] А. Брукс—первый федеральный геолог Аляски, автор работы «География и геология Аляски» (1906).—*Прим. ред.*

[2] Правый приток Юкона на территории Юкон (Канада).—*Прим. ред.*

два года спустя аналогичное открытие в районе вблизи Нома еще более прославило страну, находившуюся ранее в пренебрежении. Геолого-разведочное управление не могло работать достаточно быстро и не успевало удовлетворять потребности в географических сведениях. Сотрудники этого ведомства, на помощь которым в первые годы пришли военные топографы, приступили к систематическому изучению этой страны, до сих пор еще не законченному. Около половины Аляски покрыто топографической съемкой, но работа по необходимости проводится медленно и дорого стоит; в настоящее время правительство пытается дополнить наземную съемку аэрофотосъемкой[1]. К ней приступлено в северо-восточной Аляске, до сих пор остающейся неисследованной. Юго-восточная часть страны хорошо известна, и мало вероятно, чтобы в немногих не изученных областях западной Аляски выявились бы какие-нибудь особенно крупные новые факты в отношении устройства поверхности.

5. Южная Америка

Как мы уже указывали, географическое исследование Южной Америки со времен испанского завоевания и вплоть до конца XVIII в. велось из самых различных мест и не строилось по какому-либо определенному плану. Так, например, в каждом столетии со времени проникновения европейцев в Южную Америку совершались трансконтинентальные путешествия со стороны Атлантики к Тихому океану. Точно так же исследования Асары и французской экспедиции Ла-Кондамина предпринимались в тех местностях, общая орография которых была и до того известна. По этой причине в Южной Америке нельзя отметить того постепенного продвижения из известных местностей в неизвестные, которое характеризует постепенный рост исследования Северной Америки.

В дальнейшем мы предполагаем следовать предложенному Сиверсом[2] порядку рассмотрения, хотя, как он сам указывает, порядок этот не совсем удовлетворителен. Он делит XIX в. на два периода. Первая половина века характеризуется произведшими целый переворот в этой области путешествиями Гумбольдта и рядом крупных исследовательских экспедиций в отдельные части континента, как, например, в Бразилию или Гвиану. Вторая половина века характеризуется (за отдельными крупными исклю-

---

[1] См. гл. XVII, раздел 3, где описываются такие съемки, как, например, произведенная Губертом Уилкинсом.—*Прим. автора.*

[2] Сиверс—немецкий географ конца XIX в.—начала XX в., специалист по Южной Америке, редактор и один из авторов серии «Всемирная география», переведенной на русский язык (изд. «Просвещение»).—*Прим. ред.*

чениями) совокупностью более мелких и систематических исследований.

Александр Гумбольдт дал географии очень многое, поскольку он был не только крупным путешественником, но и человеком, уступавшим по научной подготовке лишь очень немногим исследователям во всей истории географии. Результаты своих путешествий он использовал, чтоб заложить основы физической географии и метеорологии в том виде, в каком они преподаются до сих пор. Как выразился другой крупный естествоиспытатель XIX в., Луи Агассис[1], «везде, где только география преподается на современных научных основах, всякий школьник питается идеями Гумбольдта».

Гумбольдт был учеником Вернера и университетским товарищем Леопольда фон-Буха. Он путешествовал по Англии и Рейну с Форстером; метеорологию он изучал в Париже, где познакомился с будущим спутником своих путешествий — Бонпланом. Гумбольдт выехал из испанского порта Коруньи 5 июня 1799 г. и высадился в Кумане (порт Венесуэлы) 16 июля.

«Я долго готовился, — писал он, — к производству наблюдений, которые являлись главной целью моего путешествия в экваториальную зону. В моем распоряжении были легкие и удобные в обращении инструменты, сделанные искуснейшими механиками, и я находился под особым покровительством местного правительства, которое не только не ставило препятствий моему путешествию, но постоянно выказывало мне всяческое уважение и доверие. Моим сотрудником был мужественный и образованный друг, и наш общий труд многим обязан своим успехом его ревностному усердию и выдержке, не изменявшей ему ни в какие моменты лишений и опасностей, которым мы иногда подвергались».

Гумбольдт был более, чем простым путешественником. Желая, с одной стороны, «ознакомить мир с областями, реками остававшимися неизвестными большинству европейских государств», он стремился, с другой стороны, «собрать фактический материал для построения науки, лишь контуры которой обрисовались к настоящему моменту и которая весьма туманно и разнообразно величается то естественной историей мироздания, то теорией Земли, то физической географией». Достижениями Гумбольдта в этой последней области мы здесь заниматься не можем, так как она относится скорее к истории географической науки.

Гумбольдт путешествовал и изучал три страны Америки, из которых об одной, Мексике, мы уже говорили. В Южной Америке

---

[1] Агассис — реакционный американский ученый XIX в. (родом из французской Швейцарии), географ и зоолог, противник Дарвина. — *Прим. ред.*

он вначале провел четыре месяца на самой реке Ориноко или вблизи нее, проделав всего около 2750 *км*. Он доказал связь между Ориноко и Амазонкой и определил местоположение бифуркации. По поводу будущего этой области он рискнул сделать следующее предсказание:

«Река Касикьяре, не уступающая по широте Рейну и имеющая 180 миль в длину, не будет более составлять бесполезное, ныне никем не используемое судоходное звено в сообщениях между двумя речными бассейнами, площадью в сто девяносто тысяч квадратных лиг [в девять с половиной миллионов квадратных километров]. Зерно Новой Гранады [нынешняя Колумбия] будет перевозиться на берега Рио-Негро, суда будут спускаться от истоков Напо и Укуябе, от Анд у Кито и верхнего Перу к дельте Ориноко, то есть на расстояние, равное тому, что отделяет Тимбукту от Марселя. По этой территории, во много раз превосходящей по площади Испанию и производящей самые разнообразные продукты, можно будет плавать по судоходным рекам в любом направлении благодаря наличию того естественного канала, каким является Касикьяре, и бифуркации рек».

Собрав большой новый материал о Венесуэле, Гумбольдт направился на Кубу, откуда вернулся вскоре в Южную Америку, поднялся по реке Магдалена и, перевалив горы, вышел в Кито. Он исследовал Анды вплоть до северного Перу и побывал в верховьях Амазонки. Из Трухильо Гумбольдт отплыл в Лиму, где и прожил четыре месяца. В январе 1803 г. он покинул берега Южной Америки и 3 августа 1804 г. высадился в Бордо.

Вторая половина путешествия Гумбольдта дала ему материал для построения сложной, хотя и неправильной теории южноамериканских Кордильер—Анд.

«Они, — писал Гумбольдт, — являются самой длинной, непрерывной и однообразной в своем направлении с юга на север и северо-северо-запад горной цепью на земном шаре. От северного и южного полюсов их отделяют неравные расстояния—двадцать два градуса в одном случае и тридцать три в другом... Двумя крайними точками Анд мы можем считать скалистый или гранитный остров Диего-Рамирес к югу от мыса Горн и горы, расположенные близ устья реки Маккензи, более чем в двенадцати градусах к западу от Гринстонских гор, и известные под названием Медных гор, на которых побывал капитан Франклин».

Вслед затем Гумбольдт переходит к вопросу о том, насколько его собственные исследования подвинули вперед ознакомление с южноамериканскими Андами:

«Строение Кордильер... то есть разделение их на несколько почти параллельных друг другу хребтов, в свою очередь соеди-

ченных друг с другом горными узлами, весьма примечательно. Строение это показано на наших картах далеко несовершенно, и та догадка, которую лишь высказали после долгого пребывания на плоскогорье Кито Ла-Кондамин и Буге, была неправильно истолкована и чересчур обобщена в том смысле, что вся цепь построена так же, как ее экваториальный отрезок. На самом же деле Андские Кордильеры, взятые на всем их протяжении... до самого Панамского перешейка, местами разветвляются на ряд более или менее параллельных цепей, местами же расчленены огромными горными узлами. Мы различаем девять таких узлов и соответственное число точек расхождения и разветвления».

Работа Гумбольдта в особенности ценна его способностью анализировать свои открытия и увязывать полученные им данные с результатами других исследований. Он дал дальнейший толчок к изучению Южной Америки также и тем, что обратил внимание ученых на богатый географический материал, который она может дать, и на многие ее неисследованные области [1].

В течение полувека после Гумбольдта путешественники по Южной Америке почти целиком вдохновлялись одними научными интересами. Это видно прежде всего на примере экспедиций в Бразилию, совершенных между 1810 и 1812 гг. Крупные исследования были произведены путешественниками в области к востоку от 50° з. д.: Эшвеге (1811—1814 гг.), принц Максимилиан Вид-Нейвид (1815—1817 гг.), Огюст де Сент-Илер (1816—1822 гг.), фон-Шпикс и фон-Марциус (1817—1820 гг.), Поль и Наттерер (1817—1821 гг.). Наттерер проник и за 50° з. д., пересек Матто-Гроссо между верховьями Арагуая и Гуапоре и спустился вниз по последней и по Мадейре к Амазонке. Поль спустился по реке Токантинс ниже Каролины. Кроме этого, Наттерер и Поль вместе путешествовали по внутренним частям нынешних штатов Минас-Жераис и Гойас. Эшвеге и Вид-Нейвид отходили только на короткие расстояния от побережья, но Шпикс и Марциус совершили большие путешествия и добились более крупных результатов, чем все другие. Сначала они проделали сушей путь от Сан-Пауло до Баии, потом пересекли северо-восточную Бразилию до Амазонки. Большая часть посещенных ими областей была уже известна, но все же их экспедиция была связана с крупными достижениями. Вторую половину своей работы они проделали на

---

[1] *Александр Гумбольдт* (1769—1859) был почетным членом Российской Академии наук. Извлечения из его «Путешествий по Америке» несколько раз переиздавались в русском переводе под названием «Картины природы» (последнее издание 1900 г.). Трижды также переиздавался русский перевод его «Космоса» (последнее, 3-е издание 1866 г.). Характеристику Гумбольдта см. *А. Анучин*, «А. Гумбольдт как путешественник и географ и в особенности как исследователь Азии», М., 1915.—*Прим. ред.*

Амазонке, по которой оба поднялись до Эгас. Шпикс отправился по Амазонке к Табатинге, Марциус проследовал по Жапуре до «подножья стоящей посреди южного континента горы Араскоара, отделенной от Кито лишь одними Кордильерами». Это была первая научная экспедиция на Амазонке после Ла-Кондамина[1].

Значительная работа была проделана между 1822 и 1824 гг. в северной и центральной областях Кордильер. Очень много путешествовал в 1822—1825 гг. Буссенго, объехавший не только Колумбию, Эквадор и Перу, но также и Венесуэлу и реку Ориноко, хотя надо сказать, что географические результаты его странствований не отвечают размерам охваченной территории. В этот период (1830—1840 гг.) Кодацци произвел первую съемку Венесуэлы и приступил к аналогичной работе в Колумбии, но умер (1859 г.), не успев ее завершить. Полезные наблюдения в Боливийских Андах произвел Пентленд. За свое многолетнее пребывание в этом и соседних районах (1825—1837 гг.) он исследовал озеро Титикака и определил высоту ряда горных вершин. Севернее по географии Перу поработал И. И. фон-Чуди (1838—1842 гг.), хотя он больше дал для биологии и археологии[2].

Пока шло такого рода детальное изучение отдельных частей Кордильер, по Южной Америке предпринимались и более крупные и длинные путешествия. Большую исследовательскую работу в Южной Америке провел в 1826—1833 гг. французский зоолог и этнограф д'Орбиньи, объехавший Южную Бразилию, Уругвай, Аргентину, Патагонию и область к западу от Кордильер. Он был первым ученым новой эпохи исследований, изучившим области по реке Ла-Плате и пересекшим весьма мало известную область к югу от этой реки[3]. В эти же годы (1827—1832) Пеппиг работал в неизученных областях на западе. Он посетил Чили и из Сантьяго отправился в Лиму, где и приступил к важнейшей части своей работы. Перевалив через Кордильеры, он достиг реки Уальяги, одного из верховьев Амазонки, и спустился до ее дельты.

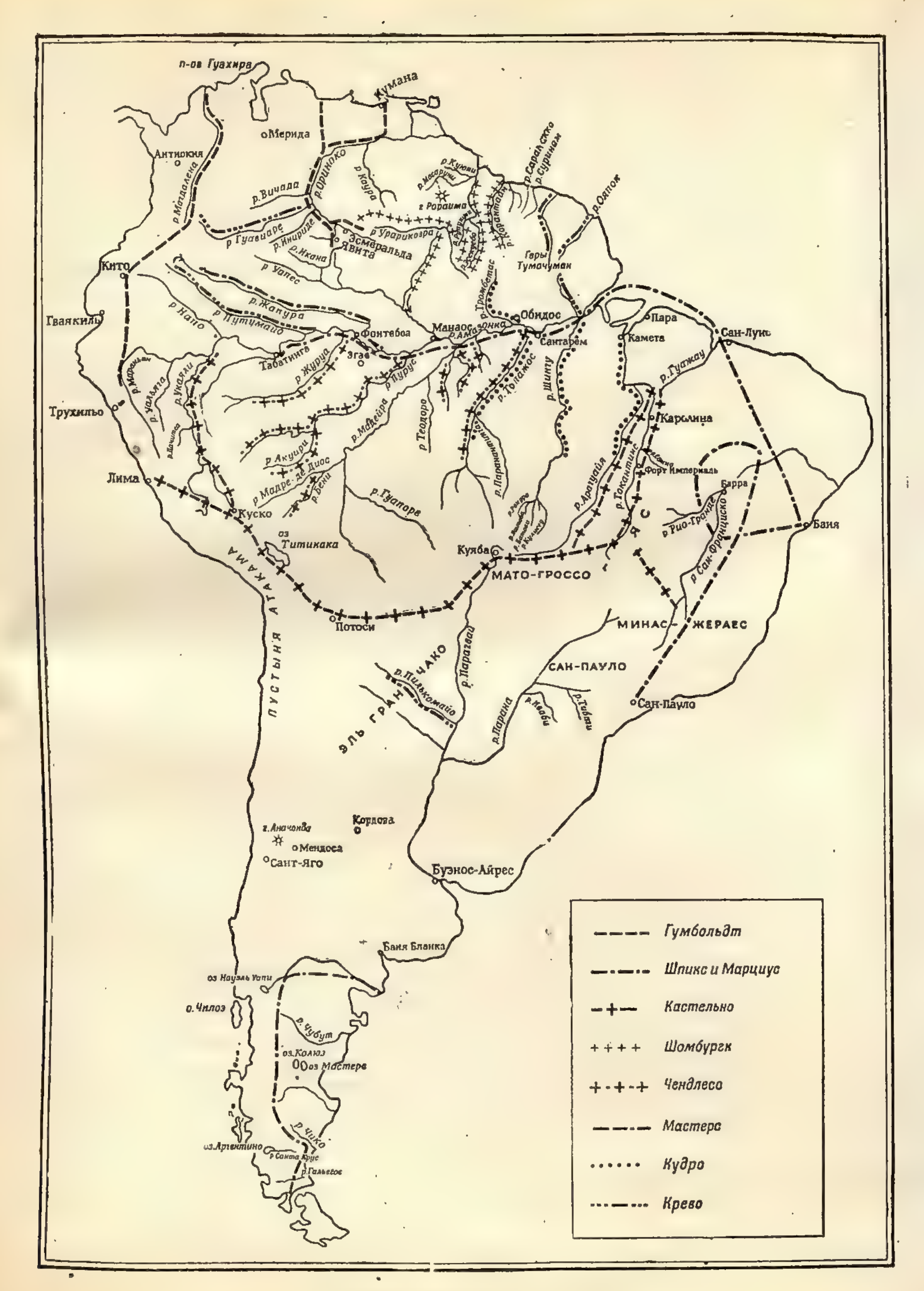
В этот же период были совершены два других трансконтинентальных путешествия. В 1827 г. Моу (Maw) отправился из Лимы в Трухильо, откуда совершил переход (частично пешком) через Перуанские Анды, вышел к реке Качпяко и после многих приключений добрался до Сантарема. Семь лет спустя из Лимы выступили лейтенант Смайт и Ф. Лоу. Их путешествие было пред

---

[1] Большая исследовательская работа была проделана во внутренней Бразилии русскими экспедициями академика Григория Ивановича Лангсдорфа в 1821—1828 гг. См. *Г. Манизер*, «Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию». Географгиз, 1948 г.—*Прим. ред.*

[2] Русский перевод: *Чуди*, «Путешествие в Южную Америку», тт. I—II, СПБ.—*Прим. ред.*

[3] Русский перевод: *Д'Орбиньи*, «Живописное путешествие в Южную и Северную Америку, извлеченное из разных путешествий», тт. I—II.—*Прим. ред.*



42. Южная Америка после 1800 г.

принято в надежде установить, что начиная от пристани Майро на Пачитее эта последняя река окажется судоходной до ее слияния с Укаяли и что по последней и по Амазонке можно наладить удобное сообщение между Перу и Атлантическим океаном. Своей цели экспедиция не добилась, так как не сумела добраться до Майро.

«Наш путь лежал,—писал Смайт,—от Касапи, находящегося примерно в сорока милях от Уалко, вниз по Уальяге до устья Чипураны; вверх по этой последней реке и по Янаяку, покуда можно было плыть на каноэ; потом по вклинивающемуся куску пампы до Санта-Каталины; и далее по реке того же имени до Укаяли... и потом вниз по Укаяли до Мараньона и по нему к Пара».

Путешественники произвели съемку реки вплоть до устья Рио-Негро, и Смайт считал, «что его определения были довольно точными».

Тем временем другая английская экспедиция вела весьма ценную работу на юге. Между 1826 и 1830 гг. Кинг и Фицрой произвели съемку побережья от Ла-Платы до Чилоэ. В 1831 г. Фицрой вернулся в Южную Америку на корабле «Бигль». Спутником его был Чарльз Дарвин, исследовательская работа которого на юге может быть приравнена к работе Гумбольдта на севере. Съемка была доведена до Гваякиля на западном побережье, а кроме того экспедиция посетила часть неизвестной Патагонии. Путешественники проследовали по реке Санта-Крус примерно на 400 *км*, пока не увидели Анды, но недостаток продовольствия заставил их повернуть обратно. Обширная исследовательская работа, произведенная Дарвином в течение его долгого пребывания в Южной Америке и отображенная им в его «Геологических наблюдениях в Южной Америке» и «Дневнике наблюдений по естественной истории и геологии стран, посещенных во время кругосветного плавания корабля «Бигль» пригодилась ему впоследствии для его более позднего прославленного труда «Происхождение видов»[1].

Последним путешествием этого периода является совершенная в 1843—1847 гг. французская экспедиция Франсуа де-Кастельно. Он провел некоторое время во внутренней части Бразилии, изучил область, в которой до него побывал Наттерер, спустился по реке Арагуайя и поднялся по Токантинсу. Далее он проследовал в глубь континента до Куйабы, определил истоки реки Парагвай и подвинул далеко вперед изучение бассейна этой реки. После этого он посетил Гран-Чако, прошел в Боливию и подверг исследованию область между Потоси и Лимой, затем вернулся

[1] Все основные работы Ч. Дарвина несколько раз переводились на русский язык.—*Прим. ред.*

в Куско, откуда в 1846 г. вновь отправился на восток. Следуя по рекам Урубамбе, Укаяли и Амазонке, он достиг города Пара. Экспедиция эта охватила обширные территории и дала географии очень многое, хотя все ее астрономические и метеорологические дневники утрачены (после убийства хранившего их виконта д'Озери)[1].

В 1835—1844 гг. Р. Шомбургк провел чрезвычайно важное исследование Британской Гвианы и соседних районов. Эта область была уже более или менее известна и, как магнит, притягивала путешественников еще в те дни, когда шли поиски Эльдорадо. В XVII и XVIII вв. в ней побывал ряд исследователей, в том числе Ла-Кондамин; однакоже, по словам Гумбольдта, к югу и к востоку от Эсмеральды (город на территории Верхнее Ориноко Венесуэлы) лежала область, в три раза превышавшая Испанию по площади, где «не было произведено ни одного астрономического определения». Исследование именно этой области и поставил себе задачей Шомбургк. В 1835—1838 гг. он исследовал реки Эссекибо и Рупунуни, открыв истоки первой из них. Он совершил также переход на реку Рио-Бранко и исследовал лежащую к востоку от нее горную цепь Карума.

Осенью 1839 г. была проведена экспедиция на запад с целью изучения гор Рораима. Шомбургк достиг Эсмеральды, почти что открыл истоки Ориноко и вернулся по рекам Касикьяре, Негро и Бранко. Этими своими маршрутами, общим протяжением почти в 5000 *км*, он связал территорию Гвианы с областями, уже исследованными Гумбольдтом.

В 1841 г. Шомбургк исследовал дельту Ориноко и произвел съемку ряда мелких рек, текущих между ней и Эссекибо, а в следующем году добрался до истоков Такуту по юго-западной окраине нынешней Британской Гвианы. В ходе своего последнего, предпринятого в 1843—1844 гг. путешествия Шомбургк совершил переход из долины верхней Рупунуни к реке Корентайн (ныне образующей восточный рубеж Британской Гвианы) и добрался по этой реке до моря. Собранные Шомбургком ботанические и зоологические коллекции по всему району являются ценной частью фондов Британского музея, а его всесторонние наблюдения в Британской Гвиане легли в основу всех последующих исследований этой колонии.

К середине XIX в. основные черты физической географии Южной Америки полностью выявились, хотя на карте ее все еще красовались три больших белых пятна. Первое из них помещалось по Амазонке (большинство рек ее бассейна было неправильно нанесено на карты), второе—в Гран-Чако, третье—в Патагонии.

[1] См. «Французская экспедиция в центральной части Южной Америки под начальством Франсисаде-Кастельно в 1843—1844 гг.», «Магазин землевладения и путешествий», т. V, М., 1858, стр. 326—370.—*Прим. ред.*

На долю последующих исследователей и выпала задача: с одной стороны—ликвидировать эти белые пятна, а с другой—более интенсивно и тщательно изучить уже известные области.

Годы с 1850 по 1860 отмечены систематическим исследованием уже известных областей. Главными участниками этого процесса были Кодацци, работавший в Колумбии, Писси—в Чили и пустыне Атакама, Филиппи—в Чили, Бурмейстер—в Бразилии и Аргентине и Раймонди—в Перу. Мы уже упоминали о работе Кодацци как геодезиста; строго говоря, деятельность его относится к предшествующему периоду, поскольку его работа по картографированию Колумбии была прервана смертью в 1859 г. Француз по происхождению, Эме Писси нанес на карту обширные территории в Чили и написал о стране очень важный труд, к которому приложил атлас. Р. Филиппи много путешествовал по Чили между 1850 и 1883 гг., посетил пустыню Атакама в 1853—1854 гг. и занял кафедру естественной истории в университете Сантьяго. Немец Г. Бурмейстер, получивший пост директора Национального музея в Буэнос-Айресе, исследовал область между системой Параны и Кордильерами и пересек континент в направлении к Копьяпо. Прекрасную работу в Перу проделал А. Раймонди, в особенности в части произведенных им между 1851 и 1869 гг. съемок. Тогда как большей частью карты Писси и Кадоцци ныне заменены другими, составленными на основании более поздних съемок, карты Раймонди все еще сохраняют большую ценность благодаря их общей точности и высокому качеству составления и репродукции.

В этот период большая специальная работа была проделана в Южной Америке иностранными путешественниками. Наиболее крупными из них были: Х. Рек, который в 1850—1866 гг. произвел съемку и нанес на карту Боливийское плато; Р. Аве-Лалльман (1858—1859 гг.) и фон-Чуди (1857—1860 гг.), выпустившие отчеты о своих путешествиях по Бразилии, причем Чуди был пионером в исследовании южной части Бразилии; ботаник Х. Карстен, работавший в Венесуэле и Эквадоре (1849—1856 гг.), и М. Вагнер—в Эквадоре и Колумбии (1857—1860 гг.).

Должны быть упомянуты также следующие имена: Хальфельд, исследовавший реку Сан-Франсиско (1852—1854 гг.), Пейдж, работавший в долине Параны—Парагвая, и английский географ Маркхем, совершивший путешествие через леса восточной части Перуанских Анд.

В период между 1862 и 1880 гг. удалось добиться некоторого уменьшения белого пятна Амазонской низменности и более точно определить направление течения рек. В этой связи особенно следует упомянуть большие достижения А. Уоллеса и Х. Бейтса. Оба они отправились в 1848 г. в Пара и пробыли в этом городе полтора года. В последние месяцы 1848 г. они совершили экс-

петицию вверх по Токантинсу, а в 1849 г. вновь отправились в Камету (пристань в низовьях Токантинса). После этого они поднялись по Амазонке до Сантарема и Обидоса, а оттуда — до устья Рио-Негро, где и расстались. Уоллес отправился на Ориноко и прожил месяц в Явите; в 1852 г. он возвратился в Англию. Бейтс преследовал по главному руслу Амазонки на 600 км до Эгаса, где прожил больше года, после чего вернулся в Пара.

В октябре 1857 г. Бейтс вновь вышел из Пара и на следующие три с половиной года сделал своей штаб-квартирой Сантарем, откуда предпринял множество путешествий, в том числе одно вверх по реке Тапажос. После этого он вернулся в Эгас, прожил там четыре года и затем поднялся вверх по Амазонке до Фонтебоа, лежащего примерно у 66° з. д. Он предполагал преследовать до подножья Анд, но болезнь заставила его вернуться в Эгас, а в феврале 1859 г. он окончательно вернулся в Англию. Он собрал коллекцию из более чем 14 тыс. образчиков, в том числе 8 тыс. науке совершенно неизвестных.

В 1864 г. Бейтс занял пост помощника секретаря лондонского географического общества и посвятил остаток своей жизни тому, чтобы передать интересующимся полный опыт своей жизни в тропических странах Южной Америки. Он умер в 1892 г. Работа Уоллеса и Бейтса, хотя и не была географической в узком смысле, все же оказала громадное влияние на воззрения того периода, и оба они дали сильнейший толчок перестройке географического мышления, характерной для второй половины XIX в.

Изучение ряда притоков Амазонки оказалось длительным процессом и отняло у исследователей различных наций более двадцати лет. По самой Амазонке работа началась с исследований Асеведо и Пинто (1862—1864 гг.). В это же время выше по долине реки большую работу высокого качества проделал Чандлесс. Он произвел съемку реки Тапажос начиная от ее истоков; поднялся по реке Пурус на 3000 *км* и нанес на карту большую территорию в ее бассейне; исследовал реку Акири на 750 *км* и с нее совершил большое путешествие в глубь тропического леса в надежде добраться до Мадре-де-Диос; в 1867 г. поднялся по реке Журуа на 1900 *км* от ее устья; в следующем году проследил течение рек Канума, Абакашио и Масе-Ассу[1], а в 1869 г. исследовал реку Бени. Мало кто может конкурировать с ним по точности и объему работ в бассейне Амазонки.

Ортон исследовал притоки Амазонки, берущие свое начало в Перу, особенно реку Напо, тогда как Такер в 1868—1874 гг. исследовал Укаяли, Пачитеа и Пичис, а Вертеман заснял Тамбо, Самарес и Путумайо. Свои вклады в географию внесли в 1875—

[1] Все эти реки впадают в Амазонку между Мадейрой и Тапажосом. — *Прим. автора.*

1878 гг. также Черч, работавший на реках Мадейра и Пурус, Браун—по южным притокам Амазонки и Селфридж—по Мадейре; в 1875—1878 гг. Рейес вторично побывал на Путумайо.

Вслед за этими специализированными путешествиями последовали крупные экспедиции француза Жюля Крево. Свою работу на Амазонке в 1879 г. он начал с того, что проследовал по реке Путумайо до ее истоков и вернулся по реке Жапуре. В 1880—1881 гг. он отправился на реку Магдалену и оттуда с гор Колумбии спустился вниз по Гуавиаре и таким образом добрался до Ориноко. На следующий год он приступил к исследованию Пилькомайо, однакоже при попытке пролить свет на таинственную область Гран-Чако был убит. Работа его отличалась высоким качеством и, наравне с Чандлессом, он может быть назван одним из крупнейших исследователей этого периода. В ознаменование его трудов парижское географическое общество выпустило атлас южноамериканских рек, частично основанный на его исследованиях.

Среди других исследователей, поработавших в бассейне Амазонки, должны быть упомянуты геодезисты комиссии по демаркации границы между Венесуэлой и Бразилией (1880—1882 гг.), а также П. Лабр. Лабр подверг исследованию местность вокруг истоков реки Мадре-де-Диос, где его предшественник Мальдонадо поплатился жизнью в поисках подтверждения того, что река эта впадает в Мадейру, а не в Пурус.

Многое сделал в области исследования гидрографии бассейна Амазонки А. Кудро. В 1895 г. он работал на реке Тапажос, в 1896 г.—на реке Шингу и в 1896—1897 гг.—на реке Арагуайя, а в 1898 г., открыв ряд рек между Токантинс и Шингу, завершил важнейшие открытия. После него исследователям пришлось изучать уже открытые реки и накоплять материал о них. На Кудро закончилась эра крупных экспедиций для изучения гидрографии бассейна Амазонки[1].

Два других белых пятна на карте Южной Америки в 1850 г. были в пределах Аргентинской республики. Как в ней, так и в Южном Чили белые пятна были устранены почти окончательно лишь после 1870 г.[2], причем большая часть работы была завершена уже к 1890 г. В Аргентине большую работу проделал ряд способных немцев, работавших в штате Кордовского университета. Много света на географию пролили войны с индейцами 1879—1880 и 1884 —1885 гг. Путешествия Х. Фонтаны, совершен-

---

[1] Речь идет о следующих экспедициях: Лабра на Мадре-де-Диос (1891 г.), Пандо на той же реке (1892 г.), Пандо на Пурус-Акуири (1893 г.), Пандо на реках Журуа и Жаварн (1894 г.).—*Прим. автора.*

[2] Исключениями являются уже упомянутые нами крупные путешествия Бурмейстера и путешествия де-Мусси (1854—1863 гг.) в области, лежащей к югу от реки Бермехо.—*Прим. автора.*

ные между 1875 и 1880 гг., впервые ознакомили мир с южной частью Гран-Чако. Крево попытался произвести дальнейшее изучение этой области, но был убит индейцами; работа его была однакоже завершена Туаром, который достиг реки Пилькомайо со стороны Боливии и пересек по ней Гран-Чако. Таким образом миру стали известны как путь в Боливию по Пилькомайо, так и путь к Кордильерам по Бермехо. Съемки Пейджа по Бермехо, исследования Бальдриха по реке Пилькомайо и к югу от нее и многочисленные попытки найти удобный путь через континент повели к более близкому знакомству с Чако, но тем не менее северная часть его к концу столетия все еще оставалась практически совершенно неизвестной.

Что касается Южной Аргентины, то совершенное здесь в конце двадцатых годов путешествие Орбиньи из Буэнос-Айреса до Баия-Бланка и экспедиция на корабле «Бигл», в которой принял участие Дарвин, так же как изучение некоторых участков побережья и предпринятое в 1833 г. вторичное плавание вверх по реке Рио-Негро,—все способствовало созданию более ясного представления об этой части Южной Америки, чем то, какое существовало в 1800 г., но область в целом все же оставалась неизученной. Много нового было выявлено в результате экспедиции путешественника-пионера англичанина Дж. Мастерса, пересекшего в 1869—1870 гг. эту область от Пунта-Аренас в Магеллановом проливе до устья Рио-Негро. От Санта-Крус он проследовал по долине Рио-Чико почти до ее истоков и вслед за тем обошел подножье Анд. Поскольку он жил у индейцев, он не имел возможности производить точные наблюдения, но ему удалось собрать большой материал в отношении физической географии и быта этих областей, и он вправе именоваться первым исследователем Патагонии.

Хотя Мастерс и проделал большую работу, множество важнейших черт орографии осталось неизвестно ему. Другие исследователи без промедления приступили к этой работе. За годы 1881—1897 Огненную землю посетило девять экспедиций; Бове, Листа, Поппер и Шельце завершили дело исследования ее внутренней части. Несколько севернее открытие Фальбергом в 1873 г. озера Архентино послужило началом интенсивного исследования Южной Патагонии. Двумя годами позже Франсиско Морено приступил к первой из целого ряда своих экспедиций, продолжавшихся до конца века. В 1899 г. Морено выступил с докладом о своих путешествиях в Королевском географическом обществе.

«Первая моя поездка в Патагонию,—сказал он,—относится еще к 1873 г., когда я побывал на Рио-Негро. В следующем году я вернулся в те же места и достиг Санта-Крус. В 1875 г. я проехал от Буэнос-Айреса до озера Науэль-Уапи и до Андских Кордильер между 39°32′ и 42° ю.ш. В 1876 г. я побывал на реке

Чубут и, поднявшись по реке Санта-Крус, установил, что открытое Файльбергом озеро не совпадало с тем озером, что было открыто в 1782 г. Виедма, и что оба они вместе со множеством других являются частью целой системы озер, расположенных в параллельной Кордильерам меридиональной котловине... В 1877 г. несколько чилийских офицеров обнаружили в этом озере истоки реки Санта-Крус. Вскоре этого же пункта достиг Штейнман, а за ним аргентинские путешественники Кастильо, Мойяно и Листа. Мойяно совершил переход от Санта-Крус до реки Чубут, частью по маршрутам Мастерса, а частью Дарнфорда, побывавшего в 1877 г. на озерах Мастерс и Колюэ. В 1879 г. я опять вернулся на Рио-Негро, пересек Патагонию по 44-й параллели, дошел до Кордильер и преследовал по их склонам на север почти до 39-й параллели и вновь осмотрел озеро Науэль-Уапи. Как раз в это время и был заключен договор 1881 г. [между Аргентиной и Чили, когда обе стороны приступили к изучению Кордильер, по которым проходила государственная граница между ними]. Я сам принялся за работу в этом направлении. С 1882 до 1895 г. я занимался изучением Андских областей Аргентины, лежащих между 23-й и 34-й параллелями; а в 1896 г. по склонам и внутренней части Кордильер вернулся в Патагонию и вышел к озеру Буэнос-Айрес... В 1897 г. я посетил ту часть Патагонии, что расположена между Магеллановым проливом и 51-й параллелью... В 1898 г. я вторично поднялся по реке Санта-Крус и, продвигаясь вдоль восточного склона гор, достиг озера Науэль-Уапи и Пуэрто-Монтт».

Морено стал общепризнанным авторитетом по географии Аргентины. В 1902 г. он был привлечен к участию в комиссии по демаркации границы между Чили и Аргентиной, а в 1907 г. получил медаль Королевского географического общества.

Чтобы представить в связном виде ход работы Морено, нам пришлось забежать вперед и пропустить множество путешествий по совершенно новым областям Патагонии и Южного Чили. Среди них следует отметить предпринятое в 1878 г. исследование Рио-Чико и уже упоминавшуюся нами ранее работу Дарнфорда в Центральной Патагонии. В этой же области Мойяно в 1880 г. прошел от реки Чубут к реке Десеадо, а Фонтана в 1886 г. исследовал реку Чубут. Ряд последующих исследований выявил устройство поверхности в бассейне этой реки. Еще южнее открытие Мойяно истоков рек Койле и Гальегос послужило началом интенсивного исследования этой области, где между 1886 и 1898 гг. была проделана большая и полезная работа. По чилийской стороне работали инженеры чилийского гидрографического управления. Английские и немецкие офицеры-гидрографы с судов «Алерт» и «Альбатрос» вели систематическую съемку побережья, внутри же

страны работал ряд исследователей, среди которых надо выделить Крюгера и Стеффена. Последний, как и Морено, позже включился в работу комиссии по демаркации границы между Чили и Аргентиной, которой и отдал свое глубокое знание западных Кордильер, приобретенное им в результате начатых еще в 1891 г. исследований. До конца века Стеффен занимался горами, реками и озерами этого сложного и малоизученного района, в особенности же той его части, что лежит между озером Науэль-Уапи и Бейкер-Чаннело. Со своей стороны руководимая Т. Холдичем пограничная комиссия проделала большую дополнительную работу в этих местах, на изучении которых специализировались Стеффен и Морено.

Если взять следующую часть Кордильер, лежащую к северу от только что рассмотренных нами областей, то здесь попытка найти удобные пути из Мендосы (западная Аргентина) в восточную Аргентину повела к весьма ценным и подробным исследованиям Штельцнера (1872—1873 гг.) и Аве-Лалльмана. Всеобщее внимание к этой мало известной области было привлечено также попытками восхождения на гору Аконкагуа, в особенности в связи с успехом в этой области Фицджеральда. Многое дали географии исследования Хоста по территории, лежащей между 39-й и 36-й параллелями, так же как и Бракебуша, руководившего пятью экспедициями между 1881 и 1888 гг. Последний посвятил себя в особенности изучению области к северу от Мендосы. Он произвел весьма обширные исследования, собрал большой материал, который и использовал для составления многих карт Аргентины. Высоким качеством отличалась научная работа обоих Филиппи в Чили. Работы Р. А. Филиппи (отца) мы уже упоминали. Сын его Ф. Филиппи в 1885 г. продолжил работу отца в пустыне Атакама. Дальнейший шаг вперед в ее изучении сделал А. Бертран, исследовавший также горы, лежащие к востоку от нее, и составивший хорошую карту той части Кордильер, что лежит между 21-й и 27-й параллелями. В 1890 г. Атакамой занимался германский инженер Дарапский.

Переходя к той части Кордильер, что лежит в пределах Перу и Боливии, мы должны отметить здесь целый ряд исследователей: Андре (1875 г.), Винер (1875—1876 гг.), Тильман (1877 г.) и Геттнер (1888—1889 гг.). Полезные карты отдельных частей района составили Минчин, Мастерс и Вертеманн. Хит исследовал верхнее течение реки Бени. Пандо заснял и нанес на карту область между Бени и Куско, а еще севернее Сенез и Нетцли, Реймбах, Джемс и Ординер в ходе поисков удобных путей на восток близко ознакомились с Перуанскими Кордильерами.

Два путешественника, В. Рейс и А. Штубель, сыгравшие крупную роль в исследовании северо-восточной части континента, образуют собой связующее звено между теми, кто работал главным

образом в Перу, и теми, кто избрал ареной своей деятельности Эквадор, Колумбию и Венесуэлу. Интересы обоих лежали в области геологии и этнографии, но они дали очень многое для понимания физической географии изученных ими областей. Начав в 1868 г. с крайнего севера Колумбии, они проследовали по Магдалене и далее до Кито и приступили к систематическому изучению горных цепей как в Колумбии, так и в Эквадоре. Работой этой они были заняты до 1874 г., после чего посетили Перу. Они составили ценную карту Эквадора. Карту Эквадора составил также геолог Т. Вольф, объездивший страну по поручению правительства.

В Колумбии Р. Уайт (1862—1878 гг.) изучил провинцию Антиокию, где позже, в конце века, полезную работу проделал также Ф. Регель (1896 г.). Ценными вкладами в географию страны, в которой уже поработало столько выдающихся путешественников, явились исследования Геттнера в районе Восточной Кордильеры и в особенности работа В. Сиверса в пограничной области между Колумбией и Венесуэлой. Еще далее на восток, в Венесуэле, англичанин Саймонс побывал в 1878 г. в недоступной Гуахире, тогда как двумя годами раньше Закс пересек льяносы и вышел к Ориноко. И здесь большой географический материал в ходе своих путешествий собрал Сиверс: сначала в 1884—1885 гг. в Меридской Кордильере, а позже в 1892—1893 гг. по Центральной Венесуэле.

Исследование Гвианы и прилегающих областей возобновилось в 1872 г. и продолжалось до конца века. Но уже и до 1872 г. кое-что об общей географической структуре этого района стало известно в результате многолетней работы в восточной Венесуэле ботаника и зоолога Аппуна (1849—1868)[1]. Большое значение имели те съемки, какие производил здесь начиная с 1868 г. Браун и благодаря которым были решены загадки многих рек Британской Гвианы. Работы Монтолье (1872 г.), Шаффанжона (1884—1891 гг.) и Страделли (1888 г.) в бассейне Ориноко пролили некоторый свет на вопрос об истоках этой реки. Монтолье исследовал реку Инириду, Страделли—Вичаду, оба—в пределах Колумбии, тогда как Шаффанжон совершил несколько экспедиций к верховьям Кауры и Ориноко. Много географических фактов, относящихся к этой мало известной области, выявилось в результате работы комиссий по демаркации границ: между Бразилией и Венесуэлой (1880 — 1882 гг.) и между Венесуэлой и Британской Гвианой (опубликовавшей в 1897 г. результаты своей работы) и благодаря путешествиям Хюбнера в районах Верхнего Ориноко и Бранко (1895 г.).

[1] См. *Аппун*, «Под тропиками. Странствование по Венесуэле, на Ориноко, в Британской Гвиане и на Амазонке с 1849 по 1868 г.», СПБ, 1874.— *Прим. ред.*

Уже упоминавшаяся нами работа Шомбургка и Брауна в Британской Гвиане была дополнена в этот период многими другими путешественниками. Желанием совершить восхождение на гору Рораима привлечены были сюда Бодхэм-Уэтхем (1878 г.), Уайтли (1883 г.) и Им-Турн (1884 г.), причем последний дал науке много весьма ценного материала по естественной истории и этнографии. Он внес большой вклад в географию западной части Британской Гвианы, а своим исследованием рек, в том числе Куюни и Мазаруни, продолжил геодезическую работу путешественников-пионеров.

Что касается Голландской Гвианы, то здесь Циммерман в 1877 г. и Лот в 1879 г. установили большую часть течения рек Суринам и Сарамакка. Косвенно способствовали более близкому знакомству с географией страны также труды геолога Мартина и этнографа Кате. В 1901 г. крупная экспедиция под начальством майора Л. Бакхейса исследовала часть внутренней области, проделав особенно ценную работу по реке Копенаме.

Во Французской Гвиане Крево, о работе которого в других областях Южной Америки мы уже говорили, проследил в 1877 г. течение рек Ойяпок и Марони и, перейдя горы Тумашумак, вышел к реке Жари, которую и исследовал. Путешествие имело большое значение, так как оно связало съемки в Гвиане с уже изученными местностями в дельте Амазонки. Его работу продолжил и во многом дополнил Кудро, работавший в районе гор Тумашумак, по рекам Французской Гвианы и в районах, расположенных непосредственно к северу от дельты Амазонки. К своей работе во Французской Гвиане Кудро приступил в 1881 г. и в течение своей почти двадцатилетней деятельности исследовал многие области Южной Америки как в пределах Французской Гвианы, так и вне ее. Он умер в 1899 г. от лихорадки во время исследования крупного северного притока нижней Амазонки—реки Тромбетас.

Из всех тех крупных работ, что были проделаны в области изучения Бразилии в течение этого периода, мы можем упомянуть лишь несколько важнейших. Неизвестные районы Бразилии изучали независимо друг от друга англичане Уэлс и Биг-Уитер. Последний в ходе изысканий трассы железной дороги исследовал в 1872 г. большие, совершенно новые районы Южной Бразилии по рекам Иваи и Тибажи. Долго проживший в Бразилии Уэлс сделал больше всего для географии северной части страны, в особенности—долин Сан-Франсиско и Токантинс. Он проследовал по первой до Рио-Гранде, а потом по Рио-Сомно добрался до реки Токантинс, которую исследовал до Каролины. Оттуда по реке Гуажау он достиг Сан-Луиса на берегу океана... «Уэлс специально занимался физической географией и орографией Бразилии и, как это рисуется из его карт и объяснительных записок,

проделал очень ценную работу» (официальная оценка Королевского географического общества).

Однако больше всего продвинули дело изучения страны за этот период немцы. Ими были сделаны почти все открытия, за вычетом ценной геологической разведки, произведенной американцем О. Дерби в Минас-Жераисе, Гойясе и Сан-Пауло (1886 г.) и уже упомянутой нами экспедиции Кудро на севере. Среди немецких путешественников следует выделить Штейнена, который в 1884 г. проследовал со своим отрядом вниз вдоль всего течения Шингу, от Батови до ее впадения в Амазонку. Еще через три года он исследовал другой исток Шингу, Кулисеу, и собрал новые сведения о жителях этой области. Некоторые другие истоки Шингу остаются неисследованными и по сей день. В этом районе свою самую ценную работу проделал и Г. Мейер. В 1895—1896 гг. им были частично исследованы реки Жатоба и Ронуру. В 1899 г. он вернулся и вновь занялся изучением Ронуру и ее притоков, тогда как другие члены экспедиции сильно продвинули дело изучения ботаники и этнографии района.

Последней заслуживающей внимания была экспедиция, организованная государственной комиссией по исследованию Центральной Бразилии. На эту комиссию была возложена задача подыскания подходящего местоположения для новой столицы Бразилии, и в ходе своей работы она исследовала большую территорию в восточной части штата Гойас. Специалисты собрали большой материал по геологии и ботанике, геодезисты точно определили координаты ряда точек и во многом исправили имевшиеся в то время малоудовлетворительные карты. Руководил экспедицией директор обсерватории в Рио-де-Жанейро Л. Круло, и работу свою она провела в промежутке между летом 1892 г. и началом следующего года.

Исследование Южной Америки в течение XIX в. представляет ряд разительных контрастов исследованию Северной. В последней испанцы, хотя и обосновались на западном побережье и в Техасе, сделали очень мало для разведки континента в восточном направлении. Вполне достаточным объяснением этого явления служит господствовавшая в Новой Испании политическая обстановка и взаимоотношения между ней и метрополией, а также пустынный характер лежащих к северу от Мексики областей.

Далее, следует отметить, что в Северной Америке глубокую разведку производили охотники и торговцы пушниной, а в Южной Америке ничего подобного не наблюдалось. В Южной Америке прогресс географического исследования в XIX в. шел в общем теми же путями, что и в предыдущие два столетия—с большей интенсивностью, но и с большей путаницей, проистекавшей из многочисленности путешественников, обилия материала и обширности проблем. Однако и здесь исследования натолкнулись на ряд

тяжелых географических препятствий, в результате чего к началу XX в. в бассейне Амазонки все еще оставались обширные, почти совершенно неизвестные области. Трудности передвижения по территории в стороне от реки и сложность снабжения способствовали сохранению этого района в качестве арены для будущих исследований.

И в наши дни многие научные экспедиции продолжают работать как над систематическим изучением географии уже известных областей Южной Америки, так и над исследованием неизвестных. Из экспедиций последнего рода большая часть, естественно, стремится в громадный бассейн Амазонки. Из их числа мы можем упомянуть лишь три. Самая важная географическая работа в этом районе была произведена Гамильтоном Райсом. Начал он ее в 1907 г. путешествием в северо-западную часть бассейна и съемкой реки Ваупес до ее слияния с Рио-Негро. В 1912—1913 гг. он произвел съемку реки Изаны и части течения Инириды, а в 1917 г. довел съемку Рио-Негро до Манауса. В 1919—1920 гг. Райс произвел съемку Рио-Негро до реки Кассикьяре и Ориноко, а в ходе пятой экспедиции (1924—1925 гг.) произвел аналогичную работу по Рио-Бранко и Урарикоэре. Отчеты Райса о его путешествиях не только свидетельствуют о его собственных больших заслугах в деле точного познания огромной территории в Южной Америке, но и являются прекрасным комментарием к работе в этих местах его предшественников. Своей отличной работой Райс заслужил себе место в рядах крупнейших исследователей Южной Америки.

По южной стороне бассейна Амазонки лежит другой, также недостаточно изученный район. Уже в 1890 г. был образован Британский синдикат для съемки западной части Матто-Гроссо, но ему не удалось довести до конца свою работу. Большие исследования в этом районе провел полковник Рондон, вначале один, а позже—вместе с Теодором Рузвельтом, и хотя результаты не совсем оправдали ожидания, все же они представляют большую ценность, и одна из исследованных рек переименована ныне в честь руководителя второй из этих экспедиций[1].

Далее к востоку от Матто-Гроссо, в том районе, где в конце XIX в. работали Штейнен и Мейер, полковник Фосетт был убит туземцами,—видимо, позже конца мая 1925 г., так как с указанного времени о нем ничего неизвестно. Фосетт совершил много путешествий по Южной Америке. В 1906 г. и вторично в 1909 г. он руководил работами комиссии по демаркации границы между Боливией и Бразилией и проделал очень ценные исследования в Восточной Боливии. Он образует собой как бы звено между пер-

---

[1] Об экспедиции *Т. Рузвельта* см. его книгу «Через бразильские девственные области» («Through the Brazilian Wilderness», 1914).—*Прим. автора.*

выми исследователями этой области и современными. Как он сам говорил в 1910 г.:

«Если есть возможность взять с собой более или менее значительный вооруженный отряд, то следует повторить то, что сделал Гонсало Писарро, проделавший тяжелый поход от Кито до Амазонки. И искать придется примерно то же, ибо со времени поисков этой никак не дающейся в руки таинственной индейской цивилизации все время не прекращаются слухи, что во внутренних районах Южной Америки живет какое-то необыкновенное племя.

...[Фосетт] долго изучал ходившие по этому поводу легенды и пришел к заключению, что в них лежит ключ к загадке исчезнувшей Атлантиды. С целью проверки и доказательства своей гипотезы он в сопровождении сына Джека и молодого друга Рэли Риммеля, выступил в 1925 г. в новое путешествие в полной уверенности, что ему удастся сделать какое-то громадной важности открытие, которое должно поразить весь мир.

...[Фосетт] намеревался перешагнуть через порог цивилизованного мира в Куябе, направиться с мулами на север к Паранатинге, спуститься по ней на каноэ примерно до 10° ю. ш., совершить пеший переход к реке Шингу, с нее—к реке Арагуайя, далее—к Порт-Империал на Токантинсе и выйти к Барра-До-Рио-Гранде на реке Сан-Франсиско».

Фосетт безвестно исчез, и есть серьезные основания думать, что он был убит. Выступивший на поиски его морской офицер Дж. М. Дайотт совершил замечательное путешествие от Куябы к реке Кулисеу, оттуда на Шингу и по ней на Амазонку[1].

Любопытно, что у самой первой и самой последней из экспедиций в долину Амазонки оказались одни и те же цели. Путешествия в этом районе сопряжены со многими опасностями и лишениями, в основном связанными с трудными географическими условиями, и в этих местах сохранилось еще немало сложных проблем, ждущих научных исследователей для своего разрешения[2].

---

[1] Загадка исчезновения Фосетта до сих пор не разрешена, несмотря на слухи о том, что кто-то якобы видел Фосетта или нашел его вещи.— *Прим. автора.*

[2] Из русских этнографов начала XX в., специально изучавших—по выражению Фосетта— «необыкновенные племена» Южной Америки, выделяется безвременно погибший талантливый исследователь Г. Г. Манизер (1889—1917 гг.). Наиболее обстоятельно изучены Манизером племена бразильских индейцев-ботокудов, среди которых он жил в 1915 г. Его очерк—«Ботокуды (боруны) по наблюдениям во время пребывания среди них в 1915 г.»,—опубликованный в Петрограде в 1916 г. и вскоре переведенный на французский язык, до настоящего времени считается американистами, в том числе бразильскими учеными, лучшей работой о нынешнем состоянии ботокудов.—*Прим. ред.*

Глава XVI

АВСТРАЛАЗИЯ И ИНДОНЕЗИЯ[1]

Тогда как о территории других континентов европейцы накопили значительный материал еще до начала новой эпохи исследований, исследование Австралии, Новой Гвинеи и Новой Зеландии целиком укладывается в последние полтораста лет. Очень мало сделано для изучения даже некоторых крупнейших островов Тихого и Индийского океанов, хотя европейцы знали и посещали такие острова, как Борнео или Суматру, целых три столетия.

Научное исследование Индонезии фактически началось со времени путешествий А. Уоллеса (1854—1860 гг.); в Новой Зеландии кое-какое изучение внутренних районов началось уже в первой половине XIX в., но большой толчок к колонизации был дан лишь открытием золота в Отаго в 1861 г. Точные очертания Новой Гвинеи оставались неясными вплоть до 1873 г., когда капитан Морсби посетил юго-восточную оконечность острова. Хотя начало исследования внутренней части острова можно датировать 1858 г., когда Уоллес поселился на его северном берегу, все же в течение последующих пятнадцати лет было сделано очень мало.

Что касается Австралии, которой мы посвящаем большую часть этой главы, то исследование ее распадается на три периода. В течение первого из них, открывшегося в 1788 г. основанием поселка в Порт-Джексоне, работа ограничивалась изучением побережий, а также рек, берущих свое начало за восточными горами. Этот закончившийся к 1848 г. период можно назвать периодом изучения систем рек Меррей—Дарлинг. В течение этого периода более или менее выяснились также окончательно контуры побережья и кое-какие успехи были сделаны на западе,

---

[1] По Австралии см. следующие труды: *Фейвенс*, «История исследования Австралии» (*E. Favens*, «History of Australian Exploration», 1888), лучшая общая работа *Э. Скотт*, «Открытие Австралии» (*E. Scott*, «Australian Discovery»., 1929), т. I «На море» («By Sea»), т. II «На суше» («By Land»); этот труд состоит из выдержек из подлинных описаний путешественников и ценных вводных глав; он широко использован нами; «Австралийский школьный атлас» («The Australian School Atlas»), 1913 г., под редакцией Бартоломью и Кремпа, содержит ряд ценных карт, иллюстрирующих ход исследования Австралии, и вводный очерк истории исследования.—*Прим. автора.*

а в 1841 г. Эйр своим путешествием поперек Австралии связал воедино эти два района исследования.

Следующий период охватывает годы с 1843 по 1875, в течение которых выявились все основные черты географии Австралии; после этого начинается третий период, задачей которого является заполнение деталей, в особенности по западной стороне континента.

1. Австралия (1788—1842 гг.)

Хотя общие очертания побережья Австралии были определены уже голландскими исследователями и Джемсом Куком, все же поселившимся в 1788 г. в Порт-Джексоне англичанам предстояло выявить ряд деталей. Именно из этого поселка капитан Мэтью Флиндерс и Джордж Басс начали свое исследование залива Ботани-Бей и реки Джордж. После Ботани-Бея они перешли к съемке побережья к югу от него, а в 1798 г. Басс, как и раньше—в открытой шлюпке, совершил одиннадцати-недельное плавание вдоль побережья и по проливу, отделяющему Австралию от Тасмании. Бурный характер вод привел его к убеждению, что это был именно пролив, а не залив, хотя доказать свою теорию он тогда еще не смог. Эта проблема была решена к концу 1798 г., когда Басс и Флиндерс на судне «Норфолк» пересекли пролив и объехали Тасманию кругом, установив путем наблюдений местоположение наиболее выдающихся точек.

Следующим этапом была съемка южного побережья, которое оставалось все еще недостаточно известным, в особенности по восточной стороне. Флиндерсу было дано задание исследовать это побережье, особенно между заливом Кинг-Джордж на юго-западе и мысом Кейп-Хау на юго-востоке. В 1801—1802 гг. он совершил с этой целью весьма удачное плавание, в ходе которого открыл два крупных залива: Спенсера и Св. Викентия, а также остров Кенгуру. Вскоре после выхода из залива, Энкаунтер Флиндерс повстречал французское судно «Географ» с научной экспедицией Бодена на борту. Этот исследователь сделал несколько открытий на южном побережье, хотя и не столько, сколько утверждалось позже.

«Через эту точку, находящуюся под 35°40′ ю. ш. и 138°58′ в. д.,—писал Флиндерс,—проходит западная граница открытий по южному побережью, сделанных капитаном Боденом, и восточная граница открытий, сделанных мной на судне «Инвестигейтор». Однакоже Перон, натуралист в составе экспедиции, претендует от имени Франции на открытие всех земель между Уэстерн-Порт в Бассовом проливе и архипелагом Нейтса; и эту часть Нового Южного Уэльса он назвал «землей Наполеона».

Своими съемками южного побережья Флиндерс оказал географии большую услугу тем, что опроверг теории некоторых географов, утверждавших, что Австралия разделена неким проливом на два больших острова.

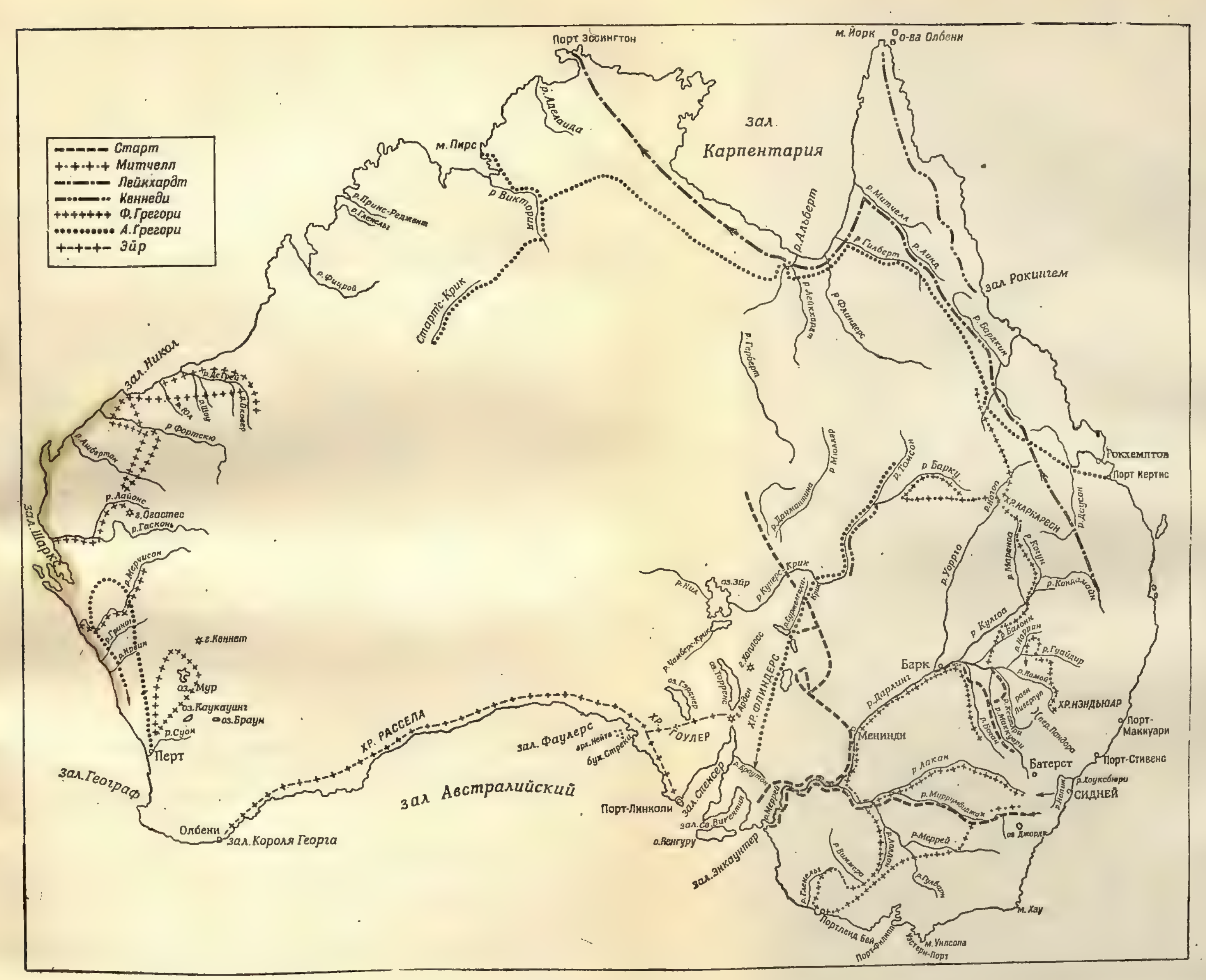
Позже, в 1803 г., Флиндерс совершил плавание вокруг всей Австралии и особенно внимательно изучил восточное побережье и залив Карпентария. Вслед за Куком он может претендовать на славу крупнейшего исследователя Австралии со стороны моря; некоторые его съемки, сделанные иногда в очень трудных условиях, остаются частично непревзойденными до сих пор.

В 1817—1822 гг. капитан Кинг провел ряд географических экспедиций вдоль западного и северного побережий Австралии и внес много ценных улучшений в существовавшие морские карты. Работа его, так же как и работа Флиндерса, отличалась высоким качеством, и ею закончился период исследований, в центре которого стояла задача изучения очертаний берегов Австралии.

В первоначальный период исследование внутренней части Австралии ограничивалось ближайшим хинтерландом Сиднея. Через десять лет, благодаря работе губернатора Нового Южного Уэльса А. Филиппа, капитана Тенча и лейтенанта Дауэса, местность между реками Хоксбери и Непеан была уже хорошо изучена, но колония стала перед серьезными трудностями. Места было мало, население росло, но природа Голубых гор делала их преодоление чрезвычайно трудной задачей. За исключением экспедиции Баралльера, которому удалось зайти на 220 *км* за реку Непеан, ни один исследователь не сумел перевалить за этот хребет.

На время колонисты прекратили исследование внутренней части страны, но засуха 1813 г. принудила их возобновить экспансию. В соответствии с этим лейтенант Лоусон, Д. Блэксленд и В. Уэнтворт выступили из фермы Блэксленда по реке Саут-Крик «с целью отыскания прохода в Голубых горах между Западной рекой и рекой Гроуз». Они углубились в горы до вершины Блэксленд, за которой обнаружили плодородную и обильно орошаемую местность. Вслед за ними прибыл правительственный топограф Д. В. Ивенс, добравшийся до равнины Батерст и долины реки Маккуари. После этого колонисты перегнали через горы свои стада рогатого скота и овец, проложили дорогу, а в 1815 г. был основан город Батерст. В том же году Ивенс открыл реку Лаклан.

Таким образом удалось разрешить первую и главную географическую проблему, а именно—перевалить через горы. Это поставило на очередь вторую задачу: предстояло выяснить, куда текли реки, верховья которых были известны колонистам. За решение задачи взялся Джон Оксли. В 1817 г. он достиг реки Лаклан, но дальнейшему его продвижению по ней помешали



43. Австралия до 1857 г.

огромные болота. По этой причине он повернул на восток, дошел до реки Маккуари, ниже Батерста, но не сумел выяснить, куда она течет. В 1818 г. Оксли сделал вторую попытку, проплыл 210 *км* по реке Маккуари, но и здесь, примерно на 31° ю. ш., болота не дали ему продвинуться дальше. Тогда Оксли повернул на восток, открыл реку Каслри, пересек хребет Арбутнот, вышел на великолепную равнину Ливерпул и в сентябре достиг реки «Пил» (то есть Намои). Он перевалил горы в обратном направлении, вышел к Порт-Маккуари и проследовал вдоль побережья на юг до Порт-Стивенса.

Разрешить загадку рек Оксли не сумел, но его предположение о том, где они должны кончаться, заслуживает внимания. Он писал:

«Утверждение, что мы достигли края моря или озера, в которое впадает эта масса воды [то есть река Маккуари], может совершенно резонно показаться основанным только на простой догадке; но если то, что я видел собственными глазами, дает мне право высказать какое-либо предположение, то я не колеблясь бы сказал, что мы были где-то на пороге внутреннего моря или озера, по всей вероятности, обмелевшего и постепенно заполняющегося теми мощными отложениями, какие несут воды, стекающие в него из более высоких мест. Замечательной чертой Австралии является то, что горы либо тянутся вдоль самого побережья, либо на сравнительно небольшом расстоянии от него».

Работа Оксли была продолжена ботаником А. Каннингемом, открывшим в 1823 г. проход Пандора и тем самым—более короткую дорогу к равнине Ливерпул. В 1827 г. он перевалил через хребет Нэндьюар и добрался до реки Кондамайн и Дарлинг-Даунса, а в 1828 г. открыл со стороны залива Мортон путь в горы, с высоты которых он сумел окинуть взором всю территорию, исследованную им годом раньше.

Высказанные Каннингемом в 1828 г. предположения о структуре внутренней части континента занимают среднее место между ошибочными, хотя и вполне закономерными для того времени представлениями Оксли, и действительным положением вещей.

«Поскольку между 34° и 37° ю. ш. тянется огромная впадина, подверженная в периоды затяжных дождей частичному затоплению полыми водами нескольких рек, стекающих в нее с восточных гор, где они берут свое начало, и поскольку вся местность между указанными параллелями имеет общий наклон к северо-северо-западу и северо-западу, мы с достаточным основанием можем из этого заключить: либо часть этой отдаленной внутренней области занята крупным озером, либо в результате

слияния этих больших рек—Маккуари, Каслри, Гуайдир и Дюмареск, не говоря уже о сети мелких потоков, которые на таких низменностях неизбежно сливаются,—образуется одна или несколько мощных рек, которые текут поперек континента... к северному или северо-восточному берегу; на некоторых частях последнего, по данным новейших съемок [то есть произведенных Кингом], существуют очень широкие устья, через которые в море могут излиться даже крупнейшие реки».

В это время важное путешествие на юго-запад совершили Г. Юм и В. Г. Ховелл (1824 г.). Они выступили сухим путем из Лейк-Джорджа, где жил Юм, пересекли реку Муррумбиджи, увидели покрытые снегами Австралийские Альпы и, переправившись через реку Меррей (которую они назвали рекой Юм), вышли к реке Гулбарн.

«За все свои путешествия,—писал Ховелл,—мне не приходилось видывать лучших пастбищ для овец. Холмы по реке Гулбарн почти совершенно безлесны и до самых вершин одеты травой, которая по впадинам просто превосходна».

Юм и Ховелл проследовали дальше через современный штат Викторию и вышли к Порт-Филиппу, не сумев, однако, разрешить загадку рек. Вместо этого Ховелл прибавил к списку уже накопившихся гипотез еще свою собственную.

«Мне кажется,—писал он,—что они изливаются в громадное озеро, в свою очередь имеющее сток в океан либо на северо-восток, либо на юго-запад,—в этих направлениях часть побережья низменная...».

Проблема, таким образом, еще более разрослась в результате открытия новых рек с внутренним стоком и еще более усложнилась благодаря все новым и новым гипотезам. Решена эта проблема была Чарльзом Стартом и Томасом Митчеллом. Засуха 1826—1828 гг. была настолько сильна, что, по словам Старта, «земля так выгорела, что на ней не осталось и следа растительности. Колонисты перегнали свои стада рогатого скота и овец в отдаленные местности, где были трава и вода, ибо здесь не осталось уже ни того ни другого». Таким образом, путешествие Старта было вызвано как стремлением установить течение вновь открытых рек, так и необходимостью отыскания пастбищ.

Старт, спутником которого в этом путешествии был Юм, выступил из Сиднея в сентябре 1828 г. и через некоторое время достиг того пункта на реке Маккуари, от которого Оксли повернул в обратный путь. Отсюда Старт и Юм пошли каждый своим путем, но оба в северном направлении, чтобы отыскать, где и как обойти болота, и позже, соединившись, открыли 1 января 1829 г. реку Боган. Они пошли по этой реке, пока не вышли на берег «могучего Дарлинга», вода которого оказалась слишком соленой

для питья из-за присутствия соленых ключей. Поэтому они повернули обратно к исходной точке и после короткого роздыха вновь выступили в направлении к реке Каслри, которой и достигли 10 марта. Речка оказалась пересохшей, но путешественники исследовали ее ложе и обнаружили, что она впадала в Дарлинг. На этом Старт решил закончить путешествие «не из-за недостатка средств, а из убеждения в бесплодности дальнейших поисков». Все же его путешествие принесло ту пользу, что помогло нанести на карту по крайней мере отрезок реки Дарлинг и установить, куда впадают две из открытых Оксли рек.

Потерпев неудачу в северо-западном направлении, Старт решил сделать попытку в юго-западном. Выйдя из Сиднея в ноябре 1829 г., он направился по старому маршруту Юма и 7 января 1830 г. спустил в воду лодку на реке Муррумбиджи. Это «смелое и отчаянное предприятие», как его характеризовал сам Старт, увенчалось успехом. После недельного плавания Старт достиг места впадения реки в Меррей.

«Мне лично,—писал Старт,—открытие реки доставило особенное удовлетворение, так как оно не только подтвердило мои предположения о конечной судьбе Муррумбиджи и оправдало мои, на первый взгляд, поспешные и необдуманные поступки,.. но и обеспечило конечный успех данного мне поручения».

23 января Старт достиг того места, где в Меррей впадала другая река, и сделал правильный вывод, что это может быть только река Дарлинг. Исследователь продолжал плыть по реке, пока 9 февраля не достиг ее устья.

«Прямо передо мной,—писал Старт,—простиралось великолепное озеро, вполне пригодное для того, чтобы принять в себя воды приведшей нас к нему могучей реки... Горные цепи теперь были еще более ясно видны. Они тянулись в направлении с севера на юг и находились в сорока милях от нас. Очертания их носили правильный и непрерывный характер; к югу они постепенно понижались, на севере же заканчивались высоким обрывом. Я не сомневался в том, что перед нами была гора Лофти, о которой сообщал капитан Флиндерс, и что передо мной та цепь, которая тянется к востоку от залива Св. Викентия».

Вскоре после этого путешественники достигли моря, но не раньше чем обнаружили, к своему разочарованию, что «великолепное озеро» было слишком мелко для судоходства.

После этого Старт решил вернуться обратно по той же реке Меррей вверх по ее течению. Несмотря на невероятные лишения и усталость ему удалось добиться цели, и 26 мая 1830 г. он прибыл назад в Сидней. Оба его путешествия имели громадное значение. Первое из них показало, что гипотеза Оксли о суще-

ствовании какого-то громадного болота внутри Австралии была неправильной, второе выявило истинную природу внутренних рек юго-восточной Австралии.

Окончательно проблема была разрешена майором Томасом Митчеллом в ходе его трех путешествий. В 1831 г. он пересек равнину Ливерпул, вышел к реке Намои, а в начале февраля достиг реки Гуайдир. Проследовав на короткое расстояние по ней, он повернул на север, сделал петлю к Дарлингу и проследовал по нему до устья Гуайдира. Поскольку запасы его были раскрадены, а два человека из состава его отряда убиты туземцами, Митчелл решил вернуться. Ему удалось, по его собственным словам, «доказать, что любая текущая в северо-западном направлении река должна заходить намного севернее 29° ю. ш. Все же реки к югу от этой параллели.., как выяснилось, целиком принадлежат к бассейну Дарлинга».

Митчелл обнаружил, что река Дарлинг была далеко не такой, какой ее видел во время своего первого путешествия Старт; по его словам, она была «не шире Темзы у Патни» (юго-западное предместье Лондона).

Второе путешествие Митчелла, предпринятое в 1835 г., не совсем подтвердило его первые впечатления. На этот раз он проследовал по реке Боган до ее впадения в Дарлинг и у слияния их построил Форт-Барк. Вода Дарлинга оказалась пресной, что вновь противоречило сообщению Старта, и Митчелл решил проследить ее течение до конца. После 480-километрового путешествия, добравшись до местности, где почти не было деревьев и очень мало травы, он повернул обратно.

«Теперь не остается сомнений,—писал он,—что это и есть та река, место впадения которой в Меррей видел Старт; а продолжать съемку до самого пункта слияния не было достаточно важным делом, чтобы из-за него подвергаться опасности».

В свое третье и самое удачное путешествие Митчелл вышел в 1836 г. У него, повидимому, существовали все еще крайне путаные представления по поводу истинной природы бассейна Меррей—Дарлинг, и он воображал, что внутри его находились четко выраженные горные цепи. Далее, он, вероятно, забыл свои первоначальные предположения по поводу Дарлинга и начал сомневаться в том, впадает ли он действительно в Меррей. Он стал даже думать, не принял ли Старт реку Лаклан за Дарлинг. Он начал с того, что проследовал по течению Лаклана до его слияния с Муррумбиджи, откуда продолжал путь до той точки, где в Меррей впадает Дарлинг, и поднялся по последнему до того места, где он превращается в цепь озер или луж и где можно ступать по его ложу. «Стоя на противоположном, или правом, берегу этой безнадежной реки,—записал он,—я решил,

что далее итти не имело смысла: мы точно знали, какая это была река».

Вернувшись на Меррей, Митчелл поднялся по реке и 8 июля открыл небольшую реку, названную им «в силу ее некоторого сходства с одной маленькой речушкой в Англии» Лоддоном. В этом более широком участке долины Меррея он нашел также ряд других рек, и вся местность в целом произвела на него прекрасное впечатление. Он записал:

«Наконец-то мы открыли вполне пригодную для заселения цивилизованным народом область, которой, быть может, суждено когда-либо стать частью великой империи. Леса здесь не слишком много, но достаточно для любой цели; почва прекрасна, и климат умеренный; с трех сторон область омывается океаном; ее пересекают и орошают могучие реки и бесчисленные ручьи. Я первый европеец, исследовавший горы и потоки этого рая, повидавший его живописные пейзажи, ознакомившийся с его геологической структурой и способствовавший своей работой эксплоатации тех естественных богатств, которые в недалеком будущем неизбежно станут на службу новому народу».

Нечего и говорить, что открытия Митчелла имели крупнейшее значение, но, увлекшись, он приписал себе одному более ранние открытия, совершенные другими путешественниками — Юмом и Ховеллом.

15 июля Митчелл нанес на карту Грампианские горы, еще через три дня открыл реку Виммеру, а в последний день месяца набрел на новую реку, названную им Гленельг, «согласно обычаю — в честь его превосходительства министра колоний». Повернув на юг, но не следуя точно долине реки, Митчелл вышел 20 августа к морю. Он сделал определение широты, произвел съемку устья реки и прилегающей местности и, как он прибавляет, «войдя вновь в устье реки с моря, я угостил своих людей бутылкой виски, во время распития которой река была торжественно окрещена Гленельг».

Продолжая путь на восток, Митчелл достиг залива Портленд, где нашел новоселов, живших там уже два года и занятых «доставкой овец и рогатого скота в количествах, размеры которых ограничивались лишь числом судов, которые можно было достать для их перевозки». В результате этого путешествия довольно четко определились основные черты структуры бассейна Меррей—Дарлинг к востоку и югу от Дарлинга.

Обрисовавшийся в общих чертах контур был заполнен рядом более мелких экспедиций. А. Макмиллан и граф Стжелецкий первыми проникли в страну Гипсленд, лежащую между полуостровом Уилсон и мысом Хау. Эта страна была совершенно изолирована от Мелбурна непроходимыми горами и лесными

чащами, но и с моря до нее было нелегко добраться, так что до посещения ее в 1840 г. этими двумя исследователями она оставалась фактически совершенно неизвестной. В том же году на реке Кондамайн был основан поселок, а в 1841 г. Стюарт Рассел прошел по течению этой реки до ее слияния с Дарлингом. Таким образом, к 1842 г. Юго-восточная Австралия была более или менее обследована в целом и хорошо изучена в отдельных частях. Постепенно в нее проникли колонисты, а по мере заселения обрастала новыми деталями и карта[1].

Тем временем кое-какие успехи были достигнуты и со стороны западного побережья. Слухи о том, что французское правительство замыслило широкие колонизационные проекты, привели к оккупации англичанами в 1826 г. залива короля Георга. В следующем году капитан Стерлинг исследовал реку Суон (Лебединую) и дал о ней благоприятный отзыв, а в 1831 г. капитан Баннистер связал обе эти области—залива короля Георга и реки Суон—воедино своим путешествием.

В 1836 г. лейтенант Ро предпринял путешествие из Перта в восточном направлении, но ничего важного, кроме соленых озер, вроде озера Браун, не открыл. В следующем году к исследованиям приступил лейтенант Грей, и дело пошло быстрее. Грей получил указание—отплыть морем к реке Принс-Реджент (у 15° ю. ш.) и оттуда пройти к большому заливу за Дампьерлендом.

«Вам придется,—гласила инструкция,—напрячь все силы, чтобы добраться оттуда до реки Суон, так как, идя этим путем, вам придется следовать вдоль неизученного побережья, что вынудит вас переправляться через все крупные реки, которые текут из внутренней части Австралии по направлению к морю, омывающему западный берег Австралии».

Грей выступил в свое путешествие в глубь Австралии с реки Принс-Реджент 17 декабря 1837 г., но после отчаянных четырехмесячных усилий так ничего и не добился, не считая исследования рек Гленельг[2] и Принс-Реджент. К концу апреля Грей отплыл на остров Маврикия. В сентябре он вернулся на реку Суон и с нее совершил два небольших путешествия в глубь неизвестного хинтерланда.

В 1839 г. он совершил свою последнюю экспедицию, отплыв из Фримантла к заливу Шаркс (у 25° ю. ш.), откуда он намеревался отправиться на исследование области, лежащей к северо-

---

[1] Об истории заселения Австралии см. книгу Робертса (*S. H. Roberts*, «History of Australian Land Settlement», 1924) со множеством хороших карт.—*Прим. автора.*

[2] Не та река Гленельг, что была открыта Митчеллом, а другая—в северо-западной Австралии.—*Прим. автора.*

востоку от залива. По несчастной случайности, он высадился на совершенно безводном острове. Пока он занимался бесплодными поисками воды, разразился ураган, во время которого погибли все его припасы. Все же он открыл к северу от залива Шаркс реку Гасконь и провел некоторое время в ее долине. Вслед за тем недостаток продовольствия вынудил его повернуть обратно в Перт. Отряд отплыл в двух открытых шлюпках, вынужден был по дороге зайти в залив Кантом за водой, и во время этой операции обе шлюпки потерпели крушение. Ничего не оставалось делать, как итти пешком до Перта, расположенного в 500 *км* к югу от залива. Грей вышел вперед, чтобы выслать навстречу остальным помощь, и добрался до Перта 21 апреля, прочие же участники отряда—9 мая. Плодами путешествия было открытие около десятка рек, включая Гасконь, Мерчисон, Гриног и Ирвин, так же как части «горных цепей» Дарлинг и Виктория.

В эти же годы Уикхем и Стокс исследовали другие части побережья, включая устья рек Фицрой, Виктория, Аделаида, Альберта и Флиндерс, а также долины некоторых из этих рек.

Таким образом, довольно большие успехи были достигнуты как на западном, так и на восточном побережьях. В 1841 г. большое трансконтинентальное путешествие, связавшее оба эти района исследования, совершил Эйр. У Эйра была овцеводческая ферма примерно в 240 *км* к северу от Аделаиды. В 1839 г. он исследовал часть хребта Флиндерс к северо-западу от открытой им реки Броутона. С одной из гор, позже получившей название Маунт-Эйр, он видел озеро Торренс. После его поездки в Аделаиду с сообщением о произведенных им открытиях, он был послан для ознакомления с побережьем к западу от Порт-Линкольна, что он и сделал, дойдя до залива Стреки. Отсюда он направился на восток через северную часть полуострова Линколна (ныне полуостров Эйр) и вышел к заливу Спенсер.

В 1840 г. Эйр выступил в северном направлении, зашел по хребту Флиндерса дальше чем прежде, пока, введенный в заблуждение наличием множества небольших соленых озер, не пришел к ошибочному заключению, что озеро Торренс раскинулось огромной подковой и что оно совершенно преграждает дальнейший путь. В соответствии с этим от горы Хоплесс он повернул обратно. Его курьезная ошибка относительно озера Торренс отразилась на картах того периода и была исправлена лишь в 1858 г.

Эйр вернулся к своей базе снабжения у горы Арден и направился затем к заливу Стреки, откуда произвел множество вылазок в западном направлении. Получив новые припасы из Аделаиды, 25 февраля 1841 г. Эйр выступил из залива Фаулерс в новую экспедицию. На этот раз его спутниками были Джон Бакстер и три туземца. Попытка такой маленькой экспедиции

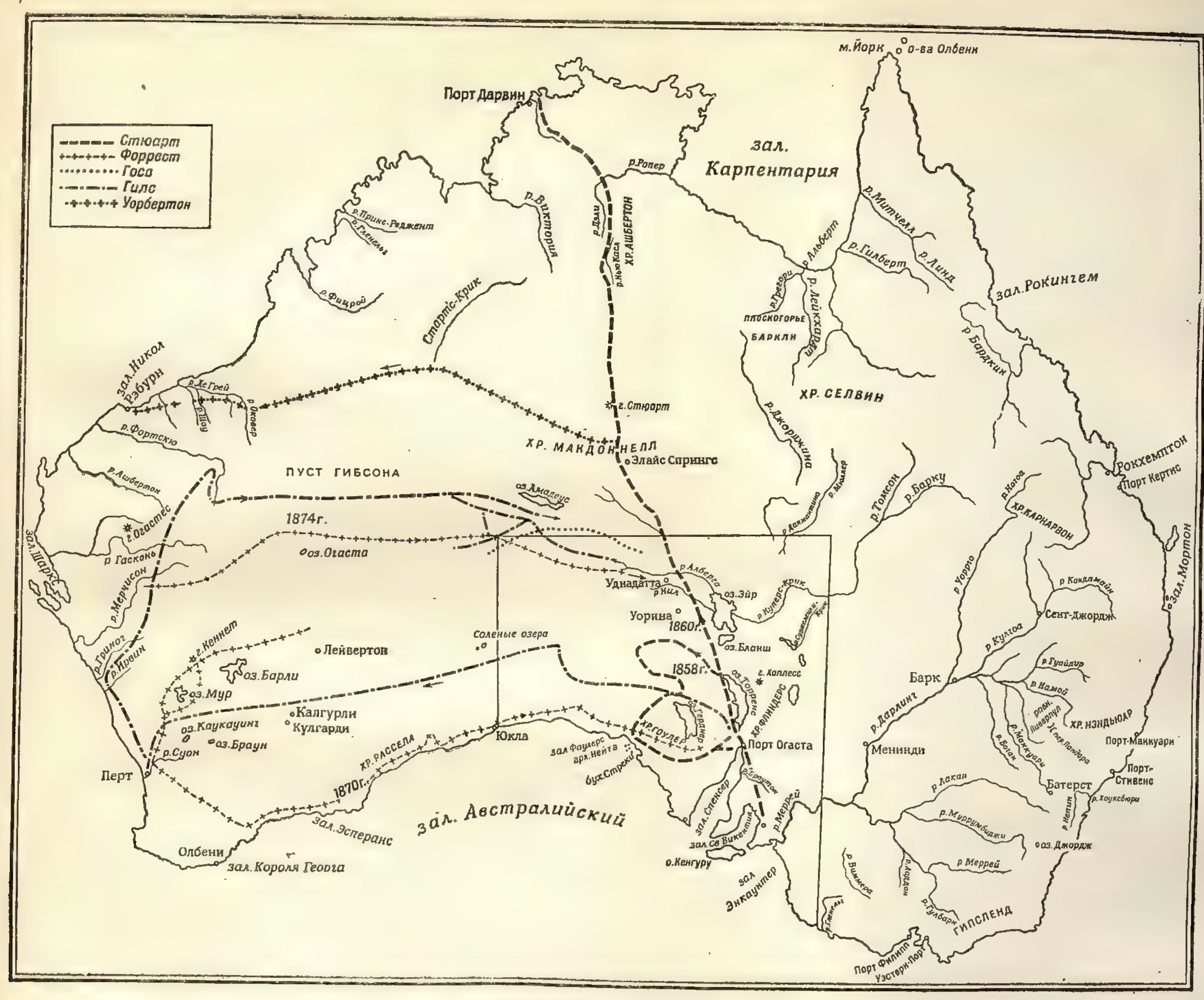
с явно недостаточными средствами пересечь весь континент была, конечно, безумием, и отряд действительно сильно страдал от голода и жажды. Эйр, однакоже, был полон решимости продвигаться дальше. Туземцы стали обнаруживать недовольство, что не должно вызывать удивления, так как 9 апреля отряд был все еще почти в 1000 *км* от места своего назначения, а еды осталось только на три недели. 19 апреля Бакстер был убит и двое туземцев бежало. Эйр все продолжал итти вперед, пока, к июню месяцу, все его припасы не пришли к концу. Здесь его спас совершенно неожиданный счастливый случай. Ему удалось привлечь сигналами внимание проходившего судна и получить от него помощь. Подкрепив свои силы, он продолжал свой путь к заливу короля Георга, которого достиг 14 июня, а оттуда прошел в стоящий на заливе город Олбени.

Эйр сделал мало открытий. Он сумел, однакоже, доказать то, что многие уже предполагали до него, а именно, что в Австралийский залив не впадала ни одна крупная река. Путешествие его также доказало тяжелые природные условия страны, отделяющей Южную Австралию от Западной. Все же славой своей он обязан скорее успеху рискованного предприятия, чем какому-либо ценному вкладу в географическую науку.

2. Австралия (1843—1875 гг.)

Первый значительный шаг вперед после Эйра сделал крупный ученый — путешественник Людвиг Лейкхардт. В 1844 г. он вышел с целью найти удобный путь от залива Мортон до Порт-Виктории. Последний был городком, основанным вблизи более старого, но к тому времени уже заброшенного поселка Порт-Эссингтона на северном побережье Австралии. 7 октября Лейкхардт достиг реки Кондамин и, следуя в северо-западном направлении, пересек водораздел, отделяющий ее от реки Доусон, вниз по течению которой он и прошел. Следуя все в том же северо-западном направлении, он пересек хребет Экспедиции и в феврале 1845 г. достиг южных притоков реки Бардкин. По долине этой реки Лейкхардт перевалил через лежащие в северном направлении горы, вышел к реке Линд и частью по ней, частью по реке Митчелл добрался к заливу Карпентария. Пройдя вдоль его южного берега и переправившись через ряд рек, в середине сентября Лейкхардт достиг Порт-Виктории. В Сидней он вернулся морем.

В ходе этой экспедиции Лейкхардт сделал много ценных открытий. Он покрыл маршрут длиной в 4800 *км*, обнаружил множество рек и гор, а также ряд пригодных для сельского хозяйства районов и разрешил свою задачу отыскания пути от восточного побережья к северному.



44. Австралия 1858—1875 гг.

он нашел лишь скудно орошенную страну. Может быть, эта обетованная земля лежала где-то дальше, но полной уверенности у него уже не было.

множество рек и гор, а также ряд пригодных для сельского хозяйства районов и разрешил свою задачу отыскания пути от восточного побережья к северному.

Два года спустя Лейкхардт выступил в новое путешествие, на этот раз с целью пересечь материк Австралии с востока на запад, но через некоторое время пропал без вести. Все экспедиции, посланные на поиски, вернулись, не обнаружив ни малейшего следа его отряда.

В 1846 г. Митчелл совершил путешествие, связавшее работу Лейкхардта с достижениями его предшественников. Митчелл все еще был убежден, что за рекой Дарлинг простирается водораздельный хребет, за которым течет другая большая река. Захватив с собой большой топографический отряд, он выступил в путь для проверки этого предположения. Он переправился через реку Нарран, вышел к реке Кулгоа и, продвинувшись вверх по ней к реке Балонн, устроил свою базу снабжения на том месте, где теперь стоит город Сент-Джордж. Отсюда отряд продолжал свой путь вверх по реке Когун до самого водораздела и открыл пересохшее ложе реки Мараноа.

Митчелл продолжал свой путь на запад до реки Уорrго, откуда повернул на север и, перевалив через хребет Карнарвон, вышел к реке Ногоа. Обнаружив, что эта река течет на восток, он оставил ее, повернул на северо-запад и достиг точки приблизительно у 21°30′ ю. ш. и 147°10′ в. д. Здесь он увидел, что двигаться дальше—значило бы лишь зайти в ту область, в которой уже побывал Лейкхардт, и поэтому решил повернуть обратно. На обратном пути он открыл верхнее течение реки Барку и проследовал по ней, пока у него хватало продовольствия. Экспедиция Митчелла была весьма успешной, и хотя он сам и не представлял себе этого, река, верхнее течение которой он открыл, была в своем нижнем течении до него открыта Стартом.

В 1844 г. Старт вышел из Аделаиды и, поднявшись вверх по рекам Меррей и Дарлинг, закончил не завершенную им самим в 1830 г. и Митчеллом в 1835—1836 гг. работу по исследованию Дарлинга. После этого он направился на северо-запад, миновал озеро Фром и открыл область, названную им Большой Каменистой Пустыней и два «крика» (системы реки Барку), названных именами Стжелецкого и Купера. В январе 1846 г. Старт прибыл обратно, совершив в высшей степени успешное путешествие, во время которого он почти достиг географического центра Австралии. В сочетании с его прежними достижениями в этой области данная экспедиция дает ему право на место в первом ряду исследователей Австралии. Вышел он в путешествие в поисках в центре Австралии хороших пастбищ, о существовании которых он сделал заключение, изучая перелеты птиц, однакоже вместо этого он нашел лишь скудно орошенную страну. Может быть, эта обетованная земля лежала где-то дальше, но полной уверенности у него уже не было.

«Хорошо было бы,—писал Старт,—приподнять то покрывало, которое все еще скрывает лик страны, даже если бы этот лик, как сказано пророком, испепелил человека, узревшего его».

Работа Старта и Митчелла была доведена до конца Э. Б. Кеннеди, который был послан в 1847 г. из Сиднея с заданием выяснить, впадает ли река Барку в залив Карпентария, как считал Митчелл, или же, что казалось более вероятным, она течет в юго-западном направлении. Он последовал по маршруту Митчелла и проник дальше его в глубь материка. Угроза голодной смерти заставила его повернуть обратно, но он все же проник достаточно глубоко, чтобы опровергнуть предположение Митчелла и установить связь Барку с реками, открытыми Стартом. На обратном пути он дополнил имевшиеся к тому времени сведения о реках Уорրго и Кулгоа некоторыми новыми данными.

В 1848 г. Кеннеди был вторично послан в экспедицию, на этот раз для исследования Квинсленда. Он выступил в путь из залива Рокингем-Бей (у полуострова Йорк) с целью выйти к северной оконечности полуострова. Это ему почти удалось, но он был убит в тот день, когда был у своей цели. О его судьбе рассказал сопровождавший его туземец; другие, отставшие члены отряда были позже спасены.

Две другие экспедиции завершили получение общего абриса северного Квинсленда. В 1846 г. Ф. и А. Джардины прошли вдоль западного берега полуострова и в начале марта 1847 г. вышли к его северному побережью против острова Олбени. Они лишились большей части своего рогатого скота, сильно пострадали от туземцев и так же, как отряд Кеннеди, вернулись с обескураживающими известиями. Однакоже совершенно другие известия привезла научная экспедиция В. Ханна, выступившая для изучения этой области вплоть до 14° ю. ш., главным образом для отыскания в ее недрах ценных минеральных богатств и в первую очередь золота. Ханн нашел золото на реке Палмерс-Крик, собрал множество ценных сведений и продвинул дело детального изучения рек Лейкхардт, Линд, Гилберт и других.

Постепенно раздвигались на восток и рамки изученной территории Западной Австралии. На юго-западе Дж. Ро совершил путешествие от Перта до города Олбени, а оттуда до хребта Рассела, где недостаток воды и продовольствия принудил его повернуть обратно. Поэтому он прошел вдоль побережья на запад до Олбени, оттуда пересек область в направлении залива Географ и прибыл, наконец, в Перт. Экспедиция дала новые материалы по географии, геологии и ботанике района.

К северу от Перта Ф. Грегори открыл в 1846 г. озеро Мур, брат же его, А. Грегори, выступил в путешествие с целью достичь

реки Гасконь и исследовать хинтерланд залива Шаркс. Он выступил в северо-западном направлении, прошел около 1500 миль и достиг 27° ю. ш., но не разрешил поставленной себе главной задачи.

Продолжением этих открытий была работа, проделанная экспедицией Р. Остина в 1854 г. и второй экспедицией Ф. Грегори в 1857 г. Первый из них открыл реку Каукауинг, проследовал на северо-восток до горы Кеннет и от нее повернул на северо-запад. Он переправился через реку Мерчисон, но вскоре из-за недостатка воды вынужден был повернуть обратно. В 1857 г. Ф. Грегори проследовал по реке Мерчисон до реки Импи, а в 1858 г., выйдя из бассейна реки Гасконь, исследовал реку Лайонс и достиг горы Огастес (названной так в честь его брата). В 1861 г. он совершил свое третье путешествие. Выступив из залива Никол на побережье, он направился вначале на юг, открыл реку Фортскью и проследовал по ней, насколько это было возможно. За ней он открыл реку Ашбертон и дошел до места, откуда была видна гора Огастес. Вернувшись к заливу Никол для пополнения запасов, Грегори прошел на восток, сколько позволяла местность, открыл реки Юл, Шоу, Де-Грей и Оковер, но не сумел проникнуть в пустыню, лежащую к востоку от последней из названных рек. Он спустился вниз по реке Оковер к побережью, а оттуда к исходной точке своего путешествия.

Экспедиции Ф. Грегори сыграли значительную роль. Он дал точное и подробное физико-географическое описание посещенных им мест и открыл несколько плодородных областей. Плодом его путешествий было основание в 1863 г. поселка вблизи реки Де-Грей.

Успешно шло и исследование Южной Австралии. В 1856 г. Баббадж пересек местность, окружавшую «подковообразное» озеро Торренс, и открыл озеро Бланш. В следующем году для съемки этой местности был послан Гойдер, по возвращении сообщивший, что он видел множество пресноводных озер. Его рассказы были опровергнуты начальником топографического управления Фрилингом, заявившим, что

«все те обширные заливы, какие Гойдер описывает в своем отчете, утесистые мысы, острова между северным и южным берегом, являются лишь результатом миража и на самом деле не существуют. Теперь выяснилась также неправильность вывода его отчета, будто уровень озера Торренс подвержен лишь самым незначительным колебаниям».

В 1857 г. на исследование области вокруг хребта Гоулер выступили две экспедиции—Хака и П. Э. Уорбертона, но привезенные ими сообщения были противоречивы. В следующем году

Баббедж открыл озеро, вначале получившее название Грегори, а позже переименованное в Эйр, но его сообщению не поверили. Он был отозван, а вместо него послан Уорбертон. Последнему удалось установить, что озеро Торренс вовсе не имело подковообразной формы, и заключение его было подтверждено Дж. Стюартом, также занявшимся изучением области к западу от озера Эйр и открывшим реки Чемберс-Крик и Нил.

Пока, таким образом, со всех сторон шло выявление отдельных деталей физической географии Австралии, исследователи приступили к ряду трансконтинентальных путешествий. В этой связи нелишне напомнить, что одно такое путешествие уже совершил Лейххардт и что он поплатился жизнью при попытке совершить второе. В 1855 г. А. Грегори выступил в экспедицию с целью изучения реки Виктории в Северной Австралии и отыскания следов экспедиции Лейхардта. Он высадился вблизи Пирс-Пойнт, успешно проделал исследование реки Виктория, открыл реку Стартс-Крик, после чего отправился примерно по той же трассе, которой следовал в 1845 г. Лейххардт, но несколько дальше от побережья. В декабре 1856 г. он вышел в Порт-Кертис на восточном побережье. Экспедиция его была успешной, хотя отыскать Лейххардта ему не удалось. Два года спустя, в ходе следующей экспедиции, Грегори закончил исследование реки Барку, проследовал по ней до реки Стжелецкого и оттуда через озеро Бланш направился к Аделаиде. Таким образом, А. Грегори удалось совершить два весьма важных трансконтинентальных путешествия, открыть большие новые области и во многих отношениях дополнить работу более ранних путешественников, пробивавшихся в глубь континента с юга или востока.

Первыми путешественниками, пересекшими Австралию с юга на север, были Барк и Уилс. Им было дано задание—исследовать Центральную Австралию и выйти к заливу Карпентария, вблизи открытой в 1841 г. Стоксом реки Альберт. В октябре 1860 г. они вышли из Мениндп по реке Дарлинг, в ноябре прибыли на реку Барку и в феврале следующего года достигли эстуария реки Флиндерс. До побережья, однакоже, они не добрались. На обратном пути, при попытке пройти от реки Куперс-Крик к Аделаиде, оба эти руководителя экспедиции умерли. Научные результаты экспедиции малы по сравнению с затраченными на нее средствами, и Барк и Уилс не могут претендовать на место в первом ряду исследователей. Своей славой они обязаны скорее своей трагической смерти, чем достижениям в области географии.

Гораздо более ценные услуги географии оказали те отряды, что были посланы к Центральную Австралию на поиски экспедиции Барка и Уилса. Хауитт добрался до реки Куперс-Крик и спас оставшегося в живых участника экспедиции Кинга. Мак-Кинлей прошел на запад от озера Бланш, проследовал по рекам Куперс-

Крик и Мюллер и вышел к устью реки Альберт в заливе Карпентария. Он вернулся в Квинсленд по реке Бардкин и в своем отчете засвидетельствовал, что значительная часть земли, обычно считающаяся пустыней, представляла собой в хороший сезон прекрасное пастбище. Ландсбро, который отправился в путешествие с реки Альберт, открыл реку Герберт, вернулся на реку Олбени и оттуда, пройдя сушей к рекам Флиндерс и Томсон, достиг Барку. Далее он проследовал по реке Уоррго к реке Дарлинг. Уокер отправился по побережью от Рокгемптона к рекам Бардкин и Альберт, вернувшись обратно по рекам Томсон и Барку. В результате всех этих исследований выяснились почти все основные черты физической географии Австралии к востоку от линии, проведенной от реки Альберт к заливу Спенсера.

Что касается территории к западу от этой линии, то Дж. Стюарт в 1858 г. исследовал страну к северу от озера Гэрднер, а в 1860 г. приступил к ряду путешествий, целью которых было пересечь материк с юга на север. Он вышел из Аделаиды, прошел к западу от озера Эйр и открыл множество рек, в том числе реки Албергу и Финк и горную цепь, названную им в честь губернатора Южной Австралии хребтом Мак-Доннелла. 22 апреля он достиг того, что считал географическим центром Австралии, и назвал находившийся вблизи него «высокий холм» «Центральной горой Старта». Позже гора была переименована в честь самого открывшего ее Стюарта (Сентрал-Маунт-Стюарт). Вскоре после этого туземцы повели себя так угрожающе, что дальше двигаться было неблагоразумно.

В январе 1861 г. Стюарт сделал вторичную попытку, добравшись на этот раз несколько ближе до северного побережья. Он вышел своей прежней дорогой и прошел у подножья хребта Албертон, вблизи которого набрел на речку, получившую название Ньюкасл-Уотер, но пробиться дальше сквозь густую чащу скраба (зарослей кустарника) не смог. Недостаток продовольствия и воды заставил его повернуть обратно.

Третье и последнее свое путешествие Стюарт совершил в 1862 г. На этот раз ему удалось найти путь сквозь «скраб» и открыть речку Дели-Уотерс. 30 июня он переправился через реку Ропер и проследовал далее по одному из ее северных притоков—реке Чемберс. Перевалив через водораздел, Стюарт воспользовался долиной Аделаиды для дальнейшего продвижения и, по необходимости делая по болотистой местности обходы, достиг побережья 24 июля.

«Таким образом... мне удалось добиться великой цели, стоявшей перед нашей экспедицией, и провести за собой целым и невредимым весь отряд, являющийся живым свидетелем нашего успеха. Мы прошли по самой чудной местности, которую когда-либо

видел человек, прекрасной до самого побережья, в полумиле от которого катит свои никогда не иссякающие воды река. От Ньюкасл-Уотер до морского пляжа наши лошади оставались непоенными только одну ночь, но и то мы нашли воду на следующий день. Если эта область будет заселена, то она превратится в одну из самых цветущих колоний Британии, в которой можно будет производить любые сельскохозяйственные культуры. Что за страна для хлопка!»

Путешествия Стюарта имели большое значение. Когда-то он был участником центрально-австралийской экспедиции Старта и теперь сумел с успехом применить накопленный им большой опыт путешествий в полупустынных районах. Его путешествия показали, что при условии надлежащей подготовки и принятия необходимых предосторожностей этих областей бояться было нечего; они подтвердили также сообщения отрядов, посланных на выручку Барка, а именно, что в тех областях, о которых Старт и другие дали довольно мрачные отзывы, много хороших и плодородных земель.

Между маршрутом Стюарта и сравнительно узкой полоской территории вдоль западного побережья лежала огромная неизвестная область. Большая часть ее подверглась исследованию между 1862 и 1875 гг. В 1869 г. Дж. Форрест проследовал на некоторое расстояние на восток от озера Барли, а в следующем году прошел по южному побережью в направлении, обратном маршруту Эйра. В 1871 г. Александр Форрест добрался из Перта в Ист-Кулгарди, откуда и прошел по неисследованной области на юг до залива Эсперанс. В 1872 г. Джайлс исследовал верховья реки Финк, а в следующем году проник в пустыню Гибсона. В 1873 г. Госс, выйдя из Южной Австралии, исследовал область к западу от реки Алберга. Все же в центре континента осталось большое белое пятно между уже изученными областями на западе и рубежом, достигнутым Джайлсом и Госсом.

В 1874 г. это пятно пересек Дж. Форрест. Он выступил в путь с западного побережья в марте с целью добраться от Перта к линии телеграфа, проведенной в 1872 г. от Порт-Дарвина до Аделаиды. Форрест вначале последовал по реке Мерчисон, а потом использовал цепь источников. Однако вскоре и этой воды не стало, и к августу месяцу он забрел в такого же рода область, какую в прошлом году нашли непроходимой Джайлс и Госс. Однако он упорно двигался вперед и 27 сентября вышел к линии телеграфа. Работа его была весьма ценной, хотя выводы из нее были мало утешительны, поскольку Дж. Форрест пришел к заключению, что из всех областей, по которым он прошел, пригодной для колонизации была только долина Мерчисона.

Тем временем П. Уорбертон пересек Австралию с востока на запад под несколько более северной широтой. Он покинул Аде-

ланду в 1872 г. и отошел от телеграфной линии в апреле 1873 г. в пункте Элайс-Спрингс. Путь его лежал вначале к истоку реки Стартс-Крик (уже открытой А. Грегори) и далее на запад, к реке Оковер и к Рэбурну на побережье. Уорбертон также пришел к заключению, что лишь небольшие клочки внутренней пустынной части страны пригодны для колонизации.

Третье путешествие поперек западной пустыни было совершено в 1875 г. Джайлсом. Он вышел из Порт-Огасты в мае и пересек неисследованную область, лежащую между побережьем и трассой, путем, которым в 1874 г. шел Форрест. Он прошел мимо озера Мур и в ноябре вышел к Перту на западном побережье. Далее он направился на север к верховьям реки Ашбертон, откуда повернул на восток поперек пустыни. Таким образом, пройдя пустыню Гибсона, он достиг местности, исследованной им еще в 1874 г. Его сообщения значительно пополнили географические сведения об этой области, но, так же как и сообщения Форреста и Уорбертона, показали, что лишь очень малая доля пустынной внутренней части страны пригодна для колонизации.

Трое этих путешественников стерли множество белых пятен с карты Австралии; ими заканчивается период исследования Австралии путешественниками-пионерами. И после 1875 г. было совершено немало путешествий, двинувших вперед познание географии Австралии, но к этому году основные черты ее уже полностью обрисовались, и последующие открытия лишь уточняли то, что в общих чертах было уже известно.

3. Австралия после 1875 г.

В области к югу и юго-западу от залива Карпентария Ходжкинсон проследовал в 1875 г. вверх по реке Флиндерс, пересек хребет Селвин и спустился вниз по реке Даямантине почти до границы штата Южной Австралии. После этого он повернул на север, проследовал вверх по реке Джорджина и пересек плоскогорье Баркли по направлению к реке Грегори, по которой и вышел обратно к заливу Карпентария. Через три года через эту же область прошла квинслендская экспедиция Фавенка. Выйдя из Баркалдайна и следуя в северо-западном направлении, отряд прошел к югу от хребта Селвин и вышел к линии телеграфа у Дэли-Уотерс, откуда продолжал путь до Порт-Дарвина. В 1883 г. Фавенк вернулся в эти места и проследил течение реки Мак-Артур до залива Карпентария. Тем временем Бьюкенен в ходе своего путешествия от плоскогорья Баркли к Теннентс-Крик (на линии телеграфа) пересек трассу первого путешествия Фавенка.

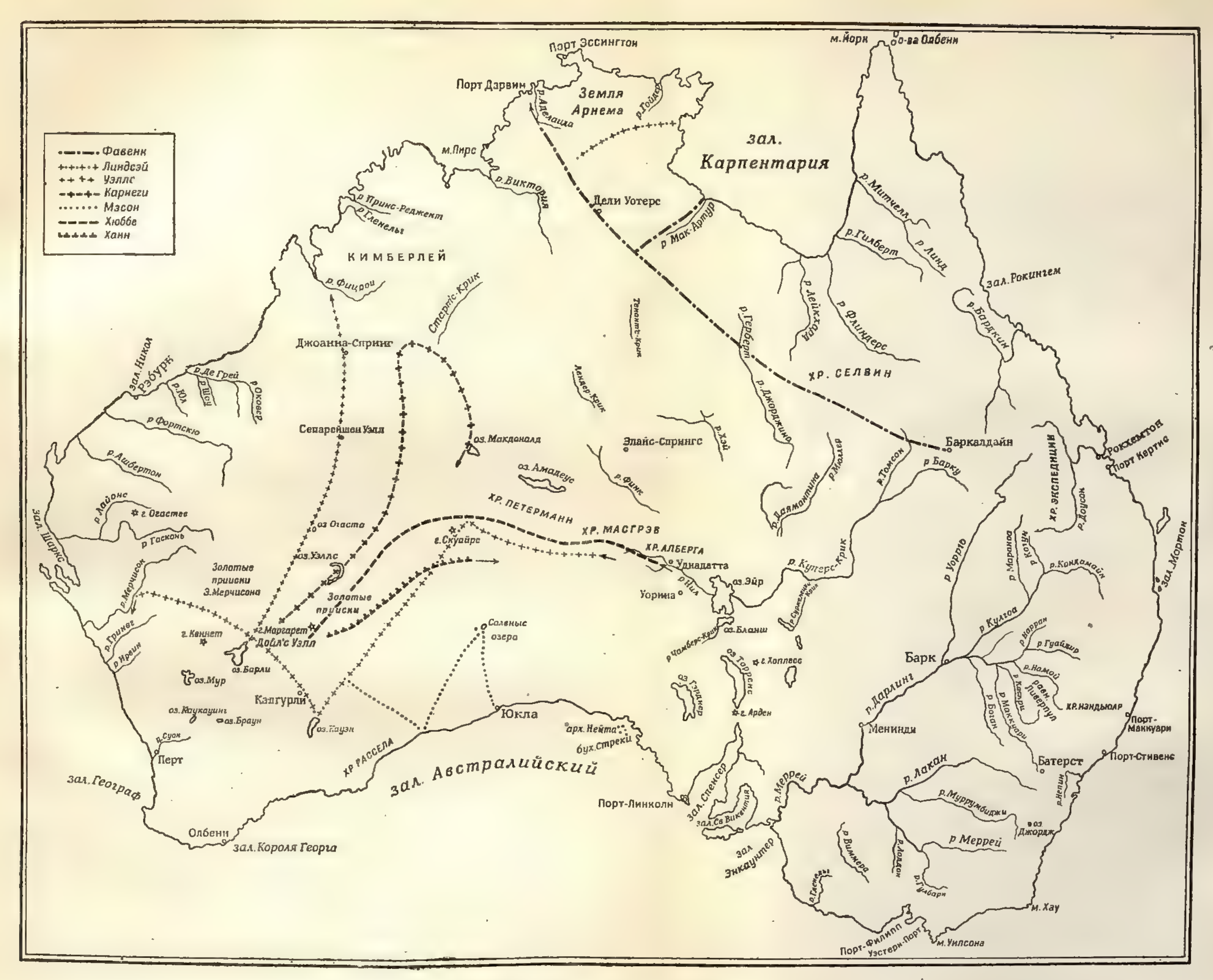
В 1878 г. Барклей исследовал реку Хэй и ее притоки к западу от квинслендской границы, а много лет спустя, в 1904 г.,—верховья

реки Финк. Точно так же Линдсей в 1885—1886 гг. пересек область между реками Джорджина и Финк и между Финк и нижним течением реки Хэй. В 1891 г. он совершил более длинное путешествие от реки Алберга в западную пустыню, где он повернул на юг и прошел к озеру Кауэн в Западной Австралии. После этого он проследовал в северо-западном направлении через озеро Барли к реке Мерчисон. К северу от этого маршрута Титкинс в 1889 г. исследовал область между Элайс-Спрингс, озером Амедеус и озером Макдональд. Еще севернее в 1894 г. вышла крупная, хорошо оборудованная экспедиция Хорна с целью исследования местности между Уднадаттой и хребтом Мак-Доннелл. Интересы ее лежали скорее в области геологии и антропологии, чем чистой географии, но она дала новый ценный материал и по географии мало известных областей Центральной Австралии.

В последующие годы центр тяжести исследований перемещается в область к западу от горных цепей Центральной Австралии. Уже в 1891 г. Линдсей пробился оттуда в Западную Австралию, а в последующем году Л. А. Уэллс, двигаясь с запада, достиг ныне носящего его имя озера. В 1896 г., руководя экспедицией Калверта, он добился еще некоторых новых успехов. Он вышел в путь с северного берега озера Барли и, идя, в общем, в северном направлении, обошел озеро Огаста и через Сепарейшен-Уэлл и Джоанна-Спринг достиг реки Фицрой. На участке пути к северу от Сепарейшен-Уэлл погибло два участника похода.

В 1896 г. Д. В. Карнеги проследовал по маршруту, в общем параллельному маршруту Уэллса, пройдя от Дойлс-Уэлл в золотоносном районе Ист-Мерчисон к реке Стартс-Крик и вернувшись по несколько более восточному маршруту через озеро Макдональд. В предшествующем году В. Карр-Бойд вышел из золотоносного округа Калгурли, пересек золотоносный округ Маунт-Маргарет и, пройдя севернее пути Линдсея (1891 г.), вышел к Уоррине в Южной Австралии. Значительная часть его пути лежала в совершенно новой местности. В 1896 г. Хюббе прошел ту же территорию в обратном направлении, выйдя из Уднадатты и держась к югу от гор Масгрейв. Он пересек пустыню и вышел к золотоносному району Маунт-Маргарет.

В том же 1896 г. Масон исследовал область Австралийского залива и между Юклой (Euclla) и Солеными озерами пустыни Виктории. В следующем году Г. Расселл пересек область между Маунт-Маргарет и Маунт-Сквайрс по маршруту, пролегавшему к югу от пути Гюббе. Эту же область вновь исследовал в 1903 г. Ф. Ханн. Он прошел от Лейвертона до Уднадатты несколько южнее того пути, которым шел Расселл. За пределами охваченного им района Дж. Мюйр в 1901 г. исследовал область между Калгурли и Юклой,



45. Австралия после 1875 г.

болота. Терри пришел к заключению, что болото связано с

Дж. Мюир в 1901 г. исследовал область между Калгурли и Юклой,

дополнив тем самым более раннюю работу Масона в южном прибрежном поясе.

В течение последней четверти XIX в. путешественники-пионеры проникли во многие мало известные части Австралии. Многие путешествия ставили себе целью отыскание месторождений полезных ископаемых или пастбищ и давали ценные научные результаты. Множество упоминавшихся выше экспедиций направлялось большей частью в западные области, где очень мало хороших пастбищ. Экспедиции лишний раз подтверждали этот факт и вместе с тем отыскали много источников и колодцев, которые крайне необходимы при переходах через такие засушливые области. В последнее десятилетие XIX в. в Западной Австралии было обнаружено золото. Сюда хлынул поток людей из всех частей света. В частном порядке были проведены большие исследования, и некоторые районы были колонизированы; но население оставалось в них лишь потому, что его властно притягивало золото.

В текущем столетии открытий было сделано немного, хотя век научного исследования Австралии нельзя никоим образом считать законченным. Так, в 1908—1909 гг. С. Уэстон исследовал большую неизвестную область между Стартс-Криком и горами Центральной Австралии. По его словам, хотя поверхностных вод в этой области совершенно нет, местность покрыта лесами и кустарником; многие из них дают прекрасное пропитание верблюдам, и повсюду много хорошей травы. В 1926 г. в Центральную Австралию вышла экспедиция Маккея, поставившая себе целью

«..ликвидировать остающееся в юго-западном углу Северной Австралии белое пятно, проверить на месте координаты хребтов и гор, которые прежние путешественники видели издали и нанесли на карты по догадке, а также исследовать эту область и сделать выводы о ее пригодности, если о таковой вообще может итти речь, с точки зрения пастбищного скотоводства».

Экспедиция исследовала область между Уднадаттой и хребтом Питерман. Она пришла к заключению, что как пастбища земля никакого будущего не имеет, главным образом ввиду «скудости и нерегулярности выпадения осадков», а также из-за кроликов, пожирающих большую часть естественных растительных ресурсов и угрожающих «в конце концов оставить Центральную Австралию совершенно без пастбищ». Зато геолог экспедиции Бэйлдау пришел к заключению, что «область имеет исключительно большие перспективы с точки зрения добычи золота».

Следующая экспедиция, руководимая М. Терри (1928 г.), исследовала область между Стартс-Криком и Лендер-Криком. Целью ее было завершить работу, ранее начатую А. Давидсоном, и установить границы открытого им огромного пересохшего болота. Терри пришел к заключению, что болото связано с

Лендер-Криком и что в прошлом последний, вероятно, изливал свои воды в эту область.

Что касается северной части Австралии, то здесь после 1875 г. был совершен ряд крупных путешествий. В 1879 г. А. Форрест совершил переход от реки Де-Грей до реки Фицрой, а с верховьев последней — к Дэли-Уотерс на линии телеграфа. Д. Линдсей совершил два больших исследовательских путешествия по Земле Арнема (1883—1895 гг.), тогда как Ф. Ханн в 1896—1898 гг. совершил переход от залива Карпентария через округ Кимберли к Ребурну. В 1900 г. Ханн вновь исследовал часть округа Кимберли к северу от реки Фицрой, а в следующем году Брокман исследовал большую область между хребтом Короля Леопольда и северным побережьем.

Австралийская экспедиция Терри 1925 г. совершила переход от Порт-Дарвина—конечного пункта железной дороги—к реке Фицрой и Бруму. Она произвела ряд определений географических координат и составила описание многих, сильно разнящихся между собой областей, лежащих между лесистым севером и пустыней вокруг Стартс-Крика. Один из подмеченных ею фактов имеет большое значение как для населения, так, в частности, и для сельского хозяйства. По словам Терри, в этой области «солнечный свет характеризуется неожиданно слабой интенсивностью», так что «люди не загорели и в половину того, что следовало бы ожидать после четырехмесячного пребывания в буше (поросшей кустарником пустыне)». По мнению Терри, этот факт может «оказать влияние на произрастание отдельных культур и качество шерсти», а в дальнейшем может сделать эти тропические области пригодными для заселения европейцами.

В 1928 г. А. Маккей в поисках «какого-либо из последних неисследованных уголков Австралии» совершил ценное по своим географическим результатам путешествие по области к востоку от Дарвинской железной дороги. Он нашел, что в этой области много воды (за исключением местности к востоку от реки Гойдер) и обилие леса, «хоть и не высокорослого»; но «с точки зрения пастбищного скотоводства» область, по его мнению, «не представляла особой ценности: большая часть ее подходит под определение второсортных пастбищ для рогатого скота». Произведший глубокую геологическую разведку Бэйздау пришел к заключению, что «в тех кварцитах и песчаниках, которыми сложено большое плато Земли Арнема, нет почти никаких шансов найти сколько-нибудь значительные месторождения полезных ископаемых».

Весьма показательно, что одна из последних по времени исследования областей лежит очень близко как раз от того побережья, какого в XVII в. достигли голландцы. Враждебность туземцев и недостаток воды помешали проникновению европейцев в эту северную область. В этой связи надо заметить, что наличие или

отсутствие воды всегда играло очень большую роль в истории исследования Австралии. С переходом на верблюжий, а в новейшее время—на автомобильный и воздушный транспорт эта трудность до некоторой степени устранена, и теперь есть основания думать, что через короткое время в Австралии не останется ни одной крупной, целиком неисследованной области. Однако уже теперь можно сказать, что практически открытие Австралии закончилось и будущим экспедициям вряд ли удастся выявить новые, еще не известные крупные черты рельефа, хотя перед ними и остается открытым широкое поле изучения множества других проблем географии материка Австралии.

4. Новая Зеландия

Историю исследования Новой Зеландии можно разделить на три больших периода. Первый период начался годом вторичного открытия Новой Зеландии Куком и продолжался до 1839 г., когда было приступлено к ее колонизации. В этот период в области исследования было проделано очень мало. Морские карты Кука подверглись исправлению по одному-двум районам, но по существу остались неизменными до 1834 г. Второй период охватывает годы с 1839 по 1865. В этом последнем году директором новозеландского геологического управления назначается Хектор и открывается третий и последний период исследования.

В Новую Зеландию давно уже заходили китобойные и зверобойные суда и промышленники, рубившие деревья-каури, ценившиеся в ту пору как мачтовый лес. Эти посещения вели к более близкому знакомству с побережьем и открытию новых островов. Так, капитан Бристоу открыл в 1806 г. Оклендские острова, одно зверобойное судно открыло в 1809 г. остров Стюарт, а в 1810 г. были открыты острова Кембелл. Однако крупных приобретений для географии от таких посещений ждать было нельзя. Другое дело—путешествие Херда к восточному берегу, совершенное в 1825 г. с целью учреждения «Новозеландской льняной компании»; в результате его были определены географические координаты примерно пятидесяти точек. Новый материал по заливу Хаураки, а в меньшей мере—по некоторым другим местам, дала экспедиция Дюмон-Дюрвилля (1827 г.); в 1831 г. Лаплас произвел съемку значительной части Островного залива (Бей-оф-Айлендс). В 1834 г. к гидрографической съемке приступило английское адмиралтейство, закончив ее спустя два десятилетия.

Как бы ни были важны сами по себе эти экспедиции, они ограничивались в основном только побережьем. Во внутренней части Новой Зеландии дело изучения двигалось вперед одними миссионерами, пионером среди которых явился Самуэль Марсден. Он не питал какого-либо всепоглощающего интереса к делу геогра-

фических открытий, но между 1814 и 1837 гг. он семь раз побывал на Северном острове и в ходе своих путешествий к северу, западу и югу от залива Хаураки собрал большой географический материал по этой мало известной части Новой Зеландии. Его работа была дополнена путешествиями других миссионеров. В 1841—1842 гг. В. Колензо совершил путешествие к центру Северного острова и проследил течение реки Вайкато. В 1843 г. он же добрался на юге до гор Руахине. В 1844 г. Д. А. Селвин пересек весь Северный остров от Окленда до Веллингтона. Однако, несмотря на всю эту деятельность, к концу первого периода все, что было известно, —это небольшая часть Северного острова.

Поворотным пунктом в истории исследования Новой Зеландии было прибытие в августе 1839 г. в залив Королевы Шарлотты судна «Тори». Первая партия колонистов, предводимая братом Гиббона Уэкфилда[1], вскоре же покинула южный остров и обосновалась в гавани Порт-Николсон, где впоследствии вырос город Веллингтон. Вскоре в поселок прибыл Бидуилл —первый европеец, повидавший горячие ключи и озеро Таупо. Другой путешественник прошел от Веллингтона до Таранаки; геологу Э. Диффенбаху в 1839 г., в ходе вторичной попытки, удалось взобраться на гору Эгмонт, а в 1840 г. —пересечь Северный остров от Северного мыса (Норт-Кейп) до озера Таупо. Последующее исследование Северного острова явилось плодом детальной работы геодезистов. По распоряжению английского правительства в 1840 г., было создано геодезическое управление, первый начальник которого, Ф. Мэтью, приступил к работе в мае 1841 г. Землемеры и топографы компании Уэйкфилда приступили к исследованию территории к северу от Веллингтона годом раньше.

В 1858 г. австрийская экспедиция на судне «Новара» высадила на Северном острове Ф. Хохштеттера. Он и его помощник Хааст приступили к геологической разведке и съемке отдельных частей Оклендского округа. Оба они дали многое для географического познания Северного острова, а в конце 1858 г. перенесли свою деятельность в округ Нельсон на Южном острове.

Рост колонизации Северного острова, геодезическая съемка и работа исследователей-специалистов, вроде Хохштеттера, повели к более близкому знакомству с географией Новой Зеландии, которое еще более расширилось в результате войны с туземцами-маори. Успехи исследований на Южном острове были гораздо меньшими. В 1841 г. капитан Даниэлл и Дуппа произвели предварительную разведку восточного побережья, а в 1842 г. капитан В. М. Смит произвел съемку побережья от Отаго до пролива Фово. Смит во многом исправил имевшиеся до него карты, но,

[1] Гиббон Уэкфилд—брат того самого Э. Г. Уэкфилда (1796—1862 гг.), буржуазного английского экономиста-колонизатора, уничтожающую критику которого Маркс дает в гл. 25, т. I «Капитала».—*Прим. ред.*

к несчастью, потерял все свои рабочие записи и материалы во время кораблекрушения.

В северной части острова Т. Бруннер, Ч. Хифи и В. Фокс проникли в 1845—1846 гг. из Нельсона в долину реки Буллер и приступили к съемке западного побережья. Летом 1846 г. Бруннер и Хифи вновь приступили к работе и достигли реки Тарамакау на небольшом расстоянии за рекой Грей. Бруннер продолжал исследования в этом районе до 1848 г., установил течение рек Грей и Буллер и в 1851 г. получил от королевского географического общества за свои открытия особую денежную награду в размере 25 гиней[1].

Далее, в южном направлении Ф. Таккетт исследовал в 1844 г. местность между полуостровом Бенкс и островом Стюарт. Первые съемки на возвышенности Отаго были произведены Дж. Томсоном в 1856 г.; в 1857 г. он прошел съемкой из Инверкаргилла в глубь острова. Томсон исследовал, заснял и нанес на карту всю территорию от восточного побережья до озерного округа. Работа его была продолжена в 1862 г. Д. Мак-Керроу, произведшим съемку более крупных озер, и Хектором—по западному побережью.

Успехам исследования способствовал также рост колонизации. Первая колония в Нельсоне (1841 г.) большого развития не получила. Через семь лет был основан Дандин, в 1850 г.—Кентербери, а в 1857 г.—Инверкаргилл. Открытие золота в Отаго в 1861 г. также привлекло много новых колонистов и положило конец изоляции этой провинции.

В 1861 г. Джемс Хектор, отличившийся своей работой в качестве геолога экспедиции Пеллизера в Канаде, был переведен в Новую Зеландию. Он приступил к работе в провинции Отаго; в том же году в качестве главного геолога округа Кентербери приступил к работе Хааст. Оба они посвятили себя систематическому изучению своих округов, ни в коей мере не ограничиваясь одной геологической разведкой. В особенности хорошо они изучили горные местности Южного острова. Хаасту принадлежит заслуга проведения первого известного исследования новозеландских ледников. В 1861 г. он побывал на леднике Форбса, а в 1862 г.— на ледниках Гукера и Тасмана. В это же время Хектор занимался исследованием горных областей Отаго, где он открыл невысокий перевал между заливом Мартинс и озером Вакатипу.

Назначением в 1865 г. Хектора директором геологического управления Новой Зеландии открывается третья и последняя фаза ее исследования. Она характеризуется будничной работой

[1] Гинея, или «гвинейский» фунт стерлингов,—золотая монета, выпускавшаяся в Англии с 1663 г., чеканенная преимущественно из того золота, которое вывозилось из Гвинеи; ценилась в обращении в 21 шиллинг и дороже, т. е. на 1 шиллинг выше серебряного фунта. Изъята из обращения в 1813 г., и с тех пор «гинея» означает просто сумму денег в 21 шиллинг.—*Прим. ред.*

геодезистов, быстро ликвидировавших белые пятна на карте. Хааст и Хектор продолжали работать в альпийских областях, где Э. П. Сили в 1867 и 1870 гг. исследовал ледники вблизи горы Кука. Между 1881 и 1886 гг. в альпийских областях работал также Ленденфельд, проведший в числе прочих работ полное исследование ледника Тасмана в 1883 г. В 1882 г. пастору В. Грину удалось почти достигнуть вершины горы Кука. Среди других достижений этого периода, показывающих тот детальный характер, который приобрело исследование, следует упомянуть произведенную Куссеном триангуляцию значительной части графства Кинг на Северном острове, изучение территории этого же графства Д. Г. Керри-Николсом и путешествия пионерского типа, совершенные Мюллером по западному берегу Южного острова между заливами Джексон и Мартинс. Среди последующих исследователей, которым удалось завершить работу в центральной альпийской области, следует упомянуть А. Харпера, занимавшегося съемкой в 1890 и последующие годы, и Э. Фицджеральда— первого, кто перевалил через Высокие Центральные Альпы в 1894—1895 гг. Хотя некоторые области на крайнем юго-западе еще мало известны и пока еще очень мало хороших топографических карт Новой Зеландии, все же ее можно считать полностью исследованной.

5. Новая Гвинея

Хотя Новая Гвинея была открыта европейцами еще в начале XVI в., она оставалась неисследованной почти до последнего времени, и не были ясны даже очертания ее берегов. Однако множество исследователей один за другим наносили на карту новые детали или клочки местности, а голландская экспедиция 1826 г. дала многое для ознакомления с юго-западным побережьем острова. Съемки Блеквуда с судна «Флай» (1843 г.), Оуэна Стенли с судна «Ратлснейк» (1849 г.) и Морсби (1873 г.) также повели к появлению на карте многих хорошо известных черт структуры острова. В особенности большое значение имели съемки Морсби. Он открыл ныне носящую его имя гавань, исследовал побережье от залива Астролябии до восточной оконечности острова и окончательно установил контуры острова.

Исследование внутренней части острова началось с приезда в 1858 г. на Новую Гвинею А. Уоллеса[1], прожившего $3^1/_2$ месяца

[1] Альфред Уоллес (1823—1913 гг.)—известный английский натуралист, зоогеограф и путешественник, в течение многих лет исследовавший Индонезию и Новую Гвинею. Несколько его работ переведено на русский язык (см. *А. Р. Уоллес*, «Тропическая природа», М., 1936 г., с биографическим очерком).—*Прим. ред.*

в Дореи на северо-западном берегу. После этого произошел перерыв, и изучение возобновилось лишь в 1872 г., когда Д'Альберти посетил хребет Арфак и побережье вблизи Дореи, а Миклухо-Маклай совершил путешествие вдоль значительной части северного побережья[1]. В следующем году А. Мейер совершил переход от залива Мак-Клюр до залива Гельвинк. С этого, собственно, и начинается первый период исследования внутренней части острова.

Вскоре после приезда Морсби развернули свою деятельность миссионеры, собравшие много новых данных для карты Новой Гвинеи. В 1875 г. С. Макфарлейн и О. Стоун поднялись по открытой двумя годами ранее реке Бакстер, а Мак-Фарлейн и Д'Альберти поднялись по реке Флай более чем на 150 *км*. В 1876 г. Д'Альберти вновь вернулся на реку Флай и проследил ее течение на расстоянии примерно 800 *км*. В 1877 г. он совершил по ней третье путешествие, по размаху лишь немного уступавшее предшествующему.

Начиная с 1878 г. большую работу на южном побережье проделали миссионеры Лоус (Lawes) и Чалмерс, в особенности вокруг залива Папуа. Чалмерс продолжал работать в этой облюбованной им области до 1901 г., когда он был убит на одном из окаймляющих этот берег островов.

В ходе своей политической заокеанской экспансии Германия к 1884 г. овладела частью Новой Гвинеи и с той методичностью, какой характеризовалась вся ее работа и в Африке, приступила к исследованию «Земли Кайзера Вильгельма», как она назвала свои владения на Новой Гвинее. В 1884 г. Финш проследовал примерно на 1500 *км* вдоль побережья от восточного мыса до 114° в. д. и открыл реку Императрицы Августы. Это крупное открытие было подтверждено Дальманном, поднявшимся в 1886 г. вверх по ней на 65 *км*. Его работа была продолжена адмиралом Шлейницем и Шрадером, поднявшимися на 526 *км* от устья. В это же время шло исследование побережья между заливом Астролябии, рекой Августы и заливом Хуон, где было открыто девять рек. Шрадер и Шлейниц продолжали вести исследовательскую работу в местностях, прилегающих к побережью, в 1887 г. Первый из них поднялся по реке Августы на 610 *км*, почти до голландской границы и закончил съемку течения реки.

---

[1] О Николае Николаевиче Миклухо-Маклае (1846—1888 гг.), замечательном русском ученом-путешественнике и гуманисте, имеется значительная литература, особенно в советское время. Отдельные работы его неоднократно издавались: 1 том его «Путешествий» издан в 1923 г. со вступительной статьей Д. Н. Анучина («Путешествия в Новой Гвинее в 1871, 1872, 1874, 1876, 1877, 1880 и 1883 гг.»). Полное собрание его трудов издается АН СССР. Его именем («Берег Маклая») назван северо-восточный участок берега Новой Гвинеи у 50° ю. ш.—*Прим. ред.*

В то же время Пфайль исследовал местность, прилегающую к гавани Финш.

Детальной работой такого типа немцы занимались ряд лет, после чего наступил перерыв до 1896 г., когда Лаутербах совершил путешествие в глубь острова от залива Астролябии к горам Бисмарка. Двумя годами позже Таппенбеку удалось доказать, что открытая Лаутербахом река Раму совпадает с рекой Оттилиен, устье которой вблизи реки Августы было уже известно. Изучение реки Оттилиен повело к открытию второго важного пути в сердце германской Новой Гвинеи.

После второго перерыва Даммкелер и Фрелих исследовали в 1907 г. бассейн реки Маркхем в юго-восточной части колонии, а в следующем году Фулль поднялся на 320 *км* вверх по реке Августы. К 1909 г. закончила свои работы комиссия по демаркации англо-германской границы. В те же 1908 и 1909 годы Нейгаусс исследовал реку Маркхем, по которой и поднялся выше, чем кто-либо до него. В 1910 г. германо-голландская пограничная комиссия, поднявшись по реке Августы и ее притоку Сепик, достигла 141° в. д. примерно в 100 *км* от английской границы. Немцы продолжили эту работу и в 1911—1912 гг. послали экспедицию на реку Августы с заданием исследовать местность к югу от ее нижнего течения.

Большую активность проявили немцы накануне первой мировой войны. В 1914 г. Турнвальд исследовал местность между рекой Сепик и северным побережьем Новой Гвинеи; в 1913 г. миссионер Пильхофер совершил путешествие с реки Варии вблизи англо-германской границы к реке Маркхема. В годы первой мировой войны один немец много бродил по Новой Гвинее, побывал на реке Варии, на горе Чепмена и на горах Бисмарка, пока болезнь не заставила его искать приюта у дружественно настроенных туземцев.

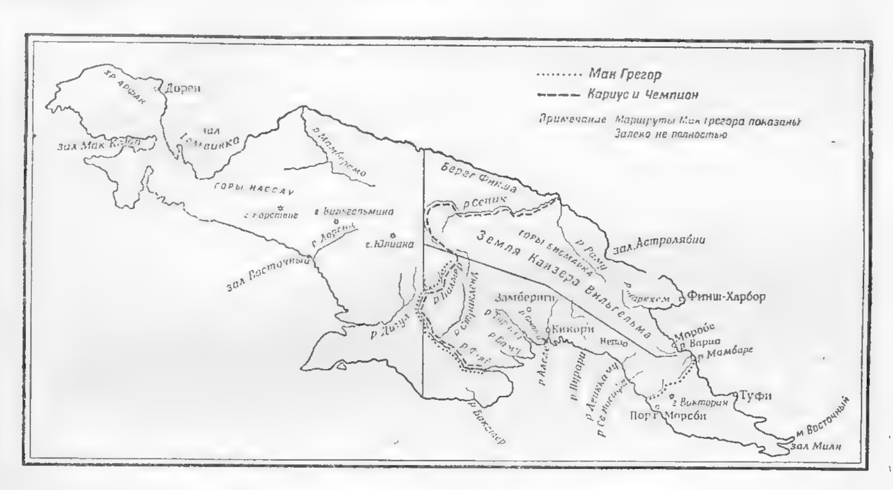
Пока немцы вели такого рода изучение своей колонии, не сидели сложа руки и англичане. В 1886 г. Чалмерс открыл реку Уикхем (Алеле). В это же время превосходную работу по съемке и картографированию реки Эрд и соседних рек вел Т. Беван. В 1887 г. два исследователя, Хартманн и Хантер, совершили восхождение на вершину хребта Оуэн-Стенли. В 1888 г. Строуд-Холл исследовал реку Май-Касса (или Бакстер) и обнаружил, что она вовсе не входит в бассейн реки Флай, как предполагалось ранее.

В 1889 г. к большой работе в Британской Новой Гвинее приступил Вильям Мак-Грегор. Он исследовал территорию, прилегающую к заливу Милн, и поднялся по реке Ванапе до горы Виктории в хребте Оуэн-Стенли. Зимой 1889—1890 г. он проплыл 975 *км* по реке Флай до германской границы. В 1896 г. Мак-Грегор пересек Новую Гвинею от реки Мамбаре до реки Ванапы,

а в 1897 г.—в обратном направлении, причем на этот раз он исследовал также северное побережье британской части Новой Гвинеи.

В том же 1897 г. Джульянетти поднялся по Ванапе до ее истоков.

Тем временем продолжалась работа и по побережью. Еще в 1887 г. французские миссионеры открыли и исследовали реку Сен-Жозеф, и они еще много лет продолжали после этого работу на южном берегу. В 1888 г. Эверилл заснял реку Стрикленд и дал ей ее нынешнее название, в 1890 г. Белфорд поднялся



46. Новая Гвинея—недавние исследования.

на гору Юл, а в 1893 г. была произведена демаркация англо-голландской границы. Много нового было открыто на Новой Гвинее в текущем столетии. В 1907 г. Монктон совершил путешествие от реки Варии к заливу Папуа, а годом позже Маккей и Литл исследовали реку Верхнюю Пурари. В 1910 и 1911 гг. Стэнифорт Смит впервые пересек большую область к северо-западу от залива Папуа и к востоку от бассейна реки Флай. Толчком к организации этой экспедиции послужило высказанное Маккеем и Литлом предположение, что в этой области имеются залежи каменного угля, и результатом ее было ознакомление с крупнейшей, до того не исследованной областью на британской территории.

Работа по детальному исследованию британской территории идет непрерывно и производится чиновниками как часть их служебных обязанностей. Недостаток места позволяет нам назвать лишь несколько имен исследователей и районов их деятельности. В 1913 г. Райан совершил путешествие из Кикори к реке Раму;

в 1915 г. Макдонелл прошел от Туфи (у мыса Нельсон) до Порт-Морсби; в 1917 г. Хемфрис совершил путешествие в юго-восточном направлении от Непы, вблизи германской границы, до Моробе на берегу моря, тогда как Чиннери исследовал долину Кунимаипы и доказал, что эта река была та же, что и река Лакекаму; в 1922 г. Флинт и Сондерс занимались изучением долины реки Самбериги, а Остин—бассейна реки Элайс; в 1924 г. Остин и Томпсон закончили исследование северо-западного угла Папуа между реками Палмер и Элайс, причем первый из них достиг реки Флай в 97 *км* от ее устья; а в 1927—1928 гг. Кариусу и Чемпиону удалось пересечь остров по рекам Флай и Сепик, сомкнув, таким образом, между собой те две местности, в которых началось исследование острова англичанами и немцами. В самые последние годы многое дали замечательные путешествия по горам Центральной Гвинеи, отчасти предпринятые в поисках золота. В результате эти неприступные области стали гораздо лучше известны антропологам и географам.

Что касается Нидерландской Новой Гвинеи, то здесь до 1893 г. не было никаких исследований внутренней части, за исключением отдельных небольших местностей. Мы уже упоминали о тех путешественниках, что побывали в Дорее, на хребте Арфак и в заливе Мак-Клюр. В этом последнем районе в 1888 г. путешествовали Эллис и Хост. В противоположность упорно защищавшемуся некоторыми мнению, они пришли к заключению, что между заливом Мак-Клюр и бухтой Гельвинк водного пути нет. На ту же точку зрения стала более поздняя экспедиция П. Моленбурга, проведенная в 1901 г. Несмотря на все эти разрозненные предприятия, внутренняя часть Нидерландской Новой Гвинеи с достаточным основанием была названа в 1893 г. «сплошным белым пятном».

Работу по исследованию части территории, совершенную Д'Альберти, продолжили Э. Враз (1896—1897 гг.), а позже, в 1903 г., экспедиция в глубь острова на запад от бухты Гельвинк. Таким образом, в северо-западной части острова были достигнуты довольно значительные успехи.

В южной части нидерландской территории Р. Мейес вышел в 1904 г. по направлению к горам внутренней части острова, но вынужден был на ходу изменить свой план и ограничиться исследованием реки Дигул. В 1908 и 1909 гг. была произведена съемка рек, впадающих в море по южному побережью, и были сделаны еще кое-какие попытки пробраться в глубь острова. В 1909 г. Лоренцу удалось добраться до «Снежного хребта» и на высоте 4000 *м* достигнуть линии вечных снегов. Он продолжал исследование реки Дигул и определил высоту высшей точки хребта—пика Вильгельмины (4720 *м*). Продолжателем этой крупной работы Лоренца выступил в 1911 г. Скеффер. Болезнь

помешала ему привести в исполнение свой первоначальный план и пересечь весь остров в направлении от Ист-Бей, но ему удалось изучить довольно большой горный район к востоку от того, в котором ранее побывал Лоренц.

Тем временем в 1909—1910 гг. было положено начало исследованию реки Мамберамо, а в 1910 г. И. Де-Валь прошел по восточному истоку этой реки почти до подножья Центрального хребта. Таким образом, голландские исследователи все теснее смыкали кольцо вокруг Центральной Гвинеи с обоих берегов. Дополнением к их работе послужила экспедиция Гудфеллоу, преемником которого на посту начальника экспедиции был капитан Ролинг. Их отряд прошел со стороны южного побережья до гор Нассау и тем самым обогатил круг известных областей еще одной новой территорией. Продолжением работ этой экспедиции был подъем на гору Карстенс, совершенный в 1913 г. А. Уоллестоном.

Центральный хребет быстро принимал все более отчетливые очертания. В 1913 г. Хердерскее достиг вершины пика Вильгельмины, а Вейерманн исследовал верховья реки Дигул и определил высоту горы Юлианы (4700 *м*). По западной стороне Новой Гвинеи капитан Тен-Клостер в 1913 г. исследовал неизвестную местность к югу и юго-востоку от бухты Гельвинк, а в 1914 г. капитан Опперманн продолжил изучение реки Мамберамо и открыл несколько новых притоков. В том же году лейтенант Струве исследовал западный приток Мамберамо—реку Роуффер, после чего совершил переход до бухты Гельвинк, где и умер. К сожалению, в связи с его смертью утрачены и некоторые результаты этого важного путешествия. Война 1914—1918 гг. прервала на время исследование Новой Гвинеи, но после ее окончания оно возобновилось и производится и сейчас[1].

6. Индонезия[2]

Интересно, что хотя Индонезия и известна Западной Европе с весьма давних времен, внутренние части островов оставались долгое время почти совершенно неисследованными. Лучше других островов была известна Ява. Положение дела оставалось неизменным вплоть до второй половины XIX в., когда А. Уоллес привлек внимание ученых и публики ко многим интересным

---

[1] Изучение и съемка территории Новой Гвинеи продолжались и во время второй мировой войны, так как восточная часть острова была театром военных действий между войсками союзников и японскими войсками (1942—1944 гг); в частности, японцы высадились на берег Маклая 22 января 1942 г.—*Прим. ред.*

[2] Наиболее полный справочный материал по довоенной Индонезии дает голландская «Энциклопедия Нидерландской Индии», 2-е изд., Гаага, 1917—1940 («Encyclopaedie van Nederlandsch Indie»).—*Прим. ред.*

проблемам, связанным с этой неизученной частью мира.[1] Однако, хоть он и прожил в Индонезии шесть лет (1854—1860 гг.) и собрал большой материал своими личными усилиями, он мало что мог сделать для ликвидации белых пятен на карте, так что в 1858 г. Родерик Мерчисон мог с полным правом заявить, что «большая часть Индонезии еще не открыта».

Ява всегда оставалась важнейшим голландским владением в Индонезии. Своим преобладанием над остальными островами она обязана, вероятно, не какому-либо превосходству в почвах, а доступности с моря и удобству сообщений с внутренней частью острова, тогда как на других островах этому мешают расположенные в непосредственной близости от побережья леса, болота или сильно пересеченная местность. Именно поэтому голландцы хорошо знали Яву еще до начала XIX в.

В самом начале XIX в. Ява попала в руки сначала французов, а потом англичан. Энергичный губернатор Явы Дендельс (1808—1811 гг.) выпустил первую топографическую карту острова, а его преемник Стемфорд Раффлс (1811—1814 гг.) много путешествовал по острову и собрал большой материал[2].

В 1814 г. остров был возвращен Голландии, а в 1825 г. вспыхнуло крупнейшее восстание, в результате которого голландцам пришлось вести ожесточенную войну, продолжавшуюся до 1830 г. Война эта, однако, способствовала дальнейшему росту географических знаний. Вскоре после ее окончания приступил к своей многолетней работе на Яве Ф. Юнгхун (1835—1849 гг.). Результаты ее были опубликованы в 1857 г., и вскоре после этого голландцы приступили к систематической съемке острова. К 1882 г. триангуляция Явы была закончена, и последующая географическая работа носила уже узко специализированный характер, как, например, известные геологические съемки Вербека.

На Суматре Юнгхун подверг в 1843 г. исследованию часть страны батаков, а в 1843—1847 гг. Бейеринк занимался исследованием западных округов. Стек работал в 1856 г. в Бенкулене (на юго-западе), в Лампонге (на юге) и в Палембанге (на юго-востоке); другие исследователи открыли в 1869 г. Омбилинский угольный бассейн. Клейзенер произвел ряд съемок в западных округах в 1873—1875 гг.

До сих пор исследование Суматры, так же как и других голландских колоний, шло от случая к случаю, без всякого плана.

---

[1] Сокращенный вольный русский перевод основного труда Уоллеса, посвященного Индонезии, вышел в 1872 г. в Петербурге под названием: *А. Р. Уеллас*, «Малайский архипелаг. Страна оранг-утана и райской птицы».—*Прим. ред.*

[2] Томас Стемфорд Раффлс (1781—1826 гг.), английский губернатор Явы, автор «Истории Явы» (1817 г.), цитируемой Марксом для характеристики колониального хозяйства; см. *Маркс* и *Энгельс*, т. XVII, стр. 395 и 822.—*Прим. ред.*

Поворот наступил в 1873 г., когда было основано голландское географическое общество, пославшее в 1877 г. в Индонезию экспедицию под руководством П. Вета. К 1877 г. на карте Индонезии в отдалении от побережий было все еще много белых пятен, и Вет взялся поэтому за исследование долины Батанг-Хари (Центральная Суматра) и Падангской возвышенности. После его возвращения на родину в 1879 г. белые пятна на карте Центральной Суматры сильно сократились. Первым пересек Суматру с востока на запад лейтенант Скоув Зантворт в 1877 г. В Центральной Суматре работал также Б. Хаген в 1883 г., а гораздо позже ценную работу проделал А. Маас (1907 г.).

В 1883 г. началась триангуляция Суматры, а с ней и детальное изучение небольших местностей.

На Борнео было меньше политических осложнений, чем на Яве и Суматре, и остров оставался соответственно менее изученным. В ходе своих путешествий Уоллес побывал в южной части Саравака. В 1847 г. и в последующие годы на Северном Борнео работал Спенсер Сент-Джон, а десятилетием позже—де-Креспиньи. На юге Скванер совершил в 1843—1847 гг. путешествие от Баньдьермассина до Понтианака и исследовал значительную часть территории между ними. Несмотря на все это, к 1859 г. более или менее известно было лишь северо-западное побережье, восточное же, южное и западное побережья, если не считать нескольких рек, оставались неизученными.

Постепенное установление власти раджи Брука в Сараваке[1] повело к более близкому ознакомлению с этой частью острова, и именно здесь свою ценную работу проделал Хоуз. С 1884 по 1892 г. он занимался исследованием долины реки Барам, где английским резидентом был Креспиньи; на этом посту Хоуз сменил его в 1890 г. Путешествия его совершенно изменили карту больших территорий в северном Сараваке.

Аналогичных результатов добились служащие британской «компании Северного Борнео»[2]. Уже в 1878 г. на север острова Борнео был послан Т. Добри с целью выяснить, имеются ли там земли, пригодные для разведения кофе. За ним последовал Уитти, проделавший в 1880—1882 гг. три путешествия, раз навсегда

[1] Джемс Брук—английский авантюрист, «купивший» у местного государя (брунейского султана) значительную территорию на северном берегу острова Борнео в 1842 г. и объявивший себя «раджой» (князем) государства Саравак. Наследники его значительно расширили эту территорию и в 1888 г. формально признали над ней британский протекторат. Династия Бруков до настоящего времени правит Сараваком.—*Прим. ред.*

[2] Британская «компания Северного Борнео»—привилегированная торговая компания, «купившая» в 1881 г. у брунейского султана обширную территорию на крайнем севере острова Борнео (за 5° с. ш.). До настоящего времени эта колония (Британский Северный Борнео) управляется агентами этой компании.—*Прим. ред.*

рассеявшие легенду о существовании какого-то громадного озера Кинабалу. В 1882 г. Уитти был убит в Сабахе и в 1882 и 1883 гг. в центральную и западную части этого округа был послан Л. фон-Доноп. В 1883 г. Д. Д. Дейли приступил к исследованию страны, лежащей за Сараваком, и закончил свою работу лишь в 1887 г. Таким образом, во всей той части территории Борнео, где распространилось влияние англичан, шла оживленная исследовательская работа. В 1897 г. Г. Хиллер поднялся на 480 *км* вверх по реке Реджанг и тем самым открыл для сношений и торговли крупнейшую реку севера и запада Борнео.

Около этого же времени к активному изучению Борнео приступили и голландцы. Их геодезические работы начались с 1886 г. В 1893 г. голландцы отправили в центр Борнео крупную научную экспедицию, участниками которой были геолог Г. Моленграфф и этнограф—врач А. Ньювенхейс. В 1897 г. последний вернулся, чтобы закончить начатую им в 1893 г. работу, и пересек Борнео, следуя по рекам Капуас, впадающей в море на западе, и Махакан—на востоке острова. Лейтенант Мессемекерс-ван-дер-Грааф в 1905 г. пересек Борнео в противоположном направлении—от Баньдьермассина до Понтианака. В 1912 г. приступила к работе голландская комиссия по демаркации границы; среди менее крупных, но не менее важных исследовательских предприятий мы упомянем лишь проведенное в 1915 и 1917 гг. исследование значительной части долины Барито в юго-восточной части острова.

К началу XIX столетия Целебес был еще менее известен, чем Борнео, и оставался фактически неисследованным до последнего десятилетия, хотя Уоллес и другие работавшие в Индонезии ученые разных специальностей побывали на отдельных частях его побережья. Поворот произошел в 1893 г., когда к исследованию Целебеса приступили братья Ф. и П. Саразины. Они совершили два путешествия по северо-восточной части полуострова и третье—через центр острова в направлении с севера на юг. Благодаря их путешествиям было впервые получено представление об основных чертах рельефа Целебеса. В 1899 г. А. Крейт исследовал восточный полуостров, и, по существу, его заслугой является открытие озера Посо. В это же время голландское военное судно «Сибога», совершавшее плавание в водах Индонезии в 1899—1900 гг., проделало важную гидрографическую работу в морях, омывающих Целебес с юга и востока.

1902—1903 годы братья Саразины вновь провели на Целебесе, занимаясь на этот раз изучением центрально-западных округов. В 1909—1910 гг. Абенданон исследовал местность между заливами Бони и Томини в центральном Целебесе, а в 1919 г. Каудерн проделал ценную работу на северо-восточном полуострове. Так все области Целебеса оказались более или менее исследованными.

Глава XVII

ИССЛЕДОВАНИЯ ОКЕАНОВ И ПРИПОЛЯРНЫХ ОБЛАСТЕЙ

1. Исследование океанов

В последние годы XVIII в. исследователи уделяли много внимания Тихому океану, в особенности той его части, которая лежит к югу от экватора, в результате чего была открыта большая часть расположенных здесь групп островов. Этот интерес не угас и в XIX в., когда правительствами посылалось множество прославленных судов для производства научных наблюдений. В большинстве случаев эти экспедиции давали и некоторые географические результаты.

Первым в хронологическом порядке океаническим путешествием было плавание русских—капитана И. Ф. Крузенштерна, командира шлюпа «Надежда», и Ю. Ф. Лисянского, командира шлюпа «Нева». Им было дано задание—отвезти в Японию русское посольство[1]. Но это плавание имеет и более широкий интерес, ибо им ознаменовано первое вступление русских в воды южного полушария, а притом экспедиция проделала ценную географическую работу. Суда вышли из Кронштадта в июле 1803 г. и после некоторой задержки в Фалмуте пересекли Атлантический океан и обогнули мыс Горн. В феврале 1804 г. суда вошли в Тихий океан и произвели первые съемки и астрономические определения на Маркизских островах. Отсюда Крузенштерн проследовал на Камчатку и далее в Японию, где после бесплодного пятимесячного ожидания получил отказ японцев принять русского посланника. Повернув на север, он исследовал пролив, отделяющий Сахалин от материка, но здесь прибавил немного к тому, что до него сделали Лаперуз и Броутон. После этого Крузенштерн отплыл на Камчатку, но позже вернулся к северному Сахалину и исследовал северную часть пролива между островами и материком. Крузенштерн ошибочно заключил, что Сахалин соединяется с материком и является полуостровом Азии. Ошибка эта была исправлена лишь Невельским, полувеком позже.

---

[1] Посланником был назначен Николай Петрович Резанов, один из директоров Российско-Американской торговой компании, зять Григория Ивановича Шелихова. Шлюпы «Надежда» и «Нева» принадлежали этой компании и должны были доставить грузы в русские владения на Камчатке и Аляске. Литературу см. в примечании 1 на стр. 520.—*Прим. ред.*

Тем временем в северной части Тихого океана Лисянский открыл названный его именем остров и произвел ряд астрономических определений на западном берегу Северной Америки, где он забрал также большой груз пушнины. После этого оба судна отплыли в Кантон, выгрузили там свои товары и в августе 1806 г. вернулись в Кронштадт. Экспедиция эта имела большое значение как благодаря произведенным ею глубоководным замерам температур в океане, астрономическим определениям, наблюдениям над течениями и приливами и собранному этнографическому материалу, так и по прямому вкладу в географию Тихого океана[1].

Работу Крузенштерна продолжил служивший под его начальством лейтенант О. Е. Коцебу, посланный в 1815 г. с заданием— отыскать путь через Берингов пролив и вернуться вокруг Северной Америки в Европу. Его корабль «Рюрик» обогнул мыс Горн в январе 1816 г., посетил остров Пасхи и проследовал к архипелагу Паумоту, где был сделан ряд открытий. После плавания к Берингову морю, где Коцебу положил на карты острова Диомида[2], он повернул к Маршальским островам, где сделал дальнейшие открытия. В июле 1818 г. Коцебу вернулся обратно в Балтийское море.

Хотя Коцебу и не удалось разрешить главной поставленной ему задачи, он внес значительный вклад в географию Тихого океана и во многом улучшил существовавшие до него карты западного побережья Аляски, где памятником его работы остался названный в его честь залив Коцебу. Большую ценность представляют также отчеты входивших в состав экспедиции естествоиспытателей[3].

---

[1] Автор дает здесь примечание: «О работах русских в Тихом океане см. «The Pacific—Russian Scientific Investigations, 1926».

Автор ссылается здесь на сборник, выпущенный в 1926 г. АН СССР к третьему международному Тихоокеанскому конгрессу. Русское название сборника АН СССР: «Тихий океан. Русские научные исследования», Л., 1926.

Экспедиция Ивана Федоровича Крузенштерна и Юрия Федоровича Лисянского была первой русской кругосветной экспедицией. Оба руководителя через несколько лет выпустили в свет подробные описания своих путешествий: *Крузенштерн*, «Путешествие вокруг света в 1803—1806 гг. под начальством Крузенштерна на кораблях «Надежда» и «Нева», чч. I, II, III, СПБ, 1809, 1810, 1812, с атласом, СПБ, 1813; *Лисянский*, «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 гг. на корабле «Нева» под начальством Юрия Лисянского», чч. I и II, СПБ, 1812 (Новое издание—Географгиз, М., 1947). См. также *Е. Штейнберг*, «Жизнеописание русского мореплавателя Юрия Лисянского», 1948 (с библиографией), и *Г. И. Невельской*, «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849—1855 гг.», СПБ, 1878 (Новое издание—Географгиз, М., 1947).—*Прим. ред.*

[2] Ныне принято наименование—острова Гвоздева (советский остров Ратманова и американский остров Крузенштерна).—*Прим. ред.*

[3] См. *Коцебу*, лейтенант, «Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания Северо-восточного морского прохода, предпринятое

Третьим русским путешествием в Тихом океане была экспедиция Ф. Ф. Беллинсгаузена на шлюпе «Восток» и лейтенанта М. П. Лазарева на шлюпе «Мирный». Беллинсгаузен ранее плавал под начальством Крузенштерна, а Лазарев уже совершил плавание по Тихому океану в 1814 г. Их совместное, начатое в 1819 г. предприятие было единственной в XIX в. русской антарктической экспедицией. На Тихом океане свои главные исследования путешественники произвели на островах Паумоту в июле и августе 1820 г. и открыли в ходе их семнадцать небольших островов. Эти открытия на Тихом океане были, однако, не более, чем вступлением к основной работе Беллинсгаузена в Антарктике, к которой мы вернемся позже в соответствующем разделе.

Прежде чем перейти к французским и английским путешествиям, закончим сначала историю русских предприятий в этой области, из которых мы можем остановиться лишь на самых крупных[1]. В 1823—1826 гг. Коцебу совершил второе кругосветное путешествие. Спутником его на этот раз был физик Ленц, проделавший ценную научную работу в области океанографии Важнейшими открытиями Коцебу была группа островов Беллинсгаузена (под 150°48′ ю. ш. и 154°30′ з. д.) и нескольких островов из группы Маршальских[2].

В июле 1826 г. Коцебу вернулся в Россию, а в сентябре следующего года в плавание вышел капитан Ф. Литке на шлюпе «Сенявин». Он посетил северную часть Тихого океана, где продолжил работу Коцебу и открыл в Каролинской островной цепи несколько островов, которые ныне носят имя Сенявина. Особенно важно произведенное им исследование побережья Северо-Восточной Азии, и крупнейшую ценность представляет материал,

в 1815, 1816, 1817 и 1818 гг. на корабле «Рюрике», СПБ, ч. I, 1821, ч. II, 1821, ч. III, 1823. Вместе с Коцебу плавал в качестве натуралиста известный немецкий поэт и ученый Адальберт Шамиссо, родом француз, автор знаменитой «Удивительной истории Петера Шлемиля» (человека, потерявшего свою тень); он составил художественное описание «Плавания на корабле «Рюрик», ставшее одним из образцов немецкой прозы того времени. После экспедиции Крузенштерна—Лисянского и до Коцебу замечательное плавание в Индийском и Тихом океанах совершил знаменитый русский моряк Василий Михайлович Головнин на военном корабле «Диана» (1807—1811 гг.), причем часть этого времени он провел в плену у англичан на мысе Доброй Надежды и у японцев (см. выше, примечание 1 на стр. 282 в главе XIII, раздел 7). После Коцебу, в 1817—1819 гг. Головнин совершил кругосветное плавание на шлюпе «Камчатка».—*Прим. ред.*

[1] В первой половине XIX в. состоялось 36 русских кругосветных плаваний; из них 19 перечислены, как главнейшие, у *М. С. Боднарского* в «Очерках по истории русского землеведения», стр. 237, так как они сопровождались научными исследованиями.—*Прим. ред.*

[2] См. *Коцебу*, «Путешествия вокруг света ...на военном шлюпе «Предприятие» в 1823—1826 гг.», СПБ, 1828.—*Прим. ред.*

собранный сопровождавшими его учеными, в особенности в области ботаники, зоологии и геологии[1].

Французы сохранили свой интерес к южной части Тихого океана и в первой половине XIX в. и послали туда ряд крупных экспедиций. Экспедиция Бодена к южному берегу Австралии почти ничего не дала, но входивший в ее состав картограф Луи Де-Фрейсине был послан в 1817 г. вновь на судне «Урания» для изучения явлений в области магнетизма в бассейне Тихого океана. Он посетил западное побережье Австралии и, как и первые голландские мореходы, дал ему неблагоприятную географическую характеристику, а Тимор показался ему земным раем. С этого острова он совершил большое плавание по Тихому океану, пройдя через Каролинские, Марианские и Сандвичевы острова к группе Самоа, где остров Роза, названный им так в честь сопровождавшей его жены, остается памятником одного из его немногих настоящих открытий. Он отправился обратно в Европу вокруг мыса Горн и потерпел крушение у Фолклендских островов.

Фрейсине сделал ряд полезных наблюдений в соответствии с главной целью своего путешествия, и наблюдения эти были продолжены и дополнены его помощником Дюперрей, который был в 1822 г. отправлен в самостоятельную экспедицию на судне «Кокий». Он провел месяц на Фолклендских островах, внимательно изучил их, после чего пересек Тихий океан в направлении к Новой Ирландии. После плавания в морях, омывающих Новую Гвинею, он зашел в Новый Южный Уэльс и Новую Зеландию, где сделал несколько небольших открытий. Вслед за тем Дюперрей направился через Каролинские острова к Новой Гвинее и совершил плавание между островами Индонезии. Помимо открытия нескольких мелких островов, Дюперрей собрал большой материал по магнитной девиации.

Работу его продолжил один из наиболее выдающихся французских исследователей морей и океанов Дюмон-Дюрвилль. В только что описанном путешествии он был спутником и сослуживцем Дюперрея, а в 1825 г. сам вышел в море на том же судне «Кокий», переименованном в «Астролябию». Во время своего путешествия он окончательно установил, что Лаперуз потерпел кораблекрушение у острова Ваникоро (из группы Санта-Крус). Тот же факт был установлен в 1826 г. капитаном Диллоном, посланным в экспедицию при поддержке английских властей в Индии, но во время путешествия Дюрвилля французы ничего не знали об этом. Дюрвилль сильно продвинул изучение островов Тихого океана. Результатом его плавания вдоль северного берега Новой Гвинеи

---

[1] См. *Ф. Литке*, капитан, «Путешествие вокруг света... на военном шлюпе «Сенявин» в 1826—1829 годах», СПБ, 1834—1835 (новое изд., Географгиз, М., 1948).—*Прим. ред.*

и на Новую Зеландию было улучшение карт соответствующих морей. Дюрвилль проделал также ценную работу на островах Фиджи, Каролинских и Молукских. В 1829 г. он вернулся во Францию.

В 1837 г. Дюрвилль был послан в новое путешествие в южные полярные моря с заданием—отыскать ту новую землю, которую видели будто бы зверобои. Тихоокеанское плавание Дюрвилля представляет собой не более, чем интерлюдию между его первым плаванием на юг примерно до 45° з. д. и его второй попыткой в 1839 г., когда он отплыл из Хобарта на юг и открыл Землю Адели. В течение двух проведенных им в Тихом океане лет он проделал большую работу по изучению географии его западной части.

Еще два путешествия свидетельствуют о том интересе, какой приобрело в то время исследование океанов. В 1831 г. Фицрой на корабле «Бигл» продолжал ту работу, которую он произвел на этом же корабле по восточному и западному побережьям Южной Америки. В ходе кругосветного плавания он посетил архипелаг Паумоту, острова Общества, Новую Зеландию, Австралию и острова Килинг. Помимо полезной работы с хронометрами, которая велась в течение всего путешествия, экспедиция вооружила огромным опытом Чарльза Дарвина и дала ему достаточный материал не только для его известного сочинения «Путешествие на корабле «Бигл»[1], но также и для его «Геологических наблюдений в Южной Америке» и «Строения и распространения коралловых рифов».

Вскоре после возвращения «Бигла», американский морской офицер Чарльз Уилкс вышел в большое, но не совсем удачное плавание. Так же как и Дюрвилль, он был отправлен в Антарктику, где положил на карту Землю Уилкса несколько западнее открытой французами Земли Адели. В Тихом океане он приступил к съемке островов Паумоту (работа была закончена в 1840—1841 гг. его сослуживцем Ринггольдом), зашел на Таити, на острова Самоа, в Австралию, в Новую Зеландию, на острова Тонга, Фиджи и Сандвичевы, после чего отправился к западному побережью Северной Америки, где сделал несколько крупных открытий в районе реки Колумбии. Вслед за тем Уилкс пересек Тихий океан в направлении с востока на запад к Маниле и вернулся на родину вокруг мыса Доброй Надежды. Спутником его в этом путешествии был крупный американский геолог Дана, воспользовавшийся случаем, чтобы собрать материал для своего труда «Кораллы и коралловые острова», а также для многих статей по океаногра-

[1] Эта книга несколько раз переводилась на русский язык. Переведены и изданы в 1949 г. и записи из дневников Дарвина во время этого путешествия.—*Прим. ред.*

фии. Этой американской экспедицией заканчивается первый период исследований океанов[1].

Исследование морей и океанов в течение второй половины XIX в. характеризуется числом и важностью экспедиций, посланных скорее для изучения самих океанов, чем омываемых ими участков суши. Этот новый период открылся научной экспедицией к островам Тихого океана австрийского судна «Новара». Одним из непосредственных результатов ее был классический научный труд по Новой Зеландии Хохштеттера. Однакоже самым выдающимся путешествием этого периода было плавание английского судна «Челленджер». Эта научная экспедиция опиралась на опыт судов «Лайтнинг» и «Поркюпайн», работавших в водах, омывающих Британские острова на западе, и была проведена при поддержке Британского адмиралтейства и Королевского общества. Командиром судна был Нейрс, руководителем научной работы—Чарльз Томсон, а одним из участников—натуралист Джон Меррей. Маршрут плавания был составлен с таким расчетом, чтобы «Челленджер» пересек или, по крайней мере, частично пересек Атлантический и Тихий океаны как с севера на юг, так с востока на запад, и организаторы экспедиции не щадили усилий, чтобы обеспечить максимальную полноту и точность ее научной работы.

«Челленджер» отплыл из Ширнесса 7 декабря 1872 г. и вернулся обратно 26 мая 1876 г. До октября 1873 г. судно плавало по Атлантическому океану, дважды пересекши его северную часть и один раз южную. Выйдя из Кептауна, «Челленджер» прошел в высоких широтах к Мельбурну. В Тихом океане судно посетило Новую Зеландию, Индонезию, Японию, Сандвичевы острова, Таити и южное побережье Чили. Обратно в Ширнесс судно вернулось через Магелланов пролив, Монтевидео, остров Вознесения и Азоры. Приводим заключительные фразы из общего описания путешествия:

«Плавание благополучно завершено, и цели, поставленные экспедиции, достигнуты. Нет сомнения в том, что оно значительно поднимет наш национальный престиж в одной из самых популярных областей службы флота; обследования произведены; глубины промерены; рельеф дна океана, его природа и температуры, состав донных отложений—все изучено гидрографическим персоналом экспедиции. Профессора Томсона и его талантливых помощников можно смело поздравить с благополучным окончанием их трудов, давших столько материала различным отраслям естественных наук и другим областям знания».

---

[1] Из прочих не описаны путешествия Бичи (1826 г.) на Бонинские острова и архипелаг Паумоту, Лапласа (1837—1840 гг.) на Таити, Маркизские и Гавайские острова и Белчера (1840 г.) на Ново-Гебридские острова и архипелаг Бисмарка.—*Прим. автора.*

Результаты работ экспедиции были опубликованы в пятидесяти больших томах, представляющих большой научный интерес. Среди этих результатов мы можем выделить следующие:

1) Доказательство того, что отклонение показаний компаса может быть определено на судне так же точно, как и на берегу, если судно подходит для этого по своим магнитным свойствам.

2) Определение (впервые) глубин и общих очертаний больших океанических бассейнов.

3) Определение океанических температур и установление того факта, что глубже ста морских саженей (183 *м*) эти температуры перестают зависеть от смены времен года.

4) Доказательство постоянства донных температур на больших океанических пространствах.

5) Точное определение географических координат многих островов и скал, долгота которых до тех пор оставалась неуточненной.

6) Съемка и картографирование множества малоизученных уголков мира и биологическое изучение их.

7) Определение океанических течений, как поверхностных, так и на различных глубинах.

8) Более глубокое знакомство с деталями строения и с вероятным процессом образования коралловых островов.

С течением времени наука получила новые материалы, но основные, установленные «Челленджером» факты остались непоколебимыми. Преемником «Челленджера» явились германское судно «Газель» (1875—1876 гг.), произведшее множество промеров глубин Северной Атлантики, и американское военное судно «Тускарора» (1874—1876 гг.), проделавшее в особенности ценную работу в северной части Тихого океана. После них важную работу в области океанографии проделал Александр Агассиз. Работа его в 1877—1880 гг. на судне «Блейк» ограничилась бассейном Караибского моря, в конце же века и вновь в 1904—1905 гг. он работал на судне «Альбатрос» в Тихом океане. В ходе своих путешествий Агассиз покрыл более 160 тыс. *км*, и его научные заслуги дают ему место в первом ряду океанографов.

Очень ценную работу проделал ряд других хорошо известных судов[1]. В 1895 г. «Пингвин» открыл глубокую впадину в южной части Тихого океана, получившую название «Пингвиновой»;

[1] Автор не знает или умалчивает об огромной океанографической работе, которая проводилась русскими. Особенное значение для океанографии имели блестящие работы Степана Осиповича Макарова, произведенные им на Тихом океане на корвете «Витязь» в 1886 —1889 гг. (см. *С. О. Макаров*, «Витязь» и Тихий океан», СПБ, 1894). О русских дореволюционных океанографических работах см. *Ю. М. Шокальский*, «Из истории географии» М., 1926 (главы «Обследование океанов» и «Северное полярное пространство»). После революции советские ученые сделали важнейший вклад в океанографию, особенно в изучение Северного Ледовитого океана.—*Прим. ред.*

в 1899 г. американское военное судно «Нерон» нашло, также в Тихом океане, самое глубокое из всех известных тогда мест (5160 морских саженей, то есть 9420 м); рекорд этот был побит в 1912 г. немецким судном «Планета», открывшим у берегов Минданао впадину «Суайр-Дип», глубиной в 5340 морских сажен (9800 м). Капитальное значение имели также плавания голландского судна «Сибога» в водах Индонезии (1899—1900 гг.), а также Джона Меррея и И. Йорта (J. Hjort) на судне «Михаель Сарс» в Атлантическом океане (1910 г.). Задуманная немцами большая атлантическая экспедиция на судне «Метеор» не была доведена до конца из-за ряда несчастных случайностей, но она поработала в целях завершения съемки Атлантического океана и сделала большой вклад в дело батиметрии в южных широтах (1925—1927 гг.). Многочисленные антарктические экспедиции наших дней имеют также оборудование для океанографических исследований, но хотя нет сомнения в том, что каждый год будет приносить новые факты, общая структура ложа и вод океана теперь уже более или менее известна[1]. Как и исследование суши, современное исследование океанов, чтобы оправдать себя, должно перейти с экстенсивного пути на интенсивный.

2. Полярные области. Введение[2]

Неудачный исход предшествующих попыток и общий упадок интереса к исследованиям в данном направлении повели почти к полному прекращению путешествий в полярные области до само-

[1] Действительность опровергает это оптимистическое заявление автора. «...Применение эхолота продолжает коренным образом изменять наши прежние представления о рельефе как прибрежных, так и открытых частей мирового океана... К 1946 г. в Тихом океане между 10° и 30° ю. ш. и между 145° в. д. и 165° з. д. обнаружено эхолотом около 100 плосковершинных пиков, конусами поднимающихся с больших глубин... В последнее время почти повсеместно эхолотом открываются все новые и новые подводные каньоны, прорезывающие материковый склон почти до 2000 м» (*Н. Зубов*, примечание 19-е к книге *Валло*, «Общая география морей», Учпедгиз, 1948).—*Прим. ред.*

[2] Литература о полярных путешествиях очень обширна. Из старых английских работ все еще сохраняет свою ценность *Барроу*, «Хронологическая история путешествий в Арктические страны» (*John Barrow*, «A Chronological History of Voyages in the Arctic Regions», 1818). Из общих трудов назовем следующие: *Грили*, «Справочник по полярным открытиям» (*A. W. Greely*, «Handbook of Polar. Discoveries», 4th ed., 1910); *его же*, «Полярные страны в XX в.» («The Polar Regions in the Twentieth Century»); английское издание—1929 г.; (американское издание—1928 г., пестрит ошибками). О южном полюсе очень полезна на норвежском языке «Библиография антарктической литературы» в книге *B. Aagaard*, «Fangst og forskning; Sydishavet» (Осло, 1930); это единственная довольно полная библиография по данному вопросу. За последние годы в полярных странах проделана такая огромная работа, что у нас нет возможности полностью осветить ее из-за недостатка места.—*Прим. автора.*

го начала XIX в., если не считать тех, которые ставили себе непосредственной целью открытия в Азии или Америке, а в Арктику при этом проникали лишь попутно. Все же это общее положение имеет несколько исключений. В 1664 г. голландец Виллем Вламинг совершил плавание к северу от Новой Земли, а его соотечественник Корнелиус Роуле даже претендовал на открытие в 1700 г. какой-то земли к северу от нее. Английский капитан Джон Вуд также совершил плавание в водах, омывающих Новую Землю в 1676 г., но не сумел отыскать нужный ему морской проход в Японию. Он пришел к заключению, что Новая Земля соединяется с Гренландией. Четвертое путешествие, совершенное голландским китобоем Корнелиусом Гилесом, привело к открытию так называемой Земли Гилеса к северо-западу от Земли Франца Иосифа; однакоже русская экспедиция 1928 года «сообщила, что эта земля—миф»[1].

Результаты путешествия Гилеса дошли до Дейкса Баррингтона, который в свою очередь довел их до сведения лондонского королевского общества и английского правительства и поставил перед ним вопрос о посылке экспедиции к полюсу. Начальником экспедиции был назначен капитан Фиппс. Экспедиция вышла в 1773 г., но, пройдя вдоль ледяного барьера от Шпицбергена до Новой Земли, не сумела найти в нем прохода на север. В конце XVIII в. из Дании и Голландии было послано несколько других экспедиций; но потрясения, вызванные войнами в Европе, а также длинный список неудач помешали систематическим исследованиям в этой области.

Решить большую часть важнейших проблем полярной географии удалось лишь в XIX в. Произошло это примерно в следующем порядке: сначала шли попытки открыть Северо-западный проход. После того как в этом направлении цель была достигнута, интерес исследователей переместился к самому полюсу. Далее исследование пошло по линии отыскания Северо-восточного прохода и изучения омываемых северными полярными морями земель, главным образом Гренландии и Шпицбергена. Отдельно шло исследование Антарктического континента и открытие Южного полюса.

3. Северо-западный проход и Канадский Архипелаг[2]

Когда с окончанием наполеоновских войн освободилось большое число опытных моряков, разрешение проблем Северо-запад-

[1] Земля Гилеса—это, повидимому, то же, что Белый остров, который Петерманн с самого начала неверно нанес на карту. На Белом острове был расположен лагерь экспедиции Андрэ.—*Прим. автора.*

[2] См. *Кроуз*, «Поиски Северо-западного прохода» (*N. M. Crouse*, «The Search for the Norths-west Passage», 1934), где дается общая сводка исследований.—*Прим. автора.*

ного прохода стало чуть ли не вопросом чести для них. Но к тому времени ученые уже поняли, что даже если удастся открыть такой проход, экономическое значение его будет ничтожным. Поэтому те исследования, какие были предприняты с 1818 г., начиная с первого путешествия капитана Джона Росса, ставили себе чисто научные цели и положили начало систематическому изучению Арктики.

Ледовые условия в приполярных морях казались благоприятными, и в 1817 г. одному гамбургскому судну удалось проследовать вдоль берега Гренландии от 60 до 70° с. ш. Поэтому, и главным образом по инициативе Джона Барроу, в 1818 г. были снаряжены и отправлены в Арктику две экспедиции. Первая, в состав которой входили два судна —«Доротея» под командованием капитана Бьюкена и «Трент» под командованием лейтенанта Франклина, —достигла омывающих Шпицберген вод, но большой работы не проделала, вторая же в составе «Изабеллы», которой командовал Джон Росс, и «Александера», которым командовал лейтенант Парри, направилась к Баффинову заливу.

Вот как формулировал цели и задания экспедиции Джон Барроу:

«Из тех трех направлений, по которым шли поиски прохода из Атлантического океана в Тихий, наименее обещающим является Северо-восточный... Совершенно иначе стоит вопрос о Северо-западном проходе, который должен быть гораздо короче, и о пути через полюс, который должен быть самым коротким. Как опытные мореходы, так и выдающиеся ученые считают, что Северный полюс доступен со стороны моря, и совершенно точно известно, что несколько судов в разное время было отнесено на три или четыре градуса севернее Шпицбергена и обычных рубежей китобойного промысла. Если Полярное море судоходно до 84° с. ш., то для прохода судов вплоть до самого Северного полюса не может быть никакого другого физического препятствия, кроме массива суши. Нет никаких поводов предполагать, что температура у полюса зимой ниже, чем на 80° с. ш., и есть основания думать, что летом она выше, поскольку хорошо известно, что температура на 80° с. ш. [под одним и тем же меридианом] обычно не ниже, а во многих местах гораздо выше, чем на 70° с. ш. ...Иначе дело обстоит с Северо-западным проходом. На основании опыта многих прежних попыток его отыскания, теперь мы уже более или менее ясно представляем себе, где примерно его можно найти, если он вообще существует. Мы знаем..., что по северному берегу Америки, южнее Полярного круга, прохода внутрь нет, но мы еще не знаем, соединяется ли этот берег [с Гренландией или же уходит в сторону, соединяясь с северным побережьем Америки[1]. Многие аргументы говорят в пользу этого последнего предположения [течения, лес-

47. Северные Полярные области—I: Северо-Восточный и Северо-Западный проходы и Гренландия.

плавник, айсберги, карты эскимосов]. Лучшие географы нашего времени сходятся во мнениях о том, что Гренландия должна быть либо островом, либо архипелагом... Та или иная из предпринятых экспедиций, вероятно, сумеет разрешить вопрос о том, является ли Гренландия островом. Если ответ окажется положительным, то в связи с ним вырастает следующий вопрос: существует ли непрерывный водный путь между Тихим и Атлантическим океанами... В то же время, надо сразу же ясно сказать себе, что если такой проход между обоими океанами и существует, в чем мы почти уверены, это вовсе не значит, что он окажется судоходным для больших судов, хотя, с другой стороны, нельзя не согласиться с тем, что там, где могут пройти громадные айсберги, должны пройти и крупные суда. Выяснение этого обстоятельства и является задачей экспедиции капитана Росса».

Таково было в 1818 г. мнение крупнейшего теоретика в области географических исследований. Оно представляет собой очень большой шаг вперед по сравнению с самоуверенными догадками, высказанными двумя столетиями раньше Хемфри Гилбертом, отражает рост знаний, накопившихся в результате опыта прежних путешествий, и служит отправной точкой новых.

Надежды адмиралтейства на то, что Бьюкен «задержится на несколько дней в районе полюса и произведет все те наблюдения, какие ему сможет подсказать интересная и беспримерная ситуация», не оправдались: экспедиция достигла лишь края полосы пакового льда к северо-западу от Шпицбергена и не сумела пробиться сквозь него. Тем временем Росс проверил на месте существовавшие к тому времени сведения о Баффиновом заливе, исследовал часть восточного побережья Баффиновой земли и проник в залив Ланкастер. Увидав нечто простиравшееся поперек входа в залив и принятое им за землю, вопреки возражениям своих товарищей офицеров, он вернулся на родину. Таким образом, из-за незнания полярных условий и неподготовленности для работы на Крайнем Северо-западе результаты оказались ничтожными.

В следующем году Парри со своими судами «Гекла» и «Грайпер» вышел в плавание для исследования того пролива, который не сумел исследовать Росс. Достигнув 4 августа 1818 г. залива Ланкастер, суда легко прошли далее на запад по проходу, названному ими именем Барроу, открыли тянувшийся далее на 1000 *км* на запад судоходный фарватер и проплыли прямо по той мнимой «земле», которую Росс назвал горами Крокера. Они открыли части побережья островов Батерст и Мелвилл и на этом последнем острове зазимовали. В июне 1820 г. Парри пешком прошел остров до его северной оконечности, а в августе экспедиция сделала тщетную попытку пробиться далее на запад. В ноябре суда вернулись в Темзу. Они произвели очень большую работу и показали,

насколько было мало вероятным найти проход через пролив Барроу[1].

В 1821 г. Парри был отправлен в новую экспедицию с поручением—отыскать проход на более низких широтах, чем те, на которых лежит пролив Мелвилл. Суда «Гекла» и «Фьюри» исследовали земли к северо-западу от Гудсонова залива и открыли пролив Фьюри и Геклы, отделяющий Баффинову землю от полуострова Мелвилла.

Тем временем Франклин совершил крупную сухопутную экспедицию и кроме того совершил плавание на восток от устья реки Коппермайн к мысу Тарнэгейн.

В 1824 г. Парри совершил свое третье путешествие, снова к заливу Ланкастер. Целью его было найти проход через залив Принца-Регента, но путешествие оказалось неудачным, отчасти из-за трудных ледовых условий, отчасти из-за аварии с кораблем «Фьюри».

После этого экспедиции следовали одна за другой почти ежегодно. В 1825 г. Бичи на судне «Блоссом» прошел Беринговым проливом и, продолжая работу Кука, достиг на востоке мыса Барроу. В следующем году Франклин исследовал берег от реки Маккензи на запад, не дойдя лишь 260 *км* до мыса Барроу, а Ричардсон прошел вдоль берега в восточном направлении до устья реки Коппермайн. Таким образом, на всем побережье оставался неисследованным лишь маленький отрезок между мысом Принца Уэльского (так окрещенного Куком) и мысом Тарнэгейн (окрещенного Франклином). Этот отрезок был исследован в 1837 г. Дизом и Симпсоном.

В 1829 г. Джон Росс и его племянник Джемс Кларк Росс проникли в залив Принца-Регента и 13 августа достигли того пункта, где в 1825 г. Парри покинул свой корабль «Фьюри». Росс открыл землю, названную им Бутией в честь покровителя экспедиции Феликса Бута, и после нескольких сухопутных путешествий определил местонахождение магнитного полюса. Он совершил также переход по морским льдам к земле на западе, которую он назвал Землей Короля Вильяма. Он исследовал ее северную часть до мыса Виктории и сообщал об исключительно мощных льдах на берегах. Отряд Росса провел в этих областях четыре зимовки, пока его не подобрало, наконец, в Ланкастерском проливе китобойное судно и не отвезло обратно в Англию. Посланная на розыски их в 1833 г., экспедиция под начальством Джорджа Бека проследовала по Большой Рыбной реке до Северного Ледовитого океана и, таким образом, нанесла еще одну точку на карту североамери-

[1] В 1822 г. в Петербурге вышли две книги русского историка морских открытий *В. Берха*, «Путешествия капитанов Росса и Букана в Северные полярные страны» и «Путешествие капитана Парри в 1819 г. для открытия северо-западного пути».—*Прим. ред.*

канского побережья. Последние белые места были ликвидированы Дизом и Симпсоном в 1838—1839 гг., Рэ—в 1846 г. и Холлом—в 1864 г.[1]

Мы подходим к последнему акту драмы поисков Северо-западного прохода—экспедиции Джона Франклина 1845 г. До того как заняться ею, подведем вкратце итоги создавшемуся накануне его плавания положению. Попытки найти проход через пролив Мелвилла, залив Принца-Регента, пролив Фьюри и Гекла и Берингов пролив—все кончились неудачей. К северу от пролива Барроу был известен общий контур берегов и заливов до пролива Мелвилла, а к югу—до мыса Уокер, на западной стороне залива Пил. Известно было также все побережье Северной Америки, включая часть Земли Уоллестона, Земли Виктории и острова Короля Вильяма, который, как предполагали, соединяется с Бутия-Феликс.

Франклин[2] отплыл из Англии 19 мая 1845 г. Ему было предписано «итти к мысу Уокер», а оттуда «стараться дойти, насколько возможно по прямой, до Берингова пролива». Он сам на месте должен был решить, итти ли ему проливом Веллингтона или через проход к западу от острова Норт-Сомерсет. Он выбрал последний вариант, и, как показали обстоятельства, выбрал правильно. Все же сначала Франклин попробовал итти проливом Веллингтона и шел так, пока дорогу совершенно не преградили льды, после чего он вернулся на юг новым путем—между островами Батерст и Корнуоллис. Этот путь и явился, собственно, первым открытием экспедиции. Зиму 1845/46 г. экспедиция провела на острове Бичи. Как только льды позволили, корабли Франклина «Эребус» и «Террор» двинулись на юг по заливу Пил и провели вторую зимовку в паковых льдах у 70°5′ с. ш. и 98°23′ з. д. Из-за незнания полярной географии экспедиция не сделала никакой попытки пройти к востоку от острова Короля Вильяма и все лето 1847 г. дрейфовала во льдах. Все, что мы знаем о судьбе экспедиции после этого, основывается на скудных сведениях, собранных экспедициями, отправленными на поиски Франклина. Всю историю можно прочесть на одном листке бумаги, найденном в 1859 г. на острове Короля Вильяма лейтенантом Хобсоном. На этом листке сначала фигурирует запись, сделанная лейтенантом Гором о том, что экспе-

[1] Эти сухопутные экспедиции рассматриваются нами более подробно в гл. XV, в разделе 1.—*Прим. автора.*

[2] В книге Альберта Маркхема, «Жизнь Джона Франклина и Северо-западный проход» (*A. Markham.*, «Life of sir John Franclin and the North west Passage», 1891) содержатся, наряду с отчетом об экспедиции самого Франклина, также и описания множества других полярных путешествий.—*Прим. автора.*

На русском языке сборник материалов «Арктические походы Джона Франклина» выпущен в 1937 г., издательством Главсевморпути, Л., 1937. В этот сборник вошли также материалы о важнейших экспедициях, отправленных на поиски Франклина.—*Прим. ред.*

диция провела зиму 1846/47 г. (неправильно, следует: 1845/46 г.) на острове Бичи. «Экспедицией командует Джон Франклин. Все в порядке». Далее следует: «24 мая 1847 г. отряд в составе двух офицеров и шести моряков покинул суда». Это был доверенный лейтенанту Гору отряд, посланный для исследования острова Короля Вильяма и достигший мыса Виктории. Вторая запись, сделанная кругом, на трех полях листка, повидимому, рукой Фицджемса, гласит:

«*25 апреля 1848 г.* 22 апреля, в 5 лигах к северо-северо-западу от нашего теперешнего местонахождения, мы покинули корабли ее величества «Террор» и «Эребус», на которых мы затерты льдами с 12 сентября 1846 г. Офицеры и матросы, всего 105 душ, под командованием капитана Ф. Р. М. Крозье, высадились в этой точке, находящейся под 69°37′42″ с. ш. и 98°41′ з. д. Эта бумага найдена лейтенантом Ирвингом под каменной пирамидой (cairn), повидимому, поставленной Джемсом Россом в 1831 г. [в 4 милях к северу][1], где ее оставил покойный командир Гор в июне [надо—в мае] 1847 г. Столб (pillar) Джемса Росса, однакоже, найден не был, и бумага была перенесена к тому месту, на котором он воздвиг столб. Сэр Джон Франклин умер 11 июня 1847 г., и на сегодняшний день общие людские потери экспедиции исчисляются в девять офицеров и 15 матросов».

На верхнем поле подписи: «Джемс Фицджемс, капитан корабля ее величества «Эребус», и Ф. Р. М. Крозье, капитан и старший офицер», и приписка: «Мы отправляемся завтра, 26-го к реке Бекс-Фиш». Все, что известно о дальнейшей судьбе экспедиции, основывается на рассказах эскимосов, видевших издали отряд, численностью примерно в 40 человек, двигавшийся на юг в поисках пищи. По имеющимся предположениям, отряд погиб где-то между полуостровом Аделаиды и рекой Грейт-Фиш. Нет сомнения, что они нашли истинный Северо-западный проход, хотя и не имели возможности совершить плавание по нему. Неудача их объясняется рядом причин: неправильными морскими картами, на которых не был нанесен проход к югу от острова Короля Вильяма, в силу чего руководители экспедиции двинулись в южном направлении, к западу от этого острова, и застряли в непроходимых льдах; испорченной провизией, поставленной недобросовестным купцом Голднером, и, пожалуй, не меньше, чем всеми другими обстоятельствами,— отвращением путешественников того времени к тюленьему мясу. Пеший поход путешественников был жестом отчаяния, так как к началу их марша в апреле им почти нельзя было надеяться на дичь.

---

[1] Факсимиле этого документа см. в книге «Арктические походы Джона Франклина», Л., 1937, стр. 317.—*Прим. ред.*

Открытия, совершенные самой экспедицией Франклина, были относительно невелики, но последствия ее—очень значительны. Она установила традицию борьбы с опасностями в полярных путешествиях, которая живет и в наши дни, и, что важнее всего, на поиски ее было послано большое количество спасательных экспедиций, фактически довершивших открытие Северо-западного прохода. Недостаток места заставляет нас ограничиться кратким указанием лишь на важнейшие из них.

Первой в 1848 г. была послана экспедиция Джемса Росса, избравшая путь через Баффинов залив. Она объездила на санях около 240 *км* западного побережья острова Норт-Сомерсет, но не нашла никаких следов Франклина и его спутников. Но если экспедиция и не достигла своей цели, она сыграла большую роль в том отношении, что позволила бывшему тогда в чине лейтенанта Леопольду Мак-Клинтоку научиться санной разведке в арктических условиях.

Пока, таким образом, работала экспедиция Росса, Ричардсон и Рэ вышли на поиски Франклина по-суху из Канады, тогда как Келлетт, двигаясь со стороны Тихого океана, по дороге открыл остров Геральд.

1850 год отмечен рядом экспедиций, важнейшей из которых была экспедиция Г. Остина, под начальство которого перешел Мак-Клинток. С ней была связана работа китобойного судна, принадлежавшего В. Пенни. «Из всех арктических экспедиций эта была самая счастливая, благополучная, наилучшим образом руководимая и самая успешная. Ее санные отряды в ходе своих поисков проделали пешком 7025 миль и открыли 1255 миль новой земли» (К. М а р к х е м). Их открытия охватили восточный берег острова Мелвилла, восточный берег острова Корнуоллис, северо-западный, северный и восточный берега острова Принца Уэльского, остров Рассела, южный и западный берега острова Батерст и южный берег острова Мелвилл, причем, последний был открыт самим Мак-Клинтоком.

Пока отряды Остина вели поиски со стороны Баффинова залива, Коллинсон и Мак-Клюр были посланы с той же целью со стороны Берингова пролива. Коллинсон провел 1850 г. в Бофортовом море, в следующем году поднялся по проливу Принца Уэльского, а в 1852 г. прошел через залив Коронации к заливу Кембридж и исследовал на санях пролив Виктории между Землей Виктории и островом Короля Вильяма. Путешествие Коллинсона было одним «из наиболее замечательных и удачных из всех известных» (Г р и л и).

Тем временем Мак-Клюр через залив Франклина проник в пролив Принца Уэльского, а его сухопутные отряды выявили тот факт, что Земля Бенкса—на самом деле остров, и исследовали северную и южную окраины Земли Уоллестона. Летом 1851 г.

он совершил плавание вокруг южной части острова Бенкса и достиг залива Мерси на северном берегу, где и провел зиму 1851/52 г. С зимовки он посылал время от времени поисковые партии на соседние земли, пока его не выручила санная партия, посланная с флотилии под командованием Эдуарда Белчера. Таким образом, Мак-Клюр и его экипаж прошли пешком по льду замерзшего Северо-западного прохода и вернулись в Англию через Баффинов залив.

В 1850 г. американская экспедиция под начальством Э. Де-Хавена исследовала пролив Веллингтона и обнаружила к северу от него новый участок суши, названный ею Землей Гриннелла, а на самом деле являвшейся частью острова Девон. Суда Де-Хавена крепко вмерзли в лед и вместе с ним совершили дрейф протяжением более 1600 *км*.

В 1851 г. капитан В. Кеннеди перезимовал в заливе Принца-Регента, а весной 1852 г. открыл пролив, отделяющий остров Норт-Сомерсет от материка Северной Америки. Этот проход, ныне известный как пролив Белло, получил свое название по имени участвовавшего в экспедиции французского офицера Ж. Белло. Другая экспедиция, под командованием Рэ, спустилась в 1851 г. вниз по реке Коппермайн, проследовала к Земле Уоллестона и осмотрела значительную часть восточного побережья Земли Виктории. Ему мы обязаны первыми определенными сообщениями о судьбе Франклина, полученными от эскимосов.

Все же свидетельств о судьбе Франклина было слишком мало, и английское правительство решило выслать новую спасательную экспедицию для его поисков. В соответствии с этим из Англии отплыла большая флотилия под командованием Эдуарда Белчера для достижения, как гласила инструкция, «двух главнейших целей... во-первых, для того чтобы одно парусное и одно паровое судно сделали попытку пройти через пролив Веллингтона, и, во-вторых, чтобы два таких же судна продвинулись до Земли Мелвилла». По прибытии к южному концу пролива, Белчер разделил свои силы: сам с Г. Ричардсом и Шерардом Осборном отправился на север, капитана же Келлета и Мак-Клинтока отправил на запад. Северная партия проделала ценную работу, открыла остров Норт-Корнуоллис, несколько других островов к северу от полуострова Гриннелла и часть острова Батерста. Однако западный отряд сделал еще больше. В течение 1852 г. Мак-Клинток и другие совершили несколько коротких путешествий; во время одного из них лейтенант Мечем нашел оставленное Мак-Клюром письмо. В следующем году отряду удалось продвинуться далеко вперед. Мак-Клинток покрыл 2270 *км*, из которых 1220 *км* пролегало по совершенно неизвестной территории, причем открыл и частью исследовал остров Принца Патрика. «Путешествие Мак-Клинтока,—заявил в 1909 г. К. Маркхем,—это самое большое дости-

жение в Арктике из всех нам известных». Мечем исследовал южный и западный берега земли Принца Патрика и почти достиг точки, от которой Мак-Клинток повернул в обратный путь. Мечем покрыл 1885 *км*; из них 1265 *км* пролегало по неизвестной территории. Таким образом, он вместе с Мак-Клинтоком завершил важнейшее открытие. Вези Гамильтон совершил путешествие в 1065 *км* и охватил неизвестную территорию к северу от острова Мелвилла. Вдобавок к этому лейтенант Пим спас экипаж Мак-Клюра. Хотя разногласия между Белчером и его подчиненными и мешали экспедиции, она проделала чрезвычайно важную работу.

Рэ в 1854 г., во время съемок западного побережья полуострова Бутии, собрал точные данные об отступлении и гибели какой-то большой группы людей. В его руки попали также кое-какие вещи этой группы, после чего не осталось сомнений, что это были остатки экспедиции Франклина. На этом английское правительство успокоилось и свернуло дальнейшие поиски судов «Эребус» и «Террор». Однакоже вдова Франклина решила продолжать поиски и заручилась в этом поддержкой Мак-Клинтока, совершившего в 1857 г. свою знаменитую экспедицию на судне «Фокс». Он исследовал восточную сторону острова Короля Вильяма, завершил открытие острова Принца Уэльского и произвел частичный осмотр пролива Мак-Клинтока. Всего экспедиция прошла около 1300 *км* по вновь открытым ею пространствам. Еще одним успехом экспедиции было обнаружение лейтенантом Хобсоном уже цитированного выше документа, являющегося единственным прямым свидетельством о судьбе экипажа Франклина[1].

Поиски Франклина в корне изменили существовавшие до того времени карты арктических земель к северу от Канады, но не привели ни к открытию судоходства через Северо-западный проход, ни к обнаружению достаточно солидных вещественных остатков погибшей экспедиции. Дальнейший свет на трагедию пролили экспедиции Холла, предпринятые вдоль северного побережья Канады в 1864 и последующих годах. Он собрал у туземцев много серебра с погибших судов и исследовал короткий, оставшийся неизученным отрезок побережья полуострова Мелвилл. Он обнаружил также один скелет и говорил с видевшими Франклина эскимосами.

Впервые на судне «Йоа» Северо-западным проходом прошел Р. Амундсен в 1903—1905 гг.[2]. Он определил точное положение северного магнитного полюса (70° 30′ с. ш. и 95° 30′ з. д.), после

[1] Кое-какие остатки экспедиции Франклина обнаружил в сентябре 1930 г. майор Баруош во время полета над побережьем острова Короля Вильяма.—*Прим. автора.*

[2] В 1875 г. неудачную попытку пройти Северо-западным проходом сделал Юнг.—*Прим. автора.*

чего, следуя по маршруту Франклина и проливу Диз, вышел в Тихий океан[1].

Большое и важное путешествие среди островов Канадского архипелага, положенных на карту при поисках Северо-западного прохода, совершили в 1898—1902 гг. Свердруп и Изаксен. Они прошли почти по всему западному берегу острова Элласмира, оба берега пролива Джонсона и острова к западу от острова Элласмира. Свердрупу удалось почти сомкнуть район работы более ранних исследователей архипелага с районом работы Олдрича на дальнем севере. В свою очередь, его работу продолжил Мак-Миллан (1913—1917 гг.), вышедший из Эты на западном берегу Гренландии. Он исследовал большую часть острова Элласмира и частично охватил территории, открытые Свердрупом. Помимо многих положительных открытий, он сделал также одно отрицательное, а именно—доказал, что виденная Парри «Земля Крокера» на самом деле не существует. Обе эти экспедиции практически завершили выяснение контуров островов к северу от Канады.

Много нового в Арктике сделала канадская арктическая экспедиция 1913—1918 гг. под руководством В. Стефансона.

«Его съемки сократили площадь неизвестных морей и земель примерно на 100 000 кв. миль. Из них 65 000 кв. миль ориентировочно приходится на море Бофорта, 10 000 миль—на Северный Ледовитый океан, к западу от острова Принца Патрика, и почти 20 000 миль—на район к востоку и северо-востоку от этого острова. Помимо проверки открытий его предшественников и выяснения деталей ранее не известных берегов, он сделал также и ряд самостоятельных открытий между 73° и 86,2° с. ш. и 98° и 115° з. д., в том числе открыл три больших и несколько мелких островов» (Грили)[2].

Вновь открытые земли лежат к северу от острова Мелвилл.

Экспедицию постигло большое несчастье, так как судно «Карлук», на котором находилась часть экспедиции, было раздавлено льдами и затонуло; экипаж пробрался к острову Врангеля, и часть его была спасена судном, посланным капитаном шхуны «Карлук» Бартлеттом, который в поисках помощи мужественно прошел пешком в Сибирь. Один из четырнадцати оставшихся в живых членов команды был спасен благодаря смышлености собаки Молли, которая, таким образом, также отличилась в арктических морях.

---

[1] Книга Амундсена об этом плавании переведена на русский язык: *Р. Амундсен*, «Плавания Северо-западным проходом на судне «Йоа», Л., 1935.—*Прим. ред.*

[2] По этой экспедиции см. *В. Стефансон*, «Гостеприимная Арктика» (есть русский перевод).—*Прим. ред.*

Несмотря на это несчастье, была проделана большая работа, и отчет экспедиции является самым ценным научным трудом по Канадской Арктике из всех существующих[1].

Из Канады был послан ряд экспедиций и на Крайний Север. Экспедиция Расмуссена (1921—1924 гг.) произвела съемку обширной территории на полуострове Мелвилл и Земле Кокберна (северной части Баффиновой земли); что касается южной части Баффиновой земли, то за последние полвека немало поездок по ней совершили канадские чиновники, хотя до недавнего времени значительная часть собранных ими материалов предназначалась лишь для служебного пользования.

Большой материал по Канадской Арктике собрали в ходе своих ежегодных объездов патрули канадской конной полиции. Далее следует упомянуть еще и экспедицию Г Крейгера и Р. Бьяре (1930 г.). Они отправились с полуострова Баш (остров Эллсмир), на котором тогда был расположен крайний северный полицейский пост, и достигли северо-восточной оконечности острова Акселя Хейберга. Далее, как можно предполагать, Крейгер «в поисках пищи для собак исходил охотником все западное побережье острова и, повидимому, перешел на остров Мейген. Здесь, вероятно, он и его отряд зимой 1930/31 г. погибли от голода». Проведенные полицией в очень трудных условиях тщательные розыски не дали никаких более точных указаний о судьбе исследователей. В 1934—1935 гг. много поработала на острове Эллсмир экспедиция Оксфордского университета. Она увидела новую горную цепь на земле Гранта к югу от хребта Челленджер, открытого Нейрсом, и уточнила топографию Земли Гриннелла и побережья самого острова Эллсмир.

В более южных районах лабрадорская экспедиция Форбс-Гренфелл (1931, 1932 и 1935 гг.) произвела аэрофотосъемку крайнего севера Лабрадора, а в 1935 г. д-р Кемселл совершил важный полет над неизвестной территорией в северной части Британской Колумбии и на юго-востоке территории Юкон.

Немаловажное значение имели также произведенные Стефансоном исследования в море Бофорта, где в 1907 г. большое путешествие на санях проделал Миккельсен. Этот район оставался почти не исследованным до самого последнего времени, хотя экспедиция Мак-Миллана со стороны его восточной границы и Стефансона с юга способствовали значительному сокращению белых пятен. Именно в этом районе и проделал в 1926—1928 гг. очень ценную работу во время своих полетов Губерт Уилкинс. В течение первого года он предпринял лишь разведочные полеты, имевшие, тем не менее, большую ценность, поскольку они происходили над боль-

---

[1] См. *В. Бартлетт*, «Последнее плавание «Карлука», Л., 1936.— *Прим. ред.*

шими, еще не изученными районами Аляски. В 1927 г. Уилкинс достиг точки под 77°45′ с. ш. и 175° з. д. и отсюда, из-за аварии, должен был совершить часть обратного путешествия пешком. «Главным достижением воздушной экспедиции было определение океанической глубины в крайней достигнутой ею точке» (ориентировочно—5540 *м*). Второй полет в направлении Земли Гранта пришлось прервать на 200-й миле из-за густого тумана.

В ходе своей третьей воздушной экспедиции (1928 г.) Уилкинс перелетел с мыса Барроу до Шпицбергена и дал кое-какие новые сведения о море Бофорта, но ему сильно мешала плохая погода. Сам по себе, однако, полет был великолепным достижением, и его можно смело включить в число крупнейших путешествий в северных водах Канадского архипелага.

4. Евразийский архипелаг и Северо-восточный проход

Первым на Ново-Сибирских островах побывал в 1770 г. русский купец Ляхов, открывший также острова его имени[1]. В 1809—1812 гг. на них вновь побывал и произвел частичную съемку Геденштром, но работе его сильно мешали трудности путешествия[2]. Вследствие этого в 1821 г. для съемки вышла другая экспедиция, под командованием лейтенанта Анжу; съемка была закончена, но из-за тонкости льда и разводьев экспедиции не удалось проникнуть дальше на север и проверить правильность сообщения о существовании там еще какой-то другой земли[3].

Пока Анжу вел свою работу, Врангель производил санные разъезды с базы в устье Колымы. Прежде всего, в 1820 г. он произвел съемку побережья от реки Колымы до мыса Шелагского. В следующем году он проехал 225 *км* на север, но не нашел никаких новых земель, а в 1823 г., проехав почти 1450 *км*, не обнаружил на севере той возвышенной земли, о которой говорили корен-

---

[1] См. *В. Ю. Визе*, «Моря Советской Арктики, история исследования». Изд. Главсевморпути, Л., 1939. (Глава «Ново-Сибирские острова и море Лаптевых», стр. 370—404.) Уже Михаил Стадухин видел ближний Ляховский остров в 1644 г., а Вагин и Пермяков в 1712 г. побывали на этом острове.—*Прим. ред.*

[2] Матвей Матвеевич Геденштром был начальником экспедиции, снаряженной в 1808 г. на средства графа Н. П. Румянцева. Кроме самого Геденштрома, интересные исследования вновь открытых островов сделали Кожевин, Яков Санников и Пшеницын. Помимо действительных открытий, с именем одного из участников этой экспедиции связана мифическая «Земля Санникова».—*Прим. ред.*

[3] О лейтенанте Петре Федоровиче Анжу см. *А. Соколов*, «Опись берегов Ледовитого моря между реками Оленеком и Индигиркой и Северных островов лейтенантом Анжу», «Записки Гидрографического департамента», VII, 1849. Вместе с Анжу опись берегов Сибири от Оленека до Индигирки производили штурманы Ильин и Бережных.—*Прим. ред.*

ные жители. Ничего не дало еще более длинное путешествие, совершенное в 1824 г. Эту землю увидел в 1849 г. Келлет, открывший лежащий вблизи нее остров Геральд, а впервые ее исследовал в 1881 г. лейтенант американского флота Берри. Земля эта известна теперь под именем острова Врангеля[1].

Из-за неуловимости этой земли в географические сочинения того времени вкрались значительные ошибки, и некоторые географы склонны были даже думать, что к северу от Сибири лежит большой материк. Миф этот был рассеян путешествием Де-Лонга на судне «Жаннетта», совершенным в 1879 г. Он проник в Арктику через Берингов пролив и имел в виду перезимовать на этой земле, но, несмотря на все поиски, никакого массива земли не обнаружил, а нашел лишь два маленьких острова—Жаннетту и Генриетту. Судно его было раздавлено льдами, и Де-Лонг и его спутники отправились пешком на Ново-Сибирские острова. В этом походе он сделал свое третье открытие—остров Беннета. В конце концов отряд достиг северного побережья Азии, но сам Де-Лонг и еще несколько человек умерли от голода, не дождавшись шедшей к ним помощи[2].

В 1885 г. русские возобновили исследование Ново-Сибирских островов. На этот раз дело было поручено Э. В. Толлю, который достиг их со стороны Сибири. В 1893 г. этот талантливый и умелый путешественник вернулся на северное побережье Азии и на острова и сделал весьма ценные геологические открытия. В 1900—1902 гг. он вышел в новое путешествие, побывал на острове Беннета, но, к несчастью, погиб на обратном пути[3].

Новая Земля была известна западным европейцам еще со времени первых поисков Северо-восточного прохода[4], но в картах возникла какая-то путаница, и так до XVIII в. у географов не было ясного представления, была ли она частью материка, или нет. Однакоже в 1760 г. русские послали на Новую Землю специаль-

[1] См. *Ф. Врангель*, «Путешествие к северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820—1824 гг. экспедицией... Врангеля», чч. I—II, СПБ, 1841. Врангель по расспросным сведениям и по полету птиц, который он сам неоднократно наблюдал, нанес на карту большой остров между Восточно-Сибирским и Чукотским морями, что в высшей степени облегчило задачи более поздних исследователей. Именно Берри первый и предложил назвать этот остров «Землей Врангеля». Остров Геральд, о котором упоминается в тексте, лежит к востоку от острова Врангеля, у 175° з. д.— *Прим. ред.*

[2] См. *Де-Лонг*, «Плавание «Жаннетты», Изд. Главсевморпути, Л., 1936. См. также *С. Лаптев*, «Трагедия в ледяной пустыне», Иркутск, 1937.— *Прим. ред.*

[3] См. «Отчеты о работах русской полярной экспедиции, находящейся под начальством барона Толля, 1900—1904 г.», ч. I—IX, 1901—1904.

[4] Новая Земля стала известна прежде всего русским, от которых англичане получили некоторые сведения о ней во второй половине XVI в.—*Прим. ред.*

ную экспедицию, которой удалось пройти через Карское море и обогнуть северную оконечность Новой Земли. Это плавание вокруг всей Новой Земли, потребовавшее двух зимовок на восточном берегу, решило первую, связанную с островами проблему[1].

В XIX в. было предпринято дальнейшее и более детальное исследование Новой Земли. В 1819 г. русские отправили экспедицию для съемки побережья, но судну так и не удалось достигнуть Новой Земли[2]. Два года спустя к ряду своих путешествий, продлившихся до 1824 г., приступил Литке; в ходе их он произвел съемку западного побережья до мыса Принца Нассауского на севере, но не сумел пробиться через льды, на которые он натолкнулся в этой области[3]. В 1832—1833 гг. Пахтусов в частном порядке совершил плавание вокруг южного острова, а в течение следующих трех лет изучал восточное побережье Новой Земли к северу от Маточкина Шара[4]. Следующая в порядке времени правительственная экспедиция 1838 г. перезимовала в северной части западного побережья, но болезнь скосила столько участников, что ей не удалось добиться никаких крупных результатов[5]. В 1869 г. Пеллизер добрался до точки в 50 *км* к северу от мыса Принца Нассауского, а в 1870 г. Иогансен совершил второе плавание вокруг всей Новой Земли.

---

[1] Речь идет о промысловой экспедиции Саввы Лошкина, который по собственной инициативе совершил это путешествие (с двумя зимовками), предположительно в 1760—1762 гг. См. *В. Ю. Визе*, «Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служилых людей XVI—XIX вв.», биографический словарь, изд. Главсевморпути, 1948. Автор не сообщает о более поздней, но очень важной исследовательской экспедиции штурмана Федора Розмыслова в 1768—1769 гг. О нем см. *Визе*, «Моря Советской Арктики», изд. 3-е, и *Н. Чулков*, «Экспедиция на Новую Землю под начальством Розмыслова в 1768—1769 гг.» (по архивному делу), Архангельск, 1898.—*Прим. ред.*

[2] Имеется в виду неудачная (из-за цынги) экспедиция лейтенанта А. Лазарева на конфискованном английском бриге «Кэтти», переименованном в «Новую Землю». См. *В. Ю. Визе*, «Моря Советской Арктики», Л., 1939, стр. 96.—*Прим. ред.*

[3] *Ф. П. Литке*, «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан, совершенное на военном бриге «Новая Земля» в 1821—1824 гг. Федором Литке», чч. I—II, СПБ, 1828. Новое изд.—Географгиз, М., 1948.—*Прим. ред.*

[4] Этот замечательный исследователь Новой Земли умер в 1835 г. в возрасте 36 лет. Во второй экспедиции принимал деятельное участие А. К. Циволько. См. *М. И. Рейнеке*, «Экспедиция подпоручика Пахтусова для описи восточного берега Новой Земли», «Записки Гидрографического департамента», 1842—1844. О Пахтусове см. также *Боднарский* и *Визе*, указанные сочинения.—*Прим. ред.*

[5] Здесь имеется в виду экспедиция Гидрографического департамента 1838 г. под начальством лейтенанта Циволько, которого после его смерти (в марте 1839 г.) сменил прапорщик Моисеев. Но это была третья экспедиция с участием Циволько; за год до этого, в 1837 г., он доставил на Новую Землю на судне «Кротов» академическую экспедицию Бэра, которая сделала очень много для изучения геологии, растительности и животного мира этого острова. См. *М. М. Соловьев*, «Бэр на Новой Земле», Л., 1934.—*Прим. ред.*

После Иогансена на землях вокруг Карского моря побывал еще ряд научных и торговых экспедиций, обогативших географию новыми существенными деталями. Важнейшую роль сыграли экспедиции, связанные с поисками Северо-восточного прохода. Одно из такого рода предприятий, а именно экспедиция Вейпрехта и Пайера, приступила в 1871 г. к изучению Новой Земли. Судно Пайера было затерто льдами и отнесено дрейфом на север; к его открытиям мы еще вернемся.

Более успешной была экспедиция А. Э. Норденшельда, который в 1875 г. совершил предварительное путешествие на Новую Землю, в 1876 г. в ходе второй экспедиции добрался до устья Енисея, а в июле 1878 г. вышел в свое знаменитое плавание на корабле «Вега». Вот что записал Норденшельд почти точно через год после отплытия:

«К 11 часам утра [19 июля 1879 г.] мы достигли середины пролива, соединяющего Северный Ледовитый океан с Тихим... Мы разрешили, таким образом, задачу и достигли цели, к которой стремилось столько народов... теперь, по прошествии 336 лет, когда большинство опытных моряков пришло к выводу, что предприятие это неосуществимо, мы впервые прошли, наконец, Северо-восточным проходом... Правда, теперь этот проход уже не нужен в качестве торгового пути между Европой и Китаем, но судьба даровала этой нашей и предшествовавшим шведским экспедициям счастье открыть для судоходства море и дать возможность целой половине материка сообщаться по морю с великими океанами земного шара»[1].

Дальнейшие подробные сведения о северном побережье Сибири дали экспедиции на судне «Мод» (1918—1920 и 1922—1925 гг.) и произведенные русскими в 1910—1915 гг. съемки[2]. В 1913 г. русские исследовали и открыли новую землю к северу от мыса Челюскина. В 1914 г. они вновь побывали на ней, но не смогли установить полные ее очертания, хотя и определили ее южный и восточный края. Земля эта, вначале названная Землей Николая II, теперь известна под названием Северной Земли[3]. Съемки

[1] Ряд работ Норденшельда переведен на русский язык. Последнее издание *А. Е. Норденшельд*, «Путешествие вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега», тт. I — II. Теперь доказано, что Норденшельд не первый обогнул на судне Таймырский полуостров. Почти за два с половиной столетия до него это сделали неизвестные русские мореходы. См. *А. П. Окладников*, «Русские полярные мореходы XVII в. у берегов Таймыра», Изд. Главсевморпути, 1948.—*Прим. ред.*

[2] Пользу в этом отношении принесла и описываемая нами ниже экспедиция Нансена на «Фраме».—*Прим. автора.*

[3] Речь идет о русских экспедициях 1913—1914 гг. на пароходах ледокольного типа «Таймыр» и «Вайгач» под начальством Б. А. Вилькицкого. Именем Бориса Вилькицкого в советское время назван был пролив между Северной землей и Таймырским полуостровом. См. *Визе*, указанное сочинение.—*Прим. ред.*

русских исследователей тех лет охватили все европейское побережье Арктики от Берингова пролива до Баренцова моря.

За последние годы огромную научную работу на Крайнем Севере проделал Советский Союз. Большую роль в ней сыграли ледоколы и авиация. Одна из экспедиций открыла в 1930 г. к востоку от Земли Франца Иосифа новый остров (Землю Визе), небольшой остров между Новой Землей и Северной Землей и группу островов вблизи последней (острова Сергея Кирова)[1]. Оставленный на Северной Земле отряд закончил в 1932 г. ее съемку[2]. Как эта экспедиция, так и ряд последующих изучали полярные районы с целью установления морского сообщения вокруг Северной Азии. В 1932 г. экспедиция на ледоколе «Сибиряков» совершила плавание вокруг Северной Земли и в течение двух месяцев прошла весь Северо-восточный проход[3]. В следующем году ледокольный пароход «Челюскин» попытался совершить плавание в оба конца, но дошел лишь до пункта на восток от Берингова пролива. Здесь он был затерт льдами, отнесен на север и в конце концов погиб; экипаж высадился на лед и был спасен авиацией. Исследование шло с возрастающим успехом, и в 1934 г. «Литке» проделал плавание из Владивостока в Мурманск меньше чем в три месяца, а в 1935 г. по этому пути прошел ряд торговых судов.

Это достижение, по крайней мере отчасти, является результатом организации сети научных станций по всему побережью Арктики. Большинство из них радирует сводки погоды и данные о движении льдов, а некоторые являются исходными пунктами для важной работы. Примерами могут служить давшая важные картографические и другие материалы большая Анадырь-Чукотская экспедиция 1931—1934 гг., геологическая экспедиция к югу от мыса Северного 1933—1934 гг. и съемки С. В. Обручева на Чукотском полуострове в 1934—1935 гг. Воздушная разведка над Камчаткой и крайней северо-восточной оконечностью Азии выявила много новых деталей.

---

[1] Это была экспедиция на ледоколе «Седов» под начальством О. Ю. Шмидта. В. Ю. Визе (указанное сочинение) говорит об открытии не одного, а двух небольших островов—за 77° с. ш. между 88° и 93°31′ в. д., а дальше на север, за островами Сергея Кирова, остров Шмидта (у 81° с. ш.).—*Прим. ред.*

[2] Отряд под начальством Г. А. Ушакова был оставлен на островах Сергея Кирова. В течение двух лет этот отряд заснял всю Северную Землю (кроме острова Шмидта), причем выяснилось, что это архипелаг, состоящий из ряда мелких и четырех значительных островов: Большевик, Октябрьской революции, Комсомолец и Пионер.—*Прим. ред.*

[3] Впервые в истории Северо-восточный проход был пройден в одну навигацию. Кроме экспедиции на «Сибирякове», в 1932 г. следует отметить экспедицию на «Русанове», открывшую у 76° с. ш. группу островов Известий ЦИК. В следующем, 1933 г. новая экспедиция на «Сибирякове» во главе с В. Ю. Визе установила точное положение этой группы и к югу от нее открыла остров Арктического Института.—*Прим. ред.*

Крупные успехи были достигнуты русскими в больших исследованиях Арктики с воздуха. В 1936 г. был совершен беспосадочный перелет через всю Советскую Арктику[1]. Русские летчики совершили перелет из Лос-Анжелоса в Москву через Аляску и Берингов пролив, другая группа летчиков в 1937 г. совершила первый беспосадочный перелет через Арктику[2]. В 1937 г. русские летчики высадили группу русских ученых в точке вблизи Северного полюса для производства научных наблюдений с дрейфующей льдины[3].

Эта короткая сводка ни в какой мере не исчерпывает огромной работы русских в Арктике, делающей большую честь ряду талантливых ученых, среди которых следует упомянуть профессора О. Шмидта, занимавшего (ко времени выхода второго издания этой книги, в 1937 г.) пост начальника Главного управления Северного Морского Пути и трижды проделавшего путь по Северо-восточному проходу, и заместителя директора Арктического института, ленинградского профессора В. Визе.

Поиски Северо-восточного прохода привели к случайному открытию Земли Франца Иосифа. Это произошло следующим образом. Как мы уже говорили, затертый в 1872 г. льдами Пайер вынужден был перезимовать в Арктике. В августе следующего года он увидел землю, и позже прошел до нее пешком и осмотрел ее. Пайер провел вторую зимовку в Арктике в 1874 г., еще раз побывал на вновь открытой земле и уже более серьезно изучил ее. К ранее открытым им островам Вильчека и Гохштеттера он прибавил на этот раз острова Галля, Гогенлоэ и крайнюю оконечность суши в Старом Свете—мыс Флигели. Далее он видел какие-то смутные контуры, которые он называл Землей Рудольфа, а еще дальше—голубые горы, названные им Землей Короля Оскара

---

[1] Этот перелет от Москвы до острова Удд (ныне Чкалов на Охотском море) был совершен великим советским летчиком Валерием Павловичем Чкаловым (1904—1938 гг.) вместе с летчиком Г. Ф. Байдуковым и штурманом А. В. Беляковым 20—22 июля 1936 г. по маршруту, указанному товарищем И. В. Сталиным. Покрыто без посадки расстояние в 9374 *км* в очень тяжелых метеорологических условиях.—*Прим. ред.*

[2] 18—20 июня 1937 г. Чкалов, Байдуков и Беляков, по заданию И. В. Сталина, совершили первый в истории беспосадочный трансарктический перелет через Северный полюс из Москвы в США, покрыв более 12 000 *км* воздушного пути. 12—14 июля того же года этот перелет повторила другая группа советских летчиков (Громов, Юмашев и Данилин), поставив при этом мировой рекорд дальности полета без посадки по прямой.—*Прим. ред.*

[3] Речь идет о знаменитой дрейфующей полярной станции «Северный Полюс», начальником которой был И. Д. Папанин. «Папанинцы в своей практической работе на дрейфующей льдине мимоходом, без особого труда, опрокинули старое представление об Арктике, как устаревшее и установили новое, соответствующее требованиям действительной науки» (*И. В. Сталин.* Речь на приеме в Кремле работников высшей школы, 1938 г., стр. 6).—*Прим. ред.*

и Землей Петерманна[1]. Пайеру в конце концов удалось вырваться из пакового льда, хотя судно пришлось оставить во льдах; Пайера спасли русские у берегов Новой Земли.

Работу Пайера продолжил Лей (Leigh) Смит, заснявший в 1880 г. большую часть архипелага. В следующем году он потерпел крушение у острова Нордбрука и вынужден был зазимовать на нем. Смит дал много нового материала о Земле Франца Иосифа. Его работа была далее продолжена Ф. Джексоном, путешествия которого охватили район почти в пятнадцать градусов по долготе (от 42° до 56° в. д.) и 130 *км* по широте (от лежащего к югу от 80-й параллели острова Нордбрук до 81° 21′ с. ш.). Джексон спас Нансена, сделавшего рискованнейшую попытку добраться до Северного полюса, а последний во время обратного путешествия, в свою очередь, прибавил кое-что новое к карте Земли Франца Иосифа.

В 1898 г. В. Уэлман исследовал острова восточной оконечности архипелага, а Болдуин открыл несколько островов, в том числе остров Грэем-Белл. Были привезены сообщения о существовании еще какой-то земли к востоку от острова Рудольфа.

Клубок всех этих сообщений о новооткрытых землях распутала экспедиция герцога Абруццкого, совершенная в 1899—1901 гг. Ему удалось определенно доказать, что крупные, виденные Пайером земли, так же как мелкие, виденные Болдуином острова, на самом деле не существуют, и показать, что весь массив архипелага был почти целиком погребен подо льдом. Один из участников этой экспедиции, Каньи, сделал в 1901 г. смелую попытку достигнуть Северного полюса.

С тридцатых годов на острове Гукер работает советская метеорологическая станция; русские научные экспедиции проделали большую работу на архипелаге, а в 1932 г. было впервые произведено плавание вокруг него[2]. В 1933 г. было открыто еще много новых островов и исправлена карта открытых ранее. С тех пор работа идет не ослабевая. В 1936 г. был произведен первый полет на этот архипелаг. В настоящее время на острове Рудольфа работает метеорологическая станция.

Тогда как Земля Франца Иосифа была открыта лишь в XIX в., соседний архипелаг Шпицберген[3] был открыт

---

[1] В 1900 г. итальянец Каньи сообщил, что Земли Петерманна не существует. Окончательно установил, что Земли Петерманна, так же как и Земли Короля Оскара, не существует русский полярный мореплаватель В. И. Альбанов в 1914 г.—*Прим. ред.*

[2] Повидимому, здесь идет речь о втором, в 1932 г., рейсе ледокола «Малыгин», достигшего севернее острова Рудольфа 82°24′ с. ш.—*Прим. ред.*

[3] Ныне известный как Свальбард; мы сохраняем старое название, которым продолжает именоваться главный остров. Свальбард—наименование всего архипелага.—*Прим. автора.*

в XVI в.[1], хотя, быть может, викинги побывали на нем и в XII в. Корабли заходили на него в XVII в., а в 1773 г. на нем побывал Фиппс. Бьюкен и Франклин зашли на Шпицберген в 1818 г. и произвели кое-какие наблюдения на Датском острове. В 1824 г. на Шпицбергене были Клевринг и Сейбин, а в 1829 г.— Парри. Однакоже все это были случайные посещения, совершённые в ходе путешествий, не имевших своей специальной целью исследование Шпицбергена.

В 1838—1839 гг. французское судно «Решерш» под командованием капитана Фавра доставило на Шпицберген группу ученых, проделавших на нем ценную научную работу. Однакоже настоящими пионерами-исследователями Шпицбергена являются шведские ученые, первым из которых был О. Торрель (1858 г.). Его спутником был впоследствии прославившийся своими полярными путешествиями А. Э. Норденшельд. В 1861 г. Торрель вновь вернулся на Шпицберген и занялся в особенности северной и северо-западной частями архипелага. Один из его спутников побывал на Северо-Восточной Земле и острове Фиппс. В 1864 г. Норденшельд занимался специально изучением южных и юго-восточных островов и проливов архипелага и составил карту Шпицбергена, по точности превосходившую карты всех других полярных районов. В 1868 и в 1872 гг. он вновь побывал на Шпицбергене в связи со своими арктическими экспедициями, для которых архипелаг служил базой, и в шестой раз приезжал на Шпицберген в 1890 г. Дальнейшая работа других шведских ученых выявила ряд новых деталей архипелага, который в настоящее время можно считать хорошо известным.

Как ни важны исследования шведов, большую долю в исследование Шпицбергена внесли и англичане. В 1871—1872 гг. Лей-Смит исследовал отдельные участки северного побережья и Северо-Восточной Земли; экспедиция М. Конуэя дала съемку почти 1550 кв. *км* территории центрального Шпицбергена, так же как крупные результаты в разных областях науки; Конуэю удалось совершить плавание вокруг почти всего архипелага. В. Брюс исследовал прибрежный остров Принца Карла; много материала для географии Северо-Восточной Земли дал также ряд экспедиций, предпринятых Оксфордским университетом (1921—1924 гг.), кружком географических исследований того же университета (1933 г.) и А. Р. Гленом (1935—1936 гг.). За последнюю четверть века субсидируемые норвежским правительством экспедиции ведут упорную работу по изучению и картографированию всей группы островов.

[1] В XVI в. Шпицберген (Грумант), задолго до голландцев, посещался русскими поморами. Об этом свидетельствует письмо датского короля Фредерика II от 1576 г. одному из его подданных норвежцев с приказом войти в сношение с русским кормчим, ежегодно плававшим на Грумант из Колы (см. *Визе*, указанное сочинение).—*Прим. ред.*

5. Гренландия

Новый период изучения Гренландии открывается 12 мая 1721 г., со времени отплытия Ганса Эгеде с семьей из Дании в Гренландию. Он высадился вблизи Годтхоба на западном берегу и зазимовал там. Эгеде прожил в Гренландии до 1736 г. и собрал большой материал об острове, в особенности же о его юго-западной части, где была зимовка. Он положил начало новой колонизации Гренландии, в результате которой к концу XVIII в. на ее западном берегу выросло десять поселков.

XIX век ознаменовался чрезвычайно энергичным исследованием Гренландии. Многие полярные путешественники заходили по пути в те или иные точки побережья и обогащали карты новыми деталями. Так, например, в 1818 г. Росс освежил старые данные об отдельных частях Баффинова залива; в 1852 г. Инглфилд нанес на карту около 1000 *км* побережья вблизи пролива Смита, а в 1853 г. Кейн довел съемку до ледника Гумбольдта; в 1871 г. Холл достиг широты 82°07′; в 1876 г. экспедиция Нейрса произвела исследование берега за пределами Рипалс-Харбор и в 1882 г. экспедиция Грили—Локвуда нанесла на карту еще одну новую большую полосу побережья.

На восточном берегу Скорсби в 1822 г. положил на карту территорию между 64 и 75° с. ш. и уже в следующем году Клевринг и Сейбин добавили к этому свои материалы по району вблизи 74° с. ш. В 1829 г. Граа начал съемку с мыса Фарвель, провел ее за 65° с. ш., а зимой 1830—1831 гг. производил в Гренландии новые исследования.

Если в первую половину XIX в. исследования ограничивались главным образом побережьем, то во второй половине произошел поворот. Он начался рядом больших путешествий по южной Гренландии Г. Ринка; с 1853 г. они растянулись на пятнадцать лет. В 1869 г. Кольдевей и Пайер достигли острова Сейбин у восточного побережья и, продолжая итти в северном направлении, дали Земле Императора Вильгельма ее нынешнее название и частично исследовали фиорд Франца Иосифа. Эти путешествия, вместе с работой Инглфилда и его преемников на западном берегу, способствовали накоплению значительного материала о побережье Гренландии и подготовили те полные риска путешествия, которые впервые дали нам представление о внутренней Гренландии.

В 1870 г. А. Э. Норденшельд, выйдя от острова Диско, сделал попытку пересечь всю Гренландию, но потерпел неудачу. В ходе его второй экспедиции 1883 г. он прошел лишь 120 *км* от фиорда Аулацивик. Пять лет спустя, в 1888 г., Нансен пересек Гренландию с востока на запад—от точки на восточном побережье под

64°30′ с. ш. до Годтхоба. Это замечательное и совершённое в очень трудных условиях путешествие впервые дало представление об истинном характере Внутренней Гренландии[1].

Вслед за путешествием Нансена последовали другие крупные путешествия во внутреннюю, главным образом крайнюю северную часть страны. В 1886 г. Пири, выйдя с побережья (около 69°30′ с. ш.), проник примерно на 190 *км* в глубь Гренландии. Еще через шесть лет он начал крупное путешествие исследованием залива Инглфилд и совершил затем оттуда переход в северо-восточном направлении к фиорду Индепенденс. В 1893 г. он приступил к новым путешествиям на севере и в 1895 г. вновь вышел к фиорду Индепенденс. В 1900 г. он достиг крайней северной оконечности Гренландии на широте 83°37′[2].

Через каких-нибудь четырнадцать лет карта Гренландии коренным образом изменилась. Все же оставался ряд важных вопросов, к решению которых и приступили исследователи XX в. Первой по времени была экспедиция герцога Орлеанского (1905 г.). Он достиг восточного побережья на 78°16′ с. ш. и продолжил работу, начатую до него Кольдевеем и Пайером. На следующий год Гренландию посетила экспедиция Милиуса-Эриксена на судне «Данемарк», поставившая себе целью исследовать побережье от мыса Бисмарка (под 77° с. ш.) до рубежа, достигнутого Пири в 1900 г. Один из участников экспедиции, Л. Кох, не дошел лишь сорока миль до мыса Виков, руководитель же и два члена экспедиции погибли в ходе исследования фиорда Индепенденс. В 1909 г. в Гренландии работали две экспедиции. Де-Кервен из фиорда Квараяк проник в глубь страны на расстояние примерно 130 *км*. Севернее экспедиция на судне «Алабама» (1909—1912 гг.), посланная отчасти для выяснения обстоятельств смерти Милиус-Эриксена, нашла оставленные им научные материалы и осмотрела также фиорд Данемарк.

В год окончания экспедицией «Алабамы» ее трудов К. Расмуссен совершил свою первую экспедицию на судне «Туле». Он пересек северную Гренландию, вышел к фиорду Данемарк, а из него вернулся на западное побережье. В 1912 г. во второй раз пересек Гренландию Де-Кервен, вышедший из Якобсхавна и достигший восточного побережья у фиорда Сермилик. Путешествие его имело большое значение, поскольку при этом переходе через Гренландию он прошел почти 700 *км*. Третий переход через Гренландию был сделан И. Кохом в 1912—1913 гг. Он намеревался также перезимовать на Земле Дроннинг-Луизе и изучить ее геологию и географию; хотя это ему не удалось, он успешно вышел к западному берегу и достиг Провена.

---

[1] См. *Ф. Нансен*, «На лыжах через Гренландию», М., 1931.—*Прим. ред.*
[2] См. *Р. Пири*, «По большому льду к Северу», СПБ, 1906.—*Прим. ред.*

Новые материалы о Гренландии дала вторая экспедиция Расмуссена и Л. Коха на «Туле» в 1916 г. и экспедиция 1920—1923 гг. в ознаменование двухсотлетнего юбилея вторичной колонизации Гренландии, в ходе которой руководитель Л. Кох совершил путешествие вокруг северной Гренландии. Обе экспедиции проделали большую работу, в результате которой закончено было нанесение на карту всего побережья Гренландии.

Пока известные исследователи совершали свои привлекавшие всеобщее внимание путешествия, шло научное довольно подробное изучение Гренландии и в более скромных масштабах. Оно началось в 1876 г. и после 1878 г. перешло в ведение комиссии по руководству геологическим и географическим исследованием Гренландии. В результате ее работ Гренландия теперь изучена лучше всех американских арктических областей, даже некоторых, лежащих значительно южнее. Но все же и на ней есть еще не изученные местности; одной из них, в восточной Гренландии, и занялась кембриджская экспедиция 1926—1929 гг. Ее руководитель Дж. Уорди организовал успешный подъем на пик Петерманна и собрал много ценного материала о местности к северу от залива Скорсби.

Эта экспедиция типична для многих посетивших различные части Гренландии за последнее десятилетие. Недостаток места не дает нам возможности подробного разбора всех этих экспедиций из Норвегии, Дании, Франции и США, в особенности же экспедиций Мичиганского университета (руководитель—профессор В. Хоббс), Оксфордского и Кембриджского университетов. Все же на некоторых из них мы должны остановиться по причинам, которые станут читателю ясными позже.

Мы уже упоминали об исследованиях Л. Коха. Он и в дальнейшем продолжал весьма успешно возглавлять или направлять исследования датчан в северо-восточной Гренландии. Его экспедиции работали в Гренландии в 1926—1927, 1929, 1930, 1931—1934 и 1936—1937 гг. Самая крупная из них с общим штатом в 375 человек провела в Гренландии между 71 и 76° с. ш. четыре лета и три зимы. Были получены большие результаты в области геологии; обширные, до того не известные территории засняты с земли или с воздуха; были произведены многие другие научные наблюдения.

Несколько южнее два норвежца, М. Мерен и А. Хейгард, совершили переход через внутренний ледниковый покров от ледника Камаруюк (под 71°10′ с. ш.) на западном побережье, откуда они вышли 6 июля 1931 г., к полуострову Стриндберг на восточном берегу, куда они прибыли 18 августа.

Этот же ледник явился одним из главных объектов исследовательской работы германской экспедиции А. Вегенера, производившей метеорологические и другие наблюдения. Профессор

Вегенер имел в виду организовать три метеорологические станции: одну на западном берегу, другую во внутренней части Гренландии (71° 8′ с. ш., 40° з. д.) и третью на восточном берегу у залива Скорсби. Ледниковая станция проработала всю зиму. На следующее лето Вегенер привел туда смену, но сам умер на обратном пути. Экспедиция лишилась, таким образом, своего выдающегося руководителя, уже до того три раза побывавшего в Гренландии и завоевавшего себе мировое имя в качестве геолога. Спутники Вегенера остались в Гренландии и продолжали работы, в особенности по изучению толщины ледника (по их измерениям она доходит до 2700 *м*).

Еще южнее работала британская арктическая экспедиция по разведке авиатрассы под руководством Г. Уоткинса. Свою базу Уоткинс оборудовал на материке к западу от Ангмагсалика, а под 67°3′ с. ш. и 41°48′ з. д. организовал ледниковую станцию, где А. Курто (Courtauld) прожил в одиночестве зимой 1930/31 г. пять месяцев. Главные силы экспедиции произвели некоторые исследования внутри Гренландии и также съемку восточного побережья от базы в северном направлении до фиорда Кангердлугсуак.

После того как Курто был сменен, один отряд (в составе Д. Скотта, А. Стивенсона и лейтенанта М. Линдсея) пересек внутренний ледник от базы до Ивигтута на юго-западе, другой отряд (Дж. Раймилл и В. Хемптон) направился на северо-запад через ледник и вышел к Хольстенборгу на западном берегу; сам же Уоткинс вместе с Курто и капитаном П. Лемоном прошел на маленькой шлюпке вдоль восточного побережья до Нанорталика. Эта экспедиция произвела большие съемочные работы и так же, как экспедиция Вегенера, собрала ценный материал в связи с проектом воздушного сообщения между Европой и Америкой.

В 1932 г. Уоткинс вернулся на восточное побережье Гренландии и на этот раз организовал свою базу в 160 *км* к северу от Ангмагсалика у Лейк-Фиорда. Он научился управлять каяком не хуже эскимосов, но 20 августа, когда он охотился на тюленей, с ним случилось какое-то несчастье и он утонул. Руководство экспедицией перешло в руки Д. Раймилла, и работа продолжалась. Были собраны новые ценные материалы для проектируемой авиатрассы.

Участник экспедиции Уоткинса 1930—1931 гг. лейтенант М. Линдсей вернулся в 1934 г. в Гренландию для окончания съемки горного массива между горой Форель и заливом Скорсби. Удобнее всего было проникнуть в этот район с запада, и экспедиция Линдсея успешно пересекла внутренний ледник от Якобсхавна до старой базы британской арктической экспедиции по разведке авиатрассы.

6. Полярные экспедиции к востоку от Гренландии

Первоначальные попытки достигнуть полюса делались все к востоку от Гренландии и нами уже разбирались. Напомним в связи с этим, что их исходной целью было не исследование Арктики, а разрешение приобревшего уже почтенную давность вопроса о северном «проходе» к Тихому океану. Поэтому мы и отнесли их в раздел нашей книги, посвященный поискам Северо-западного прохода; и здесь достаточно в этой связи лишь напомнить о путешествиях Фиппса и Бьюкена.

В 1827 г. капитан Парри выдвинул проект «путешествия к Северному полюсу в лодках на полозьях—по льду или по открытой воде, там, где возможно». Базой своей экспедиции он сделал Шпицберген, откуда достиг 82°45′ с. ш., зайдя, таким образом, за достигнутый Фиппсом рубеж (80° 48′ с. ш.), и установил рекорд, продержавшийся до 1876 г.

После этого центр тяжести переместился в области к западу от Гренландии, где велись энергичные поиски Северо-западного прохода, и лишь через несколько лет после окончания этих поисков возобновились путешествия к полюсу из областей, лежащих к востоку от Гренландии. В 1868 г. Норденшельд, отплыв из Шпицбергена, достиг крайнего рубежа судоходства в арктических водах — 81°42′ с. ш. Вторая экспедиция Норденшельда, тоже с базы на Шпицбергене, в общем была неудачной: удалось исследователю лишь по льду достичь острова Фиппс.

Тем временем судно «Германия» под командой капитана Кольдевея произвело в 1868 г. попытку плавания вдоль восточного побережья Гренландии. После того как попытка оказалась безуспешной, Кольдевей отплыл на Шпицберген и оттуда, к северу от архипелага, достиг 81°05′ с. ш. Вторая его экспедиция, предпринятая в 1869 г., не принесла ничего нового делу исследования полюса, хотя и проделала полезную работу в Гренландии.

Все эти попытки проникнуть в Арктику к востоку от Гренландии дают нам какое-то мерило для суждения о следующем крупном путешествии. С большой смелостью и вместе с тем на основе логических выводов из накопленного фактического материала Ф. Нансен решил дать своему судну вмерзнуть в лед, с тем чтобы его дрейфом отнесло к полюсу. В 1893 г. он отплыл на судне «Фрам», прошел вдоль берега Евразийского континента и дал судну вмерзнуть в лед к северу от Ново-Сибирских островов. Дрейфом «Фрам» был отнесен до 85°57′ с. ш., но еще до этого Нансен покинул корабль и сделал попытку добраться до полюса пешком. Ледовые условия оказались неблагоприятными, и он пробился лишь до 86°12′ с. ш. Все же это было большим достижением, блестяще задуманным и умело выполненным. Нансену, конечно, посчастливилось: в критический момент подвернулся случайный

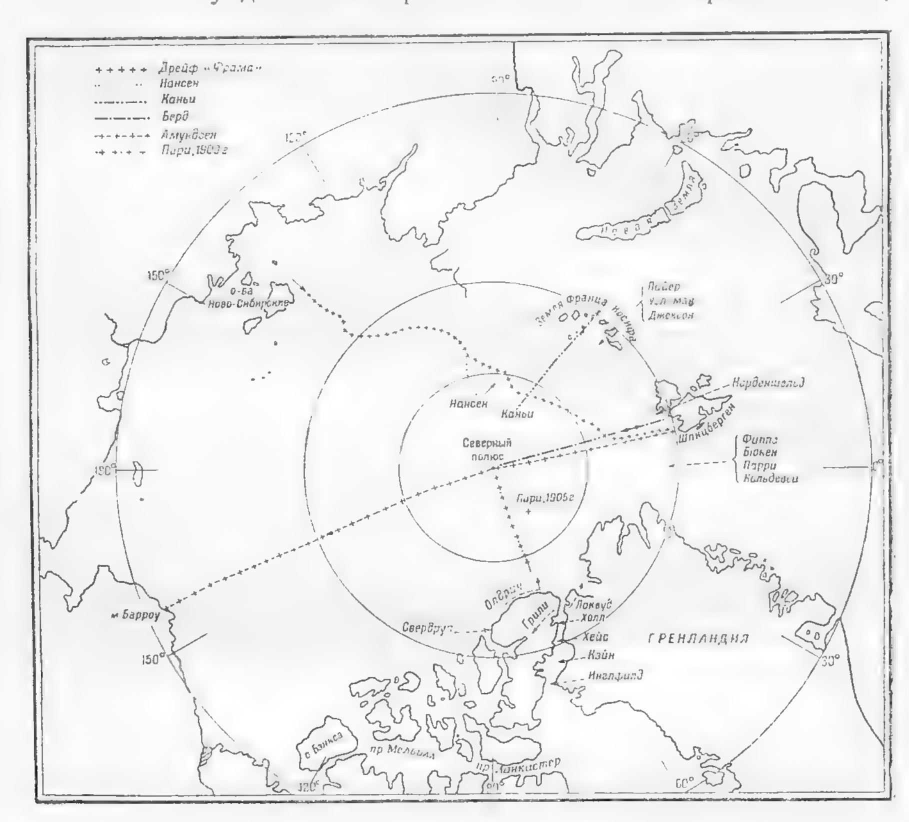
тюлень, которого удалось убить; ушел живым от навалившегося на него медведя спутник Нансена, Йогансен, и оба они неожиданно повстречались в 1896 г. с Джексоном, занимавшимся исследованием Земли Франца Иосифа. Но если даже и сбросить со счетов благоприятную игру случая, являющуюся должной наградой редчайшему мужеству, экспедиция Нансена остается одной из самых замечательных и ценных во всей истории полярных исследований. «Фрам» пробыл во льдах пять месяцев и вышел на чистую воду лишь 13 августа 1896 г. к северу от Шпицбергена. Командир судна капитан О. Свердруп достоин места рядом с Нансеном за свои заслуги в области выявления истинного характера значительной части Арктики[1].

Земля Франца Иосифа, куда Нансен прибыл пешком, служила исходной базой для целого ряда попыток достичь полюса. Экспедиции Пайера (1874 г.), Уэлмена (1894 г.) и Джексона (1894 г.) были все более или менее прямо связаны с открытиями на самом архипелаге или вблизи него, и ни одной из них не удалось зайти особенно далеко на север. Крайним рубежом был достигнутый Пайером мыс Флигели (81°51′ с. ш.). Более успешной оказалась экспедиция герцога Абруццкого (1901 г.). Один из ее участников, капитан У. Каньи, вышел с Земли Франца Иосифа 11 марта и 25 апреля достиг 86°34′ с. ш., побив, таким образом, рекорд Нансена. Достижение Каньи тем более замечательно, что ему приходилось бороться с тяжелыми препятствиями и лишениями. Рекорд Каньи продержался до 1906 г., но поскольку он был побит Пири в другом (западном) полушарии, результаты, достигнутые Каньи и Пири, трудно сравнивать между собой.

Остается упомянуть еще два вида исследований. Начатое в 1918 г. плавание судна «Мод» является примером исследования, объединяющего методы Нансена с техникой нового времени. Р. Амундсен прошел на «Мод» в 1918—1920 гг. Северо-восточным проходом. После некоторых аварий Амундсен сделал в 1921 г. попытку повторить нансеновский опыт—дал «Мод» вмерзнуть в лёд и отправиться дрейфовать, сам же вылетел к Северному полюсу на самолете. Ни та ни другая попытка не увенчались успехом. «Мод» была отнесена дрейфом примерно по тому же маршруту, что и «Фрам», и хотя на шхуне производились ценные наблюдения, географических открытий было сделано мало. Самолет Амундсена потерпел аварию, произошли и другие несчастья, но в конце концов Амундсен и его спутники все же вылетели к полюсу на двух летающих лодках. Им удалось достигнуть 87°43′ с. ш.

[1] Книга Нансена в полном или сокращенном виде под названием «Среди льдов и во мраке полярной ночи» (или под сходными названиями) несколько раз переводилась на русский язык; только с 1898 по 1902 г. вышло по крайней мере четыре перевода, в том числе один под редакцией Д. Н. Анучина. — *Прим. ред.*

По возвращении Амундсен, при финансовой поддержке Л. Элсуэрта, перелетел Северный полюс на дирижабле «Норге», поднявшись со Шпицбергена и сделав посадку на мысе Барроу. В 1928 г. Амундсен погиб при попытке спасти генерала Нобиле[1],



48. Северные полярные области—II: продвижение к Северному полюсу.

также пытавшегося перелететь через полюс на дирижабле. Смерть его была большой утратой для дела исследований. Он побывал на обоих полюсах, открыл Южный полюс и прошел как Северо-западным, так и Северо-восточным проходом. Его жизнь была синтезом всех полярных исследований. Его работа характеризо-

[1] Речь идет о катастрофе с дирижаблем «Италия» итальянской полярной экспедиции Нобиле. В спасении оставшихся в живых участников экспедиции решающую роль сыграли советский ледокол «Красин» и советская авиация. *Прим. ред.*

валась находчивостью и многогранностью, а также и большим мужеством; трагическая же гибель Амундсена при благородной попытке спасти другого находится в полном согласии с теми крепкими устоями взаимной помощи, какие создались и выросли у исследователей Арктики[1].

Амундсен не был пионером исследования Арктики с воздуха. Еще в 1897 г. Андре и два его товарища отправились к Северному полюсу со Шпицбергена на свободном аэростате. Они достигли 82°56′ с. ш., откуда пешком вернулись на Белый остров (Гиллес) к востоку от Шпицбергена, где и умерли. Дневники их, найденные норвежской «свальбардской и арктическо-океанской экспедицией» 1930 г., были немедленно опубликованы.

Пионерского характера работа Бинни на Шпицбергене в 1924 г. продемонстрировала возможность работы авиации в полярных районах, и в мае 1926 г. Р. Берд и Ф. Беннет на самолете «Фоккер» совершили полет на полюс и обратно, отнявший лишь пятнадцать часов. В 1937 г., как мы уже выше отмечали, русская авиационная экспедиция высадила у полюса на лед группу ученых и без всяких осложнений вернулась обратно. Русские ученые имели намерение пробыть год на льдине[2].

Новый период полярных исследований из областей к востоку от Гренландии в новейшее время открылся путешествием за Шпицберген Фиппса, установившего первый рекорд; мы считаем уместным закончить историю этого периода достижениями русских воздушных экспедиций, продолживших работу Фиппса и осуществивших во много раз больше того, о чем мечтал Барроу — «остаться хотя бы на несколько дней вблизи полюса и произвести там научные наблюдения».

7. Полярные экспедиции к западу от Гренландии

В течение первой половины XIX в. полярные исследования к западу от Гренландии строились примерно так же, как и к востоку от нее. Открытый Баффином вход в пролив Смита все еще оставался крайним северным рубежом, и все внимание исследователей было направлено на отыскание Северо-западного прохода. Из этих поисков родились экспедиции, отправившиеся выручать Франклина, одна из которых, под начальством Инглфилда, опре-

---

[1] См. *Ю. М. Шокальский* «Роальд Амундсен (1872—1928 гг.)». «Известия Государственного Русского географического общества», т. LXI, чч. I—II, стр. 335—403, 1929.

Ряд работ Амундсена переведен на русский язык, некоторые — по нескольку раз. В 30-х годах вышло в русском переводе собрание его сочинений.— *Прим. ред.*

[2] См. выше, примечание 1 на стр. 543— *Прим. ред.*

делила в 1852 г. общие очертания пролива Смита, изучила новые отрезки побережья и исследовала также пролив Джонса.

Преемником Инглфилда был Кейн, достигший в 1853 г. на судне Инглфилда «Эдвенс» 78°37′ с. ш., откуда его санные отряды добрались до мыса Фрезера на острове Элдсмир и мыса Конституции в Гренландии[1].

Следующий шаг вперед сделал в 1860—1861 гг. Хейс, хотя открытие его носило случайный характер. Хейс исследовал остров Элдсмир между 77° и 78° с. ш. и, как ему казалось, «открыл свободный от льдов Северный Ледовитый океан». На самом деле это был пролив Кеннеди; однакоже слухи о сенсационном открытии возродили надежду на быструю победу над Арктикой. С этой надеждой совершил свою экспедицию на судне «Полярис» Холл в 1870—1873 гг., достигший 82°26′ с. ш. Исследовав часть Гренландии, сам Холл умер, отряд же его завершил изучение пути к Северному Ледовитому океану[2].

В 1875 г. за Холлом последовала английская экспедиция Д. Нейрса. Судно его «Элерт» перезимовало в Арктике под 82°25′ с. ш., и два участника его экспедиции собрали большой новый географический материал. А. Г. Маркхем достиг 83°20′ с. ш., что было очень большим достижением. Олдрич, идя в западном направлении по окраине Земли Гранта, изучил и нанес на карту еще более 300 *км* побережья. Дальнейшие открытия на Земле Гранта сделала экспедиция Грили—Локвуда (1881—1883 гг.), добравшаяся до фиорда Грили на западном берегу и сделавшая также ряд важных открытий в Северной Гренландии, включая остров, названный в честь Локвуда[3].

Окончательное достижение полюса явилось результатом замечательных путешествий Р. Э. Пири, в общей сложности охвативших одиннадцать лет (1898—1909 гг.). В ходе своей первой попытки Пири добрался до прежней базы экспедиции Грили—Форт-Конгера на острове Элдсмир, где он занялся исследованием Земли Гранта, объединив тем самым области, где работал Свердруп, с областями работы Грили и Олдрича. После этого он перешел на северную Гренландию и достиг лежащего под 83°37′ с. ш. мыса Виков. После неудачной зимовки 1900/01 г. Пири сделал в 1902 г. попытку пробиться как можно дальше на север, причем достиг 84°17′ с. ш. В 1905 г., выйдя с Земли Гранта и достигнув

---

[1] См. *Э. Кэн*, «Путешествия и открытия 2-й Гриннельской экспедиции в северные полярные страны для отыскания сэра Джона Франклина, совершенные в 1853, 1854 и 1855 гг.», пер. Тихменева, СПБ, 1860.—*Прим. ред.*

[2] О Холле см. «Арктические походы Джона Франклина», Л., 1937, гл. XIII—XIV.—*Прим. ред.*

[3] См. *А. Грили*, «Три года в Арктике, 1881—1884 гг.», изд. Главсевморпути; Л., 1935.—*Прим. ред.*

87°66′ с. ш., он побил свой старый и установил новый рекорд, а в 1909 г. его долгие и настойчивые усилия и великолепные организационные способности получили должную награду: выйдя с мыса Колумбии, он достиг Северного полюса[1].

8. Южный полюс

Выдающиеся достижения Джемса Кука, его утверждения о существовании южного континента и увлечение исследованием других областей земного шара объясняют тот странный, на первый взгляд, факт, что в течение целого полувека после второго путешествия Кука в водах Антарктики побывало очень мало исследователей[2]. Единственным крупным исключением была экспедиция 1819—1821 гг. под командованием Беллинсгаузена. Она была и единственной русской экспедицией в Антарктику[3].

Беллинсгаузен достиг Южной Георгии в конце декабря 1819 г. и, продолжая плыть в южном направлении, открыл три острова к северу от Южных Сандвичевых островов. Повернув на восток, он в первый раз пересек южный полярный круг под 3° з. д.[4], во

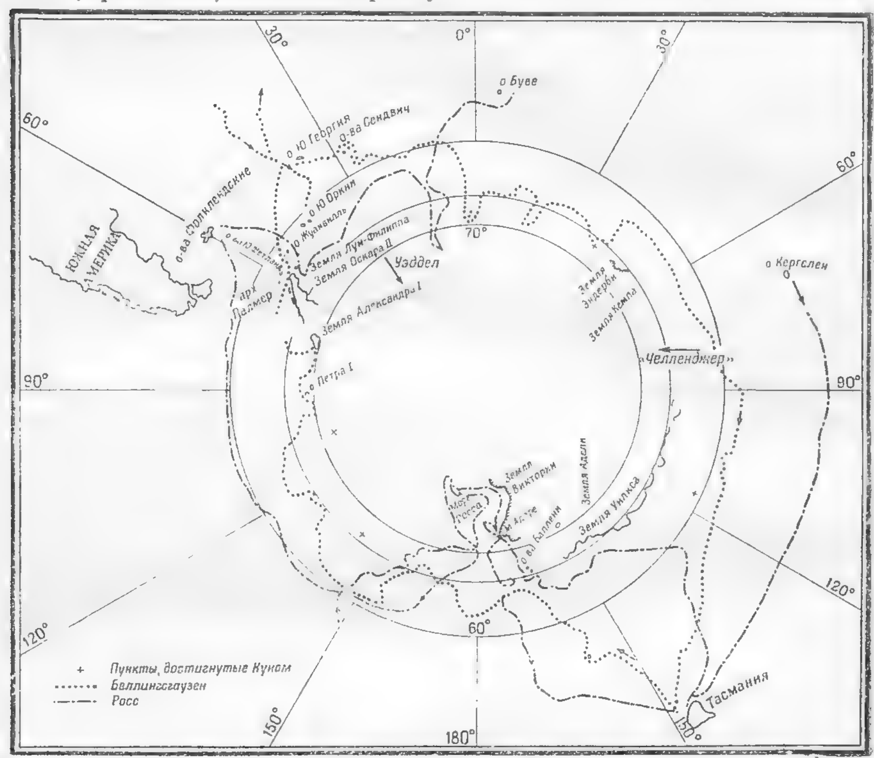
[1] Книга Пири несколько раз переводилась на русский язык. Советские издания: *Р. Пири*, «Северный полюс». Предисловие и примечания В. Ю. Визе. Изд. Главсевморпути, 1935; 2-е изд., Географгиз, 1948.—*Прим. ред.*

[2] Утверждения Кука о существовании южного континента сопровождались, однако, заявлениями, которые могли только оттолкнуть других исследователей от поисков этого материка. Он писал (а авторитет его был очень велик): «Смело могу сказать, что ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше, чем это удалось мне. Земли, что могут находиться на юге, никогда не будут исследованы...» А для тех, кто все-таки решился бы на новые поиски южного материка, Кук высказывал такие безотрадные суждения: «Это земли, обреченные на вечную стужу, лишенные тепла солнечных лучей... Если кто-либо обнаружит решимость и упорство... и проникнет дальше меня на юг, я не буду завидовать славе его открытий. Но... миру его открытия принесут не много пользы». Иными словами, Кук утверждал, что достигнуть южного континента нельзя, да и незачем.—*Прим. ред.*

[3] Напоминаем, что последнее издание этой работы Бейкера вышло в 1945 г.,—за три года до новой советской экспедиции к берегам Антарктиды.—*Прим. ред.*

[4] Как известно, в экспедицию были снаряжены два военных корабля (шлюпа)—«Восток» под командой Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена и «Мирный» под командой Михаила Петровича Лазарева. В первый же раз, 16 января 1820 г., русские подошли к Антарктическому материку у широты 69°23′ (по показанию Лазарева) или 69° 21′ 28″ (по показанию Беллинсгаузена), а именно к той части континента, которая в наше время называется «Землей Кронпринцессы Марты». В письме Лазарева «Описание плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» в 1819—1821 годах» есть следующее очень важное место: «16 генваря (1820) достигли мы широты 69°23′, где встретили матерой лед чрезвычайной высоты и в прекрасный тогда вечер... простирался оный так далеко, как могло только достигать зрение... Это было в долготе 2°35′W от Гринвича. Отсюда продолжали мы путь свой к осту, покушаясь при всякой возможности к зюду, но всегда встречали льдиный материк, не доходя 70°».—*Прим. ред.*

второй—под 18° в. д.[1] и в третий раз—под 36° в. д.[2] Беллинсгаузен продолжал плавание еще на значительное расстояние за 60° ю. ш., после чего повернул к Сиднею. С этого момента началось уже разобранное нами выше его тихоокеанское плавание (см. выше, раздел 1). В сентябре суда экспедиции достигли Сиднея



49. Южные полярные области—I: XIX в.

и в ноябре вышли в новое плавание в высокие широты. Они пересекли южный полярный круг в четвертый раз под 164°34′ з. д.,

[1] 9 февраля 1820 г. русские второй раз подошли к материку Антарктиды несколько западнее «Земли Принцессы Рагнхильды». Один из участников экспедиции (Новосильский) отмечает: «С 7 февраля появились небольшие дымчатые птицы вроде ласточек... Таких же птиц мы видели у острова Георгия; следовательно, нет сомнения, **что близ 69° ю. ш. и долготы от 15° и далее к востоку должен находиться берег».** Уже этих двух достижений вполне достаточно, чтобы признать русский приоритет в открытии материка Антарктиды.—*Прим. ред.*

[2] На этот раз, 14 февраля, русские приблизились, но не подошли почти вплотную (как подходили ранее) к Антарктиде в районе Земли Королевы Мод.—*Прим. ред.*

в пятый—под 120° з. д. и в шестой—под 103° з. д. Вскоре после этого экспедиция достигла крайней южной точки путешествия под 69°52′ ю. ш. и 92°10′ з. д. Этот триумф увенчался открытием сначала острова Петра I, а затем Земли Александра I, где до Беллинсгаузена уже успели побывать китобойные суда[1]. Отсюда Беллинсгаузен направился к Южной Георгии, где и закончилось это замечательное полярное путешествие[2].

«Изучение трассы плавания судов Беллинсгаузена показывает, что если они и на градус с четвертью не дошли до достигнутого Куком рубежа, все же его шлюпы «Восток» и «Мирный» прошли к югу от 60° ю. ш. более 242 градусов по долготе, из которых 41 градус приходится на моря за южным полярным кругом, тогда как суда Кука «Резолюшн» и «Адвенчур» покрыли к югу от 60° ю. ш. лишь 125 градусов по долготе, из которых только 24 градуса приходится на моря за южным полярным кругом. Но это еще не все. Та тщательность, с которой Беллинсгаузен умышленно пересек все огромные разрывы, оставленные его предшественником, создала полную уверенность в том, что к югу от 60° ю. ш. повсюду лежит открытое море» (Х. Милл[3]).

В конце своего плавания по водам Антарктики Беллинсгаузен повстречал промышленника Палмера и очень удивился, узнав, что область вокруг Южно-Шетландских островов была, повидимому,

[1] Ни один из участников русской экспедиции не встретил на Земле Александра I каких-либо следов посещений китобоев, и нет никаких доказательств, что иностранные китобойные суда посещали в то время береговые воды этого сектора Антарктиды. Автор принял на веру необоснованные утверждения некоторых американских «историков», будто американский промышленник Палмер открыл в ноябре 1820 г. какой-то берег к югу от Южно-Шетландских островов (то есть северо-восточный берег Земли Грэема, крупнейшего и самого северного из островов, примыкающих к Антарктиде). Никаких указаний на такое открытие нет и в корабельном журнале самого Палмера. Цель этого измышления—подтвердить ссылкой на мнимое «право первого открытия» претензии США на захват Антарктиды. Сам автор ниже относит открытие Палмером части Земли Грэема к 1821 г. Во всяком случае это открытие (если оно было в действительности) было сделано после встречи Беллинсгаузена с Палмером у Южно-Шетландских островов. Палмер во время встречи сообщил русским об огромной добыче ценных шкур, но ничего не сообщил об открытии не известной еще земли (см. «Плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» в Антарктику в 1819, 1820 и 1821 годах», Географгиз, 1949, стр. 158).—*Прим. ред.*

[2] См. *Ф. Ф. Беллинсгаузен*, «Двухкратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 1820 и 1821 годов совершенные на шлюпах «Востоке» и «Мирном»., тт. I—II, СПБ, 1831 (новое издание Географгиза, 1949). Описания этого великого плавания четырьмя другими участниками экспедиции, в том числе Лазаревым, см. в сборнике «Плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» в Антарктику», Географгиз, 1949—*Прим. ред.*

[3] *Милл* (*H. R. Mill*)—один из наиболее выдающихся английских знатоков истории открытия Антарктиды, автор книги «Завоевание Южного полюса» («The Siege of the South Pole», 1905).—*Прим. ред.*

хорошо известна[1]. Это объяснялось тем, что здесь охотилось множество зверобойных и китобойных судов, снаряженных предприимчивыми, главным образом американскими, промышленниками. Что именно эти суда открыли—установить трудно, так как промышленники были мало склонны распространяться о районах своей добычи, но мы можем, по крайней мере, предположить, что Южно-Шетландские острова были известны промышленникам еще до их официального открытия В. Смитом в 1819 г. За Смитом последовал Брансфилд, посланный для исследования этих островов командующим тихоокеанской морской станцией капитаном В. Ширреффом, и начиная с этого времени (1820 г.) мы уже больше знаем об открытиях промышленников. В 1821 г. Палмер открыл часть Земли Грэема, а Пауэлл в ходе своего плавания 1821—1822 гг. нашел Южные Оркнейские острова. Еще более важное значение имело путешествие Уэдделла на юг по морю, названному им в честь Короля Георга IV. Он достиг точки под 74°15′ ю. ш. и 34°16′ 45′′ з. д., где дувший с юга свежий ветер лишил его возможности продвигаться далее в этом направлении.

Некоторые открытия являются следствием предприимчивости торгового дома Эндерби, предложившего капитанам своих судов добиваться, по возможности, новых открытий в ходе их зверобойной и китобойной работы. Таким именно путем Биско не только дополнил наблюдения, сделанные под высокими широтами Беллинсгаузеном, но и открыл в 1831 г. Землю Эндерби, а в следующем году—острова Аделаиду и Биско. Плавание его охватило 160 градусов по долготе к югу от 60° ю. ш., из которых почти 50 градусов приходится на моря за южным полярным кругом, что было немаловажным достижением.

Другой капитан на службе торгового дома Эндерби, по фамилии Кемп, открыл в 1834 г. Землю Кемпа, и третий, Баллени, нашел названные в его честь (в 1839 г.) острова, «впервые доказав тем самым наличие суши за южным полярным кругом к югу от Новой Зеландии» (М и л л).

Плавания этих промышленных судов сыграли большую роль не только благодаря сделанным ими открытиям, но и благодаря тому живому интересу, который они пробудили в Европе и Америке, и поскольку они повели к трем антарктическим экспедициям нового типа. Первой из них по времени была французская

[1] Беллинсгаузен и Лазарев знали, что за два года до них Южно-Шетландские острова были открыты англичанином В. Смитом, который закончил их краткую опись в октябре 1819 г. Лазарев по этому поводу писал: «Так как в Англии и, можно сказать, по всей Европе заключили, что открылась, наконец, та матерая на юге земля, которую так долго искали... то мы по одному названию Южной экспедиции обязанностью почли таковое заключение или еще более подтвердить, или вовсе оное опровергнуть тем, чтобы обойти землю сию с южной стороны...»—*Прим. ред.*

экспедиция Дюмон-Дюрвилля, в 1838 г. побывавшая в той части Антарктики, что лежит к югу от Америки, и видевшая землю Луи-Филиппа и остров Жуанвилля. Дюрвилль ни разу не приставал к берегу и, повидимому, вообще с неохотой плавал под высокими широтами. В конце своего тихоокеанского путешествия он вновь вернулся в Антарктику и открыл в 1840 г. лежащую к югу от Австралии Землю Адели.

Американская экспедиция под командованием лейтенанта Уилкса (1840 г.) открыла другую землю поблизости от открытой Дюрвиллем Земли Адели. Уилксу пришлось испытать много трудностей, так как суда его не были приспособлены для долговременной борьбы со стихиями и к тому же экипаж судов был не вполне надежен. Однакоже Уилкс упорно продолжал плавание под высокими широтами, давая имена ряду точек на том массиве, который он принимал за Антарктический материк. Недавняя экспедиция Дугласа Моусона показала, что по крайней мере часть «открытий» Уилкса на самом деле была воображаемой.

«Несмотря на эту неувязку», —говорит Моусон, —работа Уилкса имеет большую ценность. Он оконтурил массив пакового льда в том виде, в каком он был в 1840 г., и промерами установил ряд мелких мест, являющихся более убедительными свидетельствами близости земли, чем его обычные туманные и часто малообоснованные утверждения. Но если мы так резко критикуем работу Уилкса, мы не должны недооценивать его ни как прекрасного моряка, ни как выдающегося, волевого руководителя. Полное опасностей 2000-мильное плавание судна «Венсен» по усеянному льдинами морю под высокими южными широтами, в зоне, где даже летом часты штормы, всегда останется крупнейшим достижением».

На старых картах «Земля Уилкса» покрывала сорок градусов по долготе (100—140° в. д.), теперь же Дуглас Моусон пришел к заключению, что Земля Уилкса охватывает значительно более скромную территорию в непосредственном соседстве с Землей Адели.

Третьим и важнейшим из этих плаваний была экспедиция Джемса Кларка Росса на судне «Эребус» в сопровождении «Террора», под командой Ф. Крозье (1840—1843 гг.). Главной целью плавания было продвинуть науку о магнетизме «путем производства обширной серии наблюдений в высоких южных широтах». На самом деле, экспедиция проделала гораздо более чем «серию наблюдений». Пользуясь открытием Баллени и умышленно избегая тех районов, где видели землю Дюрвилль и Уилкс, Росс «взял курс восточнее (170° в. д.), которым пытался проникнуть на юг, если удастся, вплоть до самого магнитного полюса». В январе 1841 г. Росс начал пробиваться сквозь паковый лед, 9-го числа

вышел из него в чистую воду, а еще через два дня совсем близко подошел к земле, на которой был виден горный хребет (Адмиралтейства). Росс проследовал от мыса Эдар в южном направлении, пока 28 января не открыл две высокие горы, названные им Эребус и Террор. 2 февраля он достиг самой высокой широты, 78°4′ ю. ш., но не мог продвинуться дальше через ледяной барьер, преграждавший проход в море Росса. Так как подходящего места для зимовки здесь не нашлось, Росс повернул на север и в апреле 1841 г. прибыл в Тасманию.

В ноябре Джемс Росс вновь отплыл на юг «с целью найти проход в ледяном барьере, явившемся крайним рубежом его предыдущего путешествия». 18 декабря экспедиция вступила в пак и в день Нового года пересекла южный полярный круг в 2250 *км* к востоку от той точки, где она пересекла его первый раз. Однакоже из пака вырваться не удалось, и к 28 января Росс оказался лишь под 67°39′ ю. ш. и 156° з. д. В ожесточенной борьбе с тяжелыми метеорологическими условиями Росс повернул обратно лишь после того, как достиг точки 78°9′30″ ю. ш. и 161°27′ з. д. Отсюда Росс взял курс на Фолклендские острова, которых и достиг 5 апреля 1842 г.

В свое третье антарктическое путешествие Джемс Росс отплыл 17 декабря 1842 г. Он намеревался итти прямо на юг вдоль 55 з. д. в надежде натолкнуться на продолжение Земли Луи-Филиппа, идя вдоль которой он рассчитывал сочетать съемку побережья с проникновением в высокие широты. 28 декабря он увидел остров Жуанвилля, но не сумел проникнуть сколько-нибудь далеко на юг. Тогда он взял курс на восток, пересек маршрут Уэдделла, достиг 12° з. д., откуда сделал новый бросок на юг и в конце концов достиг крайнего южного рубежа этого своего путешествия под 71°30′ ю. ш. и 14°51′ з. д. Итак, неудачей окончилась и эта третья попытка достигнуть Южного полюса. На обратном пути его постигла новая неудача, поскольку попытка найти острова Буве не увенчалась успехом. К концу сентября 1843 г., спустя почти ровно четыре года после отплытия в Антарктику, суда прибыли в Англию.

Джемс Росс сделал больше, чем любой из исследователей Антарктики. Не считая множества научных наблюдений, он положил на карту южных полярных районов Землю Виктории и придвинулся к полюсу ближе любого из его предшественников.

Продолжателем работы Росса был лейтенант Мур, но если не считать предположительного открытия им земли под 64° ю. ш. и 49° в. д. и некоторых дополнительных магнитных наблюдений, он не внес ничего нового в дело исследования Антарктики. На путешествии 1844 г. исследование Антарктики обрывается вплоть до самого конца столетия. Одно судно совершило путешествие

в южные воды в 1850 г., а «Челленджер» заходил в антарктические воды в 1874 г., но продолжателя работы Дюрвилля, Уилкса и Росса не находилось. По возвращении Росса его суда были посланы на поиски Северо-западного прохода, и интерес всех мореплавателей того времени сосредоточился на Арктике.

Мимоходом следует упомянуть одну экспедицию. В январе 1874 г. китобойное судно под командованием немца капитана Э. Далльмана в ходе занятия китобойным промыслом достигло земли Грэема. Никаких подражателей этот пример не нашел вплоть до 1892 г., когда четыре судна вышли из Данди (Шотландия) в южные моря на китобойный промысел. На судне «Балена» отправился один из наиболее умелых исследователей как северных, так и южных приполярных морей В. Брюс. Возможностей для научных наблюдений было мало, но суда все же достигли острова Жуанвилль и нашли там норвежца Ларсена, открывшего в 1893 г. Землю Оскара II. Другое китобойное судно достигло точки у 69°10′ ю. ш. и 76°12′ з. д., и оттуда Эвенсен видел Землю Александра I. Еще одно судно отвезло Борхгревинка в 1894 г. на мыс Эдар (Adare). Это был первый человек, высадившийся на континенте Антарктиды.

Китобойные экспедиции на этих пароходах возвестили собой новую фазу открытий в Антарктике, и за ними вскоре последовали серьезные исследовательские путешествия. Первая экспедиция такого рода под командованием лейтенанта А. Де-Жерляш на судне «Бельгика» отплыла в августе 1897 г. из Антверпена и в январе следующего года достигла Южно-Шетландских островов. Был открыт пролив, отделяющий архипелаг Палмера от материка, судно проследовало вдоль земли Грэема до Земли Александра I и, продолжая итти в юго-западном направлении, достигло 71°30′ ю. ш. Здесь судно вмерзло в лед и за зиму было вместе с паком отнесено дрейфом на значительное расстояние; лишь 14 января 1899 г. оно сумело вырваться. Хотя экспедиция не открыла никаких новых земель, она выполнила большую и ценную работу, «беспримерную по длительности и регулярности повседневных научных наблюдений в условиях Крайнего Юга» (Милл).

Вторая экспедиция—под начальством Борхгревинка на судне «Южный Крест»—вышла из Темзы в конце августа 1898 г. и 17 февраля 1899 г. высадилась на мысе Эдар. Судно вернулось на зиму в Новую Зеландию, оставшийся же на суше в деревянной избушке отряд провел зиму, изучая окрестности мыса Эдар. На следующее лето экспедиция занялась исследованием моря Росса, где судно достигло крайнего южного рубежа, 78°21′ ю. ш., а санный отряд—78°50′ ю. ш. Экспедиция проделала значительную картографическую работу, но, вообще говоря, она дала меньше научных результатов, чем от нее ожидали.

Третья экспедиция—на судне «Вальдивия» (командир—капитан Креч)—25 ноября 1898 г. вновь открыла остров Буве и сделала целый ряд промеров глубин в высоких широтах.

К этому времени в научных кругах развился большой интерес к Антарктике. Под давлением географов-ученых Клементса Маркхема и Джона Меррея в Англии и д-ра Г. Неймайера в Германии исследователи с большой энергией принялись за работу. 9 января 1902 г. из Англии отплыл на судне «Дисковери» капитан Р. Скотт и 9 января 1902 г. высадился на мысе Эдар. В море Росса была открыта Земля Эдуарда VII и проделана большая и ценная работа. Перебазировавшись в восточную часть моря, Скотт установил островное положение гор Эребус и Террор и показал, что «залив» Мак-Мурдо был на самом деле проливом. Армитедж совершил первое путешествие по высокому плато. Летом 1902 г. Скотт, Шеклтон и Уилсон совершили путешествие на санях до 82°17′ ю. ш., а в следующем году Скотт, идя прямо в западном направлении, зашел далеко в глубь высокого материкового плато и достиг точки под 77°59′ ю. ш. и 146°33′ в. д. В сентябре 1904 г. после долгого и успешного путешествия судно «Дисковери» вернулось в Англию. Экспедиция не только узнала много нового о море Росса, но своими путешествиями по суше выявила природу внутренней части Антарктиды.

Вторая экспедиция, под руководством профессора Э. Дрыгальского на судне «Гаусс», отплыла из Киля 11 августа 1901 г., зашла на острова Кергелен и Херд и затем отправилась к материку Антарктиды, стремясь коснуться его между тем местом, где предположительно кончалась Земля Уилкса (возвышенность Нокса), и Землей Кемпа. Здесь была открыта Земля Императора Вильгельма II и на ней конусообразный пик Гауссберг. За зиму и весну были собраны ценные научные материалы, и к ноябрю 1903 г. «Гаусс» вернулся на Эльбу.

Третья экспедиция, под начальством О. Норденшельда, отплыла в октябре 1901 г. из Швеции на судне «Антарктик» и в январе 1902 г. завидела Южно-Шетландские острова. В это и в следующее лето экспедиция провела исследование моря к востоку от Земли Луи-Филиппа, установила островной характер Земли Росса и проделала большую научную работу. Судно Норденшельда погибло, и он с несколькими людьми застрял в глухом углу Антарктиды, но благодаря счастливой случайности его партия, спасательный отряд и оставшиеся в живых члены экипажа судна почти одновременно сошлись и были увезены домой аргентинским военным судном «Уругвай».

Четвертая экспедиция, под руководством В. Брюса, вышла в ноябре 1902 г. из реки Клайд на пароходе «Скотия». Экспедиция ставила себе целью провести чисто научные исследования в районе моря Уэдделла, и собранный ею большой научный материал пол-

ностью оправдал это предприятие. Крайняя достигнутая экспедицией точка лежит под 74°1′ ю. ш. и 22° з. д., и участники ее видели, хотя и не посетили новую землю, названную по имени двух финансировавших экспедицию людей Землей Котсов. Экспедиция исправила произведенные Россом в этой части океана промеры глубин.

Пятая экспедиция, под руководством Ж. Шарко на судне «Франсэ», первоначально вышла с целью спасти О. Норденшельда, когда же ее опередило в этом аргентинское судно, Шарко перешел на исследовательскую работу. В ходе двухлетних плаваний он нанес много новых деталей на карты западного побережья земли Грэсма и достиг Земли Александра I.

Эти пять экспедиций, следовавшие непрерывно одна за другой в течение первого пятилетия нынешнего века, произвели переворот в географии Антарктического материка и сыграли непосредственную роль в решении многих его проблем. Все же оставались нерешенными задачи, которые только и могли быть решены усилиями и энергией будущих путешественников. Местоположение магнитного полюса—цель экспедиции Джемса Росса—все еще не было определено; Южный полюс все еще не был открыт; и пока еще очень мало было известно относительно внутренних областей того материка, который участник экспедиции на судне «Челленджер» Меррей считал сплошным массивом суши, а по предположениям других он состоял из двух больших островов.

Первую проблему решила экспедиция, совершенная в 1908 г. Шеклтоном и, так же как экспедиция Росса и Скотта, направившаяся в море Росса. Участники ее проф. Т. Дейвид и Дуглас Моусон достигли Южного магнитного полюса у 72°25′ ю. ш. и 155°16′ в. д. Сам Шеклтон сделал мужественную попытку добраться до Южного полюса, достиг 88°23′ ю. ш., но из-за недостатка продовольствия и дурной погоды вынужден был повернуть обратно. Его пример продемонстрировал, однако, что при умелой организации возможно добраться до Южного полюса[1].

Полюса достигли две экспедиции 1911 и 1912 гг. Первым побывал на полюсе Р. Амундсен, о блестящей работе которого в Арктике мы уже упоминали выше. Он провел зиму на краю Барьера Росса в Заливе Китов, откуда, направившись прямо на юг, 14 декабря 1911 г. достиг полюса. Амундсен шел по новой территории, собрал большой материал о внутренней части материка и совершенно четко установил, что Южный полюс расположен на массиве суши[2].

---

[1] См. книгу «К Южному полюсу. Английская экспедиция к Южному полюсу под начальством лейтенанта Шеклтона, 1907—1909 гг.». М., 1911.— *Прим. ред.*

[2] *Р. Амундсен*, «Завоевание Южного полюса. Норвежская экспедиция на «Фраме», 1910—1912 гг.» М., 1924. Переведен, как выше указывалось, и ряд других книг Амундсена (см. выше, примечание 1 на стр. 553).—*Прим. ред.*

Капитан Р. Скотт на судне «Терра-Нова», используя как базу залив Мак-Мурдо, вышел с четырьмя товарищами к полюсу и 17 января 1912 г. достиг его. Все пятеро погибли во время обратного путешествия, которое увековечено в истории исследований благодаря героизму Отса и трогательной последней записи в дневнике Скотта. Но помимо этой драматической стороны, экспедиция на «Терра-Нова» (1910—1913 гг.) показала ценную научную работу в землях, прилегающих к морю Росса, и открыла и нанесла на карту Землю Отса[1].

Пока длились эти два путешествия, японская экспедиция, организованная Тиоку Сирасе, совершила два плавания в Антарктику. В 1911 г. она достигла моря Росса, но дурная погода вынудила ее повернуть обратно. В следующем году она вернулась в море Росса и высадила на Барьер отряд, которому удалось достигнуть 80°5′ ю. ш. Другой отряд побывал на Земле Короля Эдуарда VII. Экспедиция сделала очень мало, но, если учесть ее слабое оборудование, она была все же смелым предприятием.

Как только проблема полюса была решена, исследователи переключались на более детальное изучение менее крупных районов. Уже в 1908—1910 гг. Шарко вернулся в Антарктику на судне «Пуркуа-па?» («Почему бы нет?»), обнаружил и нанес на карту Землю Шарко (к западу от Земли Александра I) и исследовал море до 124° з. д. В 1912 г. германская экспедиция Фильхнера зашла в море Уэдделла и открыла Землю Луитпольда к югу от Земли Котсов. Наконец, очень важная «Австралазийская антарктическая экспедиция» Дугласа Моусона на «Авроре» исследовала район между Землями Виктории и Вильгельма II, положила на карту Земли Короля Георга V и Королевы Мэри, исправила некоторые ошибки Уилкса и проделала ценную работу по океанографии.

Все же никто еще не пересек континент Антарктики. Впервые задумал такой переход В. Брюс, и это же было одной из задач экспедиции Шеклтона на «Эндьюренс», но он ее не разрешил. Шеклтон имел в виду выйти в путь со стороны моря Уэдделла, пересечь материк Антарктиды и встретиться на противоположном краю с отрядом, который должен был выйти со стороны моря Росса. Этот отряд справился с возложенной на него задачей и к январю 1916 г. забросил продукты на базу у горы Хоп (83°30′ ю. ш.). Но сам Шеклтон не смог высадиться на побережье моря Уэдделла: судно его «Эндьюренс» было отнесено на север, раздавлено льдами и погибло. Отряд Шеклтона оказался в беспомощном состоянии на льдине, которую в конце концов отнесло к острову Элефант. Шеклтон и несколько других участников его отряда совершили плавание в открытой лодке до Южной Георгии,

---

[1] *Р. Скотт*, «Дневник капитана Р. Скотта», Пг. (б. г.), 416 стр. Дневник Скотта в русском переводе в 20-х годах был переиздан.—*Прим. ред.*

пересекли этот гористый остров, вышли к поселку Стромнесс и вернулись обратно, чтобы спасти оставшихся в живых участников экспедиции. Таким образом, Шеклтону не удалось достигнуть главной поставленной себе цели, но экспедиция принесла кое-какую пользу науке. В особенности много для познания Моря Уэдделла дал дрейф судна «Эндьюренс», послуживший ценным дополнением к открытиям Брюса и Фильхнера. Путешествие Шеклтона от острова Элефант до Южной Георгии остается одним из самых замечательных эпизодов во всей истории открытий в Антарктике.

В 1921 г. Шеклтон вновь вышел в плавание на судне «Квест», но в январе 1922 г. умер на Южной Георгии. Его целью было исследование побережья к западу от Земли Эндерби и работа в малоизвестных водах между Южно-Шетландскими островами и островом Гоу в южной Атлантике. Экспедиция продолжала работу и после смерти Шеклтона, теперь уже под начальством Ф. Уайльда. Были определены, по словам Уайльда, границы и условия пакового льда на протяжении 2500 миль, считая от 18° в. д. до 52° з. д. в зоне между 63 и 70° ю. ш., но неблагоприятные условия не дали возможности произвести исследования какой-либо суши.

Исследование Антарктики продолжается, и здесь, так же как в Арктике, с успехом используется авиация. Четыре работавшие в 1928 и 1929 гг. на Крайнем Юге экспедиции прибегали к услугам самолетов тех или иных типов, и по краю материка было сделано несколько важных открытий. В 1928—1930 гг. адмирал Р. Берд, устроив базу в Литл-Америке близ Залива Китов, осмотрел Землю Мери-Берд, лежащую к востоку от Земли Короля Эдуарда VII, и совершил большое санное путешествие к хребту Королевы Мод, где ему удалось дополнить и исправить работы Амундсена. 28 и 29 ноября 1929 г. был совершен успешный полет к полюсу и обратно[1].

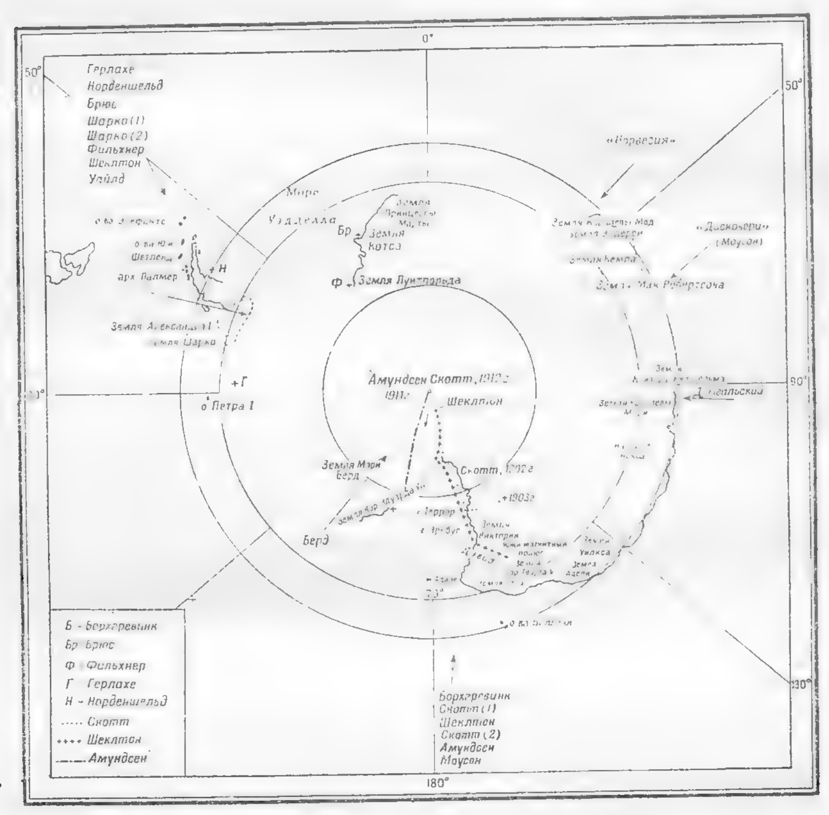
В конце 1928 г. Г. Уилкинс совершил полет в южном направлении к востоку от Земли Грэема; он открыл новую часть материка Антарктики, названную им Землей Херста, и решил (ошибочно, как это теперь установлено), что Земля Грэема есть архипелаг.

В 1929 г. Дуглас Моусон на судне «Дисковери» открыл Землю Мак-Робертсона и нанес, таким образом, новую важную деталь на карту. Позже он исследовал окраину материка к западу от Земли Короля Георга V и доказал, что некоторые «земли», якобы виденные Уилксом и Дюрвиллем, на самом деле не существуют. В конце 1930 г. он открыл новые земли—Сабрину и Землю Принцессы Елизаветы—и вновь побывал на Земле Мак-Робертсона.

---

[1] См. *Р. Бэрд*, «Завоевание Антарктики», М., 1931.—*Прим. ред.*

Я. Рийсер-Ларсен на судне «Норвегия» открыл в 1929—1930 гг. Земли Королевы Мод и Принцессы Марты, а в течение последующего сезона совершил плавание вокруг континента, побывал в неизвестной области между этими двумя вновь открытыми землями, открыл и положил на карту Землю Принцессы Рагнхильды.



50. Южные полярные области—II: XX в.

Открытия «Норвегии» были проделаны в ходе ее океанографической работы и занятия китобойным промыслом в водах Антарктики. Аналогичную хотя и менее обширную работу провело исследовательское судно «Дисковери II». В 1929—1930 гг. судно произвело съемку Южных Сандвичевых островов, подтвердившую точность работы Кука, и проделало большую другую работу, а в 1932 г. совершило плавание вокруг Антарктиды. В ходе этого последнего путешествия экспедиции удалось добыть материал, представляющий большую ценность для более точного определения положения Антарктиды и субтропических конвергенций. В 1937 г.

судно продолжало работу по океанографии и гидрографической съемке и сумело оказать ценную помощь Берду, Элсуэрту и Раймиллу.

В 1934 г. норвежцами были вновь произведены крупные открытия. Ларс Кристенсен видел к западу от Земли Вильгельма II новую землю, названную им Землей Принцессы Астрид. Он закончил свою экспедицию плаванием вокруг Антарктиды. В следующем году танкер «Торсхавн» открыл Землю Ингрид-Кристенсен. Отряд высадился на побережье у 68°39′ ю. ш. и 78°36′ в. д. и водрузил там норвежский флаг. Судно прошло вдоль берега 445 *км*, из которых 105 *км* оказались свободными от льда и снега.

В результате открытий последних тридцати лет значительная часть побережья Антарктического материка, к западу от Земли Мери-Берд до моря Уэдделла, теперь известна, по крайней мере в своих очертаниях, однакоже остается еще большое белое пятно на карте между Землей Мери-Берд и Землей Грэема. Все еще остается открытым вопрос о структуре и форме Антарктиды и о том вообще, континент ли это или два больших острова. Много способствовала разрешению этого вопроса последняя из южных полярных экспедиций—антарктическая экспедиция Берда 1933—1935 гг. Базой ее была сделана Литл-Америка, сам Берд отправился на 190 *км* на юг для производства научных наблюдений, главные же силы экспедиции взялись за дальнейшее изучение земли, ранее открытой Бердом к востоку от Литл-Америки, и совершили поход к хребту Королевы Мод. По возвращении на базу Берд совершил несколько полетов на юг. Вначале ему казалось, что он нашел пролив, разделяющий континент на две части, но в конце концов пришел к заключению, что «к востоку от 150° з. д., от 75° ю. ш. до полюса на протяжении 1000 миль прохода быть не может».

Отсутствие такого пролива, повидимому, подтверждает также и Элсуэрт. В 1933 г. он собирался совершить перелет от Залива Китов через всю Антарктику, но при выгрузке самолет его был сильно поврежден, и от полетов пришлось отказаться. В 1935 г. он решил сделать новую попытку и с этой целью высадился на острове Данди к северо-востоку от Земли Грэема, откуда он совершил полет почти до залива Китов. Путешествие отняло девятнадцать дней, часть которых была проведена в разбитых наспех лагерных стоянках на материке, где были произведены астрономические определения. Это было замечательным достижением и показало, что при соответствующих условиях и умелом уходе можно совершенно по-новому пользоваться самолетами для целей исследования... Теперь можно быть вполне уверенным, что нигде по трассе Элсуэрта нет рассекающего континент пролива.

Дальнейший свет на характер Антарктического континента пролила английская экспедиция на Землю Грэема, совершенная в 1934—1937 гг. под руководством Д. Раймилла. Судно экспедиции—шхуна «Пенола»—вернулось в Англию летом 1937 г., и пол-

ностью результаты работы экспедиции еще неизвестны. Все же уже теперь ясно, что она входит в число важнейших предприятий этого рода в текущем веке. Экспедиция произвела съемку около 1600 *км* побережья и большого внутреннего района Земли Грэема. Полеты в южном направлении показали, что многие сообщенные Г. Уилкинсом детали неверны и что Землю Грэема правильнее рассматривать не как архипелаг, а как часть материка. Территория Земли Александра I оказалась гораздо большей, чем предполагалось раньше, и было обнаружено, что она отделяется от Земли Грэема длинным и узким проливом, шириной в среднем в 24 *км*, «по обоим берегам которого тянутся довольно высокие горы, совершенно отличного друг от друга внешнего вида и структуры». Если учитывать скромное оборудование экспедиции, малочисленность состава и несколько несчастных случайностей, то эти результаты можно считать вполне удовлетворительными.

Таким образом, за последнее время география Антарктиды обогатилась обширным новым материалом. Постепенно обрисовываются контуры континента и на карте появляются черты рельефа. Неизбежны исправления старых теорий. Росс поместил горы Эребус и Террор на континенте, Скотт убрал их на остров. Уилкс «открыл» земли, которые Моусон затем устранил. Этот процесс должен развиваться, и накопление нового материала следует рассматривать не как доказательство неполноценности или небрежности путешественников-пионеров, а как свидетельство лучших методов и более высокой техники исследования. Такие изменения неизбежны в истории географических исследований[1].

---

[1] Как указал президент Географического Общества Союза ССР академик Л. С. Берг в своем докладе «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней» на общем собрании Общества 10 февраля 1949 г., за последние годы «вопрос об Антарктике... приобретает острый характер. Причина этого ясна—с Антарктикой связаны очень реальные интересы...» После доклада президента и ряда выступлений членов Общества была вынесена резолюция, констатирующая «выдающуюся роль русских исследователей-ученых в деле открытия Антарктики, опровергнувших своими открытиями утверждения ряда иностранных исследователей... отрицавших существование Антарктического материка». Из этого, как указано в резолюции, «...вытекает бесспорное право Советского Союза на участие в решении вопросов Антарктики. Всякие попытки решать вопрос о режиме Антарктики без участия Советского Союза не могут найти никакого оправдания. Вопросы Антарктики должны решаться прежде всего теми государствами, которые имеют историческое право на участие в таком решении. Между тем, согласно опубликованным в мировой печати сообщениям, некоторые государства пытаются добиться решения вопросов Антарктики без участия Советского Союза, против чего Географическое Общество Союза ССР не может не протестовать самым решительным образом.

Всякое решение вопроса о режиме Антарктики без участия Советского Союза не может иметь законной силы, и СССР имеет все основания не признавать любого такого решения». (См. *Л. С. Берг*, Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней», Географгиз, М., 1949).—*Прим. ред.*

ДОПОЛНЕНИЯ [1]

1. Китайские путешественники

Китайцы знали о Римской империи или по крайней мере о ее восточной части, вероятно, еще до восшествия на престол императора У Ди (140—87 гг. до н. э.); в годы его же правления из Китая на запад был отправлен посол с политическим поручением. Посол (Чжан-Цянь) достиг Ферганы около 138 г. н. э. и пробыл в ней на положении полу-пленного до 126 г., когда вернулся в Китай. «Он привез сведения, основанные на личном знакомстве со странами по Яксарту (Сыр-Дарье) и Оксусу (Аму-Дарье), а также расспросные данные о землях к западу от них» (Юл). Результатом его путешествия было открытие караванного пути из Китая на запад. Морской путь на запад стал, повидимому, известен лишь в самом начале II столетия н. э. Китай находился в близком контакте как по суше, так и по морю с Индией, куда из Китая ходило множество буддийских паломников. Первым из них, о котором мы имеем достоверные сведения, был Фа-Сянь, вышедший в 399 г. н. э. из Шаньси, проследовавший через Хотан и Памир в Индию и вернувшийся в 415 г. Из позднейших паломников более всех прославился Сюань-Цзан, совершивший свое путешествие между 628 и 645 гг., посетивший множество областей Индии и оставивший ценнейшее описание своего паломничества. Китайские буддисты продолжали ходить в Индию в течение еще четырех последующих столетий. По словам путешественников нашего времени, их описания очень точны. Однако собранные ими сведения не дошли до Европы, и поэтому нет оснований придавать им слишком большое значение в общей истории исследований[2].

2. Открытие Америки до Колумба

Под выражением «открытие Америки до Колумба» обычно имеется в виду предположительное открытие Америки в XV в.; о том, что в Америке еще ранее побывали норманны, споров почти нет, так как имеется слишком много доказательств этого. Вопрос

[1] Авторские дополнения ко 2-му изданию 1937 г., перепечатанные без изменений и в издании 1945 г.—*Прим. ред.*

[2] Подробнее о китайских открытиях см. *И. П. Магидович*, «Очерки по истории географических открытий», т. I, М., 1949, стр. 9—12.—*Прим. ред.*

сводится к тому, побывал ли в Америке кто-либо после норманнов и до Колумба. Существующие по этому поводу предположения можно свести к трем:

1) Северное побережье Америки открыли датчане, с которыми, быть может, были связаны также и португальцы. Доказательства в пользу этого утверждения мало убедительны и не дают возможности прийти к какому-либо определенному заключению.

2) Ньюфаундленд, или прилегающую часть материка Северной Америки, открыли португальцы. Это утверждение базируется на значительных натяжках в толковании некоторых документов и на свидетельстве нескольких карт начала XVI в. Поддержкой в широких кругах ученых оно не пользуется.

3) Часть побережья Южной Америки открыли португальцы. Это утверждение базируется главным образом на интерпретации нескольких старинных карт XV в. и звучит несколько более убедительно, чем второе, ввиду действительной активности португальцев к югу от островов Зеленого Мыса и ввиду географического соотношения между Западной Африкой и Южной Америкой; но и в этом случае окончательной уверенности нет, и вопрос, вероятно, навсегда останется открытым.

Известны попытки использовать в качестве доказательства верности этой теории Тордесильясский договор. В 1479 г. португальцы согласились оставить Канарские острова в руках испанцев, сами же сохранили власть над Северо-Западной Африкой, Гвинеей и южными атлантическими островами. Подозревая, что Колумб вторгся в их зону, португальский король в 1493 г. потребовал неукоснительного исполнения договора. Со своей стороны, Испания добилась от папы четырех булл, последовательно звучавших все более и более угрожающе по отношению к португальцам. Вторая из этих булл установила демаркационную линию в сто лигах к западу и югу от Азорских островов и островов Зеленого Мыса, четвертая же признавала права испанцев в Индии при условии, что они доберутся туда раньше португальцев. Тордесильясский договор 1494 г. фиксировал демаркационную линию в 370 лигах к западу от островов Зеленого Мыса. Этот договор нельзя рассматривать иначе как компромисс. Португальцы добивались демаркационной линии, которая шла бы с востока на запад и дала бы им возможность обеспечить свой путь на Дальний Восток вокруг Африки; они согласились на установление демаркационной линии с севера на юг, но отодвинули ее так далеко на запад, что она оставляла в их руках полный контроль над южной Атлантикой. Таким образом, договор этот, по существу, тесно связан с давним португальским стремлением к судоходству вокруг Африки и вряд ли может служить доказательством открытий на Западе.

Известны также претензии представителей других европейских народов, в том числе басков, валлийцев и ирландцев, на то, что

честь открытия Нового Света до 1492 г. принадлежит именно им, но серьезно считаться с подавляющим большинством таких утверждений не приходится.

Среди многочисленных работ на английском языке по этому вопросу укажем, кроме упомянутых выше более старых трудов Бизли и Харриса, также следующие работы: *Бабкок*, «Легендарные атлантические острова» (*W. H. Babcock*, «Legendary Islands of the Atlantic», 1922) и *Ларсен*, «Открытие Америки за двадцать лет до Колумба» (*S. Larsen*, «The Discovery of America Twenty Years before Columbus», 1925).

3. Путешествие Де-Фонте

Имя Де-Фонте встречается в приведенном нами выше отрывке из дневника Кука (см. гл. IX, раздел 2). Вероятно, такого путешествия никогда не было, хотя некоторые географы и считают, что оно на самом деле имело место. По сохранившемуся рассказу, Б. Де-Фонте в 1640 г. будто бы отправился во главе экспедиции к западному побережью Северной Америки, а одному отряду удалось добраться с запада через ряд рек и озер до пролива Девиса. Де-Фонте утверждал, что это путешествие доказывает будто бы, что Северо-западного прохода не существует.

4. Анианский пролив

Пролив этот (см. гл. VIII, разд. 3, и гл. XV, разд. 2) обычно считался крайним западным участком Северо-западного прохода, непосредственно ведущим в Тихий океан. Географы допускали его существование на севере по аналогии с Магеллановым проливом на юге Америки. Выдвигалось ложное утверждение, будто в 1500 г. Анианский пролив был открыт португальцем Гаспаром Кортереалом.

Насколько известно, впервые этот пролив был показан на одной карте 1556 г.[1]

---

[1] Подробно об Анианском проливе см. *Л. С. Берг*, «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, 1725—1742 гг.», М., 1946.—*Прим. ред.*

УКАЗАТЕЛЬ

I. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ И НАЗВАНИЯ НАРОДОВ

А

Б

В

Г

Д

И

Й

Н

П

Р

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Я

II. ЛИЧНЫЕ ИМЕНА

А

В

Г

Д

К

Л

М

Н

С

Т

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Ю

Я

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Девятнадцатый и двадцатый века (1800—1937 гг.)

Редактор *А. А. Велижев*

Технический редактор *В. И. Полтев* Корректор *О. В. Малых*

*

Сдано в производство 13/I 1950 г. Подписано к печати 20/IV 1950 г. А-03249. Формат 60×92¹/₁₆. 21,8 бум. л.—печ. л. 43,6, в т/ч. 16 вкл. Уч.-издат. л. 46,4. Изд. № 11/105. Цена 33 руб. Зак. тип. № 34

*

16-я типография Союзполиграфпрома Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Трехпрудный пер., 9.